

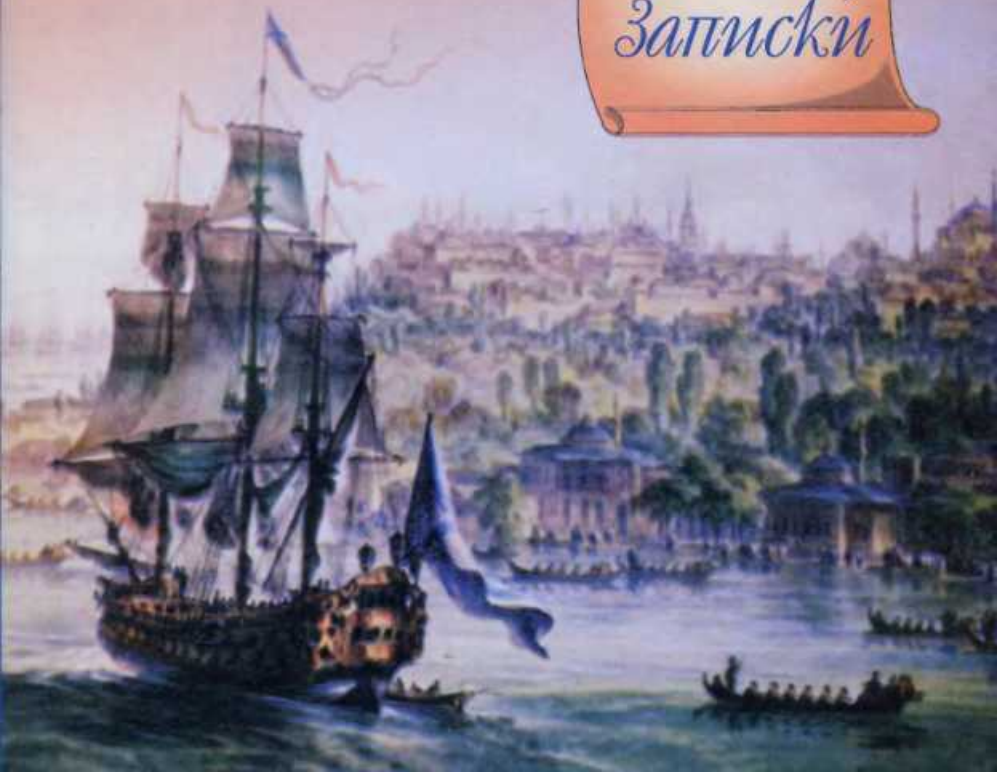
РЕДКАЯ КНИГА
РЕДКАЯ
КНИГА

РЕДКАЯ КНИГА
КНИГА • РЕДКАЯ
РЕДКАЯ КНИГА

АДМИРАЛ УШАКОВ

*Письма,
Записки*

Недуг части русской общест-
венности в XVIII—XIX веках —
доходившее до подобострастия
преклонение перед Западом —
сказался и на посмертной участи
Ушакова. Только в наши дни его
имя получило достойное всена-
родное признание... Его боевые
заслуги, его флотоводческое ис-
кусство, в котором он опередил
Нельсона, его заслуги перед Ро-
диной занимают одно из видней-
ших мест в военной истории на-
шего государства.

Е.В. Тарле

АДМИРАЛ УШАКОВ

*Письма,
Записки*

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2005

А 28

Адмирал Ушаков: письма, записки. — М.: Воениздат, 2004. — 463 с, ил. (Редкая книга).

ISBN 5—203—01944—4

Выдающийся русский флотоводец Ф.Ф. Ушаков (1745—1817) оставил богатейшее эпистолярное наследие. Его письма, распоряжения и записки не переиздавались более 50 лет и стали библиографической редкостью. Публикуемые документы воссоздают историю российского парусного флота, летопись его побед в Средиземном море в конце XVIII века, раскрывают личность прославленного адмирала, который в 2004 году Архиерейским собором Русской православной церкви был причислен к лику общецерковных святых подвижников.

Предлагаемый сборник документов представляет интерес не только для специалистов, но и для широкого круга любителей военной истории.

ББК 63.3 (0) 5

ISBN 5—203—01944—4

© Предисловие И.И. Бочарова, 2004

© Составление, оформление, Воениздат, 2004

ВСЯ ЖИЗНЬ — НЕУСТАННЫЙ ПОДВИГ

О флотоводце Федоре Федоровиче Ушакове написано немало биографических очерков и книг. Ему посвящались публикации и в периодических изданиях. Но это все *о нем*. А ведь архивы сохранили для потомков немало писем, записок, других документов, написанных и продиктованных самим флотоводцем. Они, я убежден, представляют несомненный интерес не только для специалистов, но и для широкого читателя. В 50-е годы XX века был выпущен трехтомник таких документов. Сегодня он стал библиографической редкостью. Как выяснилось, трехтомника нет даже в Центральной военно-морской библиотеке.

В предлагаемый сборник отобрана лишь небольшая часть эпистолярного наследия знаменитого русского флотоводца. Но эти документы охватывают те годы жизни, когда особенно ярко проявились природные дарования, незаурядные качества этого выдающегося военного и политического деятеля, неукротимый дух верного сына Отечества. Читая письма Ушакова, неизменно ощущаешь его глубочайшую преданность флотскому делу, которому он посвятил всю свою жизнь.

Публикуется и ряд его приказов, распоряжений. В них, хранящих приметы давно минувшего времени, также проглядывает ушаковская индивидуальность, неординарность его характера. Все это имеет и важное познавательное, и большое практическое значение для командного состава армии и флота.

Что нам известно о Ф.Ф. Ушакове? То, что он родился в деревне Бурнаково Романовского уезда Ярославской губернии в семье мелкопоместного дворянина. Никто из ближайших его родственников к морю никакого отношения не имел. А Федя с детства хотел стать моряком. Выросший на Волге, он хорошо плавал, быстрее всех мальчишек вязал плоты, дольше всех мог сидеть под водой с камышиной и греб без усталости.

Отец же мечтал отдать сына в преображенский полк. Но по скромности семейного достатка Федору Ушакову на гвардейский

мундир рассчитывать не приходилось. Да он о том и не тужил. К морю его тянуло, к службе военно-морской.

Снова и снова просил он деда Василия рассказать ему старинную историю о героическом российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королеве Ираклии ..

Мечта мальчика осуществилась. Он поступил в Морской кадетский шляхетный корпус. Учился старательно, вел себя примерно. По окончании образования получил звание мичмана и назначение на Балтийский флот. В 1768 году с началом войны с Турцией его откомандировали на вновь создаваемую Азовскую флотилию под начальство вице-адмирала А.Н. Сенявина. Энергичный и талантливый адмирал оказал большое влияние на воспитание у молодого офицера командирских и организаторских качеств.

Следует заметить, что к тому времени Юг становился одним из важнейших направлений экономической и военно-политической деятельности России. Ее стремление к выходу на просторы Черного моря было совершенно очевидным и диктовалось жизненно необходимыми потребностями государства.

Почти все царствование Петра I, как известно, прошло в упорной и победоносной борьбе за выход на Балтийское море. Прорубленное им «окно в Европу» позволило осуществить решительный рывок в развитии страны.

Вступившая на престол в 1762 году Екатерина II тоже стремилась вписать побольше ярких страниц в историю России, еще выше поднять ее международный престиж, а заодно укрепить и свой авторитет. Обстоятельства восшествия на трон жены Петра III были темные, обрастали в народе слухами о насильственной смерти императора. Остановить ненужные кривотолки могли только смелые и эффективные действия молодой императрицы во благо великой страны. Понимали это приближенные Екатерины, понимала и она сама, многое стараясь делать так, как должно было, по ее мнению, понравиться ее подданным. Защита национальных интересов русского народа получила широкое отражение и во внешней государственной политике, которую современники признавали блестящей стороной деятельности Екатерины II.

Неординарность ее личности не оставляет никаких сомнений. Она не родилась наследницей престола, но сумела стать императрицей и 34 года успешно управляла своенравным дворянством России. Позднее историки назовут годы ее царствования «золотым веком». Искусство управлять во многом объяснялось способностью Екатерины опираться на наиболее талантливые и прогрессивные силы страны. В военном деле, например, на таких великих сынов своего народа, как А.В. Суворов, Г.А. Потемкин, Ф.Ф. Ушаков. Федор Федорович подчеркивал в своих письмах,

что в потребных случаях он охотно посвятит жизнь свою на «заслугу Отечеству». А потребными для самоотверженной службы Отечеству оказались не отдельные случаи, а все годы практической деятельности на флоте.

Все настойчивее притягивали взоры российских купцов и промышленников, дипломатов и военных южные моря, предоставлявшие большие возможности для широкого развития экономических связей со странами Востока и Южной Европы. Но побережье Черного и Азовского морей было захвачено турками и находящимися в вассальной зависимости от них крымскими татарами.

Турция, имея поддержку со стороны Франции и Австрии, отказалась вести переговоры с Россией по урегулированию спорных вопросов. Более того, чтобы укрепить свое господство на северных берегах Черного моря, она начала военные действия против России. Для успешной борьбы с таким сильным противником нужен был полнокровный флот. Его и предстояло создать в кратчайшие сроки. На Дону и его притоках, где еще оставались старые петровские верфи, началось ускоренными темпами строительство судов, формирование флотилии. В дальнейшем она получила название Азовской.

Ушаков тем временем плавал на различных малых судах, охранявших устья Дона, участвовал в рейсе фрегата по Дону, был произведен в лейтенанты, командовал четырьмя транспортными судами, доставлявшими лес к Таганрогу для постройки кораблей. Русские сухопутные войска при содействии пока еще маломощной Азовской флотилии нанесли противнику ряд серьезных поражений. Появилась реальная надежда на большой успех. И он действительно пришел.

Последовали блестящие победы на дунайском фронте. Турецкая империя оказалась в критическом положении. Деморализованные войска занимались грабежом, с каждым днем проявляя все больше неповиновения. Высокая Порта (так русские дипломаты называли правительство Турции) была вынуждена обратиться к русскому правительству с предложением начать переговоры о перемирии.

По мирному договору, заключенному в местечке Кучук-Кайнарджи 10 июля 1774 года*, Турция отказалась от претензий в отношении Крыма и Кубани, вернула России Азов, отдала Керчь и Еникале, иначе говоря, все Азовское море, а также Кинбурн и все пространство между Днепром и Бугом; признала право свободного плавания российских торговых судов по Черному морю с пропуском их в Средиземное море и обратно, обязалась уплатить большую контрибуцию.

* Здесь и далее все даты даются по старому стилю (*примеч. ред.*).

В ходе закончившейся войны Ушаков прошел неплохую боевую школу, побывал на различных должностях, в том числе командовал яхтой императрицы. К сожалению, в письмах и других документах самого Федора Федоровича об этом довольно любопытном эпизоде его флотской службы ничего не говорится. Однако тот факт, что он пробыл в столь заметной должности всего лишь менее двух месяцев, позволяет сделать некоторые выводы. Впрочем, они сами собой вытекают из последующих суждений Ушакова. «Вашей светлости, — писал он позднее Г.А. Потемкину, — осмеливаюсь откровенно в предупреждении объясниться, что я отличную охоту имею и желаю всегда больше быть на море, нежели в гавани ..»

Федор чувствовал себя на этом нарядном судне, сверкающем медью и наполненном запахами духов и пудры, совершенно оторванным от флота. И хотя исполнял все обязанности с великим усердием, ощущал себя не у дел. Не могли не видеть такого несоответствия и другие. Характерна в данном случае одна фраза в романе Л. Раковского. Она наверняка придумана автором, но весьма и весьма близка к правде. Екатерина, побывав на яхте и познакомившись с новым «придворным флотоводцем», будто бы сказала высшему флотскому руководству: «Ушаков слишком хорош для императорской яхты. Ему командовать боевым, линейным кораблем».

Высочайшее повеление, к радости самого «виновника», вскорости было исполнено. Федор Федорович получил новые назначения. Между тем на Юге активно разворачивались как международные, так и внутренние события. Быстрыми темпами шло военное кораблестроение. Появлялись новые города. С окончательным присоединением Крыма к России в 1783 году было решено основать новую морскую базу на Черном море в Ахтиарской, теперешней Севастопольской бухте.

Преображение российского Юга было тесно связано с именем генерал-губернатора тех мест Григория Александровича Потемкина. Он пользовался безграничным доверием императрицы. Непосредственно ему был подчинен весь Черноморский флот с его адмиралтействами и портами на Черном и Азовском морях, на Дону и Днепре. Его энергичная и эффективная деятельность вселяла в людей веру и надежду.

Мудрый и искушенный в жизни человек, Григорий Александрович, конечно, понимал, что не обладает необходимыми знаниями и опытом в таком сложном деле, как управление военно-морскими силами, и потому подбирал способных и надежных помощников, старался не вмешиваться в детали их деятельности, не стеснял инициативы, которую умел ценить и поддерживать. И неудивительно, что значительная часть писем Ушакова обращена

именно к нему. В них Федор Федорович подробно рассказывает о событиях, о своих победах и потерях, если возникает необходимость, просит помощи.

Но это будет несколько позже. А пока понемногу осуществлялось его давнее желание перевестись на полюбившийся флот. Вновь и вновь он отлично проявляет себя в различных сферах деятельности, в том числе и в борьбе с чумой, которая тогда свирепствовала в Херсоне и его окрестностях. За это по ходатайству Адмиралтейств-коллегии получил незадолго перед тем учрежденный орден Владимира 4-й степени, письменную благодарность от коллегии, был произведен в капитаны 1 ранга. Имя Ушакова стало широко известно во флотских кругах.

В 1785 году он уже становится одним из организаторов в устройстве новосоздаваемого флота и обучения личного состава. По его требованию, выполнения которого он добивался неукоснительно, новичков сначала знакомили с корабельным уставом, со всеми основами корабельной службы. А потом уже шла кропотливая учеба, повседневная отработка практических навыков. Таким образом, создавалась достаточно строгая и планомерная система и методика обучения экипажей кораблей.

«Весьма важно, — писал в своих наставлениях Ушаков, — служителей обучить скорому и расторопному управлению парусов, подбирать и распускать оные, а особо брать рифы с крайней и всевозможной расторопностью, и притом необходимо надобна бережливость, чтобы паруса не драть... Господам командующим рекомендую в при обучении офицеров и служителей иметь собственный свой присмотр и каждому по долгу, кому об чем следует, давать наставление».

«Школа Ушакова» становилась понятием вполне определенным и имела широкую поддержку. Она позволяла морякам в короткие сроки приобрести расторопность, морскую сноровку, привыкнуть к напряженному корабельному ритму и должной дисциплине.

От офицеров, по его мнению, требовалась особая быстрота в оценке обстановки, в принятии решений и точность в действиях. От их знаний, практической подготовки и распоряжений зависела слаженность личного состава подразделений, а то и всего экипажа. А слаженность в выполнении команд и приказов на кораблях парусного флота имела исключительное значение.

Многое менялось и заново создавалось тогда на Юге, в том числе и на флоте. Весной 1787 года Екатерина II предприняла путешествие для обозрения Новороссии и Крыма. На Севастопольском рейде 22 мая был устроен смотр новорожденного флота, состоявшего из трех линейных кораблей, трех бомбардирских кораблей, 12 фрегатов, двух брандеров и 26 судов 2- и 3-мачтовых.

Императрица осталась очень довольна их состоянием и организацией флота в целом.

После смотра последовали награды, повышения в рангах. Г.А. Потемкин получил титул Таврического, капитан 1 ранга М.И. Войнович, непосредственно возглавлявший руководство флотом, был произведен в контр-адмиралы. Ушаков, лично представлявший Екатерине, получил чин капитана бригадного ранга.

То путешествие дало императрице возможность не только увидеть и по достоинству оценить плоды огромного труда Потемкина и его сподвижников, но и обсудить будущие шаги по более надежному утверждению России на побережье Черного моря. Только что созданная база флота — Севастополь — была названа ею «путем в Константинополь». Это совершенно определенно свидетельствовало о характере надвигающегося времени.

Правда, ни императрица, ни Потемкин войны не желали. Они пока находили ее преждевременной, хотя и понимали всю сложность и напряженность ситуации. Российскому послу в Константинополе предписывалось всеми мерами препятствовать инстинктам враждебных держав, по возможности отдалять разрыв. Порта тем не менее предъявила ряд жестких, явно неприемлемых требований, вплоть до возвращения ей Крыма. Получив отказ, она арестовала посла. Через несколько дней отряд турецких судов совершил нападение на российские корабли. Фактически началась необъявленная война между Россией и Турцией.

Ушаков реально оценивал обстановку, но предпринять меры, которые считал совершенно необходимыми в целом по флоту, не мог. Он командовал лишь авангардом Черноморской эскадры. А Войнович осторожничал и медлил. В результате очень скоро Днепровский лиман был блокирован, херсонские верфи, где достраивались несколько больших кораблей, разорены.

Александр Васильевич Суворов, назначенный с началом войны командующим сухопутными войсками в южных областях Новороссии, первым учел угрожающее положение и предотвратил покушение турок на Херсон. Севастопольская эскадра начала готовиться к боевым действиям. Потемкин настойчиво требовал, чтобы с началом навигации 1788 года корабли эскадры вышли из Севастополя на пути сообщения неприятеля и отвлекали его линейный флот от Лимана. Однако Войнович смог обеспечить выход кораблей лишь во второй половине июня. Вскоре они приступили к боевым действиям, в ходе которых Федор Федорович уже мог в значительной мере применить свои тактические приемы.

В этом отношении показателен бой, произошедший 3 июля у острова Фидониси. Турецкий флот под командованием Гасан-паши, получив сильное подкрепление, вышел на поиски Севастопольской эскадры. Превосходство турок во многих отношениях

было очевидным: 17 линейных кораблей, 8 фрегатов и 24 мелких судна против двух линейных кораблей, 10 фрегатов и 24 мелких судов. Вес турецкого залпа достигал 410 пудов, тогда как у русских — всего лишь 160 пудов. В условиях открытого моря такое преимущество казалось командованию неприятеля решающим и вселяло надежду и уверенность на легкую победу.

Трусливого Войновича несоизмеримость сил очень беспокоила. Но был еще Ушаков, который в боевых операциях теперь играл далеко не второстепенную роль. Его письма, рапорты не только воспроизводят картину того или иного конкретного боя, но и показывают самобытность характера этого человека, его решительность и инициативу, храбрость и бесстрашие. Не случайно в обиходе он нередко использовал знаменитое суворовское изречение: «Испуган — наполовину побежден». Боевая и морская выучка, готовность совершить подвиг, невзирая на любые преграды, — вот черты, которые Ушаков ценил и неустанно воспитывал у подчиненных. Он безгранично верил в своих подчиненных и потому смело шел на самые рискованные поступки.

Утром 3 июля флоты обнаружили друг друга и стали сближаться. Находившийся на ветре Гасан-паша, будучи уверенным в своем превосходстве, решил немедленно атаковать русскую эскадру, прежде всего ее авангард. Угадывалось его стремление расколоть силы русских и по частям разгромить их.

Допускать этого было нельзя. Ушаков решил пойти на хитрость. Он приказал передним фрегатам прибавить парусов и увеличить скорость, но вовсе не для ухода от сражения, а чтобы обойти голову турецкого флота и с обеих бортов действовать в два огня.

Гасан-паша разгадал маневр, тоже прибавил скорость и помешал Ушакову выполнить задуманное. Но неприятельская эскадра растянулась, корабли оказались далеко друг от друга и не могли оказать взаимной поддержки в нужный момент. Русская эскадра тем временем приблизилась к ним на расстояние залпа, и сражение разгорелось по всей линии. Отлично обученные командиры и экипажи, получившие приказание стрелять только прицельно, разряжали свои орудия с необычайным искусством. Недостаточность в численности компенсировалась мощью огня и его меткостью.

Энергичный натиск авангарда Ушакова сделал свое дело. Через полчаса передние корабли неприятеля, сильно поврежденные, повернули на другой галс и вышли из линии. Удачный залп в корму корабля самого Гасана, который держался наиболее стойко, окончательно решил исход боя.

В этом сражении со всей очевидностью проявился военноморской талант Федора Федоровича. Чтобы понять и по достоинству оценить оригинальность и новизну его тактических ре-

шений и приемов, следует заметить, что классический эскадренный бой по требованиям того времени сводился к артиллерийскому состязанию двух флотов, которые шли в кильватерных колоннах параллельно друг другу на строго определенном расстоянии. Все искусство флотоводцев сводилось к достижению двух целей — выигрышу ветра и распределению своих кораблей таким образом, чтобы каждому неприятельскому кораблю противостоял определенный корабль своей линии.

Морские сражения той эпохи в большинстве своем характеризовались монотонностью, вязкостью и слабым использованием любого маневра. Командиры, лишённые самостоятельности, творчества и инициативы, не имели права ни выйти в нужный момент из линии для решительного удара или охвата фронта противника, ни проявить свою сноровку в каком-либо ином тактическом приеме. Никакое прорезание строя для постановки неприятеля в два огня, ни сосредоточение сил против одного из них не признавались допустимыми.

Ушаков, по существу, взорвал устои старой школы. Он сосредоточивал главный удар на флагманских кораблях. Такая тактика имела успех особенно в боях с турками, которые проявляли похвальную стойкость только до тех пор, пока держались их адмиралы. Российские командиры, кроме того, получили свободу действий с учетом конкретной обстановки и общих интересов флота. Понятно, что это повышало ответственность каждого в поиске наиболее эффективных форм и средств ведения боя, которые бы обеспечили общий положительный результат.

К сожалению, первая же крупная победа Ушакова, которая лишила турецкий флот неоспоримого владычества на море, принесла будущему знаменитому флотоводцу немало огорчений. Весь успех боя при Фидониси принадлежал только ему. Но завистливый Войнович, официально командовавший флотом, приписал его исключительно себе. Он извратил в донесении сущность сражения, не пожелал представить к наградам указанных Федором Федоровичем командиров и других офицеров. Был обойден в представлении и сам Ушаков.

В сборнике публикуется письмо Ушакова Потемкину, в котором он подробно излагает обстоятельства дела. В нем подчеркивается, что «безо всякой притчины безвинно обруган, и приписано со всем несправедливыми и несходными поведению и делам моим словами всякое поношение чести, и тем причинил наичувствительнейшее оскорбление, и в болезни моей сразил жестоким ударом».

Этот инцидент заставил главнокомандующего внимательнее отнестись к поведению Войновича и более пристально присмотреться к деятельности Ушакова. Человек, далекий от тонкостей

военно-морской специфики, Григорий Александрович тем не менее сразу обнаружил в новаторстве Федора Федоровича обнадеживающие перспективы. Весьма любопытны суждения на сей счет, которые Потемкин высказывает в письме тому же Войновичу.

В деле с неприятелем, писал он, особенно с турками, много помогает искусство: не всегда сражениями побеждают неприятеля и часто благоразумные распоряжения сделают ему больше вреда, нежели храброе нападение. Наблюдать движение его, изыскивать благоприятное время к поражению и пользоваться оным к нанесению чувствительного ему удара. Сие можно сделать без риска. Что же касается до представления о трудности атаковать неприятеля соединенно, то мудрено ожидать, чтобы оный стал делиться, не быв к тому принужден.

Нет сомнения, что тут от начала и до конца видится уже опробованный опыт Ушакова. Его и назначил Потемкин зимой 1789 года начальником Севастопольской эскадры, что соответствовало общему желанию флотской общественности. А убедившись окончательно в неспособности Войновича квалифицированно управлять флотом, в марте следующего года он приказал ему сдать Ушакову и эту должность.

Получен широчайший простор для инициативы и самостоятельности. Письма, записки, распоряжения этого периода, как, впрочем, и многие другие, свидетельствуют о всесторонней заботе Ушакова по совершенствованию сил флота, подбору командиров, уже зарекомендовавших себя умелыми руководителями, упорядочению боевой подготовки. Даже персональные обращения несли в себе не просто полезные наставления, а элементы столь необходимого каждому опыта.

«...Исполняйте, — писал он одному из командиров, — по вашему благоразумию, по важности обстоятельств и соображайте, что как полезнее». «Вам напоминаю, — обращался чуть позже к другому офицеру, — покажите такой вид, чтобы неприятель считал вас в великом числе, и так наводите ему страх, чтобы он из отдаленных укреплений бежал бы внутрь крепости».

Пожалуй, одной из основных форм методики обучения подчиненных, если судить по документам, Ушаков считал глубокий и обстоятельный анализ допущенных ошибок и просчетов. Причем обращался к каждому персонально. Скажем, неправильное управление кораблем со стороны капитана 2 ранга И.С. Поскочина послужило поводом для остановки всей эскадры. Ушаков тщательнейшим образом разбирает все, что привело к такой непростительной оплошности. Здесь много специальных терминов, понятий. Но ведь без них в данном случае не обойтись. А далее пишет: «Крайне я всем оным недоволен и таковое неудовольствие вам объявляю, и если что-либо неприятное чрез сие последует, я отнесу оное к вашей неисправности».

Авторитет Ушакова на флоте становится все более значительным. Сказывались и его блестящие природные дарования, и глубокий аналитический ум, а также цельность, прямота натуры, честность. Влияние такого человека на окружающих не могло быть поверхностным, сиюминутным. Ему доверяли в большом и малом. Он дорожил этим доверием и в определенных ситуациях не только сам мог прощать подчиненным ошибки, но и испрашивать таковое прощение в высоких инстанциях.

Капитан-лейтенант С. Бырдин однажды по нерасторопности посадил корабль на мель. Такая оплошность влекла за собой суровое наказание. Ушаков обратился с письмом к В.С. Попову, правителю военно-походной канцелярии Г.А. Потемкина: «Сделай милость, батюшка Василий Степанович, испроси для меня ему милость его светлости и прощение в его проступке, без которой, находясь он ныне под судом, конечно, останется несчастлив, он под командою хороший офицер и мне здесь надобен».

Письма, записки, другие документы Федора Федоровича нельзя рассматривать в отрыве от событий на Черноморском театре и в целом от международной обстановки. А она на рубеже последнего десятилетия XVIII века заметно осложнилась. Австрия вышла из союза с Россией и заключила мир с Портой. Война со Швецией отвлекла большую часть сил России на север. Турция, находя в том благоприятные для себя условия, лелеяла надежду на возвращение Крыма. С этой целью предпринимались необходимые меры, разрабатывались рассчитанные на успех планы.

Потемкин и Ушаков, обсудив ситуацию, решили прежде всего взять Анапу, которая являлась промежуточной базой неприятельских экспедиций. В походе участвовали самые мощные и быстроходные корабли. Были осмотрены все прибрежные пункты, уничтожены во множестве крейсерские и коммерческие суда противника с тем, чтобы осложнить перевозку войск и навести панику. Адмирал подверг бомбардировке Синоп, Самсунь и, не встретив боевых турецких кораблей, направился к Анапе и успешно ее обстрелял.

Своеобразный рейд по тылам противника длился всего двадцать дней. Он оказал большое влияние на укрепление боевого духа севастопольских моряков. 50 судов под руководством энергичного адмирала три недели господствовали в неприятельских водах, смело ища встречи с противником. Это был первый поход флота, хорошо подготовленный и образцово выполненный. Донесения о нем, посланные Ушаковым разным адресатам, полны оптимизма, уверенности в будущих более крупных победах.

Ждать долго не пришлось. Не было сомнений, что турецкое руководство постарается защитить свои интересы на просторах Черного моря. Так оно и случилось. Уже в конце июня 1790 года

флот Турции появился у кавказских берегов. Потемкин распорядился следить за его передвижениями и искать удобного случая для решительной атаки. Встреча произошла 8 июля.

Около полудня оба флота, держась на расстоянии действительного огня, шли параллельными курсами, уводящими от Керченского пролива. Турки первыми предприняли атаку на русский авангард, но его командующий бригадир Г.К. Голенкин искусно отразил ее и своим огнем привел турецкие суда в большое замешательство.

С обеих сторон в бой вступили остальные корабли. Сократив до минимума расстояние до противника, плотнее сомкнувшиеся русские суда по сигналу Ушакова начали необычайно сильный обстрел, засыпая неприятеля картечью. Превосходство нашей отлично организованной артиллерии вскоре проявилось со всей очевидностью. Сосредоточенный, прицельный огонь рвал паруса и снасти, обломки реев и мачт валялись на палубы.

Ушаков с ближайшими кораблями, выйдя из линии, сосредоточил мощный удар по турецкому флагману, угрожая абордажем. Не выдержав стремительного натиска, неприятельские суда стали спускаться под ветер, и вскоре бегство сделалось всеобщим. Капудан-паша пытался остановить их, но напрасно.

Тем не менее через некоторое время он в значительно усиленном составе снова появился в море и стал крейсировать между Аккерманом и Тендрой. Именно при Тендре состоялся бой, который принес Ушакову особенно широкую известность. Общие потери неприятеля превышали две тысячи человек. Наши, благодаря Богу, писал Потемкин, такого перца задали туркам, что любо. Спасибо Федору Федоровичу.

А Екатерина II по этому поводу записала в сентябре 1790 года: «Сегодня — воскресенье. Я приказала отслужить молебен при звуках залпов из 101 пушки, а за моим столом на 288 приборов мы пили здоровье победоносного Черноморского флота и его контр-адмирала Ушакова. Он получит за третье сражение в течение этого лета Св. Георгия второй степени, и это будет первый в чине генерал-майора, награжденный Георгием этой степени; кроме того я ему дам землю. Вот как награждают у нас тех, которые хорошо служат государству...»

Под командованием Ушакова было еще немало значительных сражений, славных побед. Но в письмах и донесениях о них нет чрезмерного восторга и самовосхваления. Сдержанный, спокойный стиль, неторопливое внимание к подробностям свидетельствуют не только о личной скромности автора, но и о его глубоком понимании, что безудержное и долгое ликование по поводу достигнутого успеха чревато нежелательными последствиями. Рас-

слабляется воля, притупляется чувство опасности. Для моряков это чрезвычайно опасно.

Исключительно требовательный к себе, Федор Федорович строго следил за корабельным бытом, организацией службы, проявлял постоянное беспокойство о готовности экипажей кораблей к выполнению тех повелений, которые в любое время могут последовать. Вот он с тревогой сообщает по команде о недостатке на флоте корабельных канатов и якорей, «ибо по прибытии моем в Херсон оказалось, что имеющиеся здесь в прошедшее время нового заготовления якоря пробованы были и оказались ко употреблению неблагонадежны...».

В других случаях Федор Федорович проявляет всемерное старание по своевременной доставке корабельного леса и оружия, оборудования и ремонту судов, береговому строительству. Но предмет его особой и непрерывной заботы — сбережение и обеспечение личного состава всем необходимым. Он выдает распоряжение конторе Севастопольского порта об улучшении содержания больных в госпиталях, обращается в Севастопольский городской магистрат с требованием прекратить продажу недоброкачественного мяса, добивается от соответствующих служб содействия в снабжении экипажей нужными медикаментами, выделении дополнительных средств на расходы, вызванные усилением желудочных заболеваний, высказывает Потемкину соображения о повышении норм питания матросов на зимний период.

Позже, уже в годы царствования Александра I, будучи практически отстраненным от активного участия в жизни и деятельности флота, он продолжал пристально вникать в бытовые нужды подчиненных. Известны его докладные записки на имя морского министра, в которых он предлагал разные меры для облегчения жизни «наряженных на работу казенных людей», в частности настоятельно рекомендовал покупку в Галерной гавани частных домов, чтобы устроить в них казенные квартиры для офицеров гренового флота, живших тогда по всему городу.

По окончании четырехлетней войны с Турцией Ушаков приложил много сил и стараний на обустройство Севастополя. Раньше вплотную заняться этим наиважнейшим для развития флота делом не позволяли боевые походы. Теперь же под его непосредственным руководством шло оборудование порта, верфей, доков, набережной, строились новые административные и жилые здания, дороги.

Осенью 1792 года Ушакова вызвали в Петербург. Екатерина пожелала увидеть героя, так прославившего на море ее царствование. Она встретила в нем, пишет один из его биографов Р. Скаловский, человека прямодушного, скромного, мало знакомого с требованиями светской жизни. «Строгий адмирал, созданный для моря, вполне носил на себе отпечаток этого призвания и далеко

не мог выражаться столь же метко и красноречиво, как заставлять говорить орудия на батареях своих кораблей».

Да, за минувшие годы (как, впрочем, и за последующие) Федор Федорович так и не овладел светскими манерами, из-за чего, на мой взгляд, имел немало осложнений, в том числе в отношениях с начальниками. Адмирал не мог терпеть чванства, унижения человеческого достоинства, оскорблений. А они, как ни печально, в высших кругах считались не только приемлемым, но и вполне нормальным явлением.

В 1791 году ушел из жизни Г.А. Потемкин, который понимал и высоко ценил Ушакова. Председательствующим Черноморского адмиралтейского правления был назначен ранее уволенный со службы Н.С. Мордвинов. Его разногласия с Федором Федоровичем по служебным вопросам с каждым днем обострялись. Однажды он позволил себе в присутствии командиров кораблей сделать командующему флотом несколько замечаний в самой резкой форме. Ушаков, по природе вспыльчивый, соблюдая субординацию, все же удержался от возражений. Однако сразу же написал Мордвинову письмо, в котором указал, что от подобных действий страдает служба, дисциплина и доверие подчиненных к начальнику.

К сожалению, ни личные послания, ни объяснения через других лиц не снимали разногласия и взаимную неприязнь, а, возможно, еще более их усиливали. В своих письмах Федор Федорович вновь и вновь возвращается к этим своим душевным ранам. В 1798 году он пишет в Адмиралтейств-коллегию, что «господин адмирал и кавалер Николай Семенович Мордвинов при сем моем отправлении с эскадрою в обиду назвал меня, будучи в его доме, при капитане над портом Пустошкине малым ребенком и несколько раз повторил, что якобы все меня почитают таковым».

Наверное, и впрямь непосредственность, открытость, чистота помыслов, присущие Ушакову, кому-то давали повод считать его малым ребенком. Но иным он быть не мог, приспособливаться и лгать не желал. «Противу чести моей ни все сокровища в свете меня не обольстят, — писал он В.С. Томаре, — и я их не желаю и не ищу...»

Следует заметить, что с течением времени помимо Мордвинова Ушаков нажил себе достаточно недоброжелателей. Они завидовали его служебным успехам, растущей популярности в стране и за ее пределами, а потому старались всячески навредить адмиралу, правда большей частью безуспешно. Ушаков был слишком крупной фигурой, нужным человеком для России и императорского двора — не так-то просто было «затереть» его и отстранить от флота. К тому же международная обстановка потребовала выполнения сложных военно-политических задач, которые были по плечу только одному вице-адмиралу Ушакову. Вскоре Павел I поручает Федору Федоровичу возглавить поход военно-морской эскадры в Средиземное море.

К тому времени буржуазная Франция начала захватнические войны в Европе и Африке. Генерал Бонапарт, будущий император Наполеон, нанес тяжелое поражение Австрии, завоевал Северную Италию, бывшую под властью австрийцев, Ионические острова и ряд крепостей в Албании, на западном побережье Балканского полуострова. В 1798 году французские войска высадились в Египте. Эта агрессия ослабляла политическое влияние России на Балканском полуострове. Турция, не имея достаточных сил для эффективного сопротивления, обратилась за помощью к России. Между ними было подписано военное соглашение. Недавние противники стали союзниками.

13 августа 1798 года русская эскадра вышла из Севастополя. Личный состав по подбору и подготовке был наилучший, но корабли находились в весьма плачевном состоянии. Несколькими днями раньше Ушаков сообщал доверенному лицу императора адмиралу Г.Г. Кушелеву, что «корабли и фрегаты в прошлую войну строились с великой поспешностью... и от поспешного построения не таковы крепки .. а частью и многие гнилости уже в членах показываются».

23 августа русская эскадра обменялась салютами с босфорскими укреплениями и встала на якорь близ Константинополя. Население города и сам султан Селим III восторженно встретили русских моряков. При съезде адмирала Ушакова на берег ему салютовали с корабля капудан-паши. Султан пожаловал Федору Федоровичу золотую табакерку, богато украшенную алмазами, а матросам приказал раздать две тысячи турецких червонцев.

По предложению султана Ушаков осматрел турецкую, отныне союзную, эскадру. Причем, как свидетельствуют письма, осматривал не только с точки зрения готовности к предстоящим походам и баталиям, но и с позиций достижений мирового корабельного строительства. «Все корабли и фрегаты, — писал Ушаков Павлу I, — обшиты медью и нынешнее состояние их нахожу хотя и не совсем совершенно против европейских флотов, но против прежнего несравненно лучше, а частью и в настоящем порядке».

20 сентября русско-турецкий флот под командованием Ушакова вышел в море. Ему предстояло освободить Ионические острова, препятствовать французам усиливать свои гарнизоны на албанском берегу и по мере возможности оказывать поддержку английской эскадре под командованием адмирала Нельсона, блокировавшей берега Египта.

Первые раскаты ушаковских орудий, прозвучавшие у острова Цериги, ознаменовали собой начало войн России с Францией, которые через ряд сражений привели в 1814 году русские войска на улицы Парижа.

Всего лишь шесть недель понадобилось Ушакову, чтобы освободить четыре острова: Цериги, Занте, Кефалония и Св. Мавра. Его донесения и об этих сражениях подробны и доказательны. Та-

ков стиль адмирала. Читающий должен получить возможность представить всю картину боя, его напряженность и стремительность. При этом на первый план Ушаков выдвигает наиболее храбрых воинов, заслуживших своей самоотверженностью его признание и похвалу.

«Осмелюсь всеподданнейше донести вашему императорскому величеству, — писал он Павлу I, — командующий российским десантом флота капитан-лейтенант и кавалер Шостак рачительной расторопностью, искусством и рвением при неустрашимой храбрости исполнил все поручаемое мною по моим приказаниям весьма удачно и исправно, и крепости взяты безо всякой потери людей с нашей стороны...»

Тут и оценка разумных и удачных действий подчиненного, и нескрываемое чувство гордости, которое всякий раз испытывал адмирал за славных сынов отечества, сумевших в жестоком бою одолеть противника. Особенно радовало его признание силы и мощи русского флота со стороны иностранцев. Несколько раньше Федор Федорович написал: «Из острова Св. Мавры также получил я известие, что жители одного острова в городе подняли российский флаг и с нетерпеливостью ожидают прибытия нашей эскадры, дабы вместе со оною истребить французов».

Наиболее крепким орешком в этой экспедиции был остров Корфу с его знаменитой крепостью. Расположенный на путях интенсивного сообщения западного мира с Востоком, этот остров с древнейших времен привлекал к себе внимание.

В стенах крепости французы сосредоточили до 650 орудий с боеприпасами, 3 тысячи солдат, запасы продовольствия на полгода. С моря Корфу защищал остров Видо с фортом и крепостью, имевшей 800 человек гарнизона, и остров Лазаретто, на котором были установлены артиллерийские батареи. Под стенами Корфу стояли на якоре французские корабли.

Прямо скажем, оборона по тому времени достаточно убедительная и надежная. Но и союзный флот располагал немалой мощью. А главное — командовал им человек, обладавший незаурядным талантом военачальника, способного повести людей на любые сражения и одержать победу.

Надо заметить, что русская армия и русский флот в особенности всегда отличались высокой степенью организованности и дисциплины, которые достигались большей частью жестокостью начальников к подчиненным.

Федор Федорович, конечно же, был человеком своего времени. Как и его предшественники, он использовал достаточно суровые меры для наведения порядка. Об этой свидетельствуют его письма, распоряжения, приказы и другие документы. В то же время он был одним из немногих, кто стал понимать, что глумление человека над человеком безнравственно. Позднее последователи передовой мысли русского офицерства, в частности декабристы,

полностью откажутся от телесных наказаний солдат, чем заслужат уважение и любовь своих подчиненных. Но это будет позднее. Пока же Ушакову острое чутье и природная мудрость подсказывают, что в рамках существующих законов и правил нужно относиться к подчиненным более гуманно. Даже в его приказах, касающихся вопросов поведения моряков, дисциплины, преобладают меры убеждения.

Непременное уважение человеческого достоинства и обязательное почитание офицерской чести Ушаков сочетает с требованием неукоснительного выполнения своих приказов, что диктуется не его личными амбициями, а неумолимыми законами флотской жизни.

Опытный, беспредельно влюбленный в море, познавший все тонкости флотской службы, Ушаков в обучении и воспитании подчиненных использовал не только положительные, но и отрицательные примеры. В этом видится его удивительная способность быть настоящим наставником.

Бесценный организаторский дар Ушакова, его умение поддерживать в подчиненных боевой дух способствовали достижению крупных успехов. Один из них — победа русского флота при Корфу.

В конце января 1799 года, собрав все силы союзной эскадры, Ушаков решил атаковать Корфу с моря. Это было новшеством в борьбе с морскими крепостями, которые обычно брались только с суши после длительной осады. Общий штурм, назначенный на 18 февраля, адмирал решил начать с острова Видо, о котором он сказал: «Вот ключ Корфы».

Утром намеченного дня Ушаков дал сигнал открыть огонь двух батарей по крепостным укреплениям французов, а десанту атаковать внешние укрепления. Одновременно эскадра начала обстрел северной и восточной сторон Видо. Обрушив всю силу огня корабельной артиллерии по батареям и береговым укреплениям острова, союзники за два часа окончательно подавили их. Не прекращая огня, Ушаков приказал высадить десант во всех удобных местах. В 14 часов остатки гарнизона острова — 422 человека во главе с генералом Пивроном — сдались в плен.

Взяв Видо, Ушаков все силы бросил на овладение островом Корфу. После полуторачасового штурма были взяты наружные укрепления старой крепости. Видя безнадежное положение гарнизона, главный комиссар Директории Дюбуа и комендант крепости Шабо на следующий день прислали к Ушакову парламента с предложением о сдаче крепости. 20 февраля был подписан акт о капитуляции. В донесениях адмирала сказано, что в плен было взято 2931 человек, захвачено 698 пушек разного калибра, линейный корабль, фрегат, бомбардирский корабль и десять мелких судов, большое количество боеприпасов и продовольствия.

Русские моряки в этих боях в очередной раз проявили самые лучшие свои качества. «Прилежнейшие наши служители, — писал

Федор Федорович, — от ревности и рвения своего желая угождать мне и оказать деятельность свою и храбрость, на батареях в работу и во всех бдительностях в дождь, в мокроту и в слякоть, обмаранные в грязи, все терпеливо сносили и с великой ревностью старались обо всем рачительно и все переносили». И еще он писал: «Корфу взята нами, так сказать, великой отважностью и последними способами, каких другие употреблять не осмеливаются...»

Победу эту, к великому сожалению, в высших кругах встретили холодно и равнодушно. Ушаков искренне недоумевал и переживал по поводу такого отношения к подвигам русских моряков.

«За всем моим старанием и столь многими неусыпными трудами и рачением из Санкт-Петербурга не замечаю соответствия, — делился он своей душевной болью в письме к русскому послу в Константинополе. — Я душою и всем моим состоянием предан службе, не только о собственном каком-либо интересе, но и о себе ничего не думаю, кроме одной пользе государевой. Зависть, может быть, какая против меня действует. За Корфу я и слова благоприятного никакого не получил...»

В январе 1799 года Ушаков получил копию «с союзного оборонительного трактата высочайшего двора с Портою Оттоманскою». На основании этого «трактата» Ушаков должен был действовать в союзе с английским флотом в Средиземном море. Весной с повеления государя эскадра направилась к южным берегам Италии, на севере которой развернул победоносное наступление русских войск генералиссимус А.В. Суворов. Александр Васильевич поручил Ушакову очистить от французов Римскую область и Неаполитанское королевство. Морской десант, высаженный в мае на восточном побережье Италии, был горячо встречен местным населением. Пройдя через Апеннинский полуостров, отряд в начале июля взял Неаполь.

В период средиземноморской экспедиции во всем блеске проявился и дипломатический талант Федора Федоровича, который имел несомненный политический такт и проводил твердую политику, опирающуюся на русские традиции. Огромной мудрости и выдержки требовали от него, например, отношения с временным союзником и одновременно явным противником турецким правителем Янинского округа в Нижней Албании Али-пашой. В переписке, которая велась между ними довольно активно, Ушаков вежливо именовал его «высокородным и превосходительным пашой». Тот же уверял его во взаимном уважении и дружбе, хотя во многом всячески мешал адмиралу и ни на минуту не оставлял надежд воспользоваться победами как минимум поровну, а в чем-то даже обойти русских.

Чтобы вызвать у адмирала еще большее доверие, он пообещал прислать ему в помощь при осаде Корфу своего сына с шестью или семью тысячами войска. Ушаков, желая получить такого знатного заложника, писал в ответ: «Сына вашего, ежели изволи-

те ко мне прислать, я буду беречь его, как собственного моего сына и друга, и тем докажу вам мое почтение...» Одновременно, не сомневаясь в двойной игре паши, так характеризовал его в письме русскому посланнику в Константинополе В.С. Томаре: «Человек хитрый и безмерно обманчивый .. заметно из его поступков — он держит и держать будет ту сторону, которая сильнее».

Этой слабостью конкурента Федор Федорович пользовался при всяком удобном случае, являя ему свое великодушие. Однажды послал даже золотую табакерку, осыпанную бриллиантами. Но как только Корфу был взят, адмирал заговорил с ним более решительно и смело, пригрозил даже послать военный корабль к берегам Албании, чем сразу же смирил строптивого вассала Турции.

По письмам видно, как внимательно Ушаков следил и шепетильно реагировал на все тонкости в отношениях иностранцев к русским морякам, пытался разгадать их тайные и явные замыслы. В одном из писем к тому же Томаре он размышлял: «Требование английских начальников морскими силами в напрасные развлечения нашей эскадры я почитаю — не иное что, как они малую дружбу к нам показывают, желают нас от всех настоящих дел отщепить и, просто сказать, заставить ловить мух, а чтобы они вместо того вступили на те места, от которых нас отделить стараются. Корфу всегда была им приятна; себя она к ней прочили, а нас под разными и напрасными видами без нужд хотели отдалить или разделением нас привести в несостояние...»

После взятия Корфу зависть их к нам еще умножится, потому и должно предоставить все деятельность мне производить самому по открывающимся случаям и надобностям».

В письмах подробно рассказывается об устройстве правлений на освобожденных территориях, в частности в Ионической республике. И тут Федор Федорович показал настоящую дипломатическую прозорливость. Он сумел, с одной стороны, оградить интересы местного населения, с другой — не нарушить интересов Турции и не затронуть самолюбия шепетильного султанского правительства. Отдавая должное Ушакову и в этом вопросе, следует особо подчеркнуть, что принимать решения и добиваться их реализации ему приходилось большей частью самостоятельно. Ведь распоряжения, другие документы русского правительства доходили до него в лучшем случае через два месяца. И конечно же, наделенный благородством, он, вступив в мир политики, ежедневно рисковал собой.

Близилась к завершению средиземноморская экспедиция. Получив распоряжение оказать помощь англичанам в освобождении острова Мальта, Ушаков принял на корабли две тысячи гренадер, посланных Суворовым, и отправился в Сицилию с намерением дальнейшей переброски войск на Мальту. Во время перехода был получен другой приказ: прекратить боевые действия и возвращаться в свои черноморские базы. 26 октября 1800 года Федор Федо-

рович привел эскадру в родной Севастополь, оставленный им более двух лет назад.

Ушакову после этого героического похода недолго пришлось оставаться командующим Черноморским флотом. Наступило царствование Александра I — самая мрачная пора в истории русского флота. Необходимость его совершенствования не только ставилась под сомнение, но и отрицалась вовсе. Морским учреждениям, и в частности Морскому корпусу, стремились придать сухопутный характер. Ревностным исполнителям воли государя, таким, как Мордвинов, Аракчеев и другие, на командных должностях нужны были иные люди, чем строптивый и независимый адмирал Ушаков. Брала верх и давние интриги бездарных адмиралов и всякого рода авантюристов. Зависть, сопровождавшая Федора Федоровича долгие годы, в общем-то понятна. Не имевший никакого отношения к придворным кругам, человек из российской глубинки, он достиг таких высот в службе и такого авторитета, какие большинству его недоброжелателей могли привидеться разве что в счастливом сне. Подобное не проходило бесследно.

Ушакову пеняли на то, что он не дворянин, и ему пришлось документально доказывать свое дворянское происхождение. Но с карьерой было покончено. Его перевели в Петербург и назначили главным командиром Балтийского гребного флота и начальником флотских команд. Такое оскорбительное отношение к заслугам тяготило прославленного флотоводца. Понимая, что он больше не нужен русскому флоту, Ушаков подает в отставку. Его прошения по этому поводу немногословны, но полны душевной боли. В январе 1807 года Ушаков был уволен в отставку с ношением мундира и пенсией в размере половинного жалованья. Он покидает Петербург и поселяется в деревне Алексеевка неподалеку от Санактарского монастыря на Тамбовщине (ныне Мордовия). Там с не меньшей силой проявились его незаурядные душевные качества, милосердие и благотворительность.

Он жил в полной гармонии со всем, что его окружало, со своим мироощущением и, казалось, торопился отдать людям все свои богатства, что были получены им за безупречную службу, блестяще одержанные победы во славу Отечества. Характерно в этой связи письмо Федора Федоровича обер-прокурору Синода в апреле 1813 года, в котором на обращение императрицы Елизаветы Алексеевны он писал: «Я давно имел желание все сии деньги без изъятия раздать бедным, нищей братии, не имущим пропитания...» И отдавал все, что имел, всем, кто обращался за помощью. Из-за них у него сжималось сердце.

Сам же отставной адмирал жил скромно, много молился, поминал усопших родных и близких, соратников по службе на флоте, желал здоровья и благополучия живущим. Быть таким и посту-

пать именно так, а не иначе — это был его личный выбор. Он ни у кого не спрашивал совета, разве только у Бога. Все делал по велению совести и строгому соответствию долголетнему опыту верно-го служения Родине.

Иеромонах Нафанаил в письме архиепископу Тамбовскому Афанасию вспоминал: «Оный адмирал Ушаков... и знаменитый благотворитель Санаксарской обители по прибытии своем из С.-Петербурга около восьми лет вел жизнь уединенную в собственном своем доме, в своей деревне Алексеевке, расстояние от монастыря через лес версты три .. по воскресеньям и праздничным дням приезжал для богомоления в монастырь, ... ав Великий пост живал в монастыре в келье... Препровождал остатки дней своих крайне воздержанно и окончил жизнь свою, как следует истинному христианину и верному сыну святой церкви».

Непритязательный быт и самоотверженная деятельность Федора Федоровича Ушакова на всем жизненном пути, беззаветное выполнение сыновнего долга перед Родиной, флотом и людьми были овеяны духовной праведностью и всеохватной святостью. Такое суждение долгие годы разделяли многие. Постепенно оно приобрело общественный характер. А в 2000 году после длительного и детального рассмотрения документов и других свидетельств, связанных с именем великого сына нашего народа, каноническая комиссия Русской православной церкви причислила адмирала Ф.Ф. Ушакова к лику праведных местночтимых святых. Это признание стало одним из значимых событий в российском православии и в истории российского флота на рубеже XX и XXI веков.

В августе 2001 года в Санаксарском монастыре, где молился и погребен непобедимый флотоводец и святой праведник, прошла торжественная литургия, по свидетельству участников, грандиозная по своим масштабам, красочная, возвышенная и радостная. Несколько позже частицы мощей святого адмирала были вручены Балтийскому флоту, тогда же в Балтийске состоялась крестный ход и открытие памятника выдающемуся флотоводцу. В 2003 году воздвигнут памятный мемориал Ушакову на острове Корфу (Керкира).

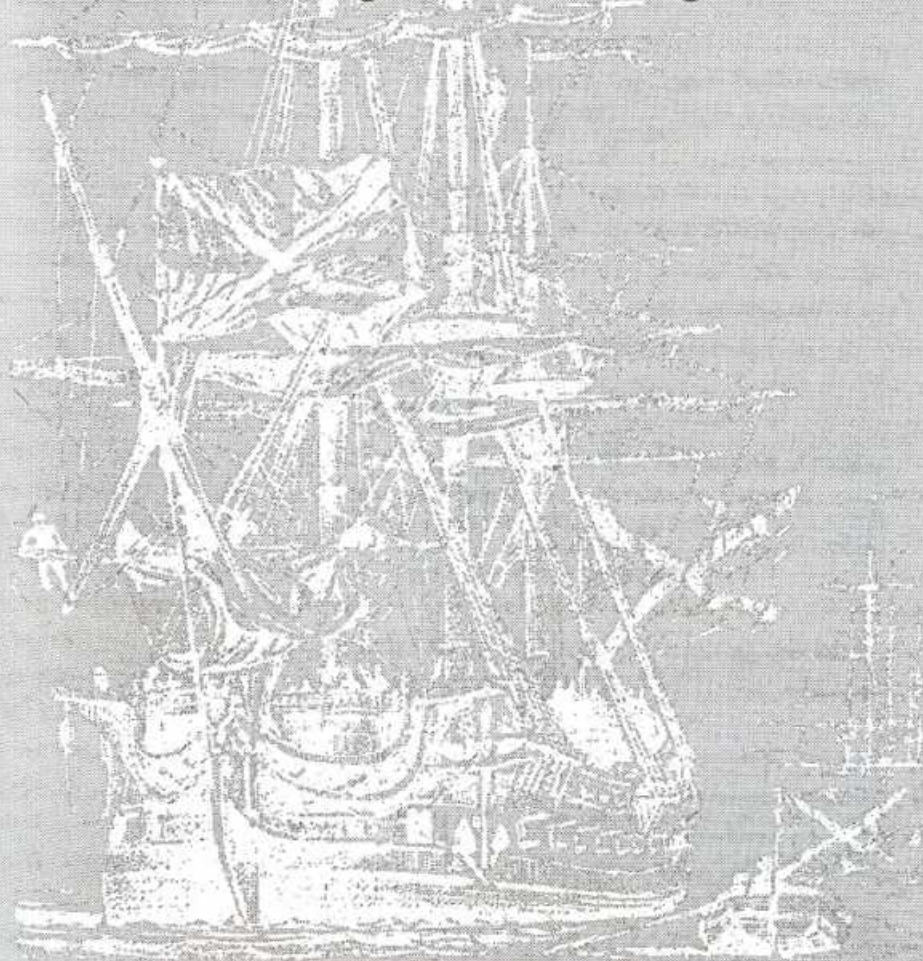
Имя прославленного адмирала, замечательного русского патриота, святого чудотворца в памяти нашего народа, особенно военных моряков, живет и будет жить вечно. Его не только помнят, но и свято чтут. Канонизация великого флотоводца — одно из убедительных тому подтверждений.

И.И. Бочаров, капитан 1 ранга в отставке

*Важнейшие даты жизни
и деятельности адмирала*

Ф.Ф. Ушакова

1745 ~ 1817

**ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Ф.Ф. УШАКОВА***

1745 год

- 13 (24) февраля* — Родился в селце Бурнаково Романовского уезда Ярославской губернии в семье мелкопоместного дворянина**.

1761 год

- 15 февраля* — Поступил в Морской шляхетный кадетский корпус.

1763 год

- 12 февраля* — Произведен в гардемарины.

1764 год

На корабле «Евстафий» под командой флота капитана С.А. Мартынова плавал от Кронштадта до острова Гогланд.

На корабле «Наталия» под командой флота капитана В.Ф. Лупандина плавал от Ревеля до Кронштадта.

10 апреля

- Произведен в капраны.

* При составлении настоящей хроники использованы: Формулярный список Ф.Ф. Ушакова (1788 г.), труд Р. Скаловского «Жизнь адмирала Ф.Ф. Ушакова», документы, публикуемые в настоящем сборнике, а также в периодической печати.

** Долгое время в справочниках и энциклопедиях приводились противоречивые сведения о месте и дате рождения Ф.Ф. Ушакова. Изыскания Г. Шторна, А. Фирсова, В. Овчинникова, В. Ганичева и других исследователей позволили установить точные данные на основании записи в «Книге Ростовской епархии Романовского уезду Здвиженского стану Богоявленского островского монастыря белого попа Дмитрия Иванова...», хранящейся в Ростовском филиале Государственного архива Ярославской области — ф. 197, оп. 1, д. 781, л. 14 (*примеч. составителя*).

1765 год

На фрегате «Ульрика» совершил практическое плавание от Кронштадта до острова Гогланд и обратно.

1766 год

5 мая

- Окончил Морской шляхетный корпус четвертым по списку, произведен в мичманы.

На пинке «Наргин» под командой флота капитан-лейтенанта П.И. Глотова совершил плавание из Кронштадта вокруг Скандинавии до Архангельска.

1767 год

На пинке «Наргин» под командой флота капитан-лейтенанта П.И. Глотова вернулся из Архангельска вокруг Скандинавии в Кронштадт.

1768 год

На корабле «Три Иерарха»^{*} под командой капитана 1 ранга С.К. Грейга находился в практическом плавании по Финскому заливу от Кронштадта до острова Гогланд.

23 декабря

- Откомандирован на Дон под команду контр-адмирала А.Н. Сенявина для службы в Азовской флотилии.

1769 год

На праме № 5 под командой капитан-лейтенанта И.С. Апраксина плавал по реке Дон.

В составе эскадры капитана 1 ранга П.И. Пушина плавал на том же праме против устьев Дона от Новопавловска до села Мамон.

30 июля

- Произведен в лейтенанты.

1770 год

Командуя прамом № 5, плавал от села Мамон вверх по реке Дон до Новопавловска.

^{*} В других источниках этот корабль называется «Трех Иерархов» (примеч. ред.).

На праме «Дефоб» под командой флота капитан-лейтенанта Шмакова занимал позицию у устья реки Кутюрма, прикрывая устье от турок.

1771 год

Командуя четырьмя транспортными судами, доставлял лес рекой Дон в Таганрогский порт для постройки фрегата «Первый».

На фрегате «Первый» под командой флота капитан-лейтенанта Кузьмищева в составе эскадры капитана А.Л. Тишевского участвовал в проводке фрегата от Новохоперской крепости реками Хопер и Дон до Азовского моря.

1772 год

Руководил спасением припасов и материалов с затонувших на реке Дон транспортов и подъемом этих транспортов, за что получил благодарность.

Вместе с фрегатом «Первый», командуя палубным ботом «Курьер», плавал от Таганрога до Кафы (Феодосия) и далее до Балаклавской бухты.

Командуя палубным ботом «Курьер», занимал брандвахтенный пост у Керчи.

1773 год

Командуя палубным ботом «Курьер», плавал из Кафы (Феодосия) Азовским морем до Таганрогского порта.

Сентябрь

— Назначен командиром «новоизобретенного»^{*} 16-пушечного корабля «Морея».

Назначен командиром «новоизобретенного» 16-пушечного корабля «Модон», на котором совершил переход из Балаклавы в Таганрогский порт.

^{*} «Новоизобретенные» корабли не походили ни на один из существующих классов кораблей. Приближаясь к типу малого фрегата, они в то же время были рассчитаны на минимальную осадку в 8—9 футов, что давало им возможность после их готовности на донских верфях пройти через мелководный бар реки Дон в Азовское море, для которого они предназначались.

1774 год

Командуя кораблем «Модон», в составе эскадры крейсировал в Черном море у берегов Крыма, заходил в Керчь и через Азовское море в Таганрогский порт.

Командуя кораблем «Модон», находился в Балаклавской гавани на случай защиты крепости от ожидавшегося турецкого десанта.

1775 год

Переведен из Азовской флотилии в Санкт-Петербургскую корабельную команду.

20 августа

- Произведен в капитан-лейтенанты.

1776 год

Назначен на фрегат «Северный Орел» для участия в Архипелагской экспедиции в Средиземное море по проводке через проливы в Черное море трех фрегатов под торговыми флагами.

15 июня — 12 сентября

- На фрегате «Северный Орел» под командой капитана 2 ранга Т.Г. Козлянинова совершил переход из Кронштадта в Средиземное море по маршруту: Копенгаген — Английский канал — Атлантический океан — Гибралтарский пролив — порт Магон-Ливорно.

12 сентября

- По прибытии в Ливорно назначен командиром фрегата «Св. Павел».

Командуя фрегатом «Св. Павел», совершил переход Средиземным морем из Ливорно в Мессину и далее в порт Мандра на остров Лонго в Архипелаге.

1777 год

14 января

- Командуя фрегатом «Св. Павел», совершил переход от острова Лонго через Архипелаг, Дарданеллы, Мраморное море в Константинополь.

Октябрь

- После девятимесячного пребывания в Константинополе ввиду отказа турецкого правительства пропустить фрегаты в Черное море, командуя тем же фрегатом, возвратился в Ливорно.

1778 год

Командуя фрегатом «Св. Павел», плавал между Ливорно и Гибралтаром.

1779 год

- 24 мая* — Командуя фрегатом «Св. Павел», возвратился из Средиземного моря в Кронштадт.
- Командуя фрегатом «Св. Павел», был послан к шведским шхерам «для осмотра стоявших там судов».
- Май* — Назначен командиром корабля «Георгий Победоносец».
- Командирован в Санкт-Петербургскую корабельную команду.
- Декабрь* — По поручению Адмиралтейств-коллегии командирован в Рыбинск и Тверь для доставки в Санкт-Петербург корабельного леса.

1780 год

- Август — 15 сентября* — Командовал придворными яхтами на реке Нева до половины сентября, после чего был откомандирован в Кронштадт.
- Сентябрь* — Назначен командиром 64-пушечного корабля «Виктор».

1781 год

- Март* — Командуя кораблем «Виктор», в составе эскадры контр-адмирала Я.Ф. Сухотина, назначенной для защиты нейтральной торговли в соответствии с условиями «вооруженного нейтралитета», совершил переход из Кронштадта в Средиземное море.
- Май—август* — В составе эскадры контр-адмирала Сухотина, командуя кораблем «Виктор», плавал в Средиземном море.

1782 год

- 1 января* — Произведен в капитаны 2 ранга.
- Командуя кораблем «Виктор», вернулся из Средиземного моря в Кронштадт.
- Июль* — Назначен командиром на вновь построенный фрегат «Проворный».
- 2 августа—11 сентября* — Плавал в Балтийском море от Кронштадта до Ревеля, производя ходовые

испытания фрегата «Проворный», обшитого белым металлом, и фрегата «Св. Марк», обшитого медью.

1783 год

Июнь

- Переведен в Черноморский флот с назначением командиром строившегося в Херсоне корабля № 4. В Херсоне принимал деятельное участие по борьбе с чумой, за что получил благодарность.

1784 год

1 января

3 мая

- Произведен в капитаны I ранга.
- Получил благодарность Адмиралтейств-коллегии за успешные действия по борьбе с чумой. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени за успешную деятельность по борьбе с чумой в Херсоне. Назначен командиром вновь построенного линейного корабля «Св. Павел».

1785 год

Май—август

- Командуя линейным кораблем «Св. Павел», руководил его проводкой по Днепру от Херсона до Глубокой пристани, где были осуществлены постановка мачт, вооружение такелажем и парусами и установка артиллерии. Подготовив корабль к плаванию, совершил переход Днепровским лиманом и Кинбурну и далее Черным морем в Севастополь.

В составе корабельной эскадры вместе с экипажем корабля участвовал в строительстве Севастопольского порта (пристаней, складов, жилых помещений и пр.).

1786 год

Командуя кораблем «Св. Павел», находился в составе Севастопольской корабельной эскадры под командой капитана I ранга М. Войновича.

1787 год

16 мая

10 июля — 2 августа

- Произведен в капитаны бригадирского ранга.
- Командуя кораблем «Св. Павел» и одновременно 3-й эскадрой корабельного флота, находился в практической плавании в Черном море от Севастополя до Феодосии.

3—12 августа

— Соединившись в море с остальным флотом под командой контр-адмирала М. Войновича, продолжал плавание у берегов Крыма.

31 августа — 21 сентября

— Командуя в начале войны с Турцией авангардом в составе Черноморского корабельного флота под командой контр-адмирала М. Войновича, на корабле «Св. Павел» вышел из Севастополя к румелийским берегам для поиска турецкого флота. При подходе к Варне у мыса Калиакрия флот был застигнут жестоким штормом, продолжавшимся пять дней, во время которого корабль «Св. Павел», потеряв две мачты, был отнесен к берегам Абхазии. Ведя неустанную борьбу за спасение сильно поврежденного корабля, Ушаков привел корабль в Севастополь.

Ноябрь 1787 г. — февраль 1788 г.

— Ввиду болезни бригадира П. Александро, назначенного начальником Лиманской корабельной эскадры, был командирован в Херсон для принятия этой эскадры. Пробыв здесь до марта, без ведома Потемкина отправлен контр-адмиралом Н. Мордвиновым в Севастополь к месту службы, за что Мордвинов получил выговор от Потемкина, считавшего нужным поручить Ушакову руководство боевыми действиями на Лимане.

1788 год

Март—июнь

— Продолжая командовать кораблем «Св. Павел» и авангардом флота, находился в Севастополе.

18 июня — 8 июля

— Командуя тем же кораблем и авангардом, вышел в составе флота из Севастополя к румелийским берегам для поиска турецкого флота.

3 июля

— В сражении с турецким флотом у острова Фидониси блестящими действиями своего авангарда расстроил замыслы турецкого командования и нанес поражение противнику, вынудив его к поспешному выходу из боя.

- Август* — За отличное руководство в сражении у острова Фидониси награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.
- 24—26 августа* — Командуя кораблем «Св. Павел» и авангардом флота под командой контр-адмирала М. Войновича, выходил в море для прикрытия берегов Крыма ввиду появления перед Севастополем турецкого флота.
- 22 октября* — За храбрость и мужество в сражении у острова Фидониси награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.
- 2—19 ноября* — Командуя тем же кораблем и авангардом, в составе флота под командой контр-адмирала М. Войновича выходил в крейсерство у румелийских берегов в районе между Дунаем и мысом Калиакрия.

1789 год

- 14 апреля* — Произведен в контр-адмиралы и поднял свой флаг на линейном корабле «Св. Павел».
- Апрель* — Ввиду назначения контр-адмирала М. Войновича старшим членом Черноморского адмиралтейского правления в Херсоне и командующим всеми морскими силами Черного моря Ушаков вступил в командование корабельным флотом, базирующимся в Севастополе.
- 27 июля* — В связи с подготовкой турками десанта для высадки на побережье Крыма просил разрешения Потемкина выйти с флотом из Севастополя к берегам Анатолии для поиска турецкого флота у Синопа, Самсуна, а затем Анапы.
- 20—28 сентября* — Получив приказание Потемкина выйти в море к Тендре и Гаджибею, отвлек стоявший здесь турецкий флот от эскадры М. Войновича, которую турки хотели запереть в лимане. 22 сентября турецкий флот, опасаясь оказаться между двумя эскадрами, вынужден был покинуть позицию у Гаджибея и отойти в море. Увлекая турецкий флот за собой, Ушаков тем самым дал возможность эскадре М. Войновича выйти из Очакова в море и пройти в Севастополь, куда 28 сентября с флотом вернулся и Ушаков.
- 8 октября—4 ноября* — Имея флаг на корабле «Св. Павел» и командуя авангардом в составе соединен-

ного корабельного флота под командой М. Войновича, участвовал в поиске турецкого флота у румелийских берегов от Дуная до мыса Калиакрия.

1790 год

Январь—март

- Вызванный Потемкиным в Яссы, принимал участие в обсуждении плана предстоящей кампании на море и подготовки к ней флота.

14 марта

- Назначен командующим Черноморским корабельным флотом.

Начало апреля

- Посетил на обратном пути из Ясс Херсон в целях разрешения с Черноморским адмиралтейским правлением вопросов о снабжении флота в предстоящей кампании продовольствием, боеприпасами и ремонтными материалами, прибыл в Севастополь и вступил в командование флотом.

16 мая — 5 июня

- Командуя эскадрой в составе трех линейных кораблей, четырех фрегатов, репетичного судна и 11 крейсерских (корсарских) судов и имея флаг на линейном корабле «Александр Невский», произвел поиск у берегов Анатолии (Синоп, Самсун) и Кавказа (Анапа), где бомбардировал береговые укрепления, уничтожил девять и захватил восемь торговых судов с различными грузами.

2—12 июля

- Ввиду появления турецкого флота у крымских берегов с флотом в составе десяти линейных кораблей, шести фрегатов, репетичного судна, 15 крейсерских судов и двух брандеров, имея флаг на линейном корабле «Рождество Христово», вышел в море по направлению к Керченскому проливу для поиска турецких судов и прикрытия Крымских берегов от высадки турецкого десанта.

8 июля

- Находясь с флотом у мыса Таклы в Керченском проливе, обнаружил идущий со стороны Анапы турецкий флот, вступил с ним в бой и нанес ему поражение, принудив к бегству.

16 июля

- За одержанную в Керченском проливе победу получил письменную благодарность Потемкина: «Отдая полное уважение победе, одержанной вами над флотом

- неприятельским... приписую оную благо-
разумию вашего превосходительства и не-
устрашимой храбрости вверенных вам
сил. Примите через сие... засвидетельст-
вование моего удовольствия и признате-
льности и объявите оные всем подчинен-
ным вашим».
- 29 июля — За победу в Керченском проливе на-
гражден орденом Св. Владимира 2-й сте-
пени.
- 25 августа — Получив сообщение о нахождении ту-
рецкого флота между Тендрой и Гаджибе-
ем, вышел с флотом в море.
- 28—29 августа — Имея флаг на линейном корабле «Рож-
дество Христово», обнаружил турецкий
флот между Тендрой и Гаджибеем, атако-
вал и в двухдневном сражении разгромил
его. Были уничтожены два линейных ко-
рабля и несколько мелких судов, взяты в
бою линейный корабль и три мелких суд-
на, захвачен в плен адмирал Саит-бей.
- 4 сентября — Орденом Потемкина Черноморскому
адмиралтейскому правлению объявлено,
что «знаменитая победа... черноморскими
силами под предводительством контр-ад-
мирала Ушакова в 29-й день минувшего
августа над флотом турецким, который
совершенно разбит... служит к особой
честь и славе флота Черноморского. Да
впишется сие достопамятное происше-
ствие в журналы Черноморского адмирал-
тейского правления ко всегдашнему вос-
поминанию храбрых флота Черноморс-
кого подвигов».
- 16 сентября — За победу у Тендры награжден орде-
ном Св. Георгия 2-й степени.
- 15 октября — Имея флаг на линейном корабле «Рож-
дество Христово», вышел с флотом в со-
ставе 14 кораблей, четырех фрегатов, ре-
петичного судна, 14 крейсерских судов и
одного брандера к Аккерману для при-
крытия перехода гребной флотилии из
Лимана в Дунай.
- 22 октября — Подойдя к устью Дуная и заняв пози-
цию перед Сулинским и Килийским гир-
лами, прикрывал до 10 ноября подступы к
ним для противодействия возможному
проникновению турецких судов в реку с
целью помешать действиям гребной фло-

тилии против дунайских крепостей (Килия, Исакча, Тульча, Измаил).

14 ноября

- Возвратился от устья Дуная в Севастополь.

1791 год

11 января

- Назначен старшим членом Черноморского адмиралтейского правления.

10—18 июля

- Ввиду появления у крымских берегов турецкого флота, имея флаг на линейном корабле «Рождество Христово», с флотом в составе 16 линейных кораблей, трех фрегатов, двух бомбардирских кораблей, репетичного судна, брандера и 17 крейсерских судов вышел в море. 12 июля флот встретился с турецким флотом, который уклонялся от боя и после четырех суток маневрирования оторвался и ушел в свои базы.

29 июля

- Имея флаг на линейном корабле «Рождество Христово», с флотом в том же составе вышел в море к румелийским берегам для поисков турецкого флота.

31 июля

- Обнаружив турецкий флот, стоявший на якоре у мыса Калиакрия, атаковал его и в четырехчасовом сражении нанес ему поражение, заставив искать спасения в беспорядочном бегстве. Разгром турецкого флота вынудил султана спешно заключить перемирие.

14 октября

- За победу при Калиакрии награжден орденом Св. Александра Невского.

1792 год

Январь—ноябрь

- Продолжая командовать корабельным флотом, руководил строительством Севастопольского порта (мастерских, складов, казарм и госпиталей).

Ноябрь

- По вызову Екатерины II отправился в Петербург, где пробыл до весны 1793 года.

1793 год

Вернувшись из Петербурга, продолжал командовать Черноморским корабельным флотом.

2 сентября

- Произведен в вице-адмиралы.

1794 год

- 11 июля — 7 сентября* — Имея флаг на линейном корабле «Рождество Христово», с эскадрой в составе пяти кораблей, десяти фрегатов, репетичного судна и трех крейсерских судов находился в практическом плавании между Севастополем и Гаджибеем.

1795 год

- Июль* — С частью Черноморского корабельного флота* находился в практическом плавании между Севастополем и Одессой.

1796 год

- Март—июнь* — Получив приказ привести Черноморский флот в боевую готовность на случай возможного нападения со стороны французского флота, руководил ремонтом и подготовкой корабельного флота к кампании.

- 15 июля — конец августа* — Имея флаг на линейном корабле «Богоявление Господне», с эскадрой в составе четырех кораблей, пяти фрегатов и репетичного корабля находился в практическом плавании между Севастополем и Одессой.

1797 год

- 1 июня — 3 августа* — Имея флаг на линейном корабле «Св. Павел», командовал практической эскадрой Черноморского флота и плавал у берегов Крыма и между Севастополем и Одессой.

Во время этого плавания производил испытания мореходных и маневренных качеств линейных кораблей новой конструкции «Захарий и Елизавета» и «№ 1».

1798 год

- 5 мая — 4 августа* — Имея флаг на корабле «Св. Павел» и командуя эскадрой в составе семи линейных кораблей, четырех фрегатов и четырех легких судов, трижды выходил в крейсерство между Крымом и Одессой для прикрытия берегов от покушений французского флота в случае его появления в Черном море.

* Состав не установлен.

- 13 августа* — Получив приказ Павла I от 25 июля отправиться с эскадрой из Севастополя к Босфору на соединение с турецким флотом для совместных действий против французов в Средиземном море, вышел из Севастополя в Константинополь, имея флаг на линейном корабле «Св. Павел», с эскадрой в составе шести линейных кораблей, семи фрегатов и трех легких судов, с десантом около 1700 человек.
- 24 августа — 8 сентября* — Находясь с эскадрой в Константинополе, участвовал в разработке соглашения с турецким правительством о совместных действиях русского и турецкого флотов по освобождению Ионических островов от французов.
- 25 августа* — Обсуждая вопрос о содействии русского флота Турции в борьбе с Францией, добился от турецкого правительства издания декларации о свободном пропуске Турцией русских военных и транспортных судов через проливы в Средиземное море и обратно.
- 8 сентября* — Выйдя с эскадрой из Константинополя, 9 сентября в Дарданеллах соединился с поступившей под его командование турецкой эскадрой адмирала Кадыр-бея в составе четырех линейных кораблей, шести фрегатов, четырех корветов и 14 канонерских лодок.
- 14 сентября* — Командуя соединенным русско-турецким флотом, отправил к острову Родос и берегам Египта в помощь английскому флоту, блокировавшему побережье у Александрии, отряд капитана 2 ранга А.А. Сорокина в составе двух русских и двух турецких фрегатов и десяти турецких канонерских лодок.
- 20 сентября* — Командуя соединенным русско-турецким флотом, вышел из пролива Дарданеллы для действий по освобождению Ионических островов от французов.
- 24 сентября* — Отправил для действий против острова Цериги отряд капитан-лейтенанта Шостака в составе двух фрегатов и посыльного судна. 28 сентября отряд Шостака овладел островом и 1 октября вынудил французский гарнизон крепости Капсала капитулировать.

- 13—14 октября — Выделенный Ушаковым отряд капитан-лейтенанта Шостака для действий против острова Занте овладел этим островом, заставив угрозой штурма французский гарнизон сдаться.
- 14—17 октября — Отправленный Ушаковым из состава флота под командой капитана 2 ранга Поскочина отряд в составе трех фрегатов и посыльного судна овладел островом Кафалония, взяв в плен его гарнизон.
- 18 октября — 3 ноября — Выделенный Ушаковым из состава флота под командой капитана 1 ранга Д.Н. Сенявина отряд в составе двух линейных кораблей и двух фрегатов овладел 2 ноября островом Св. Мавры, вынудив французский гарнизон крепости сдаться.
- Конец октября — февраль — Командуя соединенным русско-турецким флотом, организовал тесную блокаду острова и крепости Корфу.
- 28 ноября — Награжден за взятие острова Цериго бриллиантовыми знаками к имевшемуся у него ордену Св. Александра Невского.
- 21 декабря — За взятие острова Занте награжден орденом Св. Иоанна Иерусалимского.

1799 год

- 18 февраля — Подготовив атаку острова Видо, являвшегося ключом к крепости Корфу, мощной бомбардировкой его укреплений с моря и последовавшей затем высадкой отрядов десанта овладел островом. Одновременно выделенные части при поддержке флота штурмом овладели передовыми укреплениями самой крепости Корфу.
- 20 февраля — Захватив остров Видо и передовые укрепления крепости Корфу, заставил командование последней капитулировать. Взятые в плен: на острове Видо генерал, 421 офицер и солдат и захвачено около 40 пушек, в крепости Корфу — четыре генерала, 2927 офицеров и солдат и 336 пушек, мортир и гаубиц и большое количество оружия, боеприпасов и провианта, а также 16 судов, в том числе линейный корабль и фрегат.
- Март—июнь — С освобождением от французов Ионических островов организовал там самоуправление, сформировав органы власти из представителей всех классов.

- Март* — Награжден турецким султаном за взятие острова Корфу и освобождение Ионических островов бриллиантовым членгом (пером) на шляпу, собольей шубой и 1000 червонцев.
- 25 марта* — За взятие крепости и острова Корфу произведен в адмиралы.
- 15 апреля — 3 июня* — Выделил из состава флота отряд капитана 2 ранга Сорокина в составе трех фрегатов, четырех корветов и четырех канонерских лодок для освобождения от французов Адриатического побережья Южной Италии. В течение двух недель отряд освободил от противника итальянские приморские города Бриндизи, Мола, Бари и Манфредония. Высаженный здесь десантный отряд капитан-лейтенанта Белли, овладев городом Фоджа, пересек Апеннинский полуостров и 3 июня взял штурмом Неаполь.
- Май* — Основал в Корфу морской госпиталь для личного состава флота.
- 1 мая — 20 июня* — Выделил из состава флота эскадру контр-адмирала Пустошкина в составе трех линейных кораблей, четырех фрегатов, корвета и нескольких легких судов для действий против занятых французами крепостей и городов Анкона, Сенигаллия и Фано. Отряд успешно блокировал Анкону и овладел городами Фано и Сенигаллия.
- 26 июня — 2 ноября* — Возобновил действия против крепости Анконы, отправив сюда отряд капитана 2 ранга Н. Войновича. Блокировав крепость с моря, Войнович выделил десантный отряд для совместных действий с итальянскими и австрийскими войсками.
- 25 июля — 3 августа* — Командуя соединенным русско-турецким флотом (имея флаг на линейном корабле «Св. Павел»), совершил переход из Корфу в Мессину для оказания помощи английской эскадре вице-адмирала Нельсона в ее действиях против Мальты и французского флота.
- 19 августа* — Выделил из состава флота, находившегося в Мессине, отряд капитана 2 ранга Сорокина в составе трех фрегатов и легкого судна, направив этот отряд в Неаполь для содействия десантному отряду капитан-лейтенанта Белли.

21 августа

- По просьбе главнокомандующего русско-австрийской армией генерал-фельдмаршала А.В. Суворова выделил из состава флота для блокады Генуи и содействия осаждавшим ее австрийским войскам отряд вице-адмирала Пустошкина в составе двух линейных кораблей и двух легких судов.

4—8 сентября

- Соединившись 22 августа в Палермо с прибывшей из Северного моря эскадрой вице-адмирала Карцева и дав согласие на уход турецкой эскадры на родину, совершил переход из этого порта в Неаполь. Отсюда отправил десант для занятия Рима (16 сентября русские войска совместно с неаполитанскими заняли Рим).

Октябрь

- Обратился к неаполитанскому правительству с настоятельным предложением прекратить террор против республиканцев и объявить общую амнистию, считая эту меру наиболее надежной для восстановления спокойствия и избежания гражданской войны.

Ноябрь

- Настоял на расследовании предательского поведения австрийского генерала Фрелиха, заключившего путем секретных переговоров с французами соглашение о капитуляции Анконы без участия русского командования.

21 декабря

- Фрелих был смещен и отдан под суд. Имея флаг на линейном корабле «Св. Павел», с флотом перешел из Неаполя в Мессину, где получил приказ Павла I о возвращении в Черное море.

1800 год

7 января

- Прибыл с эскадрой в составе семи линейных кораблей, фрегата и репетичного судна к острову Корфу, намеченному для сбора всех отрядов эскадры и подготовки к возвращению в Россию.

Февраль—июль

- В знак признательности за освобождение островов и учреждение гражданского самоуправления Республики Семи Островов получил от их жителей почетные подношения: от острова Корфу — золотой меч, осыпанный алмазами, от острова Занте — золотой меч и серебряный щит, от островов Кефалония и Итака — золотые медали с благодарственными адресами.

- 6 июля — Имея флаг на линейном корабле «Св. Павел», с эскадрой в составе девяти линейных кораблей, фрегата и четырех легких судов вышел из Корфу в Константинополь.
- 14 сентября — За освобождение неаполитанских областей Королевства обеих Сицилий награжден королем Фердинандом IV орденом Св. Януария 1-й степени.
- 26 октября — Сделав переход из Корфу Эгейским морем через проливы в Константинополь, вернулся с эскадрой в Севастополь.

1801 год

Находился в Севастополе, составляя исторический, материальный и финансовый отчеты об Ионической кампании.

1802 год

- 21 мая — Переведен в Балтийский флот с назначением главным командиром гребного флота.

1804 год

- 27 сентября — Назначен начальником флотских команд, находившихся в Петербурге, с оставлением в должности главного командира Балтийского гребного флота.

1806 год

- 19 декабря — Убедившись, что на занимаемом им посту он фактически отстранен от активного участия в судьбах флота, приходящего от засилия иностранцев в морском ведомстве в упадок, подал в отставку, ссылаясь на «телесную и душевную болезнь».

1807 год

- 17 января — Уволен в отставку с мундиром и пенсией в размере полного оклада содержания. В связи с увольнением в отставку получил от Адмиралтейств-коллегии грамоту с перечислением всех его боевых и служебных заслуг.

1809 год

Поселился в своей деревне в Темниковском уезде Тамбовской губернии.

1812 год

В начале Отечественной войны 1812 года был единогласно избран дворянством Тамбовской губернии начальником создававшегося народного ополчения, но по состоянию здоровья и ввиду преклонного возраста просил заменить себя более подходящим кандидатом.

1817 год

Конец сентября

— Скончался в своем имении в возрасте около 73 лет.

2 октября

— Погребен в Санаксарском монастыре Темниковского уезда Тамбовской губернии.

2000 год

Канонической комиссией Русской православной церкви адмирал Ушаков причислен к лику праведных местночтимых святых.

2004 год

Октябрь

— Архиерейским собором Русской православной церкви адмирал Ушаков причислен к лику общецерковных святых подвижников.

Во главе авангарда эскадры

Военно-морская
деятельность
Ф.Ф. Ушакова
в первый период участия
Черноморского флота
в Русско-турецкой войне
(1787—1791),
сражение у острова
Федониси
●
1788—1789 годы

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА М.И. ВОЙНОВИЧУ
О ДЕЙСТВИЯХ ЕГО АВАНГАРДНОЙ ЭСКАДРЫ В СРАЖЕНИИ
С ТУРЕЦКИМ ФЛОТОМ У ОСТРОВА ФИДОНИСИ*

5 июля 1788 года

Сего июля 3 дня во время генеральной нашего с неприятельским флотом баталии, ввиду вашего превосходительства происходило какое, передовой вверенной мне эскадрой употреблено старание и искусство в воспрепятствовании капитан-паше с передовыми с ним кораблями обойти и окружить с ветра оную эскадру на другую сторону. Также соизволили видеть неустрашимое и храброе сражение вверенного мне корабля и двух передовых фрегатов «Берислав» и «Стрела» с сильной передовой частью неприятельского флота. Корабль «Святой Павел» сделал отменную и весьма действительную помощь помянутым фрегатам, сбив с немалым повреждением капитан-пашинский корабль.

Тож особо один за другим сбил из своих мест сначала поставленных капитан-пашою против трех его кораблей, из коих один большой осьмидесятный, потом сбил же из места пришедшего в помощь им из передовых кораблей одного, причиня всем оным немалое повреждение, фрегат, спустившийся с ветра, один потопил напоследок. Имел сражение с подошедшими к нему на дистанцию из середины и задней части флота вице-адмиральским и контр-адмиральскими кораблями, которых также от себя храбро отразил и принудил уступить место. В числе поврежденных им кораблей у одного сбита фок-мачта, так что, наклонясь, едва она на такелаже держится. У другого тож сбита фор-стенга, которая на такелаже ж только сдержалась. Третий уповательно за великою течью в самой скорости подо всеми парусами ушел к стороне Аккермана. Помянутые ж два фрегата «Берислав» и «Стрела» отразили от себя сначала из передовых одного корабля, а после оног

* Здесь и далее документы приводятся по трехтомному изданию «Адмирал Ушаков» (М., 1951—1956). Текст документов печатается по современной орфографии с сохранением их синтаксических и стилистических особенностей (*примеч. ред.*).

долгое время имели весьма храброе и неустрашимое сражение с капитан-пашинским кораблем, который, как уже означено, с помощью корабля «Святой Павел» сбит со своего места с немалым повреждением. Фрегат «Кинбурн» также имел действительное и храброе сражение с проходящими от середины линией мимо его кораблями и, как в поданном от командующего оным флота господина капитана второго ранга Кумани рапорте значит, бросанием от него брандсугелей проходящий мимо его вице-адмиральский корабль двоекратно загорался, но в скорости был потушен. Во время ж происшествия оной баталией на вверенном мне корабле «Святой Павел» весьма повреждена фор-стенъга и бегинь-рея, перебито несколько вант и прочего такелажа, во многих местах расстреляны паруса, в корпусе корабля пробоин сделано весьма мало, убитых нет, тяжело ранен матрос один, легкими ранами — два Севастопольского пехотного полку, мушкетер — один.

На фрегате «Берислав» повреждены ядрами фок-мачта и грот-стенъга, прострелены во многих местах паруса, перебито несколько вант и много такелажа. В корпусе фрегата большим каменным ядром пробило против форштевня борт и весьма разбита первая с носу под палубою бимса и духовая у кюйт-каморы труба, и еще сделано малое число пробоин большими ж ядрами. Раненый матрос один. На фрегате «Стрела» весьма повреждена бизань-мачта, расстреляны во многих местах паруса и перебито немалое число такелажа, в корпусе фрегата сделано немалое число пушечных пробоин. Убитых и раненых нет. На фрегате «Кинбурн» прострелены малым числом паруса и немного перебито такелажа, в корпусе фрегата важных повреждений нет. Ранен Севастопольского пехотного полка мушкетер один.

При оном весьма с превосходным неприятелем сражении оказали отличную неустрашимую храбрость и мужество определенные от меня на корабле в делах к командованию оными флота капитан-лейтенанты: в нижнем — Федор Шишмарев, в верхнем — Иван Лавров. Заслуживает таковую ж справедливую похвалу за отличное в деле искусство и храбрость морской артиллерии унтер-лейтенант Петр Копытов. Оные старанием и примером храброго мужества и искусства, ободряя и поощряя служителей во все время сражения, артиллерией производили такое отменное искусное действие, что весьма малое число ядер проходило мимо корпуса неприятельских кораблей. Особливо господин унтер-лейтенант Копытов, наведя сам передовую часть пушек против капитан-пашинского корабля, который от моего корабля был весьма близок, действием оных оказал весьма отменное искусство. Вся сия аккуратность смотрением строго мною была наблюдаема и весьма очевидна и явствена отражением с повреждениями толиких превосходных неприятельских кораблей. Посему справедли-

* Вытяжная труба (примеч. составителя).

вый долг нахожу по узаконению ордена Святого великомученика и победоносца Георгия оных господ флота капитан-лейтенантов Шишмарева и Лаврова, тож артиллерии унтер-лейтенанта Копытова рекомендовать к награждению монаршей милости достойными. Также и все находящиеся в команде вверенного мне корабля «Святой Павел» господа обер-офицеры и нижних чинов служители каждый по своему званию определенные от меня им должности исправляли с таким отменным старанием и храбрым духом, что за необходимый долг почитаю отнесть им всякую за то достойную похвалу. А как я во время боя, имея непреложное желание и надежду исправностью господ офицеров и служителей остаться победителями, в ободрение к вящему еще поощрению служителей словами моими обещал им всевозможное старание в случае совершённой победы исходатайствовать награждение монаршей милости, то и прошу покорнейше вашего превосходительства обо всем оном удостоить вашим старанием. При сем же во время бою явственно мною замечено отлично искусное, ревностное и храброе сражение и действие против неприятеля помянутых двух передовых фрегатов — «Берислав» и «Стрела», — которое имею отнесть неустрашимой отличной храбрости, мужеству и искусству командующим оных флота господину капитану второго ранга Якову Саблину и флота ж господину капитан-лейтенанту Михаилу Нелединскому, кои за таковые искусные и храбрые подвиги по узаконению ордена Святого великомученика и победоносца Георгия по долгу эскадренного командира имею честь к награждению монаршей милости рекомендовать достойными. Прочим же всем эскадры, мне вверенной, господам штаб- и обер-офицерам и нижних чинов служителям имею приписать достойную похвалу.

Бригадир флота и кавалер Федор Ушаков

**ДОПОЛНЕНИЕ Ф.Ф. УШАКОВА
К ПРЕДЫДУЩЕМУ РАПОРТУ ЕГО М.И. ВОЙНОВИЧУ,
ИЗЛАГАЮЩЕЕ СООБРАЖЕНИЯ О ТАКТИКЕ ТУРОК
И СВОИХ ДЕЙСТВИЯХ**

5 июля 1788 г.

Примечание в пополнение к поданному по команде моему рапорту.

Сначала боевая линия наша построена была в ветру левым галсом, самый полный бейдевинт или близко перпендикуляра ветра для разных надобностей и указания, каким расположением нерегульный неприятель наш поведет свою атаку.

Ибо неприятельский флот был тогда близок и прямо против нашей линии на ветре; по замечанию моему, капитан-паша, оставя весь флот свой, обошел, говорил и делал словесные свои по-

веления каждому кораблю. Сначала учредил он арьергардию, поставя в ней контр-адмирала с пятью кораблями, кардебаталию поручил вице-адмиралу с шестью кораблями, в авангардии пошел сам с шестью же кораблями, при каждой эскадре поставя по одному бомбардирскому; фрегаты и шебеки против линии разделялись и держались несколько выше на ветре. Сначала флот его был стеснен густой колонной арьергарда напереди. Таким положением начал спускаться на нашу арьергардию, и казалось мне, будто намерение их было оную атаковать, посему, дабы не осталась большая часть нашего флота без действия, сделано было так, что передовые наши фрегаты, прибавя парусов, пошли к ветру* круче бейдевинт, я и весь флот линиею следовали порядочно один за другим в их кильватере; сие произведено было с тем намерением, чтоб, выиграв ветр, сделать передовым чрез контра-марш поворот и при оном бить неприятеля с ветру. Казалось мне так, что тотчас в неприятельском флоте предвидено было сие намерение и капитан-паша с эскадрой начал держать выше, и весь его флот последовал тому же и пошел порядочно растягивать свою линию против всего нашего флота. Линия наша от придержания передовых к ветру имела регулярную погибь, однако положения и дистанция между нашими судами весьма были добропорядочны. В рассуждении сей погиби я с передовыми фрегатами был против других гораздо выше к ветру и ближе к неприятелю; весь флот неприятельский спустился уже регулярно на всю нашу линию в такую дистанцию, что пушки их могли уже доставать до наших судов, но палить еще никто не начинал. (Я с моей стороны чувствовал великое удовольствие, что оное шло с нашим общим желанием, ибо весьма выгодно практикованным подрасться регулярным образом против неискusstва.) Но капитан-паша покусился было самим действием и из сего сделал обман: он, поминовав немножко вперед моего корабля, поставил против одного из следуемых за ним один самый большой 80-пушечный и два 60-пушечных корабля, а сам с двумя следующими передовыми кораблями, прибавя все паруса, бросился с чрезвычайной скоростью, как лев, атаковать передовые мои фрегаты. Заметил я оное, к отвращению ту же минуту на корабле поставил все паруса и чрез сигналы привел передовым фрегатом в желаемый мною порядок. Произведение оного делал я с тем намерением, чтоб капитан-пашу не допустить обойтись или абордировать фрегатов и отрезать от него два передовых его корабля. Чрез сию погоню отделился я еще больше от последующих за мною вперед и на ветр ближе к неприятелю [ибо бывший за мною фрегат тяжел в ходу]. Как скоро намерение мое пошло удачно и передовые капитан-паши корабли увидели, что остаются отрезанными, не дожидаясь никакого сигнала, самый передовой с великою торопливостью без бою поворотил оверштаг

* «К ветру» приписано Ф.Ф. Ушаковым сверху.

и ушел на ветр другого, который был перед капитан-пашою. С передовых фрегатов брошено несколько бранскугелей и ядер, таким же образом поворота, и он^{*} ушел на ветр. Капитан-паша палил по ним ядрами, но все бесполезно, и остался передовым. Уповаю я, что он с превеликого азарту спустился еще ближе и стал бортом прямо против двух фрегатов, оставя мой корабль ближе еще фрегатов, косвенно за собою, ибо я был выше оных на ветре и к нему сделался очень близок и того только одного желал, чтоб не разбил он без помощи моей фрегатов, ибо имеет отличный и лучший изо всех корабль и большие пушки. Дрался он с чрезвычайным жаром, но Всевышний нам сим положением и победою спомоществовал, и в корабле его, по видимости, должно быть столько пушечных пробоин, что скоро сосчитать нельзя. Прочее все означено в моем рапорте.

Описанные мною здесь движения нашего флота и все объясненное есть не что иное, как только по условию исполнение мое повеления командующего флотом. Ибо, условясь о всех потребностях, его превосходительство словесно повелеть соизволил в потребных случаях командующим судов следовать движению передовой эскадры, которое так и произведено. По замечанию же моему, капитан-паша к бою всегда учреждает флот свой словесными наставлениями. Несколько раз оное было видно. Из сего заключаю, что нужно сначала предузнавать намерение и всевозможно стараться воспрепятствовать оному искусству, а, наруша, ежели возможно, их между собою условие, не смогут они уже соблюсти порядок и будут в расстройке и незнании, что кому делать должно; посему в рассуждении нерегулярного неприятеля нельзя соблюсти всех правил эволюции и иногда нужно делать несходное с оною, не удаляясь, однако, главных правил, если возможно.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ К НЕМУ М.И. ВОЙНОВИЧА
ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ У ОСТРОВА ФИДОНИСИ С ПРОСЬБОЙ
О НАГРАЖДЕНИИ ОТЛИЧИВШИХСЯ В ЭТОМ СРАЖЕНИИ**

11 июля 1788 г.

В третий день сего месяца флот наш под предводительством господина контр-адмирала и кавалера графа Марка Ивановича Войновича имел с неприятельским флотом генеральную баталию, при которой вверенный мне второй эскадры корабль «Святой Павел» и два передовых фрегата «Берислав» и «Стрела» по случаю жестокого неприятельского нападения на авангардию оказали отменно храбрые и неустрашимые подвиги. Обстоятельное ж и спра-

* Слова «и он» приписаны Ф.Ф. Ушаковым на полях.

ведливое действие оных из приложенной при сем с поданного от меня к его превосходительству Марку Ивановичу рапорта точной копии, тож написанного в пополнение ко оной моего примечания, ясно усмотреть соизволите чрез сии верные мои заслуги, равно и всегдашнюю добропорядочную службу надеялся я заслужить к сведению вашей светлости подтверждение доброго о себе мнения. Его одного только усердно ищу и желаю. Но, милостивейший государь, гонимое меня здесь чрез его превосходительство Марка Ивановича несчастье никогда не оставляет и ни чрез какие всевозможные отменные мои старания милости и справедливого по заслуге моей его к себе расположения изыскать не могу. О поведении ж моем, об обращениях, о содержании подкомандующих и о всех исполнениях долга службы, о сказуемой всегдашней ко всем учтивости, непрерывном к начальству отменном моем почтении шлюсь вообще на всех, кто только меня знает, ибо с самого моего малолетства привык к почтению и уважению командующих. Все начальствующие во флоте, с кем я служил, и по них прочие обстоятельно знают меня с хорошей стороны, и ото всех по заслуге моей был счастлив и имею хорошие аттестаты. В одном из всех, его превосходительстве Марке Ивановиче, не могу сыскать желаемого успеха, который с начала нашего знакомства, когда были еще полковниками и оба под командою других, восчувствовал некоторую отменную ко мне ненависть. Все дела, за которые я иногда был похвален, не знаю причины, отчего отменно его беспокоят, чего во всем виде и в деле укрыть не может. После сего по разным обстоятельствам, при случаях и многократно, объяснялся я ему в моей преданности и что с отменным старанием ищу и всегда искать буду милость и заслугу доброго о себе мнения его превосходительства. Чрез оные искательства мои блага, хотя он несколько переменялся, и объяснялись несколько раз, прошедшее оставить в забвении и впредь быть дружески. А я, прибавляя с моей стороны, — искателем милостей. Но, милостивейший государь, ничто в рассуждении сего мне не пользует. Хотя его превосходительство по необходимости оказывает иногда некоторые уважения и благосклонность, но большею частью дела его и поступки против меня во множестве со всем несоответственны моему поведению и службе.

Всемиловейший государь, вместо совершения плодов за мои заслуги имею честь представить вашей светлости на рассмотрение и милостивое решение полученное мною письмо его превосходительства Марка Ивановича, **на котором поставил я № 1***. Оным я в награждение безо всякой причины безвинно обруган, и приписано со всем несправедливыми и несходными поведению и делам моим словами всякое поношение чести. Тем причинил он мне наичувствительнейшее оскорбление и в болезни моей сразил

* Выделено в подлиннике.

жестоким ударом, ибо всякое дело с командующим почитаю я за величайшее в свете несчастье. Против командующих все защищения и доводы оправдания весьма трудны. Но Бог, защитник справедливости, всевышним своим покровительством оправдает меня непременно. Я во всех делах моих имею вернейшую на помощь его надежду. И посему по сущей справедливости во оправдание имею честь донести вашей светлости, что все оное неожиданное и сверх всякого чаяния моего приписания письма его превосходительства ниже, малейшим видом немало несправедливо и похожего по оному ничего не было. Ко опровержению ж сей неправды самой руки его превосходительства письма непрерывной нашей переписки, советов о делах и распоряжениях против неприятеля до самого того дня, как я получил сие несчастное для меня письмо, на рассмотрение вашей светлости во оригинале представить честь имею. Они частью откроют дела наши и обхождения, в них я всегда именован был любезным другом, помощником и любезным товарищем и чрез испытания его превосходительства всех моих подвигов во всех предприятиях и о содержании флота в порядке имел поныне отменную величайшую доверенность. А упустя из виду неприятельский флот, будучи уже в спокойном месте на якоре и притом находясь уже в постели весьма больным, я вдруг нечаянно и не зная никакой причины отчего, получил сию перемену.

Ежели, ваша светлость, буду я ясными обстоятельствами здесь оправдаться, то будет бесконечно и наведу величайшее затруднение и скуку, но должен по необходимости несколько описать. После сражения его превосходительство никогда нас в собрание к себе не призвал, рапортов наших не согласил и мы друг с другом вообще не видались и не осмотрелись в согласии рапортов.

Реляцию его превосходительство соображал с одними своими мыслями. Рапортом, поданным мною, был недоволен (как после из писем же его я узнал), число неприятельских кораблей, которые были в бою, написал не то, сколько их было. Находилось их тогда точно семнадцать линейных кораблей, так все их считали, он и сам всегда говорил тож, а к Севастополю после оного на вид приходили точно пятнадцать.

Его превосходительство оное бывшее в бою число кораблей переменял только для соображения разных получаемых им из Кинбурна и от вашей светлости записок, чтоб не показать невероятности. Но собственные всех нас глаза, будучи так близки в бою, невероятны быть не могут. Тож не знаю, почему невероятны показались повреждения неприятельских кораблей, описанные в моем рапорте (по которым и быть тут некоторым кораблям не можно), но они так справедливы, что сверх всей моей команды служителей, множество людей с корсарских судов все происшествие и оное повреждение видели и везде уже разгласили. Какая надобность мне на себя писать и брать лишнее? Я бы доволен был половиной случившегося, но, писав рапорт, не хотел справедли-

востии отнять от команды, боялся уменьшением видимого всем дела их обескуражить. И хотел отдать справедливость каждому по заслуге и достоинству. Услышав я несходные расположения, объяснился письмецом с моим прошением, на которое получил ответ; в нем описано о разных невероятностях моего рапорта, неудовольствия, что много в нем писано; в нем же прописано, что во всех собранных им рапортах разное показано и сообразить их нельзя и что, не приступая к разбирательству, за лучшее почел отправить их во оригинале на высшее рассмотрение. Об оном самом 9 числа сего месяца, то есть в воскресенье утром, при случившихся у меня четырех фрегатских командирах и двух не больше офицерах между дружеским разговором пожалел я и прочие со мною, что отправление таким образом рапортов отнимет у нас честь и славу, которую отменным случаем заслужили, и думали, что еще некоторым образом нанесет бесчестие. Вот, ваша светлость, вся важная причина и величайшая моя вина, ежели она так почтена быть может. Оно справедливо, и утаить ничего не хочу. Засим никто у меня не был, и я нахожусь и доньне больным в постели.

Через сей только случай получил я столь строгого содержания письмо и гнев его превосходительства. От кого ж он что обо мне слышал, не сказывает, имеет около себя множество шпионов и во всякой неправде им верит и после мстит до бесконечности за всякую безделицу.

Несколько уже раз сношу я многие напрасные обиды, но все преодолеваю терпением, а сего случая никак уже обойти не мог. Он мне неизбежен, ибо его превосходительство на все оправдания мои чрез письма благосклонного рассмотрения не учинил и отвечал мне письмами ж с великими еще повреждениями чести, объявляя о том, что уже он писал к вашей светлости и просил отсель увольнение. Я не осмеливаюсь ничего противного о командующем говорить и думать, но разве другие такие обстоятельства беспокоят и к сему приводят, а действительно не мои поступки. Засим, милостивейший государь, по справедливости вашей светлости донести честь имею: ничего в свете столь усердно не желаю, как остаток отягощенной всегдашними болезнями моей жизни провести в покое.

Посему, всемилостивейший государь, если подвигами моими заслуживаю внимание и монаршую милость, удостойте щедротою и покровительством исходатайствовать мне за болезнью моею увольнение от службы и для безбедного пропитания в награждение по чину жалованьем. Пенсию кампаниями я уже вдвое заслужил, сей монаршей милостью останусь преисполнен.

А ваше светлейшее и великое имя и благоденствии пребудут вечно в душе моей впечатлены.

Всемилолюбивейший государь, осмеливаюсь еще в подтверждение моего рапорта донести, что он действительно во всем содержании его справедлив. Кроме, может быть, по непривычке не со

вкусом писан. Почитается в нем Марком Ивановичем непопозволи- тельным прописанное обещание мое людям, но я тогда оно им объявил в рассуждении первой на здешнем море генеральной на- шего флота баталии, желая и имея верную надежду на Бога, с по- мощью его оную выиграть. Я сам удивляюсь проворству и храбро- сти моих людей, они стреляли в неприятельские корабли нечасто и с такую сноровкою, казалось, что каждый учится стрелять по цели, сноравливая, чтоб не потерять свой выстрел. Истинно про- исходило все сходно сему описанию, надеюсь в самой скорости соизволите услышать распространившуюся повсюду сию спра- ведливость, удержать одного от толиких свидетелей разных людей никак нельзя, но оной шум некоторым сортом похвал больше всего мне повредил и повергнул в описанное мною несчастье. На- ипокорнейше прошу вашей светлости команду мою служителей наградить каким-либо малейшим знаком милости. Они во всем словам моим бессомненно верят и надеются, а всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи. Равно и прошедшую кампа- нию одна только вернейшая их ко мне доверенность спасла мой корабль от потопа, он был в крайнейшей опасности и в таком по- ложении штормом носило по всему морю. В надежде всевозмож- ной вашей светлости милости и покровительства с наиглубочай- шим моим высокопочитанием и совершеннейшей преданностью навсегда пребуду.

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О ГОТОВНОСТИ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ЭСКАДРЫ
К ВЫХОДУ В МОРЕ**

7 июля 1789 г.

Ордер вашей светлости, писанный по секрету, сего июля от 2 дня сейчас имел счастье получить. Во исполнение оного донести честь имею. Порученный мне при Севастополе флот*, состоящий в трех 60- и двух 54-пушечных кораблях, осьми 40-пушечных фре- гатов, одного репетичного, двух вооруженных корсарских судах и трех брандерах, в прошедшую ныне зиму весь исправлен килева- нием и минувшего июня от девятнадцатого дня, вышел на Сева- стопольский рейд, обстоит в готовности. К походу же в море по- требен морской провиант, которым назначен в привоз сюда сухим

* В декабре 1788 года Мордвинов был удален Потемкиным от должности стар- шего члена Черноморского адмиралтейского правления и уволен от службы; на его место был назначен М.И. Войнович с сохранением за ним должности коман- дующего Севастопольской корабельной эскадрой. Так как новое назначение Вой- новича требовало его пребывания в Херсоне, где находилось Адмиралтейское правление, то Ушакову как следующему по старшинству флагману было поручено исполнение обязанностей командующего Севастопольской эскадрой.

путем чрез Бахмут, но в Таврию еще не вступил и близко нигде не слышно. Ко укомплектованию флота служителями рекрутские партии еще не пришли, также и о требовании солдат сухопутных войск повеления еще не имею. А затем, какие вещи почитаются к походу надобными, значатся в приложенной при сем ведомости. При сем же донести честь имею, когда, какие были отправлены отсель в море суда, равно и о проходящих к Севастополю, о которых я имел сведение прежде входу их в гавань, о таковых господину генерал-аншефу и кавалеру Михайле Васильевичу Каховскому не упустительно доносить честь имел, также и впредь сие рачительно исполнять не премину. О поручаемых же мне исправлениях и приуготовлении флота по команде рапортами моими начальствующему над всеми частями правления и флота Черноморского господину контр-адмиралу и кавалеру графу Марку Ивановичу Войновичу всегда в свое время со всяким обстоятельством от меня донесено. А сверх всего имея ныне повеление вашей светлости о разных происхождениях, какие здесь встретиться могут, за отменное счастье и удовольствие почитать буду обстоятельно доносить вашей светлости, за таковое счастье почту, если удостоен буду некоторых доверенностей, касательных по случаям на будущее время.

Флота и судов неприятельских в виду Таврии нет и не слышно. О чем сим и донести честь имею.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ПОПОВУ*
О ГОТОВНОСТИ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ФЛОТА К ВЫХОДУ В МОРЕ
И ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ЕГО СО СТОРОНЫ М.И. ВОЙНОВИЧА
В ПРАВАХ КОМАНДУЮЩЕГО ЭСКАДРОЙ**

7 июля 1789 г.

Не имея споспешствующих случаев объяснить вам, милостивый государь, истинную преданность и усерднейшее почтение, каковые имею к особе вашей, кроме первого моего к вам объяснения письмом от 17 мая отправленным, которым, как и ныне, имел честь рекомендовать себя в благоприятное ваше дружество и милость, и за особливое счастье почту, если удостоен буду оных. Зачто довольно наслышался я, милостивый государь, о благосклонных ваших ко мне расположениях, за которые, принеся наипокорнейшую мою благодарность, в надежде оных осмеливаюсь сделать вам некоторое признательное объяснение. Его светлость ордером соизволил требовать от меня сведения о Севастопольском флоте, на которое рапортом моим имел честь донести; засим вам, милостивый государь, также донести имею, с некото-

* Правитель военно-походной канцелярии Г.А. Потемкина.

рого времени имею я повеление графа Марка Ивановича флот иметь во всякой исправной готовности к выходу в море, посему все, что от меня зависит, приуготовлено без наималейшего упущения, но, милостивый государь, как я и по сие время нималейшего уполномочивания по здешней части и ни в чем не имею, потому всякая вещь чрезвычайно затрудняет, так что, не упоминая обо многом, ниже одного матроса с судна на судно без особого повеления ни в коем случае перевезть смелости не имею, равно и во всяких случающихся потребностях. Таковое чрезвычайное ограничивание власти не только препятствует скорейшим исполнениям дел, но отнимает всякую способность. Прошу наипокорнейше вас, милостивый государь, если возможно, исходатайствовать мне хотя малую доверенность и волю по здешнему месту. Сие почитаю я необходимо нужным в рассуждении военных ныне обстоятельств и отдаленности места сего. Я не ишу и не желаю иметь оную милость сверх обыкновенной, но ишу той, которая поручается обыкновенно частным командирам. Я столь излишне ограничен, что и писать обо многом не осмеливаюсь. За необходимо ж почитаю донести: по мнению моему, нужно здесь иметь для запаса несколько дерев на стены и реи, также и разных несколько вещей, ибо предвижу, что после первой баталии, если случится действительная, флот иметь будет в них недостаток, хотя ж здесь несколько мачтовых дерев и есть, но на все потребности в таком случае будет их недостаточно.

Федор Ушаков

P.S. Я имел всегдашнее упражнение о пользе службы, нимало не стараясь о собственной пользе, но надеясь иметь чрез старание ваше, милостивый государь, какую-либо обыкновенную флагманам милость — вместо порционных и каютных денег, кои мне при нынешнем чине уже не следуют.

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ О ПОЯВЛЕНИИ
У ТАРХАНКУТА ОТРЯДА СУДОВ НЕИЗВЕСТНОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ**

*9 июля 1789 г.,
корабль «Святой Павел» на Севастопольском рейде*

Полученным мною сейчас от находящегося близ Севастополя с сухопутными войсками господина генерал-майора Сергея Васильевича Неклюдова сообщением объявлено, чрез находящуюся при Тархановом Куте стражу рапортом к нему донесено: появившиеся вчерашнего числа от стороны Очакова осьмнадцать судов, чрез ночь подавшись вперед, сего утра оказались противу каменного маяка, на оном Куту состоящего. Оные суда вытянулись линиею передом к Севастополю от берега примерно верстах в двадцати пяти, стоят на одном месте, но какой они величины, о

скольких мачтах, также неприятельские или наши — рассмотреть невозможно. О чем во исполнение ордера вашей светлости, писанного сего июля от 2 дня, сим и донести честь имею. О сем таковое ж донесение послал я с нарочным к начальствующему над всеми частями правления и флота Черноморского господину контр-адмиралу и кавалеру графу Марку Ивановичу Войновичу. Флот Севастопольский, состоящий на рейде, обстоит во всех предосторожностях, равно и при Севастопольском порте благополучно.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О ДВИЖЕНИИ ТУРЕЦКИХ СУДОВ, ОБНАРУЖЕННЫХ
В РАЙОНЕ ТАРХАНКУТА**

12 июля 1789 г.

После донесения моего вашей светлости сего июля 9 дня о оказавшихся против Тарханова Кута неприятельских судах, оные 10 дня отголь отделились и того ж числа вечером, прошед морем весьма в дальнем расстоянии от Севастополя, оказались против Херсонесского мыса и Георгиевского монастыря к юго-западу. Посланным же от меня для рассмотрения и замечаний нарочным офицером донесено: 11 числа с утра в отдаленности моря видны были в той же стороне, а около полудня при западном ветре подошли на некоторое расстояние к берегам Георгиевского монастыря ближе, так что можно было видеть корпуса судов. Из них казались в линии пятнадцать больших кораблей, а всех с посредственными и малыми до тридцати или несколько более. Как некоторые находились в горизонте, то обстоятельно число их узнать нельзя. Все они около второго часа пополудни повертели на другую сторону и путь свой продолжают от здешних берегов к Анатолийской стороне. Но сему увериться нельзя, точно ли пойдут туда или окажутся где в другом месте. Сего числа оных здесь уже не видно, замечательно, что они осматривали здешние берега, а может быть, предостерегают свои транспорты или намеряются соединиться со вновь построенными в Синопе кораблями. К нам сухопутные транспорты с морской провизиею некоторые вошли уже в Таврию, и один из них находится по здешней стороне Симферополя, уповательно скоро будет сюда, а также ныне предуведомлен я от графа Марка Ивановича, что и вся потребная провизия в скорости доставлена будет. О чем вашей светлости сим и донести честь имею.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ С ЖАЛОБОЙ
НА М.И. ВОЙНОВИЧА, НАЗНАЧИВШЕГО КАПИТАНА 1 РАНГА ОВЦЫНА
К УШАКОВУ ФЛАГ-КАПИТАНОМ
БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СОГЛАСИЯ ПОСЛЕДНЕГО
И ВОПРЕКИ ЕГО ЖЕЛАНИЮ**

12 июля 1789 г.

При ордере от его превосходительства Марка Ивановича прислан флота господин капитан первого ранга Овцын и определен в помощь мне флаг-капитаном, чего бы я, милостивейший государь, не желал, но просить его превосходительство об отмене сего не осмеливаюсь, ибо не вижу никакого к себе снисходительного уважения, кроме великих неблагоприятств. Военные ныне обстоятельства и общая польза требуют единодушного согласия, в рассуждении которых, пренебрегая я всякую прискорбность, хотя и с великим отягощением, сношу ее терпеливо и всевозможно усердно стараюсь заслуживать милость его превосходительства, но старание мое бесплодно. Немилости его ко мне беспредельны, опасаясь я, что и малейшее случившееся нечаянное какое-либо несчастье может повергнуть в пропасть бездны. Законы и в самой малости весьма строги, и никто не может похвалиться предосторожностью от неизбежных в чем-либо иногда случаев, а немилости полномочного начальника могут увеличить и довершить оное. Таковые оскорбительные чувства лишают последнего здоровья и отнимают ту способность, которую надеялся бы я при ободренном духе, при нынешних военных обстоятельствах употребить с пользою против неприятеля. Милостивейший государь, я не имею никакого себе покровительства, кроме надежды на Бога, собственной моей заслуги и милостей ко мне, оказанных вашей светлостью, чрез которые угодно было осчастливить и довести меня до таковой высокой степени, в которой ныне нахожусь, и с наиглубочайшим моим почтением всепокорнейше прошу в таких обстоятельствах не оставить милостью и покровительством вашей светлости. Сия единственно надежда ободряет меня и приводит в таковое желание, что в потребных случаях охотно жизнь мою посвящу на снискание оных и заслугу Отечеству. Давнее время, перенося все чувствуемые мною, причиняемые напрасно мне прискорбности, терпеливо надеялся когда-нибудь во всем объясниться самолично вашей светлости, но случаи до сего не допустили, а письмом в рассуждении военных ныне обстоятельств обеспокоить также не осмеливался и ныне с великим сожалением моим необходимость уже к тому понудила, дабы объяснясь несколько, получить отраду или определение решительностью судьбы. Милостивейший государь, но сие определение ко мне помощни-

ком господина Овцына меня беспокоит, я охотно желаю иметь у себя сходно с законами советника, но оный должен быть по выбору моему такой, который бы в случае мог заступить мое место и исправлять должность флагмана, в чем и все командующие были бы уверены. Что ж принадлежит до меня, я и без того имею на корабле доброго капитана, равно и с прочими командирами, сходно с законами обо всем могу советоваться и поступать по тому, что окажется полезно. А флаг-офицер определяется по выбору ж флагмана, способный, из молодых штаб- или обер-офицеров; я всякой доверенности от его превосходительства лишаюсь. Множество случаев и прискорбностей письмом моим объяснить не отваживаюсь, ибо нанесу тем великое затруднение.

Слышал я заочно, что ваша светлость соизволили некогда удостоить меня милостивым вашим письмом, но я оно не получил. Донесение мое рапортом о недостатках здесь при флоте потребностей, думаю, разными случаями также нанесет мне великий вред, но к защищению моему буду ожидать случая, милости и покровительства вашей светлости.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ПОПОВУ
О НЕБЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ
К НЕМУ М.И. ВОЙНОВИЧА**

12 июля 1789 г.

Неблагоприятные расположения ко мне его превосходительства Марка Ивановича понудили прошением моим прибегнуть к милости и покровительству его светлости; вам, милостивый государь, нельзя быть уже неизвестным о всегдашней великой моей терпеливости против оных, но вижу, что сие терпение мое меня не защитит и что без особой милости и покровительства его светлости, также если оных не удостоен буду и со стороны вашего превосходительства, могу иногда чрез малейшие какие-либо нечаянные случаи потерпеть важное несчастье. Я не нахожу случая во всех между нами обстоятельствах объясниться его светлости, сколько они в нынешнее военное время могут быть вредны, письмом же оных объяснить невозможно, ибо нанес бы я оным великое затруднение. Многие наносимые мне терпения, служат иногда ко вреду общей пользы, чего я более жалею, нежели самого себя, таковыя расположения, хотя несколько закрыты видом благопристойности, но всем они довольно явственны, я здесь весьма притесненный командир, многое делается совсем несоответственно в должном. Например, бывшее ныне зимою исправление флота ви-

дом одним поручено было мне, но вместо того, во всем уполномочен корабельный мастер Катасанов, человек мнимой о себе надменности, неприлежный в должности, оказывающий себя больше великоречьем, нежели сушим делом, который во все время отсутствия Марка Ивановича все свое внимание употребил на несоответственные военному ныне времени большей частью затейные великолепности экипажей, мебели и весьма долговременным строением из пильного камня собственного дому, которым и конца не видно. Сими и многими другими затеями отвлекает весьма надобных людей от должности, ибо все адмиралтейские и флотские мастеровые люди поручены в особое его распоряжение. Отчет в них и о прочем по упрямству своему и в надежде оказываемых к нему отличных милостей мне и конторе не дает, требует к тому несколько отменных писарей, каковых здесь найти невозможно. Во все сие время видел я здесь чрез его великие неустройства, о которых объяснить здесь неприлично, и смело могу сказать, если бы не отменная моя прилежность и усердие в исправлении флота множеством излишних уже от флота служителей, то ему никогда б в свое время настоящим числом людей флота не исправить, а думаю, что пустыми замыслами некоторые корабли мог бы привести и в несуществование, ежели бы я не предупредил отвращением оных. Я о некоторых неприличностях докладывал Марку Ивановичу, но видел противное тому мнение. Потому, оставляя все на волю, старался только исправить флот и приуготовить возможностями к походу, в котором и успел в свое время.

Флот весь выкилеван вовремя и исправлен безо всяких наемных людей, но всем оным не заслужил я никакого его графского сиятельства внимания. Услышав же я прошение его сиятельства флота господину капитану Пустошкину столовых денег, напомнил прошением моим, что мне по чину контр-адмирала порционных денег уже не следует, и чтоб исходатайствовал какую-либо обыкновенную фламанам милость. Но из ответу его, хотя он и учтив, получить чрез его старание не надеюсь, он соизволил только мне выхвалить заслуги и достоинство ко оным Павла Васильевича. Я весьма от истинного усердия оному рад, но также натурально не желаю оставлен быть при всегдашнем ревностном моем усердии жертвою какому-либо мщению, аттестат всегдашней прилежности моей к службе имею я в петлице орденом Святого Владимира, деньги меня не прельщают. Я при всех излишних моих здесь расходах, получая жалованье, проживу оным безбедно, но не желаю ж без всякой причины почтен быть недостойным и терять против прочих. Засим весьма многое на разные донесения

мои его превосходительству вижу от него несоответствие, даже всякая рекомандация и просьба моя остается в пренебрежении со вредом тем, об ком я стараюсь. Ежели донесу о каких недостатках, тотчас вместо за ревность мою заслуживаемой благодарности, находит и пишет какое-нибудь неудовольствие и тем понуждает впредь к молчанию, но также опасаясь я, что и оно случиться может после к моему же вреду. Простите мне, милостивый государь, великодушно, что я, не будучи еще коротко вам знаком, осмеливаюсь столь много наносить беспокойства. Истинно к сему понудила меня уже последняя крайность в том чаянии, что во время будущего его светлости отсель отдаления претерплю гораздо более и от не-носной чувствительности найду себя в великом упадке здоровья, а может быть, и неспособным к службе, чего он весьма желает, но я, не объясня во всех подробностях и не получа на оныя решения, чувствуя милости его светлости, без позволения его службы моей оставить не могу, а особливо в военное и надобное ныне время. Предупреждая оное, покорнейше прошу вас, милостивый государь, не оставить меня в таком случае вашей милостью и исхода-тайствовать милость и покровительство его светлости...

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О ВЕРОЯТНЫХ НАМЕРЕНИЯХ ТУРОК
И О ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ ДЕЙСТВИЯХ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА**

27 июля 1789 г.

Имея повеление вашей светлости о разных обстоятельствах, предвидимых на море, и о замечаниях моих, какие случатся доносить вашей светлости, в таковой надежде милостивого позволения осмеливаюсь всепокорнейше донести.

Из движений неприятельского флота, как видно, большая часть его линейных кораблей показывалась у здешних берегов, хотя за дальностию нельзя было рассмотреть, сколько точно во одной части их было. Но довольно заметно, что они были не все в одном месте, а уповаю я, что из них частью оставались еще у Хаджибея. Ныне ж по известиям от прибывших в Балаклаву на французском судне видно, что в Синопе для спуска нового корабля, для его вооружения и нагрузки ожидают там один линейный корабль, два фрегата и две кирлангичи. По сим же известиям заметно, что в нынешнее время турецкие войска для десантов перевозиться будут или уже перевозятся морем в Анап, а может быть, и к Румелии на транспортных судах за конвоем, а иные и без конвоя.

Уповаю я, что флот неприятельский для таковых их транспортов в сие время должен быть разделен в разных местах. Таковой случай (ежели флот их точно разделен) весьма удобен к поискам над оным, хотя слышал я, что и поныне видны от Очакова в море к Хаджибею стоящие неприятельские суда, но не слышал, сколько находится там линейных кораблей. Ежели бы известно было, что их находится тут часть флота, а не все, а особливо буде еще их менее половины, в таком случае можно их здешним Севастопольским флотом атаковать и надеялся бы иметь успех. А в другом случае, ежели флот их стоит весь при Хаджибее или там находится большая часть их флота, мнение мое состоит в том: не дав знать здесь никому о предприятиях, иттить в самой скорости к Анатолийской стороне в Синоп для поиску над стоящими там, по известию, одного линейного корабля и двух фрегатов, тож, ежели спусти и новый корабль.

Сверх того надеюсь я, что, будучи посредине моря и около тамошних берегов, будут случаи поймать какое-нибудь судно или несколько судов, от которых можно будет получать сведения обо флоте, где он и находится, также и о десантах, ежели они перевозятся. Ежели ж случаи, ветры и обстоятельства поспособствуют, можно будет зайти в близости того места в Самсон, а оттоль пройтить в Анап и возвратиться к Севастополю. Кажется, можно бы надеяться, не попадутся ли в оном вояже транспортные их суда, с конвоем или без конвоя, с войсками для десанта.

Может быть, сие предприятие отделиться со флотом к их берегам покажется несколько сомнительно, но полагаю я во оном надежду на Бога и на летнее, ныне ожидающее, хорошее время. Чрез таковое движение, если оно будет удачно, надеюсь я, неприятель будет иметь великое помешательство и расстройку в своих предприятиях. Надеюсь же, получа он известие, что флот наш находится около их берегов, должен будет иттить к защищению оных. Сомнение остается только в том, ежели он, получа известие, успеет со всем своим флотом застать меня на море, то, может быть, имевши великое число линейных кораблей, принудит к баталии. Но если удалиться от сего случая, чтоб со всем неприятельским флотом мне одному без подкрепления других эскадр баталии не давать, в таком случае походной к той стороне располагать можно по видимости случаев и времени, но желал бы я по крайней мере напервее попробовать сходить в Синоп, а оттоль, если ваша светлость удостоите меня доверенностью, положиться, как время и случай дозволит, иттить в Анап или возвратиться к Севастополю. Я желал бы сходить и туда, в обратном же пути, ежели и повстречаюсь я с неприятельским флотом, буде не найду случая обойтись с ним без боя, то

и сему, думаю, в необходимом случае когда-нибудь быть должно. Но более надеюсь, что из сего вояжа успею прежде возвратиться, нежели он, узнав о наших движениях, успеет меня встретить.

Простите мне, милостивейший государь, что я столь много объясняюсь в моем мнении, надеюсь, если оно и несогласно с расположением вашей светлости, вреда не наносит, кроме объяснения усердного моего желания исполнить долг службы и волю вашей светлости.

При сем же донести честь имею, первая партия с рекрутами на сих днях пришла в Севастополь, которые и распределены мною по судам. Также севастопольских служителей на сих днях возьму на корабли, а к тому вдобавок ожидаю вторую рекрутскую партию. Буде ж она не поспеет, могу взять несколько старых служителей в дополнение с остающихся при порте судов, причем служителей на кораблях будет довольно.

О канатах послал я обстоятельную ведомость к его сиятельству графу Марку Ивановичу, но по скорости, на которых судах совсем уже весьма необходимо они надобны, велел я взять три каната с двух фрегатов, обращенных из пинок, также один канат с фрегата «Осторожный». Со оными в нужном ныне случае, в рассуждении летнего времени до привозу прочих, откуда следует, обойтись можно.

Морской провизии здесь есть уже близко, что на месяц, кроме горячего вина, а к тому транспорты подходят, надеюсь, пока курьер, от меня посланный, воротится от вашей светлости сюда обратно, провианту еще несколько получено будет, с которым в желаемой мною вояж иттить будет можно, а по возврате оттоль, уповаю, найду уже здесь одного довольно.

Обо всем оном графу Марку Ивановичу я писать еще не успел, а спешу, не упустя времени, донести вашей светлости и, если что из одного опробовать благоугодно будет, ожидаю повеления.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ НЕДОРАЗУМЕНИЯХ
С М.И. ВОЙНОВИЧЕМ**

*28 июля 1789 г.,
корабль «Святой Павел» на Севастопольском рейде*

Всепочтеннейшее письмо вашей светлости сего июля от восемнадцатого дня имел честь и счастье получить. Предписываемые мне оным повелении вашей светлости, приемля с наиглубочайшим моим высокопочтанием и преданностию, все старание

мое употреблю исполнять оные со всякой точностию. Надеюсь я, если каким неведением или отменным и необходимым случаем противу оных не погрешил, то сходно с таковым предписанием от малолетства продолжаю всю мою службу и ото всех начальников моих не заслуживал никакого неудовольствия, кроме честного имени и похвалы. В снискании таковых же милостей и от его сиятельства графа Марка Ивановича истощил всю мою возможность (как и в прошлом году, после кампании нашей на море имел честь письмом моим объясниться вашей светлости), но таковой милости заслужить я не мог и по полученному мною от его ж сиятельства вчерашний день письму предвижу, и впредь не успею. При всем том донести честь имею, что все между нами собственности и расположения оставляю я на волю его сиятельства и употреблю таковые ж обыкновенные старания мои всегда изыскивать его сиятельства благоприятства и милости, которые в расположениях к исполнению дел, в рассуждении военных ныне обстоятельств, не столь потребны собственно для меня, сколько надобны для общей пользы. Вашей же светлости осмеливаюсь всепокорнейше просить одной только милости, какие взнесены будут на меня неудовольствия, не оставить покровительством и заключение сделать противу оных тогда, когда я буду иметь счастье самолично во всем объясниться и представить словами и письма, какие я имею к моему оправданию. Дела и расположения наши сами себя окажут. Простите мне, милостивейший государь, что еще один раз осмелился сим обеспокоить. После ж сего все, что ни случится, буду сносить терпеливо и употреблю всевозможное старание на одну только пользу службы и на снискание заслужить милость и покровительство вашей светлости.

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О ГОТОВНОСТИ ФЛОТА К ВЫХОДУ В МОРЕ**

*8 августа 1789 г.,
корабль «Святой Павел» на Севастопольском рейде*

Ордер вашей светлости, писанный по секрету сего августа от пятого дня, сей час имел честь получить и донести честь имею: флота неприятельского при таврических берегах в море нигде не видно, что ж принадлежит все предосторожности в здешнем месте соблюдаются совершенно; флот, мне вверенный, к выходу в море обстоит во всякой готовности, провианта на флоте имеется более уже как на два месяца, которого на первый случай почитаю довольно, а затем беспрестанно еще оный сюда привозится. Касатель-

но ж до покупки французского судна, хотя оное и сторговано было, но господин французский капитан Болот на сих днях из Баллаквы приезжал сюда, имеет свои претензии и судна в продажу уступить не желает, а каков, я об оном вашей светлости имел честь чрез господина генерал-аншефа и кавалера Михайла Васильевича Каховского препроводить рапорт, со оногo при сем имею честь представить точную копию.

Контр-адмирал и кавалер *Федор Ушаков*

Победы Черноморского флота

Военно-морская
деятельность
Ф.Ф. Ушакова во второй
период участия
Черноморского флота
в Русско-турецкой войне
(1787—1791).

Керченское сражение,
сражения у острова Тендра,
у мыса Калиакрия и другие

●
1790—1797 годы

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О ПОЯВЛЕНИИ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА У ЕВПАТОРИИ**

*2 сентября 1789 г.,
корабль «Святой Павел» на Севастопольском рейде*

Двумя полученными мною сего числа сообщениями от господина генерал-майора Неклюдова знать дано. Первым капитан Ермольев из Кезлова рапортом к нему донес, что вечером, вчерашнего числа, при самом захождении солнца, с пикета* Конрадского усмотрено прямо в глубине моря девять судов, расстоянием от берега верстах в 25, из которых семь кажется большие и два малых, но мачт за отдаленностью рассмотреть невозможно, ход свой направляют прямо к Кезлову. Вторым — по рапорту с того ж пикета, что помянутые девять судов при ночной темноте из виду от здешних берегов скрылись, засим в том же сообщении объявлено, казаки оного Конрадского пикета уверяют: напоследок насчитывали уже они бывших тогда в виду судов до двадцати, из коих самых больших четыре, а прочих за темнотою ночи и отдаленностью различить не могли, но казались им средними и малыми.

А как оные неприятельские суда весь нынешний день при здешних берегах в виду не оказались, потому и уповаю я, что послана от Гаджибея часть флота легких судов осмотреть здешние берега, не увидят ли наших судов или флота, а при том, может быть практикуясь в море, и для разных обстоятельств желали себя показать при здешних берегах, о чем вашей светлости во исполнение данных мне повелений сим и донести честь имею.

При сем же осмеливаюсь всепокорнейше донести, если случится когда-либо в близости здешнего места чинены будут какие покушения неприятельские на берега, в таком случае иметь ли движение вверенному мне флоту из здешней гавани по рас-

* Пикеты являлись наблюдательными постами на побережье с целью своевременного осведомления командования о появлении противника на море.

смотрению обстоятельств и способности оных, или, не получа особых повелений, ни в каком случае из гавани не выходить и судов никаких не высылать? Осмеливаюсь на таковые случаи временно испросить повеления вашей светлости, дабы в случае отдаленности иногда не мог остаться в сомнении, что в таком случае предпринять надлежит, имею ожидать резолюции.

Контр-адмирал и кавалер *Федор Ушаков*

ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ПОПОВУ
О НЕДОСТАТКЕ ВО ФЛОТЕ ЯКОРЕЙ, КОРАБЕЛЬНЫХ КАНАТОВ
И ДЕНЕГ

30 марта 1790 г.

При засвидетельствовании истинного моего вам, милостивому государю, почтения донести честь имею: по прибытии моем в Херсон рассмотрели мы обще с Семеном Ивановичем Афанасьевым* все потребности, следуемые ко отправлению в Севастополь для снабжения флота, и что есть наличное, в самой скорости отправлены будут отсель к Глубокой, на пришедшие из Севастополя суда; а пушки английские 30-фунтовые сей день туда уже отправляются к погрузке. Канатов корабельных положили мы отсель отправить несколько из тех, которые почитаются неблагонадежными, но из них по осмотру нашлись хоть по нужде некоторые в дело употребить можно. Великий теперь предвидится недостаток в больших и малых якорях и верпах, тож кабельтовых и канатах на мелкие суда, ибо по прибытии моем в Херсон оказалось, что имеющиеся здесь в прошедшее время нового заготовления якоря пробованы были и оказались ко употреблению неблагонадежны; все те, которые пробованы были, разбились, о чем уповаю от Семена Ивановича уже донесено. На «Иосифе» прошлый год были из оногo числа и оказались также негодными; а как таковых якорей прошедшей осени не малое число отправлено отсель в Севастополь, потому и оные совсем неблагонадежны, и не знаю, найдем ли чем перемениться. Ожидают теперь привозу нескольких якорей из Киева, также Семен Иванович послал нарочного курьера на реку Дон в Тавров и в разные там места, сколько есть там, оные доставить. Впрочем, отобрав я о потребностях сведении к исполнению повелений его светлости, сего числа из Херсона отправился в Севастополь. Следует ныне на кампанию штаб- и обер-офицерам получить каютные и порционные деньги, тож мне

* Афанасьев С.И. был обер-интендантом Черноморского флота и старшим членом Черноморского адмиралтейского правления.

нужно несколько для отправления курьеров и прочих надобностей экстраординарной суммы; но денег в правлении нынче в наличии не состоит. Прошу покорнейше, милостивый государь, обо всех потребностях не оставить вашим старанием...

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О КРЕЙСЕРСТВЕ ЭСКАДРЫ ПОД ЕГО НАЧАЛЬСТВОМ
У БЕРЕГОВ АНАТОЛИИ С 14 ПО 25 МАЯ 1790 ГОДА
И О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ У СИНОПА И САМСУНА**

28 мая 1790 г., корабль «Александр Невский»

Исполняя данные мне повеления вашей светлости, 16 числа сего месяца вышел из Севастополя с эскадрою в трех кораблях, четырех фрегатах, одном репетичном и одиннадцати крейсерских судов для поисков неприятеля и, направляя путь свой к Синопу, 21 числа достиг на вид анадольских берегов. Вечером оного ж числа сделал распоряжения: послал в трех партиях крейсеров вперед, дабы перед утром, разделясь все в разные места, старались поймать, какие попадутся, неприятельские суда и соединиться с эскадрою, следующею прямо в Синоп.

21 числа, подходя в близость оных при самом Синопе западного берега, передовыми крейсерами пойманы два купецкие неприятельские судна, а как оные крейсера находились близ крепости у западной стороны, то с оной тож и с батареей, окружающих Синопский мыс, производима была беспрестанно пушечная пальба, на которую и оные суда отвечали перепалкою. Я с эскадрою поспешал прямо на Синопский рейд, дабы застать на оном в беспорядке, какие там окажутся, суда и, обходя выдавшийся от Синопа в море мыс при начале ночной темноты, обозрел на оном рейде близ самой крепости стоящий один большой и другой малый фрегат, более ж за темнотою не видно.

Вошед с эскадрою, расположился с кораблями и фрегатами при устье Синопской бухты таким образом, чтоб воспрепятствовать выходу судам со оного рейда, и всю ночь лавировал и лежал в дрейфе, жег на всех судах огни, делал пушечными выстрелами, фонарями и фальшшвеерами многие сигналы, дабы неизвестностью оных наиболее умножить страх в неприятеле и тем привести в замешательство.

Великая робость и тревога его в городе, по берегам и на судах была весьма заметна во всех местах беспорядочной пушечной и ружейной пальбою. 22 числа, находясь с линейными судами в середине бухты Синопского рейда, усмотрел я под крепостью: стоят на якорях два фрегата, одна шхуна, одна кирлангичь, одна по-

лугалера, три лансона и одна чектырме да на эленге строящийся корабль один и две шайки. Я намерен был в самое тож время их атаковать, но тихость восточного ветра воспрепятствовала, а при том оказалось, должно, проходя батареи бухтою к судам, иттить немалое расстояние прямо носом против всех их бортов и крепостных пушек. Посему в предосторожность, дабы не случилось повреждения мачт, почел оную атаку бесполезной, ибо намерен искать впредь дел важнейших. Вместо ж того разными движениями эскадры и перепалкою с кораблей всем синопским жителям и судам, при оных находящимся, наносил беспрестанно великий страх и беспокойство. Суда в такой были робости, что против крепости придвинулись вплоть к самой мелкости и беспрестанно места свои переменяли.

Я с эскадрою, проходя близ оных, сделал на береговые батареи и на них довольный огонь и потом вблизи их лег на якоря, а корабль «Георгий» послал еще ближе вперед обойти и нанести им более страху, который, проходя батареи, крепость и суда, открыл жестокий на них огонь. Заметно, что во все оные места и во фрегаты положил несколько ядер, и, возвратясь, командующий оного господин капитан 2 ранга Поскочин рапортовал, что, исполняя приказание, будучи не в весьма близкой дистанции, на корабле своем повреждения никакого не имеется, кроме того, что одним ядром отбило марсовый поручень и щепами оного двух матросов легко ранило. А как выдавшийся от Синопа северный мыс есть такое место, которое суда, идущие в разные места из Константинополя, тож и ото всех берегов восточной стороны в Константинополь проходят в самой близости оного, потому крейсерские суда под прикрытием фрегатов «Иоанн Воинственник», «Нестор Преподобный» и судна «Полоцк», рассыпавшись в разные места, делали поиски около синопских берегов и, брав в плен попадающиеся суда, приводили в эскадру. Во все оное время поймано таковых судов с пшеницею и разным грузом восемь да загнато на берега и затоплено четыре. Со оных судов многие турки на баркасах бежали на берег. Крейсера с помощью служителей греческого полку, гонявшись за ними на своих вооруженных баркасах, имели жестокую перепалку и многих перестреляли, а других и с баркасами потопили. За всем тем поймано и взято в плен турок — 80, турчанок больших и малолетних — 14, греков — 51, армян — 3, невольников, везомых для продажи в Константинополь, черкесских разного возраста мальчиков — 14, женщин тоже взрослых и малолетних девушек — 27. Да везомых же из Анапа для продажи в Константинополь бывших в плену российских разных полков унтер-офицер — 1, солдат — 6, казаков — 5; всего 201 человек. Из наших греков при сих перепалках убит матрос — 1, тяжело ранен — 1 да легкими ранами — 3.

Из взятых же упомянутых осьми судов два, оказавшиеся к переходу через море неблагонадежными, выгружены и, выведя пред городом, сожжены в виду городских жителей и собравшихся на берега множества людей, в которых заметный страх, в каком они находились, надеюсь, останется навсегда, от которого транспорт, коммерция и перевозка судами войск, думаю, непременно на долгое время должна остановиться. А дабы оный наиболее в них вкоренить, 24 числа при западном ветре, снявшись с эскадрою с якорей, продолжил поиски свои близ берега в Самсон, и, идучи, еще два маленькие судна загнаты на берег и затоплены. 25 числа, подходя к сей крепости, крейсера вобрались в бухту оной и произвели жестокою пальбу. Я спешил с эскадрою скорее застать оное место в беспорядке и уповал быть тут военным судам, но, входя в бухту, усмотрел под крепостью две купецкие шайки и одну чектырме, по которым крейсера стреляли, тож перестреливались с крепостью и батареями. Осмотрев порядочно сие место, за сделавшимся восточным крепким ветром, не останавливая тут, довольствовался одним нанесением страха и, не упуская способного ветра, обратил путь свой к Анапу, ибо узнал чрез пленных, что там есть один линейный корабль и одна шайтъя. 28 числа, находясь не в дальнем уже расстоянии таврических берегов, по счислению мыс Феодосии отстоит от меня во 122 верстах к северу, во оное время шесть призовых судов под препровождением четырех крейсерских посланы в Севастополь. На судне «Полоцк» отправил я курьером к вашей светлости греческого полку аудитора Курикова и приказал ссадить его в Феодосию или где удастся по способности ветра, дабы как наискорее доставить уведомление о состоянии эскадры вашей светлости, с которою я и с остальными за отправлением крейсерскими судами направил путь свой к Анапу для поиску. Если найду там упомянутый линейный корабль, стараться буду при оном случае непременно употребить все возможности, а затем дополнить повелению вашей светлости скорым возвращением в Севастополь, о чем донеся снятый с города, крепости и рейда Синопа план*, тож короткое описание известиев константинопольских и прочих мест, полученных через пленных людей, вашей светлости представить честь имею. обстоятельные ж описании оных, тож о пленных судах, товарах и о прочем подробное донесение по прибытии моем в Севастополь представить не премину.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

* Плана в делах не обнаружено.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
ПО ПОВОДУ ОДЕРЖАННОЙ ПОБЕДЫ НАД ШВЕДСКИМ ФЛОТОМ
С ВЫРАЖЕНИЕМ УВЕРЕННОСТИ В БОЕВЫХ УСПЕХАХ
НА ЧЕРНОМ МОРЕ**

4 июня 1790 г.

Ордер вашей светлости, писанный минувшего мая от 23 дня, о приятном известии храброго отражения с немалым уроном превосходного шведского флота* нашим сего числа имел честь получить и, воздав благодарение Богу, надеюсь на всещедрую его милость, что в настоящее время благословит оружие ее императорского величества и на Черном море; такового случая все служащие во флоте Севастопольском с великим желанием ожидают.

О чем сим и донести честь имею.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА С.С. ЖЕГУЛИНУ
О РЕЗУЛЬТАТАХ ПОХОДА ФЛОТА К АНАТОЛИЙСКИМ БЕРЕГАМ
И К АНАПЕ С 16 МАЯ ПО 5 ИЮНЯ 1790 г.**

*5 июня 1790 г., корабль «Александр»
на Севастопольском рейде*

Имею честь донести вашему превосходительству, что я, отправляясь с эскадрою минувшего мая 16 дня, с этого времени, начиная от Синопа, обошел всю восточную сторону анадольских и абазинских** берегов, господствуя при оных сильною рукою, заставил две части вышедших из Константинополя нынешней весною эскадр искать своего спасения, укрываясь под крепостями, и вместе с оными тоже и великим множеством ополчающегося народа трепетать от страха и отчаянности, дабы остаться целыми. Хотя ж и не имею с собою брандеров и бомбардирских судов, притом, стараясь о скором возвращении, истребить их случая не имел, но во всей стране анадольских и абазинских берегов навевенным страхом, надеюсь, на долгое время коммерцию и перевозку войск прекратил; оттоль следовал, касаясь таманских и близ таврических берегов, и сего числа возвратился на Севастопольский рейд благополучно. Будучи при Синопе трое суток, город, крепость и суда содержал в совершенной атаке, имея с ними довольную перепалку, все время крейсерские суда брали попадающиеся навстречу и около Синопа выводили почти из-под самых крепостей купецкие суда, перебили и потопили множество бежавших с них на баркасах людей и сверх всех оных взято в плен на су-

* У Ревеля 2 мая 1790 г. атакующий русскую эскадру адмирала В.Я. Чичагова шведский флот был отбит с потерей им двух линейных кораблей.

** Абхазских.

дах разного сорта мужского и женского полу 201 человек, судов взято восемь, из коих два сожжены, выведя перед городом при Синопе, а шесть приведены в Севастополь. Да сверх оных четыре при Синопе ж загнаны на берега и затоплены; из приведенных сюда судов два из Анапа, два из Самсуны и два из Константинополя, одно от 9, а другое от 14 минувшего мая, вышедших с разным грузом. По точному ж осведомлению от пленных об опасной болезни нигде не слышно, везде благополучно. Оные суда взяты в плен 21 и 22 мая, с того времени находились со мною, и на оных обстоит все благополучно ж и ни малейшего сомнения не предвидится. Я с военными судами, хотя сообщения с ними не имел, но командиры корсарских судов несколько раз приезжали ко мне на корабль. Также взяты ко мне на корабль из пленных из Анапа два из русских казаков и два турка. И по сему, хотя я и не предвижу надобности остаться в карантине, но, сохраняя законный порядок, за долг почитаю отнестись об оном вашему превосходительству, яко хозяину Таврии, и испросить вашего позволения, должно ли мне остаться на малое время в карантине или оному не подлежу в рассуждении, что уже с того времени, как взяты суда, прошло довольно время и на всех судах обстоит благополучно, сомнения никакого не предвидится. Покорно прошу не оставить на оное скорейшим вашим соответствием, ибо я имею многие надобности по флоту; важно и для крейсерских судов по правам карантина приказать сделать подлежащий осмотр и учинить, что до кого принадлежит.

Анап таким же образом судами мне вверенными был формально атакован, оный и находящиеся под крепостью суда выдержали жестокой с эскадры огонь, и по три дня находился в великом страхе и отчаянности, недоставало только со мною брандеров и бомбардирских судов к совершенному истреблению судов неприятельских.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ПОПОВУ
ОБ УСПЕШНОМ ПОХОДЕ ЭСКАДРЫ К БЕРЕГАМ АНАТОЛИИ
И ВОЗВРАЩЕНИИ ЕЕ В СЕВАСТОПОЛЬ**

5 июня 1790 г., корабль «Александр»

Свидетельствуя вашему превосходительству истинное мое почтение, донести честь имею, исполняя вверенную мне комиссию, счастием его светлости имел в походе почти непрерывно хорошее время и благоуспешные ветры и, обошед с эскадрою восточную часть моря, нанеся везде кроющимся под крепостями эскадрам, самим крепостям и великому множеству ополчающегося народа великий страх и отчаянность остаться целыми, сего числа

благополучно прибыл в Севастополь. К истреблению ж судов надобились брандеры, также желательно б иметь бомбардирский один или два, тож судна два надежных к походу гребных с большими пушками, оных со мною не случилось, притом опасался, дабы не замедлить возвращением и иметь эскадру во всем сохранную в целости для многих обстоятельств, опасался повреждения мачт, теперь же остается обойти со флотом другую важнейшую часть моря, хорошо б оным поспешить в лучшее и безопасное время. Во ожидании сего случая, рекомендую себя в благосклонную милость вашего превосходительства и, прося, милостивый государь, не оставить старанием вашим обещанной мне его светлости милости, в надежде которой с истинным моим почтением и совершенной преданностию пребуду навсегда.

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О ДЕЙСТВИЯХ ФЛОТА У АНАПЫ С 28 МАЯ ПО 2 ИЮНЯ**

*5 июня 1790 г., корабль «Александр»
на Севастопольском рейде*

По донесении моем вашей светлости минувшего мая от 28 дня, что, находясь с эскадрою не в дальнем расстоянии от Феодосии, отправил курьера и, отпустя пленные суда в провождении четырех крейсерских в Севастополь, спешил с эскадрою иттить к Анапу, и с того времени, следуя при тихом благополучном ветре, 29 числа достиг на вид оною берега, и, подходя в близость, перед вечером оказались видны при Анапе пять турецких судов, в том числе один линейный корабль, потом и еще открылись три малых судна, все они оказались в виду сквозь густую мрачность, а как я с эскадрою на вид их показался от стороны анадольских берегов, потому, уповаю, они, видя наши суда, опознать не могли и потом начали закрываться темнотою. Я, желая воспользоваться сим случаем, следуя передовым и в близости за мною два корабля со оными спешил всевозможно в тож время сделать нападение.

В 9 часов пополудни начали открываться зажженные на них огни, а я на эскадре оных не имел и старался скорее приблизиться, дабы застать их в беспорядке. Оставалось не более ходу как на два часа, но ветер, стихая, совсем заштилел, и противным течением суда наши начало отделять прочь, а тем и понудило остановиться на якорях.

30 числа утром был густой туман, при открытии которого оказалась приближавшаяся к нам турецкая кирлангичь, и как скоро она обозрела, с крайней поспешностью возвратилась к кораблю, который и с ним один фрегат, одна шайтья, одно вооруженное из

транспортных и пять небольших купецких судов стояли на рейде от крепости довольно отделены, так что свободно можно б всех их окружить.

В 10 часу пополудни сделался ветер тихий от севера, северо-востока, при котором неприятельские суда остались на ветре, я с эскадрю, снявшись с якорей; старался, лавируя, приблизиться ко оным, но противным течением всю эскадру отклонило далее прочь, посему, дабы не удалиться, в 7 часов после полудня вторично принужден лечь на якоря.

31 числа при северном ветре, лавируя на ветер, спешил приблизиться, обходя ж Анапский мыс, с батарей палили по нас ядрами, но они не доставали. Во все оное время неприятельские суда тянулись под крепость и, приближася к берегу за мелкостью рейда, свозили с корабля груз, дабы его облегчить, а потом, устроая на шпрингах, легли бортами против нас и начали палить ядрами. Я с эскадры также для пробы сделал несколько выстрелов, но с обеих сторон не доставали. В 6 часов пополудни, с передовыми судами находясь близко для обождения эскадры, лег на якоря на глубине 9 сажен, а в осьмом часу и прочие подошед в свои места, для ночной темноты легли ж на якоря, и сделано распоряжение, дабы утром учинить нападение, между тем посланы шлюпки для промеру глубины и осматриваны способные места. Кирлангич турецкая, подходя, выстрелами своими препятствовала оным, но выстрелами ж с моего корабля отогната и остановилась перед кораблем для ночного караула.

По рассвете сего июня 1 дня корабль турецкий и фрегат оказались под самой крепостью довольно сгружены и придвинуты к берегу в бухте, которую закрывают со обеих сторон сделанные вновь батареи. Заметно, что они сделаны из корабельных пушек, которые на корабле могли быть без употребления; по промеру ж и осведомлению оказалось глубина при берегах оной бухты далеко от мелиста, в рассуждении которой, тож и по узкости ее к кораблю под парусами подойти неспособно. Для сего и приказал я ночью тянуться туда завозами и стараться зажечь их брандскугелями, если возможно. Спустя на воду все гребные суда и учредя подлежности, около полуночи притянулись на подлежащие места против неприятельских судов (и батарей, коих миновать невозможно) и начали по оным палить ядрами, бомбами и брандскугелями. Против же нас произвели жестокой огонь со всех батарей и также, паля ядрами, бросали небольшие бомбы и карказы, которые не долетая рвало на воздухе, а ядра многие перелетали чрез наши суда. С неприятельского ж корабля и прочих судов для укрывания себя при темноте палбы не произведено, а от нас несколько брандскугелей легли и горели на берегах близ батарей, и бомбы разрывало на оных.

Произведя я довольный огонь, для предосторожностей приказал судам своим на рассвете оттянуться прочь. При начале ж дня с

батарей и со всех судов произведен вторично жестокий огонь, но ядра их не долетали, потому от меня ответствовано им одним ядром для пробы; усмотря ж я, что при помощи батарей и прочих выгудностей устроились они к отчаянной до крайности обороне, решительное нападение оставил, оберегая суда мне вверенные, дабы не сделать ни малейшей остановки намерениям важнейших дел вашей светлости и поспешить скорым возвращением, довольствуясь тем, что с эскадрою, начиная от Синопа, обошел восточную сторону Анатолии и абазинские берега. Господствуя сильною рукою при оных, заставил две части вышедших нынешней весною из Константинополя эскадр искать своего спасения под крепостями и вместе со оными и множеством ополченного народа трепетать от страха и отчаянности. К истреблению ж оных недоставало со мною одного или двух бомбардирских судов, брандеров, и надобились также два или три гребные судна с большими пушками.

Возвращаясь я от Анапа, следовал в виду таманских и таврических берегов и сего числа прибыл на Севастопольский рейд благополучно, не имея на судах ни малейшего повреждения, а при том и служители все здоровы, трудно больных не имеется. О чем донеся, снятый план Анапского рейда вашей светлости представить честь имею.

Во все ж время бытности моей в походе все суда, мне вверенные, кроме случайных откомандировок, всегда держались соединенно и из виду моего ни одно не отделялось, господа командующие кораблей, фрегатов и прочих судов, находящиеся при мне флаг-капитан и подчиненные по команде штаб- и обер-офицеры и разных чинов служители во всех случаях должность свою исправляли ревностно с отменной прилежностью, в чем приписав им похвалу, вашей светлости рекомендовать честь имею.

Федор Ушаков

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА О НАКАЗАНИИ НАХОДИВШИХСЯ
В БЕГАХ МАТРОСОВ И ВОЗВРАЩЕНИИ ИХ НА СВОИ КОРАБЛИ,
О ПОДГОТОВКЕ СУДОВ К ВЫХОДУ В МОРЕ
И ПЕРЕВОДЕ БОЛЬНЫХ СЛУЖИТЕЛЕЙ ИЗ ГОСПИТАЛЯ
НА ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ**

14 июня 1790 г.

§ 2

Рассматривая взятых от пойманных из бегов матросов 2-й статьи корабля «Св. Георгий» Симиона Орлова, фрегатов «Иоанн Воинственник» Тихона Волкова и «Покров Богородицы» Потапа Иванова, которые побег сей учинили с намерением, чтоб определиться в армейские полки, и шатались в разных местах Таврической области, а наконец за неимением письменного вида пойманы, и хотя во время

побега воровства, грабительства и злодеяний никаких они не чинили, но по силе закона подвергли себя за самовольную отлучку от команды к жестокому наказанию. Уважая ж молодые их лета и малобитие в службе, в надежде, что впредь проступок сей потшатся заслужить, к воздержанию их и в страх другим рекомендую господину премьер-майору Говорову завтрашнего числа при собрании фрунта наказать кошками и, освободя из-под караула, отослать по-прежнему в свои команды, где, приняв, как они из списков уже были исключены, внести в оные и почитать налицо.

§ 3

Ожидаю я в скорости повеления о выходе со флотом на море, почему рекомендую господам командующим всех на рейде стоящих кораблей и фрегатов немедленно подать ко мне рапорты, во всем ли обстоит к выходу в готовности и не предвидят ли в каких необходимо надобных вещах недостатка, дабы я мог оными приказать снабдить заблаговременно.

§ 4

Находящихся в госпитале больных служителей приказал я палатки для оных перенести с низменного места на гору на чистый воздух, из которых две уже и перенесены. Для переносу ж достальных послать завтрашний день поутру рано с эскадры, пришедшей из моря, с кораблей по осьми, а с фрегатов по пяти человек, и велено явиться при той госпитали к комиссару Чухнину, которому стараться непременно завтрашний день все оное исправить.

Федор Ушаков

ИЗ ПРИКАЗА Ф.Ф. УШАКОВА О ПОСТРОЙКЕ МОРСКОГО ГОСПИТАЛЯ В СЕВАСТОПОЛЕ

20 июня 1790 г.

§ 1

Желательно поспешить отстройкою новой госпитали, для сего господа командующие со всего флота кораблей, фрегатов и прочих судов благоволят послать знающих каменную работу служителей всех, сколько у кого таковых есть, не удержав ни одного, ибо так надобность требует. Невольников знающих всех же послать, не удержав на сей случай при собственностях нигде ни одного, ибо я сам за оным в смотре старания иметь буду. Сколько ж от кого таковых людей послано будет, записками меня уведомить. Сии люди употреблены будут к работам только на малое число дней. Срок назначится по усмотрению работы...

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
С ПРОСЬБОЙ ОБЕСПЕЧИТЬ ФЛОТ ДЕНЬГАМИ
НА ЗАКУПКУ ВО ВРЕМЯ ПЛАВАНИЯ СВЕЖЕГО ПРОВИАНТА**

*26 июня 1790 г.,
корабль «Рождество Христово» на Севастопольском рейде*

При отправлении флота на море почитаю необходимо надобным дать на все корабли по несколько денег на покупку свежей провизии для содержания случающихся больных служителей и на прочие надобности; не имея ж я здесь денежной казны, в надежде милостей вашей светлости некоторую сумму денег займу здесь на свой счет и оную надобность исправлю. Осмеливаюсь просить вашей светлости на заплату оной, тож на прочие случившиеся здесь необходимо надобные издержки и на будущее время на внезапные случаи повелеть, откуда следует снабдить меня суммою денежной казны.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

**ИЗ ПРИКАЗА Ф.Ф. УШАКОВА О НЕПРИСТОЙНОМ
ДЛЯ ЧЕСТИ ОФИЦЕРА ПОВЕДЕНИИ ЛЕЙТЕНАНТА ШЕСТАКОВА
И МЕРАХ ДЛЯ ЕГО ИСПРАВЛЕНИЯ**

27 июня 1790 г.

Многokrатно доходила до меня просьба от господина командующего корабля «Петр Апостол» на лейтенанта Шестакова, который дурным своим, непристойным чести офицера поведением наносит великие беспокойства, и хотя по приказанию моему был штрафован, но и затем от оных не воздерживается, ныне ж по желанию его, господина Шестакова, определяю для кампании на корабль «Георгий». Рекомендую господину командующему оного принять и иметь за ним присмотр, стараясь в поведении его поправить. Господину ж Шестакову рекомендую во оном приложить свое старание и впредь оказать себя исправным и заслужить хорошую рекомендацию, а в противном случае останется сам причиною своего несчастья, если оно с ним последует. Надеюсь, что сие подтверждение послужит ему в пользу.

Федор Ушаков

ИЗ ПРИКАЗА Ф.Ф. УШАКОВА
ОБ УСИЛЕНИИ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ПОДГОТОВКИ
ЛИЧНОГО СОСТАВА ФЛОТА

5 июля 1790 г.

§ 1

Весьма нужно, чтоб определенные к пушкам служители в скорострельной пальбе сделали довольную навичку. Посему рекомендую на всех кораблях и фрегатах делать ежедневно экзерциции пушками и большей частию скорострельно спышками. Переменяя комендоров, научить исправно оной должности по крайней мере у каждой пушки по три человека. Обучать же пушки наводить во обе стороны, сколько можно их передвинуть, тож исправно наводить по цели. За всем оным господа командующие сами имеют смотрение и приказать при себе комендоров во всем каждого в звании отэкзаменовать, а при случае и я не упущу сделать свидетельство оным, к чему благовременно их приготовить.

§ 2

Когда усмотрю способное время [сделать] еще одну экзерцицию с пальбою, к сему приготовить самых маленьких зарядов, не более на один борт по 6 или по 7 выстрелов на пушку.

§ 3

Когда случится с неприятелем иметь сражение, рекомендую по сходству ордера его светлости напрасно отнюдь не расстреливаться. Бude дистанция велика, стрелять по пробе из больших пушек, а из малых только тогда, когда дистанция весьма близка и явно видно, что оные могут наносить вред неприятелю, а без того отнюдь не палить, ибо, расстреляв заряды бесполезно, от оного можно потерпеть напоследок явное бедствие, посему иметь осторожность.

§ 4

Подветренные весьма далеко упали, не почитаю инако, как сие учинено оплошным смотрением вахтенных командиров; посему подтверждаю иметь осторожность и флот не разделять. Впредь же за оное подвергают себя ответом.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
С ПОЗДРАВЛЕНИЕМ ПО СЛУЧАЮ ОДЕРЖАННОЙ ПОБЕДЫ
НАД ТУРЕЦКИМ ФЛОТОМ В КЕРЧЕНСКОМ ПРОЛИВЕ**

10 июля 1790 г., корабль «Рождество Христово»

От истинного усердия имею честь поздравить вашу светлость с победою, одержанной флотом Черноморским над турецким в Черном море против пролива Еникольского и устья реки Кубани. Обстоятельства действия объяснены в приложенном при сем рапорте. При чем рекомендую себя и представленных от меня с отличной рекомендациею в милость и покровительство вашей светлости, в надежде которых с истинным моим наиглубочайшим почтением и совершенной преданностию имею честь быть...

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О СРАЖЕНИИ В КЕРЧЕНСКОМ ПРОЛИВЕ 8 ИЮЛЯ 1790 г.**

*10 июля 1790 г.,
корабль «Рождество Христово» на якоре против Феодосии*

Исполняя повелении вашей светлости во время поисков показавшегося около таврических берегов неприятельского флота сего июля 8 дня стоял с Севастопольским флотом в числе десяти кораблей, шести фрегатов, одном репетичном, 13 крейсерскими судами и двумя брандерами при устье Еникольского пролива. В сие время при восточном ветре в 10 часу пополудни при мрачной погоде показался вдруг в близости нашего флота, от стороны Анапа, флот неприятельский, который шел подо всеми парусами от северо-востока прямо на наш флот и состоял в числе 10 линейных кораблей, из которых четыре флагманских и четыре ж отборные большие корабли и два прочих поменьше, 8 фрегатов, бомбардирских кораблей, шебек, бригантин, шайтьи, лансонов и кирлангичей 36.

Я со флотом поспешно снялся с якорей и построил линию баталии левого галса, на которую неприятель спешил спуститься, ведя атаку свою на авангард. В 12 часов пополудни, подошед в близость, начал производить жестокий огонь, и по учиненному от меня сигналу вступить в бой с неприятелем началось сражение.

Авангард нашего флота усиливающееся нападение неприятеля выдерживал с отличной храбростию и жестокостию огня приводил его в замешательство и расстройку так, что они пальбу свою весьма уменьшили. Капитан-паша беспрестанно усиливал атаку свою, подкрепляя прибавлением кораблей и многими разными судами с большими орудиями. Ко отвращению сего по учиненным от меня сигналам фрегаты отделились из линии для корпуса

резерва, а корабли сомкнули плотно свою дистанцию, и я с кордебаталией, прибавя парусов, спешил подойти против усилившегося неприятеля.

Последовавшая в сие время в пользу нашу на четыре румба перемена ветра подала случай приблизиться ко оному на такую дистанцию, что картеча из малых пушек могла быть действительна. Неприятель, приметя перемену сего положения, пришел в замешательство и начал прямо против моего корабля и передового передо мной корабля ж «Преображение» поворачивать всею густою колонною чрез оверштаг, а другие, поворачивая ж по ветру, спустились к нам еще ближе. Следующие передо мною корабль «Преображение» и находящийся под флагом моим корабль «Рождество Христово» произвели на всех их столь жестокий огонь, что оным причинили великий вред на многих кораблях и самого капитан-пашинского.

Из оных весьма поврежденные два корабля в стенах и реях и один из них в руле со сбитою бизань-мачтою упали на нашу линию и шли столь близко, что опасался я сцепления с некоторыми из наших задними кораблями. Вице-адмиральский корабль также весьма поврежден, паруса, фор-марсель и крьюсель упали на низ и были без действия, который потому ж, упав под ветер, прошел всю нашу линию весьма близко, и чрез то оный и помянутые два корабля остались совсем уже разбиты до крайности. С некоторых кораблей флаги сбиты долой (из которых посланными с корабля «Георгий» шлюпками один взят и привезен на корабль). Капитан-паша, защищая поврежденные и упавшие свои корабли, со всеми прочими и многими разными судами спустился под ветер, проходил контргалсом параллельно линию нашу весьма близко, чрез что потерпел со всеми ими также немалый вред. Великое повреждение его кораблей и множество побитого экипажа очевидно было весьма заметно. При оном же сражении кирлангичь одна и с людьми потоплена.

Я с передовыми, будучи же на ветре, сделал сигнал авангардии всей вдруг поворотить оверштаг, кораблю «Рождество Христово» быть передовым и сигналом же велел всем кораблям, не наблюдая свои места, каждому по способности случая, с крайней поспешностию войти в кильватер моего корабля, чрез что линия на правый галс устроилась весьма скоро на ветре у неприятеля, который, приходя от того в замешательство, принужден устраивать линию свою под ветром и, прибавя парусов, растягивать оную против нашей линии, закрывая многими судами спомоществующими всеми возможностями своим поврежденным, сколь я ни старался, чтоб с ветру подавшись вперед, против неприятельской линии со всеми силами ударить на неприятеля, но легкость в ходу их кораблей спасла от сего предприятия и совершенной их гибели.

Я по учиненному сигналу о погоне, имея на флоте все паруса, гнал за бегущим неприятелем и спускался к нему ближе, но как в скорости догнать их на порядочную дистанцию не мог, потому последовавшая ночная темнота весь флот неприятельский закрыла от нас из виду, и чрез то лишились видимой уже бывшей почти в руках наших знатной добычи. Хотя ж я всю ночь, находясь в линии, следовал за ним, спускаясь от ветра, но при весьма темной ночи не мог видеть, куда они сделали свой оборот, к Синопу или к румелийским берегам, неизвестно.

Полуночь 9 дня при рассвете оною нигде уже не видал, и потому, имея на флоте некоторые повреждения в мачтах, реях и стенах, для поправления потребностей пошел и остановился на якорях против Феодосиевской бухты. Жестокий непрерывный бой с неприятельским флотом продолжался от 12 часов пополуночи до 5 часов пополудни. С нашей стороны на флоте урон весьма мал; убитых: мичман Блаз Антонович, морской артиллерии лейтенант Петр Галкин, разных нижних чинов — 27; раненых: флота лейтенанты Федор Кармазин, Михайла Леонтьев, Константин Патаниоти, шхипер Степан Рябиков, разных нижних чинов и рядовых — 64. Повреждения в корпусе на судах весьма мало, кроме что ядрами прострелены на некоторых кораблях мачты, стены и реи, перебито немалое число такелажа и паруса прострелены.

В продолжение сражения все командующие судов и разные чины флота Черноморского, находящиеся во оном действии, с крайним рвением и отличной храбростию выполняли долг свой, а паче начальники кораблей, в бою бывших, отличили себя отменной храбростию и искусством в управлении со всяким порядком вверенных им судов: командующий авангардиею господин бригадир флота капитан и кавалер Голенкин, тоже командующие кораблями флота капитаны 1 ранга: «Св. Павел» — Шапилов, «Св. Андрей» — Вильсон, «Иоанн Богослов» — кавалер Кумани; 2 ранга: корабль «Преображение» — Саблин, «Петр Апостол» — Заостровский, «Св. Александр» — кавалер Языков, «Рождество Христово» — Ельчанинов, «Св. Георгий» — Поскочин, так как и бывший при мне флаг-капитан Данилов, исполняя все мои приказания, обозревал неприятельские движения и производил сигналы с отменным прилежанием и расторопностию. Также находящийся при полевых с полком господин полковник и кавалер Чирков употреблен был от меня во многих случаях ко исполнению разных приказаний, которые исполнял с отличным усердием и храбростию, ободряя людей. Я за долг почитаю отдать всем им справедливость и представляю как сие дело, так и оных на милостивое уважение вашей светлости.

При сем же сбитый и взятый флаг с большого линейного неприятельского корабля с посланным от меня корабля «Рождество

Христово» господином лейтенантом Лошаковым препроводить честь имею. О прочих же подробностях и отличившихся подкомандных по прибытии в Севастополь, отобрав обстоятельства, донести не премину.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА ПО ЭСКАДРЕ
С ОБЪЯВЛЕНИЕМ БЛАГОДАРНОСТИ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ
ЗА ПРОЯВЛЕННЫЕ МУЖЕСТВО И ХРАБРОСТЬ
В КЕРЧЕНСКОМ СРАЖЕНИИ**

21 июля 1790 г.

В присланном ко мне от его светлости князя Потемкина-Таврического сего июля от 16 дня ордере предписано: «отдая полное уважение победе, одержанной вами над флотом неприятельским 8 дня сего месяца, приписую оную благоразумию вашего превосходительства и неустрашимой храбрости вверенных вам сил. Примите чрез сие, ваше превосходительство, засвидетельствование моего удовольствия и признательности и объявите оные всем подчиненным вашим; поставляя за долг воздавать заслугам, не премину я охотно сего исполнить и в рассуждении всех тех, которых отличные подвиги будут вами засвидетельствованы»; о чем чрез сие объявляю гг. командующим кораблями, фрегатами, судном «Полоцк» и прочими крейсерскими судами, бывшим со мною, флаг-капитану и всем, находившимся во флоте при оном сражении штаб- и обер-офицерам и разных чинов служителям за оказанные ими при оном сражении мужество, отлично неустрашимую храбрость, рвение и прилежное исполнение должностей, за особый долг и удовольствие почитаю приписать и с моей стороны всякую похвалу и благодарность. Рекомендую гг. командующим об оном объявить в командах всем своим подчиненным.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ПОЗДРАВЛЕНИЕ
ПО ПОВОДУ ОДЕРЖАННОЙ ПОБЕДЫ В КЕРЧЕНСКОМ ПРОЛИВЕ
И О МЕРАХ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ БОЕСПОСОБНОСТИ ФЛОТА**

22 июля 1790 г.

Всепочтеннейшее письмо и ордер вашей светлости о засвидетельстве удовольствия и признательности за сражение, бывшее 8 числа сего месяца против неприятеля, имел счастье получить. За такуюю отличную милость вашей светлости я и все господа командующие судами и подчиненные чрез сие приносят наичувствительнейшую благодарность. Сие поощрение ободрят всех к будущим предприятиям, чего, спеша исправлением и приуготов-

лением судов, нетерпеливо ожидают. Осмеливаюсь всепокорнейше просить вашу светлость несколько мачтовых и прочих разных дерев повелеть доставить хотя сухим путем в Севастополь, сверх прежде требуемых мною двух мачт для запаса на будущее время, ибо после каждого бою с неприятелем надобиться будут многие деревья. Стоячий и пробегающий такелаж переменяет. Теперь же по неимению здесь такелажа штаги, ванты, фордуны, бакштаги и множество такелажа без перемены вновь сплеснены те же и, исправляя их как наивозможно, остались в действии, но, ежели бы они откудова следует подоспели сюда, должно бы переменить. Великое желание общее всех скорее быть в походе и исполнить с точностию повелению вашей светлости превозмогает все невозможности и заменяет все, что чем и как наивозможно, и уповаю не более как чрез две недели быть готовым.

Федор Ушаков

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА
О ПРИВЕДЕНИИ ФЛОТА В БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ
В СВЯЗИ С ПОЯВЛЕНИЕМ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА
У БЕРЕГОВ КРЫМА**

10 августа 1790 г.

По рапорту из Балаклавы от секунд-майора Николаева сейчас усмотрены пикетами от Георгиевского монастыря в отдаленности моря флота неприятельского 34 судна. Путь свой простирают, по примечанию, от запада к крымским берегам, о чем объявля, рекомендую господам командующим на рейде стоящих передовых кораблей иметь готовые шпринги и завезенные кабельтовы и состоять в таком положении, в каком были устроены прежде, когда в первый раз показался здесь неприятельский флот... Между тем же рекомендую всего флота кораблям, фрегатам и прочим судам к выходу в море быть во всякой исправной готовности, особо ж рекомендую господину командующему кораблем «Рождество Христова» в самоскорейшем времени работы и исправления корабля окончить, к сему употребить как своих служителей всех, так от порта и флота требовать мастеровых людей столько в довольном количестве, чтоб все работы исправлены были вдруг и окончены. По исполнении оных выйтить на рейд и о готовности ко мне отрапортовать. Равно и все господа командиры завтрашнего числа поутру имеют подать рапорты, во всякой ли готовности обстоят к выходу на море и не имеются ли надобности в каких необходимых вещах, ибо я, нимало не мешкав, со флотом намерен выйтить на море.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
С ПОЗДРАВЛЕНИЕМ ПО СЛУЧАЮ ОДЕРЖАННОЙ ПОБЕДЫ
НАД ТУРЕЦКИМ ФЛОТОМ У ОСТРОВА ТЕНДРА**

30 августа 1790 г., корабль «Рождество Христово»

От истинного усердия имею честь поздравить вашу светлость с победою, одержанною Черноморским флотом сего августа 28 и 29 чисел над флотом неприятельским, со взятием одного 66-пушечного корабля и лансона, также адмиральский корабль был взят в плен, но весьма разбит и загорелся, отчего и подорвало. Адмирала трехбунчужного пашу Саит-бея с его капитаном и прочими чиновниками при сем препроводить честь имею, флаги кормовые, несколько раз переменяемые, сбиты во время бою, а стеньговый на упавшей мачте погруз в воду и взять не успели. За сим рекомендую себя и подчиненных мне в милость вашей светлости, в надежде которой имею честь быть с наиглубочайшим высокопочитанием и преданностию.

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О СРАЖЕНИИ С ТУРЕЦКИМ ФЛОТОМ
У ОСТРОВА ТЕНДРА 28—29 АВГУСТА**

2 сентября 1790 г.

По сходству повеления вашей светлости 25 дня минувшего августа вышел я со флотом Севастопольским в числе 10 кораблей, 6 фрегатов, одного репетичного, одного бомбардирского, двух брандеров и 17 крейсерских судов с рейда Севастопольского в море для соединения с Лиманской эскадрою и поисков над неприятельским флотом, 28 числа при начале дня достиг на вид острова Тендры и Очаковского берега, и в то ж время обозрел флот неприятельский между Тендрою и Хаджибеем, стоящий на якорях в числе 14 больших линейных кораблей, 8 фрегатов и 23 отборных из лучших, разного сорта судов.

Ветр был свежий от стороны ZOZ, весьма способный к нападению, при котором, пользуясь я благоуспешностию случая, и пошел его атаковать. Как же скоро замечено в неприятельском флоте приближение нашего, отрубя оные якоря, вступил под паруса я со флотом, гнавшись за ним, принудил к бою, и, построясь оба флота в линию баталии правого галса OZ и WN, наш флот, будучи на ветре, по данному от меня сигналу спустился на неприятеля на ближнюю дистанцию.

И в три часа пополудни началось жестокое сражение. Неприятельский флот, вскорости не теряя жестокого огня, с великой живостью на него производимого, начал уклоняться под ветер, а наш,

спускаясь на него, беспрестанно умножал огонь еще сильнее. Перед вечером флот неприятельский, находясь уже в беспорядке, начал весьма уступать под ветер; тогда по данному от меня сигналу гнать неприятеля кордебаталии из первых кораблей «Рождество Христово», «Преображение» и «Александр», тож и авангардия с отличной неустрашимостью спускались беспрестанно весьма близко на передовую часть отборных неприятельских кораблей, где и все флагманские корабли их находились, теснили оных и, поражая, наносили великий вред и тем принудили всю оную передовую неприятельскую часть флота поворотить чрез фордевинд и бежать к стороне Дуная при ветре, уже бывшем тогда ZZW, приводя корабли свои ближе к ветру левого галса, и следовать за задней своей частью, которая, поворота также чрез фордевинд, делалась уже передовою и бежала бейдевинд на другой галс, отделяясь от нашего флота вперед. Флот же наш гнал неприятеля под всеми парусами и бил его беспрестанно.

Во время сего сражения более всех разбиты неприятельский авангард и передовые кордебаталии, из которых весьма претерпели адмиральский и капитан-паши корабли и бывшие близ оных, которые во время поворота их чрез фордевинд были весьма близки против бортов кораблей «Рождество Христово» и «Преображение». Во время сего сражения на адмиральском корабле сверх других его повреждений подбиты грот-марсель и крьюсель и повреждены стеньги и реи, тож и еще у некоторых заметны были явные повреждения в мачтах, стеньгах и парусах, потому они и оставались назади всех и во время погони еще более претерпели.

Погоня за неприятелем продолжалась до осьми часов пополудни, в которое время флот неприятельский, в рассуждении легкости судов, отделился уже вперед и при темноте ночной закрылся из виду. Посему, не видя более успеха, в девятом часу по учиненному сигналу флот наш, дабы остаться еще на ветре, поворотил весь чрез оверштаг на другой галс, и на всех судах зажжены огни в фонарях, дабы при видимости оных держались соединенно. Но как ветер начал крепчать, да и предвещало быть крепкой погоде, для того по данному от меня сигналу легли в соединении на якоря, кроме что крейсерские суда для крепости ветра многие ушли в закрытие к берегам Очакова.

Поутру 29 дня при начале рассвета оказался флот неприятельский, лавирующий к ветру, рассыпан весь в разные места, так что некоторые суда были у нас уже под ветром. Я, сделав сигнал о погоне со флотом, поспешно вступил под паруса и гнал неприятеля, но капитан-паша с несколькими кораблями скоро ушел во отдаленность. Затем остались позади из поврежденных 28 числа адмиральский 74-пушечный корабль «Капитания» и другой, партикулярный, 66-пушечный, из которых первый, будучи еще на ветре,

стремился уйтить за флотом, а последний от погони нашей, находясь уже отрезан под ветром, побегал на мелкие места к банке, отделяющей форватер между Кинбурном и Хаджибеем, за которым в погоню послал я господина бригадира флота капитана и кавалера Голенкина с двумя кораблями и двумя ж фрегатами, а с прочими гнал бегущего неприятеля на ветр.

В 10 часов пополуночи передовые нашего флота догнали в близость и упомянутый адмиральский неприятельский корабль. Из наших, находясь ближе всех к нему, корабль «Св. Андрей» первый вступил с ним в бой и, гнавши, подходил еще к нему на ближнюю дистанцию, и подбил фор-марсель, причем оный неприятельский корабль ход свой уменьшил, почему подоспел еще к нему корабль «Георгий», а за ним «Преображение» и еще некоторые корабли прошли из-под ветра, переменяя один другого, производили жестокий огонь, и передовые окружили его с ветра.

Напоследок, когда начал подходить в близость к сему неприятельскому кораблю корабль «Рождество Христово», сделал я сигнал подветренным судам войти в кильватер онного корабля для того, дабы во время боя не мешали один другому, после чего корабль «Рождество Христово» подвинулся еще вперед, стал против неприятельского борта с надветренной стороны на дистанцию не более 30 сажен и в малейшее время нанес ему наихудшее поражение. За ним подошел и производил пальбу корабль «Георгий», а в сие время корабль «Рождество Христово» подвинулся еще вперед, весь борт оной оборотил на нос неприятельского корабля и, остановясь в таком положении, готовился сделать ему лаг всем бортом, уповая, что непременно от онного должен будет он потонуть. Но в сие время люди неприятельского корабля, выбежав все наверх, на бак и на борты, поднимая руки кверху, кричали на мой корабль и просили пощады и своего спасения. Заметя оное, данным сигналом приказал я бой прекратить и послать вооруженные шлюпки для спасения командира и служителей, ибо во время боя храбрость и отчаянность турецкого адмирала трехбунчужного паши Саит-бея столь была отчаянна, что он не сдал своего корабля до тех пор, пока остался весь разбит до крайности, заливался водою и все три мачты сбиты долой вплоть по палубу, и густой дым от влпившегося в корму его брандсугеля начал показываться так, что до распространения пожара передовая шлюпка едва успела взять только упомянутого адмирала Саит-бея, капитана корабля «Капитания» Магмет-Дерия, за им Мустафу-агу и прочих чиновников 17 человек.

А другие шлюпки за объятием корабля огнем пристать не могли и при крепчайшем ветре и нашедшем шквале с поспешностью удалились на ближние суда, после чего оный корабль в непродолжительном времени взорвало на воздух. А как прочие неприятель-

ские суда были уже весьма отдалены на ветре, и ветер беспрестанно находил великими шквалами и крепчал, потому я и пошел к эскадре, отдаленной от меня, в погоню за другим кораблем и для соединения с Лиманской эскадрою и флотилиею, находящеюся под командою господина генерал-майора и кавалера де Рибаса, который во время боя и погони за неприятельским флотом делал в виду нашем разные движения и тем неприятелю наводил страх и беспокойство.

Подходя я со флотом к эскадре, обозрел турецкий 66-пушечный корабль, взятый нашими кораблями в плен и стоящий с ними на якорях под российским флагом. Подошед я несколько ближе, остановился со флотом на якорях. В сие время упомянутая Лиманская эскадра и флотилия под началом реченного господина генерал-майора и кавалера де Рибаса пришла ко мне в соединение и остановилась при флоте. После сего от господина бригадира флота капитана и кавалера Голенкина получил короткий рапорт о взятии того корабля, который сдался без боя и именуется «Мелеки-Багари», капитан на оном Кара-Али, служителей всех состоит до 600 человек.

О сих благополучных успехах, спеша я уведомить вашу светлость, по разным случаям не отобрал еще всех подробностей. 30 числа минувшего августа рапортом моим донести честь имел, а за сим, по точным осведомлениям чрез пленных, оказалось: на адмиральском корабле, именуемом «Капитания», стояло разных чинов служителей до 800 человек, из которых, сверх упомянутых взятых в плен адмирала трехбунчужного паши Саит-бея и прочих чиновников, с капитаном корабельным 19 человек, спасены еще на сбитых мачтах и членах подорванного корабля разного сорта служителей 81 человек, а прочие все побиты, сгорели и потонули. На оном же корабле хранилась казна всего флота в содержании казнадара, в которой, по объявлению их, находилась весьма знатная сумма для всего флота, и оная при подорвании корабля вся пропала.

На взятом 66-пушечном корабле, именуемом «Мелеки-Багари», настоящий его капитан убит, после одного командовал первый по нем Кара-Али. На оном корабле разных чинов служителей отправилось из Константинополя 650 человек, а ныне в плен взято 560, прочие померли и побиты. Сверх линейного корабля взяты еще в плен 29 числа крейсерским судном «Панагия Апотуменгана» под командою мичмана Звороно и кирлангичью под командою шхипера Ладыко турецкий лансон, на котором пушек на носу: англинская 36-фунтовая одна, на бортах 6-фунтовых чугунных по 4, на оном турок, греков и армян 29 человек.

30 числа судном «Финикс» под командою ж мичмана Бенардаки взята в плен турецкая бригантина, на которой пушек медных

5-фунтовых 6, 3-фунтовых 4, всего 10; пленных на оном нет, ибо во время погони сняты турецкой кирлангичью. Крейсерами ж между острова Тендра и кинбурнского берега загнана и остановилась на мели турецкая батарея, на которой на носу и на корме по две чугунных 36-фунтовых пушки, по сторонам по три медные, 8-фунтовые, на оной пленных турок 43 человека. Для съему оной батареи с мели посланы ото флота крейсерские суда, от Кинбурна одинакие шлюпки, а с гребной флотилии от господина генерал-майора и кавалера де Рибаса лансоны и бригантины, и можно надеяться, что она снята будет без вреда.

Всего в плен взято на оных судах разного сорта людей 733 человека, с нашей стороны урон весьма мал: убитых на всем флоте разных нижних чинов 21, раненых 25; повреждения на судах, кроме множества перебитого такелажа, расстрелянных парусов, весьма малы и состоят в немногих пробоинах в корпусах судов, тож и в небольших повреждениях мачт, стеньгов и реев, и с которых все, сколько можно, исправлено, паруса и такелаж переменены вновь.

В продолжение сражения все командующие судами и разные чины флота Черноморского, находящиеся во оном действии, с крайним рвением и отличной храбростью выполняли долг свой, а паче изо всех оных храбрыми подвигами и искусством отличали себя от прочих.

Командующий авангардиею и кораблем «Мария Магдалина» господин бригадир флота, капитан и кавалер Голенкин с передовую часть флота спустясь на ближнюю дистанцию неприятельской авангардии, первый начал бой с неприятелем и непрерывным жестоким огнем разил его и с великим повреждением понуждал уклоняться под ветр. Послан был с двумя кораблями и двумя ж фрегатами в погоню за отделенным неприятельским кораблем, который и взят ими без бою.

Командующий кораблем «Георгий» капитан 2 ранга Поскочин, находясь передовым, сверх упомянутого поражения передовой части неприятеля, участвовал при разбитии подорванного адмиральского корабля. Командующий кораблем «Иоанн Богослов» капитан 1 ранга и кавалер Кумани, находясь в передовой же части за кораблем «Георгий», в разбитии неприятеля поступал храбро, как выше означено. Командующий кораблем «Рождество Христово» флота капитан 2 ранга Ельчанинов с кораблем своим во все время баталии находился к неприятельской линии ближе всех и, побеждая противников, наносил везде чрезвычайный вред и отчаянность и больше всех участвовал в разбитии адмиральского корабля, который напоследок от загорания подорван. Капитаны ж 2 ранга Саблин с кораблем под командою своею «Преображение» и Языков с кораблем «Александр» нахо-

дились: первый впереди корабля «Рождество Христово», а другой позади оною ж и исполняли все тож, последуя оному кораблю везде с отличной храбростью, теснили и наносили великий вред неприятелю. Из них же Саблин участвовал в разбитии адмиральского корабля, а Языков во взятии в плен 66-пушечного корабля ж вместе с кораблем «Мария Магдалина», и можно почесть, что сии шесть кораблей, находясь впереди прочих, одержали всю главную победу над неприятелем, разбив и нанеся великий вред флагманским и прочим отборным кораблям.

А за сими также отличили себя производимые жестоким боем на последнюю часть неприятельского флота командующие кораблями капитаны 1 ранга: «Св. Павел» — Шапилов, «Св. Андрей» — Вильсон; капитаны 2 ранга: «Владимир» — Оболянинов, «Петр Апостол» — Заостровский; командующие фрегатами капитаны 2 ранга: «Амвросий Медиоланский» — Нелединский, «Кирилл Белозерский» — Сарандинаки, «Нестор Преподобный» — капитан-лейтенант Шишмарев.

Командующие ж фрегатами капитаны 2 ранга: «Иоанн Воинственник» — Баранов, «Св. Иероним» — кавалер Алексиано, «Покров Богородицы» — Ознобишин — находились в резерве против передовой части, вытерпливающие первый жестокий огонь неприятеля, в которое время неприятельский вице-адмиральский большой и чрезвычайно легкий корабль ушел вперед и, поворота оверштаг, шел встречу нашей линии и мог бы нанести некоторый вред с носу передовым нашим кораблям, также и состоящим на ветре под защитою флота крейсерским и разным мелким нашим судам. Но по учиненному от меня сигналу оные резервные три фрегата, поставленные нарочно для предупреждения таковых случаев, прибавя парусов, шли его атаковать и, сделав несколько выстрелов, принудили паки спуститься под ветр, так что он начиная от передового нашего корабля почти до половины флота шел контр-галсом между нашей и неприятельской линии в двух огнях и потерпел великий вред. Особливо при оном случае отвращению действия его корабля препятствовал фрегат «Иоанн Воинственник», а тем и заслуживает командующий оным отличную рекомендацию.

Находящийся при мне на корабле «Рождество Христово» при флагманских делах флаг-капитан 2 ранга Данилов и при разных исправлениях должностей штаба вашей светлости генеральс-адъютант и кавалер Львов, из коих первый, исполняя все мои приказания, обозревал неприятельские движения, исправно доносил, с отличной расторопностью и рвением успевал делать беспрестанно разные сигналы и ободрял служителей в храбрости. Господин Львов также безотлучно находился при мне, обозревал движения неприятельские, доносил мне об оных и определяем был от меня

к исправлению разных должностей, исправляя оные с отличной храбростью, ободрял служителей и поощрял их при пальбе к верхнейшему содействию пушками.

Артиллерии господин капитан 2 ранга Юхарин, исправляя должность цейхмейстера на корабле «Рождество Христово», находился во всех деках при действии пушками, делал при том все установления и распоряжения с отличной храбростью и искусством, ободрял людей и действовал во все время боя весьма исправно.

Командир репетичного судна «Полоцк» капитан-лейтенант Белле, находясь против середины флота в близости моего корабля, должность свою исправлял с отличной храбростью, обозревал и репетовал сигналы весьма расторопно.

От господ командующих кораблями из-под команды их отлично рекомендованный за исправное мужественное с отличною храбростию исполнение вверяемых должностей «Рождество Христово» — капитан-лейтенанты Ишин, Иларионов, лейтенант Патаниоти и артиллерии лейтенант Копытов; «Мария Магдалина» — капитан-лейтенант Сорокин; «Преображение» — капитан-лейтенант Языков; «Александр» — капитан-лейтенант и кавалер Бырдин; «Георгий» — лейтенант Макшеев; «Св. Павел» — капитан-лейтенант Лавров, лейтенанты Стромилов и Поскочин; «Иоанн Богослов» — капитан-лейтенант и кавалер Войнович; фрегатов «Покров Богородицы» — капитан-лейтенант Тимофеев; «Кирилл Белозерский» — лейтенанты Вишневский и Роде; «Амвросий Медиоланский» — лейтенанты Селиванов и Уваров; «Нестор Преподобный» — лейтенант Сукашев; «Иоанн Воинственник» — лейтенант Долгово-Сабуров. О чем донеся, покорнейше прошу вашу светлость в поощрении службы впредь сих отличившихся от прочих не оставить милостивым благоволением, также и нижних чинов награждением малым числом денег.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
С ХОДАТАЙСТВОМ О НАГРАЖДЕНИИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ФЛОТА
ЗА СРАЖЕНИЕ В КЕРЧЕНСКОМ ПРОЛИВЕ 8 ИЮЛЯ 1790 г.**

*3 сентября 1790 г.,
корабль «Рождество Христово»*

Во время бывшего прошлого июля 8 дня против пролива Еникольского и Кубани с неприятельским флотом сражения все командующие судами и разные чины флота Черноморского, находящиеся во оном действии, во время боя с крайним рвением и отличной храбростию выполняли долг свой, а паче изо всех оных искусством и храбрыми подвигами отличили себя от прочих: командующий авангардиею и кораблем «Мария Магдалина» бригадир флота капитан и кавалер Голенкин с передовой частию

флота, подавая пример другим, храбро выдержал наихудшее нападение и атаку сильного неприятеля, поражая и нанося ему великий вред, так что некоторые корабли, не терпя более, принуждены были поворотить прочь.

Командующий передовым кораблем «Георгий» флота капитан 2 ранга Поскочин и находящийся за эскадренным кораблем передовой части командующий кораблем «Иоанн Богослов» капитан 1 ранга и кавалер Кумани с такой же неустранимой храбростью вместе с бригадиром Голенкиным выдерживали атаку и весьма храбро отражали неприятеля; командующий кораблем «Рождество Христово» капитан 2 ранга Елчанинов и командир корабля «Преображение» капитан 2 ранга Саблин, тож командир находящегося за кораблем «Рождество Христово» корабля «Александр» капитан 2 ранга и кавалер Языков при способности переменявшегося в пользу нашу ветра с кораблями своими подошли на ветр против теснившейся упорно в множестве отборных кораблей и прочих судов густой колонны, столь близко, что картечь малых пушек могла быть весьма действительна. Жестоким огнем, со всяким порядком на неприятеля производимым, нанесли наисильнейшее поражение, так что все оные корабли, будучи сверх ожидания их весьма стеснены, под жестоким огнем в замешательстве поворачивали, кому как способно, чрез оверштаг, а иные по ветру, подходя к сим трем кораблям еще ближе, и от того остались многие повреждены. А другие, за повреждениями ж не могучи подняться, к ветру шли контр-галсом вдоль всей нашей линии весьма близко и чрез то получили наиболее вреда. И главнейшее поражение приписать можно более всем кораблям «Рождеству Христову» и «Преображению».

А за сими также отличили себя храбрыми подвигами командующие кораблей: «Владимир» — капитан 2 ранга Оболянинов, «Петр Апостол» — 2 ж ранга Заостровской, «Св. Павел» — 1 ранга Шапилов и «Андрей» — 1 ж ранга Вильсон, поражая неприятеля, бой производили. От всех сих поражений многие поврежденные неприятельские корабли едва спаслись только от плену бегством и отменной скоростью своего хода, а более вспомоществовала сему наступившая темнота.

Так же с прочими оказали себя против неприятеля храбрыми находившиеся при мне флаг-капитан 2 ранга Данилов, исполняя все мои приказания, обозревал неприятельские движения и производил сигналы с отменным прилежанием и расторопностью, определяем был к разным должностям, исполнял оные, ободрял и поощрял служителей в произведении боя со всяким порядком, и при полевых с полком ставропольским полковник Чирков употребляем был от меня во многих случаях к исполнению разных приказаний, и все возлагаемые на него должности исправлял с отменной расторопностью и усердием, а паче с отличной храбростью, ободрял людей и тем заслуживал всякое уважение, о чем,

донеся покорнейше, прошу вашу светлость в поощрение службы впредь сих отличившихся от прочих не оставить милостивым благоволением, также и нижних чинов награждением хотя малым числом денег.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
С ХОДАТАЙСТВОМ О НАГРАЖДЕНИИ ОФИЦЕРОВ,
ОТЛИЧИВШИХСЯ В СРАЖЕНИЯХ В КЕРЧЕНСКОМ ПРОЛИВЕ
И У ОСТРОВА ТЕНДРА**

3 сентября 1790 г.

Почтеннейшее письмо вашей светлости от 2 числа сего месяца имел счастье получить. За объясняемые столь отличные милости и благоволения вашей светлости приношу наичувствительнейшую от истинного усердия мою благодарность, предписания вашей светлости с крайним рачением все буду стараться исполнить. Рекомендованных мною по двум рапортам за храбрые подвиги покорнейше прошу не оставить милостью вашей светлости.

Весьма желал бы я, чтобы господа флотские капитаны все получили кресты, из последних по рекомендации, если не Георгиевские, хотя Владимирские. Особо имею честь рекомендовать господина бригадира Голенкина, он весьма заслуживает отличный от прочих орден. Если удостоите милостью вашей светлости 3 класса, а также и производством его не оставите, ибо и по тому флоту* сверстники его уже входят в генеральские чины.

Капитан 2 ранга Саблин и в прежнюю баталию в 1788 году был со мною передовым. От трех судов только тогда зависела победа или сбережение флота, он участвовал в том на корабле «Св. Павел» первым и один остался без награждения**. Также старший изо всех капитан-лейтенант Шишмарев весьма отлично ж тогда от меня был рекомендован и остался ж без награждения*** оного. При теперешнем случае прошу милости вашей светлости, если возможно, наградить чином капитана 2 ранга с того времени, когда прочие награждены были за баталию, ибо он, будучи весьма исправный и заслуженный офицер, много потерял перед другими и теперь есть случай ему возратить. О господине Баранове также вашу светлость прошу о возвращении ему старшинства.

* То есть Балтийскому.

** В сражении у острова Фидониси капитан 2 ранга Саблин был не на корабле «Св. Павел», а командовал передовым фрегатом «Берислав».

*** В том же сражении командовал артиллерией нижнего дека флагманского корабля «Св. Павел» и за отличие был представлен Ушаковым к награждению орденом Св. Георгия, но это представление не было поддержано М. Войновичем.

О рекомендованных капитан-лейтенантах желалось бы дать им Владимирские кресты или наградить чем-нибудь другим. А лейтенантов единственно рекомендовал я более для того, что, будучи они весьма исправные офицеры, чрез производство лиманских бывших перед ними весьма младших и искусством весьма не достигнувших, взявших старшинство, и чрез то потерпевших при скорбность, прошу покорнейше сих рекомендованных произвести чинами, если бы можно было, и отдать им старшинство в прежние их места и тем бы их успокоить.

А засим надеюсь, не оставлены будут заслуживающие и другим каким награждением по второй оказии, в каковой надежде с наиглубочайшим истинным моим почтением и совершеннейшей преданностью имею честь быть...

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О ПРИНЯТЫХ МЕРАХ ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ ФЛОТА
В СВЯЗИ С ШТОРМОВОЙ ПОГОДОЙ**

*3 сентября 1790 г.,
корабль «Рождество Христово» в 9 часов пополудни*

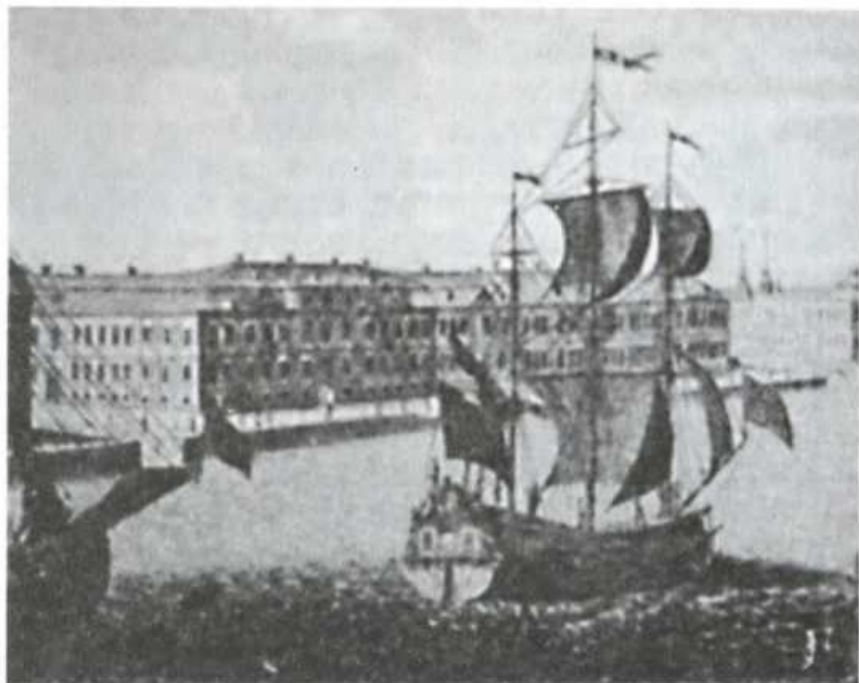
Полагаю я, случившиеся сего числа в ночи и до полудня весьма крепкий ветер и дурная погода навели вашей светлости беспокойство в попечении обо флоте. Спешу ко отвращению оных уведомить. Благодарю Всевышнего, что сия крепкая погода застала флот в безопасном и лучшем месте на якоре, и потому флот обстоит все благополучно, на немногих судах только подорвало по одному якору, которые приказал я поднять.

Пленный корабль и фрегат «Федот Мученик» под препровождением от себя двух фрегатов «Иоанн Воинственник» и «Кирилл Белозерский», тож трех крейсерских судов сейчас отправил я к Кочабею* на фарватер в команду господина генерал-майора и кавалера де Рибаса и просил его о принятии оных в свое ведомство и о определении на них вприбавок достаточного числа вооруженных солдат и о доставлении в лиман**, а оттоль, куда от вашей светлости определено будет.

Я дождусь возвращения фрегатов и отправлюсь ко исполнению повеления вашей светлости в Севастополь. Ежели бы я по каким обстоятельствам несколько здесь и замешкал, удостоверяю к безопасности, что здесь лучшее якорное место и весьма не худо, ежели дурная погода пройдет во время моего здесь со флотом пребывания, но напрасно ни часа стоять не буду.

* К о ч а б е й — Одесса.

** То есть Днепровский лиман.

Дом Морской академии в 1745 г.

Морской корпус в 1799 г.

Адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов,
директор Морского корпуса (с 1764 г.)

Адмирал и морской писатель
С.И. Мордвинов (1701—1777)

Сражение при Хиосе. 1770 г. С картины худ. Ф. Хаккерта

Истребление турецкого флота при Чесме графом Орловым

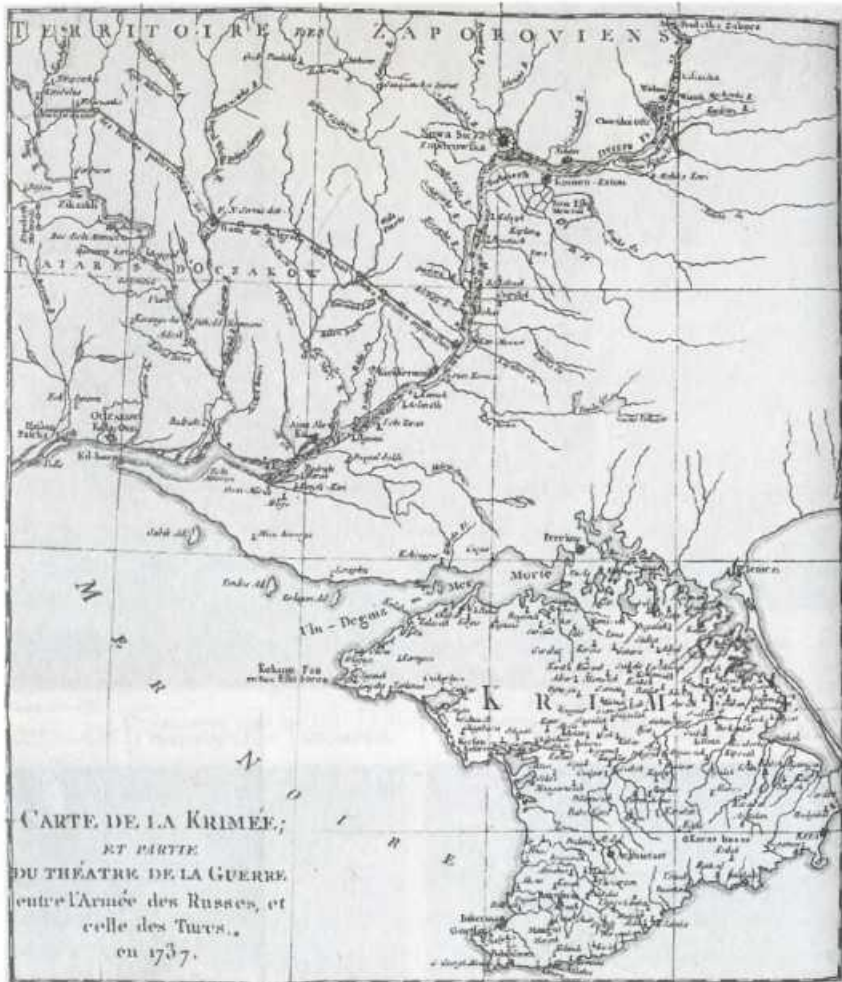

Адмирал С.К. Грейг (1735—1788)

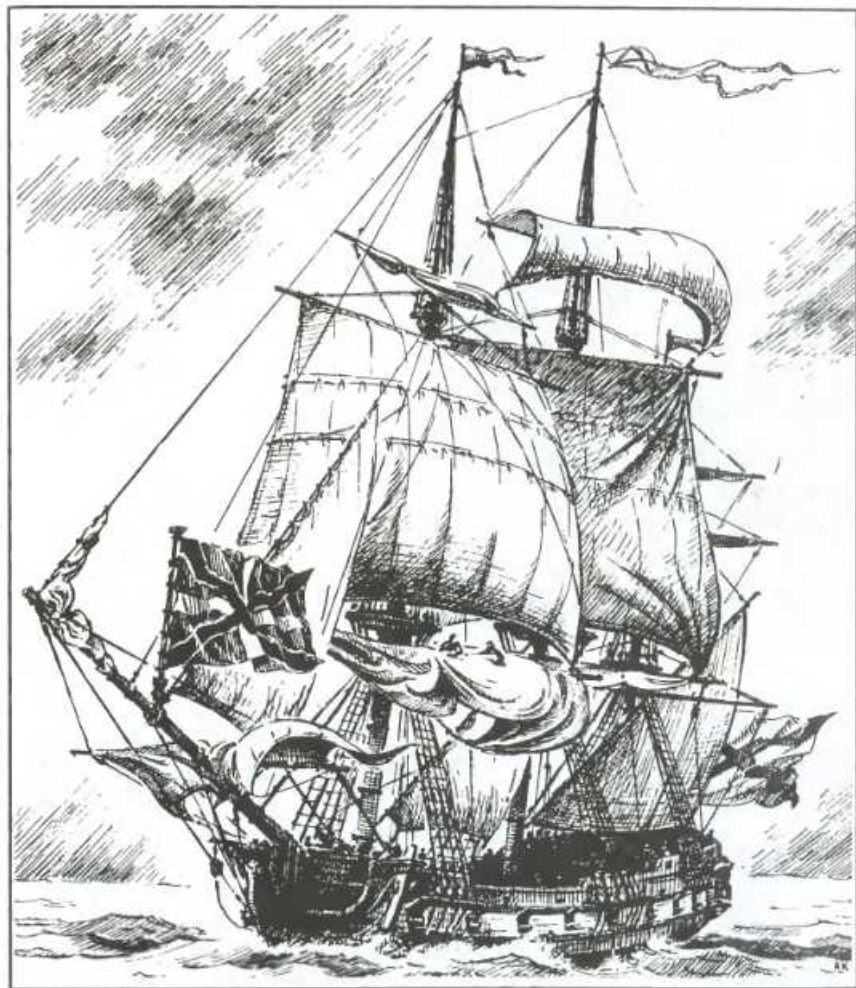

Адмирал Г.А. Спиридов (1713—1790)

Карта Крыма 1737 г.

16-пушечный «новоизобретенный» корабль «Хотин». Командуя кораблем того же типа «Модон», Ф.Ф. Ушаков крейсировал в составе эскадры у берегов Крыма в 1774 г.

Адмирал С.А. Густошкин (1749—1828)

Обер-офицер флота (слева), рядовой морской солдатской команды, матросы. 1764 г.

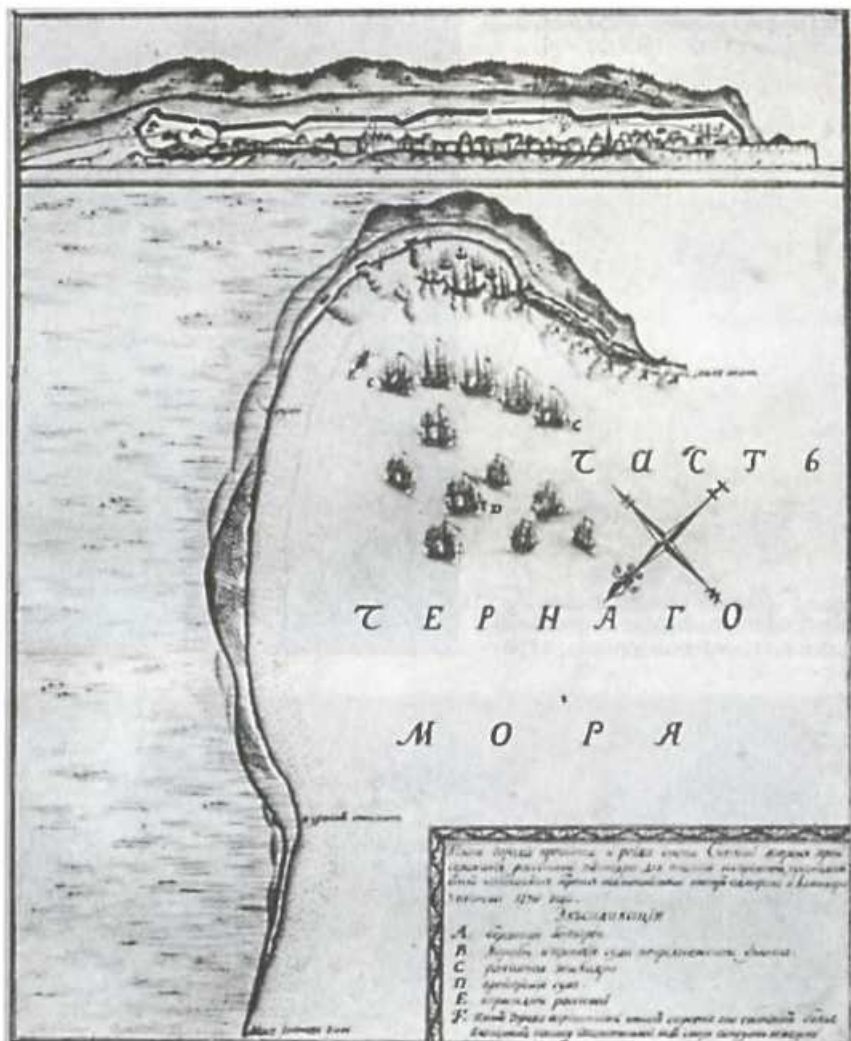

Граф А.Г. Орлов-Чесменский
(1737—1807/8)

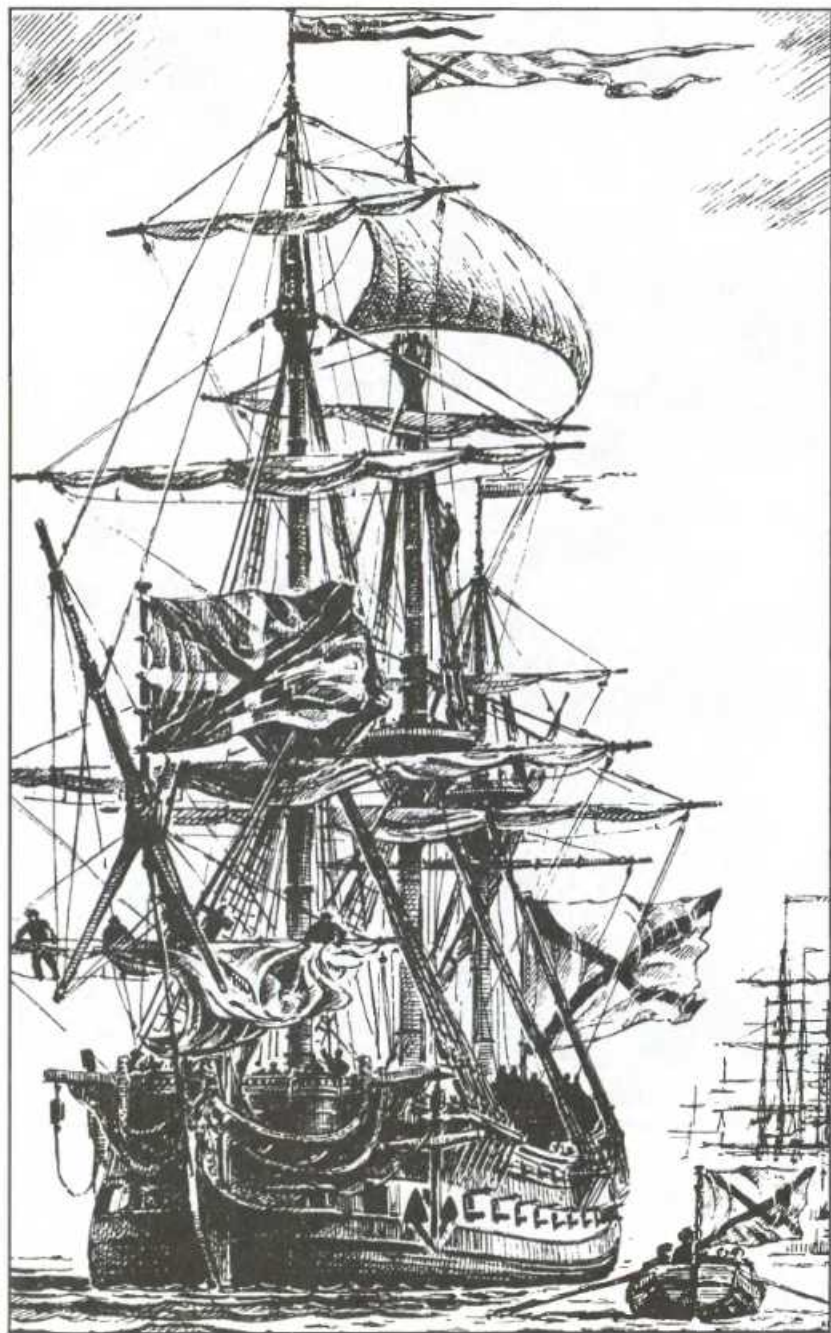
Штаб-офицер флота, штурманский
офицер и флагман (справа) 1796 г.

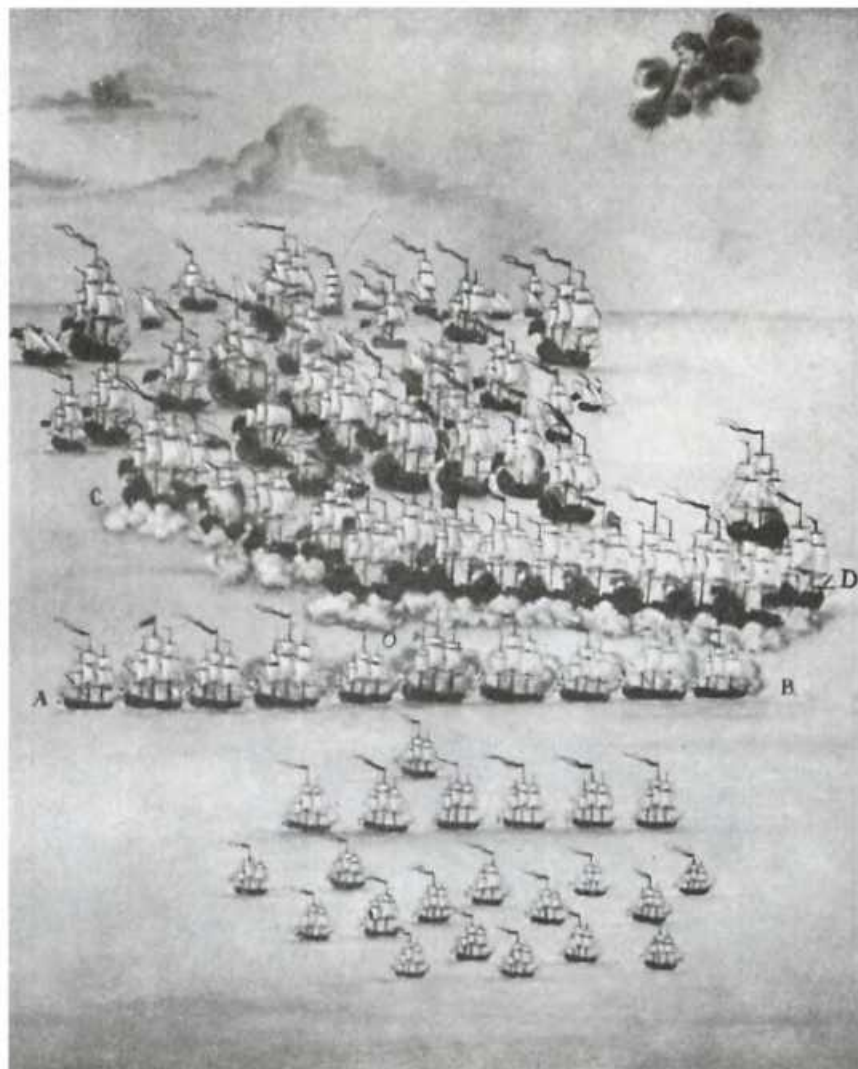

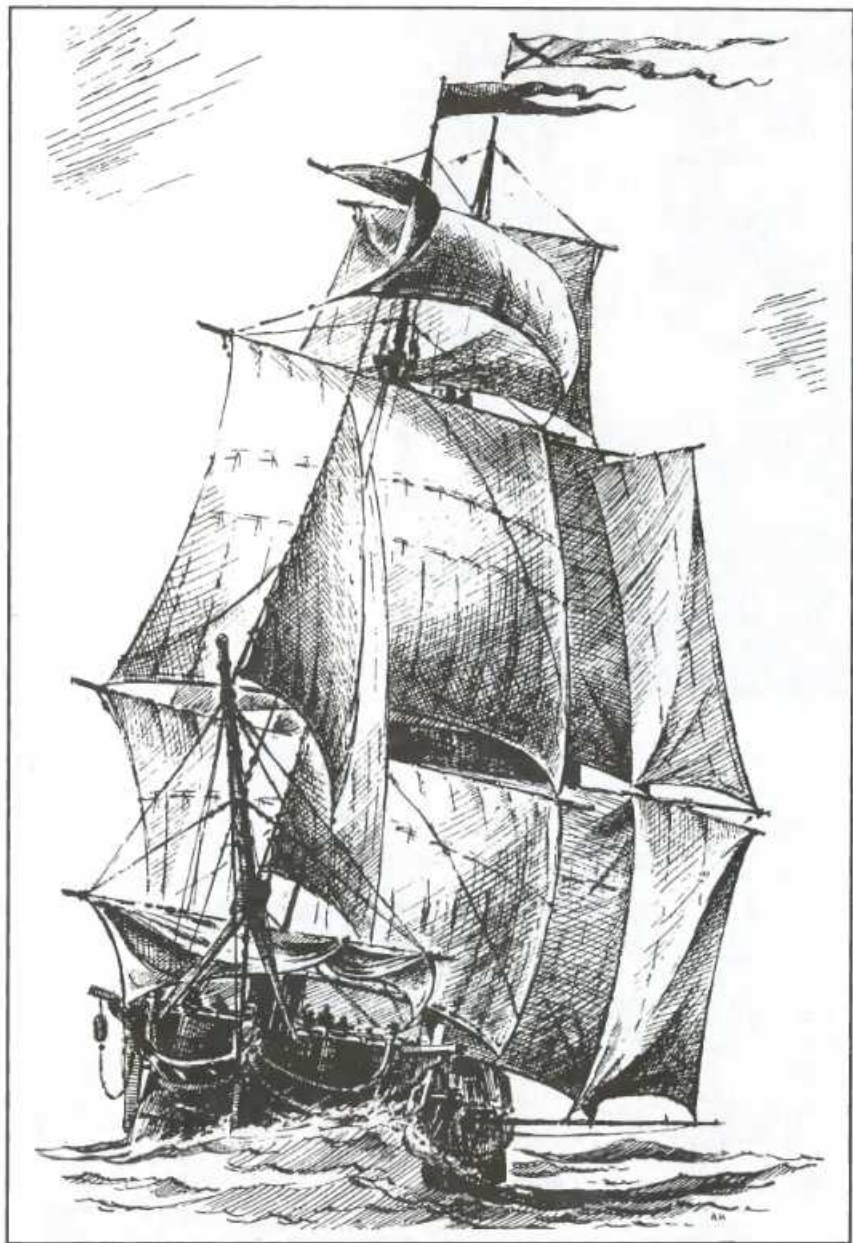
Вид рейда, города и крепости Анапа, снятый во время пребывания здесь эскадры Ф.Ф. Ушакова 29 мая — 2 июня 1790 г.

«Слава Екатерины» — первый линейный корабль Черноморского флота. С 1788 г. переименован в «Преображение Господне». Участвовал в сражениях у острова Фидониси (1788 г.), Керченского пролива, острова Тендра (1790 г.) →

План Керченского сражения 8 июля 1790 г. Начальный момент атаки турецким флотом русского авангарда: АВ — русский флот; CD — турецкий флот

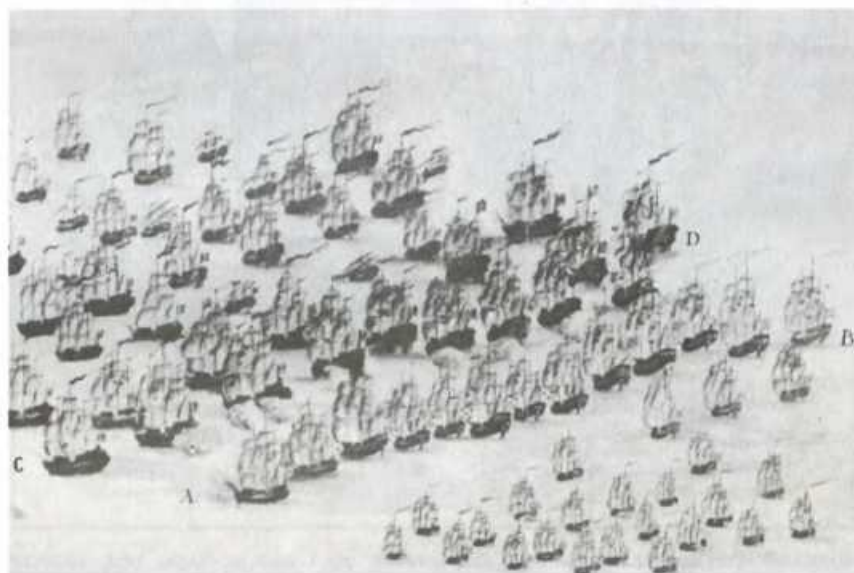

Корабль «Рождество Христово». Действовал во главе эскадры под флагом контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова, разгромившей турецкий флот в Керченском проливе 8 июля 1790 г.

Российская императрица Екатерина II

План сражения между Тендрой и Гаджибеем 28—29 августа 1790 г.:
AB — русский флот; CD — турецкий флот

Князь Г.А. Потемкин (1739—1791)

Черноморский флот в Феодосии.
Худ. И.К. Айвазовский

План сражения у мыса Калиакрия
31 июля 1791 г. Преследование
разбитого турецкого флота:
AB — русский флот; CD — бегу-
щий турецкий флот

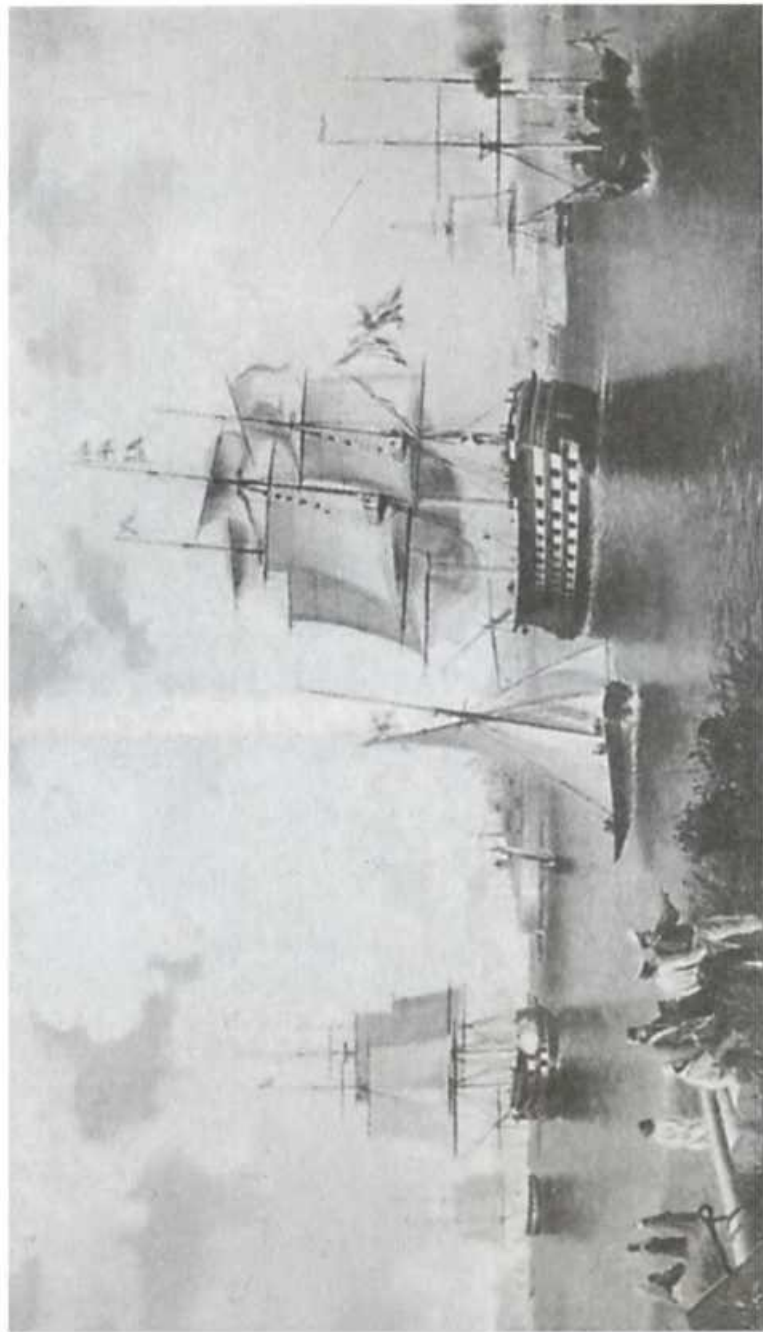
Князь Н.В. Репнин — командую-
щий Дунайской армией

Сражение у мыса Калиакрия
31 июля 1791 г.

Орден Св. Александра Невского

На рейде Севастополя. Худ. А.П. Боголюбов

Три крейсерских судна с пленным кораблем и фрегатом «Федот Мученик» пойдут в лиман и там употреблены будут в транспорт для привозу в Севастополь припасов, а также прежде сего посланы от меня в Николаев для перемены мачт кирлангичь «Св. Климент Папа Римский» и судно «Панагия Апотуменгана», и оные употребятся также для транспорта. Думаю, при отправлении моем еще три или четыре крейсерских судна отправлю туда ж. Судно «Березань» в ночи 29 числа, гнавшись за турецкой батареею к стороне Кинбурна, стало на мель на северной оконечности острова Тендра. Для снятия оногo с мели, ежели цело, а в противном случае для спасения людей и экипажа посланы от меня три крейсерских судна. Неприятельская ж батарея, за которую он гнался, также на отмелистом месте к Кинбурну стала на мель, и туда посланы от меня крейсерские суда для снятия с мели и отводу в лиман. О чем сим и донести честь имею.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАНУ 2 РАНГА БАРАНОВУ
С ВЫРАЖЕНИЕМ НЕУДОВОЛЬСТВИЯ ЕМУ
И КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТУ БЫРДИНУ ЗА НЕТОЧНОЕ
И МЕДЛЕННОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗАНИЙ**

4 сентября 1790 г.

Я три раза посылал к вам шлюпку с моим приказанием, чтоб вы были с фрегатом своим близко фрегата «Федот Мученик», но вы стали на якорь от оногo далеко и между корсарамн. Засим письменно приказываю быть безотлучно близко оногo фрегата, извольте к нему подойти ближе и все сбережение оногo полагаю на ваше попечение, ибо там пленных турок больше, нежели наших людей. Надобно быть одному подле фрегата, другому подле корабля, к пленному же кораблю послал я еще для вспоможения корабль «Георгий». Скажите Бырдину, что я недоволен его нерасторопностью, он всех задержал, долго снимался с якоря.

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА С ОБЪЯВЛЕНИЕМ БЛАГОДАРНОСТИ
ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ФЛОТА ЗА ПОБЕДУ МЕЖДУ ТЕНДРОЙ
И ГАДЖИБЕЕМ 28—29 АВГУСТА 1790 г.**

8 сентября 1790 г.

§ 1

За бывшее против Кочабя минувшего августа 28 и 29 числа против флота неприятельского сражение при разбитии оногo, о подоравании адмиральского и взятие в плен другогo неприятельского корабля и еще разного сорта трех военных судов ордером мне его светлость объявить соизволил: за храбрые подвиги и ис-

кусные распоряжения наипризнательнейшую свою благодарность, которую приказал мне объявить и всем, находящимся со мною в бою соподвижникам, и уверить всех оных, что его светлость не оставит в полной мере о сих подвигах и службе их пред- ставить, о чем господам командующим кораблями, фрегатами и прочими судами, тож и всем штаб- и обер-офицерам и разным чинам, во флоте при сем сражении со мною находящимся, объя- вить. Приношу также и мою наипризнательнейшую благодар- ность и рекомендую завтрашний день для принесения Всевышне- му за столь счастливо дарованную победу моление всем, кому возможно, с судов быть в церковь Николая Чудотворца, священ- никам со всего флота быть же во оную церковь в 10 часов пополу- ночи и по отшествии благодарственного молебна выпалить с ко- рабля «Рождество Христово» из 51 пушки.

§2

Сего числа со флотом прибыл я на Севастопольский рейд благо- полушно, о чем по команде при порте Севастопольском сим и объявить честь имею.

Федор Ушаков

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ О ПРИВЫТИИ С ФЛОТОМ К АККЕРМАНУ

20 октября 1790 г.

За отправленным с крейсерским судном от 18 числа рапортом моим вашей светлости донести честь имею: чрез возвратившееся ко мне одно посланное к Гаджибею крейсерское судно получил я известие, что флотилия 18 числа от Гаджибея отправилась к Ак- керману. Посему со флотом вчерашний день при бывшем тумане и разных переменных ветрах и спешил подойти к Аккерману в соединение со оною и при начале уже темноты, подошед против одного на глубину 8 сажен, за сделавшимся от севера крепким противным ветром остановился на якорях и за отдаленностью от берега, тут ли флотилия или нет, осмотреться еще не успел. Се- годня поутру снимаюсь с якорей и пойду еще ближе к берегу, а между тем вижу от стороны востока или Гаджибея идущее ко флоту судно, и, уповаю, оно с каким-нибудь известием. Как ско- ро узнаю, в которой стороне флотилия, пойду напервое соедини- ться с нею, и обще поспешим исполнить повеления вашей свет- лости.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О БЛАГОПОЛУЧНОМ ПРИБЫТИИ ФЛОТА К УСТЬЯМ ДУНЯЯ**

21 октября 1790 г.

Вашей светлости донести честь имею: со флотом мне вверенным сего числа на вид к устьям Дуная прибыл благополучно и при сделавшемся юго-западном и переменном западном ветре лавировал к Сулин-Багази, но за противным течением, не имея выигрышу, вперед остановился на якорях против устья Килии. На флотилию послал для осведомления и, как скоро возможно будет, поспешу иттить к устью Сулина в соединение со флотилиею и буду стараться исполнять повеления вашей светлости. Ветр делается от северо-запада. Снимаюсь с якорей и поспешу к Сулин-Багази.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О ПРОИЗВОДСТВЕ САЛЮТА С КОРАБЛЕЙ
ПО СЛУЧАЮ ОДЕРЖАННОЙ ПОБЕДЫ НА КУБАНИ**

22 октября 1790 г.

Увидев я на берегу к Килии пусканный дым, уповая, нет ли требования какого со флота или посланных ко мне повелений вашей светлости, послал туда нарочное судно для осведомления; также близ Килийского устья поставил я крейсерское судно, когда какие будут повеления от вашей светлости, доставлять на оном ко мне, и ежедневно буду таковые суда применять. Притом же, получа повеление вашей светлости об объявленной победе над неприятельскими войсками в Кубани*, завтрашний день, ежели будет тихо, собрав командиров и принеся Всевышнему благодарение, буду торжествовать оную, тож взятые Килии и занятие обоих устьев Дуная с пушечной пальбою, о чем и осмеливаюсь всепокорнейше донести (дабы оную пальбу не почли какой другою). От истинного моего усердия со всеми сими победами вашу светлость поздравить честь имею и прошу Всевышнего о счастливом продолжении. Флот против Сулина стоит на якорях и при оном благополучно; крейсерские суда для надзирания лавируют перед флотом повыше Сулина.

* Разгром корпуса Батал-паши 28 сентября 1790 г.

ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА И.М. ДЕ РИБАСУ С ПОЗДРАВЛЕНИЕМ
ПО СЛУЧАЮ УСПЕШНОГО ПРОРЫВА ГРЕБНОЙ ФЛОТИЛИИ
ЧЕРЕЗ СУЛИНСКОЕ ГИРЛО В ДУНАЙ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ПОМОЩИ
И СОДЕЙСТВИЯ ОТ ФЛОТА

22 октября 1790 г.

С победою и успехами вашими во взятии батареи при Сулин-Багази и судов неприятельских от истинной моей преданности с сим благополучием вас поздравить честь имею, чистосердечно желаю вас видеть увенчанного победами и достойно награжденного, душевно сего вам желаю; ваше благополучие почитаю я равно как и мое собственное, и дружба ваша для меня весьма драгоценна, которую всемерно потщусь заслуживать и оказывать себя всегда оной достойным.

Любезного и старинного моего друга Мануила Михайловича истинной моей к нему дружбою с успешною его победою также от чистого усердия моего поздравить честь имею. Я собственно по моей истинной к вам дружбе усерднейшую приношу благодарность за то, что дело вами произведено хорошо и весьма скоро. Непременно так и должно, что называется, пришел и сделал; не надобно басурманам давать потачки, чтоб они не опаматовались, оно так и сделано и весьма сходно, как я желал.

Теперь постарайтесь, батюшка Осип Михайлович, как можно поскорее все суда ваши ввести в устья дунайские в закрытия от волнения и ветров; здесь при великих течениях от волнения качка судов бывает чрезвычайна и весьма опасна не только для малых, но и для больших судов. Вчера я послал к оставленному вами командиру на лансонах против устья Килии, чтобы он всевозможно день и ночь спешил суда ввести в устье реки с прописанием: надеюсь, что об оном от вас ему приказано.

За сим желаю от вас узнать о дальнейших предприятиях рекою, какие есть от его светлости повеления? Когда будете писать реляцию о ваших действиях, желал бы я, чтоб упомянули о флоте, что вы под прикрытием оного в рассуждении неприятельского флота (если бы он осмелился показаться к здешним местам) совершенно обеспечены. Желание мое для того, чтоб после бывших дел видно было, что мы не стоим в гаванях и стараемся не только показываться при их берегах, но и зорить оные со всякой твердой отважностью; а чтоб обстоятельно мне обо всем от вас узнать и положиться о потребностях, посылаю к вам от себя флаг-капитана Данилова.

Прошу, чего не можно будет дать на письме, объяснить словами. Весьма надобно, чтоб со флотом здесь не долго стоять; надоб-

* Полковник Эммануил де Рибас — брат И.М. де Рибаса.

но побережь его на будущее время, чтоб качкою при волнениях не расстроить корабли. Старайся, батюшка Осип Михайлович, о скорейших исполнениях всего, что надобно. Какое вам от меня надобно вспоможение судами и людьми, с превеликим удовольствием ту ж минуту исполню. Чрезвычайно желал бы с вами видеться, но вижу, что мы оба заняты всевозможностями. Пересылайте ко мне чаще сношения, я тож соответствовать буду, теперь еще подвинусь к вам поближе.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Ф.А. АХМАТОВУ
О НАПРАВЛЕНИИ В РАСПОРЯЖЕНИЕ И.М. ДЕ РИБАСА СУДОВ
ДЛЯ РАЗГРУЗКИ ПРИПАСОВ, НЕОБХОДИМЫХ ГРЕБНОЙ ФЛОТИЛИИ,
И О НЕВОЗМОЖНОСТИ ВЫДЕЛИТЬ
С ФЛОТА ПРОСИМЫХ ОФИЦЕРОВ И МАТРОСОВ**

23 октября 1790 г.

По требованию командующего флотилиею господина генерал-майора и кавалера де Рибаса для сгрузки с судна «Александр» припасов посылаю от себя к вам, милостивому государю моему, крейсерское судно «Св. Василий» под командою шхипера Николаева, которому приказал я явиться в команду его превосходительства, а в небытность его — вашего высокоблагородия, и состоять во всех повелениях и распоряжении, которое и останется при флотилии.

Его превосходительство Осип Михайлович просил меня о присылке капитан-лейтенантов Сорокина, Марина и лейтенанта Капачио, также присылки воинских людей для содержания и охранения мест при устье Сулин-Багази, на флотилию вместо затонувших при высадке десанта 12 или 8 гребных судов. Известить честь имею: все оные требования с превеликим удовольствием желал бы исполнить, но на флоте штаб- и обер-офицеров столь недостаточно, что ни с одного судна никак отделить нельзя, ибо, как уже известно, недостаток в них был и в прежнее время, а ныне и из последних многие остались в Севастополе больные, чрез что на кораблях и вахт содержать почти совсем нечем, да и капитаны некоторые сделались больные. Капитан-лейтенант Сорокин на корабле у господина генерал-майора и кавалера Голенкина и почти один, Марин у господина Вильсона, также почесть можно, из надежных один, лейтенант Капачио на «Алексадре», со оногo корабля капитан-лейтенант Бырдин снят на пленный корабль, и Николай Львович Языков просил еще вместо его вприбавок другого, но взять было негде, потому и не дано. Однако, ежели можно будет успеть, я на оный корабль лейтенанта пошлю от себя, а господина Капачио к вам доставлю.

Мне столь чувствительно отказать, что я по своей особе готов остаться на моем корабле с одним лейтенантом. Касательно ж до гребных судов, оных на флот никогда делано и присылки не было, с чем корабли пришли в Севастополь, те только и были. Из них многие совсем уже сгнили и изломаны, и так на тех кораблях теперь в них недостаток. В Севастополе ж обраны все, сколько было при транспортных судах, и там ничего не осталось; на крейсерских же судах всего только по одному, и то на других самые маленькие. Мне весьма жаль, что я сих требований выполнить не в состоянии. Солдатской команды также с кораблей надолго снять никак нельзя, ибо я со флотом должен быть во всякой готовности к принятию неприятельского флота, ежели он покажется, и состою в дальнем расстоянии от берега. Скоро людей на флот получить никак не могу, а без них в дело вступить буду иметь в людях недостатки.

Ежели бы это требовалось только на маленькое время для десанта, в таком случае большую часть команды мог бы я послать, с тем что в один день могли бы они возвратиться назад. Мое ж мнение о устье Сулин-Багази состоит так, ежели бы можно, всего лучше оставить там три или четыре судна от флотилии, они под моим прикрытием с моря могли бы быть безопасны, а на берегу людей небольшое число без прикрытия судами, кажется, и оставить неудобно. Я полагаю, что сии места в зимнее время не останутся заняты нашими форпостами, однако резолюции на то его светлости еще не знаю. Ежели вы, милостивый государь, сняв с берега пушки, оставите их так, конечно, полагаю, при моей с моря защите никто занять их не может; никакое судно, с моря видяши здесь наш флот, не пойдет, а ежели бы какое туда вошло, может достаться нам в добычу.

Мне чрезвычайно жаль, что я не имел случая видеться с Осипом Михайловичем; имею надобность к нему писать, но по скорости не успел. Когда вы, милостивый государь, отправляться будете с флотилиею вверх рекою, желал бы иметь ваше уведомление, в каком положении вы оставите устье Сулин-Багази, я не сомневаюсь, ежели оно останется так, как я к вам писал, верно надеюсь, что его никто не займет. Я желал бы пушки с батареи забрать на флот, но вы сами изволите усмотреть, могу ли я в рассуждении такой отдаленности исполнить, мелководных же судов у меня нет. К вам посылаю одно переделанное из шебеки, оно в грузу теперь 8 футов. Это самое мелководное, какое я имею; судно «Чечерск» шло со мною с тем, что хотел я его дослать к вам обратно, но не в дальнем уже расстоянии от острова Фидониси сломался у него верх стеньги, потому и возвратилось в лиман, прошу оставить его при флотилии.

Ежели бы требование было от меня судов, я не только большую часть крейсеров, но хотя бы фрегаты отпустить готов, только

со всем как они есть, а людей и судов гребных отделить с них никак нельзя. Если я к Осипу Михайловичу скоро писать не успею, прошу вас, милостивый государь, об оном объяснить, истинно я весьма желаю во всем быть послушным, что только можно.

В надежде его превосходительства и вашей ко мне дружбы, с истинным моим почтением имею честь быть...

P.S. О которых затопших при берегу гребных судах Осип Михайлович писал ко мне, как скоро будет тихо, к берегу я пошлю, но уповаю, наверное, что продолжающийся теперь ветер с открытого моря волнением разбил их в щепы, и так найти уже не уповаю. Ежели бы знал я вчерашний день, думаю, что застал их целых. С прибытия моего заготовил я уведомление мое обо флоте, сколько каких при оном состоит судов к Осипу Михайловичу, но по торопливости отправления к нему судна оное осталось здесь. Препровождая здесь, прошу его превосходительству вручить. Крейсерские суда к устьям Едрелеса и Портицы-Багази для крейсерства я пошлю и велю искать неприятельских судов, также и из оных устьев выходящих, ежели будут ловить; о чем сим известить честь имею.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Ф.А. АХМАТОВУ
О ПОСЫЛКЕ ТРЕХ КРЕЙСЕРСКИХ СУДОВ
ДЛЯ ОХРАНЫ УСТЬЕВ ДУНАЯ ОТ ТУРОК**

24 октября 1790 г.

Когда вы со флотилиею пойдете вверх Дуная, до возвращения вашего посылаю во оное устье для содержания тут поста и караула и охранения входа три крейсерские судна, а именно: «Меки Тавро» под командою мичмана Купы, «Панагия Калигати» под командою мичмана Арфано и «Красноселье» под командою прапорщика Анонова. Прошу вас, милостивый государь, о содержании сего караула и охранении дать им от себя инструкцию и ваши приказания, а я приказал им со всякой точностию исполнять. Притом же не можно ли вам от флотилии прибавить к нам какое-нибудь судно с большими пушками; следовательно, сей пост останется довольно надежен и, уповаю, гораздо безопаснее, нежели бы я послал с кораблей туда солдатскую команду, оные ж мне никакой расстановки не делают. Ежели бы нашлись мелководные и еще мог бы к ним прибавить, прошу, милостивый государь, о распоряжении вашем, на каком основании там оставите, меня уведомить. Пушки с батареи, ежели можно, прошу приказать собрать на оные крейсерские суда. Сомневаюсь только, что у нас нет больших баркасов, также слышал я, что тут отмелистый берег, вы сами усмотреть соизволите, что можно, и все то, в чем надобность требует, приказать исполнить.

В надежде вашей ко мне дружбы с истинным моим почтением имею честь быть.

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О ПРЕБЫВАНИИ ФЛОТА У УСТЬЕВ ДУНАЯ
ДЛЯ ПРИКРЫТИЯ С МОРЯ ДЕЙСТВИЙ ГРЕБНОЙ ФЛОТИЛИИ

25 октября 1790 г., корабль «Рождество Христово»

Вашей светлости донести честь имею: по прибытии к Дунаю флот, мне вверенный, расположил я в удобном месте для охранения и прикрытия всех дунайских гирл и ко отражению, если показался бы в здешний край флот неприятельский. Крейсерские суда частями поставлены против устья Килии и Сулина. К устьям же Эдрелеса и Портиц сделан от меня особый отряд в числе лучших пяти крейсерских судов под командою господина подполковника Чапони с тем приказанием, чтоб, крейсируя против оных, с крайней осторожностью наблюдал, если из оных устьев побегут от флотилии нашей неприятельские суда или будут показываться из моря, оных ловить, брать в плен, а в случае невозможности — бить, жечь и топить, и при том в способное время старался бы несколько пройтись и дальше и, как можно, достать, взять в плен какое-нибудь судно для разведывания, где ныне находится флот неприятельский, ибо об оном сведения я не имею никакого. Если ж оные суда наши увидят, где флот неприятельский, старались бы всевозможно скорее возвратиться ко флоту и, идучи, о видимости оного делать сигналы.

В устье же Сулина по требованию господина генерал-майора и кавалера де Рибаса послал я одно крейсерское судно такое, которое в грузу ходит мельче всех прочих, для отгрузки с находящихся при флотилии транспортов, где оно и останется в распоряжениях командующего флотилиею.

Сверх всего, вместо требуемых от меня со флота солдатской команды к содержанию поста при устье Сулина и охранению оно-го послал я туда три крейсерских же судна, которые, уповаю, могут войти в реку, и приказал им остановиться при устье близ батарей и иметь всякое наблюдение и охранение оных мест до возвращения флотилии, подтверждая, чтоб по приходе в устье явились к находящемуся ныне там господину капитану I ранга Ахматову и получили бы от него приказание и инструкцию о содержании оного поста. Уповаю я, что оные под прикрытием флота будут безопасны.

Его ж превосходительство господин генерал-майор и кавалер де Рибас, сверх сего, требовал от меня со флота на флотилию вместо затопших при высадке десанта гребных судов, которых по великому недостатку при флоте отделить никак невозможно, ибо на кораблях комплекту их нет, а достальные снять опасно для военных судов, дабы не потерпели в разных случаях неминуемой крайности, что нередко с большими судами без гребных случается.

С прихода моего к дунайским устьям несколько рапортов уже от меня к вашей светлости отправлено чрез флотилию, бывшую при устье Килии. Не знаю, дошли ли они или нет. Я нарочно поставил против Килийского устья крейсерские суда, дабы чрез устье оной реки и флотилию получать повеления вашей светлости, но, сомневаясь, есть ли еще чрез оное место возможность, с сим рапортом моим послал еще особое судно, которому приказал итти от Дуная к стороне Аккермана и искать удобного места, где бы можно к доставлению отдать на наши форпосты, и в том же месте ожидало бы на оный рапорт повеления вашей светлости, о чем прошу всепокорнейше, ибо оное судно должно будет на том месте стоять до получения оных.

Вчерашний день ветер был от норд-веста чрезвычайно крепкий, так что все море покрыто было белизною волнения, но благодарю Бога, что флот по одному якорю, а других подрейфовало в море, по стихении ж случился быть несколько под берегом на якорях, и повреждений на оном никаких нет, кроме что на нескольких судах подорвало от ветра; якоря все в скорости подняты будут, причем флот, мне вверенный, обстоит благополучно.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О ПРИЧИНАХ ЗАДЕРЖКИ ВЫХОДА ФЛОТА В МОРЕ**

25 октября 1790 г., корабль «Рождество Христово»

Как флот, мне вверенный, в рассуждении исправления и необходимых приуготовлений и получения надобностей, тож напоследок и за противными ветрами не успел выйтти из Севастополя прежде 16 числа сего месяца. Посему опасаясь я неудовольствия вашей светлости и лишиться приобретенных мною милостей, какие я чувствую и выше всякого благополучия почитаю. За долг нахожу в том себя предупредить: рвения и неусыпные старания мои вашей светлости довольно уже известны, не пропустил я ни где ни одной минуты праздно и от неосторожности и нерадения ничем не замедлил. Работы производил действительно день и ночь неусыпно, поспешал как наискорее и обо все доносил вашей светлости обстоятельно. Корабль «Леонтий» навел множество мне неусыпных работ, эскадра господина Пустошкина во многом была недостаточна, так отправлена была от Таганрогского порта, на который приносил он мне жалобу. Суда крейсерские из лимана пришли весьма поздно, перед самым выходом в море. День и ночь спешили брать с них на флот необходимые надобности, другие сдать к порту, особливо оными вещами снабжена эскадра Таганрогская.

14 числа ввечеру был я готов, 15 утром снимался с якоря. Крейсера и часть флота выбрались на море, но противный ветер прочих остановил, как слышу. Сомнение на меня наводят больше ветры или разность оных, какой ветер в Крыму, то здесь весьма часто совсем другие, как и из сообщения ко мне господина генерал-майора и кавалера де Рибаса вижу: 15 числа отправился он из лимана при ветре SO, а меня с рейда не выпустил NW.

Вашей светлости осмеливаюсь откровенно в предупреждении объяснить, что я отличную охоту имею и желаю всегда больше быть на море, нежели в гавани. Я рвался и был до бесконечности печален, что не мог как наискорее лететь к исполнению повелений вашей светлости. Желал чрезвычайно ныне иметь еще раз дело с неприятелем к доставлению спокойствия. Простите меня, милостивейший государь, что осмелюсь я сказать: если бы вашей светлости угодно было повелеть мне итти с прежним числом флота, не ожидая других, я несравненно вышел бы ранее, но видно так было Богу угодно. Может быть, провидение его сделало сие для сохранения флота, ибо, как я неоднократно вашу светлость уведомлять честь имел, какие пред тем случились быть весьма крепкие ветры, ежели бы при оных флот случился на море, конечно, мог остаться в расстройке, а ныне, может быть, святая воля его нас сохранит.

Я ко оправданию себя скажу только, что мне несравненно лучше бы быть на море, ранее нежели позже. Прошу всепокорнейше вашу светлость не лишать меня ваших милостей, сей удар только для меня страшен, ибо я оные почитаю всем моим благополучием и лаская себя надеждою с истинным наиглубочайшим почтением и совершенной преданностию имею честь быть.

Федор Ушаков

P.S. От истинной и душевной моей преданности донести честь имею: я со всею охотою к исполнению повелений вашей светлости готов посвятить всю жизнь мою, но к собственной вашей славе и чести боюсь безрассудно погубить труды ваших многих лет одним днем или несколькими часами и для сего всепокорнейше прошу перенести терпеливо, если я иногда для сохранения флота не порыскую, дабы не ввесть его в опасность за каким-нибудь малым и незначущим предприятием. Да сохранит Господь его невредимо на будущую кампанию. Тогда есть надежда во многом к славе вашей светлости Всевышним определяемой, да дарует Господь. От истинной усердности молю его благость; все мои действия и дарованные от Бога успехи причитаю собственному счастью вашей светлости, ему Всевышний во всем способствует, а я иду стопами ваших наставлений, сопровождаем вашим мне отеческим благословением, через которое верную надежду полагаю на Бога; сверх того молю его благость: Господи, приклони ухо твое и услыши мя и от восстающих и стужающих на мя избави.

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
С ПРОСЬБОЙ РАЗРЕШИТЬ ФЛОТУ ВВИДУ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ
ВОЗВРАТИТЬСЯ ИЗ УСТЬЕВ ДУНАЯ В СЕВАСТОПОЛЬ

3 октября 1790 г.

По сходству повеления вашей светлости со флотом, мне вверенным, нахожусь я против устьев реки Дунай для прикрытия флотилии, дабы флот неприятельский не мог оную запереть при устьях дунайских. Флотилия несколько уже времени вся собралась в устья Сулина и Килии. Лодки, лансоны и прочие суда, вошедшие в Килийское устье, давно прошли уже вверх реки к Килии, также и прочие суда, вошедшие в устье Сулина, от 31 числа минувшего месяца все без остатка прошли вверх реки, по извещении ко мне от господина генерал-майора и кавалера де Рибаса, к озеру Радакуль, и из виду моего также закрылись.

Обо флоте неприятельском, сколько ни старался я разведывать, где он точно находится, верного сведения и по сие время никакого не получил, но, уповаю, и за верное, что оный в рассуждении позднего времени к предохранениям непременно должен уже быть в Константинополе, и к здешнему месту быть ему никак не уповаю. Следовательно, флотилия, в рассуждении оного, уже безопасна.

Осмеливаюсь вашей светлости всеподданнейше донести, ежели уже в рассуждении позднего ныне времени по сим обстоятельствам в бытности флота в здешнем краю неперменной надобности не состоит, не угодно ли будет повелеть возвратиться ему, куда надлежит, в безопасное место, ибо лоцмана и крейсерских судов командиры, знавшие совершенно сии опасные места, где флот ныне находится, беспрестанно напоминают мне о предосторожностях, как и вашей светлости небезызвестно, что вся она сторона противу устьев дунайских и вперед до самой Калиакрии расстоянием до 300 верст ни малейшей пристани и защищения от ветров и беспокойства моря не имеет и почитается в рассуждении отмелистых и каменистых берегов наиопаснейшею.

Я употребляю все средства к сбережению флота от предвидимых опасностей и самое лучшее средство избираю то, что со оным остановился на якорях между устьями Дуная, Сулина и Килии, от берега верстах в десяти между течениями обоих гирл. Сие место в стоянии на якорях меньше всех прочих подвержено течениям от рек, следовательно, и качке кораблей от оных от крепких ветров со стороны берега довольно защищен и безопасен, что уже случилось неоднократно вытерпеть крепость ветра со оной стороны безопасно, но великая опасность состоит, если таковой же крепкий ветер случится со стороны открытого моря. Неминуемо многие суда должны будут потерпеть расстройку, а если ж быть со флотом

на якорях или под парусами гораздо отдаленнее от берега, почитаю, и еще несравненно опаснее.

О чем донеся, ожидаю повеления вашей светлости, остаться ли еще несколько времени на том месте или следовать, куда повелеть соизволите.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА П.В. ПУСТОШКИНУ
О БЕРЕЖНОМ РАСХОДОВАНИИ ЗАПАСОВ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ
И ПРЕДСТАВЛЕНИИ СВЕДЕНИЙ О КОЛИЧЕСТВЕ ПРОВИАНТА,
ИМЕЮЩЕГОСЯ НА СУДАХ ЕГО ЭСКАДРЫ**

5 ноября 1790 г.

На рапорт вашего высокородия о малоимении на корабле «Андрей» на продовольствие служителей морской провизии объявить честь имею: в бытность в Севастополе отданным от меня приказом велено было на весь флот провизии от порта принять по декабрь месяц, а как в наличии при порте имелось оной в нашем флоте весьма уже недостаточно, соленых мяс на корабле «Рождество Христово» совсем уже нет и еще некоторых недостаточно, но к удовлетворению требованием отобрав обстоятельные сведения, сколько точно ныне на каждом в наличии состоит, сделаю поравнение, а между тем отправил я нарочного курьера к его светлости с прошением позволения о возвращении флота в Севастополь. Сблаговолите объявить господам командующим: в рассуждении недостатка провизии имели бы бережливость и экономию оной, как должно по силе закона. Засим же по эскадре, вам вверенной, сблаговолите ото всех господ командующих, отобрав ведомости, сколько точно ныне на каждом в наличии какой провизии состоит, немедленно представить ко мне. Мне весьма удивительно, по каким обстоятельствам на корабле «Андрей» состоит весьма недостаточно соли, солоду и вина, а также сухарей, круп и гороху не по декабрь месяц, ибо оных в магазинах довольно, также и дров для чего не заготовлено было на всю кампанию.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О ВОЗВРАЩЕНИИ ФЛОТА В СЕВАСТОПОЛЬ
И ОБ ОКОНЧАНИИ КАМПАНИИ**

15 ноября 1790 г., корабль «Рождество Христово»

Исполняя повеления вашей светлости, со флотом, мне вверенным, сего числа на Севастопольский рейд прибыл благополучно, также и все крейсерские суда, в разные времена ото флота отправленные, дошли ж к порту безвредно благополучны. Осмеливаюсь вашу светлость, милостивейшего государя, со всеми дарованными

от Бога нынешнею кампаниею благостями и сохранением всех наших судов, окончив кампанию, от истинного моего усердия поздравить.

К дополнению повеления вашей светлости я и все сотоварищи мои усердно желали найти флот неприятельский и, будучи ободренными милостями вашей светлости, дать с ним хорошую баталию, в чем верную надежду имели на Бога. Но флот неприятельский после бывшей прежней баталии собрался несколько дней в Калиакрии и с поспешностию ушел весь в Константинополь, так что при румелийских берегах рассеянный страх заставил военные и купецкие суда убраться в безопасные места, мелким же судам из Константинополя, по объявлению пленных, и выходить в сию сторону запрещено, потому мы при румелийских берегах никаких судов не видали, кроме что посланные от меня две легкие бригаантины «Феникс» и «Св. Климент Папа Римский». Вплоть подле самой Варны поймали два судна, о которых рапортом моим вашей светлости донести честь имел. И так можно иметь верную надежду, что на будущий год суда наши могут ходить в рассуждении неприятеля по всему морю безопасно. Я постараюсь выполнить повеления вашей светлости и флот приуготовить к ранней кампании, прошу только о снабжении здешнее место потребностями.

Командиры крейсерских судов усердным и ревностным старанием и прилежнейшими исполнениями должностей заслуживают отменную рекомендацию и милость вашей светлости.

Я за сим же, сделав подробное разбирательство, не премину, похваля их дела, представить к награждению, в чем и надеюсь иметь милость вашей светлости, равно и о прочих мною рекомендованных. С призового судна лимонов полторы тысячи к отправлению вашей светлости послал я к Семену Семеновичу Жегулину, равно и из прочих фруктов, что окажется стоящее ко отправлению, на сих же днях отправлю.

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О ДЕЙСТВИЯХ ФЛОТА С 16 ОКТЯБРЯ ПО 15 НОЯБРЯ 1790 ГОДА
ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ У УСТЬЕВ ДУНАЯ И БЕРЕГОВ РУМЕЛИИ**

15 ноября 1790 г.

Исполняя повеление вашей светлости, со флотом, мне вверенным, 16 числа октября вышел с Севастопольского рейда в Черное море и находился около румелийских берегов для поисков неприятельского флота и для прикрытия гребной флотилии против устьев дунайских, дабы флот неприятельский не мог ее запереть при оных.

Пришед я со флотом против Дуная, расположил оный преградою к устьям реки флоту неприятельскому. Между тем посылал крейсеров около румелийских берегов искать судов неприятельских, дабы разведать о их флоте, где он находится. Посланный от меня с отделенною частью крейсерских судов греческого полку подполковник Чапони, обошед на дальнее расстояние к Варне румелийские берега, рапортом донес, что судов неприятельских около берегов и на море нигде не видал, проходя ж близ берегов, замечено им на матерой земле по всем берегам к стороне Варны деланы сигналы пушанием дыма, равно и с прочих посланных крейсерских судов доносимо было то же.

Сверх оных послал я еще отборных из лучших и легких крейсерские три судна под командою мичмана Бенардаки, бригантину «Феникс» — шхипера Ладыко, бригантину «Св. Климент Папа Римский» и судно «Св. Георгий» под командою прапорщика Саломо к стороне Калиакрии и Варны, приказав, дабы непременно старались сыскать и поймать неприятельское судно и привести ко флоту.

Из оных судов «Св. Георгий», прошед вместе с ними около румелийских берегов на немалое расстояние, оттоль возвратилось ко флоту, и командир оногo объявил, что судов неприятельских нигде не видел. Бригантины ж «Феникс» и «Св. Климент Папа Римский» при способном ветре пошли прямо в Калиакрию и Варну, надеясь, что непременно там какие-нибудь суда найдут. А как флотилия наша с приходу ее к Дунаю, прогнав флотилию неприятельскую, овладела устьями Дуная, вобралась в реку при Килии и Сулин-Багази и, прошед вверх оной реки, из виду моего закрылась и находилась безо всякой опасности, посему я со флотом следовал за Дунай около румелийских берегов к стороне Варны для поисков флота неприятельского. Но 10 числа сего месяца сделавшийся от SW противный весьма крепкий ветер и чрезвычайное волнение ходу вперед воспрепятствовали. Я ж, не находя флота и никаких судов неприятельских, в рассуждении позднего времени почитал за действительно, что флот неприятельский давно находится уже в Константинополе, потому, не предпринимая далее, дабы сохранить флот, мне вверенный, от повреждений крепкими ветрами, спустился на фордевинт и следовал обратным путем к Севастополю и 15 числа прибыл на рейд оногo благополучно. По входе на рейд нашел, что посланные от меня для поисков судов к Калиакрии и Варне крейсерские суда, бригантины «Феникс» и «Св. Климент Папа Римский», исполняя удачно вверенную от меня комиссию, поймав против Варны два небольшие судна (из коих одно за негодностию затопили), а с другим при неспособных крепких ветрах и волнении ко флоту попасть не могли и 6 числа сего месяца пришли благополучно в Севастополь.

Из оных судов на одном, которое за негодностию затоплено, взяты в плен бежавший из крепостей при Сулин-Багази комендант Саид-Апты-ага, который, давнее уже время находясь при оных, имел в своем ведении все команды случающихся войск при охранении устьев дунайских, и с ним чиновников и рядовых турок шесть, да на судне бывших с хозяином одного судна четыре. На втором судне, приведенном в Севастополь, мелекса именуемом, взяты в плен греков девять и два турка, в том числе чиновник один.

По обстоятельному ж сведению от пленных оказалось, что флот неприятельский после разбития его между Гаджибеем и Тендрой сбирался в Калиакрии, где для соединения пробыв не более десяти или пятнадцати дней, ушел в Константинополь. Впрочем, военных судов в Калиакрии, Варне и в других местах около румелийских берегов нигде нет.

О чем, вашей светлости донеся, поданный ко мне от командиров крейсерских судов мичмана Бенардаки и шхипера Ладыко рапорт, тож отобранные от пленных известия при сем представить честь имею. А засим взятого в плен начальника сулинских крепостей Саид-Апты-агу с его подчиненными также в самой скорости к вашей светлости препроводить имею, а прочих пленных по примеру прежних повелений отправлю в Николаев.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ПОПОВУ
С ПРОСЬБОЙ ПОДДЕРЖАТЬ ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О НАГРАЖДЕНИИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ФЛОТА
ЗА БОЕВУЮ СЛУЖБУ**

15 ноября 1790 г.

Имею честь донести вашему превосходительству: со флотом, мне вверенным, 15 числа сего месяца вышел на Севастопольский рейд благополучно, также и крейсерские суда, которые имели некоторые повреждения и отпущены к портам, дошли все сохранно и благополучно ж. Благодарю Всевышнего за все дарованные в нынешнюю кампанию всещедрые милости и благополучное сохранение всех наших судов.

Всепокорнейше прошу, милостивый государь, не оставить вашим старанием о моих представлениях, и особо до пользы служителей следующее; также ожидаю милости его светлости рекомендованному мною за прошлую баталию. А о крейсерских командирах за отличные их усердия к службе и ревностные исполнения должностей к награждению их вскорости также представить не премину.

При сем же уведомить честь имею: по полученному известию флот неприятельский после баталии собирался несколько дней в Калиакрии и весь ушел в Константинополь, где давно уже и разоружен; судов неприятельских на море со всеми нашими поисками нигде не видали, кроме что посланные от меня два отборные легкие крейсерские судна бригантины «Феникс» и «Св. Климент Папа Римский» прошли в Калиакрию и Варну, там поймали два судна, из них одно затопили, а с другим, возвращаясь при северном крепком ветре, не могучи попасть ко флоту, пришли в Севастополь. Приведенное ими пленное судно, саколева именуемое, гружено изюмом, лимонами, инжиром в плетенках, мелкими орехами и рожками. Из оных вещей ко отправлению к его светлости и к вам, милостивый государь, лимонов сколько можно будет доставить, также осмотрясь, ежели найдутся что из фруктов, стоящие к сей пересылке, на сих же днях отправлю к Семену Семеновичу Жегулину. Я просил его превосходительство о сем доставлении, надеюсь на его ко мне благосклонности, что во оном вспоможении его оставлен не буду.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ПОПОВУ С ХОДАТАЙСТВОМ
О ПРОЩЕНИИ КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА БЫРДИНА,
ПОСАДИВШЕГО КОРАБЛЬ НА МЕЛЬ**

29 ноября 1790 г.

За милость, оказанную вашим превосходительством рекомендованному от меня посыльному к его светлости курьером сержанту Развозову, который чрез старание ваше, милостивый государь, пожалован его светлостью подпоручиком, приношу наипокорнейшую мою благодарность.

За сим же осмеливаюсь вас, милостивый государь, всепокорнейше просить, исходатайствуйте милость его светлости находящемуся ныне в Херсоне из флота, мне вверенного, капитан-лейтенанту и кавалеру Бырдину, который после бывшего сражения отправлен был от флота на фрегате «Федот Мученик» и со оным между Очаковым и Кинбурном в узкости фарватера приткнулся на мель.

Сие несчастье случилось с ним, будучи вплоть близко его при множестве судов, которые оберегая, он опоздал положить якорь, а более, почитаю, причиною недовольная его еще привычка быть командиром на больших судах.

Сделай милость, батюшка Василий Степанович, испросить для меня ему милость его светлости и прощение в его проступке, без которой, находясь он ныне под судом, конечно, останется несча-

стлив; он под командою хороший офицер, и мне здесь надобен, ибо по малости офицеров место его на корабле «Александр» заступить некому.

Во ожидании сей благосклонной милости с истинным моим почтением и совершенной преданностию имею честь быть.

Федор Ушаков

**СООБРАЖЕНИЯ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
О НОРМАХ ПИТАНИЯ МАТРОСОВ НА ЗИМНИЙ ПЕРИОД
И УСТАНОВЛЕНИИ ЕДИНОГО ПОСТОЯННОГО КУРСА ЧЕРВОНЦЕВ
И ЕФИМКОВ**

Ноябрь 1790 г.

1-е. Что в Севастополе весьма недостаточно казарм для житья флотским служителям и что большая часть людей зимовать должны на судах, почему для сбережения их и прочих не угодно ли приказать тем, кои находиться будут на судах, производить в пищу каждому в день по полфунту свежего мяса и что будет из морской провизии, крупу и по одной чарке вина, а при том и тем, которые при килевании и исправлении кораблей в работах будут, тож по чарке вина.

2-е. Испрашивает от вашей светлости разрешения на вступившую к нему от Севастопольского купеческого общества просьбу в том, что сие купечество просит его о запрещении флотским служителям, дабы они не принуждали их за покупаемые у них вещи и на напитки брать червонцы и ефимки тем курсом, каким они из казны в жалованье получали, или бы в отвращение всякого с обеих сторон неудовольствия и бываемых ссор и драк, приказано было те червонцы и ефимки принимать и от купечества за питейную продажу в казну тем же курсом, каким они от служителей получают, то есть червонцы в 3 рубля 70 коп., а ефимки в 1 рубль 75 коп.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
С ХОДАТАЙСТВОМ О НАГРАЖДЕНИИ УЧАСТНИКОВ СРАЖЕНИЯ
В КЕРЧЕНСКОМ ПРОЛИВЕ И У ОСТРОВА ТЕНДРА**

21 января 1791 г.

В Морском уставе о награждениях объявлено:

Ежели флот наш с помощью божиею разобьет и прогонит превосходного неприятеля, за таковое дело, хотя бы и не было взятых в плен и потопленных неприятельских кораблей, положено награждение всем во флоте бывшим в выдачу жалованья за треть, за полгода, за год или и более по рассмотрению дела.

Флот Черноморский, состоящий под предводительством вашей светлости, в течение минувшего 790-го лета имел счастье с соблюдением совершенного порядка славно выиграть две генеральные баталии против несравненно превосходного неприятеля.

Первую — июля 8 дня, в которой весь отборный линейный и гребной флот неприятельский разбит и едва успел бегством при ночной темноте спасти от рук наших весьма поврежденные свои корабли.

Вторую — августа 28 и 29, в которой также весь весьма превосходный неприятельский линейный и гребной флот разбит совершенно и рассыпан, адмиральский корабль взорван на воздух, другой и с ним несколько судов потоплены и один большой корабль с несколькими ж судами взяты в плен.

Прошу всепокорнейше служащим под предводительством вашей светлости на флоте, мне вверенном, милостию своею определить сходное щедротам монаршей милостью награждение, чрез что поощрясь, служащие во оном усугубят свое рвение на будущие времена*.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА ПО ЭСКАДРЕ
С ОБЪЯВЛЕНИЕМ ВЫГОВОРА КАПИТАНУ 1 РАНГА БАРАНОВУ
ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ИМ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ
ПО НАБЛЮДЕНИЮ ЗА ПОСТРОЙКОЙ КОРАБЛЯ**

22 марта 1791 г.

Его светлости угодно было повелеть флотских капитанов назначить и послать гораздо одновременное на вновь строящиеся корабли с тем, дабы они при окончательной достройке и при вооружении оных в надобности имели рачительный присмотр и объявили бы свои замечания, что к пальбе от практики, на море ими приобретенной, требуется. Я по сходству такового же е. св. повеления, почитая особым долгом употребить всевозможное старание в исправлении и приуготовлении со всяким порядком в плен взятого корабля «Иоанн Предтеча», напомнил командующему оным флота капитану 1 ранга Баранову, дабы он употребил все внимание к лучшему его приуготовлению, имел бы свое присутствие, сколько можно чаще на оном, и не пропускал бы делать все, что польза оного требует, и обо всем не упускал бы доносить мне. Но с сожалением моим сего числа (с донесения мне г. корабельного мастера Катасанова о требующихся надлежностях) усмотрел в отакелаживании оного корабля великий беспорядок... Будучи я на оном корабле, посылал за ним, капитаном, желая ему объявить

* Распоряжением кн. Г.А. Потемкина от 8 февраля 1791 г. рядовой состав эскадры Ф.Ф. Ушакова получил в награждение по рублю на человека.

мое мнение, но, быв на оном долгое время, дожидаться не мог, а по сходе с корабля, спустя несколько времени, увидел его, подошедшего ко мне, на берегу против корабля; объявил ему со всяким порядком о его недосмотрении и приказывал иметь впредь рачительный присмотр, но он, флота капитан Баранов, оное принял от меня не с подлежащею учтивостью, азартно объявляя мне, что он не корабельный мастер и не такелажмейстер и что оное смотрение до него не принадлежит, потому он и делать оного не будет, а должность его есть принять корабль готовый и отакелаженный. Я объявил ему, что таковое его мнение и объявление совсем противно долгу службы и намерению его светлости. Напоминал также несколько раз, чтобы он напрасно не горячился, выслушал бы с тихостию от меня порядок и исполнял бы то, что должно и приказано. За всем тем и еще с сожалением видел я наносимую неприличную для меня прискорбность, в отвращение которой сим приказом объявить имею, что я приказания делаю и объявляю оные по долгу службы, сходно с повелением его светлости, не выходя из благопристойности, которую я соблюдаю и рекомендую ему, Баранову, впредь от таковых поступков иметь осторожность и в исправлении и приготовлении вверенного ему корабля употребить рачительное старание и присмотр; в противном же случае принужденным я найду себя жалобой моею представить к его светлости.

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА ПО ЭСКАДРЕ
О ЗАБОТЛИВОМ НАБЛЮДЕНИИ ЗА ЗДОРОВЬЕМ
ЛИЧНОГО СОСТАВА**

23 марта 1791 г.

Флота капитан I ранга Баранов, как означено вчерашнего числа приказом, с непристойным азартом отговариваясь от принадлежащей ему должности, о исполнении которой с должным объяснением я ему напомнил, но все он настоял в одном положении, что он разных должностей исполнять не будет. А требовалось от него то только, что должно во всем по вверенному ему кораблю иметь рачительный присмотр и распоряжение. Причем по долгу службы также приказывал я ему и о рачительном сбережении вверенных ему служителей в рассуждении весьма умножившихся в команде его больных людей, а на противоречия его об оных напоянул также, что недосмотрением его сбережения многие служители во время командования его кораблем «Св. Павел» из оной команды померли, потому и подтверждал ему впредь иметь прилежнейший присмотр. Но он, г. Баранов, вместо того чтобы принять оное приказание к исполнению, несправедливо поданным ко мне сего числа рапортом объясняет, якобы я его порицал неприличными чести его словами, что он переморил своих подчиненных, и просит, чтобы приказал я исследовать и поступить по закону.

Я удивляюсь, что подчиненный приказания своего начальника принимает в противную сторону и называет объяснения оных поприцанием, ибо я справедливый долг имел сказать ему в подтверждение в рассуждении, что с сожалением видел двоекратно в команде его, г. Баранова, необыкновенное против прочих множество больных людей, как-то прежде на корабле «Павел» в короткое время его командования выбыло умершими служителей более, нежели во время моего командования оным кораблем в четыре года. Почитаю ж я, что тогда начало болезни в той команде последовало от неосторожной его посылки людей за камышом в Аккерман и в перевозе оного на строящийся тогда его в Южной бухте хутор. А посылка в Аккерман в тогдашнее время за камышом в рассуждении заразительного и гнилого там в летнее время воздуха было от меня письменными приказами весьма запрещена.

Объявляя о сем ему, г. Баранову, в подтверждение моих приказаний сим письменно еще подтверждаю, дабы употребил он всевозможное старание безотговорочно о исполнении упоминаемых должностей; к исследованию ж его во оном собою без особого позволения его светлости в рассуждении знатного его чина приступить не осмеливаюсь, а в свое время обо всем оном не премину донести его светлости.

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ПРИЗОВЫХ ДЕНЕГ

4 апреля 1791 г., г. Севастополь

По сходству повеления вашей светлости взятые в прошлом году во время крейсирования эскадры около анатолийских берегов крейсерскими нашими судами под Синопом на разных судах призовые вещи теми крейсерами в прошлом же году проданы всего из оных призов ценою до пятнадцати тысяч рублей. Из оной суммы сходно с повелением вашей светлости третья часть от крейсеров получена в здешнее казначейство. Из оной принадлежащую часть эскадренному командиру получил я, часть же, следуемая по главному предводительству вашей светлости*, с прибавлением из оставшего третьей части на всю эскадру нижних чинов, каждому выдано по одному рублю, а затем уже оставшие до шестисот рублей приказал я употребить на госпиталь в пользу больных служителей, а затем все оставшее разделено крейсерами между собою на всю их команду. Тож взята на пленном корабле, что ныне именуется «Иоанн Предтеча», денег турецкой монетою на

* Потемкин причитающиеся ему как главнокомандующему призовые деньги предоставил для распределения среди рядового состава кораблей, участвовавших в захвате неприятельских судов.

российский счет четыреста один рубль, приказал я все оные отдать на госпиталь же, в пользу больных служителей.

Контр-адмирал и кавалер Федор Ушаков

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА О РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛА Д.Н. СЕНЯВИНА
В СВЯЗИ С ЕГО ПРОШЕНИЕМ НА ИМЯ Г.А. ПОТЕМКИНА**

9 апреля 1791 г.

Представленное ко мне при рапорте по команде первой эскадры от флота капитана Шапилова, поданное к нему от командующего кораблем «Вознесение Господне» («Навархия») штаба его светлости генеральс-адъютанта* флота капитана 2 ранга и кавалера Сенявина на имя его светлости на отданный от меня 7 числа сего месяца приказ о непослушании его, Сенявина, исполнением по моим приказам прошение, хотя в нем объяснены некоторые слова излишне и несходны с тем приказом, однако непременно я оное прошение как следует с обстоятельным объяснением и копию с того приказа, равно и поданный рапорт от эскадренного ж командира ноября 29 дня прошлого 1790 года, о таком же его, г. Сенявина, неисполнении по приказам при первом случае представить к его светлости с испрошением подлежащего мне и эскадренному командиру законного удовлетворения, о чем сим по команде к сведению эскадренному командиру и ему, г. Сенявину, объявить честь имею. При сем же для будущего разбирательства сего дела в пополнение генерального от 7 числа сего месяца приказа объясняю: вторичное приказание мое было оного 7 числа при бытности со мною 3-й эскадры командующего бригадира флота капитана и кавалера Пустошкина, который все касательное до порядка подтверждение мое об оном слышал.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
С ЖАЛОВОЙ НА ПРОДОЛЖАЮЩИЕСЯ СО СТОРОНЫ Д.Н. СЕНЯВИНА
НЕДОСТОЙНЫЕ ПОСТУПКИ**

12 апреля 1791 г.

Осмеливаюсь всепокорнейше просить вашу светлость оказать милость и удостоить прочтением моего объяснения и рассмотреть понудившие меня к тому обстоятельства. Сия отличная милость ободрит ревность и усерднейшее мое желание к службе и должности, на меня возложенной.

* Генеральс-адъютант — звание офицеров, состоявших в должности адъютантов при представителях высшего командования армии и флота: главнокомандующих, командующих армиями и флотами.

По сходству повеления вашей светлости, в сентябре прошлого года мною полученного о господине генеральс-адъютанте Сенявине, все возможного в благоприятствах по должности службы в пользу я употребил. Но он, господин Сенявин, не внемля сии мои сходные с желанием вашей светлости к нему усердия, усиленным недоброжелательством своим наносит напрасное мне оскорбление и не заслуживает делаемое мною ему уважение (неприятными примерами против команды наносит соблазн другим). Недоброжелательство его происходит ко мне давнее время. Я не предпринимал вашей светлости об нем объясниться, не желая тем нанести неудовольствие, надеялся справедливыми моими поступками привести все в должный порядок, в котором большей частью по команде я уже успеваю. Если бы он не подкреплял ко мне некоторые еще недоброжелательства, надеялся иметь уже спокойствие.

По приезде его ныне из Москвы, кажется, надеется он на какой-нибудь мой упадок и более явно наводит мне расстройку и делает помешательство в делах. Также обстоятельства оказали, что недоброжелательства ко мне не чрез одно здешнее место клонятся, большей частью происходят они из Херсона, напоследок и от гребного флота и соединены с такой тонкостью, что если ваша светлость лишит меня собственного рассмотрения, могу безвинно потерять ко мне ваши милости, которые за верх всякого моего счастья почитаю и боюсь их напрасно лишиться. Даже все дела прошедшей кампании, произведенные мною против неприятеля, переложены и дан вид им совсем другого порядка, клонящегося якобы во всех случаях, что по оным есть мое упущение и что другой, будучи на месте моем, сделал бы гораздо больше. Сие пропущено единственно для повреждения мне.

Вашей светлости донести честь имею: во всех оных случаях исполнил я все должное сходно с выгодными правилами без всякого упущения, сохранил только справедливую и должную предосторожность в сбережении флота, не делая неосновательных и вредных рисков (какими некоторые по обстоятельному сведению и по неискусству своему в делах моих делают заочный упрек). Во всех оных случаях соблюл я ту осторожность и сделанную мне важнейшую вашей светлости доверенность, от которой всеобщая польза зависит, ибо если бы нечаянно малейшее, что флот привело в расстройку, общая польза потерпела бы много. Расположение мое было и есть таково, когда неприятель будет бессильнее и в робости (нежели каков был), я всякую, хотя бы излишнюю, отвязность тогда предприниму к его истреблению, но за всем тем и в прошлое время не упустил я ничего, кроме непреоборимых случаев невозможности.

Впрочем, милостивый государь, во всех делах моих и содержания команды поступаю я по предписанию вашей светлости с дол-

жной справедливостью и сохранением законного порядка. К непринадлежащему мне по закону пользованием не касаюсь ни одной полушки, определенным мне милостию вашей светлости положением нахожу себя совершенно довольным и более не ищу ничего, как прямым порядком веду службу мою со всяким усердием и ревностью. Сие делает меня во всем безопасным. Если что доведено будет до вашей светлости сему противное, всепокорнейше прошу оказать мне милость повелеть строго исследовать справедливость дела, и если со объяснением моим скажется несходно и найдусь в том виновным, подвергаю себя тому, что я не только недостоин командования флотом, но и недостоин буду названия и последнего офицера. Ежели что подобное доведено до вашей светлости, взыщите меня великой милостию прислать сюда из старших кого-нибудь генерала, кто бы рачительно уведал справедливость дела и недоброжелательства против меня клонящиеся, оправдал пред вашей светлостью.

Я объясняюсь не для того, чтоб боялся потерять команду. Когда будет вашей светлости угодно, во всегдашнее время сдам оную во всяком лучшем порядке без малейшей прискорбности, лишь бы сие случилось не от потери ко мне вашей милости. Если кто будет на месте моем старший, я охотно тогда буду под командою и употреблю таковое ж старание мое в исполнении должности, что будет на меня возложено. Почитаю божественным законом повиноваться определению главного начальства со всякой усердностью.

Будучи в Яссах, по сим обстоятельствам и видимым мною последствиям желал непременно объясниться вашей светлости, но несмелостию моею в таком случае в рассуждении великой вашей особы, опасаясь нанести беспокойство, сей желаемый случай я упустил. Простите великодушно мне, милостивейший государь, что я соискание ко мне милостей вашей светлости, опасаясь их напрасно потерять, осмелился сим столь много беспокоить. Ваша светлость соизволили заметить, сколь мне было чувствительно то, что я не находил случая самолично объясниться, желал бы я одной только милости, чтобы всякую несправедливость позволено было мне обличить самолично, а к чему не имею случая и от меня, что закрыто, в том никакого оправдания принести не могу.

Вашей светлости осмеливаюсь всепокорнейше донести, что я в объяснении моем объявляю сухую справедливость, как пред всевышним существом не ложно. Прошу всепокорнейше вашу светлость о нелишнии вашими милостями, которые со всяким усердием и ревностью при всяком случае потщусь заслужить и оказать себя оных достойным.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
С ЖАЛОБОЙ НА Д.Н. СЕНЯВИНА О НАРУШЕНИИ ИМ
ВОЕННОЙ ДИСЦИПЛИНЫ**

12 апреля 1791 г., г. Севастополь

Командующий кораблем «Навархия Вознесение Господне» штаба вашей светлости г. генеральс-адъютант флота капитан и кавалер Сенявин, не стараясь соответствовать моему в пользу об нем расположению, сходному с предписанием мне вашей светлости, неохотным его послушанием в исполнении должности наносит мне прискорбность и не токмо по словесным, но и письменным моим приказам без приносимых напрасных и не соответственных законному положению отговорок иногда исполнения не чинит и, упрямясь продолжением исполнения, оказывает себя непослушным, не так, как исполняют прочие все, нанося затруднения в делах излишними отговорками.

По таковым обстоятельствам за употреблением, даваемым от меня ему, Сенявину, наставлений, необходимо принужденным нашел я себя сего 7 числа на отданный от меня 4 дня того ж месяца приказ о неисполнении его по оному подтвердить письменным приказом, дабы он восчувствовал наносимое им неудовольствие, впредь старался поправить себя охотным и скорым исполнением, но он, г. Сенявин, вместо того, чтоб принести свое извинение, подал ко мне на имя вашей светлости прошение о порицании моем его в непослушании и упрямстве. Оное прошение его и с отданного от меня апреля 7 дня приказа точную копию, также и поданный ко мне прошлого 1790 года ноября от 29 дня по первой эскадре (от правящего по мне должность эскадренного командира) флота капитана 1 ранга и кавалера Шапилова рапорт о таковом же его, Сенявина, непослушании, в оригинале при сем вашей светлости представить честь имею и прошу всепокорнейше вашей светлости повелеть ему, капитану Сенявину, по долгу службы чинить, как следует, исполнение с усердным старанием и ревностью и напрасного оскорбления и излишних затруднений в делах мне не наводить. С моей же стороны я всякую благопристойность и распоряжение употребляю, сходно с законными правилами, и особо имея уважение и усерднейшее желание с точности выполнить повеления вашей светлости.

Сию ж жалобу мою приношу на него, Сенявина, по сущей необходимости, опасаясь, чтоб от таковых соблазнительных примеров и не соблюдения военной дисциплины не могло произойти худых следствий, а особо когда случится быть против неприятеля. На сие в резолюцию имею ожидать повеления вашей светлости.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Г.А. ПОТЕМКИНУ
С ЖАЛОБОЙ НА Д.Н. СЕНЯВИНА ЗА НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ УПРЕКИ
СО СТОРОНЫ ПОСЛЕДНЕГО**

12 апреля 1791 г.

Уведомился я, что г. генеральс-адъютант Сенявин, упреждая представление мое на него жалобую, отправил прошение на меня к вашей светлости, написав совсем несправедливые слова, чего от меня отнюдь не происходило. Сим намерен он только защитить свою винность, но осмеливаюсь донести вашей светлости истинной справедливостию, что я обходился с ним учтиво; происшествие было с моей стороны со всякой благоприятной учтивостию, как я и всегда, сохраняя оную в делах моих, поступаю. Если к сему потребно, я свидетельствуюсь по оному случаю не только эскадренными командирами, но всеми штаб- и обер-офицерами, ибо сие случилось в праздничный день в бытность всех в моем доме.

Защите меня, милостивый государь, великой вашей милостию. Какой я буду начальник флота и что могу исполнять, если подчиненные осмеливаются наносить столь бесстыдным образом оскорбления и делать в исполнении должных мне дел затруднение и помешательство. Надеюсь я во всем оном на великую милость и справедливость вашей светлости.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ПОПОВУ
С ПРОСЬБОЙ СОДЕЙСТВИЯ В НАГРАЖДЕНИИ ОФИЦЕРОВ
ЗА ИХ РЕВНОСТНУЮ СЛУЖБУ**

12 апреля 1791 г.

За все оказанные мне в бытность мою в Яссах вашего превосходительства милости и благоприятства приношу наипокорнейшую мою благодарность и поздравить честь имею с наступающим высокаторжественным праздником Святой Пасхи. И притом, милостивый государь, осмеливаюсь вас всепокорнейше просить рекомендованным от меня его светлости командиров бригантин — «Феникс» флота лейтенанта Бенардаки и «Св. Климент Папа Римский» подпоручика Ладыко не оставить милостию вашего превосходительства исходотайствовать милость его светлости: подпоручика Ладыко произвестъ мичманом, заслуга его прошлый год была отлична, но я ожидал другого случая, чтоб сей чин просить ему по усугублению еще заслуги, что ныне уже и исполнено. Лейтенант Бенардаки заслуживает также за отличности награжде-

ние, но чин он недавно получил, потому во оном, какую угодно будет сделать милость его светлости, можно положить ему вместо чина получать жалованье капитан-лейтенантское против прочих, как положено прошлого года некоторым старшим из них лейтенантам. При сем же осмеливаюсь рекомендовать посланного от меня с рапортами к его светлости находящегося ныне при мне за переводчика господина поручика Анаплиоти, который давнее уже время во оном чине, находился прежде при правлении и против прочих старшинство несколько потерял. Прошу не оставить, милостивый государь, его своей милостию исходотайствовать чин капитанский, который ему следует, поведения и в должности он исправен и рачителен.

Федор Ушаков

P.S. По возвращении сего от меня посланного курьера, надеюсь, флот Севастопольский исправлением будет уже готов, ибо половина оного уже вооружается, если не задержит несколько времени доставление сюда разных припасов, тож провианта, в мае мог бы выйтить в море. Прошу всепокорнейше, милостивый государь, исходотайствовать от его светлости повеление, ежели не со всем флотом, то хотя с несколькими кораблями выйтить в море. Я не осмеливаюсь только сам собою предпринять без дозволения, ныне ж бы я с несколькими кораблями вышел к Анадолии, дабы воспрепятствовать (по известиям значащимся от меня отправленным) перевозку войск из Анадолии в Анап, может быть, и та эскадра, которая их провожать будет, попалась бы на море.

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА ПО ЭСКАДРЕ
О СОБЛЮДЕНИИ ПОРЯДКА В ГОСПИТАЛЕ**

15 мая 1791 г.

В содержании морской госпитали, в счислении людей, в сохранении медикаментов и употреблении порций служителям оказался великий беспорядок, неустройства и некоторое подозрение, которое по отобрании подлежащих сведений не оставляю я приказать исследовать законным порядком. А между тем определяю быть при морской госпитали в исправлении всего подлежащего по должности старшему здесь штаб-лекарю Францу, которому рекомендую медикаменты и все, что следует по закону, при оной госпитали от штаб-лекаря Клерка принять в свое ведомство и охранение и, находясь при оной госпитали, исправлять подлежащую штаб-лекарскую должность со всяким рачением.

ИЗ РАПОРТА Ф.Ф. УШАКОВА
ЧЕРНОМОРСКОМУ АДМИРАЛТЕЙСКОМУ ПРАВЛЕНИЮ
О СРАЖЕНИИ ПРИ КАЛИАКРИИ И О БЛАГОПОЛУЧНОМ
ВОЗВРАЩЕНИИ ФЛОТА НА СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ РЕЙД ВВИДУ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ С ТУРЦИЕЙ

21 августа 1791 г.

Черноморскому адмиралтейскому правлению донести честь имею: отправляясь я с флотом, мне вверенным, с севастопольского рейда июля 29 числа, 31 того ж месяца при Калиакрии, атаковав флот неприятельский, имел жестокое сражение, при котором неприятель разбит наисовершенно и при сгустившейся от дыма ночной темноте и перемене ветра сверх чаяния нашего успел спастись бегством в Константинополь. Многие весьма поврежденные корабли, в том числе известного алжирского паши Саид-Али лучший и легкий из всего флота корабль, именуемый «Капитания», разбит больше всех до крайности, потерял грот-стенгю и грот-марса-рею, прочие паруса, мачты и корпус корабля весь расстреляны, и неуповательно, чтоб он дошел благополучно. С нашей стороны урон состоит весьма мал: убитых на всем флоте 17, раненых 28 человек.

После ж бою флот наш переменою на некоторых кораблях стеньгов и реев, починкою парусов и прочих надобностей исправлялся в закрытии от ветров под берегами мыса Эмине близ Фароса. Во время сего исправления посланными от меня крейсерами в разных местах при румелийских берегах многие неприятельские суда разбиты и потоплены, а некоторые сожжены; четыре взяты в плен. Словом, при всех оных берегах таковым поражением жителям во всех местах нанесен величайший страх и ужас, уповаю, тож чувствуемо и в Константинополе, ибо беспрестанно ушедшие от погони суда бежали в ту сторону искать своего спасения.

По исправлении флота узнал я чрез пленных, что в Варне находится флотилия неприятельская в немалом числе разных судов под командою алжирского начальника. Спешил я со флотом итти для ея истребления, а оттоль намерен был итти к стороне Константинополя искать флот и судов неприятельских. Но 8 числа сего месяца, подходя к Варне на присланных от стороны Коварны двух кирлангичах, получил повеление князя Николая Васильевича Репнина о заключенном с Оттоманскою Портою перемирии, об остановлении военных действий и о возвращении к своим портам, по сходству которого, оставя военные действия со флотом, мне вверенным, возвращаясь от стороны Фароса, следовал около румелийских берегов в виду оных к Дунаю и Аккерману, а оттоль к Севастополю и вчерашний день на севастопольский рейд прибыл благополучно.

Середина октября 1791 г.

1790 г.

В апреле месяце по приезде из Ясс от покойного ныне светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического имел я повеление, как наискорее исправить и приуготовить флот, мне вверенный, и начать действия с оным.

Известно было великое приуготовление войск неприятельских при анадольских берегах для перевозу их на судах в Анап, тож частью в Константинополь и к румелийским берегам для препровождения в армию и транспортирование туда ж хлеба и прочих припасов.

Исполняя повеление с наивозможною поспешностью, приуготовил я эскадру в числе трех малых кораблей, четырех фрегатов и двенадцати крейсерских судов и с оною обошел анатолийские и абазинские берега при оных, а особо в Синопе и Самсоне, при самых крепостях. Под оными и в разных местах при берегах анатолийских истреблено и сожжено немало число транспортных и разного рода судов, даже крепостям и жителям оных произведенными действиями нанесены вред великий, страх и беспокойство, равно и при Анапе-крепости, военным судам и жителям нанесены таковой же страх и беспокойство. А затем, препроводя последнее флота неприятельского с намерением иметь с ним генеральное сражение, не вдавая неважных действия повреждению кораблей, со мною бывших, с поспешностью возвратился к Севастопольскому порту, куда и преведено эскадрою шесть судов и более двухсот человек пленных людей. После учинения сих поисков в самой скорости показался флот турецкий при таврических берегах весьма в превосходном числе линейных больших кораблей, фрегатов и разного сорта отборных судов.

С поспешностью исправя всеми подлежащими и приуготовя флот, мне вверенный, вышел я с оным из Севастополя в числе пяти линейных и пяти ж малых кораблей, шести фрегатов и семнадцати крейсерских судов, следовал за оным и против Еникольского пролива [июля] 8 числа имел жестокое сражение, продолжавшееся более пяти часов, при котором флот неприятельский разбит совершенно...

Сими исполнениями данных мне повелений все намерения неприятельские против таврических берегов отвращены и транспортирования судами воспрепятствованы.

По возвращении вверенного мне флота на Севастопольский рейд наивозможные способы при неусыпных стараниях употреблены в скорейшем исправлении флота и в перемене вновь на кораблях разбитых мачт, стеньгов и реев. Все оное в один месяц было исправлено, и флот вторично с тем же числом судов вышел в море и, нашед флот неприятельский в великом превосходстве кораблей, фрегатов и разного сорта судов против лимана Очаковского, с которым между берегов Гаджибея и острова Тендры в открытом море августа 28 и 29 числа имел жестокое сражение. Весь флот неприятельский разбит совершенно, адмиральский корабль «Капитания», на котором имелось правление и казна всего флота, взорван на воздух. Адмирал трехбунчужный паша Саит-бей с разными чиновниками взяты в плен, также партикулярный 74-пушечный корабль, именуемый ныне «Иоанн Предтеча», с разными судами и со множеством людей взяты ж в плен, один такой же линейный корабль со многими судами потоплены...

После сего, подошед я с флотом к Гаджибею, в близости оного соединился с Лиманскою эскадрою, при гребном флоте находившеюся и, поправя возможные повреждения, устроя флот для виду в лучшем порядке и положении, во всем следующем параде имел прием прибывшего из Ясс на флот главнокомандующего оным светлейшего князя Потемкина-Таврического и, получа повеления, возвратился на Севастопольский рейд благополучно.

Сим наисовершеннейшим поражением флота неприятельского не только обеспечены все наши берега при Черном море, но страх и отчаянность распространились при всех румелийских и анатолийских берегах, и чрез то открыт свободный и безопасный проход гребному нашему флоту в устья Дуная.

По прибытии в Севастополь также все наивозможные способы при неусыпных стараниях употреблены в скорейшем исправлении и приуготовлении флота, причем разбитые мачты, стеньги и реи переменены вновь в сие ж время сделанными.

И по сходству данного мне повеления при глубокой уже осени еще успел я с флотом, мне вверенным, выйтить на море к препровождению гребного флота в Дунай и обеспечению оного при входе в гирлах. Вышед с Севастопольского рейда 16 октября, следовал к Гаджибею и оттоль 20 числа прибыл к Дунаю и расположился при устьях оного, прикрывая входящий гребной флот наш в устья Сулина и Килии, при которых находился с флотом, пока весь гребной флот, вобравшись в реку, ушел вверх Дуная и был безопасен.

В сие ж время посланными от флота крейсерами при румелийских берегах деланы были поиски и близ Варны и Калиакрии взя-

ты в плен два судна, одно с чиновниками, бежавшими из устьев Дуная, а другое, шедшее из Варны. По известиям, флот неприятельский находился в Константинополе, потому при глубокой осени в опасное время от штормов, не ходя я с флотом далее как в близость только за Дунаем, изыскивал возможные способы и употреблял всемерное старание в сбережении флота, мне вверенного, и по получении повеления с оным возвратился в Севастополь благополучно ж.

Во все зимнее время употребляемы были неусыпные труды и старания в исполнении разных повреждений и снабжениях флота, и к кампании 1791 года весь флот: корабли, фрегаты и прочие разного сорта суда, — все до одного исправлены килеванием.

1791-й год

Во время приуготовления флота посланными крейсерами к анадольским берегам при оных истреблено несколько судов и одно, шедшее из Константинополя, приведено в Севастополь. Чрез пленных получены все потребные обстоятельные сведения, о которых знать было нужно.

А после сего в начале июля показался при таврических берегах пришедший к оным флот турецкий весь генерально, и к нему же для умножения присоединены были алжирцы, тунисцы, трипольцы и дульцениоты с немалым числом фрегатов, шебек и отборных разных судов, даже и линейные корабли. Многие комплектованы и усилены весьма превосходным числом оных. Состоял под предводительством капитан-паши, спомоществуемый известным алжирским начальником Саид-Али и прочими семью чиновниками ж, имеющими флаги свои на стенах, и был в великом превосходстве большими кораблями, фрегатами и прочими судами.

Поспеша я окончить приуготовление флота, по сходству повеления его светлости немедленно вышел с Севастопольского рейда в числе шести линейных и десяти малых кораблей, двух бомбардирских и одного малого фрегата и семнадцати крейсерских судов и, обходя при таврических берегах мыс Аия, встретил флот неприятельский и всеми употребляемыми способами искал выгоднейшим образом дать ему решительную генеральную баталию, но неприятель всячески от оной избегал и искал также своих выгодностей. Я несколько раз с отборными кораблями, которые легче в ходу, догонял и принуждал его к бою, но прочие последующие за мною не успевали и оставались весьма далеко. Чрез таковое промедление неприятельский флот, всегда удаляясь, таковым образом отклонился весьма на дальнейшее расстояние от таврических берегов к стороне Константинополя и, имея кораблями своими

весьма превосходный ход, из виду нашего закрылся. Посему и возвратился я в Севастополь для некоторых поправлений по флоту и в самой скорости, сделал подлежащие распоряжения и исполняя потребные надобности, вышел вторично для поисков флота неприятельского, следовал прямо к румелийским берегам к Варне и, подходя к оному месту, обозрел его весь вообще при Калиакрии. И против мыса Калерах-Бурну в открытом море имел с ним жестокое сражение, который с помощью Всевышнего весь разбит наисовершенно...

После совершенного поражения неприятельского флота флот, мне вверенный, в самой скорости исправлен при румелийских берегах близь Фороса под мысом Эмене, а между тем посланными от меня крейсерами около румелийских берегов даже в близости столицы оттоманской нанесены великие беспокойства истреблением в разных местах многих судов. Как же скоро все повреждения флота исправлены, узнав я от пленных, что неприятельская флотилия, во время сражения отделившаяся от флота, под командою алжирского начальника находится в Варне, спешил с флотом итти для ее взятия или истребления, а оттоль к Константинопольскому проливу искать разбитый флот неприятельский, считая несомненно, если которые корабли не вобрались в пролив, найтись их в близости столицы при анадольских берегах.

С поправлением поврежденных надеялся я наилучшим образом без потери своих кораблей воспользоваться плодами бывшей победы, ибо после, по обстоятельным сведениям, оказалось, что действительно флот неприятельский рассыпан был тогда в разных местах, частью чрезвычайно поврежденные корабли вошли в Константинопольский пролив, а прочие бросились к анадольским берегам.

Спеша я исполнением, 8 числа августа находился в виду уже Варны, и сделаны были на флоте распоряжения для взятия и истребления судов, при оном месте находящихся, но на приведенных крейсерами двух пашинских кирлангичах получено повеление от командующего армиею о заключении и подписании прелиминарных пунктов мира между Империею Всероссийскою и Портою Оттоманскою о прекращении военных действий и о возвращении к своим портам.

Получением сего повеления все наиважнейшие последствия преграждены и военные действия кончены благоприятством мира, по сходству которого, возвращаясь я с флотом, мне вверенным, 20 числа августа прибыл на Севастопольский рейд благополучно.

Всевышний, поборствуя победоносному оружию ее императорского величества, благоволил в сии два года флот Черномор-

ский при дарованных столь совершенных победах предохранить так, что во все оное время ни одно и малейшее судно не потеряно и в руки неприятелю из оного флота ни один человек не достался.

По окончании военных действий по всей возможности употреблены мною старания в потребных поправлениях флота и в построении при Севастополе в лучших к сохранению служителей в здоровье местах казарм, госпиталей и прочих необходимо надобных строений, которые означены в плане Севастопольского порта.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ПОПОВУ
С ВЫРАЖЕНИЕМ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ
Г.А. ПОТЕМКИНА**

Октябрь 1791 г., город Яссы

Сделав я краткую ведомость о состоящих при флоте черноморских судах с объяснением под оною о необходимых надобностях при сем вашему превосходительству представить честь имею. И как неизбежной властию судьбы Всевышнего лишились мы высокого нашего начальника, в таком случае пока кто определен будет к предводительству Черноморским флотом, дабы в сие время не произошло упущения нужнейших дел и приуготовлений, всепокорнейше прошу обо флоте и обо всех подлежностях исходатайствовать монаршее благоволение.

Федор Ушаков

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА ПО ФЛОТУ
С ОБЪЯВЛЕНИЕМ БЛАГОДАРНОСТИ ЕКАТЕРИНЫ II
ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ЗА ПОБЕДУ ПРИ МЫСЕ КАЛИАКРИЯ**

10 ноября 1791 г.

За знаменитую сего лета Черноморским флотом под моим предводительством победу над таковым же турецким в самой близости столицы оттоманской одержанную, искусство и храбрые подвиги при получении мною монаршей милости ордена Св. Александра Невского, ее императорское величество высочайше мне повелеть соизволила: объявить всем и каждому, в деле сем участвовавшим, ее императорского величества благопризнание к их усердной службе и подвигам, и что отличившиеся в деле сем знаменитом не оставлены будут отличием ее императорского величества монаршею милостию и благоволением, о чем по команде всем, кому следует, объявляю.

ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА ОБ АРЕСТЕ МАСТЕРА АРЖЕВИТИНОВА
ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ ВЗДОРНЫХ СЛУХОВ

24 января 1792 г.

Г. такелаж-мастер Аржевитинов сего числа без всякой скромности разглашал здесь, в Севастополе, неприличные и соблазнительные для команды новости, и по призыве ко мне в том он обличен. Я дал повеление письма, присланные ему из Херсона, отобрать, из которых ко мне два и доставлены, а третье, во исполнение от моего повеления, не отдав посланному от меня комиссионеру, с торопливостью изорвал в малые части, хотя от него оно и требовано и запрещено ему было рвать. В противность моего приказания он все, не внимая тому повелению моему, изорвал, однако несколько обрывков из одного письма и с печатью доставлены ко мне. Оказалось, разорванное письмо и другое целое писаны флота от капитана Поскочина, а последнее — флота от капитана ж Сенявина. Во оном от Сенявина написаны язвительные и дерзкие слова, до правления Черноморского касающиеся.

А как и прежде иногда от некоторых беспокойных людей случались беспокойные и вредные разглашения, то ко отвращению подобностей бывший светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический в последнюю ныне бытность мою в Яссах повелел мне таковые неисправности всевозможно прекратить законной строгостию и взысканием и желал, чтобы я, кто в том окажусь, представил к нему для строжайшего по закону наказания. Капитан же Сенявин за дерзости и невежество от е. св. был арестован и содержался немалое время в кордегардии, отколь освобожден единственно чрез усиленные мои прошения и ходатайство. Ордер, данный об нем, велено объявить мне при команде.

Часто прежде всего от несправедливых и беспокойных людей вредные здесь выпускаемые отсель в разные места разглашения лживых новостей переменяли вид и самых лучших дел флота в худые, вредные и несносные. Всему прекращению о случившихся ныне происшествиях со всяким обстоятельством не премину я представить к вышнему начальству и просить в резолюцию удовлетворения, а до того времени рекомендую капитану над портом Доможирову такелаж-мастера Аржевитинова за неприличные разглашения, неисполнение приказания моего, за изорвание письма, арестовав, содержать безотлучно при работах на тех кораблях, которые исправляются килеванием. Всем же командующим рекомендую в командах своих наисторажайше подтвердить, чтобы отнюдь никто неосновательных, вредных и соблазнительных новостей не разглашали и в таковых не переписывались, а кто в том окажется, подвергнут себя непременно законному взыска-

нию. Я уверен, что таковых, любящих переменные новости и неприличные переписки, весьма мало и, может быть, здесь уже не останется. Прошу гг. командующих употребить старание таковых и последних вывести строгим взысканием и запрещением.

**ИЗ ПРИКАЗА Ф.Ф. УШАКОВА
ОБ ОБУЧЕНИИ ПУШЕЧНОЙ ЭКЗЕРЦИИ
И СТРЕЛЬБЕ МАТРОСОВ И КАНОНИРОВ**

23 февраля 1792 г.

§ 1

По наступлению ныне удобного времени к подлежащему обучению служителей к пушечной экзерции предписываю по требованию артиллерии капитана 3 ранга Массы для сего батарею и шит от порта исправить всеми подлежащими. А между тем господа командующие кораблями, фрегатами и прочими судами благоволят приказать наличным матросам и канонирам, сочиня списки, отослать к нему, господину Массе. По исправлении ж батарей немедленно начать оное обучение, напервое с кораблей, а потом и с прочих судов по очереди, как значит в приложенном реестре примерно, а после и действительную пальбою с ядрами, старых — по три, а рекрут — по пять выстрелов.

От команд же ко обучению служителей посылать при офицерах, к содержанию пороха и всех припасов и снарядов при той батарее определяется, равно и для записывания выстрелов, кто куда свои ядра положит. С корабля «Иоанн Богослов» артиллерии унтер-лейтенанта Зеленского и к нему в помощь послать с эскадры первой и третьей знающих грамоте двух сержантов или унтер-офицеров, а по окончании обучения всех служителей те списки с показанием выстрелов представить мне.

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА
О ЗАПРЕЩЕНИИ КАРТОЧНЫХ ИГР СРЕДИ МАТРОСОВ**

31 марта 1792 г.

§ 1

В прошлых годах приказами наистрожайше от меня в командах подтверждено, чтобы за служителями по командам иметь прилежное смотрение и в карты играть и сборища для того делать не допускать, но ныне собрание картежников беспрерывно бывает в лошине Артиллерийской бухты, в закрытых между горами местах, и умножается чрезвычайно великим числом людей. Сего числа самым мною оное освидетельствовано: по приходе моем туда все

играющие в карты разбежались, но я приказал взять под караулом зрителей, при оных бывших, означенных в приложенном при сем реестре, и велеть их допросить, чтобы они пересказали всех тех, кого они знают. Из них некоторые объявили бывших и бывающих в том собрании, означенных по приложенному же при сем списку. Рекомендую господам командующим оных служителей приказать по командам посадить под караул и отобрать от них обстоятельные сведения, чтобы они показали и прочим, кто таковые бывают с ними в собрании, и всех оных за таковую их дерзость, а особо за то, что они разбежались, не послушав моего приказания, и не остановились. Ежели бы они сего не учинили, мог бы я на первый случай их простить, подтвердя только то, чтобы впредь не собирались и игру оставили, но когда столь оные дерзки и спасаются всегда бегством, думая себя оным укрыть, то подвергают себя наижесточайшему наказанию, что и исполнить. И притом подтверждаю господам командующим в командах о сем запрещении карточной игры и сборищей наистрожайше подтвердить и ко отвращению оногo иметь наиприлежнейшее смотрение. Тех же, которые из них взяты при оном зрители и которые из них не учинят запираательства, объявят других, которых они знают, таковых же от наказания освободить.

**ИЗ ПРИКАЗА Ф.Ф. УШАКОВА
О ПРИНЯТИИ МЕР К ОХРАНЕ НАСАЖДЕНИЙ В СЕВАСТОПОЛЕ**

14 апреля 1792 г.

§ 1

Усматриваю я многократно, что около казенного генеральского дому разные люди пускают лошадей, а иногда и другой скот, которые посаженные около дому и проспекте фруктовые деревья многие поломали. Несколько раз приказывал я сыскивать хозяев того скота, но никто не является, ежечасно ж отгонять и беречь те деревья неудобно, почему об оном всем, до кого принадлежит, подтверждаю: в городе и около дома скота отнюдь без особого присмотра нигде не пускать, если же от сего времени окажутся шатающиеся лошади без присмотра, рекомендую господину капитану над портом Доможирову приказать таковых шатающихся лошадей брать и употреблять в работу к перевозке камня к казенным строениям. Когда сыщутся об них просильщики, таковым приказать для получения резолюции являться ко мне.

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА
О ЗАПРЕЩЕНИИ ОФИЦЕРАМ ЭСКАДРЫ ОБРАЩАТЬСЯ
С ПРОСЬБАМИ ОБ ОТПУСКАХ К ВЫСШЕМУ НАЧАЛЬСТВУ
НЕ ПО КОМАНДЕ**

16 июля 1792 г.

Вверенной мне эскадры рекомендую господам командующим кораблями и фрегатом «Святой Марк» («Макропля») * обо всем, что не воспоследует, относиться ко мне по силе законов, как долг службы требует. А как команды корабля «Святой Владимир» флота господин капитан-лейтенант Огильви, не донеся мне, отпросился у главнокомандующего в Таганрог, то чрез таковые обстоятельства могут воспоследовать незаконные порядки, почему и прошу всех господ командующих, подтвердя в команду своим господам штаб- и обер-офицерам, чтоб впредь без ведома моего главнокомандующего никто б не осмелился утруждать, в чем и надеюсь на исполнительность господ командующих.

**ИЗ ПРИКАЗА Ф.Ф. УШАКОВА
О КОНТРОЛЕ ЗА ОТПУСКОМ НА ГОСПИТАЛЬНУЮ КУХНЮ
ПРОВИЗИИ ДЛЯ БОЛЬНЫХ**

19 июля 1792 г.

§ 1

Дошла до меня жалоба по госпитали, что состоящий при оной комиссар Чухнин некоторые вещи из провиантских вместо казенных магазинов содержит у себя в собственном своем доме, как-то: масло коровье и постное и еще некоторые вещи. От господина доктора фон-Вилинга приказано было, как и следовало, на варку ежедневно всю следующую провизию отпущать на кухню при свидетельстве дежурного лекаря и подлекарей. Но оный комиссар по сему исполнению не чинил и отпуска делает без свидетельства, чем и навел на себя оное подозрение, сомнение и неудовольствие больных, которые считают, что особо крупа и масло употребляются недостаточно, объявляют, что кашлица бывает жидка, а положение сделано в дозу крупы достаточное, при котором кашлица должна быть довольно хороша.

Рекомендую определенному комиссионером на нынешнюю неделю для посещения больных флота господину капитану 2 ранга Великошапкину обще с господином доктором фон-Вилингом

* Фрегат «Святой Марк» переоборудован в 1790 г. из турецкой галеры «Макропля», взятой в плен (*примеч. ред.*).

посему сделать свидетельство: действительно ли таковые вещи вместо магазейна содержатся в собственном доме комиссара Чухнина, и взять с него письменный ответ, почему он оныя содержит в своем доме, а не в казенном магазейне, ибо способных покоев к тому содержанию есть довольно из тех самых, которые были прежде госпиталями, и для чего он отпуск провиантов на кухню делает без свидетельства и не старается тем себя очистить, чтобы явно был виден весь полный его отпуск. Обо всем оном исследовать со всякой точностию, не окажется ли также еще что-либо сомнительное и какое злоупотребление и какие от кого именно неудовольствия, ко мне рапортовать.

§ 2

Для лучшего удостоверения господину флота капитану Великошапкину и доктору фон-Вилингу завтрашний день приказать все, что следует, на кухню весом и мерою отпустить при своем свидетельстве, приказать порядочно сварить и раздать служителям, а после на другой день всех больных служителей опросить, таково ли все ежедневно производится, и какую заметят из того разницу, ко мне дать знать. Таковое ж свидетельство сделать в те дни, когда производится густая каша с маслом. Господину доктору фон-Вилингу рекомендую по распоряжению своему сделать все потребные при госпитале учреждения и, что кому принадлежать будет к исполнению, дать от себя наставления, при повелениях на письме и меня об оных уведомить письменным рапортом.

§ 3

Еженедельно доходит до меня жалоба чрез определенных к свидетельству флота господ капитанов, квас большим служителям в выдачу производится весьма жидок и большей частью нехорош, что и мною также замечено. Многократно приказывал я переменить, но и затем все слышу и замечая те ж недостатки. Господин флота капитан Великошапкин благоволит, призвав к себе госпитального подрядчика, сей приказ выписав, объявить и отдать ему с тем подтверждением, чтобы впредь жалобы на себя не доводил и содержал бы квас на выдачу хороший, как следует по договору, не жидкий. Благоволит оный господин капитан при сделании оного один раз иметь свое свидетельство и обще с господином доктором определить, какому ему быть должно, и подтвердить, чтобы такого уровня содержать всегда; в рассуждении ныне жаркого времени квасу много делать не подлежит и переменять его чаще и по сему чинить исполнение.

**ИЗ ПРИКАЗА Ф.Ф. УШАКОВА
О НАКАЗАНИИ ЗА ДЕЗЕРТИРСТВО, ПЬЯНСТВО И ВОРОВСТВО
И ОБ УДОВЛЕТВОРЕНИИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ФЛОТА
ДЕНЕЖНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ ИЗ СУММ ФЛОТА,
ЗАИМООБРАЗНО ОТПУСКАЕМЫХ ИЗ КАЗНАЧЕЙСТВА**

4 октября 1792 г.

§ 1

Явившегося из бегов корабля «Рождество Христово» клерка унтер-офицерского чина Ивана Батагова за самовольную от команды отлучку, за пьянство, в котором он обращается весьма часто, и дурное поведение написал я в матросы во 2-ю статью и рекомендую к воздержанию впредь от таковых продерзностей наказать его при команде по рассмотрению.

§ 2

Пойманного из бегов, находящегося на Глубокой пристани штурманского ученика Герасима Федорова во исполнение присланного ко мне из Черноморского адмиралтейского правления от 18 числа сентября указа, ежели и подлинно он так объявляет, имел там от командира притеснение для чего ближе, в Херсоне, явсь к команде, не принес жалобы, а отлучился далее и, если бы не был пойман, конечно б, и поныне старался б укрываться. Рекомендую господину примьер-майору Говорову наказать его жестоко при разводе фрунта и определяю его на корабль «Сошествие Святого Духа» в комплект, куда, приняв, внести в список и довольствовать, чем следует.

§ 3

Явившегося из бегов корабля «Богородица Казанская» писаря Ивана Шершнева и пойманного каторжного невольника Ивана Михайлова рекомендую первого за пьянство и пятидневную от команды отлучку наказать при команде по рассмотрению, а невольника господину примьер-майору Говорову наказать при собрании прочих нещадно кошками и, освободя из-под караула, отослать, куда надлежит.

§ 4

По рапорту господина командующего кораблем «Рождество Христово» матроса 1-й статьи Абрама Петрова за утрату самовольно всего казенного мундира, кроме тулупа парусинного, за пьянство и воровство и весьма худое поведение написал я во 2-ю статью и рекомендую наказать его при команде шпицрутенами чрез 1000 человек один раз и из-под караула освободить. Вместо

ж утраченного мундира выдать ему из имеющегося при команде оставшего после умерших, а за прежний, что следует, взыскать из его жалованья, о чем дать знать и конторе Севастопольского порта.

§ 5

Известно мне, что за неполучением давнее время денежного жалованья служители при командах терпят в пропитании себя крайнюю нужду, так что на покупку к заготовлению в зимнее время капусты и прочего в наличии денег у себя не имеют, почему данным от меня сего числа правящему казначейскую должность господину капитану Попову ордером велено отпустить заимообразно на большие корабли по 200, на малые по 150, на фрегаты большие по 100, на малые по 80, на два аката и на судно «Полоцк» по 40, во второй черноморский батальон 300 рублей, которые при отпуске в команды жалованья должны быть возвращены в подлежащую сумму. Рекомендую господам командующим приказать из здешнего казначейства оные деньги принять с расписками и употребить на покупку служителям надобностей, а при отпуске жалованья в казначество возвратить.

ИЗ ПРИКАЗА Ф.Ф. УШАКОВА О НАКАЗАНИИ МАТРОСА СТЕПАНА КОЗЛОВСКОГО ЗА ПОДЖОГ СУДНА

15 октября 1792 г.

§ 3

По 2 [?] коим предписывает по делу следственной комиссии о взорванном в прошлом 1790 году февраля 16 числа на воздух судне «Кондуктор», по которому оказалось, что вольнонаемный матрос из малороссиян Степан Козловской, укравши у товарища своего из сундука два рубля сорок копеек денег и дабы скрыть оное воровство, зажег то судно, за что и приговорены: командир оного судна Валоашаки за нерадивое его судна и содержание на оном в гавани огня к лишению живота, становится в сем злодеянии за умышленное сожжение смертной казни, но покойный светлейший князь Григорий Александрович Таврический в 1790 году по разбитии на море флота неприятельского турецкого, будучи на флоте, во уважение показанной заслуги изволил приказать сие дело предать в забвение и его, Валоашаки, от всякого штрафа и наказания освободить, а помянутого матроса, дабы не остался за свое злодеяние без наказания и не подать чрез то повода другим, наказать шпицрутенами по мере преступления, почему и велено от меня данным от меня господину примьер-майору Говорову ор-

дером завтрашнего числа прогнать его шпицрутенем чрез 1000 человек три раза, а для сей экзекуции благоволят господа командующие эскадрами приказать нарядить во фронт поутру в 7 часов от каждой эскадры по 125 человек, а остальных пятисотное число послать от второго черноморского баталиона.

**ИЗ ПРИКАЗА Ф.Ф. УШАКОВА
О СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ МАТРОСОВ
И ОБ УЛУЧШЕНИИ ИХ ПИТАНИЯ**

18 октября 1792 г.

§ 1

В ордере председательствующего в Черноморском адмиралтейском правлении господина вице-адмирала и кавалера Николая Семеновича Мордвинова от 14 числа сего месяца предписано: как нынешнего лета во всех здешних местах от продолжительных жаров болезни умножились, а притом служители, оставаясь долгое время без жалованья, не могли себя содержать выгодно, потому больных умножилось до значительного количества. И, хотя мною ко отвращению сего приняты и исполняются всевозможные меры, за всем тем его высокопревосходительство по долгу своего начальства, соглашаясь преподанным мною обще с господами командующими мнением и консилиумом господ докторов, предлагает к исполнению следующее.

Всем здоровым служителям производить в порцию каждому в день по $\frac{1}{2}$ фунта говядины, по тому же числу капусты и хрену, по $1\frac{1}{2}$ унции уксусу и продолжать раздачу сей порции шесть недель. Здоровых всех служителей из казарм перевести на корабли.

Постелей, подушек и одеял сделать потребное число, заняв на сие, по неимению теперь в доставлении холста, из экипажеских и артиллерейских магазинов.

По недостатку прачек нужно оных умножить, почему и нанять их достаточное на сей случай число, дабы белье почасту перемывать.

Многие еще казармы по недостатку лубья не окончены покрышкою, то и покрыть оные черепицею, которой для сей надобности и приказать купить.

О состоянии больных присылать к нему еженедельно рапорты, означая в них число каждой болезни порознь.

По случаю ж недостатка в деньгах по необходимости к сбережению служителей в здоровье отпускаю я из собственных своих денег тринадцать тысяч пятьсот рублей, из которых велено десять тысяч отпустить в контору Севастопольского порта для покупки свежих мяс, а три с половиною тысячи госпитальному подрядчи-

ку Курапцову для содержания госпиталей, который, не получая четыре месяца денег, пришел не в состоянии к продовольствию больных.

По сходству сего предписал я конторе Севастопольского порта, приняв от меня объявленное число денег для продовольствия служителей в подкрепление здоровья, покупать или брать подрядом на все команды нижних чинов служителей свежее мясо, капусту и прочее и отпускать в команды по требованиям господ командующих, которым напервое обо всех нижних чинах служителях, кому следует сия выдача, подать в контору именные списки с ведомостями, а потом посылать во оную накануне каждого дня ежедневно о требовании записки с подписью командующих, на сколько человек и сколько чего следует, с которых и дано будет знать подрядчику или тому, от кого будет прием свежего мяса. Принимая ж оное, также давать расписки, сколько именно принято, в командах же иметь особые тетради, в которые прием и выдачу записывать для верных отчетов.

§ 2

Рекомендую всем господам командующим корабли, фрегаты и прочие суда в палубах, где должно для житья поместить служителей, привести в совершенную чистоту, воздух, даже и в интрюмах кораблей, очистить, а потом здоровых служителей перевести на суда и исполнять все, как выше в повелении означено. Больных служителей, которые не могут помешаться в госпитале, содержать, как прежде в приказе моем означено, кому есть способность при командах, поместя их свободно в казармы, в которых соблюдать всевозможную чистоту и рачительный за ними присмотр и попечение самих господ командующих. Также и я не упущу иметь всевозможное попечение и собственный мой присмотр за всеми.

Весьма найду себе довольным, в которых командах замечу отменное радение и расторопность в сохранении людей, за всем же сим в некоторых командах или большей частию казармы довольно хороши и свободны, посему в таковых, где за помещением свободно больных казармы могут оставаться свободные и для здоровых, в таковых служителей можно оставить, но отделив из них по рассмотрению командиров, столько на суда, чтобы оставшие в казармах имели довольную свободу. Больных и слабых всегда отделять в самой скорости, дабы отнюдь со здоровыми смешаны не были во все сие время, пока служители от приумножения болезней не получат совершенную свободу, на работы по утрам рано не высылать, а особливо в мрачные и дурные от воздуха дни, ввечеру также на работы долго не удерживать; на работы посылать только на таковые, которые необходимо исполнять должно, а на

приватные отнюдь не посылать; словом, пока служители приведенны будут в совершенное здоровье, должно непременно и все меры употреблять о их выздоровлении, сохранении и довольствии, хотя бы в работах некоторые и упущения случились.

Казармы для помещения и житья служителям требуют непременно, чтобы работами были dokonчены; ежели в которых командах казармы не dokonчены или не поправлены, господа эскадренные благоволят сделать таковым командам вспоможение по эскадрам.

§ 3

О состоянии больных служителей, в госпитали посылающихся депутатами для надсматривания чистоты и содержания в госпиталиях, господа флота капитаны, каждый, окончив присмотром своим неделю, благоволя по сходству требования председательствующего в Черноморском адмиралтейском правлении, как выше означено, подавать ко мне недельные рапорты, означая в них число каждой болезни порознь, которые от меня и доставлены будут к его высокопревосходительству.

§ 4

Хрен, уповательно, при холодном уже времени для людей можно будет заготовлять, посему кому сколько необходимо нужно, велеть заготовить, но притом сберегать служителей, чтобы, сыскывая оный, в низких местах были недолго и тот же бы день, в который от кого посланы будут, возвращались бы в команды.

Впрочем, я совершенную надежду полагаю, что господа эскадренные корабельные и все прочие командиры не упустят к облегчению служителей приискивать и употреблять все способы к скорейшему их выздоровлению.

ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА О ПРИНЯТИИ МЕР ПРОТИВ ПЬЯНСТВА СРЕДИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ФЛОТА

4 ноября 1792 г.

Господин доктор фон-Вилинг поданным ко мне сего числа рапортом донес, что как неоднократно уже случились умершие служители от пьянства, то и на сих днях некоторые команд служители найдены на улицах умершими, да и третьего дня в 11 часу пополудни напротив его дому корабля «Богоявление» матрос пьяный, лежа в грязи, в рассуждении холода его тогдашнего состояния требовал по человечеству с полчаса помощи, во обозрении его которого из против находящейся лавки два гре-

ка, вышед с фонарем, осмотрели и оставили по-прежнему в грязи; о чем узнав, он приказал взять в свой дом, и если бы не сделана была ему сия помощь, то и сей человек необходимо оттого мог бы умереть.

Отданным же от меня 26 числа приказа во все команды подтверждаемо было, чтобы господа командующие по командам имели наистрожайшее смотрение и служителей от пьянства как наивозможно приказали бы удерживать, но за всем тем я беспрестанно вижу в разных местах шатающихся пьяных людей, особо береговых, при порте находящихся. Подтверждаю еще наистрожайше, чтобы господа командующие всех команд употребили бы наиприлежнейшее смотрение и бережливость за служителями в соблюдении их здоровья и до пьянства отнюдь не допускать. В противном случае всякое таковое недосмотрение и небрежливость взыскана будет на командирах неупустительно военным судом.

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА
О ПРОЩЕНИИ ШКИПЕРА 1 РАНГА ЕВСТИФЕЯ КОЗЬМИНА,
ВИНОВНОГО В БЕСЧИНСТВЕ И НЕПОСЛУШАНИИ,
РАДИ ЕГО МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ**

15 декабря 1792 г.

§ 2

Сего числа по принесении ко мне просьбы от шкипера 1 ранга Евстифея Козьмина и по удовлетворению господина командующего кораблем «Преображение» флота капитана и кавалера Кумани, да и я со своей стороны в силу отданного от меня сего месяца от 9 дня приказа за невоздержание предписанного шкипера от непристойного бесчинства и не порядков, а особенно за непослушание своего командира приказании, его запрещают делать нашей государыни законы и права, да нейдет таковые бесчинства делать к чести офицерской и наносить великое нареkanie, то в рассуждении того, а особливо как он имеет при себе малолетних детей, то, дабы оные не могли претерпеть без своего отца какого сиротства, следовательно, над оным надобно сжалиться и для тех его детей проступок шкипера Козьмина прощается в последний раз с подтверждением тем, чтобы оный шкипер впредь от таковых дурных невоздержанных дел мог себя удержать и поправить свое состояние в прежнее качество. И для того господин командующий предписанного корабля благоволит приказать того шкипера ныне из-под караула освободить и определить в прежнюю его дол-

жность с тем подтверждением, если впредь, хотя в сим таком деле явится в непристойном, то неупустительно все его проступки прописаны будут в рапорте и представлены быть имеют главной команде, с тем, чтобы учредить над ним военный суд или послан будет из службы вон. Нынешний же об нем представленный рапорт я от его превосходительства получил обратно, о чем порученной мне эскадры в командах и ведать.

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА
О ПРАВИЛАХ СОВМЕСТНОГО ПЛАВАНИЯ В СОСТАВЕ ЭСКАДРЫ**

17 июля 1794 г.

В преуведомление имею честь командуящим рекомендовать: в ходу под парусами всякая надежность сама по себе видна, как и в каком месте должно содержать суда; стараться всегда по удобствам быть ближе корабля командующего флотом, не стесняя только один другого, чтобы не быть в опасности и не сойтись между собою.

Исполнение по сигналам чинить ту ж самую минуту неотложно, как скоро какой сигнал поднят будет. Касательно ж о прибавке парусов, никогда не дожидаться сигнала, лучше иметь их излишнее число, нежели недостаток; никогда не полагаться на ход своих судов и парусов не убирать до тех пор, пока прямо придут в свое место; подходить же к оному ближе, а потом, убавя паруса, можно сделать всякую сноровку к остановлению хода, ежели оно понадобится. Буде же сигналом требовано будет прибавить парусов, в таком случае не разумеется, чтобы поднять один какой-либо парус, должно показать весь вид полным числом, что прибавка учинена. Кто имеет все паруса, таковому о прибавке другой сигнал быть уже не может, разве особо заметится какая-либо неисправность, и для того на требование по сигналу паруса прибавлять или иметь их все поднятыми, хотя бы и невелика в них была надобность, можно чрез пять-шесть или и чрез три минуты их подобрать, а вид делать всегда в полном числе, то что исполнение учинено. При всякой эволюции или ордере каком бы то ни было нижние паруса отнюдь не должны быть закреплены; иметь их на гитовых готовыми, дабы в одну минуту исполнение можно было ими учинить. Колоннам содержать себя одна от другой в умеренной дистанции по свойству пятого ордера демарша, а особо передовым надветренной и подветренной колонн иметь осторожность быть всегда в своих местах безотлучно, а прочим выравнивать дистанцию, не распространяя оную между другими, сколько можно

ближе и не далее 100 сажень один от другого, содержать себя всегда в линиях, не выходя из оных.

Ежели где потребуется целыми колоннами спуститься параллельно один другому, начинать исполнение всем вдруг, словом сказать, всякое требование показать исполнением полным видом, чтобы было заметно, а потом уже делать сноровку, прибавляя и убавляя паруса, где надобность требует быть под малыми парусами, такой и вид делать, чтобы излишних не было, а что должно исполнять подо многими парусами, поднимать все и потом делать уже сноровку. Примыкаться всегда к передовым, ежели они в своих местах, не распространяя дистанцию, разве особо надобность потребует ожидать задних, ежели они, идучи в своих местах под всеми парусами, ходом успевать не могут. Во всяком случае их должно несколько ожидать и не весьма разрывать линию, но заметно было, что некоторые, не имея вовремя довольного числа парусов, отстают и заставляют себя дожидаться, таковых ждать нельзя, а паче сказать с неудовольствием должно принуждать их сигналами.

Особо даю заметить, чтобы в отдаленности назади находящимся всегда иметь все паруса или сколько возможно и не убавлять, пока не будут точно в своих местах или близко корабля командующего. Буде не в ордере, а наипаче упавшим под ветер никогда парусов не должно убавлять, пока не войдут в свои места, придерживаясь к ветру или поворотом чрез контрамарш, проходя далее вперед, чтобы одним оборотом можно попасть в свое место так, как и в прошлые годы я об оных писал объяснительно. Все оное наблюдать с точностию. Заметил я корабль «Св. Троица» часто убавляет паруса, далеко еще не дошед до своего места, и большей частию отделяется далеко, также и по сигналам прибавку парусов чинит медлительно. Рекомендую командующему одного корабля корабль содержать всегда ближе в надлежащем месте и по сигналам исполнение чинить ту ж минуту, не дожидаясь повторения. Эскадра под начальством моим в море находится для обучения практики и эволюции. Не есть уже эволюция, ежели исполнение начинается медлительно или неполным видом.

Я объясняюсь обо всем оном подробно и не в какое-либо неудовольствие, но желая исполнить долг возложенной на меня надобности, и паки напоминаю, никто не должны считать своим неудовольствием, ежели кому деланы будут или повторены сигналы; кто все надлежащее исполнит сам собою, по предусмотрительности или по первоучиненному сигналу, таковому повторение дано не будет, а кто-либо не скорым исполнением понудит повторять сигналы, тот сам себе наведет неудовольствие и не на кого другого пенять не может, или будет оно несправедливо.

ПРОШЕНИЕ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О РАЗРЕШЕНИИ ПРИЙТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

5 января 1797 г.

Высочайшие милости и благоволения вашего императорского величества, в бытность мою в Санкт-Петербурге оказанные, подали смелость всеподданнейше просить монаршего благоволения и покровительства.

Встречавшиеся обстоятельства состояния моего истощили душевную крепость, долговременное терпение и уныние ослабили мое здоровье; при всем том, подкрепляем надеждою, светом истины, служение мое продолжаю непрерывно с усердием, ревностию и неусыпным рачением, чужд всякого интереса в непозволительностях. Благополучие мое почитаю в пользу службы и беспредельной истинной преданности вашему императорскому величеству, не стараюсь быть красноречивым ни на письме, ни в словах, исполняя все должное самым делом, по мере доверенности дел, мне поручаемых, даже и то, что только зависит от моей возможности, в случаях неимения или недостатков казенных вещей и собственным моим малым иждивением. Ничего полезного и возможного я не упускаю, все, что сие время мною исполнено, сии дела справедливость мою в том оправдают и если осмелюсь льстить себя надеждою, употребляя в свою пользу скромность и молчаливость мою, хитростно стараются объяснять меня не соответственно моему состоянию. Желание их по видимостям замечать можно, частью удачно, но последствия могут меня оправдать совершенно, в чем я несомненную надежду полагаю на высочайшую милость, пророзливость и покровительство вашего императорского величества. Кроме верной, ревностной и усердной моей службы не имею я никакого покровительства; удостойте, великий государь, чадолюбивый отец отечества, верноподданного и усерднейшего слугу принять в милостивое свое покровительство, осмеливаюсь всеподданнейше просить: дозвоьте мне на самое малейшее время быть в Санкт-Петербурге, пасть пред освященными стопами вашего императорского величества и объяснить чувствительную мою истинную преданность. Сего одного счастливого случая я ищущу и желаю, а притом, состоя под начальством председательствующего в Черноморском правлении, именуясь командующим корабельного флота Черноморского, ежегодно служу на море и по долговременной в здешних местах моей бытности все обстоятельства состояния во всех подробностях флота, мне вверенного, здешнего моря и подробности ж сил противных почитаю мне известнее, по оным имею я также некоторые надобности лично донести вашему императорскому величеству. Удостойте, всемилостивейший государь, на всеподданнейшее прошение мое высочайшим повелением; в надежде сих щедрот припадаю к освященным стопам.

**ИЗ ПРИКАЗА Ф.Ф. УШАКОВА
ОБ ИЗМЕНЕНИИ ВРЕМЕНИ И ВЫДАЧИ
НА КОРАБЛЯХ ВИННОЙ ПОРЦИИ ВВИДУ НАСТУПИВШЕЙ
ЖАРКОЙ ПОГОДЫ**

25 июня 1797 г.

В указе Черноморского адмиралтейского правления предписано: в рассуждении наступивших ныне сильных жаров, признавая за полезное к соблюдению здоровья служителей, чтобы положенную им по закону порцию горячего вина производить не пред обедом (в которое время обыкновенно солнечный зной начинает более действовать), но поутру или ввечеру, пред захождением солнца, по половинной части или полную порцию в одно из тех время, как согласятся служители. Посему господа командующие и благоволят чинить исполнение сходно, как и в прошлом году с такового ж указа Черноморского правления было предписано. Но при оном рекомендую опросить со всякой подробностью служителей, как они согласятся к лучшему подкреплению их здоровья, в которое время сию выдачу производить полезнее. Об оном ко мне от всех команд подать рапорты с объяснением собственного своего замечания, как господа командующие признают к лучшему здоровью служителей, в настоящее ли обыкновенное время пред обедом лучше, или по утрам, или ввечеру, и, что полезнее окажется, меня уведомить.

Вице-адмирал *Федор Ушаков*

**ИЗ ПРИКАЗА Ф.Ф. УШАКОВА
ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ БЛАГОДАРНОСТИ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ
ЗА ХОРОШУЮ АРТИЛЛЕРИЙСКУЮ СТРЕЛЬБУ**

25 июня 1797 г.

При производимой сего числа пушечной экзерциции спышками и ружейной с пальбою с отменным удовольствием заметил я исправность действия пушками, что их собственно наведение пушек в цель мною проверяемо и оказалось действительно хорошо. Также замечаю и все прочие служители стараются оказать себя расторопными. Посему господину командующему и всем исправно действовавшим объявляю мою признательность и удовольствие. В пальбе пушками чаще применять комендоров, чтобы все, кто на места их избираемы будут, равномерно были исправны, а ружейной экзерцициею с пальбою стараться еще повторять и довести служителей во всех действиях до совершенства.

Вице-адмирал *Федор Ушаков*

ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА
ОБ ОБУЧЕНИИ МАТРОСОВ БЫСТРОМУ ВЫПОЛНЕНИЮ МАНЕВРОВ
С ПАРУСАМИ

27 июня 1797 г.

Весьма надобно служителей обучить скорому и расторопному управлению парусов, подбирать и распускать оные, а особо брать рифы с крайней и всевозможной расторопностью и притом необходимо надобна бережливость, чтобы паруса не драли. При таком времени, как я для обучения людей беру рифы, непростительно вахтенным офицерам, когда рвут во оное время марсели (каковы бы они ни были). Это не что иное есть, как недовольная привычка. Господам командующим рекомандую в приобучении офицеров и служителей иметь собственный свой присмотр и каждому по долгу, кому об чем следует, давать наставление. Весьма часто случиться могут надобности брать рифы и делать разные обороты в виду и в близости неприятеля, на таковые случаи потребны во всем отличная исправность, скорость и аккуратность всякого действия. Посему и паки напоминаю: офицеров и служителей стараться во всем обучении довести до совершенства. Я намерен при удобных временах по несколько часов быть сам на каждом корабле и фрегате и приказать для пробы производить разные действия пушками и парусами, о чем благовременно сим господ командующих и известить имею.

Вице-адмирал *Федор Ушаков*

Походы ~ школа моряка

Военно-морская
деятельность
Ф.Ф. Ушакова
по развитию и укреплению
Черноморского флота.
Начало совместных
действий русского и
турецкого флотов против
французов. Освобождение
острова Цериго

●
февраль—октябрь
1798 года

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Н.С. МОРДВИНОВУ
О ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ МЕРАХ ПО ПОДГОТОВКЕ ФЛОТА
НА СЛУЧАЙ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ТУРЦИЕЙ**

16 февраля 1798 г.

Полученным мною по секрету сего февраля от 4 дня именным высочайшим его императорского величества повелением предписано (по обстоятельствам объясненным) вооружить из линейного флота двенадцать кораблей, включая в то число большие от пятидесяти до сорока пушечные фрегаты, коими назначен я командовать, а для отделяемой эскадры контр-адмирал Овцын. При флоте надлежит быть нужное число малых фрегатов и авиз, при том, доколе флот вооружен будет, учредить крейсерство около крымских берегов для дозоров и по берегам извещательные сигналы, линейного же флота, доколе не получится прямого известия о входе в Черное море турецкого флота, не экспозировать, а наипаче в бурный сезон. Когда же надобность и востребует оному выйти, то держаться гораздо севернее Севастополя, дабы при северных крепких ветрах можно было в своих портах иметь убежище. Равным образом иметь наблюдение и к Еникольскому проливу, учредя крейсерство, между тем приведя в готовность.

Его императорское величество надеется, что обезопасены будут все берега наши от сюрприза, при том без причины не нарушено будет то доброе согласие, в каком пребываем с Портою и о прочем. Я уповаю, что о означенном вооружении флота предписано вашему высокопревосходительству, посему долгом почитаю об оном донести, все ли приготавливаемые к кампании восемь линейных кораблей и к ним сколько фрегатов вооружить повелено будет или какие именно корабли и большие линейные фрегаты, тож какие фрегаты и авизы из малых судов вашим высокопревосходительством назначены будут, прошу всепокорнейше снабдить

меня скорейшим повелением, дабы немедленно можно было преступить к выполнению высочайших предписаний, о чем и ожидаю резолюции, а между тем всевозможное старание иметь буду корабли, фрегаты и прочие суда здесь приуготовлять окончательно исправлением, также и о снабдении флота прошу, куда надлежит, повелениями вашими предписания.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Н.С. МОРДВИНОВУ
С ПРОСЬБОЙ О НАЗНАЧЕНИИ В СОСТАВ ЭСКАДРЫ
САМЫХ ЛУЧШИХ КОРАБЛЕЙ И ОБ ОТСРОЧКЕ ПЕРЕВОДА
КОМАНДИРОВ В БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ**

16 февраля 1798 г.

Осмеливаюсь всепокорнейше вашего высокопревосходительства просить о назначении в кампанию корабля 84-пушечного «Св. Павел» и, ежели не все корабли к походу будут назначены, в таком случае прошу о назначении благонадежнейших. Фрегаты ж благонадежнее и способнее к выполнению почитаются ныне килеванные «Григорий Великия Армении», «Николай», «Навархия», новый «Михаил», а ежели больше сего назначено будет, и «Александр» в числе благонадежных почесть можно. Корабль «Владимир» по прочих исправлен также порядочно и в потребном случае, если все назначены будут, с прочими на море быть может. В прочем о назначении судов прошу милостивого вашего высокопревосходительства благоволения. Из капитанов 1 ранга, по известиям, назначаются отсель в Петербург Данилов, Нелединской, Ознобишин и Писарев, а ныне после того назначения флота капитан 1 ранга Заостровский помер, господин Перри просил и представлено о увольнении от службы; Чефалиано по старости и нездоровью на море, кажется, уже быть не может, а затем здесь есть еще таковые, которые никогда на кораблях не служили.

По преданности моей к вашему высокопревосходительству осмеливаюсь доложить, не благоугодно ли будет ходатайством вашим испросить, не можно ли будет из вышеозначенных в командировку всех или хотя некоторых оставить; сие в потребных случаях собственно послужить может в честь и истинную пользу вашего высокопревосходительства, ибо они в прошедшие четыре года, упражняясь почти непрерывно в практике и эволюции, к выполнению могут почесться полезными. В прочем все оное состоит в воле и благоволении вашего высокопревосходительства, если что возможно, прошу всепокорнейше не оставить вашей милости.

**ПРЕДПИСАНИЕ Ф.Ф. УШАКОВА
КОНТОРЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПОРТА
О ВЫПЛАТЕ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ФЛОТА ПРИЗОВЫХ ДЕНЕГ**

4 марта 1798 г.

За взятые в плен и истребленные в прошедшую с Портой Оттоманской войну флотом Черноморским разные турецкие корабли и прочие суда, по положению Черноморского адмиралтейского правления, следует получить в награждение денег 72 691 рубль, которые и поныне еще не присланы. Предлагаю Конторе Севастопольского порта в требованиях на удовольствие всех чинов за разные неполучения подлежащей суммы и оные взнести в ведомость и требовать доставления.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КОМАНДИРУ БРИГАНТИНЫ «ТАГАНРОГСКАЯ»
ЛЕЙТЕНАНТУ МЯСОЕДОВУ ОБ ОТПРАВЛЕНИИ В КРЕЙСЕРСТВО
У ТАВРИЧЕСКИХ БЕРЕГОВ — ОТ ФЕОДОСИИ
ДО КЕРЧЕНСКОГО ПРОЛИВА***

10 марта 1798 г.

Во исполнение высочайшего его императорского величества повеления предписываю вам с вверенным в команду вашу судном бригантиною «Таганрогская» по вооружении ныне оной и по надлежащем приуготовлении немедленно отправиться в море и иметь крейсерство около таврических берегов от Феодосии до Еникольского пролива. Во время крейсирования иметь всекрайнюю предосторожность и охранение, не сообщаться отнюдь с приходящими из разных заповетренных мест купеческими и другими судами, не допускать их приставать к берегам нашим, кроме назначенных к тому удобных и позволительных мест, оберегать берега и все транспортные и в транспорт обращающиеся наши суда от всяких сверхчаяния могущих повстречаться беспокойств и опасностей.

Ежели ж где-либо усмотрите в море несколько военных или множество судов или флот, тогда старайтесь как наискорее доставить уведомление ко мне, отколь бы то ни случилось. Буде не можно в скорости водою, в таком случае от берегов, в случае ж когда-либо крепких ветров и штормов можете укрывательство иметь для сохранения судна и команды служителей, заходя в Феодосию и Еникальский пролив, куда способнее будет. В прочем во всем поступать вам по силе закона и при всяких случаях и как можно чаще ко мне рапортовать.

* Одновременно такие же ордера были даны командирам бригантины № 1 капитан-лейтенанту Патаниоти и кирлангича «Ахилл» лейтенанту Кононовичу о выходе в море для крейсерства соответственно: первому — между Евпаторией, Тархан-Кутом и Тендрой, а второму — между Севастополем и мысом Лукул.

Крейсирование сие назначается вам продолжать до времени занятия брандвахтенного поста при Феодосии, имеете ожидать особого от меня на то повеления. Во время крейсирства вашего на море предписываю для опознания вас с береговых постов чинить следующее: по приближении судна вашего к берегам имеете поднимать обыкновенный на корме военный флаг и гюйс в обыкновенном месте; ежели же с берега вопрошены будете пушением густого дыма, ответствуйте на оной одним пушечным выстрелом и поднятием на грот-брам-стенге синего флага. Выстрелы там только делать, ежели где сигналом вопрошены будете, а инако надобности нет, ибо военный флаг, гюйс и вымпел, также и конструкция вашего судна довольно делают вас известными.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Н.С. МОРДВИНОВУ
О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ МЕР ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ
ПО ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ**

15 марта 1798 г.

По известным вашему высокопревосходительству обстоятельствам, каковые на случай весьма сильного неприятельского флота, буде бы оный еще был от какой-либо стороны усилен подкреплением и буде бы в каком-либо случае экстренно покусился, хотя фальшиво, сделать десант близ Севастополя, когда войска отвлечены будут к тому месту, предвидится сумнительность, не покусились бы в таковом случае татары на те места, где находятся наши сухопутные магазины в Ахтиаре, от Севастополя в немалом расстоянии отделенные, а особо главные пороховые погреба, в пещерах в Аккермане находящиеся, и не могли бы оные набегами скоропоспешно истребить. На таковой случай, хотя сие и не ожидаемо, но в предупреждение осторожности осмеливаюсь вашему высокопревосходительству представить, не благоугодно ли к предохранению оных взять каковые-либо благонадежные меры или что вами предположено будет, дать об оном кому об чем надлежит ваши повеления. А также не востребуется ли надобность к предведению осторожностей отнестись и к командирующему в Тавриде дивизией сухопутных войск господину генерал-аншефу и разным орденам кавалеру графу Михайлу Васильевичу Каховскому, что об оном определено будет, также и меня снабдить вашим повелением? Предвидимостей и опасностей к сему теперь нимаю еще нет, да и последствия военных обстоятельств кажутся, хотя еще удалены, но по известиям, при особом рапорте мною отправленным, может иногда случиться что-либо непредвидимое. На таковой только случай я осмеливаюсь о сем к напоминовению осторожностей предупредительно донести вашему высокопревосходительству на благорассмотрение. В прочем со стороны флота я надеюсь на благодать Всевышнего, сумнительность же более случиться может во время его отсутствия.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА
В КОНТОРУ ГЛАВНОГО КОМАНДИРА ЧЕРНОМОРСКИХ ФЛОТОВ
О ВООРУЖЕНИИ НАЗНАЧЕННЫХ В КАМПАНИЮ КОРАБЛЕЙ
И О НЕДОСТАТКЕ ДЛЯ НИХ ЛИЧНОГО СОСТАВА**

15 марта 1798 г.

Назначенные на случай надобности в сходство высочайшего его императорского величества повеления корабли, фрегаты и прочие суда, в Севастополе состоящие, вооружением с поспешностию приуготовляются, но укомплектование оных, если не взято будет с других остающихся здесь судов потребное число или отколь следует служители не будут доставлены, в таком случае служителей будет их весьма недостаточно, а особо солдатской команды, а притом и из наличных в комплекте на судах состоящих морских служителей некоторые частию находятся в госпитале, тож при команде больными и частию ж за болезнью уволенные от службы. И сверх того должно и требуется хотя самое малое число по необходимости оставить для содержания караулов при казармах, магазинах и пороховых погребах, посему и более на приуготовляющихся к походу кораблях и фрегатах служителей будет недостаточно. А притом в рассуждении весьма тяжелой на кораблях и фрегатах артиллерии и комплект служителей, а особо артиллеристов, по новому положению на случай действия против неприятеля (если бы когда оное востребовалось) предвидится весьма же недостаточен, а особо артиллерийской команды, так что и к большим орудиям канонир и по одному человеку к пушкам не достает, ибо артиллерия на линейных фрегатах состоит не только на деке 24-фунтовые, но и на шканцах 18-фунтовые пушки, также и на кораблях на некоторых нижнего дека — 36, на других — 30, а верхнего — 18-фунтовые пушки; на корабле «Св. Павел» на нижнем деке — 36, а на верхнем — 24-фунтовые. Следовательно, по таковой сильной артиллерии к действию потребно и служителей гораздо превосходное число противу обыкновенного. А инако надлежащих расторопных успехов как бы желалось в действие произвести, вышеозначенное в резолюции о снабжениях достаточным числом служителей представить честь имею и прошу покорнейше, не повелено ли будет к укомплектованию судов морских и артиллерийских служителей взять их с остающихся здесь судов или отколь доставлены они будут, а особо команде по укомплектованию, как повелено будет и откудова они на флот присланы быть имеют, снабдить повелением. Также при случае, когда флоту на море вытить должно, позволено ли будет по самой необходимости малое число служителей из таковых, которые окажутся на море не весьма способны, оставить в караулах при командных казармах.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Н.С. МОРДВИНОВУ
ПО ВОПРОСАМ ПОДГОТОВКИ ЭСКАДРЫ К КАМПАНИИ
С ПРОСЬБОЙ СООБЩАТЬ ЕМУ БОЛЕЕ ТОЧНЫЕ,
НЕ ДОПУСКАЮЩИЕ ДВОЯКОГО ТОЛКОВАНИЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ**

22 марта 1798 г.

Ордер вашего высокопревосходительства сего марта от 16 дня под № 22, по секрету писанный, мною получен, и донести честь имею: от 4 числа минувшего февраля в высочайшем его императорского величества рескрипте, при ордере вашего высокопревосходительства того ж февраля от 15 дня под № 12 в копии приложенном, повелением изображено: двенадцать кораблей, включительно в число оных большие линейные фрегаты, вооружить и все действия, предосторожность и охранения, дабы с противной стороны не допустить и не могло бы последовать нечаянно на берега наши сюрпризов, и прочие подробности, что как произведено быть должно, ясно в нем изображены. И таковое ж высочайшее повеление и с точною ж подробностью, даже и с пополнениями припискою обо всех предохранительностях и исполнениях, мною чрез нарочно присланного от его императорского величества минувшего февраля от 4 дня последовавшее получено. С оного содержание я тогда ж в рапорте моем к вам представил.

А в означенном ордере вашего высокопревосходительства февраля от 12 дня объяснено: с высочайшего повеления для сведения и лучшего по зависящим от исполнения моего частям руководства препровождаете ко мне копии, что и объясняет, что повеление ваше по начальству моему здесь должно учинить мое исполнение по высочайшим предписаниям, посему и приказал я, выполняя оные, назначенные к походу под мое начальство корабли и фрегаты вооружить и вооружаются. Касательно же до производства провианта словесно в присутствии в Конторе Севастопольского порта объявил я оный до будущего повеления производить служителям сухопутный провиант, а морской, по недостатку его здесь, сберечь и в выдачу не производить до последующего, какое о том будет предписание. И сим исполнил я рачительно все, что следует и должно.

В ордере ж, ныне от 16 числа сего марта мною полученном, соизволите предписывать, что с какого точно времени приступить должно будет к вооружению судов, ожидать особого вашего повеления. Но по первому вышеозначенному вашему ж предписанию и высочайшим к вам и ко мне повелениям сие уже мною исполнено и суда вооружением приходят к окончанию.

За сим моим донесением всепокорнейше прошу ваше высокопревосходительство повелениями о толь важных монарших предписаниях снабжать меня в полном и достаточном смысле, дабы не

можно почитать их двояко, как в некоторых важных предписаниях от вас и от Конторы главного командира Черноморских флотов не объясняются полным содержанием, чтобы можно было во всякой точности выполнять их бесспорно, ибо двоякий смысл всегда начальство может полагать против подчиненного, как оно заблагорассудит, а иногда и с противной стороны неудовольствием. А как я желателью стараюсь все присылаемые ко мне повеления выполнять рачительно с точностью, потому повторяю покорнейшую мою просьбу, во избежание излишних и напрасных противу меня неудовольствий, снабжать меня повелениями подробнее обо всем том, что исполнять должно или об чем именно впредь ожидать повеления.

В высочайших государя императора повелениях значится ясно, что двенадцать кораблей, включительно с фрегатами, ко отвращению могущих произойти нечаянных следствий и сюрпризов, должно немедленно вооружить и иметь готовые. Ежели ж не будут вооружены, в таком случае по замедлительностям может открыться нечаянно что-либо противное, и за промедлением после получения известия, пока флот будет вооружаться и делать снабдения, сюрпризы в то время произойти могут. Я об оном по долгу моему и по сходству высочайшего мне предписания вашему высокопревосходительству объясняюсь и прошу, что если по последнему предписанию вашему что случится несходное, на таковой случай не почитать меня неисполнительным. А по мнению моему, полагаю я, к тому надлежит сходно с высочайшим предписанием судам состоять во всем готовым, даже и служителей артиллерийской и солдатской команд, сколько и кто оные будут определены, должно иметь уже росписанных, дабы через то также не последовало излишнего замедления, о чем, сим представляя, и прошу на прежнее представление мое снабдить меня вашим предписанием; артиллерийскую и солдатскую команды служителей повелено ль будет благовременно распределить по судам и в случае недостатка в разных чинах и служителях и о прочем, что на представление мое по тому же определено будет, ожидаю повеления.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА
В КОНТОРУ ГЛАВНОГО КОМАНДИРА ЧЕРНОМОРСКИХ ФЛОТОВ
С ПРОСЬБОЙ О ПРИСЫЛКЕ ДЛЯ ФЛОТА ЛУЧШИХ КРЕЙСЕРОВ**

28 марта 1798 г.

Во исполнение указа Конторы главного командира Черноморских флотов, писанного сего февраля 18 дня под № 417, сего числа мною полученного к выполнению высочайшего его императорского величества повеления, какие корабли, линейные фрегаты, тоже малые фрегаты и авизы, следуемые быть при флоте, для кампании назначены к вооружению и приготавливаются с

поспешностию об оных также и о назначенных в крейсерство судах, приуготовленных и в самой скорости отправляющихся, ведомость представить честь имею и прошу покорнейше в число оных фрегат «Счастливый», как он состоит из лучших и легких малых фрегат, также и из крейсерских суда «Красноселье» и бригантину «Феникс» повелеть ко флоту прислать. Прочие ж малые фрегаты по худости их хода уповательно при флоте держаться не могут, разве только по нужде фрегат «Иоанн Златоуст» и акат № 2, но и оные не уповательно, чтобы могли держаться соединенно, а притом оные состоят ныне при Севастополе на брандвахте.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА МАЙОРУ ДАНДРИ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ
СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ ЛИЧНОГО СОСТАВА И ПАССАЖИРОВ
СУДОВ, ПРИБЫВАЮЩИХ ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ**

2 апреля 1798 г.

С приходящих из Константинополя, из Румелии и Анатолии судов, как скоро какое судно из тех мест прибудет в карантин, тот же час, нимало не медля, извольте в карантине, объявля об оном куда следует, от приходящих на тех судах корабельщиков и служителей или из пассажиров, кто случится, вероятнее ото всех таковых, отбирать о известиях сведения по форме, прежде вам от меня данной, и представлять ко мне при рапортах. Я надеюсь на вашу исправность, что вы не упустите всего к тому потребного, и исполнения чинить во всякой точности и без малейшего промедления, не ожидая на каждое судно особых от меня повелений.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА Н.С. МОРДВИНОВУ
С ПРИЛОЖЕНИЕМ СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ
ОТ ЛИЧНОГО СОСТАВА И ПАССАЖИРОВ СУДОВ,
ПРИБЫВШИХ ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ**

8 апреля 1798 г.

О пришедших к Севастопольскому порту и вышедших в море казенных и купеческих судах в минувшем марте месяце ведомость, также с пришедших из Константинополя судов, каковые отобраны, новости вашему высокопревосходительству при сем представить честь имею.

Новости

Сего месяца 2 числа прибыло из Константинополя российское купеческое судно, именуемое «Панагия Турлани», принадлежащее таганрогскому купцу Спиру Кокурато, шкипер на оном венецианский подданный грек Герасим Калига. Плавание имело от

* Текст ведомости в данном сборнике не приводится.

Константинополя 15 дней, никуда не заходило, груз на оном: в 10 бочках красное вино, лимоны, апельсины, бумажные нитки, одеялы, табак крошенный турецкий курительный и уксус. Следует оное судно в Одессу, а в Севастополь зашло за противным ветром, зивало в Константинополе.

Пассажиров на оном: молдован мужеска полу — один, следует в Одессу; женщин четыре в Одессу же на жительство; матросов венецианских подданных — три, турецких подданных — семь.

Оный шкипер Калига по вопросу объявил за известие следующее: минувшего марта месяца вышли из Константинополя в пролив ниже Буюкдере к Фанараки* 20 лансонов и 20 транспортных судов с посаженным войском и с разными припасами и снарядами и ожидают благополучного ветра следовать к Дунаю.

Корабельный флот состоит вооружен в числе 42 линейных кораблей и фрегатов разной величины. Из оного числа вышли на рейд 4 корабля и 4 фрегата и ожидают благополучного ветра к следованию в Черное море, а прочие корабли и фрегаты, куда пойдут, неизвестно, ибо об оных не говорят ничего.

Турки весьма много войска сажают на флот, также и греков с хорошим жалованьем: по 50 левков производится простому матросу на месяц, которым уже жалованье за три месяца заплачено вперед.

Объявляют также, будто 28 пашей со многим войском из Анатолии переправились и перешли в Румелию в разные места и еще переправляются войска. Их всего по счислению многие считают около миллиона, и все утверждают, что сие войско назначается против возмущившегося водинского паши Пазвант-оглу. Однако, по рассуждению некоторых, есть сомнение, что по причине такового великого приуготовления морем и сухим путем есть какое-либо другое намерение.

Из Архипелага извещают, что весною будет французская эскадра в полуострове Пелопонесс. Оный же шкипер объявляет, что в Цареградском адмиралтействе есть при разных должностях много французов таковых, которые носят полосатые бантики** на шляпах, и их весьма уважают. В прочем соблюдается тишина, и по наружности против русских ничего не заметно, а опасной болезни не слышно, но свидетельство российского министра значит — еще она не прекратилась. Более сего к объявлению ни об чем он не сведущ.

* Местность на Босфоре.

** То есть трехцветные кокарды.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА
В СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОРОДСКОЙ МАГИСТРАТ
С ТРЕБОВАНИЕМ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОДАЖИ
НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННОГО МЯСА**

14 апреля 1798 г.

Поданный ко мне через эскадру от командующего судна «Полоцк» флота лейтенанта Тизенгаузена рапорт о продаже при Севастополе торгующими свежих мяс от весьма нездорового скота даже не токмо вредного, но и с виду мерзительного, копию при сем препровождаю.

В возвращение от сего могущего произойти служителям да и прочим обывателям в здоровье вреда предлагаю приказать сделать надлежащее рассмотрение запретить, дабы торговцы отнюдь не осмеливались и не дерзали таковых скверных и вредных здоровью мяс продавать. Я многократно начальству об оном доносил, мою и всей команды жалобу и магистрату сообщал с ясными подробностями, но и по сие время таковое же злоупотребление от продавцов происходит, о чем также в вышнее начальство представить не премину и просить буду удовлетворения за слабое смотрение магистрата, которой долженствует продавцов установить в продаже мяс во всяком порядке.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О СОСТОЯНИИ КОРАБЛЕЙ ЭСКАДРЫ И О НЕОБХОДИМОСТИ
УВЕЛИЧЕНИЯ ДЛЯ НЕЕ ШТАТА МОРСКОЙ ПЕХОТЫ**

21 апреля 1798 г.

Высочайший именной вашего императорского величества указ сего апреля от 9 дня о выходе мне с эскадрою на море с глубочайшим благоговением я получил и всеподданнейше доношу — наипрележнейше стараюсь выполнением всего мне предписанного поспешить.

Сего апреля от 11 дня рапортом моим вашему императорскому величеству, чрез почту отправленным, всеподданнейше донесено, хотя в вооружении эскадры повелением господина адмирала и кавалера Мордвинова был я приостановлен неупустительно; во исполнение высочайшего указа вашего императорского величества оная эскадра вооружена и по прибытии на сих днях в Севастополь означенного господина адмирала Мордвинова комплектуется снабдением, людьми и прочими потребностями. Я всеми возможностями стараюсь хотя бы в чем по неимению здесь и с недостатками с поспешностию выйтить на рейд и на море, как мне предписано.

Главный недостаток и необходимою надобностию почитаю я, чтобы оной эскадре в благонадежности быть достаточно исправною на случай действия, буде бы оно случилось против неприятеля, чтобы снабдена была она полным достаточным числом служителей, а особо превосходным числом исправных солдат, дабы на всякий случай и по всякому действию быть благонадежным, а особо, если бы трафилось на случай абордажа и против превосходного числа кораблей к битве на оба борта. По уставу вашего императорского величества комплект людей на корабли и фрегаты положен на обыкновенное вооружение артиллерию по рангам судов, но в здешнем Черноморском флоте корабли и фрегаты комплектованы против обыкновенных весьма превосходной большой и тяжелой артиллериею, как в приложенной при особом рапорте моем сего апреля от 11 дня ведомости об артиллерии, на кораблях и фрегатах состоящей, означено. По таковым обстоятельствам и служителей на оных должно быть гораздо более превосходное число, которые, если благоугодно будет, можно дополнить солдатами, буде вместо надлежащего комплекта определено будет оных на корабль «Св. Павел» солдат и гренадер до двухсот, на прочие корабли по сту шестидесят, а на фрегаты по сту двадцати человек. Оные и могут наполнить комплект достаточно и способствовать надобностям при всяких случаях.

А как здесь из состоящих при Севастополе морских подполковника Скипора и майора Боаселя баталионов на комплектацию людей будет недостаточно, потому надеюсь я господину адмиралом Мордвиновым солдатской команды служителей присланы будут на эскадру (хотя она будет уже и на море) из Херсона. А как и он, господин адмирал, сверх положенного по штату числа служителей без особого высочайшего вашего императорского величества указа откомандировать не может, посему осмеливаюсь всеподданнейше просить, не повелено ли будет потребное число на эскадре солдат вдобавок отколь следует дополнить из Херсона или здесь из Севастопольского пехотного полку, которые в рассуждении, что во все время прошедшей войны служили на флоте, то и могут почесться в благонадежности способнейшими; на какие ж корабли, фрегаты и прочие суда назначены быть под моим начальством к выходу на море, ведомость всеподданнейше представляю, а по выходе на море с эскадрою, сколь же каким числом укомплектована будет эскадра людьми и прочими потребностями, тогда всеподданнейше донести не премину.

Также осмеливаюсь всеподданнейше просить, если и другие какие необходимости по предвидимостям понадобятся, повелеть по требованиям моим во всем, кому об чем следует, делать вспоможение снабдить меня с эскадрою исправно. Причем я высочайшее вашего императорского величества повеление во всех действиях с лучшей благонадежностью и всевозможным усердием и ревностию выполнять надежду иметь буду.

**ПРЕДПИСАНИЕ Ф.Ф. УШАКОВА КОНТОРЕ АХТИАРСКОГО* ПОРТА
О НЕОБХОДИМОСТИ УВЕЛИЧЕНИЯ БАЛЛАСТА
НА КОРАБЛЯХ «СВЯТОЙ ПАВЕЛ»
И «БОГОЯВЛЕНИЕ ГОСПОДНЕ»**

2 мая 1798 г.

При осмотре и чинимых пробах оказалось: корабли «Святой Павел» и «Богоявление Господне» по неосмотрительности командиров в погрузке состоят недостаточно. А так как на них артиллерия состоит весьма несоразмерно их состоянию, большая и тяжелая, то и не могут быть на волнении при качке столько, сколько надо бы быть надлежало, почему должно прибавить на ней балласту. А дабы, заготовляя оный, не замедлить отправлением на море к выполнению высочайшего именного его императорского величества повеления, предлагаю конторе Ахтиарского порта для кампании отпустить на них сколько востребуется надобность чугунового балласту от порта или со остающихся здесь судов. И сие, по замечанию моему, необходимо надобно выполнить и сохранить тех кораблей и удобности действия оными, особо же на корабле «Святой Павел» нижнего и верхнего дека на нынешнюю кампанию пушки поставлены, присланы и установлены весьма тяжелые противу всех протчих, потому и погрузку балласта на него сделать надлежит гораздо более нежели как... он состоит в недостаточном грузе.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КОНТР-АДМИРАЛУ Р.Р. ВИЛЬСОНУ
О ВРЕМЕННОМ ПОРУЧЕНИИ ЕМУ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ
ПО КОМАНДОВАНИЮ АХТИАРСКИМ ПОРТОМ И ОСТАЮЩИМИСЯ
В НЕМ КОРАБЛЯМИ В СВЯЗИ С ВЫХОДОМ УШАКОВА В МОРЕ**

3 мая 1798 г.

Во исполнение высочайшего его императорского величества повеления имею я отправиться со флотом на море, посему на время до возвращения моего остающиеся при Ахтиаре корабли, фрегаты и прочие суда, порт Ахтиарский, охранение оногo и всего при нем состоящего препоручаю в ведение, командование и распоряжение вашего превосходительства и предписываю во всяких случаях наблюдать должную и осмотрительную предосторожность, во все поступать и исполнение чинить по силе закона сходно с повелением вышнего начальства.

Усугубьте ваше попечение и сбережение больных служителей, находящихся в здешнем морском госпитале, собственным вашим присмотром, дабы всякое довольствие производимо было им без

* При Павле I Севастопольский порт был переименован в Ахтиарский.

недостатка и в хорошем качестве и чтобы наблюдаемо было за ними чистота, опрятность и сбережение. Письменные дела во флотской канцелярии, находящиеся под присмотром подпоручика Часова, остаются в вашем распоряжении; извольте по оным во всем, что должно по предписаниям, чинить исполнение и куда следует рапортовать. Какие же остались нерешенные дела, поспешайте их исполнить во всякой точности, как должно и надобность требует. Высочайшие именные и высшего начальства повеления все, какие были, по тому же рачительное выполнение во всякой точности и обо всем следующем меня не оставить уведомлять при всяких случаях стараться, узнавать во всякой подробности известия из Константинополя чрез приходимые оттоль суда и чрез письма, разными людьми оттоль получаемые, и от прочих мест обо всем, что доходить будет до вашего сведения. Ежели предвидите что за нужно, обо всем письмом извольте не упустительно ко мне рапортовать. К разведыванию о таковых известиях употребите господина майора Дандрия, которому даны от меня наставления и форма, описанная обо всех. О чем что следует чинить вопросы по уведомлению, тож рапортовать об оных главнокомандующему флотами. В прочем во всем имейте поступать и исполнение чинить по силе закона.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТУ ПОПАНДОПУЛО
О ЗАНЯТИИ БРАНДВАХТЕННОГО ПОСТА У КАФЫ ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЯ
ЗА ТУРЕЦКИМИ СУДАМИ**

7 мая 1798 г.

По выходе флота на море должны вы из крейсерства следовать к Кафе*, посему и имейте по прибытии туда занять брандвахтенное место и оной пост содержать во всем добром порядке и предосторожностях, как следует по закону. И исполнение извольте чинить во всех тех потребностях, как в прошлом году командующему оной бригантиною флота лейтенанту Мясоедову о содержании сего поста предписано, и обо всем следующем и особливо о известиях по осведомлениям от приходящих из Константинополя и из других отдаленных мест судов, ежели что важное или к сведению усмотрите надобное, рапортовать ко мне, главнокомандующему флотами господину адмиралу и кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову и его высокографскому сиятельству Михаилу Васильевичу Каховскому. В прочем обо всем исполнении извольте чинить по закону.

* То есть к Феодосии.

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О КРЕЙСЕРСТВЕ ЭСКАДРЫ, О СТОЛКНОВЕНИИ КОРАБЛЯ
«СВЯТОЙ ВЛАДИМИР» С ФРЕГАТОМ «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»
И ДРУГИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОХОДА

10 мая 1798 г.

После всеподданнейшего донесения моего вашему императорскому величеству сего мая от 5 числа о выходе с эскадрою для крейсерства на море, обходя со оною лежащие к северной стороне берега Крымского полуострова до Тархан-Кута, 6 число следуя от Козлова к Тархан-Куту, при густом тумане корабль «Св. Владимир», под команду флота капитана 2 ранга Перского состоящий, нечаянным образом нашел на фрегат «Александр Невский», под команду капитан-лейтенанта Селиванова находящийся. Хотя при взятых осторожностях не сделали они между собою большого удара, но корабль «Владимир» бушпритом своим сломил на фрегате бизань-мачту и с правой стороны бизань-руслень попортил, а на корабле сломился утлегарь, бушприт, в верхнем конце в топе попорчен бекписс налево в верхней части от воды княвдегета на четырех футах помяло, которые следует переменить новыми. В прочем других важных повреждений не сделалось. И по сим обстоятельствам вообще со всей эскадрою подошел я в близость к Ахтиарскому порту и оным кораблю и фрегату приказал войтить на рейд, а Конторе Ахтиарского порта предложил, как наискорее их исправить и быть им в соединении к эскадре.

Во время того ж густого тумана фрегат «Навархия» под команду капитан-лейтенанта графа Войновича, отделясь несколько в правую сторону от эскадры, коснулся к берегу отмелистого места и стал на мель на мягком и безопасном грунте, который снят благополучно, без всякого и малейшего повреждения.

Всем оным командующим сделал я наставление в туманные времена содержать себя ближе соединенно с прочими. И осмеливаюсь всеподданнейше просить в случившейся их погрешности милосердия вашего императорского величества, ибо командиры первых двух судов первой раз только начинают командовать оными, а прежде всегда были под команду. Я все невозможнейшее старание иметь буду делать им потребные наставления и усовершенствовать в смелостях всегда быть и держаться соединеннее, ибо всякая отдаленность разные последствия наводит может, а особо переменами курса, когда после отдаленности принуждены во время тумана подходить к эскадре ближе. И осмеливаюсь всеподданнейше донести, что все оные командующие штаб-офицеры доброго состояния и прилежнейшие к должности, и надеюсь, что впредь сию погрешность вящим старанием и предохранительностью заслужить не преминут. Я же с эскадрою обожду оных во время крейсерования моего между Ахтиаром и Тархан-Куту, а

оттоль, выполняя высочайшее мне повеление, в самой же скорости следовать буду к Одессе. О чем вашему императорскому величеству сим всеподданнейше доношу.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ П.М. ДАШКОВУ
С ИЗВЕЩЕНИЕМ О ПОЛУЧЕНИИ ИМПЕРАТОРСКОГО УКАЗА,
ПРЕДПИСЫВАЮЩЕГО УШАКОВУ НАБЛЮДАТЬ
ЗА ДЕЙСТВИЯМИ ФРАНЦУЗСКОГО И ТУРЕЦКОГО ФЛОТОВ
НА ЧЕРНОМ МОРЕ И ДОНОСИТЬ ОБ ЭТОМ ЧЕРЕЗ НАРОЧНЫХ
П.М. ДАШКОВУ**

15 мая 1798 г.

Его императорского величества именным высочайшим указом минувшего апреля от 23 дня мне предписано: имея крейсерство на Черном море с эскадрою, под моим начальством состоящую, занимать позицию между Севастополем и Одессой и стараться наблюдать все движения как со стороны Порты, так и французов, буде бы оне покусились войтить в Черное море или наклонить Порту к какому-либо покушению. Обо всех таковых движениях, ежели я что узнаю от приходящих из Константинополя судов или и сам что открою, повелено мне извещать нарочными ваше сиятельство в Киеве или в Вознесенске, где вы будете находиться, также доносить и его императорскому величеству. Во исполнение сего высочайшего мне предписания от Севастополя обошел я с эскадрою таврические берега и поблизости острова Тендры, сего числа прибыл к Одесскому порту благополучно. Известиев из Константинополя верных по сие время еще никаких нет. Стараться буду узнавать впредь обо всех подробностях, и что окажется на будущее время следующим, о таковых обстоятельствах сходно с высочайшим мне предписанием вашему сиятельству чрез нарочных относить не премину, о чем и его императорскому величеству рапортом моим от сего числа всеподданнейше донесено. Всепокорнейше прошу ваше сиятельство, где вы находиться будете, не оставлять меня благосклоннейшим вашим извещением, дабы я по совершенному сведению мог удобнее и скорее выполнить волю его императорского величества.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ АДМИРАЛТЕЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ
О КРЕЙСЕРСТВЕ ЭСКАДРЫ В МОРЕ И О СОСТОЯНИИ КОРАБЛЕЙ**

15 июня 1798 г.

Выполняя высочайшее его императорского величества именное повеление, находясь с вверенной мне эскадрою флота Черноморского в крейсерстве на Черном море, обращаясь в практике и эволюции, двоекратно обходил я крымские берега, касаясь на вид

острова Тендры, Очакова и до Одессы, и возвращаясь к Ахтиару сего числа с эскадрою вошел на Ахтиарский рейд для налития пресной воды и для перемены служителям в подкрепление здоровья свежей провизии, а также от случившихся крепких ветров на некоторых судах оказалась небольшая течь уповательно под бархотами настоящей обшивки в нескольких пазах и стыках, а на корабле «Владимир» от гнилостей оказалась большая худость в грот-мачте. Все оное и прочие потребности предложил я конторе Ахтиарского порта освидетельствовать и в самой скорости исправить и, нимало не медля, выйду на море к дальнейшему выполнению высочайшего его императорского величества предписания.

При сем же доношу: пред сим во время крейсирования, когда подходил с эскадрою в близость Ахтиарского порта, посылал я на Ахтиарский рейд корабли «Святая Троица», «Богоявление Господне», фрегат «Александр» и акат «Св. Ирина» для оказания на них потребных исправлений. А по свидетельству от Конторы Ахтиарского порта, оказались на корабле «Святая Троица» худость от гнилостей и ослабление в большом шпиле, руль в креплении ослаб, имел движение; на «Богоявлении Господнем» также руль в креплении был слаб; на фрегате «Александр» грот-мачта от гнилостей и трещин оказалась худа; на акате «Св. Ирина» была небольшая течь. Все оные надобности тогда же исправлены, и суда возвратились к эскадре и находились со мною в крейсерстве.

В прежние времена во время прошедших кампаний всегда замечалось было, что на многих кораблях и фрегатах оказывалась течь под бархотами, в стыках и пазах настоящей обшивки. Я представлял неоднократно в бывшее Черноморское адмиралтейское правление и просил, чтобы повелено было со всех судов при килевании под бархотами всю ту верхнюю обшивку, которая по выгрузке остается сверх воды, снимать и настоящую обшивку, пазы и стыки оконпачивать, а без того ежегодно и всегда во время кампаний на море на судах течь неминуемо показываться может. При том же уповательно чрез трехлетнюю килевку кораблей и во всей настоящей обшивке во многих пазах пенька ослабевать может и, оставляя под верхнюю обшивку без исправления, течь в кораблях неминуемо ж оказываться будет. За всем тем стараюсь я по всей возможности все таковые худости временами поправлять и предписанных мне повелений выполнять нимало не упуская, хотя при том нахожусь иногда и в небезопасности, но по всей возможности всей прилежностию и рачением выполняю. Во все времена крейсирования с эскадрою на море никаких касательных к донесению важных видимостей не оказалось и не замечено, а также и из Константинополя известиев вновь никаких не получено, о чем сим и доношу.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КОНТР-АДМИРАЛУ КУМАНИ
О ПРИНЯТИИ СТРОЖАЙШИХ МЕР К ПРЕКРАЩЕНИЮ ПЬЯНСТВА
СРЕДИ КОМАНД КОРАБЛЕЙ**

18 июня 1798 г.

Заметил я также и от некоторых дошло ко мне сведение, что служители многие обращаются в пьянстве. Рекомендую вашему превосходительству настрожайше оное запретить, пьяных наказывать и тем усмирить и оное прекратить, а с господ командующих за слабое содержание, ежели чьей команды впредь окажутся служители пьяные, делать строгое взыскание и понудить их к прекращению по команде таковых беспорядков. Пьяных служителей, всех без изъятия, приказать брать под караул и по рассмотрении при командах наказывать.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
С СООБЩЕНИЕМ СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ
ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ, О ПОЯВЛЕНИИ ВЕЛИЗИ ОСТРОВА КАНДИЯ
(КРИТ) БОЛЬШОГО ЧИСЛА ФРАНЦУЗСКИХ СУДОВ,
НАПРАВЛЯЮЩИХСЯ В ЕГИПЕТ***

19 июля 1798 г.

Какие известия мною получены чрез пришедшее сего июля 17 дня из Константинополя в Ахтиарский карантин двухмачтовое купеческое судно по объявлении хозяина оного турецкого подданного грека Хаджи Григория, описание об оных всеподданнейше вашему императорскому величеству при сем подношу.

Известия константинопольские:

Сего июля 17 дня прибыло из Константинополя турецкое купеческое судно, именуемое «Белла Триестина». Хозяин на оном грек турецкий подданный Хаджи Григорий. Грузено архипелагскими винами и следует в Таганрог, а зашло в Ахтиарский карантин за противным ветром. В пути, отправясь из Константинополя, находилось по сие время 17 дней.

Хозяин оного судна грек Хаджи Григорий и пассажир Иван Андреев Плати объявили за известие следующее:

* Экспедиция Бонапарта в Египет в составе свыше 900 транспортов под прикрытием эскадры из 13 линейных кораблей и большого числа фрегатов и других судов в мае вышла из французских портов Тулон и Марсель. В начале июня, захватив по пути Мальту, экспедиция прошла мимо Крита и в июле прибыла в Александрию, где и произвела высадку десантной армии в составе около 25 тысяч человек.

1-е

Известие получено из острова Канди и от тамошнего паши, что вблизи одного острова в виду было разного рода французских до трехсот судов. Паша и жители тамошние просят от Порты вспомоществования со объявлением, ежели одного в скорости сделано не будет, почитают долгом защищать себя до последних сил. И особенно также известиями уведомляет, что всех больших и малых судов французских находится в Белом море до семисот, из числа которых большая часть намерены отправиться в Египет, по уверению тамошних беев, что коль скоро вид тех судов примечен будет, то они охотно с своей стороны сделают всякое вспомоществование.

2-е

В Константинополе сделано строжайшее повеление, чтобы флот весь вооружить. Но куда сей флот по вооружении будет отправлен, того не известно.

3-е

Между турками слышно, что они к России расположены весьма с хорошей стороны и полагают великую надежду на случай иметь пособие от оной.

4-е

Говорят также, что будто остров Мальта сдался французам. В Константинополе опасная болезнь продолжается. А более никаких известиев к сведению объявить не имеют.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.Г. КУШЕЛЕВУ
О ПОДГОТОВКЕ ЭСКАДРЫ ДЛЯ СЛЕДОВАНИЯ
К КОНСТАНТИНОПОЛЮ, О СОСТОЯНИИ КОРАБЛЕЙ
И О ВЕРОЯТНОМ МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ЭСКАДРЫ
У ТУРЕЦКИХ БЕРЕГОВ**

5 августа 1798 г.

Высочайшее именное его императорского величества повеление, объявленное мне письмом вашего превосходительства, по секрету минувшего июля от 25 дня писанным, о походе с эскадрою к Дарданеллам и об всех надлежащих к исполнению предосторожностях я с глубочайшим благоговением вчерашний день получил и обо всех следующих обстоятельствах всеподданнейшим рапортом моим его императорскому величеству донесено. Равно

и о том, что корабль «Владимир» и фрегат «Александр» по долговременной их службе в море и давнему построению пришли в совершенную уже ветхость и гнилость и к дальнейшему мореплаванию оказались более уже не способны, посему и отправлены от меня к Ахтиарскому порту. А чтобы в эскадре составляло то же число кораблей, как прежними высочайшими повелениями предписано, потому на место их с крайней поспешностию приуготовляются сорокапушечные фрегаты «Богородица Казанская» и «Сожество Св. Духа». Также в дополнение принимается на эскадру морской провиант, чтобы было его декабря по 1 число. И за всем оным я уповаю быть готовым чрез шесть дней, исполняя оное несусыпно с крайней поспешностию, нимало не замедля, тотчас отправлюсь в повеленный путь.

За сим долгом поставляю к сведению донести: корабли и фрегаты в прошлую войну строились с великой поспешностию, только чтобы поспедали на дело, и от поспешного построения не таковы крепки и несколько слабее, а частию и многие гнилости уже в членах показываются, артиллерия на всей эскадре весьма тяжелая. При всех обстоятельствах всегда, когда хожу я на море, о сохранении судов всегда стараюсь предупреждать и, избегая в закрытие от ветра к берегам, ныне же, когда отправлюсь и буду находиться в крейсерстве против Дарданеллей, потому ж буду стараться, ежели где допустит возможность, на таковой же случай искать удобных мест, ежели только случай и возможность упредить дозволит. А как сие место против пролива Дарданелльского от бурливости моря и неудобств известных из опытов есть небезопасно, то, буде встретятся какие-либо обстоятельства, задерживающие меня с эскадрою, долговременно почитаю лучшим местом к сохранению эскадры быть близко Варны под защитою тамошних берегов. Если только не противно будет высочайшему намерению и повелению, исходатайствуйте мне, милостивый государь, высочайшее повеление, дозволится ли мне употребить в сохранение эскадры сию предосторожность. Я полагаю иттить к Константинопольскому проливу напервое, близко румелийских берегов, а оттоль спуститься уже к проливу. Посему, ежели какое судно по надобностям ко мне будет послано, должно оно для предосторожностей осмотреть берега Варны, не случусь ли я там с эскадрою, а оттоль уже может оно спуститься к Дарданеллям и там, где я буду, эскадру найти может. Не оставьте, милостивый государь, по всем встречающимся обстоятельствам благосклоннейшим вашим благоприятством и ходатайством, в каковой надежде с истинным моим почтением и совершенною преданностию имею честь быть.

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ
С ЖАЛОБОЙ НА Н.С. МОРДВИНОВА

5 августа 1798 г.

Его императорского величества указ из Государственной Адмиралтейств-коллегии минувшего июля от 10 дня под № 8291 и с прописанием высочайшего его императорского величества повеления по жалобе моей на господина адмирала и кавалера Мордвинова Коллегии сделать рассмотрение, то ж по предписанном мне сделать обще с флагманами и капитанами еще в продолжении нынешней кампании и о испытании кораблей «Захарий и Елисавет» и «Св. Петр» я вчерашний день с глубочайшим благоговением получил и по предписанию исполнение учинить старание иметь буду. О прочих же подробностях до обиды и претеснения, мне касающегося, за получением ныне высочайшего именного его императорского величества повеления немедленно с эскадрою отправиться в крейсерство к Дарданеллам и за множеством в одно время по встречавшейся к исполнению разных дел объяснении с надлежащими подробностями сделать ныне времени не имею.

Доношу только, что господин адмирал и кавалер Николай Семенович Мордвинов при сем моем отправлении с эскадрою в обиду назвал меня, будучи в его доме, при капитане над портом Пустошкине малым ребенком и несколько раз повторил, что якобы все меня почитают таковым. А после всего, когда находились мы в собрании в каюте на корабле «Св. Павел» и между прочим когда докладывал я жалобой ему о оказанном мне неучтивстве господина капитана Сенявина, вместо удовлетворения оказал он, господин адмирал, безвинно великую против меня суровость при всех бывших тут в собрании под начальством моим состоящих командующих судов жестоким выговором и нареканиями, будто бы я с подкомандующими моими не умею обходиться и жестоко с ними поступаю. Но я ничего подобного николи не оказывал, кроме соблюденной мною военной дисциплины. Выговор его мне был весьма жестокий при собрании командиров, когда надлежало мне с ними же отправляться с эскадрою на море к выполнению высочайших мне повелений и тем паче когда я, оскорбленным будучи беспредельно, объявил ему, что таковой сделанный мне при собрании штраф делает меня уже недостойным и неспособным выполнять высочайшую волю и повеление. Он неоднократно подтвердил, что я и есть точно недостойн, а на другой день поутру и сверх сего таковой же жестокий выговор сделал мне письменным своим ордером и продержал меня при отправлении эскадры три дня при свидетельствах, чрез что не имел я времени заготовить письменные дела и донесения обо всех подробностях. И ког-

да после сего целую ночь исправлял я сам собою во флотской канцелярии с письмоводцами все письменные дела, чтобы их на другой день поутру, оконча, отправить, что куда следует, в то самое время получил я ордер от него же с жестоким выговором, что будто я не перебрался еще на корабль и будто бы напрасно только замедливаюсь иттить. О чем от меня и донесено ему, что я ни одного часа ни в чем не упустил и свидетельствовалась обстоятельствами, что его только повелением и свидетельствами я замедлен, и что в то время спешу выполнить, противной ветр только препятствовал в тот день выттить на море, а после тех свидетельств отправился я с эскадрою на другой день. В прочем, ненависть начальствующих надо мною по конторе начальной почитаю есть там, что во время прошедшей войны пред двумя старшими предо мною определен был начальствующим по флоту и по Черноморскому правлению, а я во оном определении никакими происками не участвовал и безвиновен. Затем тем скоро после того, когда вступил господин адмирал Николай Семенович Мордвинов в начальство, почувствовал я неблагоприятство и жестокости; и к доказательству другим ничем не объясняюсь, достаточно к тому определение Государственной Адмиралтейств-коллегии высочайше опробации и предписания в указе оной коллегии прошлого июня от 28 дня под № 6673 последовавших и оным указом мне объясненных, о чем сим покорнейше и донести честь имею.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
С ПРОСЬБОЙ СООБЩИТЬ, ДОСТИГНУТО ЛИ СОГЛАШЕНИЕ
С ТУРЦИЕЙ О СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ ФРАНЦУЗОВ
И О ВОЗМОЖНОСТИ БЕСПРЕПЯТСТВЕННОГО ВХОДА ЭСКАДРЫ
В БОСФОР**

12 августа 1798 г., корабль «Святой Павел»

В именном высочайшем его императорского величества указе, минувшего июля от 25 дня мною полученном, предписано: «Господин вице-адмирал Ушаков! По получении сего имеете вы со вверенною в команду вашу эскадрою немедленно отправиться в крейсерство около Дарданеллей, послать предварительно авизу из легких судов к министру нашему в Константинополе господину тайному советнику Томаре, известя его, что вы имеете повеление от нас, буде Порты потребует помощи где бы то ни было, всею вашею эскадрою содействовать с ними, и буде от министра нашего получите уведомление о требовании от Блистательной Порты вашей помощи, то имеете тотчас туда следовать и содействовать с турецким флотом противу французов, хотя бы то и далее Константинополя случилось».

Во исполнение сего высочайшего его высочайшего императорского величества именного повеления я с эскадрою, мне вверенною, в числе двенадцати кораблей (включительно в то число шесть больших линейных фрегатов) и сверх того с одним фрегатом репетичным и тремя авизами, из малых легких судов состоящими, от Ахтиарского порта сего числа отправился в повеленный мне путь для крейсерства к Дарданеллам и предварительно от себя посылаю к вашему превосходительству авизу, из легких крейсерское судно, именуемое «Панагия Апотуменгана», на оном сие письмо мое отправил я к вашему превосходительству флота с лейтенантом Тизенгаузенем, о чем известя, покорнейше прошу всходства высочайшего его императорского величества повеления. Сделав соглашение ваше с Блистательною Портою, благосклоннейшим уведомлением меня не оставить, нужна ли Блистательной Порте и требуется ли помощь моя с эскадрою, мне вверенною, содействовать общими силами с турецким флотом противу французов, хотя бы то было и далее Константинополя, чуть только надобность востребует. Ко всему таковому выполнению я готов и по доходе моем Черным морем с близость Константинопольского пролива буду ожидать возвращения посланного от меня к вам судна и уведомления вашего превосходительства: что нам Блистательною Портою определено будет и обо всех к тому принадлежащих подробностях вашего письменного ко мне предписания, о котором прошу нимало не замедлить. И когда вами соглашенье будет с Блистательною Портою войти мне в пролив Константинопольский, то и об этом уведомить меня, в котором именно месте мне с эскадрою предписано будет остановиться, дабы я мог все надлежащее мне выполнить сходно с высочайшим повелением, с требованием и желанием Блистательной Порты Оттоманской, во ожидание сего уведомления вашего превосходительства.

Федор Ушаков

**ВЫПИСКА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА Ф.Ф. УШАКОВА
О ПРЕБЫВАНИИ ЕГО ЭСКАДРЫ НА АХТИАРСКОМ РЕЙДЕ
И О ПОДГОТОВКЕ ЕЕ К ПОХОДУ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ**

4—12 августа 1798 г.

Со оной эскадрою крейсировали между предписанными портами, находясь всегда в эволюции и обучении служителей экзерциции. Августа 4 числа сего ж [1] 798 года, возвратясь с эскадрою на вид Ахтиарского рейда для налития пресной вода, в 6 часов пополудни того же числа приезжал на корабль к командующему эскадрою из Санкт-Петербурга курьер с высочайшим повелением его императорского величества от 25 минувшего июля следовать

ему, господину вице-адмиралу, с находящеюся эскадрою в море к Константинопольскому проливу, а оттоль по сношению с полномочным нашего двора посланником, господином тайным советником Томарою, иттить далее в Архипелаг к Средиземному морю.

На другой день по отправлении обратно помянутого курьера с донесением его императорскому величеству о получении его высочайшего повеления в Санкт-Петербург в 3 часа пополудни вошли с эскадрою на Ахтиарский рейд для исправления разных потребностей и для взятия на эскадру вместо ветхих кораблей «Св. Владимир» и фрегат «Александр» фрегаты «Казанская» и «Сошествие», а вместо репетичного судна «Полоцк» — фрегат «Счастливый», а также в числе авизов крейсерское судно «Красноселье», коих приказано вооружить и исправить во всякой готовности к выходу на море.

12 числа, по исправлении и вооружении означенных судов, тож и по принятии на всю эскадру морского провианта 2 декабря по 1-е число и разных припасов и материалов по всем должностям, по возмещении утренней зори, при умеренном ветре от северо-северо-востока по сигналу от главнокомандующего эскадрою снялись с якорей. Выходя из Ахтиарского рейда и прошед вехи, стоящие на подводных рифах, на глубине 32 сажен, грунт — ил, стали с эскадрою на якоря во ожидании фрегата «Счастливый» и крейсерского судна «Красноселье», которые еще получали вдобавок морской провиант и порох.

Судов находилось в спомогательной* эскадре: под вице-адмиральским флагом — корабль «Св. Павел» о 84 пушках с 875 человеками под командою капитана Сарандинаки; под контр-адмиральским флагом — «Св. Троица» о 72-х с 732 человеками под командою капитана Поскочина; под плавающим брейд-вымпелом — «Св. Захарий и Елисавет» о 74 пушках с 717 человеками под командою капитана Селивачева; партикулярные о 72-х с 705 человеками; «Богоявление» под командою капитана Алексiano; «Петр» о 74-х с 712 человеками под командою капитана Сенявина; «Магдалина» о 68 пушках с 589 человеками под командою капитана Тимченко; фрегаты «Григорий Великия Армении» о 50 пушках с 428 человеками под командою капитан-лейтенанта Шостака; «Михаил» о 48-ми с 416 человеками под командою капитана Сорокина; «Николай» о 46-ти с 424 человеками под командою капитан-лейтенанта Марина; «Навархия» о 40-ка с 420 человеками под командою капитана графа Войновича; «Сошествие» о 44-х с 404 человеками под командою капитан-лейтенанта Константинова; «Казанская» о 44-х с 437 человеками под командою капитан-лейтенанта Мессера; репетичный фрегат «Счастливый» о 32-х

* Так в документе.

с 276 человеками под командою капитан-лейтенанта Белле; в числе авизов: акат «Св. Ирина» о 18 пушках с 107 человеками под командою лейтенанта Влито; «Панагия Апотуменгана» о 14 пушках с 76 человеками под командою морских адмиралтейских батاليонов капитана Скадракова; «Красноселье» о 14 пушках с 92 человеками под командою лейтенанта Рябинина.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ВЫХОДЕ ЭСКАДРЫ ИЗ АХТИАРА И ПРИБЫТИИ
ЕЕ К БОСФОРУ**

12 августа 1798 г.

Во исполнение высочайшего именного вашего императорского величества указа, минувшего июля от 25 дня последовавшего, с эскадрою, мне вверенною (приготовя вместо оставленных из оной за ветхостью при Ахтиарском порте корабля «Владимир» и фрегата «Александр», фрегаты линейные «Богородица Казанская» и «Сошествие Святого Духа» со оными) в числе двенадцати кораблей, одним фрегатом репетичным и тремя авизами сего числа от Ахтиарского порта в крейсерство около Дарданелл к Константинопольскому проливу отправился благополучно, а какие именно во оной эскадре состоят корабли и фрегаты, всеподданнейше подношу об оных ведомость.

Во исполнение же высочайшего мне предписания авизу из легких судов, именуемое судно «Панагия Апотуменгана», предварительно отправил я в Константинополь к министру господину тайному советнику Томаре, известя его со всякой подробности обо всех предписанных мне обстоятельствах, и просил на оное подробного его уведомления и соглашения Блистательной Порты, которого я с эскадрою, находясь в крейсерстве, ожидать буду, если ж по доходе моем оное судно не успеет в скорости ко мне возвратиться, не премину еще повторить посылкою другого авиза и наприлежнейшее старание иметь буду во всем сходно выполнять волю и высочайшее вашего императорского величества данное мне повеление, о чем сим всеподданнейше и доношу.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КОНТР-АДМИРАЛУ И.Т. ОВЦЫНУ
О НАЗНАЧЕНИИ У МЫСА КАЛИАКРИЯ СБОРНОГО ПУНКТА
ДЛЯ ОТСТАВШИХ ОТ ЭСКАДРЫ КОРАБЛЕЙ**

12 августа 1798 г.

Во время следования эскадры для крейсерства к Дарданеллам Константинопольского пролива полагаю (если ветры будут способные и не отвлекут к середине моря или азиатским берегам) для удобнейшей предосторожности и сохранения судов следо-

вать, держась ближе румелийских берегов к Калиакрии на вид мыса Койраг-Бурну, а оттоль на вид к проливу Константинопольскому, рекомендую держаться всегда при эскадре соединенно и отнюдь от оной не отделяться. Если же сверх чаяния (чего я никак не ожидаю) буде кто каким-либо нечаянным случаем отделится от эскадры, рандеву назначаю: Калиакрию и в виду против пролива Константинопольского иметь осторожную осмотрительность, расчет и замечание, по которым всегда усмотреть можно, буде по какому несчастию случится кому быть в отделении или вся эскадра при шторме, крепких ветрах или туманах или другим каким случаем разлучится, осмотрительность, осторожность и расчет есть тот, какие были ветры, по оным удобнее входу каждого куда и в которую сторону по оным склонившими почитать должно, буде ветры способны есть и были в стороне Варны, искать друг друга избирать к Калиакрии в бухте за мысом Койраг-Бурну, а ежели ветры к сему месту настоят и были противные, а способные к проливу Константинопольскому, по оным рандеву само по себе явствует есть к проливу Константинопольскому, на вид оногo по сему и чинить исполнение.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА ЛЕЙТЕНАНТУ ТИЗЕНГАУЗЕНУ
О ВЫЕЗДЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ К В.С. ТОМАРЕ С ПИСЬМАМИ
ПО ВОПРОСУ СОГЛАШЕНИЯ С ТУРЕЦКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
О ВХОДЕ ЭСКАДРЫ В БОСФОР**

13 августа 1798 г.

Во исполнение высочайшего именного его императорского величества указа имею я с эскадрою следовать для крейсерства к Дарданеллам Константинопольского пролива, куда сего числа с эскадрою и отправился, а вас в сходство высочайшего ко мне предписания отправляю предварительно в Константинополь к министру двора его императорского величества господину тайному советнику и кавалеру Василию Степановичу Томаре с письменными от меня делами о соглашении с Портою на всякий случай. Буде нужна моя помощь с эскадрою, я готов и по доходе моем против пролива Константинопольского с эскадрою буду крейсировать и ожидать вас обратно ко мне с предписаниями, от министра следующими к исполнению по тем надобностям. Рекомендую, отдайте как наискорее предупредительно эскадры туда вам дойти, явитесь к министру и доставьте ему от меня письменные дела. Старайтесь как наискорее получить от него ко мне надлежащее уведомление обо всех потребностях и с крайней поспешностию возвратитесь к эскадре. Уповаю на верное, что я поспешу за вами быть против пролива и там вас ожидать буду, посему старайтесь возвращением вашим нимало не замедлить.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИЮ
О ПОВРЕЖДЕНИЯХ, ПОЛУЧЕННЫХ КОРАБЛЯМИ ВО ВРЕМЯ ПОХОДА
ЭСКАДРЫ К БОСФОРУ**

18 августа 1798 г.

Во время следования с эскадрою для крейсерства к Дарданеллам Константинопольского пролива при продолжавшихся противных крепких ветрах и великом волнении из авизов акат «Ирина» учиненным сигналом оказал: имеет великую течь, при эскадре держаться не может и требовал иттить к порту, что учиненным сигналом от меня ему и позволено, и он сего августа 15 числа обратно пошел к Ахтиарскому порту. Также ныне руль на корабле «Святая Троица» оказался в великом и опасном повреждении, как в рапорте контр-адмирала Овцына и командующего кораблем капитана 2 ранга Поскочина показано: хотя при порте нынешнюю кампанию и был укреплен железными обоймами и боутами, но от большой качки корабль весьма ослаб, положенные железные укрепления переломались, и боуты из мест своих вышли, и самый руль раскололся вдоль, на который для укрепления положили найтовы, да и перо от него отстает и по свидетельству Военного совета оказался совсем неблагонадежен, и положено оной корабль отправить (и отправлен мною) в Ахтиарский порт для перемены нового руля с предписанием с наивозможной скоростью возвратиться ему к эскадре к проливу Константинопольскому. На прочих кораблях и фрегатах на некоторых оказалась течь и о исправлении и свидетельств оной с поданного от Военного совета рапорта на рассмотрение точную копию при сем прилагаю, а затем доношу: по отправлении означенного корабля к Ахтиарскому порту при сделавшемся ныне благополучном северном ветре эскадра находится по счислению не в дальнем расстоянии острова Феодониси и состоит благополучна.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КОНТР-АДМИРАЛУ КУМАНИ
О РЕМОНТЕ КОРАБЛЕЙ, ОТПРАВЛЕННЫХ
ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В АХТИАРСКИЙ ПОРТ**

18 августа 1798 г.

Во время следования с эскадрою для крейсерства к Дарданеллам Константинопольского пролива при продолжавшихся крепких ветрах и великом волнении из авизов акат «Святая Ирина» учиненным сигналом оказал: имеет великую течь, при эскадре держаться не может и требовал итти к порту, что учиненным сигналом от меня ему и позволено, и он сего августа 15 числа прошел обратно к Ахтиарскому порту. Также ныне руль на корабле «Свя-

тая Троица» оказался в великом и опасном повреждении, и по свидетельству Военного совета положено и мною отправлен для перемены руля в Ахтиарский порт. А как при бывшем исправлении положено уже было при порте Ахтиарском руль сделать новый, потому и должен быть он уже готов, о перемене которого от меня конторе предложено. Благоволите, ваше превосходительство, и вы с своей стороны употребить всевозможное старание, как наискорее на оный корабль руль поставить новый и наималейше не замедлить, отправить его в соединение к эскадре к проливу Константинопольскому. Всякое замедление останется вам и на конторе Ахтиарского порта, которая должна непременно в зимнее время все таковые худости исправлять благонадежно или переменить новыми, дабы суда из походу для исправления не возвращались. Сверх сего, как конторе и при порте кому надлежит известно, что рули на корабле «Святой Павел» и «Богоявление Господне» не благонадежны, да и на фрегате «Святой Николай» рудер верхняя часть раскололась и все оные надлежит непременно иметь сделанные вновь, готовые на всякий необходимый случай, ежели он последует. Напоминаю, корабль «Святая Троица» ни малейше при порте не удержать и в самой скорости отправить в соединение к эскадре, о чем от меня и командующему кораблем предписана.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ПОЛУЧЕНИИ ИМ ИЗВЕЩЕНИЯ О СОГЛАСИИ ТУРЦИИ
НА ВХОД ЭСКАДРЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПРОЛИВ
И О НЕОБХОДИМОСТИ ГАРАНТИИ В БЕСПРЕПЯТСТВЕННОМ
ВОЗВРАЩЕНИИ ЕЕ В ЧЕРНОЕ МОРЕ**

24 августа 1798 г., корабль «Святой Павел»

С эскадрою, мне вверенною, при всех случившихся жестоких противных ветрах старался я поспешить скорейшим приходом к Константинопольскому проливу и третьего дня к ночи благополучно дошел на вид берегов константинопольских, но при бывшем крепком северном ветре, великом волнении, при мрачной погоде лоцмана пролива Константинопольского не опознали и в ночное время на вчерашний день по ошибке лоцманов эскадры поминовали оный и прошли близ анадольских берегов, а по прочищении воздуха опознали анадольские берега до 30 миль за проливом. Имея на виду Константинопольский пролив, всевозможно стараюсь поспешить войти в оной, препятствуют только перенные ветры и противное течение, за всем тем с поспешностию к проливу приближаю и уповаю войти в самой скорости.

Между тем во исполнение высочайшего его императорского величества мне предписания ожидал я уведомления вашего пре-

восходительства о позволении войти в пролив и о соглашениях Блистательной Порты, с тем чтобы эскадра, мне вверенная, потому ж и обратно, когда должно будет ей возвратиться, могла быть беспрепятственно пропущена. Не получа вашего уведомления о позволительном проходе с эскадрою в Константинопольский пролив, также не получа соглашения Блистательной Порты о том, что и наказ, когда должно будет эскадре возвратиться в Черное море, препятствия никакого учинено не будет и пропустится без всякого задержания, входить в пролив мне без сего верного от вас уведомления не велено. В полученном же мною сего августа от 23 дня почтеннейшем отзыве вашего превосходительства значит, чтобы я входом в пролив с эскадрою поспешил. Я все возможно входом моим поспешу, но, милостивый государь, к выполнению высочайшего мне предписания в извещении вашего превосходительства о пропуске меня с эскадрою в пролив, соглашение и условие Блистательной Порты о возвратном беспрепятственном пропуске я не получил, и от вас об оном ничего мне не предписано и не упомянуто, посему и сомневаюсь, не получа оно на письме вашего превосходительства, войдя в пролив, не подвергнул бы я себя высочайшему гневу и негодованию о недостаточном моем выполнении. Посему повторяю просьбу мою вашему превосходительству снабдить меня письменным вашим уведомлением, также доставить на письме соглашение Блистательной Порты о вышеозначенном беспрепятственном пропуске в Черное море. Для сего, как скоро получил я почтеннейший ваш отзыв, тот же час судно «Панагия Апотуменгана» обратно посылаю и прошу ваше превосходительство в достаточном состоянии потребными письменными извещениями меня не оставить.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ С ПРОСЬБОЙ
О НАЗНАЧЕНИИ НА ЭСКАДРУ ЛОЦМАНОВ**

27 августа 1798 г.

На российскую эскадру потребно иметь исправных лоцманов, хорошо знающих все места и пристани во всем Архипелаге до Сицилии, в Венецианском заливе и до Александрии. Число оных должно быть на пять кораблей, на семь фрегатов и на два авиза на каждое судно по одному лоцману, да также когда придет сюда корабль «Святая Троица» и возвратится из посылки акат «Святая Ирина», на оные тогда потребно таковых же лоцманов по одному, а всех на теперешний случай следует быть четырнадцать человек, которых и прошу прислать на эскадру.

Вице-адмирал Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ С ПРОСЬБОЙ
О СОДЕЙСТВИИ В СНАБЖЕНИИ ЭСКАДРЫ МЕДИКАМЕНТАМИ**

27 августа 1798 г.

Медикаментов на эскадру хотя малое число на кампанию и было принято, но почти все они употреблены в расход, ныне же по скорости отправления в здешний край на корабли и фрегаты получить не успели, и почитаю на будущее время необходимо надобными. А как в здешнем месте они гораздо дешевле нежели в России, потому покорнейше прошу, не можно ли будет посредством старания вашего превосходительства хотя малым числом оных эскадру снабдить, и, можно или не можно, оные получить, прошу снабдить меня благосклоннейшим вашим уведомлением.

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ПРИБЫТИИ ЭСКАДРЫ В БУЮК-ДЕРЕ И ПЕРЕГОВОРАХ
С ТУРЕЦКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ О ПЛАНЕ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ
ПРОТИВ ФРАНЦУЗОВ**

29 августа 1798 г.

После всеподданнейшего донесения моего вашему императорскому величеству сего августа от 18 дня о состоянии эскадры, мне вверенной, со оною к Дарданеллам Константинопольского пролива сего августа 23 числа прибыл и до получения на отношении мое от господина полномочного министра тайного советника Томары уведомления крейсировал против пролива, а получа 24 числа извещение о согласиях желание и требование Блистательной Порты с уверительностью министра, чтобы немедленно я входил в Константинопольский пролив, поспешил, вошел по оный при всяком благоприятстве благополучно и расположился на якорях против Буюкдере. По всем видимостям Блистательная Порты и весь народ Константинополя прибытием вспомогательной эскадры бесподобно обрадованы, учтивство, ласковость и доброжелательство во всех случаях совершенны, на первый случай прислан был ко мне драгоман* адмиралтейства, именем Каймакамы-паши, со цветами и фруктами, а за ним на другой день от его величества был у меня первый драгоман Порты (через которого в знак благоволения за скорое прибытие удостоился я получить табакерку, осыпанную бриллиантами), и по многим учтивостям между прочим оба драгомана порознь в бытность свою в квартире, в доме министра для меня отведенной, с оказанием благоприятства спрашивали и просили моего мнения, совета и объяснения, какой

* Правительственный переводчик.

бы лучший план избрать о действиях против французов в Архипелаге, Венецианском заливе и в Александрии. Я за сделанную мне честь по засвидетельствовании признательнейшей благодарности на их объявление и предложение о способностях мнение мое объявил им откровенно. В сие же время чрез первого драгомана Порты получил я на отношение мое к министру декларацию о соглашениях Блистательной Порты, касательных до свободного прохода эскадры и всяких военных и транспортных судов из Черного в Белое* и обратно в Черное море и о прочих надлежностях. С перевода оной копию вашему императорскому величеству всеподданнейше подношу.

28 числа прошен был я в конференцию, в которой через их министра и бывшего с ним морского чиновника объявлено мне желание и намерение Блистательной Порты о действиях соединенных флотов в Архипелаге, в Венецианском заливе и в Александрии и при оном случае для лучшего действия и удобностей спрашивано моего мнения. Выслушал я в полном смысле настоящее желание Блистательной Порты; согласуясь со оным, мнение мое потому же объявил с предосторожностью и надлежащей учтивостью с подробнейшими объяснениями на всякий случай и обстоятельства. И по достаточных взаимных объяснениях по всей видимости заметить было можно удовольствие присутствующих, и кажется, что ответствованием моим желание Блистательной Порты удовлетворено совершенно.

И уповательно определено будет российской эскадре, под моим начальством состоящей, и эскадре Блистательной Порты, состоящей из шести линейных кораблей, десяти фрегатов и до тридцати разных малых судов, иттить соединенно вместе в Архипелаг к Мореи, к Корону, Модону и Наварину и к островам Занте, Кефалония и Корфу. По известиям же наверное полагать можно: оные во французском владении состоящие острова при помощи самих обывателей, кроме Корфу, без больших трудностей отобрать можно. Посему, показавшись только против оных сухопутными силами и приводя их в робость и желание с нами приятства к надлежащему исполнению, остаться тут двум третям от каждой эскадры, а третью часть российской и оттоманской эскадр, отделя от оного места, послать в крейсерство для надзирания и обережения Архипелага до острова Родос и от него до матерого берега, осматривая и оберегая также остров Кандию. Теми же двумя частями блокировать укрепленный остров Корфу и в Венецианском заливе оберегать Порте принадлежащие берега и Албанию от десантов, могущих быть из Анконы. А притом освещаться о неприятельских силах, где они и что предпринимать

* То есть в Эгейское.

будут. Потому и располагать свои действия, когда соединенные эскадры войти будут из Дарданелл в Белое море, при самом выходе из оных отправить легкие надзирательные суда к острову Родос, также одно предупредительно в Сицилию со сношениями к командующему английскою эскадрою вице-адмиралу Нельсону. Просить от него извещения о согласностях надлежащих и об том, какие деланы будут с его стороны предприятия, и которые места предохраняемы будут его эскадрою, можно ли обнадеться, что эскадра тулонская, если она покусится пройти к Александрии для освобождения Бонапарта, не будет пропущена туда без его деятельностей, и то что в тех местах, а особо на острове Кипре, нападение сделать допущено не будет. Если получено будет таковое уведомление, что он тот край оберегать предоставит себе, тогда нашими эскадрами действовать, оберегая Архипелаг при Венецианском заливе. В том сия конференция и окончена. После сего ожидаю я, какое последует определение высочайшей власти. Известно только то, что в самой скорости эскадры отсель отправлены будут к вышеозначенным местам. Если все оное останется в таком положении, то к отделению в число третьей части из эскадры на первый случай назначаю один корабль и два линейных фрегата, а когда возвратится отпущенный с пути в Ахтиар корабль «Святая Троица», присоединить его или отделить другой корабль. Весьма заметно великое желание и надежда Блистательной Порты о подкреплении российской эскадры еще несколькими судами. Явно заметно ж, сколь великую надежду и ободрение вашего императорского величества и с какой чувствительностью и восхищением оную приемлют. О чем сим всеподданнейше и доношу.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КОМАНДИРУ РЕЗЕРВНОЙ ЭСКАДРЫ
И.Т. ОВЦЫНУ О ПОДГОТОВКЕ К ВЫХОДУ НА СОЕДИНЕНИЕ
С ЭСКАДРОЙ УШАКОВА**

29 августа 1798 г.

В высочайшем именном его императорского величества от 7 числа сего августа указе господину адмиралу и кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову и в таковом же к вашему превосходительству именном высочайшем указе предписано: определены вы к командованию резервной эскадрою, назначенной в случае надобности к подкреплению эскадры, мне вверенной. По сходству сего к надлежащему выполнению соблаговолите, ваше превосходительство, на акате «Святая Ирина» при первом благополучном ветре отсель следовать в Ахтиарский порт и выполнение учинить все то, что высочайшим указом вам предписано и куда надлежит рапортовать и приложенные при сем всеподданнейшие рапорты его императорскому величеству и рапорты ж мои в Государственную Ад-

миралтейств-коллегию и в Контору главного командира Черноморских флотов по приходе в Ахтиарский порт и отправить с нарочным в Контору главного командира и оную просить о скорейшем доставлении с нарочным же курьером и к его императорскому величеству и в Государственную Адмиралтейств-коллегию, ибо важности содержания оных почитается весьма нужны они к скорейшему доставлению. Акат же «Святая Ирина» имейте возвратить к эскадре, а ежели сами с эскадрою отправитесь в скорости, в таком случае равно следовать может он вместе с вами, буде вы отправлены будете с эскадрою ко мне в соединение. При комплектации кораблей и фрегатов солдатской командою нужно взять с собою к доставлению ко мне на эскадру батальонных командиров, предписав им взять, избрав при Ахтиарском порте из наличных способных орудия на случай для десантов. Также если что от порта следует к доставлению на эскадру, можно доставить ко мне на акате «Святая Ирина».

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА ВИЦЕ-АДМИРАЛУ НЕЛЬСОНУ
О ПЛАНЕ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ СОЕДИНЕННОЙ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ЭСКАДРЫ ПРОТИВ ФРАНЦУЗОВ
С ПРОСЬБОЙ СООБЩИТЬ СВЕДЕНИЯ О ПРОТИВНИКЕ
И СВОИ НАМЕРЕНИЯ ДЛЯ КООРДИНИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ**

31 августа 1798 г.

Российская вспомогательная эскадра под начальством моим, состоящая из шести кораблей, шести линейных фрегатов, одного репетичного фрегата и трех авизов из малых судов, прибыла в Константинопольский пролив и находится ныне при Буюк-Дере. От государя моего императора повелено мне со оною действовать вместе с турецким флотом противу неприятелей-французов, а в случае и с эскадрою, под начальством вашего превосходительства состоящей. По прибытии в Константинополь узнал я славную и знаменитую победу вашу, одержанную при реке Ниле, и нынешнюю бытность вашу в Сицилии. С признательнейшим удовольствием от истинного моего к особе вашей почтения, с таковою совершеннейшею победою поздравить вас честь имею и в той надежде, что скоро буду иметь удовольствие находиться в близости с вами, а может быть, и вместе в действиях против неприятеля. Заочно рекомендую себя в ваше благоприятство и дружбу, которую я приобрести от вас постараюсь.

Блистательная Порта Оттоманская, полагая, что ваше превосходительство Александрию содержите в блокаде, так же и Тулонскую эскадру отделяете от здешнего края вашим обозрением, весь тот край совершенно обеспеченным и почитает и действие российской эскадры под начальством моим и соединяющихся со

мною под командою вице-адмирала турецкого шести кораблей, десяти фрегатов и до тридцати малых судов, располагает:

1-е: употребить в Море и в Венецианском заливе для охранения берегов своих от десантов, из Анконы быть могущих, изгнания, если возможно, при содействии с сухопутной стороны из островов, прежде Венецианских, и матерого берега французов.

2-е: крейсированием от Мореи до острова Родоса прикрывать Архипелаг и обеспечивать тревожность жителей, не теряя с виду и острова Кандии, а за сим от оных соединенных эскадр при выходе из Дарданелл отделить два российских и два турецких фрегата для препровождения десяти канонерских лодок до острова Родоса, а оттол, ежели окажется в них надобность, и отряда судов эскадры вашей, блокирующих Александрию.

Важность сего плана для Порты ясно доказывается положением тех островов и вернейшими известиями о намерении французов, сильно в них укрепясь, напасть на империю Оттоманскую со стороны Албании и Мореи, но и за сим, ежели бы потребно наше подкрепление в случае важнее всей надобности, то к спомоществованию мы готовы. В соответствии сего прошу ваше превосходительство сообщить мне известия, какие вы имеете о действиях и намерениях неприятеля, также и о расположениях ваших против одного, и в состоянии ли вы после славной победы вашей, продолжая блокаду Александрии, закрывать сторону Средиземного моря меж Сицилией и Африкой, дабы сходно с предложением и необходимостью Блистательной Порты могли мы успешно и немедленно выполнить вышеозначенный план в точном его расположении.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАНУ 2 РАНГА И.С. ПОСКОЧИНУ
С ВЫРАЖЕНИЕМ НЕУДОВОЛЬСТВИЯ ЗА НЕПРАВИЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ КОРАБЛЕМ**

6 сентября 1798 г.

С крайним неудовольствием принужденным нахожусь объявить вашему высокоблагородию, что вы, снимаясь с якоря, когда подорвало у вас канат, не поворотили чрез фордевинд и не пошли в повеленный путь, положили другой якорь и от сущей неисправности и неведения допустили корабль столь много дрейфовать; унесло вас к самому берегу, и тем сделали остановку всей эскадре. При таком важном случае, когда его султанское величество от нас ожидает неперменного исполнения, продрейфовало вас столь далеко оттого только, что мало у вас отдано было канату. Другой раз такое худое действие я замечая; по приходе вашем сюда положили вы тогда якорь и почти с апанером, сколько вас далеко

дрейфовало, сколько теперь, тогда не было таковой важности, чтобы я к вам писал, потому-то и пропустил, а теперь вы на таком важном пункте сделали остановку эскадры тем только, что допустили много корабль дрейфовать и, отделившись от эскадры на худое место, откуда сняться вам нельзя. Крайне я всем оным недоволен и таковое неудовольствие вам объявляю, и если что-либо неприятное чрез сие последует, я отнесу оное к вашей неисправности. С места, где вы теперь находитесь, ни под каким видом сняться невозможно, пока вы не стянетесь, о чем и имеете стараться всевозможно.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАНУ 2 РАНГА И.С. ПОСКОЧИНУ
О ЕГО НЕПРАВИЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПО УПРАВЛЕНИЮ КОРАБЛЕМ
ПРИ СЪЕМКЕ С ЯКОРЯ, ПРИВЕДШИМИ
К ЗАДЕРЖКЕ ВЫХОДА ЭСКАДРЫ**

6 сентября 1798 г.

Подорванный корабля вашего якорь потерян на большой глубине, канат порвался на 40 сажнях, а томбуяр не видно, следовательно, искать и поднимать весьма его трудно, да и надежды не предвидится, а эскадра должна следовать непременно в самой скорости, и тихого ветра ожидать нельзя; необходимая надобность требует скорого похода; при съеме с якоря вашем фрегат «Казанская» нимало мешать вам не мог, потому что был у вас на правой стороне впереди, а корабль «Св. Петр» в довольной дистанции был на левой стороне и отнюдь также нимало помешать вам не мог, да и когда подорвало у вас якорь, вы были под бизаном подле моего корабля.

Само по себе явствовало, не предвидя надежды сыскать якорь, не должно было ложиться на другой, а надлежало поворотить чрез фордевинд и следовать в путь с теми осторожностями, как было приказано; не сделавши оного, положили вы другой якорь, как выше сказано, будучи еще от меня недалеко и с оного дрейфовало вас без расчета далеко, единственно оттого только, что мало было отдано канату, все что я сам видел самолично, что понапрасну вы допустили корабль столь далеко отделиться и тем удержали всю эскадру от похода сего для следующего. Почитаю легче бы потерять три-четыре якоря, нежели остаться и замедлить походом при таком важном надобном случае, каковой высочайшим требованием был назначен, кой час будете ныне, хотя бы в самую полночь, извольте подтянуться ближе к моему кораблю и, остановясь на якорь к снятию со оного готовым. Якорей в наличии состоит у вас еще четыре. Имейте их на своих местах, где следует, и исправляйтесь оными.

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
ОБ ОСМОТРЕ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА, ТУРЕЦКОГО АДМИРАЛТЕЙСТВА,
СТРОЯЩИХСЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ КОРАБЛЕЙ
И ВЫХОДЕ ЭСКАДРЫ В ДАРДАНЕЛЛЫ ДЛЯ СОЕДИНЕНИЯ
С ТУРЕЦКОЙ ЭСКАДРОЙ

6 сентября 1798 г.

После всеподданнейшего донесения моего вашему императорскому величеству минувшего августа от 31 дня, сентября 1 числа по желанию Блистательной Порты ездил я на министерской шлюпке для осматривания приуроченной в море эскадры турецкого флота, которая находилась в артаке в близости против султанского дворца. Был из оных на корабле командующего флотом и еще на одном партикулярном 74-пушечном, с осторожностью от опасностей обошел я все места, осматривал все подробности и производима была на оном пушечная экзерциция примерно. Все на оных кораблях было в хорошем порядке. Экзерциция производилась поспешно, что мною все и похвалено к особому их удовольствию, напомянул я только между прочим о снарядах артиллерийских, что ядра и кнители, ежели есть чем, нужно бы переменить лучшими. Объявлено, что скоро ожидает приводу новых и перемены будут.

При съезде моем с флагманского корабля заметил я приуроченные к салюту и просил, чтобы оно не производить, ибо я был без флага. Сие принято с таковой же учтивостию, как от меня объяснено, и объявлено, что на сие есть высочайшая воля его султанского величества и что приказано непременно оное исполнить, и салют сделан из семи пушек, после сего был я в Терсане у генерал-интенданта Терсана-Эмени. Во всех местах оказана мне отличная учтивость и благоприятство тако ж и доверенность неограниченная, осматривал я двадцатипушечный корабль во всех подробностях, который построен на манер французских кораблей в совершенстве (только показался мне в рассуждении длины несколько узок), артиллерия приготовлена на него бесподобно большая и весьма хороша. Также прошен я был, чтобы посмотрел вновь строящиеся корабли в их адмиралтействе; я видел также вновь строящийся док для одного большого корабля и нахожу дело сие производится в хорошем состоянии, и две трети бассейна чистою и прочною работою черным крепким диким камнем отделано, где быть двоим воротам, место ж отделано.

Возвращаясь из Терсаны, проезжал я также весь флот поблизости кораблей, фрегатов и прочих судов, осматривал их с виду нынешнее состояние. Их нахожу хотя не совсем совершенно против европейских флотов, но против прежнего несравненно лучше, а частью и в настоящем порядке.

От 4 числа сего месяца объявлено мне желание, чтобы к выполнению по предписанным условиям, о которых в рапорте моем вашему императорскому величеству от 31 дня августа всеподданнейше донесено, следовал я с эскадрою в Дарданеллы в соединении со стоящей там эскадрой; но в сие ж время при обложившихся кругом всего горизонта весьма густых черных облаках от севера сделался весьма крепкий ветер с великими шквалами, а после продолжался с сильным дождем и необычайно великим громом и молниєю, ударами которого разбило на фрегатах «Григорий Великий Армении» фор-стенъгу, а на «Сошествии Св. Духа» грот-стенъгу. Оные переменены запасными, а на место их из Адмиралтейства обещано прислать новые.

Крепкий ветер продолжался три дни, а сего числа по утишении несколько ветра, с эскадрою, мне вверенной, снявшись с якорей, следовал каналом Константинопольского пролива по условиям и по согласию моему с полномочным двора вашего императорского величества министром Томарю; в рассуждении столицы по здешним обыкновениям, проходя флот турецкий, состоящий под флагом Капитан-паши, как он находился близко дворца, произведен от меня с корабля оному надлежащий салют, и ответствовано было со оного равным числом, а потом, поверставшись против дворца, где личное присутствие его султанского величества, при обозрении его салютовано с корабля моего из тридцати одной пушки, люди на всей эскадре поставлены были на ванты и при отдании подлежащей чести кричали шесть раз ура, а потом били поход в барабаны и играла музыка. А затем по условиям же подлежащим сделан салют против крепости и литейного дома, отколь ответствовано равным числом выстрелов, и против зимнего дворца в честь его султанскому величеству выпалено от меня из двадцати одной пушки, а затем положено в море салютации делать друг другу по чинам сходно, как должно по уставу. И по выполнении вышеозначенного с эскадрою из Константинополя прошел я в Мраморное море и отправился к Дарданеллам благополучно, о чем сим всеподданнейше доношу.

За сим же осмеливаюсь всеподданнейше донести о входе эскадры в пролив Константинопольский, о условиях свободного прохода военных наших судов из Черного в Белое и из Белого в Черное море* и обо всех полезнейших обстоятельствах производимо было министром вашего императорского величества тайным советником Томарю осторожнейшее и рачительное выпол-

* Эти условия свободного прохода военных кораблей из Черного моря в Средиземное и обратно были затем подтверждены заключенным между Россией и Турцией 23 декабря 1798 г. в Константинополе союзным договором сроком на восемь лет.

нение. И по отличному его искусству и старательностям последовали и получены желаемые выгоды, равно и во всем прочем по эскадре, мне вверенной, всякое благоприятство и снабжение доставлено мне в полной мере, сколько возможно. Письмо, которое я на сих днях отправил для сношения моего о действиях к английскому вице-адмиралу Нельсону, с оного на благорассмотрение вашему императорскому величеству всеподданнейше подношу точную копию.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА НЕЛЬСОНУ
О ПОСЫЛКЕ В ПОМОЩЬ АНГЛИЧАНАМ К БЕРЕГАМ ЕГИПТА
ДЕСЯТИ ТУРЕЦКИХ КАНОНЕРСКИХ ЛОДОК**

*12 сентября 1798 г.,
корабль «Святой Павел», Дарданеллы*

О плане, какие действия соединенными российской и турецкой эскадрами положено произвести, и об том, что посланы будут десять канонерских лодок под препровождением двух российских и двух турецких фрегатов в остров Родос, а оттоль оные канонерские лодки по осведомлению, ежели окажется в них надобность, провождены будут к определению вашему находящемуся поблизости Александрии от 31 числа минувшего августа письмом моим вашему превосходительству сообщить честь имел и просил в соответствии сего извещения вашего, какие действия производимы будут с вашей стороны и как вы их располагаете и надобны ли канонерские лодки к тому вашему отделению. Ныне же по приходе с эскадрами в Дарданеллы при случившейся оказии вторично покорно прошу ваше превосходительство на то письмо мое благосклоннейшего вашего ответа. А между тем имею честь уведомить, что означенные десять канонерских лодок под препровождением четырех фрегатов на сих днях напервое в остров Родос отсель отправляются, ежели они отряду вашему надобны, прошу послать от себя во оное место уведомить командира фрегата «Михаил» флота капитана 2 ранга Сорокина, чтобы немедленно он туда с ними шел и меня об оном не оставил вашим извещением. Ежели же оные лодки тому отряду вашему не надобны, в таком случае прошу приказать ему, господину капитану Сорокину, вместе с фрегатами и с лодками возвратиться к соединенным эскадрам к Морее, к островам Занте, Кефалония и Корфу или далее к Венецианскому заливу, где мы находиться будем. Сходно о том и повеление ему от меня дано, а буде лодки понадобятся и препровождены будут к отряду, тогда также предписано возвратиться ему с фрегатами к эскадре. Еще прошу ваше превосходительство уведомить меня, какие известия имеете вы о намерениях и действиях неприятельских, дабы мы действия наши по оным располагать могли.

ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАНУ 2 РАНГА А.А. СОРОКИНУ
О СЛЕДОВАНИИ С ОТРЯДОМ К ОСТРОВУ РОДОС И ДАЛЕЕ
ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ АНГЛИЙСКОМУ ОТРЯДУ У АЛЕКСАНДРИИ

13 сентября 1798 г.

Блистательной Портою положено послать к отряду из аглинской эскадры вице-адмирала Нельсона, находящемуся в близости Александрии, турецких 10 канонерских лодок и препроводить их туда из соединенных эскадр двум российским и двум турецким фрегатам. Для сего препровождения из эскадры, под начальством моим состоящей, назначил я следовать с вверенным вам фрегатом «Михаил» и с фрегатом «Казанская». По получении сего извольте вместе с двумя турецкими фрегатами и означенными 10 канонерскими лодками иттить напервее в остров Родос и там ожидать извещения от означенного аглинского отряда, к которому напервее послана от Порты с письмами одна кирлангичь для осведомления о том, что надобны или нет сему отряду препровождаемые канонерские лодки. Как скоро означенная кирлангичь возвратится к вам в Родос, чрез оную или чрез наши другие верные известия и сношения получите вы уведомление и буде надобны и требованы будут туда лодки канонерские, извольте немедленно следовать из Родоса к отряду вице-адмирала Нельсона по близости Александрии, для блокирования оной находящемуся, и дабы та кирлангичь, которая туда послана, потому следовала с вами для показания места, где оный отряд находится. И как скоро вы туда дойдете, обо всех потребностях, к сведению моему подлежащих, на первый случай извольте чрез оную кирлангичь меня уведомить, чтобы она послана была от вас в самой скорости к соединенным эскадрам, с которыми находиться мы будем. Напервее пойдем мы к Морее, к Модону, Корону и Наварину, а потом к островам Занте, Кефалонии, Корфу, а оттоль в Венецианский залив, держась румелийского берега, для обережения от десантов Албании и до Рагузы, чтобы она кирлангичь доставила нам все сведения, от вас отправленные. Также и вы с фрегатами по проводке туда канонерских лодок должны возвратиться к эскадрам в соединение, имея при том крайнюю предосторожность.

Ежели вы эскадр не застанете в близости островов Занте и Кефалонии, оберегаться нужно вам, проходя оные острова, а особливо остров Корфу, которые состоят ныне во французском владении, чтобы из оногo не случилось и не могли бы встретить вас сверх чаяния военные корабли. Потому, следуя путем, осведомляйтесь

об нас вернейшим образом, где мы находиться будем, а особо в Морее, Модоме и в Короне, где прикажу я оставить надобно для вас для уведомления малые суда или письменные повеления, которые к вам по приходе вашем в те места доставлены будут. Получа тут сведения об эскадре, потому и можете себя располагать для соединения с эскадрами.

Я уповаю, может быть, в проходе вашем мимо Мальты во французском владении островов из них некоторые успеем взять, а особо ежели можно будет острова Занте и Кефалонию, потому при оных, может быть, и оставлены будут несколько наших судов, с которыми и соединиться можете, и потому, ежели по известиям, какие вы получите, не будет видимой опасности, тогда можете итти прямо далее к эскадрам.

Я уповаю, ежели мы успеем, то остров Корфу обложим нашей блокадою, тогда и к вам уведомление об оном в Модон и в Корон доставится. Ежели по прибытии вашем с лодками в остров Родос узнаете вы буде канонерские лодки аглинскому отряду не надобны, то, нимало не медля, все вместе с турецкими фрегатами и лодками из Родоса извольте следовать прямо в соединение к эскадре напервое к Корону и Модону. Иттить, как выше означено. Я уповаю, что при таком случае вы нас застанете еще в ближних местах. За всем оным в предосторожность вашу напоминаю следующее: буде начальник аглинского отряда, при Александрии находящегося, объявить вам непременно и необходимую надобность в вашем ему вспомоществовании для блокады и действия против неприятельских судов, там находящихся, с крайней вашей осмотрительностию, буде требуется надобность предпринять необходимые в таком только важно надобном случае, можете остаться с фрегатами там и действовать соединенно; но как фрегаты наши отягощены чрезвычайно тяжелой артиллериею, а особо фрегат «Казанская» и в постройке по ветхости слаб, потому и при таковом случае может быть удобнее и безопаснее только время и, по мнению моему, не должны непременно возвращаться в соединение к эскадре или по крайней мере в безопасные места. В прочем полагаю все на благорассмотрение ваше и осторожную осмотрительность, исполняйте все то, что предусмотрите полезно, и осторожность соблюдайте по силе закона.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА ЛЕЙТЕНАНТУ Е.П. МЕТАКСЕ*
О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО ОФИЦЕРОМ ДЛЯ ПОРУЧЕНИЙ И СВЯЗИ
ПРИ ТУРЕЦКОМ АДМИРАЛЕ КАДЫР-БЕЕ**

15 сентября 1798 г.

По надобностям для переводу, знания и исполнения по сигналам, какие на эскадре, мне вверенной, учинены будут, избираю вас быть на время на корабль командующего турецкой эскадры, яко искуснейшего и должности знающего с отличностию офицера, и в помощь к вам отправляю знающего морское искусство Александра Олешева и Карла фон Иксуль**, также подштурмана одного с фрегата «Сошествие Св. Духа». Будучи там, извольте чинить исполнение, как от меня вам лично объявлено.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О СОЕДИНЕНИИ В ДАРДАНЕЛЛЯХ С ТУРЕЦКОЙ ЭСКАДРОЙ
И ПРЕДСТОЯЩЕМ ВЫХОДЕ В АРХИПЕЛАГ**

15 сентября 1798 г., корабль «Святой Павел»

С эскадрою, мне вверенной, 3 числа сего месяца в Дарданеллы прибыл благополучно, и по соединении с эскадрою турецкого флота вчерашний день десять канонерских лодок под препровождением двух российских и двух турецких фрегатов отправлены в Родос. И мы с эскадрами завтрашний день по утра отправляемся в Архипелаг к выполнениям обо всем, что общим мнением положено. С командующим турецкою эскадрою пашою или вице-адмиралом Кадыр-беем я ознакомился очень хорошо, показался мне он чрезвычайно ласковым и учтивым человеком. И все мы с ним распорядили дружески, и на первый случай в рассуждении его учтивостей и общего нашего согласия в распоряжениях отношу об нем вашему превосходительству признательность мою и похвалу, прошу и Блистательной Порте оные от меня засвидетельствовать. Я надеюсь, что мы, как по началу за-

* Лейтенант Е.П. Метакса, грек по национальности, получив образование в России, по окончании Морского корпуса был выпущен в 1790 году офицером в Черноморский флот, где участвовал под начальством Ф.Ф. Ушакова в войне с Турцией. В 1798 г., состоя лейтенантом на корабле «Мария Магдалина», как знающий греческий и турецкий языки, был назначен для связи и поручений при турецком адмирале Кадыр-бее и использовался в дальнейшем Ушаковым для переговоров с правителем Албании и Эпира Али-пашой Янинским. Оставил интересные записки об Ионической кампании 1798—1800 гг., изданные в 1915 году.

** А. Олешев и Карл фон Иксуль — мичманы, разжалованные за продажу казенного пороха в матросы. Снисходя к их молодости и желая дать им возможность службой заслужить прощение, Ф.Ф. Ушаков назначил их в помощь к лейтенанту Е.П. Метаксе в качестве ординарцев для связи с турецким командованием.

метить можно, если оно так продолжится, один другим будем довольны и добрых успехов чрез то надеяться можно; засим свидетельствуя истинное мое почтение и преданность, с каковою наивсегда имею честь быть.

Федор Ушаков

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТУ МАКШЕЕВУ
О СКОРЕЙШЕМ СЛЕДОВАНИИ СО ШХУНОЮ № 1
НА СОЕДИНЕНИЕ С ЭСКАДРОЙ**

15 сентября 1798 г.

Рапорт вашего высокоблагородия от 9 числа сего месяца о прибытии с вверенною вам шхуною № 1 в Константинопольский пролив для соединения к эскадре я получил. Объясняете: остановились вы Буюкдере для исправления судовых худостей, но не уведомили меня, какие именно худости имеете и отчего они последовали. Весьма нужно бы вам поспеша застать эскадру в Дарданеллах и соединиться с оною. Я с соединенными эскадрами завтрашний день по утра из Дарданеллей отправлюсь в Архипелаг к Морее, Модону, Корону, Наварину и потом к островам Занте, Кефалонии, Корфу и далее к Венецианскому заливу, держась румелийского берега до Рагузы. Посему имеете следовать за мною. И уповаю, проходя Венецианской залив, несколько судов наших останутся для блокады острова Корфу. Просите полномочного двора его императорского величества министра Василия Степановича Томару снабдить вас знающим лоцманом и следуйте напервее к Морее. Ежели вы поспешите походом, можете застать нас в Модоне или Наварине и, буде не застанете, то тут осведомитесь об нас и узнаете, сколько времени мы отсель вышли, и, ежели случай будет, я там и повеления вам оставлю. Оттоль, ежели узнаете, не будет вам никакой опасности следовать за нами, тогда имеет иттить за эскадрою мимо означенных островов, где нас найти можете. В Модоне или в Наварине узнайте, чтобы самим за проходом нашим в Венецианский залив не встретиться с судами неприятельскими, чего, однако, я не ожидаю. В прочих островах, по мнению моему, таковым судам быть не уповаю, а при острове Корфу, думаю, оставим мы несколько кораблей и фрегатов для блокирования, потому и кажется безопасно. В прочем исполнения чините по вашему благоразумению, старайтесь узнавать о подробностях, как вам выше предписано.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ С ПРОСЬБОЙ
О ПРИСЫЛКЕ ДЕНЕГ НА РАСХОДЫ, ВЫЗВАННЫЕ УСИЛЕНИЕМ
ЖЕЛУДОЧНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ**

15 сентября 1798 г., корабль «Святой Павел»

От употребление здешней воды в питье служители заметно начали прибывать больные; я полагаю, необходимо на первый случай надобно в питье производить им, мешая виноградное вино и уксус, которых потребуется немалое количество, и должно будет их покупать во всех местах, где только случай позволит. Деньги же, которые шестьдесят тысяч рублей чрез вас мною получены, большей частию употреблены в расход на выдачу обер-офицерам и служителям частию только на их удовлетворение заслуженного жалованья и порционных денег и теперь в наличии остается малое количество, а потребно будет для продовольствия служителей делать разные покупки сходно, как в уставе его императорского величества о продовольствии и сбережении служителей в здорье предписано.

По таковым обстоятельствам покорнейше прошу испросить чрез вас, от кого надлежит и доставить ко мне еще хотя шестьдесят тысяч рублей, из которых также нужно будет хотя несколько к удовлетворению штаб- и обер-офицеров порционными деньгами, их же и служителей заслуженным жалованьем в крайне необходимой надобностью почитаю в сбережении людей в здорье делать разные покупки потребностей, ибо весьма нужно беречь людей от болезней при первом ныне вступлении в Архипелаг. По замечаниям всегда на первый случай при перемене климата и воды люди делаются больные, а хорошее довольствие их при первом случае может от того сохранять.

Федор Ушаков

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТУ А.А. ШОСТАКУ
О СЛЕДОВАНИИ С ОТРЯДОМ К ОСТРОВУ ЦЕРИГО
ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЕГО ОТ ФРАНЦУЗОВ**

24 сентября 1798 г.

С вверенным вашему высокоблагородию фрегатом «Григорий Великия Армении», с фрегатом «Счастливый» и судном «Панагия Апотуменгана» извольте следовать к прежде бывшему в Венецианском подданстве острову Цериго, которым французы насильно овладели и имеют на оном острове малое количество своих войск. По доходе туда извольте потребовать, чтобы оные сдались вам пленными; требуйте от обывателей, чтобы они общими силами в

том их принудили, а в случае сопротивления, чтобы их истребили, трофеи или все то, что найдется там французское, извольте забрать с собой на фрегат, по истреблении французов или по взятии их пленными и по забрании всего, что там найдете, французам принадлежащего, уговорите жителей, чтобы отправили с вами к нам три или четыре человека знаменитых из первейших лучших людей для получения от нас на свободное их пребывание по древним их обыкновениям и по их желанию на избранных правах письменного вида.

Вручаю я вам письмо от меня к обывателям. Сходно по оному извольте их ласковостию и увещанием уговорить ко всему вышеозначенному, чтобы они французов принудили сдать пленными или их истребили бы на острове, к себе французов не допускали бы, а приходящие к острову суда брали бы в плен и об оных к нам к соединенным эскадрам делали бы уведомление. Известно мне, что французское судно с грузом находится при острове Цериго, старайтесь его взять в плен и доставить к эскадре. Также слышал, будто бы там же находится судно, посланное от Бонапарта. Ежели справедливо, старайтесь как наивозможно взять его в плен и обыскать, нет ли каких письменных видов, и обо всем, что окажется, ко мне рапортовать.

Как скоро вы дойдете до острова Цериго, остановитесь в приличных местах и, что вами произведено будет, жители острова согласны ли будут на истребление французов или принуждению пленными, или же ни на что таковое не будут согласны, все, что вами сделано и замечено будет, тотчас пришлите ко мне ваше уведомление с судном «Панагия Апотуменгана» или из турецких на легком судне. Мы отсель за вами же или почти вместе с вами с эскадрами отправляемся и, дойдя к Морее да обошед остров Занте, ежели в ожидании от вас ответа остановимся за оным по близости острова Серви, так что будет вам нас видно и ежели паче чаяния чего и не видать, буде встретится вам сильное сопротивление, объявите жителям, ежели они не будут исполнять желаний нашего, в собственную их пользу клонящегося, в таковом случае мы подойдем со всем флотом к вам и, сделав десант, принудим исполнить все то силою. Но старайтесь всевозможно ласковостию жителей уговорить, чтобы отнюдь не поупрямились, исполняли бы все то, что от нас предписано, и малейшее отнюдь не замедлить и тем в будущих действиях наших замедления и препятствия не наводились бы. В прочем надеюсь на ваше благорассмотрение, и употребите к тому все надлежащее искусство, как следует и что полезнее быть может. Повторяю, тот же час о исполнениях ваших и о прочем меня уведомить.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАНУ НИКОНОВУ
О СЛЕДОВАНИИ С ДЕСАНТОМ К ОСТРОВУ ЦЕРИГО ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ
КРЕПОСТЬЮ КАПСАЛИ, ЗАНЯТОЙ ФРАНЦУЗАМИ**

28 сентября 1798 г.

Извольте следовать со отряженным ко мне десантом на остров Цериго, приблизиться к крепости Капсали; уговорите жителей оного острова действовать против французов и принудите их к взятию крепости общими силами.

С вами же следует десант с эскадры турецкого флота до 300 человек, старайтесь требовать сдачи оной крепости без бою; объявить французам, чтобы они сдались сами пленными, тогда они сохранены будут и жизнь им даруется, ежели же принудят брать крепость штурмом и боем, тогда они все будут истреблены; мне известно, что всего в этой крепости французов пятьдесят человек, потому не уповаю, чтобы осмелились они драться напрасно и чрез то сами себя истребят. Может быть, оной вид только один сделают, а после сдадутся, и в таком случае, ежели без настоящего боя сдадутся, — взять их пленными; ежели же не будут сдаваться — есть там над крепостью одна высота горы, сделайте как можно скорее на ней маленькое прикрытие, истребляйте из пушек, принуждайте как наискорее к сдаче и все распоряжайте. Полагаюсь на ваше искусство и осмотрительность, ежели за всем тем иначе взять нельзя, ожидайте удобности взять хотя штурмом, окружа с разных многих мест; лестницы буде и припасы, какие будут надобны, требуйте от жителей и с ними вместе и турками старайтесь как можно крепость овладеть и взять. Только будьте осмотрительны, чтобы не потерять где напрасно людей и крепость взять с небольшим уроном. В прочем всего надеюсь от вашего искусства и расторопности. От стороны моря посланы от меня в гавань против той крепости два судна. Учредите берегом почту и уведомляйте меня чаще обо всяком деле, что как происходить будет и что как окажется.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТУ А.А. ШОСТАКУ
О РУКОВОДСТВЕ ДЕЙСТВИЯМИ ДЕСАНТА
ПО ОВЛАДЕНИЮ КРЕПОСТЬЮ КАПСАЛИ**

28 сентября 1798 г.

Хотя ордером моим определен к командованию десантом капитан Никонов, но как нужно по важности обстоятельств в сие действие уговорить и понудить обывателей, чтобы не только участвовали в деле, но и всякую помощь делали бы, потому и препоручаю по сим делам главное начальство над десантами иметь вам и в дело употребить означенного господина Никонова, на искусство и опытность которого я надеюсь. Но все в прочем зависеть

будет от вашей прозорливости и распоряжений. Извольте поступать по тому предписанию, какое наставление от меня дано господину капитану Никонову, исполнением и возвратом вашим с десантом как наивозможно поспешить, дабы мы здесь затем немало удержаны не были. Во всем оном полагаюсь и надеюсь на вашу исправность.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТУ А.А. ШОСТАКУ
ОБ УСЛОВИЯХ СДАЧИ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ ПРЕДЛОЖЕНЫ
ГАРНИЗОНУ КРЕПОСТИ КАПСАЛИ**

29 сентября 1798 г.

Каково содержание письма от меня послано к начальнику французских войск, в крепости находящихся, с оного копию при сем прилагаю*. Сходно со оным даю вам полную доверенность сделать с ними условие и подписать. Требуйте, чтобы крепость сдали без пролития крови и напрасно бы оного не делали. Если не можно согласить их сдать пленными, последнее на тех условиях, что отпущены они будут с военной амунициею во Францию и доставятся туда безопасно, кроме что не будут впущены ни в который из венецианских островов, ниже в румелийские берега.

Все, что вами по сему положено и подписано будет, выполните с точностию.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАНУ 2 РАНГА А.А. СОРОКИНУ
О СЛЕДОВАНИИ С ОТРЯДОМ К ОСТРОВУ ЦЕРИГО ДЛЯ
ПРИСОЕДИНЕНИЯ
К ЭСКАДРЕ В СЛУЧАЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ИЗВЕСТИЯ
ОБ УНИЧТОЖЕНИИ АНГЛИЧАНАМИ ФРАНЦУЗСКИХ СУДОВ
В АЛЕКСАНДРИИ**

29 сентября 1798 г.

При отправлении нашем с эскадрами из Дарданелл получено известие, в котором дано знать фирманом** Блистательной Порты, что французские суда, в Александрии находящиеся, аглинским отрядом все сожжены, но точно ли сие в таком положении, я еще не уверяюсь, все ли точно сожжены или сожжена из них только одна часть, остались ли и есть ли там какие еще военные суда французские, в том числе есть ли сколько-нибудь военных кораблей и фрегатов, потому обстоятельно не знаю. Буде справедливо, что все сожжены, потому уповаю можно, что и отряд аглинский тут более уже не находится, но и об оном обстоятельстве не знаю. Находясь в Родосе, почитаю, непременно должны знать обо

* Письмо не обнаружено.

** Указ султана.

всем оном вернее, ежели точно весь флот французский, при Александрии находящийся, сожжен. В таком случае канонерские лодки аглинскому отряду, конечно, уже не надобны и вы со оными должны следовать в соединение к нашим эскадрам.

Мы теперь находимся при острове Цериго, чтобы истребить тут французов и через один или два дни отправляемся к Модону, Корону и, полагаю, зайдем в Наварин, а оттоль сходно, как вам от меня предписано, пойдем к островам Занте, Кефалония и к Корфу. В этих местах вы, верно, нас застанете, ибо мы проходом от острова понудим к сдаче, а Корфу, думаю, обложим блокадою и, оставя тут сколько потребно, с достальными пойдем в Венецианский залив. Буде вам при отряде аглинском потребности нету, старайтесь как можно скорее к нам соединиться, а ежели все то неправда и буде вы потребны и должны там быть, в таком случае пришлите ко мне обо всем полное ваше уведомление с подробным описанием с известиях обо всем, что к вашему сведению доходило. Здесь мы получили известие, что англичане островом Мальта овладели, следовательно, и последний флот французский тут или истреблен, или взят в плен, и теперь считать можно, все уже от них свободно. Только в Корфу, сказывают, есть два корабля и один фрегат, другие говорят, что все три фрегата, а кораблей тут нет, следовательно, и тут вам безопасно. В прочем исполняйте все то, как должно и как случай и надобность требует. Ежели вы от походу к аглинскому отряду узнаете себя свободным, поспешите как наискорее в соединение с нами.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА ПОРУЧИКУ ДИАМАНТИ
О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО НАЧАЛЬНИКОМ КРЕПОСТИ КАПСАЛИ**

4 октября 1798 г.

Во взятой российской и турецкой эскадрами от французов крепости Капсали в острове Цериго оставляю я вас начальником оной крепости, в команду вашу оставляю с вами солдатских батальонов унтер-офицера — 1, гренадер — 6, барабанщика — 1, лекарского ученика — 1, канонир — 2. Таково ж число людей с одним начальником и от турецкой эскадры оставляется вместе с вами, которые по согласию нашему с командующим турецкой эскадры Кадыр-беем в случай ваших потребностей будут вам послушны, и приказано, чтобы оный отнюдь жителям острова ни малейшей обиды ни в чем не наносили. Тож и вам предписывается, а в случае какого-либо неустройства к вам относимо будет неудовольствие, что и полагается на вас. С вышеозначенными служителями извольте крепость содержать под вашим сохранением, для помощи вам изберите в приумножение людей из обы-

вателей, сколько надобность требовать будет. Жители острова во всем оном должны быть вам послушны, сходно с поданной от них ко мне письменной просьбой, только когда надобность потребует к охранению и защите обеих крепостей по вашему требованию, таковое число людей в самой скорости должны и обязаны к вам присылать в крепости. Охраняйте обе сии крепости от нечаянных набегов французских судов, ежели сие паче чаяния случилось; на содержание служителей провиант вам оставлен по приложенной при сем ведомости, также и о служителях, в команде вашей находящихся, список при сем прилагаю. На крепости в рассуждение малого числа с вами людей флагов мы не оставляем, да и нужды в них до последовавшей на то высочайшей конфирмации быть не может, довольно только их охранять бережливо от рук неприятельских и во всяких оном и прочих принадлежностях извольте исполнение чинить по силе законов и обо всем при оказиях письменно меня уведомлять. Суда французские, ежели бы какие зашли в здешние заливы, старайтесь обще с обывателями брать их в плен, а в случае невозможности бить и истреблять и, ежели что когда случится, и к сим обстоятельствам немедленно меня уведомляйте письменно. В прочем все полагаю я на ваше попечение и исправность, исполняйте при всяких случаях все, что следует в пользу государственную и в выгодах быть могущее.

СПИСОК ОСТАВЛЯЮЩИМСЯ ДЛЯ ОХРАНЕНИЯ КРЕПОСТИ КАПСАЛИ В ОСТРОВЕ ЦЕРИГО СЛУЖИТЕЛЯМ

Боаселева батальона:

Унтер-офицер Петр Довгали.

Гранодеры: Захар Петров, Савелий Солодов, Гаврила Игнатъев, Василий Лисицын, Иван Андреев, Федор Патрекеев.

Барабанщик Никита Шубин.

Лекарский ученик Иван Луров.

Готлангер Иван Богданов. Канонир 1-й статьи Николай Пименов

В даче оным денежного жалования прошлого 1797 года сентября по 1 число, в счет которого к январю сего 1798 года трети выдано каждому по три рубли, морским провиантом удовольствованы сего октября по 5 число.

В даче оному денежное жалование сего года января по 1 число, в счет которого выдано два рубли, морским провиантом удовлетворен октября по 5 число.

В даче оным денежное жалование сего января по 1 число, в счет которого выдано каждому по два рубли, морским провиантом удовольствованы сего октября по 5 число.

Итого 11 человек

В счет заслуженного вами и служителями, с вами остающимися, за две трети жалованья до расчета выдано вам от меня денег сто пятьдесят рублей, из которых за одну треть жалованье сколько следует извольте получить и служителям выдать. А достальное, буде останется, употреблять для служителей на покупку свежего мяса и ко мне рапортовать. Провизии, ежели мы отсюда отпустить достаточного количества не успеем, в таком случае извольте употреблять в выдачу людям вместо провианта пшеницу, в магазейне остающуюся, но издержку оной делать с верным счетом и отнюдь излишнего никуда не употреблять, разве только четвертей до пятидесяти можно продать и на оные деньги покупать служителям свежее мясо или другое, что в число провизии надобное, прочий остаток пшеницы сберечь сохранно впредь об ней до моей резолюции.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ВЗЯТИИ ОСТРОВА ЦЕРИГО С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ
К НАГРАЖДЕНИЮ ОТЛИЧИВШЕГОСЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА**

10 октября 1798 г., корабль «Святой Павел»

Дабы французам пресечь всякое злоупотребление судами их в Архипелаге и отнять пристани их во оном, следуя с соединенными российской и турецкой эскадрами, решились мы состоящий при границе Архипелага между Мореи и Кандии овладевший ими прежде бывший венецианский остров Цериго от них отнять и сделать его свободным, послали предупредительно отряд с десантом, который поручил я в начальство командующему фрегата «Григорий Великия Армении» флота капитан-лейтенанту и кавалеру Шостаку и с ним из эскадры, мне вверенной, фрегат «Счастливей». Оные два фрегата, предупредя немного приход соединенных эскадр, минувшего сентября 28 числа приблизились к малой крепости, при заливе Св. Николая состоящей, и несколькими выстрелами оную сбили, флаг французский с нее спущен, и из бегущего гарнизона восемь человек пойманы, да турками, подоспешшими на помощь, пойманы и взяты в плен семь человек.

А как вторая крепость при заливе против островка Леве, именуемая Капсали, расположена на холму при крутой утесистой высокой горе, стены оной каменные крепкой работою чрезвычайно возвышены и с моря по взятию ее судами удобности нет, потому что командующим турецкой эскадры Кадыр-беем послали мы по несколько пушек с десантом, который с моей стороны поручил я в начальство означенному капитан-лейтенанту Шостаку, дав ему инструкцию с полным о подробностях наставлением, и все надобное к нему от эскадры за ним же доставлено с наивозможной поспешностью. Таковые доставления на неближнее расстояние чрез весьма высокие каменные горы, овраги и сплошные острые каменя почитались невозможными, но при ревностном рвении де-

санта и трудящихся в доставлениях преодолено все препятствующее, пушки и прочие тягости большею частию перенесены на плечах. Тому ж примеру следовал и турецкий десант, под начальством Фатих-бея состоявший, пушки их туда ж доставлены и устроены нашим и турецким десантами две батареи на выгодных местах в самой ближней дистанции против крепости. И для диверсий со стороны моря велел я действовать фрегату «Счастливый» и судну «Панагия Апотуменгана» и предупредительно послать требовать от коменданта сдачи крепости. В оба оные места ответственно, что крепость до последней крайности ни под каким видом сдана не будет.

Тогда по доставлении от меня с эскадры сделанных для штурма крепости лестниц, первое число октября при начале рассвета началась с батареей непрерывная канонада по крепости, с которой с равной живостию ответствовано; но как крепость к стороне батарей возвышенная по видимости открыта, то в самой скорости показались в ней многие повреждения и несколько человек убито. Осажденные, уstraшенные поспешными действиями и видимо-стью готовящегося штурмана, в 12-м часу пред полуднем спустили на крепости французский флаг и, выставя в двух местах белые флаги, требовали договора. Командиры десантные согласовались с нашим желанием, чтобы остров освободить без потери наших людей и крепость принять на условиях. Комендант по договору своему сдал оную капитан-лейтенанту Шостаку, гарнизон с военною почестию вышел из крепости, положи ружье, и взят для провождения его в Анкону или в Марсель, куда удобнее.

Остров Цериго по установлении на нем правления до воспоследовавшей высочайшей конфирмации отдан на свободное распоряжение жителям, которые обоим командующим эскадрами с своей стороны дали по прошениям своим обязательства о выполнениях, к тому касательных. Французский гарнизон состоял в крепостях, в первой малой крепосце с одним начальником унтер-офицером и рядовых тридцать шесть человек, из которых убито два, в плен взято на эскадры пятнадцать, прочие бежали в большую крепость, Капсали именуемую, в которой находилось французского гарнизона комендант — 1, доктор — 1, офицеров — 4, унтер-офицеров и рядовых — 69, из оных убито 7, а прочие взяты военнопленными; флаги с обеих крепостей и ключи капитан-лейтенантом Шостаком представлены ко мне. А как все действия против оных крепостей чинены были общими силами соединенных эскадр, потому из оных один флаг всеподданнейше подношу вашему императорскому величеству, а другой — командующий турецкой эскадрой представляет к Блистательной Порте Оттоманской.

Для предохранения крепостей оставил я в крепости Капсали Буаселева баталиона поручика Диаманти и с ним унтер-офицеров и рядовых одиннадцать, толикое ж число людей с одним офицером оставлено и с турецкой эскадры. В прочем в приумножение

караула к охранению означенных крепостей начальником в них остающимся поручиком Диаманти и турецким офицером братья будут во оные из обывателей, столько человек, сколько когда понадобится; пушек в крепостях состоит в первой маленькой — одиннадцать, во второй, Капсали именуемой, двадцать.

Осмеливаюсь всеподданнейше донести вашему императорскому величеству: командуемый российским десантом флота капитан-лейтенант и кавалер Шостак рачительной расторопностию, искусством и рвением при неустрашимой храбрости исполнил все поручаемое мною по моим приказаниям весьма удачно и исправно, и крепостя взяты безо всякой потери людей с нашей стороны, который в поданном ко мне рапорте рекомендует определенного от меня к нему для советов из отличностойных офицеров лейтенанта Тизенгаузена, объясняя, что он полезными советами и неустрашимой храбростию много подал способов к скорейшему овладению крепости. Скиперова баталиона капитан Никонов, лейтенанты Бакман и Навроцкой участвовали во всех действиях со всякой расторопностию и храбростию неустрашимо, майор Дандрия, капитан из волонтеров Кирко и все господа офицеры, находящиеся с ним в десанте, исправляли должность свою с отличной исправностию и рачением, артиллерии лейтенант Ганфельд с рачительной расторопностию при неустрашимой храбрости действовал артиллерию с отличной исправностию. Десантное войско с кораблей и фрегатов унтер-офицеров и рядовых, из трех сот состоящее, с неустрашимой храбростию и рвением исполняли должность свою рачительно, готовились и нетерпеливо желали иттить на штурм крепости. Командир фрегата «Счастливыи» флота капитан-лейтенант Белле от стороны моря действием навесными выстрелами в крепость помоществовал десанту и все повеления мои выполнял исправно с наивозможной расторопностию. Командуемый турецкой эскадрой Кадыр-бей с своей стороны для поощрения десанта и способного действия не упустил также вспоможение туда доставлять, и с их стороны десантом, под начальством Фатих-бея состоящим, оказываемы были неустрашимые действия и всякие исполнения с расторопностию, чем заслуживают похвалу. В десанте их против крепости находилось разных чинов двести пятьдесят человек.

Какого содержания письма мои посланы в разные прежде бывшие Венецианские острова для приглашения жителей оных, и жителям острова Цериго дано от меня и от командуемого турецкой эскадрой Кадыр-бея письмо на российском, турецком и греческом языках с нашей подпискою и печатью, копии со оных и письмо, поданное ко мне от жителей острова Цериго, оригиналом всеподданнейше подношу вашему императорскому величеству и доношу — по эскадре обстоит благополучно.

Вице-адмирал Ушаков

Флагман объединенной эскадры

Военно-морская
деятельность
Ф.Ф. Ушакова
по освобождению
Ионических островов.
Создание Республики
Семи Островов

●
1798—1799 годы

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА А.А. ШОСТАКУ
О СЛЕДОВАНИИ С ФРЕГАТАМИ «ГРИГОРИЙ ВЕЛИКИЙ АРМЕНИИ»
И «СЧАСТЛИВЫЙ» К ОСТРОВУ ЗАНТЕ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЕГО
ОТ ФРАНЦУЗОВ**

12 октября 1798 г.

С вверенным вам фрегатом и фрегатом «Счастливым» старайтесь всевозможно иттить предупредительно к острову Занте, имеющиеся на берегу оного батареи сбить, употребите всю возможность французов, в ней находящихся, взять в плен и все, что там окажется французское, забрать и доставить на эскадру. По доходе вашем туда сделайте обсылку от себя и пригласите обывателей оного острова, так же как от меня вам прежними повелениями об острове Цериго предписано, исполняйте все сходно по тем же наставлениям, какие вам об этом острове от меня даны. Уповаю, что обыватели во всем вам сделают вспоможения, при нужном случае ссадите десант, которым я вам от эскадры делаю вспоможение. Французов, уповаю я, взять можно будет без важных кондиций*, исполняйте по вашему благоразумию по важности обстоятельств и соображайте, что как полезнее. О прочем полагаюсь на вашу храбрость и на искусство.

Сначала, когда подойдете вы к острову, ежели фрегат «Счастливым» может предупредить, прикажите ему иттить наперед не очень близко к батарее, дабы первый огонь с батареи вам рассмотреть, а потом и ваше расположение делать по открытии огня с батареи и можете осмотреть, большого или меньшего калибра пушки какими снарядами палить будут и сколь сильна канонада. Сообразуясь с тем, и можете подойти в такую дистанцию, как лучше, если не будете поступать решительно. Чем поспешнее дело, тем неприятелю страшнее, и он, не имея времени осмотреться, придет в замешательство.

* То есть условий.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТУ И.С. ПОСКОЧИНУ
О СЛЕДОВАНИИ С ОТРЯДОМ СУДОВ К ОСТРОВУ КЕФАЛОНИЯ
ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОСТРОВА И КРЕПОСТИ ОТ ФРАНЦУЗОВ**

14 октября 1798 г.

С вверенным вам кораблем «Святая Троица» и фрегатами «Сожительство Святого Духа» и «Счастливый» и судном «Красноселье» извольте следовать в остров Кефалонию, крепость и батареи, там находящиеся, извольте от французов отобрать, ежели можно без большого кровопролития, взять силою оружием или на договор. Французов, находящихся в них, взять пленными, с тем ежели они отдадутся без бою, договор с ними такого содержания: экипаж их собственный* отдается им, кроме всего того, что ими от кого отнято, то надлежит казне нашей; в плену содержаны они будут в добром порядке и без наималейшей обиды; крепость, батареи, орудия всякого сорта и все, что там с ними найдется, от них отобрать, флаг и ключи крепости доставить мне. Ежели там найдутся французские суда или им надлежащие, возьмите их пленными, также и на берегу все, что найдется французам надлежащее, извольте все арестовать; суда, какие там есть, под чьими бы флагами ни были, извольте всех их осмотреть, документы освидетельствовать, старайтесь наивозможным образом изыскать всякую справедливость, не окажется ли на них груза, французам надлежащего, или от них куда отправляемого, все таковое заарестовать и ко мне рапортовать.

В прочем все полагаю я на ваше благоразумие, мужество и храбрость, поступайте обо всем осмотрительно и что как полезнее и выгоднее государственной пользе, то и производите. Крепость и батареи старайтесь непременно взять на договор или боем, ежели французы усиленно будут драться, в таком случае истреблять их огнем и мечом. Жителям острова от меня писано и они все готовы; прикажите им, кой час придете к острову, не пропусая времени, тотчас с вами действовать и все то исполнять, что вами предписано.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА МИЧМАНУ М.Н. ВАСИЛЬЕВУ
О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО КОМЕНДАНТОМ КРЕПОСТИ
НА ОСТРОВЕ ЗАНТЕ**

19 октября 1798 г.

Во взятой российской и турецкой эскадрами от французов на острове Занте крепости оставляю я вас начальником оной. В команду вашу определяю солдатских баталионов унтер-офицера — 1, фузелеров — 10, барабанщика — 1, канонир — 2, матроса — 1. Таковое ж число людей с одним начальником и с турецкой

* Собственное имущество.

эскадры оставляется вместе с вами, которые по согласию с командующим турецкой эскадры Кадыр-беем в случаях всяких потребностей будут вам послушны. И приказано, чтобы они отнюдь жителям острова ни малейшей обиды ни в чем не наносили, то ж и вам предписывается. А в случае какого-либо неустройства к вам относимо будет на удовлетворение, которое вы и должны чинить по рассмотрению и стараться о благосостоянии острова и жителей города, защищая их всевозможно. Требуйте от общества граждан, чтобы под начальство ваше умножили число людей из обывателей для содержания караулов и всего порядка. А притом оставляю я вам в распоряжение одно парусное гребное судно, которое установите и имейте рядом брандвахты на случай каких-либо показавшихся французских судов, чтобы им можно было заарестовать и взять пленными, приищите командиром на оное способного из обывателей с пристойным числом матросов, из обывателей же набранных. Сими людьми должно снабдить вас общество здешних жителей, ибо сие служить может общему пользою, а затем будем мы от соединенных эскадр часто и всегда посылать в крейсерство военные наши суда и фрегаты, которые и будут защищать и оберегать при всяких случаях все здешние берега и острова.

Служителей обязывают[ся] здешние жители довольствоваться всякою провизиею, потому и считаю, что оставлять вам ее не нужно, ибо вы и сии служители остаетесь для пользы общественной и здешних жителей, потому и можете требовать все содержание от них, что они вам охотно доставлять будут. В прочем обо всяких обстоятельствах при всяком случае извольте меня как невозможно чаще уведомлять письменно, также и о известиях, какие отколь получать будете, потому ж меня уведомляйте. Гребное судно, которое я вам оставляю, нарядить всеми потребностями обещали мне здешние общество; снесите об оном с графом Макри*, он все вам отправит.

**ОБРАЩЕНИЕ Ф.Ф. УШАКОВА
К ЖИТЕЛЯМ ОСТРОВА ЗАНТЕ В СВЯЗИ
С ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ ИМ ПРАВА САМОУПРАВЛЕНИЯ**

20 октября 1798 г.

*КОМАНДУЮЩЕГО РОССИЙСКОЙ ЭСКАДРОЮ
ВИЦЕ-АДМИРАЛА УШАКОВА ЖИТЕЛЯМ ОСТРОВА ЗАНТЕ*

С поспешествующею божиею милостию победоносными орудиями двух знаменитых союзных держав избавлен ваш остров от зловердных французов, возвратя вам тем истинную вольность. Вам предоставлено нами, равно и тем, кои издавна переселились

* Одно из высших должностных лиц управления островов (архонт).

на ваш остров, избрать из ваших дворян, равно и из мешан, по равному числу судей, сколько заборассудите, для рассматривания дел политических и гражданских, сходно обыкновенным правилам и заповедям божим. Бude ваши судьи в рассматривании дел преступят путь правосудия и добродетели, имеете право на их место избрать других. Вы можете также общим советом давать пашпорты вашим единоземцам за печатью вашего острова. Такое правление пребудет между вами, пока и прочие острова, принадлежащие прежде всего Венецианской республике, не освободятся от французов, и какое решение воспоследует от держав наших в рассуждении правления вашего, равно и флаг вашему острову, обнародованы будут вам манифестом. Посему ж обязаны вы иметь обще с нами войну против французов, их судов не допускать в ваш остров, а брать их пленными.

Дано за моим подписанием и печатью на корабле «Святой Павел» по старому штилю октября 20 дня 1798 года.

Такого ж содержания в двух графах на турецком и греческом языках от Кадыр-бея, командующего турецкой эскадрой*.

С подлинным верно.

Вице-адмирал и кавалер Ушаков

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАНУ I РАНГА Д.Н. СЕНЯВИНУ
ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ
НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ МАВРЫ И О СЛЕДОВАНИИ НА СОЕДИНЕНИЕ
С ЭСКАДРОЙ К ОСТРОВУ КОРФУ**

20 октября 1798 г.

На крепостях острова Св. Мавры несколько уже времени как подняты русские флаги, а жители отделились в наше покровительство, защиту и распоряжение обеих соединенных российской и турецкой эскадр и просят моего им предписания, на каких правах остаться. Я писал к командующему войсками, близ тех мест находящемуся, паше Али-бею, что принимаем мы их в наше распоряжение на тех самих правах, на каких и прочие острова бывшие Венецианской республики нами узаконены, то есть остаются они вольными до высочайшей конференции союзных держав российской и турецкой, потому флаг с крепости и ключи должны принять вы и доставить ко мне, а вместо того поднимите на крепости оба флага — российский и турецкий в знак общей дружбы и обязанности. Я не думаю, чтобы от господина паши было бы какое в том препятствие, ибо мы устанавливаем порядок сходно с обнародованием от Блистательной Порты о дружелюбном обхождении с жителями островов, прежде бывшими Венецианской республики.

* Фраза: «Такого ж содержания... эскадрой» приписана Ф.Ф. Ушаковым.

Впрочем, мы с эскадрами сей же день отправляемся к острову Корфу, мимоходом, только на несколько часов, зайдём в остров Кефалонию, а чтобы к вам мы зашли, считаю надобности нет, ибо вы в самой скорости тут узаконить можете сами собой и жителям дать письменный вид. Оставьте тут одного нашего офицера комендантом или начальником в крепости и с ним одиннадцать человек солдат, одного урядника, одного барабанщика и двух канонир; с турецкого корабля чтобы оставили также одного офицера и со столькими же людьми, но под главным начальством нашего офицера, так от меня и от командующего турецкою эскадрою Кадыр-бея согласно положено. Все это сделаете с самой поспешностию и тотчас с эскадрою вашею будете к нам в соединение. Ежели удобный случай и буде ветер не попрепятствует, пришлю к вам еще особо судно «Панагия Апотуменгана» и на нем доставлю повеления такового же рода, уведомя, где мы находимся, чтобы вы за нами поспешили. Нет нужды удерживаться за мелочами, установите только в острове покой и благоденствие, дайте жителям от себя сходно с моим предписанием письменный вид и тот же час отправьтесь и следуйте к нам в соединение.

Весьма нужно произвести общее действие противу Корфу, спешите как наискорее к сему выполнению, чего я ожидать имею.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАНУ 1 РАНГА И.А. СЕЛИВАЧЕВУ
О СЛЕДОВАНИИ С ОТРЯДОМ ДЛЯ БЛОКАДЫ ОСТРОВА КОРФУ**

20 октября 1798 г.

С вверенным вам кораблем «Захарий и Елисавет», с кораблем «Богоявление Господне» и с фрегатом «Григорий Великия Армении», также и турецкой эскадры с судами, какие посланы будут от командующего оною Кадыр-беем, извольте следовать к острову Корфу. Старайтесь как наивозможно приходом вашим туда поспешить и обложить его блокадою, чтобы прибавку войск на него и провоз провиантов ни отколь не допустить; старайтесь все, к нему приходящее от французов, брать в плен, ежели из Анконы сделана будет какая-нибудь оному острову помощь, равно и то, что ежели узнаете в близости находящееся. С жителями острова Корфу поступайте со всякой благоприятностию и привлечь их действовать с нами вместе против общих неприятелей французов, если они безо всех наших соединенных эскадр не возмогут от французов отнять крепостей и дать вам, то по крайней мере были бы готовы обще соединенными силами с нами действовать.

Мы со всеми эскадрами за вами же следуем и тотчас будем с вами соединенными. Упредите некоторым вашим ходом сколько-нибудь наше прибытие, постарайтесь всякую коммуникацию со оным островом французам пресечь, противящееся покарать от-

нем и мечом и брать в плен. В прочем надеюсь я обо всем на вашу исправность и благоразумие и полагаю на вашу осмотрительность. Исполняйте все то, что долг службы и польза государственная требует. По исполнениях ваших ко мне рапортовать, и како островским жителям действовать с нами общими силами соединенно при сем прилагаю, а такого же содержания прежде от меня к ним уже отправлено. Старайтесь, чтобы они предупредили наш приход и знатнейшие из фамилий или избранных знаменитых особ нас бы встретили и тем оказали бы свою приверженность. Старайтесь, если также возможно, французов ласковостью уговорить к сдаче крепостей, которым, если они отдадут их бескровно, дадим добрые условия для спасения и их содержания, даже и экипаж их весь останется при них и все утверждено будет на добрых правилах. Ежели успешно сие выполнить старайтесь об оном, наиглавная цель моя вашей посылки состоит в вышеписанном моем приказании и наставлениях.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА Д.Н. СЕНЯВИНУ С ПРЕДПИСАНИЕМ
ПО ОВЛАДЕНИЮ КРЕПОСТЬЮ НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ МАВРЫ
СЛЕДОВАТЬ С ОТРЯДОМ К ОСТРОВУ КОРФУ
ДЛЯ СКОРЕЙШЕГО СОЕДИНЕНИЯ С ЭСКАДРОЙ**

21 октября 1798 г.

С ордера моего, вчерашний день к вам чрез нарочно присланного из Превезы командующего там войсками паши Али-бея, ежели оригинальный до вас не дошел, прилагаю точную копию и предписываю по оному все, что следует, учинить надлежащее исполнение. Я с эскадрою при тихом ветре теперь подхожу к Кефалонии, день или два только там пробуду, а оттоль имею следовать прямо к острову Корфу, к которому предупредительно теперь же от меня отправлены и пошли под начальством флота капитана 1 ранга и кавалера Селивачева корабли «Захарий и Елисавет», «Богоявление» и фрегат «Григорий Великия Армении», турецких кораблей — 1 и 2 фрегата и 3 малых судна.

Вашему высокоблагородию рекомендую взять крепость в острове Св. Мавры, оставить наш караул, как в вышеозначенном ордере предписано. Флагов на крепости по отходе вашему не оставлять, так оставляем мы все взятые нами острова. Жителям острова Св. Мавры, на каких узаконениях они стались должны, и мы их оставляем при свободной вольности до высочайшей конфирмации союзных наших флотов. От меня и от командующего турецкою эскадрою Кадыр-бея прилагаю при сем открытый лист, на российском и турецком и греческом языках писанный, и чтобы они промежду собою предложение наше по оному обнародовали и учредили бы между собою согласно по предписанию нашему означенное им правление и остались бы между собою спокойны.

За сим, хотя кто из жителей по необходимым обстоятельствам и были преданы французам, велите опубликовать в народе, чтобы во всем том друг друга простили. Мы устанавливаем вновь правление того и требуем, и все прочие острова нами установленное приняли уже таковое наше предложение и исполнили с покорностию; все оное исполните не более времени как в один день и, оставя все прочие мелочные дела до времени, поспешите с отдельною вашею эскадрою следовать к нам в соединение или спешите прямо итти к острову Корфу. Мы идем туда, и вы с нами тут соединитесь, однако, ежели можете по обстоятельствам узнать, где точно при вашем следовании мы находимся, я к удовольствию моему в исправности вашей всего доброго ожидаю и полагаю на вас все прочее, чего я теперь не предвижу и вам писать, решить самим собою и спешить как можно ко мне в соединение, дабы всеми силами атаковать и взять Корфу. Напоминаю еще о нашей поспешности к соединению; судно «Панагия Апотуменгана» тот же день, как оно прибудет... немедленно возвратит ко мне с вашим уведомлением о деятельностих, но не заниматься никаким штилем, как-нибудь только опишите, что в каком состоянии и что делается и что вы предусматриваете и как скоро отправитесь. Оно застанет нас может быть в Кефалонии или оттоль выходящих.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ФРАНЦУЗОВ ОСТРОВОВ КЕФАЛОНИЯ
И СВЯТОЙ МАВРЫ И О СЛЕДОВАНИИ СОЕДИНЕННОЙ ЭСКАДРЫ
К ОСТРОВУ КОРФУ ДЛЯ ЕГО БЛОКАДЫ**

21 октября 1798 г., корабль «Святой Павел»

14 числа сего месяца послал я из эскадры, мне вверенной, в отряд корабль «Святая Троица», фрегаты «Сошествие Святого Духа» и «Счастливый» под начальством флота капитана 2 ранга Поскочина и с ними же от турецкой эскадры послан один фрегат в остров Кефалонию, дав ему инструкцию при моем повелении оной остров от французов освободить и принять в наше распоряжение. 18 числа послал я также в отряд к острову Св. Мавры корабль «Святой Петр» и фрегат «Навархия», поруча с ним в начальство флота капитану 1 ранга Сенявину, и из турецкой эскадры с ним же посланы один корабль и фрегат с таковым же от меня повелением оный остров от французов освободить и принять в наше распоряжение.

Из острова Кефалонии получил я уведомление, что французы, устрасая видимостию следующей к острову эскадры и будучи притеснены жителями, бежали в горы и там укрываются, за которыми от эскадры нашей послан десант для отыску, также и жители соединились со оным и обнадеживают в самой скорости за-

брать их пленными. И из острова Св. Мавры также получил я известие, что жители одного острова в городе подняли российский флаг и с нетерпеливостью ожидают прибытия нашей эскадры, дабы вместе со оною истребить французов и отдать себя с покорностью в покровительство союзных держав.

20 числа послал из вверенной мне эскадры в отряд корабли «Захарий и Елисавет», «Богоявление Господне» и фрегат «Григорий Великия Армении» к острову Корфу, с ними же посланы от турецкой эскадры один корабль и два фрегата и предписал я командующему одного отряда флота капитану 1 ранга Селивачеву как наискорее поспешить к острову Корфу и оный до прибытия соединенных эскадр наших обложить блокадою и никаких войск в прибавок к гарнизону и заготовления провинта не допускать, стараться всякие французские суда сыскивать и брать в плен и особо наблюдать, как известно по сведениям, что с прибавочным войском ожидается в Корфу один фрегат из Анконы с несколькими судами, чтобы его никак не упустить и стараться взять в плен.

А за сим по исправлении надобности при острове Занте 21 числа с оставшими судами эскадры, мне вверенной, вместе с турецкою эскадрою отправились мы в остров Кефалонию на самое малое только время, а оттоль имеем следовать прямо к острову Корфу. О чем сим всеподданнейше вашему императорскому величеству доношу.

С подлинным верно.

Вице-адмирал Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ВЗЯТИИ ОСТРОВА ЗАНТЕ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ
К НАГРАДЕ ОТЛИЧИВШИХСЯ ПРИ ЗАНЯТИИ КРЕПОСТИ**

21 октября 1798 г.

С соединенными эскадрами следуя при противных ветрах, 13 числа сего месяца приближались мы к острову Занте. Я с эскадрою, мне вверенной, будучи наперед, послал предупредительно к городу Занте под крепость одного острова фрегаты «Григорий Великия Армении» и «Счастливый» под начальством флота капитан-лейтенанта и кавалера Шостака. Дав ему инструкцию с полным наставлением о действиях против крепости, приказал наперед сбить батареи на берегу, французами устроенные, за ними же послал на гребных судах со всей эскадры, со мною следующий десант, поруча его Скиперова баталиона майору Иванову под главное начальство и распоряжение означенного капитан-лейтенанта Шостака. С турецкой эскадры также послан десант с лейтенантом российского флота Метаксою.

А как жителям острова предупредительно послано было от нас письмо с приглашением их ко освобождению острова действовать с нами вместе против французов, посему они ожидали нас, будучи уже готовыми, и во множестве и с первейших жителей острова Занте приехали на лодках к нам на встречу и с великим желанием, усердием и ревностью приняли нас, яко избавителей их бедствия. Я дал им флаг вместо знамя и приказал нимало не медля весь народ островских жителей вооружить и быть готовыми к действию вместе с нашим десантом, что с великим удовольствием рачительно ими исполнено. Десант наш при высадке в рассуждении неудобного места, когда гребные суда за мелкостью и камнями не могли близко пристать к берегу, жители острова сбежались к тому месту во множестве, бросились в воду и, не допустив солдат наших и турок переходить водою, усиленным образом и с великою ревностью неотступно желали и переносили их на берег на руках.

Между тем фрегаты «Григорий Великия Армении» и «Счастливый» несколькими выстрелами береговые батареи, французами устроенные, сбили; побежденные в них французы бежали в крепость при городе Занте, на вершине весьма высокой горы состоящую, в ней заперлись и стреляли из пушек и из мортир по нашим фрегатам. А как с судов по оной крепости в рассуждении ее высоты стрелять неудобно, потому и приказал я сигналом оным фрегатам бой прекратить и отдалиться, послал к капитан-лейтенанту Шостаку повеление: тот же час собрать вооруженных жителей в одно место и с ними вместе итти атаковать ее и взять штурмом и отнюдь не допустить французам дать к приему оного приготовиться. Все сие исполнено с наилучшим порядком и поспешностию, десант наш с жителями окружили крепость и в следующую ночь штурмовать оную были готовы; французы, утрашась поспешных сильных приуготовлений, не имея надежды оборониться против оного, не ожидая на них нападения, в 11-м часу ночи прислали к командующему десантами капитан-лейтенанту Шостаку просить принять крепость от них на договор, что им и исполнено.

14 числа французы из крепости вышли с военною почестию, положили ружье и отдались по договору командующему десантом пленными. Крепость от них принята победителями, ключи от оной, флаг французский представлены ко мне.

Остров Занте от французов освобожден и по установлении на нем правления до воспоследовавшей высочайшей конфирмации отдан в свободное распоряжение жителям, которые обоим командующим эскадрами с своей стороны дали свои прошения и обязательства о выполнении, к тому касательных. Французский гарнизон состоял разных чинов четыреста сорок один человек, в том числе обер-офицеров — сорок семь. Из них осьмнадцать с жена-

ми и детьми отпущены на честное слово в их отечество в Анкону с обязательством, что они против России, Блистательной Порты и союзников их воевать и крепостей своих защищать противу оных не будут; прочие пленные все препровождены в полуостров Морею, которые по договору должны быть содержаны безо всякой обиды и притеснения, добрым порядком. Для охранения города и крепости по желанию и усиленной просьбе жителей оставил я в острове Занте начальником в крепости мичмана Васильева и с ним солдатского унтер-офицера одного, гренадер и фузелер десять, барабанщика одного, матроса одного, канонир двух, толикое ж число при одном офицере оставлено и с турецкой эскадры от командующего оною Кадыр-бея. В прочем под начальством означенного мичмана караул в городе, в крепости и на брандвахтенном судне содержан будет жителями острова, нарочно к тому выбранными. Пушек состоит в крепости: чугунных — двадцать восемь, медных полевых — пять, мортир разных малого калибра — шесть, гаубица медная — одна, на пяти батареях пушек чугунных — девятнадцать, медных большого калибра — две, гаубица медная — одна. Медная артиллерия, ружья и амуниция от солдат отобраны, взяты на эскадры, а чугунные пушки и прочие оставлены в крепости.

Осмеливаюсь всеподданнейше донести вашему императорскому величеству: командующий российским десантом флота капитан-лейтенант и кавалер Шостак расторопным и исправным действием против батарей и управлением десанта против крепости выполнил повеления мои во всякой точности удачно с великой пользою, так что французы, бежавшие с батарей в крепость и находящиеся в оной, никаких распоряжений своих и предприятий исполнить не успели, объаты будучи страхом, отдались на договоре без бою и с нашей стороны безо всякой потери, чем показал себя отлично храбрым с неустрашимостью. В поданном ко мне рапорте рекомендует он в сем действии отличившихся ревностию и усердием лейтенанта Тизенгаузена, которому поручено было от него высаживать на берег десант, что он и выполнил с великой поспешностью, и советами своими к скорейшему взятию крепости подавал довольные способы, и во всех исполнениях оказал себя ревностным усердием с отличностию. Майор Иванов также при высадке десанта оказал себя расторопным и ревностным, содержал команду десантную в наилучшем устройстве и распоряжениях к побеждению неприятеля. Лейтенанты Навроцкой, Бакман, Метакса, баталионные капитаны Бричев и Кикин поступали с великим усердием и отличной ревностию, артиллерии лейтенант Ганфельд и мичман князь Шахматов возлагаемое на них поручение исполняли с отличным усердием и исправностию. Также и прочие офицеры и служители, равно и с турецкой стороны десантные войска, должность по знаниям своим исполняли весьма рев-

ностно и расторопно, чем и заслуживают похвалу. Все действия и предприятия производимы мною обще с командующим турецкой эскадрою Кадыр-беем и общим согласием с усердием и ревностию, о чем сим всеподданнейше доношу.

Флаг, взятый с крепости, и знамя, с которым в оной находился гарнизон, равно и ключи крепости, не осмелился я препроводить через почту, а при всеподданнейшем рапорте моем представляю вашему императорскому величеству при первой верной оказии. Какого содержания письма жителей острова Занте поданы к нам и от меня обще с Кадыр-беем дано им письмо, на каком основании остается сей остров до воследовавшей высочайшей конфирмации, со оных точных копий всеподданнейше подношу.

С подлинным верно.

Вице-адмирал *Федор Ушаков*

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА ЛЕЙТЕНАНТУ А.М. РЯБИНИНУ
О СОБЛЮДЕНИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ СБОРЕ ДЕНЕГ
С МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ**

27 октября 1798 г.

С откупщиком разных сборов Стефаном Фока расчет за его содержание сего октября по 20 число сделан и кончен, по которому остались должны ему разные люди, которые сих сборов не заплатили всего суммою до девяти тысяч пиастров. Счеты и списки по оным делам отданы Илье Звороно, и сбор оных денег поручено сделать ему, о чем от меня и к графу Константину Хорафе писано.

Предписываю вам в оных сборах денег, если кто в zapлате их будет противиться или будут ослушны, когда требовано будет Ильею Звороно от вас вспоможение, к понуждению сноситесь об оном с графом Хорафою и по его о том распоряжению, ежели необходимость понудит, давать по вашей части всякое вспоможение по обыкновенным их о таковых сборах правилам, какие прежде всегда в таковых случаях были производимы; не инако производите, как только по определению и по желанию графа Хорафы, ежели он рассмотрит за нужное кого должно понудить таковыми правилами, то исполняйте сие именем его правительства здешнего приказанием, а не нашим. А ежели и за сим кто будут упрямы, таковым объявите мое приказание, что они должны непременно, что следует, заплатить безоговорочно. Разве окажется, с кого будут требования несправедливы, то рассмотрите справедливо и поступайте по оному, дабы отнюдь никто напрасно обижен не были, или же кто по сущей справедливости окажется совершенно бедным и неумущим и заплатить не сможет, таковым должно оказать снисхождение и уважить все, что можно.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА ЛЕЙТЕНАНТУ А.М. РЯБИНИНУ
О ПРИЕМЕ НА СОХРАНЕНИЕ И ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛУГАЛЕРЫ,
ЗАХВАЧЕННОЙ НА ОСТРОВЕ ЗАНТЕ**

27 октября 1798 г.

Полугалеру французскую, взятую в плен при острове Занте, которая находится при корабле «Св. Павел», извольте принять со всеми надлежностями в ваше ведение и сбережение. Караул солдатский, и в том числе два канонира при берегу, остаются под вашей командою. Можете всех людей иметь на вверенном вам судне, на караул куда следует посылать от себя, а большей частию оные люди состоять будут всегда на вашем судне, потому и можете вы малое число людей отделить на означенную полугалеру, чтобы по крайней мере она была сохранена бережливо, а в случае надобности можете ее на посылку употреблять, ежели сами с судном «Красноселье» выйдете в погоню за судами; на таковой случай оставлять ее на брантвахту. Прикажите ее выкилевать, поконопатить и подмазать как надлежит, иметь всегда чисто исправною, ежели можно достать что надобно, то ее и покрасить, дабы была видная; снести об оном с господином графом Хоратою, чтобы он во всех сих надобностях потребностями помог и надобное приказал бы к вам доставить. Посоветуйтесь с таковыми людьми, которые знающие обходиться с таковыми малыми судами, исправно ли сделаны на ней паруса, реи и мачты для лучшего ходу, нежели надобностей поправить; что окажется надобным, исправить; катер восьмивесельный остается при ней, извольте его также беречь в целости.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАНУ 2 РАНГА И.С. ПОСКОЧИНУ
О СЛЕДОВАНИИ С ОТРЯДОМ СУДОВ ОТ ОСТРОВА КЕФАЛОНИЯ
НА ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ОТРЯДУ И.А. СЕЛИВАЧЕВА
ДЛЯ УСИЛЕНИЯ БЛОКАДЫ ОСТРОВА КОРФУ**

29 октября 1798 г.

По выходе моем с эскадрою из острова Кефалония намерен я подойти к острову Св. Мавры для скорейшего освобождения его от французов, а вы с вверенным вам кораблем «Святая Троица» и двумя турецкими из лучших фрегатами извольте следовать к острову Корфу для усиления эскадры вашей, под начальством флота капитана 1 ранга и кавалера Селиванова состоящей; старайтесь вместе с ним остров Корфу содержать в тесной блокаде, десантов французских на оный остров отнюдь не допускать, суда их брать в плен, а при случае множества, чего забрать невозможно, бить и топить. Наистрожайше подтверждаю объявить командующему там отделенную от меня эскадрою флота капитану Се-

ливачеву иметь бдительное попечение, ни под каким видом французов на остров Корфу к усилению там гарнизона не допускать; можно поставить против крепости в удобном месте против французских кораблей два корабля наши и два турецкие фрегата, корабли наши могут надзирать за кораблями французскими и два фрегата крейсировать будут вдоль острова между оным и берегом, а все прочие военные суда наши и турецкие могут крейсировать в нордвостовой стороне пред островом Корфу при венецианском берегу и между мыса Атренто к Албании. Имея в виду остров Корфу, нужно также осматривать и западную сторону острова Корфу, дабы какими-либо обманами ко оному не пристали. За всем сим, как лучше, что при оном должно учредить и содержать остров в блокаде, все оное полагаю я на благоразумие командующего эскадрю и спомоществующих ему господ командующих; старайтесь как наивозможно лучшими средствами повеленное мною исполнить и ожидающий в Корфу десант переловить и взять в плен.

По выходе моем из здешнего места для следования в повеленный путь учинен вам будет особый сигнал, что и учинить; еще напоминаю за всем как лучше содержать сей остров в блокаде и надзирание иметь за караулами, тут стоящими, чтобы десант не предпринял бы в ночную темноту крейсирующих впереди, не вышли бы корабли от крепости ему на вспоможение и не атаковали бы вблизи оного места случится могущих малое число судов, для таковых более случаев и полагать наирачительную осмотрительность начальников, тут состоящих и быть имеющих, чтобы, соображая все таковые обстоятельства, г-н капитан Селивачев распорядил бы все благорассмотрительно и осторожно.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА АДМИРАЛУ КАДЫР-БЕЮ
С ПРЕПРОВОЖДЕНИЕМ К НЕМУ ТУРЕЦКИХ МОРЯКОВ,
ЗАДЕРЖАННЫХ ЗА ГРАБЕЖ И НАСИЛИЯ НАД ЖИТЕЛЯМИ ОСТРОВА
СВЯТОЙ МАВРЫ, С ТРЕБОВАНИЕМ ИХ НАКАЗАНИЯ И ПРИНЯТИЯ МЕР
К ПОДНЯТИЮ ДИСЦИПЛИНЫ НА ТУРЕЦКИХ КОРАБЛЯХ**

*5 ноября 1798 г.,
корабль «Святой Павел», при острове Св. Мавры*

Препровождаю при сем к вашему превосходительству пять ту-рок команды корабля капитана Ибраима, приведенных ко мне сейчас чиновником островской депутации: они пойманы и обезоружены в прошедшую ночь поселянами в садах и поместьях дворянина Ставро и причинили там грабежи и буйства столь ужасные, что жители тех мест принужденными нашлись прибегнуть к оружию для защиты собственности и семейств своих от наглости их. Шайка их, по сведениям, до меня дошедшим, простиралась до

30 человек, из коих большая часть укрылась в горе Энглуви, где, вероятно, намеревается основать вертеп своего разбоя.

Таковые поступки подчиненных вашему превосходительству команд вынуждают меня отсторонить впредь турок от всякого содействия, опасаясь, чтобы они поведением своим не расстроили вовсе начертанного плана похода и не отдалили нас от великодушной цели государей наших, столь ясно и торжественно в воззваниях их ознаменованной. Можем ли мы угнетенным жителям края сего обещать независимость, уважение к религии, сохранение собственности и, наконец, освобождение от ига французов, общих наших неприятелей, когда поступками нашими будем отвергать даваемые нами обещания.

По личному моему почтению к особе вашего превосходительства и во уважение просьбы отличаемого мною капитана Сенявина я беру на себя о сем неприятном происшествии умолчать в донесениях к высочайшему двору. Зная при том строгость законов его султанского величества в подобных случаях, я на сей раз довольствуясь тем, чтобы виновники для примера были строжайше наказаны и чтобы приняты были меры к поиску остальных товарищей их, укрывающихся на острове.

Я приглашаю ваше превосходительство подтвердить подчиненным вам флагманам и капитанам, чтобы наблюдаема была наистрожайшая дисциплина и чтобы команды оказывали совершенное повиновение начальникам своим. Сверх сего не оставите вы предписать по вашей эскадре следующее:

1-е — во всех отрядах, назначаемых в десант, выбирать людей доброго поведения, приставляя к ним лучших и исправнейших офицеров, за поведение коих должны ручаться и отвечать начальники.

2-е — строжайше запретить туркам отлучаться самовольно в города и селения по своим надобностям, а увольнять определенное токмо число единовременно и без оружия, под присмотром исправных урядников; возвращаться им на суда не позже захождения солнца. Не являющихся в срок наказывать строго и не отпускать впредь на землю.

3-е — подтверждать нижним чинам сколько можно чаще, чтобы обходились с обывателями ласково, не причиняя никому обид; гулять по островам смирно и не требовать от жителей ничего, а еще менее наглым образом, а напротив, стараться поведением своим снискать их дружбу и доверенность.

4-е — десантным войскам отпускать исправно в сроки положенное количество провианта и всякого рода продовольствия, дабы они не находили себя принужденными требовать снабжения своего силою от островских жителей.

В заключение всего необходимо нужно вашему превосходительству отличать и награждать исправных и послушных для поощрения прочих.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАНУ КИКИНУ
О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО НАЧАЛЬНИКОМ ДЕСАНТА,
НАПРАВЛЯЕМОГО ДЛЯ ОЧИЩЕНИЯ ОСТРОВА КОРФУ
ОТ ФРАНЦУЗОВ**

13 ноября 1798 г.

Посылаю я на матерый берег десант под вашим начальством: 100 человек гренадер и мушкетер еще с одним офицером и пристойным числом урядников, вожатым при вас будет один из старшин деревни Мандукио Димитрий Агитофарза; там сберутся к вам под вашу команду множество жителей и время от времени прибавляться и соединяться в вами будут, извольте итти берегом, где они вам показывать будут к стороне крепостного строения. Столько, сколько возможно будет, действовать без опасности *секретно*. Вам напоминаю, покажите такой вид, чтобы неприятель считал вас в великом числе, и так наводите ему страх, чтобы он из отдаленных укреплений бежал бы внутрь крепости. А вы, воспользуясь благополучной минутою, может быть, что можете отбить, случится что-либо и важное можете сделать; все жители острова к вам всема преданы, и будут они сами стараться все сделать и ухватить, что только возможно; но за всем тем будьте осторожны и осмотрительны, не вдавайтесь в великую опасность, а все то делайте, что усмотрите возможным. В прочем полагаю все на ваше благоразумие, исполните как есть долг закона все полезное к службе и пользе государевой.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА ПОЛНОМОЧНОМУ МИНИСТРУ
ПРИ НЕАПОЛИТАНСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ ГРАФУ
В.В. МУСИНУ-ПУШКИНУ-БРЮСУ О ПОЛОЖЕНИИ
НА ОСТРОВЕ КОРФУ И О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ АНКОНЫ**

20 ноября 1798 г.,
корабль «Святой Павел», при Корфу

Почтеннейшее письмо вашего сиятельства от 6 числа ноября и приложенную при оном копию с письма его неаполитанского величества министра иностранных дел господина маркиза Галло, к вашему сиятельству писанного, объясняющее волю и желание его величества короля Неапольского, с глубочайшим почтением имел счастье получить. За поздравление в рассуждении действия соединенных эскадр и за благоприятства, мне оказанные, приношу всепокорнейшую мою благодарность. Наиприятнейшим удовольствием и счастьем почитаю случай выполнять волю и повеление

его величества, но и усерднейше желал бы я сие ж время с эскадрою следовать прямо к Анконе, ежели бы исполнения мои потребностей, клонящиеся к тому ж самому облегчению Италии, не позадержали меня с соединенными эскадрами при острове Корфу, которое место при теперешнем его состоянии нельзя оставить без решительности, о которой я и командующий турецкой эскадрой Кадыр-бей денно и ночью стараюсь.

Имею честь донести вашему сиятельству: все прежде бывшие венецианские острова от рук зловредных французов нами освобождены, крепости взяты и состоят в наших руках, обыватели островов и освобожденного также от французов румелийского берега все наисовершенно к нам преданы, один только остров Корфу остается не освобожденным еще от французов, который содержится эскадрами нашими в тесной блокаде. По сие время успел я обратиться к себе обывателей всего острова Корфу, которые наиусерднейшим желанием соединились с нами и действуют на сухом пути против крепости. Французы не только город Корфу, обложенный крепостями, но и ближние деревни, подле крепостей состоящие, ограбили и отняли все от оных обывателей, забрали в крепость и на корабли; оставалась только не ограбленная в близости крепостей деревня Горицы, жители оной от робости своей соединились с французами, но я и их ласковостями привлек к себе, и теперь соединились они с нами, пренебрегая все свое имение, сколько успели из домов вынести, а остальное собственное свое все истребили, чтобы не досталось в руки французам.

В защищение всех их от ежедневной делающейся вылазки из крепостей французских устроил я на берегу против крепостей на выгодных местах батареи и начинаю действия со оных при помощи высаженного на берег с эскадр наших десанта, из экипажа корабельного состоящего, и вместе также действуют в общую защиту и нападения с нами обыватели островские. Я ожидаю последних кораблей эскадры, мне вверенной, из острова Св. Мавры, которые, следуя оттоль, в виду нашем уже находятся. На сих днях буду атаковать и надеюсь взять штурмом весьма укрепленный многими батареями и людьми остров Видо, который вместе с крепостями закрывают от действия нашего два французские корабля, один фрегат и несколько разных судов. Французы к укреплению себя ожидают из Анконы трех тысяч человек десантных войск под провозждением трех линейных кораблей и нескольких судов. Таковые действия наши и блокада острова Корфу удерживает и воспрещает проход в Венецианский залив, который эскадрами нашими мы закрываем, а десант, ожидающий из Анконы, и отделения войск и кораблей со оным сделаю облегчения Анконе, потому и действия противу оной соответственно иметь будут свои выгоды.

Крепости Корфу при весьма выгодном и удобном к приступу местоположении чрезвычайно укреплены и снабжены большою и

весьма превосходною артиллериею — пушками, мортирами и гаубицами, гарнизону в крепостях, кроме корабельного экипажа, считают до трех тысяч пятисот человек. Мы не имеем с собою десантного войска, все крепости островские осажены были и взяты нами одними корабельными служителями, то ж и крепости Корфу блокируем кораблями, и десант со оных высажен на берег и с корабельного же экипажа, равно и орудия противу крепостей употребляем только корабельные, которые не имеют той способности, какой бы ожидать должно от осадной артиллерии. При таковых затруднениях сильные крепости и с достаточным числом гарнизона почти нельзя иначе взять, как только тесной блокадою и недопущением в крепости провианта. Со всем тем устраиваем мы на берегу сильные батареи, которые могут действовать хорошо в крепости, а по взятые острова Видо сильные батареи, также устроенные на оном, будут действительны.

От государя моего императора в именном высочайшем указе мне изображено: «пределы, до которых плавание ваше быть должно в Средиземном море, имеют распространиться не далее Египта, Кандии, Мореи и Венецианского залива, смотря по нужде и обстоятельствам». Но при открывшихся вновь общепользительных обстоятельствах, согласно с волею и желанием его королевского величества, я нимало не сомневаюсь, что и государя моего императора воля и намерение при сих обстоятельствах будут согласны, и по взятые от французов крепостей острова Корфу (когда получим мы достаточное число на эскадру провианта, которого теперь в наличии почти нет и ожидаем из Мореи) с наиусерднейшим желанием готовы мы с эскадрами нашими следовать к Анконе и выполнять все, что только возможно.

Взятые нами в островах из крепостей пленные французы по сие время до полутора тысячи человек в разные времена отправлены чрез Морею в Константинополь. Только из острова Цериги малое число людей и не более как до семидесяти человек по условию и несколько из других островов французских офицеров с женами и детьми уволены нами на честный пароль со взятым под присягою обязательством, что офицеры и служители, отпущенные нами в Анкону, во все время продолжения войны против Империи Всероссийской и Блистательной Порты Оттоманской и всех им союзных держав воевать и крепостей своих противу оных защищать не будут. А после получения почтеннейшего вашего сиятельства письма воли и желания его неапольского величества французов и судов их на договоры в Анкону и ни в какие места Италии отпускать не будем. Засим рекомендую себя в дружбу и благоприятство вашего сиятельства и свидетельствую истинное мое почтение и преданность, с каковым и пребуду навсегда.

На подлинном подписал: *Федор Ушаков.*
Верно: вице-адмирал *Ушаков*

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА И.А. СЕЛИВАЧЕВУ
О БОЛЕЕ ТЩАТЕЛЬНОМ ОСМОТРЕ СУДОВ,
ВЫХОДЯЩИХ ИЗ КРЕПОСТИ И ГОРОДА КОРФУ**

2 декабря 1798 г.

На прошлой неделе получил я ваш рапорт, что вы вышедшее из Корфу судно осмотрели и, не найдя никакого подозрения, пропустили чрез пролив. Я за множество дел запомнил в самой скорости на оный вам отвечать. Теперь объявляю вам неудовольствие за то, что вы столь важное судно пропустили сами собою, не отослав его ко мне. Оно вышло из французской гавани из-под крепости, на нем непременно от французов самые важнейшие письма отправлены. Коротким и неосновательным вашим осмотром никак найти вам было их невозможно, для писем места надобно очень мало и везде их укрыть можно. Все другие суда, выходящие из-под крепости, мною остановлены, привезованы* и ни одного нет без подозрения и фальшивостей, даже шпионов матросскою одеждою провозят. Вы только бесподобную худобу сделали, пропустили это подозрительное судно, сами товарищи этого судна, которые здесь удержаны, так его объясняют подозрительным и говорят, что оно прорвалось и ушло с великою пользою французам. Настрожайше вам подтверждаю иметь бдение и крайнюю осмотрительность и никаких судов без строгого осмотра не пропускать, а все их непременно присылать ко мне, а особо не пропускайте еще раз какое-либо судно от крепостей и города Корфу. Я также строго предписал наблюдать сию осторожность командующим аката «Святая Ирина» лейтенанту Влито и пленной шебеки лейтенанту Ратманову. Сделайте и вы от себя распоряжение, чтобы никакое судно, особо подле берегов, ни в одну, ни в другую сторону не прокралось бы без осмотра и надлежности.

**ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА Ф.Ф. УШАКОВА,
КОТОРЫЙ ВЕЛСЯ ВО ВРЕМЯ ИОНИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ
1798—1799 гг.****

***ДЕЙСТВИЯ СОЕДИНЕННЫХ ЭСКАДР ПРИ БЛОКАДЕ ОСТРОВА
И КРЕПОСТИ КОРФУ***

12 ноября — 3 декабря 1798 г.

Едва только прибыв с оставшимися судами соединенных эскадр к острову Корфу, осведомясь от жителей обо всех обстоятельствах, касательных до крепостей ее, гарнизона, провианту и о

* То есть обревизованы.

** Исторический журнал на эскадре велся историографом лейтенантом С.М. Телеснишким.

прочем*, главнокомандующий в непродолжительном времени расположился с соединенными эскадрами по близости крепостей Корфу и острова Видо** с полукружием на якорях по приложенному у сего рисунку***.

Сверх того, отделены для охранения проходов в Южном корабли «Захарий и Елисавет», «Троица», фрегат «Армении» и вице-адмиральский турецкий корабль, в Северном же — корабль «Богоявление», фрегаты «Счастливый» и два турецких корабля: «Троица», «Захарий и Елисавет» и турецкий контр-адмиральский временно остановились в позиции в свои места, а большею частию ходили в крайсерство в Северном проливе, как выше означено.

Между тем, когда суда наши подходили в близость крепостей, французы, делающие батарею на маленьком островку Лазаретто****, со оного бежали, оставя семь пушек чугунных, приготовляемых к постановлению на батарею на оном, которую главнокомандующий приказал закончить работою.

Занимая мы также адмиралтейство, именуемый порт Гуино, в коем найдено было два корабля и один фрегат ветхие, затопшие по верхнюю палубу, и один корабль венецианский же, состоящий подле киленбака, но и оной по ветхости своей оказался к службе неспособным.

Магазины во оном пусты, найдено только в сараях несколько сосновых лесов, годных на малые мачты и на стены, как приказано было по надобностям употребить на эскадры; нашли также пойманные по прибытии оставших судов Св. Мавры отрядом капитана Селивачева разбойнический бриг и других разных купеческих судов с подозрительными товарами, о коих приказано сделать разбирательство по закону.

* Они донесли главнокомандующему, что в крепостях Корфу и на острове Видо французского гарнизона с привосокуплением разных людей, определенных во французскую службу, состоит до трех тысяч человек, а на кораблях, под крепостью находящихся, на 84-пушечном «Женеро» считают до 800 человек, а на другом 60-пушечном «Леандре» полагают неполный комплект, на фрегате 40-пушечном «Бруне», двух бомбардирских и протчих малых судах людей недостаточно, а сколько число их, неизвестно, из провианта же пшеницы и масла деревянного имеет довольно количество. (Примеч. документа.)

** Сей остров находится в расстоянии от крепостей в $3\frac{3}{4}$ кабельтовах, в окружности содержит около двух миль италианских, укреплен пятью сильными батареями, построенными на весьма выгодных местах, везде на оном прорыты каналы, проделаны окопы, обложен засеками из масличных дерев, к тому ж кругом оног, где есть удобность приставать, обведен боном, составленным из корабельных мачт и стеньг, скрепивших железными боутами и цепьми, а на самих пристанях везде наложено во множестве обрубленные деревья масличные, так что штурмовать его гребными судами не было никакой возможности, гарнизону же всегда в нем находилось не менее 300 человек. (Примеч. документа.)

*** После слова «рисунку» в тексте следует прилагаемый при документе план. (Примеч. документа.)

**** Островок не в дальнем расстоянии от острова Видо, лежащий к западу от крепостей, на коем при венецианах, при французах состоял карантин. (Примеч. документа.)

Намечено из авизов судно «Панагия Апотуменгана» и из турецкой эскадры корвет лавировать около эскадр, а паче в ночное время, между островом и матерым берегом, не допуская неприятельских гребных судов, иметь коммуникацию с албанским берегом, откуда они могли в ночное время доставать себе скота, пасущегося там. Приказано также по возвещении вечерней зори посылать с обеих эскадр в объезд вокруг оных вооруженные гребные суда.

Сверх сего сделан был маяк на высоте горы острова Корфу, от коего видимы быть могли проходящие суда из Адриатического залива, мимо острова в Архипелаг и в Средиземное море.

Таким образом, главнокомандующий сделал все распоряжении к воспрепятствованию высаживания десанта и получению неприятелем всякого рода сикурсу в здешнем краю.

Ноября 12. 12 числа при умеренном ветре от юга французский корабль «Женерос» снялся с якоря и подошел по южную сторону крепостей к нашему отделению, к кораблю «Троица», имел с ним сражение. В сие время корабль «Захарий и Елисавет» случился под ветром и старался также к нему приблизиться, но французский корабль, поставя все паруса, пошел на ветер и возвратился к крепостям, а оттоль весьма в дальней дистанции подошел к кораблю «Павел», приготовившемуся шпрингом; имели между собою небольшое сражение, дистанция столь была далека, что большие пушки не могли инако доставать, как навесными выстрелами. С корабля «Павел» артиллерия действовала исправно и весьма превосходным числом. Французской корабль, почувствовав сие превосходство, тотчас оборотился чрез оверштаг и ушел под крепость; на нем сделаны повреждения, разбита кормовая галерея, сбит гик, с которым флаг опустился на низ, также известно, сделано было несколько пробоин в борте и убито 8 человек. А на корабле «Павел» повреждения никакого не было, кроме перебитых формарса-драйреп и несколько пробегающих снастей. На корабле «Троица» пробита была только ядром бизань-мачта. Во все сие время сигналом велено было от главнокомандующего кораблю «Магдалина», фрегату «Николай», судну «Панагия Апотуменгана», турецкому фрегату и корвету лавировать около флота, а по отходе французского корабля под крепости стали на якорь и остались только судно «Панагия Апотуменгана» и турецкий корвет под парусами.

Пред сим главнокомандующий получил чрез константинопольского курьера высочайшие его императорского величества указы, в коих между прочими изображено: на расходы, могущие быть по эскадре, порученной его начальству, повелено высочайше действительному тайному советнику и государственному казначею барону Васильеву доставить к нему на эскадру 1000 червонных и

столько же ефимков, да сверх сего на каждый корабль по 1000 ефимков, а на фрегаты 50- и 40-пушечные, яко линейные, по 600 ефимков, а на 36 [пушечные] и на авизы по 300 ефимков, причем всемиловитейше пожаловано от великих щедрот августейшего монарха господину вице-адмиралу Ушакову 3000 рублей, а контр-адмиралу Пустошкину (идушему в подкрепление нашей эскадры с двумя новыми 74-пушечными кораблями) 2000 рублей, а капитанам и протчим штаб-обер-офицерам, находящимся на эскадре, каждому третное жалованье по их окладам. Сверх сего, со времени отбытия эскадры от Ахтиара и до самого возвращения к своим портам положено на стол главнокомандующему по 300 рублей в месяц, а контр-адмиралу Пустошкину по 200 рублей.

Между тем главнокомандующий употреблял возможное старание уговорить островских жителей соединиться с нами и действовать общими силами против французов. Изо всех обывателей ближние только с деревень, состоящих под крепостными выстрелами, опасались с нами соединиться, но старанием, употребляемым от него, господина вице-адмирала, [удалось] привлечь усерднейших людей из жителей острова Корфу, Занте и Цефалонии*, и оные жители согласились с нами принять оружие противу французов, обнадеживая даже, что они, выбравшись из своих домов, достальное свое имение бросят и удалятся в другие места. Просили только его, чтобы во вспомоществование им приказать высадить наших служителей в десант на берега по обе стороны крепостей Корфу и устроить на удобных местах батареи, дабы могли их прикрывать и защищать ближние места от вылазок неприятельских и воспрепятствовать делаемой грабеж деревням. Главнокомандующий желал напервее взять штурмом остров Видо, но по сей необходимой надобности оставил оное на время и обратил солдатскую команду служителей на берег острова Корфу для защищения жителей от нападения французов и к пресечению грабежа и заготовлению провианта, в крепости забираемого.

И для того на другой день по возвещении утренней зори отправил в остров Корфу для делания батареи по северную сторону крепостей на высоком холму, именуемом Кефало-Мандуки, при деревне Мандуки состоящем, капитана Кикина и артиллерии лейтенанта Ганфельда с пристойным числом офицеров и 128 рядовых разных чинов служителей; оная батарея к 15 числу построена была, которая защищала оную деревню и била в крепость; на оной поставлено на первый случай два картаульные единорога, одна 53-фунтовая гаубица, две мортиры такового ж калибра и четыре малые полевые пушки. С того времени со оной батареей началась канонада по крепости. При устройстве оной, хотя деланы

* То есть остров Кефалония.

были из крепости вылазки, но всегда были отбиты. Во всякое время, когда французы из крепостей выходили на вылазку, в тот самый момент с кораблей всегда посылан был сикурс в подкрепление войск наших, на батарее находящихся, и на оной же батарее войск состояло всегда не менее 300 человек.

После того неприятели хотя покушались выходить из наружных укреплений на грабеж деревень, но жителями и турками, расположенными поблизости тех мест, при помощи нашего десанта отбиваемы были во всякое время, а с нашей батареей, равно и с крепостей, почти день и ночь происходила сильная канонада.

Ноября 17. 17 числа около полудня пришли к главнокомандующему на корабль жители из деревень Беницы и Горицы и просили защиты от разорения и ежедневного грабежа от французов. Он, не имея достаточного числа кораблей и войск для высаживания десанта и устройств батарей по южную сторону крепостей, ибо для блокирования Корфу корабли и фрегаты находились одна часть при устье северного прохода между острова и матерого берега, а другая при южном проходе острова же Корфу и албанского берега, притом корабль «Петр», фрегаты «Навархия» и «Сошествие», один турецкий корабль находились в отсутствии, того ради главнокомандующий вознамерился обождать устройства оной батареи до прибытия к нам отделенных наших судов.

Но жители тех деревень, собравшись во множестве, просили неотступно помощи и дать им на первый случай две или три пушки, при которых послать хотя одного офицера с 12 солдатами и с малым числом канонир и приказать на южной стороне Корфу, против крепостей, весьма в удобном месте на высоком холму горы при церкви Св. Пантелеймона построить батарею, уверяя главнокомандующего, что они при помощи означенных людей наших находиться будут около двух тысяч всегда тут безотлучно и что сами собою охранить могут сие место.

18 числа он согласился на их просьбу и послал к тому месту взятую в плен шебеку под командою лейтенанта Ратманова, поручив устроить сию батарею волонтеру из острова Занте весьма искусному инженеру Маркати, и с ним посланы Бойселева батальона поручик Кантарينو с 12 фузелерами, при одном унтер-офицере и шести канонир, получа приказание от главнокомандующего употребить возможное старание с означенными жителями в ночные времена устроить оную батарею, и когда ее окончат, то прислано им будет еще в подкрепление батальонных служителей во ожидании скорого всегда прибытия наших кораблей, находящихся в отсутствии. А между тем означенный инженер Маркати оную батарею успел сверх чаяния окончить в одни сутки, поставя на ней из наших призовых орудий одну гаубицу и две полевые пушки и, не дожидаясь означенного подкрепления, от-

крыл канонаду с помянутыми служителями и обывателями деревень, которая по удобствам места причинила в крепостях великое повреждение.

20 числа посланные на судах в подкрепление оной батареи служители прийти туда еще не успели, ибо французы при самом начале открытия канонады сделали вылазку до 600 человек, и, как скоро бросились они на батарею, островские жители, бывшие тамо более 1500 человек, тотчас побежали. Остались одни наши служители, которые оборонялись храбро, но великим превосходством французов 17 человек взяты в плен, в том числе означенный инженер Маркати и поручик Кантарينو. А достальные два канонира и два солдата с батареи бежали на берег и спаслись на нашем судне шебеке. В сие время с французской крепости Монте-Абрам по нашей батарее, построенной по северной стороне крепостей, и со оной по крепости батареи происходила сильная канонада.

А французы того ж 20 числа, обнадеясь таковою удачею, после полудня в 1-м часу сделали из крепости вторичную вылазку, в которой было более 1000 человек, в том числе до 40 человек конницы, и стремительно пошли на нашу батарею, при деревне Мандукио устроенную, на которой находилось российской эскадры при достаточном числе офицеров солдатской команда гренадер, фузелер и канонир 310 человек, с турецкой эскадры турок до 100 человек, из албанцев волонтер отставной российской службы капитан Кирко с 30 албанцами и несколько островских жителей. Все оные войска вместе с нашими состояли под командою Бриммерова батальона капитана Кикина. Французы как скоро приблизились к батарее, то островские жители побежали, а нашими людьми встречены были с отличною храбростию. Французы атаквали оную с трех сторон и с крайней поспешностию устремились на оную, но всегда пушками и отрядами нашими отбиты были с уроном, жестокий бой с обеих сторон продолжался до самого вечера; напоследок наши храбрые войска выступили с батареей и пошли на штыки с малым числом турок и албанцев, совершенно разбили французов, прогнав их под крепость с великим уроном, и потом возвратились на батарею, на которую пришел уже сикурс с эскадр наших, в подкрепление посланный. В оном сражении убито из французских начальников шеф батальона один и солдат французских до ста человек и множество раненых свезено и унесено в крепость. С нашей стороны убито батальонных унтер-офицеров 2, рядовых 26, артиллерийских канонир 3, раненых: капитан Кикин, командовавший десантом, подпоручик Чернышев*, артиллерии лейтенант Ганфельд, батальонных унтер-офицеров 4, гренадер и фузелер 62, артиллерии унтер-офицер 1, бомбардир 1, канонир 1.

* Который в скором времени помер. (Примеч. документа.)

После сей вылазки неприятели более на оную батарею уже нападения не делали, но все свое старание обратили на укрепление вновь крепостей и острова Видо и к грабежу деревень, состоящих по южную сторону под крепостными выстрелами. Крайность в недостатке свежей провизии заставляла их, не взирая на беспогодное время, выходить к грабежу, но всегдашним бдением и с крайней осмотрительностью главнокомандующего, равно и десантных командиров, состоящих на берегу, предваряемы были приуготовлениями. К тому ж и албанцы*, расположенные около тех мест, часто имели с ними небольшие сражения, от коих прогоняемы всегда были в крепость с уроном.

Али-паша Янинский из губернаторов албанских, имея всегда междоусобную войну с соседственными пашами, остановил проходы, препятствуя посылке оных войск от протчих пашей, в сходство фирмана, быть может, что он имел негодование на главнокомандующего российскою эскадрою, которой воспретил ему поработить остров Св. Мавры, по отданию себя с покорностию под покровительство союзных держав и оказавшему усердие эскадрам соединенным, равно жителей города Парги, отдавшихся под оным же покровительством обоюдных держав, и коих он угрожал совершенным истреблением, если ему одному не покорятся и не сделаются подданными. Но они согласились лучше умереть до единого под флагом союзных держав, нежели отдаться в подданство ему, имея притом в свежей памяти неслыханное варварство, с коим он поступил с несчастными жителями города Превеза, которые, без сомнения, более были врагами французов, нежели он, ибо в письмах его к французам бывшим Св. Мавры (кои по занятии оной крепости нашими войсками от самих французов представлены главнокомандующему), в которых он обещал им знатную сумму денег, буде сдаст ему крепость с доставлением их в Корфу, описывал также весьма худо россиян, старался отвести их сдать соединенным эскадрам. Все сие довольно показывает его поведение; да некоторые из пленных французов сообщили нам, что Директория французская употребляла его пружиною к совершению развратных своих замыслов над областями Порты Оттоманской. Таковой союзник был весьма опасен, он делал всякие предложения главнокомандующему в политических своих

* По недостатку на эскадрах десантных войск, кроме комплектного числа служителей, Блистательная Порта фирманом своим подписала всем губернаторам Албании доставить каждому к соединенным эскадрам в Корфу по 3000 албанцев для осады с сухого пути крепостей и иметь их в готовности предупредительно, до прибытия оных эскадр, дабы за оными не иметь остановки в действиях. (Примеч. документа.)

письмах, обещавая ему всякого пособия со всех сторон, просил только позволить ему одному с своими войсками быть при осаде крепостей Корфу и отослать всех других пашей войска прочь обратно в Албанию. Главнокомандующий, обходясь с ним всегда учтиво, в своих письмах заставил его своим благоразумием примириться с соседственными ему пашами (подарив ему в знак благоволения нашего монарха табакерку, осыпанную бриллиантами), от коих взято было в разные времена до трех тысяч албанцев, в том числе находились и войска Али-паши, и распределил в около лежащие предместия для воспрепятствования неприятелям, делающим грабежи деревням, ибо они в содержании караула при батареях и в протчих военных диспозициях нимало не способны.

22 числа ноября около полудни пришли к эскадрам корабль «Св. Петр», фрегаты «Навархия», «Сошествие Св. Духа» и турецкий корабль, бывшие во отделении, прибыли то ж из Ахтиара в число авизов акат «Ирина», шхуна № 1-й, бригантина «Феникс», на которой привезено на нашу эскадру несколько соленого мяса и уксусу, новокупленная бригантина оставлена при острове Св. Мавры для содержания брандвахтенного поста.

Между тем с неприятельских крепостей и с нашей батареи происходила день и ночь сильная канонада, и неприятели во всякое время (а более в ночное) покушались делать вылазки, но блеением осаждающих предупреждаемы были всегдашнею готовностию. Находящийся между крепостью и островом Видо корабль «Женеро» при всяком для него попутном ветре вступал под паруса, стараясь перехватить малые суда, шедшие к соединенным эскадрам, избирая тож удачный случай уйти, но судами, лавирующими около крепостей и острова Видо, то ж и в обоих проходах отражаем был всегда под крепость.

Ноября 30. 30 числа того же месяца главнокомандующий отрядил судно акат «Ирина» по южную сторону крепостей Корфу для воспрепятствования выходящим неприятелям из крепости для молотия муки в около лежащие мельницы.

Декабря 3. 3 числа сего месяца неприятели выходили из наружных укреплений для перехвачивания части островских жителей и албанцев, между коими произошла чрезвычайная перепалка, но, видя идущих войск наших в помощь к нам, ретировались тотчас в город.

Декабря 9 дня прибыли к эскадрам в Корфу фрегаты «Михаил» и «Казанская» из Александрии*.

* Эти фрегаты в составе отряда капитана 2 ранга А.А. Сорокина были выделены из эскадры в помощь англичанам для блокады берегов Египта и Сирии.

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ХОДЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ КОРФУ
И О ПРЕДАТЕЛЬСКИХ СНОШЕНИЯХ С ФРАНЦУЗАМИ АЛИ-ПАШИ
ЯНИНСКОГО

18 декабря 1798 г., корабль «Святой Павел»

С 20 числа ноября, когда французы на вылазке из крепости против нашей батареи разбиты, с того времени более на оную батарею нападения уже не делали, но все старания свои обратили к грабежу деревень, по южную сторону под крепостными выстрелами состоящих, и на укрепление вновь крепостей и острова Видо. А как командующему турецкой эскадры Кадыр-бею фирманом от Блистательной Порты предписано, что в надобных случаях при взятии Корфу во вспоможение требовать войска, о которых предписано пашам, поблизости здесь находящимся Мухтар и Велли-пашам, отрядить по три тысячи человек: Ибраим-паше Авлонскому — три тысячи, Скутарскому Ибраим-паше — пять тысяч, а затем всем здешним пашам, ежели от нас требовано будет, посылать к нам войска столько, сколько надобность требовать будет.

По сходству сего предписания Кадыр-бей по согласию со мною неупустительно времени от означенных пашей войск в присылку требовал до двенадцати тысяч. Первее всех прислано ко вспоможению от Мустафы-паши при его брате албанцев 250 человек. И желал он еще в то ж время умножить присылку войск, но жаловался и просил защиты, что он великую опасность в притеснении имеет от Али-паши, который с войсками противу его находится и угрожает ему нападением и посылку к нам войск запрещает.

Я и Кадыр-бей старались всевозможно оных пашей примирить и просить, чтобы посылку войск к нам не препятствовать, а чтобы и он с прочими пашами войсками своими делал нам вспоможение и как возможно присылкою оных поспешил. Также и от Блистательной Порты прислан был доверенный для примирения пашей между собою, который о том старался. Но после сего получил я от Мустафы-паши просительное письмо, объясняющее, что Али-паша, хотя и обещал примириться, но вторично объявляет ему войну и угрожает нападением и запрещает присылку к нам людей. Я писал еще учтивейшее письмо к Али-паше, объяснил в нем все подробности в рассуждении ссор и несогласия, в таковое время к общему вреду быть могущие, и всеми возможностями старался убедительно склонить его к примирению и к вспоможению нам общими силами против французов, к поспешному взятию Корфу.

Переписка его всегда ко мне учтива с обнадеживаниями, но на деле верного соответствия не заметно, кроме поманки замысловатых его предприятий. По всем видимостям, явственно какое-нибудь имеет он особое намерение, не сходное с нашим расположе-

нием. Со всех сторон и со всех мест получаем, я и Кадыр-бей, известия неприятные, будто бы намерен он, перебравшись с войсками, сделать нам замешательство и еще что-либо важное. Такие известия наводят великое сумнение и опасность. Когда я и Кадыр-бей старались о примирении его с пашами и просили от него (сходно) в присылку несколько войска на таковой случай, чтобы убедить его более моим к нему приятством, которого он объяснениями своими желал, послал я при письме моем к нему в подарок в знак благоволения вашего императорского величества табакерку с бриллиантами в тысячу двести рублей, дабы его тем более убедить и привлечь к справедливому к нами расположению. Все оное принято от него с великой учтивостию и уверением о благоприятстве, но и после того нимало на самом деле не заметно. Дела наши и успехи противу неприятеля по недостатку войск приостановились, и, как кажется, по обстоятельствам он сему причиною с месяц уже времени. Со дня на день ожидаем от пашей обещанного вспоможения, но и по сие время длится оно медлительностию напрасной переписки и обнадеживаниями, а напротив того, беспрерывно подтверждаются разные уведомления ото всех мест о предосторожностях в рассуждении Али-паши.

Всемиловитейший государь, таковые известия мог бы я почесть иногда несправедливыми и могущими произойти чрез хитрости французов или и самих островских обывателей, которые войск Али-паши весьма боятся и опасаются несправедливо, что они приведут их в крайнее разорение, но письма Али-паши при взятии крепости Св. Мавры, отобранные мною с протчими бумагами от французов, объясняют дружескую его переписку с французами. В некоторых письмах объясняет, что он всегда французам был друг и никогда противо их не был, нас называет великими их неприятелями и советами своими поощряет их, чтобы крепость Св. Мавры защищали они как возможно. В тех же письмах видна переписка его и с французским генералом Шабо, в Корфу находящимся. И ныне многие говорят, что он в Корфу с французами имеет свою переписку. Таковые обстоятельства без достаточных доказательств хотя не можно почесть совсем за верно, но понуждают иметь сомнение и осторожность.

Мы с Кадыр-беем просили присылки от Али-паши в доверенности у него находящегося Гасан-ефендия; вчерашний день имели с ним объяснение обо всех потребностях. Я, не обвиняясь, пересказал ему все то, что есть в моем сведении, и доходящие к нам известия. Хотя доверенный Али-паши старался все слухи объяснять несправедливыми, но в рассуждении писем Али-паши, к французам посланных, почти с признательностью* говорил, что-

* То есть с признанием.

бы все это оставить, и уверял, что Али-паша согласен будет на все то, что мы пожелаем, и сколько от него войск потребуем, столько пошлет, а более того посылать не будет, и что Али-паша желает, чтобы мы с ним увиделись и условились и лично о положении между нами следующих. Посему и положено завтрашний день будет он на фрегат «Навархия», в середине пролива не в дальнем расстоянии от нас находящийся. Посоветовавшись мы с Кадыр-беем, в предосторожность полагаем войск от Али-паши взять одну треть, а две части от других пашей, что и было бы сходственно с предписаниями от Блистательной Порты. Но как войска Ибраим-пашей Авлонского и Скутарского состоят далее, нежели войска Али-паши, и в скорости достаточное число от них в присылку получить неуповательно, потому, полагаю, и просили, чтобы Али-паша к находящимся здесь войскам его прислал с своим сыном на теперешний случай сколько следует в дополнение до трех тысяч, да от Ибраим-паши Авлонского надеемся также прислано будет три тысячи. Со оными до присылки прочих производить наши действия атакою крепостей Корфу со стороны берега, также стараться овладеть весьма укрепленным островом Видо и во всех местах сделать сильные батареи и со оных принуждать крепость к сдаче, по крайней мере на капитуляцию.

Действиям нашим также весьма препятствует дождливое и беспогодное время, в которое служители, на берегу находящиеся, от мокроты и стужи терпят великое беспокойство и в подкрепление их здоровья часто переменяются с кораблей другими. Потому к устройству вновь батарей и к высадке десанта на берег в другие места корабельных наших служителей недостаточно, я ожидаю в скорости прибытия с новыми кораблями контр-адмирала Пустошкина, о которых по слуху известно — более двух недель находились они для налития пресной воды в Наполе-де-Романии. По прибытии оных и по получении нескольких еще войск от пашей стараться будем всеми возможностями принуждать крепости Корфу к сдаче или силою овладеть оными. Албанцев здесь находится с капитаном Киркою вольных 30, Мустафы-паши — 250, и в разные времена присланных от Али-паши собралось по сие число до полутора тысяч человек. Из оных первые содержат караул на нашей батарее, а прочие расположились в близости около крепости Корфу. И когда французы выходят из крепости, чтобы еще делать грабеж из состоящих под пушечными выстрелами деревень, оные албанцы часто имеют с ними небольшие сражения, а третьего числа декабря с вылазкою французов турки и албанцы имели жестокий бой, и французы прогнаны в крепость с уроном не менее как до пятидесяти человек убитых, также и несколько унесено ими в крепость раненых, и после сего французы хотя вы-

ходят для поисков потребностей в деревнях, но албанцами часто бывают прогнаты, о чем вашему императорскому величеству сим всеподданнейше доношу.

С подлинным верно: вице-адмирал *Ушаков*

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ КОРФУ

18 декабря 1798 г., корабль «Святой Павел»

После всеподданнейшего донесения моего вашему императорскому величеству минувшего ноября от 10 дня о приходе с соединенными эскадрами к острову Корфу и о блокировании оного приблизился я с судами от острова Св. Мавры, с нами пришедшими, поблизости крепостей Корфу к острову Видо и адмиралтейству, прежде бывшему венецианскому. В сие время с маленького островка Лазаретто французы, делающие тут батарею, со оной бежали и оставили на оном островку семь пушек чугунных, приготовляемых к постановлению на батарею, которую приказал я работою докончить, и пушки на нее поставлены. Послал в гавань в адмиралтейство и велел его занять. В ней найдено два корабля и один фрегат ветхие, прежде бывшие венецианские, затопшие по верхнюю палубу, и один корабль венецианской ж, стоящий подле пристани, где бывал раньше киленбанок*, но и оный по осмотру оказался ветхий и к службе не годен, кроме двух мачт на нем ничего нет. Также и адмиралтейство пусто, нашлось в сараях несколько сосновых лесов, из дальнего времени заготовленных, разной величины реев, лисель-спиртов, брам-стеньгов и несколько штук годных на стеньги и два дерева, на бизань-мачты годные, которые мы по надобностям и забрали на эскадры в употребление. Да до прибытия моего прежде отделенного от нас эскадрю пойман и взят в плен разбойнический о осьмнадцати пушках бриг со ста человеками разных людей разбойников, и еще взято из-под крепостей разных купеческих судов три с подозрительными товарами, из которых частию должны надлежать в призы, также и суда уповательно останутся призовыми, о которых приказал я сделать разбирательство по закону. Из эскадры французской, состоящей при Корфу, два корабля, фрегат и прочие разные суда находятся под сильною защитою крепостей и острова Видо. Из них 74-пушечный корабль «Женеро», обшитый медью, имеет весьма сильную артиллерию длинного чертежа**, по легкости своей в ходу, пользуясь оным, прежде прибытия моего с эскадрю несколько раз сни-

* Прибрежный участок, оборудованный для килевания кораблей.

** То есть длинные (дальнобойные) пушки.

мался с якоря и при способных ветрах, не отделяясь далеко от крепостей и острова Видо, подходил к нашим отделениям и из дальней дистанции имел с ним сражение, напервое с кораблем «Захарий и Елисавет» по южной стороне пролива, считая от крепостей, а после по северной стороне пролива двоекратно против корабля «Богоявление Господне» и всегда он был прогнат с некоторым повреждением.

Из наших кораблей на «Богоявлении Господне» пробита ядром бизань-мачта, более повреждений не имеется и убитых нет; а на французском корабле сделано несколько пробоин и разбита корма. По прибытии моем с эскадрою на означенное место 12 числа минувшего ноября оный французский корабль при способном для него ветре снялся с якоря, подошел по южную сторону крепостей к нашему отделению, к кораблю «Святая Троица», и из дальней дистанции имел с ним сражение; в сие время корабль «Захарий и Елисавет» случился под ветром и старался также к нему приблизиться, но французской корабль, поставя все паруса, ушел на ветр и возвратился к крепостям, а оттоль в весьма дальней дистанции подошел к моему кораблю, приготовившемуся шпрингом, и имели между собою небольшое сражение. Дистанция столь была далека, что большие пушки не могли инако достать как навесными выстрелами. С корабля «Св. Павел» заметно артиллерия действовала исправнее и весьма превосходным числом. Французский корабль, почувствовав сие превосходство, тотчас обратился через оверштаг и ушел под крепость; на нем сделаны повреждения, разбита кормовая галерея, сбит гик, с которым и флаг опустился на низ; также известно — сделано несколько пробоин в борте и убито восемь человек. На корабле «Св. Павел» повреждения никакого нет, кроме того, что перебиты формарса-драйреп и несколько из пробегающих снастей; на корабле «Св. Троица» пробита ядром бизань-мачта. И после французской корабль из-под крепости уже не выходил.

Со оного времени употреблял я старание уговорить всех островских жителей соединиться с нами и действовать общими силами против французов. Изо всех обывателей только ближние, состоящие под крепостными выстрелами, деревни опасались с нами соединиться. Но старанием употребляемых от меня усерднейших людей из жителей же острова Корфу, из островов Занте и из Кефалонии и оные жители согласились принять вместе с нами оружие против французов, обнадежили даже, что они, выбравшись из домов, достальное свое имение бросят, истребят и удалятся в другие места; просили только, чтобы во вспомоществование им высадить в десант наших служителей на берега по обе стороны крепостей Корфу и устроить на удобных местах батареи, дабы могли их прикрывать и защищать близкие места от вылазки французов и воспрепятствовать делаемый грабеж деревням.

Я желал напервое взять штурмом укрепленный многими батареями остров Видо, но почел необходимой надобностью, оставаясь на время, обратиться солдатскую команду служителей на матерой берег острова Корфу для защищения жителей от нападения французов и к пресечению грабежа и заготовления провианта, в крепости забираемого. К 15 числу построена от нас батарея по северную сторону крепостей на высоком холму при деревне Мандукио, которая могла защищать оную деревню и бить в крепость; на оную батарею на первый случай поставлены от нас два картаульные единорога, одна пятидесятитрехфунтовая гаубица, две мортиры такого ж калибра и четыре малые боевые пушки. С того времени со оной батареей и началась канонада по крепости при устройстве батарей. Хотя и деланы были из крепости вылазки, но всегда оные были отбиты, а как от эскадр наших прежде бывшие отделения для блокирования Корфу корабли и фрегаты находятся одна часть при устье Северного пролива, между острова и матерого румелийского берега, а другая — при южном проходе, между островом ж Корфу и румелийским берегом, а притом корабль «Св. Петр» и фрегат «Навархия» оставались еще при острове Св. Мавры, тож фрегат «Сошествие Св. Духа» и один турецкий корабль находились посланными для отвозу пленных французов в Патрас. За тем с нами кораблей и войск к высаживанию десанта было недостаточно, то и принуждены высаживание десанта и устройство батареи на южную сторону крепостей Корфу обождать до прибытия к нам отделенных наших судов.

Но жители деревень Беницы и Горицы, собравшись во множестве, просили неотступно, чтобы для воспрепятствования их разорения и ежедневного грабежа от французов дать им на первый случай две или три пушки, при которых послать хотя одного офицера с двенадцатью солдатами и приказать на южной стороне Корфу против крепостей весьма в удобном месте, на высоком холму горы, при церкви Святого Пантелеймона, построить батарею, уверяя, что они при помощи означенных наших людей найдутся будут всегда тут по тысяче по пятисот человек безотлучно и сами собою сие место охранять могут, почему и послал я к тому месту взятую в плен шебеку под командою лейтенанта Ратманова. Сию батарею устроить поручил волонтеру из острова Занте весьма искусному и отлично рачительному к службе вашего императорского величества инженеру Маркати и с ним послал Боаселева баталиона поручика Кантарينو с двенадцатью фузелерами при одном унтер-офицере и шесть канонир и предписал, чтобы старались они с означенными жителями в ночные времена устроить батарею; а между тем, когда она готова будет, пришлю я еще в подкрепление батальонных служителей, уповаю, что в сие время корабли наши из острова Св. Мавры прибудут.

Означенный инженер Маркати сверх чаяния успел оную батарею сделать в одни сутки, поставил на нее на первый случай из наших призовых орудиев одну гаубицу и две полевые пушки и, не дожидаясь назначенного от меня подкрепления, с одними вышеупомянутыми служителями и с обывателями деревень открыл канонаду, которая по удобности места делала в крепостях великое повреждение. Французы при самом начале открытия оной канонады по утру 20 числа ноября, когда посланные от меня на судах в подкрепление оной батареи служители приттить туда еще не успели, сделали вылазку до 600 человек.

И, как скоро бросились они на батарею, островские жители, бывшие на батарее более тысячи человек, тотчас побежали, остались одни наши служители, которые оборонялись храбро, но великим превосходством французов семнадцать человек взяты в плен, в том числе означенный инженер Маркати и поручик Кантарино, а достальные два канонира и два солдата с батареи бежали на берег и спаслись на наше судно шебеку.

Французы, обнадеясь таковой удачею, тогда ж 20 числа после полудни в первом часу сделали из крепости вторичную вылазку, в которой было их более тысячи человек, в том числе до сорока человек конницы, и стремительно пошли на первую нашу батарею по северной стороне крепости, при деревне Мандукио устроенную, на которой находились с российской эскадры при достаточном числе офицеров, солдатской и артиллерийской команды гренадер, фузелеров и канонир 310 человек; с турецкой эскадры турок до двухсот, из албанцев волонтер отставной российской службы капитан Кирко с тридцатью албанцами и несколько островских жителей.

Как скоро французы приблизились к батарее, то островские жители тотчас бежали, но нашими людьми встречены с отличной храбростию. Французы атаквали батарею с трех сторон и с крайней упорностию стремились на оную, но всегда пушками и отрядами нашими отбиты были с уроном. Жестокий бой со обеих сторон продолжался до самого вечера. Напоследок храбрые российские войска выступили с батареи и вместе с турками и албанцами прогнали французов под крепость и потом возвратились на батарею, на которую пришел уже сикурс, с эскадр наших в подкрепление посланный.

На оном сражении убито из французских начальников шеф батальона один, офицеров и солдат французских человек до ста и множество раненых сведено и унесено в крепость. С нашей стороны убитых: батальонных унтер-офицеров — два, рядовых — двадцать шесть, артиллерийских канониров — три; раненых: капитан Кикин, командовавший десантом, подпоручик Чернышев, артиллерии лейтенант Ганфельд, батальонных унтер-офицеров —

четыре, гренадер и фузелеров — шестьдесят два, артиллерии унтер-офицер — один, бомбардир один, канонир — один.

При оном сражении отличились храбростию командовавший десантом Бримерова батальона капитан Кикин, который на батарее содержал весь наилучший порядок, сражался против неприятеля и войсками вверенными командовал и распорядился с отличной неустрашимой храбростию, искусством и мужеством и ранен по одержании уже победы; артиллерии лейтенант Ганфельд устраивал батарею и по должности его при оной исполнял все с наилучшим порядком, действовал артиллериею весьма исправно и примером своим, при отличной неустрашимой храбрости, поощрял служителей, оказал довольные успехи и ранен при окончании сражения; подпоручик Чернышев с отличной неустрашимой храбростию примером своим поощрял служителей и в погоне за неприятелем ранен тяжело; поручик Зайцев преследовал бегущего неприятеля; командовавший албанцами капитан Кирко, показывая собою пример храбрости, сражался с неприятелем с неустрашимостию, искусством и маневрами, приличными местоположению, оказал довольные успехи. После командовавших батальонных офицеров, когда они ранены, отличили себя в действии рвением и храбростию. Скиперова батальона фельдфебели Конокотин и Козловской, Буаселева батальона старшие унтер-офицеры Сикиской* и Тычинин заслуживают особую похвалу и благоволение; также с неустрашимой храбростию и рвением исполняли свою должность рачительно Скиперова батальона унтер-офицер Осипов, Бримерова батальона унтер-офицеры Прасолов, Васильев, Пополетов, Страховской, Ижиженков, равно и все служители в десанте, находящиеся в действии против неприятеля, поступали с неустрашимой храбростию и мужеством.

Войска турецкие также сражались с неприятелем с храбростию и должность свою исполняли рачительно. В разные времена, когда устроена была сия батарея, островскими обывателями взяты в плен и приведены на эскадру французский капитан один, унтер-офицеров и рядовых пятнадцать. 24 ноября по условию между нами вышеозначенные взятые в плен французами с батареи нашей служители поручик Кантарينو и с ним 14 человек служителей присланы ко мне на корабль, а вместо их в размен отданы от нас означенные пленные — капитан с пятнадцатью человеками. Из наших пленных остались у французов бомбардир один и канонир один за болезнь, раненые, которые по выздоровлении присланы будут, и в то время вместо их от нас получат двух же французов, которые содержатся в плену на корабле «Св. Павел»; из взятых французами наших служителей в плен — служивший при

* В другой копии — Синайской.

эскадре волонтер вышеозначенный инженер Маркати, как он прежде находился в службе французов и от оной не был уволен, потому французами осужден и застрелен. При эскадре, мне вверенной, находится волонтером Михайло Маркати — брат родной означенного инженера, который с пользою употребляется островскими жителями при всех доверенностях и служит во всех потребностях с ревностью и усердием, также и еще из обывателей разных островов некоторые усердствуют во многих исполнениях с ревностью и рачением. О чем вашему императорскому величеству сим всеподданнейше доношу.

Вице-адмирал Ушаков

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА А. ВЛИТО С ВЫГОВОРОМ
ЗА ПРОПУЩЕННУЮ К КРЕПОСТИ КОРФУ ФРАНЦУЗСКУЮ
БРИГАНТИНУ**

26 декабря 1798 г.

Вчерашний день в вечеру пришло к крепости французское судно — двухмачтовая бригантина и уповательно груженная десантом. Вы, имея с собою два судна, акат «Ирина» и шебеку, для чего пропустили и для чего не поймали? Для чего не крейсируете и для чего вы стоите на одном месте и не имеете надлежащей осторожности и рачения, как должно? Я крайне недоволен вашей леностью и неprovорством. Извольте от того места, где стоите, подвинуться дальше к Z стороне, там крейсировать, ловить неприятельские суда и брать в плен и никакие суда не пропускать без осмотра.

Со вчерашнего дня показались в море в северной стороне десять судов небольших, а против середины острова к зюйд-весту три больших, и, говорят, будто корабли да из маленьких некоторые отделяются и идут к южному же проливу, а прочие и теперь против северного пролива видно к острову Орфано. Почитать должно, что это неприятельские суда с десантом из Анконы; всеми возможностями надобно их ловить и не допускать. На таковой случай соединиться с отделенною нашею эскадрою под командою флота капитана Селивачева, я к ним послал еще корабль «Св. Петр», фрегаты «Навархия» и «Михаил». Распорядитесь, чтобы весь пролив был занят, маленькие суда вам с двумя судами удобнее всего ловить, брать в плен или бить и топить, как удастся, только отсюда к берегам, а паче к крепости не допускать. Турецких же послано один фрегат и корвет. Туда же сейчас подите к исполнению, что должно к строгому ответу подвергаетесь вы, для чего пропустили французскую двухмачтовую бригантину и теперь на виду в море 8 судов так же подобных с ними еще 2 трехмачтовые, а против середины острова, говорят, три корабля. Неизвестно

еще, с которой они стороны пойдут, может быть, на южный пролив оборотятся, я не успел об оном г. Селивачеву дать знать. Представьте к нему копию со оного ордера, чтобы он исполнил все, что должно. Ежели можно, уведомиль меня чрез берег записочкою, что сделалось с фрегатом «Армении». Его не видно. Где он и не поврежден ли? Ежели поврежден — важные ли повреждения или нет и что именно, я нетерпеливо об оном знать желаю.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА И.А. СЕЛИВАЧЕВУ
ОБ ОТЗЫВЕ ЕГО С ПОСТА В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ПРОЛИВА КОРФУ
С ВЫРАЖЕНИЕМ НЕУДОВОЛЬСТВИЯ ЗА ПРОПУСК ФРАНЦУЗСКОГО
СУДНА В КОРФУ**

27 декабря 1798 г.

Содержание поста в южной стороне пролива Корфу поручил я во все предосторожности и исполнения флота капитану I ранга и кавалеру Сенявину, посему с вверенным вам кораблем «Захарий и Елисавет» имеете следовать ко мне в соединении к эскадре. Оставайтесь там только от сего времени на один день, пока узнаем обстоятельно о судах показавшихся — неприятельские ли они или какие другие, чтобы их переловить, забрать в плен или по крайней мере не допустить ни одного из них пристать к берегам острова Корфу, а особо к городу и крепостям и к острову Видо.

Крайне недоволен я нерачительным вашим исполнением и неосторожностями в пропуске третьего дни ночью французского судна, пришедшего в крепость, которое в дневное время еще прошло мимо вас. Вы были неосторожны, пропустили его, а упустили время, снялись с якоря, не имели надлежащих осторожностей в осмотрительностях, что за ними шли в погонь акат «Ирина» и шебека «Макарий». Они к вечеру в темноте уже оное судно нагнали, принудили его к сдаче. Шебека «Макарий» хотела его уже взять, но вдруг подошли вы сперва к акату «Ирина», остановили его от исполнения; он с вами перекликался, сказал вам и о шебеке «Макарий», к которой вы шли с кораблем, но шум и беспорядок на вашем корабле не дозволили вам расслушать его слова; прошли вы прямо на нашу шебеку «Макарий», и, не осмотрясь, не сделав ему никакого о себе сигнала и опросу, начали по нем стрелять, разбили все паруса и реи на оной шебеке, переломали и ее повредили. А в сие время пленное французское судно, пользуясь вашей ошибкою, спомоществуемое пришедшей к нему галерою, ушло под крепость. И чрез то не только повредили и разбили вы наше судно понапрасну, но и спомоществовали уйти под крепость пленному неприятельскому судну. Я не премину таковую неосторожность вашу исследовать и исполнение учинить как должно, о чем вам сим дано знать.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА Д.Н. СЕНЯВИНУ
ОБ УСИЛЕНИИ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ПРОТИВНИКОМ
И ВОСПРЕЩЕНИИ ФРАНЦУЗАМ ГРАБИТЬ И РАЗОРЯТЬ НАСЕЛЕНИЕ,
ЖИВУЩЕЕ ПО ПОБЕРЕЖЬЮ ОСТРОВА КОРФУ**

11 января 1799 г.

Означенные в рапорте вашем распоряжения о предосторожностях ваших нахожу я хорошими. Дополнить надлежит: на место «Григория Великия Армении» в близость к Беницам поставить один фрегат; нужно быть тут необходимо еще одному малому судну на том месте, где стояли акат «Св. Ирина» и шебека «Макарий», и охранять те места от грабительства французами; гребных судов их туда не допускать. Я слышал, что французы намереваются послать в Перамо вновь пришедшее к ним судно, бригантину и полугалеру. Старайтесь ни под каким видом их туда не пускать, дабы они еще вновь деревень не разоряли и не запаслись бы оттоль провиантом, и кто будет иметь сей отряд, тот должен сноситься с тутошними обывателями и с албанскими начальниками Али-паши и всевозможно французов ни до какой дерзости не допускать. Учредитесь вы о сем непременно и защищайте всю ту сторону. У меня малых судов здесь нет, как вам известно, и потому исправляйтесь теми, которые в вашей части; в прочем я надеюсь на вашу исправность, что вы ничего не упустите.

Уведомляю вас, что французский корабль «Женеро» в последний раз выходил из-под крепости ночью под турецким флагом. Известите всех, в вашем отделении находящихся, чтобы таковым видом не обманулись и в рассуждение оного имейте всякую осмотрительность и предосторожность: какие для сего понадобятся сигналы, учредите еще вдобавок и раздайте к исполнению, кому что надлежит. Кадыр-бей посылает к вам в отделение партикулярный корабль*, который был с вами в Мавре, а вице-адмиральский берет к себе сюда по его обстоятельствам. Я полагаю, чтобы вы, когда оный корабль к вам придет, поставили его ближе к себе, где способнее место изберете, а к Беницам необходимо нужно поставить вам фрегат, как думаю я, «Навархию» и с ним акат «Ирина» или шебеку «Макарий». И как что вами исполнено будет, меня уведомите. Я располагаю сделать атаку на острове Видо, и когда приготавлию к тому распоряжение, то вас уведомлю. Нужно вам будет тогда со всею эскадрою подойти ближе к нам, против острова Видо, дабы вы могли тогда же действовать с нами против острова и против корабля французского. Что к сему нужно будет, я о всем вас уведомлю.

* Так назывались корабли, плававшие под вымпелом (не флагманские).

**ОРДЕР Ф.Ф.УШАКОВА МАЙОРУ ОНОРИИ
О СОБЛЮДЕНИИ ЗАКОННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ
ПРИ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВОВ,
ОКАЗЫВАВШИХ СОДЕЙСТВИЕ ФРАНЦУЗАМ**

15 января 1799 г.

В продолжение исполнения вашей комиссии, когда дойдет время до разбирательства недвижимого имения, имейте крайнюю осторожность исследовать с точностью следуемые к конфискации вещи и отнюдь до неследующего не касайтесь, а поступайте, как и прежде я вам писал, лучше что отдавать родственникам и безобидно для таковых, нежели что-либо от них отнимать и не приводить их в бедность и уныние; разве уже все общество и судьи непременно что-либо к конфискации свидетельствуют, то о таковых поступайте сходно с законами. Кончите всю вашу комиссию скорее. Напоминаю, о недвижимых имениях со родственниками карманиолов поступайте снисходительно, так как мы уже всех островских обывателей, ныне тут находящихся, во всем простили. Между прочими владельцами господин Форести, консул великобританский в острове Занте, который ныне находится здесь, объявил мне, что имеет он в вышеозначенном острове три собственных дома, в чем и имеет верные документы. В некоторых сих домах имели жительство до прибытия нашего французы; он опасается, что сие может дать повод к конфискации оных. Извольте, когда дойдет время, разбирать сие дело наивернейшим образом, и как оное окажется, доставить просителю, господину консулу Форести, надлежащее удовлетворение и до собственных его домов не касаться, ежели по свидетельству окажется, что они точно его, как он уверяет своими документами и почесть можно за справедливо. Госпоже Форести, в случае какой-либо нужды, сделайте всевозможное вспоможение.

**ПРИКАЗ Ф.Ф. УШАКОВА ПО СОЕДИНЕННЫМ ЭСКАДРАМ
С ПЛАНом АТАКИ ОСТРОВА ВИДО**

17 февраля 1799 г.

При первом удобном ветре от севера или северо-запада, не упуская ни одного часа, по согласному положению намерен я всем флотом атаковать остров Видо. Расположение кораблей и фрегатов, кому где при оной атаке находиться должно, означено на планах, данных господам командующим.

По учинении сигналов приуготовиться иттить атаковать остров Видо и сняться с якоря надлежит, чтобы все на гребных судах было уже готово, корабли и фрегаты во всем были бы готовы к бою, по сигналу иттить атаковать остров: напервее следовать фре-

гату «Казанская» к первой батарее и, проходя, стараться ее сбить, а потом стать на назначенном месте на якорь шпрингом, а не худо иметь и верп с кормы буде вознадобятся; за ним, не отставая нимало, следовать турецкому фрегату «Херим Капитан» и также стать на свое место; за ним в близком же расстоянии фрегат «Николай», которому также проходить первую батарею и сбивать, ежели она осталась от первых еще не сбита, а притом, проходя оную батарею, стрелять по двум стоящим в бухте между первой и второй батареей французским судам и стараться выстрелами их потопить или людей с них согнать на берег, чтобы их оставили. Между оными же судами стрелять на берег во все места, где есть закрытые французы за маленькими канавками и за маленькими же брустверами, для ружей сделанных. Ежели где есть между ними поставленные пушки, то и оные идучи сбить непременно, и потом каждому стать на свои назначенные места, лечь шпрингом, оборотя борты к батареям так, чтобы оного борт был против 1-й батареи, а другого против судов, стоящих в бухте, а третьего фрегата «Николай» против 2-й батареи и все потребное встречающееся на виду сбивать пушками. За первыми же двумя фрегатами иттить шхуне № 1 и будучи носовыми пушками стрелять по батарее и по судам, стоящим в бухте, а потом остановиться в середину бухты и пушками около себя очистить все берега, и когда со всех мест от пушек и из траншей французы выгнаны будут вон, тогда оной шхуне стараться очистить берега, приготовляя их для сходу десанта; ему помогать фрегатам «Николай» и «Херим Капитан», также и от эскадры послана будет к нему помощь на вооруженных баркасах.

За фрегатом «Николай» в близкой же дистанции следовать фрегату «Григорий Великия Армении». Ему, проходя 1-ю и 2-ю батарею, стрелять во все места, где надобность потребует, потом проходить 3-ю батарею и, обходя мыс с маленьким каменным рифом, как можно сбивать 3-ю батарею и между 3-й и 4-й становиться на якорь шпрингом, как назначено, сбивать батарею и очищать берег сильною канонадою. За ним близко ж следовать турецкому фрегату «Мехмет-бей», ему проходить тою же дорогою за фрегатом «Армении», стрелять по батареям и на берег в потребные места и потом стать на якорь шпрингом во своем месте, «Панагии Апотуменгана» иттить за ними чинить то ж исполнение и стать в определенном месте на якоре шпрингом.

Всем оным фрегатам и «Панагии Апотуменгана» стараться очистить потребные места на берегах для десанта, оттаскивая набросанные деревья прочь, вспоможение им сделано будет баркасами от разных судов. За ними же фрегатами весь флот пойдет к

острову, каждый в назначенные свои места и остановится шпрингом на якорях. Подходя к острову во время своего прохода до настоящих мест, каждому стрелять по батареям и при берегах по всем закрытым местам; тож в половине горы и на гору, где заметны будут укрывающиеся французы, и, став на якоря шпрингом, докончить очистку места пальбою.

Как же скоро замечено мною будет, что французы все со здешней стороны острова ушли и на виду их нет, тогда прикажу я вести десант во все удобные места острова, где ссаживать оный способно. Гребным судам, везомым десант, промеж собою не тесниться, для того и посылать их не все вдруг, а один за другими. Передовые из оных должны очистить дорогу на берегах, закиданную рытвинами, тотчас забросать землею или чем только возможно, а где неудобно сходить на берега и переходить места закрытые, там набрасывать лестницы, с каждого корабля и фрегата с собою взятые, и сверх лестниц бросать доски по оным и пушки перевозить на берег. Где передовыми таковые мосты набросаны будут, оставить их на месте для последующих за ними для переправы, а прочие лестницы и доски нести с собою для всяких могущих встретиться препятствий, от которых они способствовать будут. Говорят, будто местами есть несколько перекопы канавками, лестницы и доски служить будут через оные мостами. Также сказывают, хотя и невероятно, будто есть ко острову в которых-то местах набросанные колючки, засыпаны землею и позакиданы натрускою травой, так что без осторожности можно на оных попортить ноги. Господам командирам десантным штаб-, обер- и унтер-офицерам, кто будет наперед, иметь осмотрительность, ежели это справедливо, то в таких местах потому ж для перехода бросать лестницы и сверх оных доски, они и могут служить мостом безопасным, и потом господам батальонным командирам, командующим десантными войсками, искать неприятеля, разбить или побрать в плен и остров от оного стараться освободить.

Вместо знамен иметь с собою флаги; флагов с собою иметь надлежит до десяти. Все батареи, которые овладены будут, поднимать на них флаги, оные означать будут нашу победу. Флаги поднимать во всех местах, где только война наша случается, а куда потребен будет сикурс, для показания оного даны будут особые сигналы, требующим сикурсу друг другу помогать. Когда войска наши взойдут на верх горы, иметь осмотрительность, и где потребно будет, там укрепляться пушками и закрывать себя поспешно легоньким окопом или турами, но это в самой только важной надобности делать надлежит, а инако, не теряя времени, стараться овладеть всем островом и отнюдь не замедливать. А я буду иметь смотрение и беспрестанно сикурсом подкреплять буду.

Господам командующим пушки, снаряды, лестницы, доски, топоры, лопатки, веревки и все потребности иметь в готовности, положенные на гребные суда, также и десантные служители чтоб все были в исправной готовности. Как скоро благополучный ветер настанет, тотчас я снимусь с якорей и со всем флотом буду спешить исполнять, как означено. Десантными командирами определяю в авангардии под начальством господина контр-адмирала и кавалера Пустошкина состоящий баталионный командир господин подполковник Скипор, а средней и задней части, под моим ведомством находящейся, господину майору Боаселю, в середине ж между оными, ежели вознадобится отделение послать от передовой части, майора Гамана и всем оным чинить исполнение со всякой осторожной осмотрительностью, и с добрым порядком по оказавшимся случаям и обстоятельствам поступать с храбростию благоразумно, сообразно с законами. Прошу благословения Всевышнего и надеюсь на ревность и усердие господ командующих.

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ КОРФУ

21 февраля 1799 г.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: сильными действиями соединенных эскадр, атакующих крепости Корфу, принудили мы напоследок к сдаче оные на договоре. По стечению разных обстоятельств, понуждающих к скорой решительности, предпринял я обще с командующим турецкой эскадрою Калдыр-беем атаковать оные всеми силами с моря и сухого пути решительно.

18 числа сего месяца, по приуготовлении всех надлежностей к штурмованию крепостей и острова Видо с северной и восточной стороны, остров Видо обошли мы многими кораблями и фрегатами на самую ближайшую дистанцию, даже на действительный картечный выстрел, став на якоря, шпрингом оборотясь бортами против батарей, траншей и окопов, закрывающих осажденных кругом всего берега. Произведена сильная канонада ядрами и картечью по местоположению. Сколь ни выгодны были к защите себя, батареи все оные сбиты, французы, укрывающиеся в окопах, принуждены большей частию со оных мест бежать во внутрь острова, в другие укрепленные места, а прочие полегли на берегу в траншеях. В ту ж минуту по учиненным сигналам свезен от нас десант на берег, и храбростию победоносных войск вашего императорского величества, спомоществуемых турками, которые, соединясь с нашими, с таковой же храбростию бросились во все места острова, неприятель разбит и побежден.

Из бывших в сие время на острове до осьмисот французов со всем их подкреплением из крепости едва успели немногие только на гребных судах возвратиться в крепости, прочие побиты и потоплены. В плен взяты генерал от инфантерии Пиврон, комендант острова, многие офицеры и солдат до двухсот, о убитых и потопленных обстоятельно еще неизвестно. С нашей стороны с обеих эскадр убитых и раненых весьма малое число: российской эскадры не более 15 человек, с турецкой сколько, обстоятельно также еще неизвестно. Во время ж производимого действия на острове войска наши, соответствием, по данным им повелениям, находящиеся на батареях, соединясь с албанцами, атаковали наружные укрепления крепостей и из оных штурмом, производя сильный бой с неприятелем, взошли на Сальвадор и оным овладели. Французов при оном сражении также убито и ранено немалое число, а с нашей стороны вверенной мне эскадры убитых 21, раненых до 55 человек, турок и албанцев также небольшое количество, да на батареях при деревне Мандукио и на мысу Св. Пантелеймона убитых и раненых российских войск до 20 человек.

19 числа из крепости Корфу от командующих генералов прислано ко мне письмо с просьбою на малое время, на сколько я положу, прекратить военные действия и пролитие крови храбрых войск обоюдных сторон и приступить к договорам о сдаче крепостей. Я по согласию с командующим турецкой эскадры Кадыр-беем положили сроку на 24 часа, и в сие время с обеих сторон договоры нами кончены и подписанные от французов нами получены, таковой же и с нашей стороны им дан. Крепости Корфу с артиллерией и со всеми их принадлежностями сданы будут нам чрез один день от подписания договоров, какого содержания письмо, присланное ко мне от генералитета французского, и договор, между нами сделанный, точные копии вашему императорскому величеству всеподданнейше подношу.

Морские войска вашего императорского величества и все командующие оными порученные на них дела и исполнения производили с беспримерной храбростию и радением, о которых и об отличившихся ревностию и усердием, по собрании сведений обо всех обстоятельствах, с подробностию всеподданнейше донесу вашему императорскому величеству особой реляциею, а теперь по экстренному случаю отправляющегося на судне курьера в Триест никаких подробностей и обстоятельств, требующихся к донесению, описать не успел.

P. S. А теперь, спеша скорым отправлением с курьером, отправляющимся в Константинополь, подобного объяснения сделать не успел.

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ПОСЫЛКЕ ЭСКАДРЫ П.В. ПУСТОШКИНА ДЛЯ ПОИСКА
И УНИЧТОЖЕНИЯ ОТРЯДА ФРАНЦУЗСКИХ СУДОВ,
ВЫШЕДШИХ ИЗ АНКОНЫ В АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ,
И О ПРОРЫВЕ БЛОКАДЫ ФРАНЦУЗСКИМ КОРАБЛЕМ «ЖЕНЕРО»,
УШЕДШИМ ИЗ КОРФУ В АНКОНУ

28 февраля 1799 г.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: в прошлом январе месяце, узнав я, что из Анконы вышли французские три корабля и с ними малые два судна с десантным войском в Корфу, послал я января 1 числа навстречу оных отделенную эскадру под начальством контр-адмирала Пустошкина 74-пушечные корабли «Михаил», «Семион и Анна», фрегаты «Казанская Богородица» и «Счастливый» и с ними два фрегата турецкой эскадры.

Контр-адмирал Пустошкин, узнав, что оные французские корабли находились при островах Лисса и Лезино и один из них подходил к Рагузе, пошел туда их сыскать и, как от меня ему предписано было, дать решительный бой, разбить и взять в плен или в случае жестокого сопротивления потопить. Прибыв он с оною эскадрою в те места, французских кораблей там уже не нашел, ибо они узнали старательное наше наблюдение о поисках над ними, с крайней поспешностию ушли обратно в Анкону, куда прибыли жестокими крепкими ветрами и бурею весьма расстроены и имеют великую течь, для чего и разоружились в Анконе. А контр-адмирал Пустошкин долгое время пробыл с эскадрою в Рагузе по невозможности за противными ветрами возвратиться в Корфу, и 7 числа сего февраля в соединении к эскадре прибыл благополучно, кроме того, что во время следования от Рагузы, подходя уже к Корфу, эскадра, ему вверенная, потерпела великий шторм, случившийся при зюйдовом противном ветре, во время которого на фрегате «Казанская Богородица» переломился руль, и все вообще суда от качки довольно потерпели и несколько порасстроились прибылью воды, а особо фрегат «Казанская». Из турецких фрегатов на одном сломились все мачты и бушприт. Корабли и фрегаты сколько можно конопатью поправлены, а руль на фрегате «Казанская» делается новый.

Под крепостями Корфу между оных и острова Видо из находящейся французской эскадры 74-пушечный корабль «Женеро» во время блокады крепостей всегда изыскивал случаи и многократно делал опыты о побеге, но всегда бдительным за ним присмотром был оставлен и воспрепятствован. Напоследок с 25 на 26 число января в чрезвычайно темную ночь с вычерненными парусами при крепком зюйдовом ветре прорвался между кораблями блокирующими. Две полугалерки, нарочно для надзирания крейсирую-

шие перед нашими кораблями, увидели его под парусами благо- временно. Одна из них при темноте ночи попалась под самый корабль и едва, спустясь на фордевинд, отойти успела, делали сигналы им определенные о победе судов. В то ж время, когда «Женеро» еще не дошел до наших кораблей, деланы были от меня сигналы гнаться за бегущими кораблями, бить, топить и брать в плен, но по чрезвычайно легкому ходу сей корабль прорвался при пальбе в него с наших кораблей и с турецких фрегатов и ушел в Анкону. Два корабля наших «Богоявление Господне» и «Захарий и Елисавет» и фрегат «Григорий Великия Армении», тож два турецкие фрегаты гнались за ним до Анконы, но в темноте ночи и видеть его не могли. Сие случилось во время отсутствия вышеозначенной эскадры, а прочие французские корабли «Леандр», фрегат «Бруни» и мелкие суда по взятии ныне Корфу нами взяты в плен.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.Г. КУШЕЛЕВУ
С ИЗЛОЖЕНИЕМ ОБСТАНОВКИ ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ КОРФУ**

*1 марта 1799 г.,
корабль «Святой Павел», у острова Корфу*

Почтеннейшее письмо вашего высокопревосходительства от 28 ноября 1798 года я имел честь получить. За поздравление меня с получением высокомонаршей милости знаков ордена Св. Александра Невского с бриллиантами приношу покорнейшую мою благодарность. Предписания и повеления ваши наиусерднейше желаю выполнить с прилежностию, но обстоятельства, в каких я теперь нахожусь, совсем меня письмоводством задавили и отнимают время от деятельностей важнейших; а письмоводцев, которые бы сами могли по одному объяснению слов моих сочинять рапорты и донесения, здесь нет. Я измучен до такой крайности, что сделался больным. Повторяю просьбу мою исходатайствовать мне милость и благоволение присылкою достаточного числа способных письмоводцев, историографа и мастеров рисовальных, без которых ничего успеть не можно. О прочем во всякой подробности объяснился вашему высокопревосходительству в другом моем письме.

Планы, какие успел я сделать и достать здесь, в Корфу, вашему высокопревосходительству препровождаю; в прочем буду иметь старание делать все то, что будет в моей возможности, а чего успевать не могу, прошу великодушно простить. Я стараюсь больше о том, чтобы не упустить никаких дел и исполнений, и сколько можно успеваю; а описывать все то, что необходимо бы надобно и должно, никак успевать не могу.

Французский корабль «Женеро», как я в письме моем вашему высокопревосходительству объяснился, после долговременного

содержания его в крепкой блокаде и после многих его опытов к побегу, напоследок, в претемную ночь, вычерня все свои паруса, чтобы было незаметно, прорвался и ушел в Анкону. По взятии же нами Корфы корабль «Леандр» достался мне, а на часть турецкой эскадры — фрегат «Бруни». Мы поймали еще пришедшую сюда из Анконы авизу, поляку «Экспедицион» — судно прекрасное, легкое, похожее на прежний мой кирлангич «Ахилл», но несколько получше. А прочие мелкие суда, какие здесь есть, еще не рассмотрены.

Английский вице-адмирал Нельсон блокирует Мальту и Александрию и сам с кораблем своим в Палерме; а в Венецианском заливе кораблей и судов его нет. Из эскадры, мне вверенной, половина кораблей и большее число фрегатов имеют великую течь. С некоторых кораблей, особенно же с «Богоявления», «Троицы» и с некоторых фрегатов, верхняя обшивка спадывает; обшивные доски иногда выплывают из-под них наверх, и сие оттого, что обшиты они были дурно и обшивка креплена тонкими гвоздями. Гвозди так соржавели и истлели, что мусул только один в них остался; и когда раскалывают доску, чтобы ее вынуть, то все гвозди, какие в ней есть, рассыпаются. Я, будучи еще в Севастополе при кренговании оных кораблей, собрал множество таковых худых гвоздей и мусуля и хотел отправить в Государственную Адмиралтейств-коллегию и в Контору главного командира, но не успел. Пазы и стыки из-под верхней обшивки открыты, и оттого корабли и фрегаты имеют великую течь. Корабли «Богоявление», «Троица», «Магдалина», «Св. Петр» требуют непременно исправления килеванием; также фрегаты «Навархия», «Казанская», «Сошествие Св. Духа» и «Николай» необходимо надобно килевать, а здесь к килеванию ни смолы, ни гарпиусу, ни серы горючей, ни гвоздей, ни железа, ни пеньки, ни леса на бимсы, словом сказать, ничего нет. Стараюсь я по возможности, что только удобно, исправлять, но по совершенному во всем неимуществу ничего существенного сделать не можно.

Всю зиму были мы в движениях, блокируя крепости и остерегая Венецианский залив от высадки десанта. Бог провидением своим только нас милует. При всем нашем теперешнем состоянии паруса на многих судах ветхи; такелаж во многом числе в худости и требует перемены, и ничего здесь нет; равно и мелочных всякого рода необходимо надобных припасов: ни свеч, ни бумаги, словом сказать, во всем крайний недостаток, но и с ним по сие время я еще по возможности успеваю. Теперь как с этими кораблями и фрегатами отсюда выйти, ежели обстоятельства сего потребуют, не знаю. Кроме одной опасности, ничего не предвижу.

Ведомости, которые успели сделать, в Государственную Адмиралтейств-коллегию и в Контору главного командира препровож-

даю; а с некоторых судов, за бытностию их в отсутствии, еще не получены. Но и без всяких ведомостей все, что необходимо надобно, из сего описания явственно. Всепокорнейше прошу, как наивозможно скорее присылкою всех потребностей нас не оставить. Я полагаю, что по теперешним обстоятельствам надобно будет отсюда выйти с половиною эскадры нашей и с половиною же эскадры турецкой к италийским берегам, и туда, где надобность требует, о чем изъясню особым письмом. А с другой половиною эскадры останется тут в Корфу господин контр-адмирал Пустошкин, и употреблено будет всевозможное старание о поправке кораблей и фрегатов. Пленных, взятых нами, и судов умножается, а людей от военных действий время от времени становится меньше, и весьма они надобны.

Пленный 54-пушечный корабль «Леандр» корпусом весь хорош и крепок, обшит медью, и сказывают, что прежде ходил очень хорошо, а теперь, по неимению здесь лесов и припасов, французы вооружили [его] рангоутом с фрегата, потому и ходу его хорошего быть не может, и необходимо недобно все на него доставить новое. На фрегате «Навархия», кроме других потребных исправлений, семнадцать бимсов гнилых и следуют в перемену. Потому почитаю лучше бы его отправить в летнее время обратно в Ахтиар, ибо сюда ко мне мастеровых людей прислано очень мало и всех означенных работ исправлять некому. За всем тем будем иметь наиусерднейшее старание делать все то, что только возможно. Вот, милостивый государь, сколь тесны мои обстоятельства и сколь велика обо всем забота, при которой погрешаю я тем, что не могу исправляться письменными делами, как бы должно. При том еще мучат меня всегда требованиями провианта. Служителям многократно случалось по 3 и по 4 дня быть без сухарей; ели один только булгур, и ничего другого не было.

Суда, отправленные из Константинополя с провиантом, как министр наш уведомляет, некоторые от штормов в зимнее время разбились; другие с великими повреждениями возвратились; а некоторые только в малом числе чрез четыре месяца едва сюда прийти могли, и теперь провианту у нас во множестве недостаточно, также соленых мяс, вместо которых ничего нет. Меня же с эскадрою требуют во все места. Иной желает, чтобы шел я в Александрию; господин Сидней Смит пишет, чтобы отрядил я эскадру крейсировать поблизости Кандии; должно будет послать в Венецианский залив для забрания оттуда баталионов, назначенных для Мальты, а как она еще не взята и содержится в тесной блокаде, потому оные баталионы весьма были бы полезны мне в Италии.

Его величество неаполитанский король из Палермы присылал ко мне с письмом своего господина министра кавалера Мишеру и

просит наиубедительнейшим образом, чтобы я показался с эскадрою около итальянских берегов у Бриндичи, Отранто и около калабрийских берегов и пришел бы в Мессину, дабы ее занять и иметь лучше в наших руках, нежели допустить, чтобы отняли ее французы, уверяя наисвященнейшим именем, что по особому согласию угодно будет это его императорскому величеству нашему государю императору. От меня и от наших войск ожидает он своего спасения. Таковые важные обстоятельства должен я выполнить непременно.

Одно только теперь меня затмевает: не знаю, где наши войска и пришли ли в Заро, как им предписано? Но я думаю, узнаю чрез фрегат наш «Михаил», который от 14 числа января по требованию его неаполитанского величества министра иностранных дел господина маркиза де Галло послан к нему с одним турецким корветом в Бриндичи для отвозу его, господина де Галло, в Триест или поблизости тамошнего места; и известно, что он давно туда дошел и находится близ Заро, откуда вскорости я его ожидаю. Уповаю, что командующий оным фрегатом флота капитан Сорокин доставит мне полное сведение обо всем.

Также получил я письма из Бриндичи от графа Шестелюза, который наиубедительнейше просил меня прислать в Бриндичи фрегат или два и оттуда перевезти принцесс и теток бывшего короля французского с их свитою в австрийские владения, и ежели туда обстоятельства не позволят, то сначала перевезти их в Корфу. Посему и посланы от меня февраля от 14 числа за ними в Бриндичи фрегат «Счастливый» и с ним способное для груза одно турецкое судно, которых вскорости сюда ожидаю. И если неимущество провизии меня не остановит, то около половины марта надеюсь я с полуэскадрою, как выше означено, отправиться отсюда к вспоможению Италии, дабы хотя ободрить тамошние места и утвердить жителей Пулии в верности его неаполитанскому величеству, которые по сие время еще от того удерживаются. Чрез присланного ко мне из Отранто, требующего моей помощи, послал я к ним объявление, коего печатный лист при сем представляю*. Я одобряю их и обещаю вскорости прийти к ним на защиту и помощь со всею эскадрою.

Весьма для нас важно, чтобы французы в сих местах не утвердились, откуда могут посылать десанты свои во все другие места; но так как их теперь тут нет, да и во всей Италии очень мало, то надобно все сие предупредить нашими деятельностями. Только я теперь совсем без войск; войска же наши со флота содержат в безопасности крепости Корфу.

* В деле не обнаружено.

Для отвозу гарнизона французского отсель в Тулон здесь нанимаем мы суда купеческие и с ними несколько наших малых судов посылаем. Не оставьте, милостивый государь, прислать в прибавку нам служителей для флота и особливо солдат полевых, которые крайне необходимы. И чтобы содержать крепости Корфу, надобен по крайней мере целый полк. Меньшим же числом никак нельзя, потому что крепости сии весьма важны и укреплены артиллериею и фортификациею бесподобно. Медных прекраснейших орудий одних до четырехсот и более двухсот чугунных. Теперь в крепости делается всему опись, которую при первой оказии я к вам доставлю. Когда я отсюда выйду, то оставленная здесь эскадра от содержания и надзирания оных мест отделиться кажется не может, разве некоторая только часть оной. Впрочем, какие обстоятельства последуют, обо всем буду иметь старание относиться к вам с наивозможной подробностью.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С КОМАНДУЮЩИМ ТУРЕЦКОЙ
ЭСКАДРОЙ КАДЫР-БЕЕМ**

5 марта 1799 г.

Я наскучил вам неприятными описаниями об Али-паше, дал несколько знать и о моих товарищах — Кадыр-бее и с ним находящихся. В том великое терпение я имею, не могучи более переносить, даже больным делаюсь, столь великая епетимия* быть с ними и угождать дружбе непрерывно. Они таковы, что учтивость во всех делах, чем я им честь и прибыль делаю моими приобретениями, почитают за долг и не внимают ничему. Я их берегу, как красненькое яичко, и в опасность, где бы потеряли, не впускаю, да и сами они к тому не охотники...** мои корабли в разные времена несколько раз дрались только и...** у нас разбиты у двух бизань-мачты, на фрегате «Армении» почти все реи прострелены. Остров атаковали и дрались одни мы, и тут надобно многие реи на нескольких судах переменить новыми, пушки и единороги на батареях были более наши, порох, ядра и бомбы во всех местах посему употреблены наши. Но они этого не хотят разуметь. Я старался взять Корфу и все издержанное и пришедшее в негодность и испорченное переменить теми, что собственно мною взято потом...**, но они и того не понимают, когда берут мой лес в перемену реев и стеньгов, когда берут прочее вперемежку. Они во всем и том хотят быть в половине, без чего корабли мои ни с места ступить не могут...** и ропщут, говоря, что мы все обираем (хотя ни

* Наказание.

** Текст неясен.

капли, кроме сих вещей, к исправлению кораблей следующих, мы не берем). Говорят, будто на них пишут в Константинополь, что они нам сего не запрещают и боятся, чтобы их по таковым наветам не повесили.

Вот, милостивый государь, при всем нашем с Кадыр-беем дружестве сколько нелепостей переносить я должен. Прошу, между прочим, объяснить Блистательной Порте. Хотя в моих приобретениях приказал не считаться в тех вещах, которые употребляем мы на исправление наших кораблей на место попорченных в бою от неприятеля и о снарядах, нами расстрелянных, во взятии вместо их других, сколько найдется, ибо без того корабли мои будут без снарядов и бесполезны и нечем будет действовать в будущие случаи. Вот до чего простирается нерасчетливость, которой они знать не хотят и показывают себя в том невнятными. Ежели я расстрелял ядра, порох и прочие снаряды, ежели у меня разбиты стены, реи и мачты и вместо их нашел здесь лесу, хотя не совсем достаточно, тож ядра и прочее должен ли я без расчета моими приобретенными боем из взятого переменить и укомплектовать корабли, чтобы и на будущие деятельности быть способными. Они, не входя во оное, говорят свое, что боятся на них наветов, и всегда твердят, что с ними поступите худо безо всякого разбору и оправдания не спросите... Поистине, сколь я ни дружен с беем ...* иногда от неприличных чувствительностей, а избежать от этого нельзя, ничего не понимают или не хотят понимать. Ожидаю вашего ходатайства тонким учтивым образом от Порты напомнить им за услугу мою таковых мелочных счетов против меня не делать.

С почтением моим и преданностию имею честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С АЛИ-ПАШОЙ ЯНИНСКИМ
И О НЕЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ ОСЛАБЛЯТЬ СИЛЫ ЭСКАДРЫ
ПОСЫЛКОЙ СУДОВ К БЕРЕГАМ СИРИИ
И ЕГИПТА ПО ТРЕБОВАНИЯМ АНГЛИЧАН**

5 марта 1799 г., корабль «Святой Павел»

За почтеннейшее письмо вашего превосходительства и благоприятное поздравление меня с получением монаршего благоволения ордена Св. Иоанна Иерусалимского с присовокуплением командории в двух тысячах рублях ежегодного дохода состоящего, и в другом письме — с бриллиантами знаков ордена св. Александра Невского — приношу покорнейшую мою благодарность. О

* Текст неясен.

векселях на сумму жалованья на эскадру, следующего от барона Васильева, и письмо вашего превосходительства я получил и ожидать буду присылки денег; так и к нему соответственно писал.

Касательно же до присланного от вас векселя, чтобы от Али-паши получить по векселю сорок четыре тысячи семьсот один пиастр, не знаю, как это произвесть в дело? Боюсь я с ним денежные иметь расчеты. Ежели вексель к нему я пошлю, чтобы его не потерять, разве теперь, по взятии Корфу, не будет ли он тише со мною? И по сие время переписка его вся дружеская... прекратилась со мною, когда отказал он нам в своей помощи, а требовал от Порты повеления, чтобы ему с его войсками было предписано брать Корфу. А теперь как он будет? Переписки еще никакой между нами нет, кроме что присылка его теперешняя вновь войск и запрещение бывшим здесь не выходить без его повеления. Значит, какой-нибудь его замысел, но успеха никакого в том он иметь не может. Вся okolность здешняя меня уважает, и он по нужде должен быть скромнее. Теперь мне до него, кажется, никакой надобности нет. Опасность одна для Блистательной Порты: нет ли его замыслов, буде французы овладеют всем неапольским владением и особо Пулиею и в ней городами и крепостями Бриндичи и Отранто, откуда могут они посылать свои десанты везде. Но буде ваше превосходительство постарается, чтобы с эскадрою от здешнего края не отделяли, как требует господин Сидней Смит, чтобы несколько кораблей и фрегатов отделить к нему крейсировать поблизости Кандии* в пустом месте, где не можно ничего иметь, кроме худого, а упустить полезности и необходимости надобность.

Я надеюсь на божескую милость иметь успехи предохранять все потребное и успевать во всем, в чем возможно, только бы не снимали с меня воли, оставили бы на мою предусмотрительность, которую производить я буду по открывающимся случаям и обстоятельствам, все то, что полезнее и надобнее окажется. Теперь кораблей более в Анконе, нежели в Тулоне; в Тулоне, думаю, и двух кораблей нет, то адмирала Нельсона эскадра, во всех местах существующая, может их наблюдать. А мы соединенными эскадрами будем наблюдать Венецианский залив и около берегов Италии до Мессины, как неапольское величество убедительнейше об том просит и на нашу только помощь полагает надежду. Сие место теперь самое важнейшее, чтобы, занимая Венецианский залив, обезопасить берега Блистательной Порты. Прошу предупредить меня, согласны ли на таковое полезнейшее место. А затем я буду досматривать, что, когда, где понадобится и какие случаи откроются, требующиеся только исправления эскадры, мне вверенной, несколько б кораблей и фрегатов. По неимению теперь здесь при-

* То есть остров Крит.

пасов и материалов невозможно много сил и полезностей от меня отнимает. Ежели бы теперь эскадра вся была исправна и не требовала бы важных починок, надеялся бы много сделать полезного, а теперь действия наши будут по возможности, как я в другом письме к вам обстоятельно объяснился.

P.S. От Али-паши, кроме худых последствий, незаметно обносить нас понапрасну и съезжается в Корфу, но я его отпотчиваю, чтобы сего не осмеливался. Теперь надеется по облыжности своей чрез Порту.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ТРУДНОСТЯХ, ВСТРЕТИВШИХСЯ В ХОДЕ БЛОКАДЫ ОСТРОВА КОРФУ
ИЗ-ЗА ПЛОХОГО СНАБЖЕНИЯ ЭСКАДРЫ ПРОВИАНТОМ
И БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТУРЕЦКИХ ВОЙСК**

5 марта 1799 г., корабль «Святой Павел»

В почтеннейшем письме вашего превосходительства, между прочим, по благоприятству вашему ко мне в предосторожность мою уведомляете, не получая от меня долго писем, слышите обо мне в Константинополе и доброе, и худое. Я нимало не сомневаюсь, чтобы этого противу меня не было, я стараюсь дела мои располагать по обстоятельству полезностей, и все, что возможно, невозможностью рисковать и потерять все безрассудно не должно. Когда к чему сил недостает, к тому требуется искусство и терпение. Недостатки наши, бывшие при осаде Корфу, во всем были беспредельны, даже выстрелы пушечные, а особо наших корабельных единорогов необходимо должно было беречь на сильнейшие и на генеральные производства всего дела. Со мною комплект только снарядов к орудиям, тотчас можно было их расстрелять, и расстреляли бы мы их понапрасну весьма с малым вредом неприятелю. Потому с прежней батареи всегда стрелять я запрещал, а другого начать вновь ничего было не можно, потому что суда мои были все в раскомандировке, на месте я с двумя или тремя судами только оставался, прочие все в разных были движениях.

Паши мучили нас только обманами в присылке войск, как я к вам прежде уже писал. В деятельности албанцев всех было от них не более трех тысяч, а я прежде с прибавком писал до трех с половиною, а они полагали до четырех. С таким малым числом войска нерегулярного и необузданного и помыслить ничего нельзя. Пока не собрались все мои суда и храбрые наши войска, принуждено было медлить и предпринять важного ничего было нельзя; товарищи мои* всего этого не разумеют, челядь ихняя сбивает их до

* То есть союзники-турки.

бесконечности, и их страшат и говорят, будто на них пишут в Константинополь, для чего мы стоим даром и не стреляем.

Также прошел сюда один бриг французский в темную ночь между нашими судами, который от них расстрелян был впрах, но скорым ходом прорвался до крепости. Это, говорят, будто пропустили мы его нарочно. «Женеро» отсюда ушел, и просто также говорят, что мы, согласясь с французами, его пропустили и будто мы подкуплены.

Дела сколько здесь — не счесть: вся блокада, и во всех рассылках, и во всех местах, и все успехи производимые деланы все одними моими только судами, а из турецкой эскадры, кого ни посылаю, пройдет только час-другой — и тотчас назад идет. Когда велю, где крейсировать и не приходить назад к нам, то, отошед, остановятся и дремлют во все время без осмотрительностей, а за всем тем открыто уже мне напоследок стали говорить без всякого размышления и не смысла ни о чем, для чего мы стоим и ничего не делаем. Я измучил уже бессменно всех моих людей в разных местах, но они этого отнюдь не разумеют и ничего не понимают и слышал, что многие хотели писать на Кадыр-бея жалобу, ни в чем, однако, не исполняя его приказания как бы надлежало.

Али-паша злобится на нас, вымышлял и распушал везде по всему свету всякие нелепости, на всем албанском берегу распространил неприличные переговоры даже в отдельные края и в Константинополь. Я всему этому смеялся и презирал и ожидал соединения эскадры, а между тем устроил еще одну батарею важнейшую, и словом сказать, прилежнейшие наши служители от ревности и рвения своего, желая угождать мне и оказать деятельность свою и храбрость, на батареях в работу и во всех бдительностях в дождь, в мокроту и в слякоть, обморанные в грязи, все терпеливо сносили и с великой ревностью старались обо всем рачительно и все перенесли; и напоследок по соединении эскадры успели во взятии Корфу. Вот, милостивый государь, откуда происходят обо мне неприличные известия и несоответственные моему характеру.

Притом есть еще другое: в островах собрано было несколько много денег, считающихся призовыми. И об этом думают, что интересуюсь этими деньгами, но начисто все до копейки, что, когда, откуда входят призовые деньги или что-либо другое, экзаменуется учрежденной комиссией и записывается в книгу в приход; из этих денег до тысячи капотов купил я на солдат, на батареях бывших, ценою каждый по 11 и по 15 пиастров, до двух тысяч кож белых и черных и несколько подошвенных купил на обособивших* людей, в самой крайности бывших, пять тысяч заплатил албанцам, в

* То есть сделавшихся босыми.

наиме здесь бывшим, остатки все издержал на такие же надобности. Противу чести моей ни все сокроуиша в свете меня не обольстят, и я их не желаю и не ищу; от моего малолетства верен государю и отечеству. Один рубль, от монаршей руки полученный, почитаю превосходнейшим всякой драгоценности, неправильно получасмой.

Господин Авримиоти, о котором ваше превосходительство уже много писать изволили, показывал себя великим, всякий раз требует большого и невозможного, а малым и умеренным доволен быть не может. Ко всякому слову напоминает великие и важные свои заслуги, при министерстве им оказавшие, всегда упоминает почти ко всякому слову о великих милостях к нему и о расположении светлейшего князя Безбородки, Кочубея и вас, и что он обо всем и всегда описывает в Петербург, что случилось. И реляцию о моих делах намарал, не зная ничего, совсем противоречащую делам, какие были. После мне признался и, хотя себя поправить, еще хуже писал. Для меня все это ничего не значит, и я готов бы ему угодить, а особо от искренности почитаю вас, если бы он просил соответственного, а малым, я думаю, больше его обижу, потому от него отговариваюсь. Напоследок по этим обстоятельствам и он, может быть, вздумает что-нибудь марать несправедливое, я, будучи чист во всех моих делах, всем позволяю, кто что хочет. Бог мне помощник, и никто мне зла сотворить не может, и я вместо всего таковых людей презираю и не беспокоюсь, о чем в предупреждение вас, милостивый государь, сим и уведомляю.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
ОБ ИНТРИГАХ И ВРАЖДЕБНЫХ ЗАМЫСЛАХ АЛИ-ПАШИ ЯНИНСКОГО
И НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ОБ ЭТОМ ТУРЕЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
С ЦЕЛЬЮ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ**

5 марта 1799 г., корабль «Святой Павел»

Об Али-паше, обо всех его к нам неприятностях я многократно уже вашему превосходительству объяснялся. Он запретил албанцам своим, которые здесь находились, чтобы из острова Корфу без повеления его не выходили. И узнал я, что он писал к Блистательной Порте, будто бы он с нами уговорился во всем быть участником и в части, чтобы и войска его в Корфу оставить с нашими такое же число, сколько наших будет от меня и от Кадыр-бея, чего никак быть не может и нельзя. Жители здешние никак их не терпят, потому что они наносят крайнее им разорение и обиды, и драки беспрерывные, и смертоубийство, которых никак держать нельзя. Я опасюсь, чтобы он несправедливыми своими донесе-

ниями не успел при Блистательной Порте Оттоманской в своих желаниях. Он не имевши никакого дела, кроме как приуготовляет себя укреплениями, и, почесть можно, с худым намерением, а я занят беспрерывно множеством дел от усердия и ревности к службе обоим государям нашим императорам и не могу успеть так скоро писать, как он. Ежели на его письма последует решение от Блистательной Порты, я никак не могу приступить к исполнению, пока не получу ответ на сие мое представление.

Я уже объяснился вашему превосходительству: крепости Корфу взяты нами, большей частью русскими кораблями, и сдача от французов, и просьба их письмом последовала прямо на имя мое, потому что все сильнейшее действие, чем наведен страх крепостям и гарнизону, последовало чрез мою эскадру. Равно как и на берегу, батареи устроены все начисто одними моими людьми, хотя при действиях на них находились обще, но всегда всякая работа, труды и неусыпность делались нашими одними людьми. За всем тем сдачу крепостей не принял я один на себя, как французы желали; для утверждения всегдашней нашей дружбы с командующим эскадрою Блистательной Порты включил я его во всем полным товариществом вместе. С ним одним я и счет иметь буду, флаги на крепостях мы подняли оба вместе. Следовательно, и останутся сии крепости на том же самом основании, как учрежденные нами и прочие острова безо всяких других товарищей.

Али-паша мучил нас во все время обманчивыми переписками в проволочку, весьма долгое время отвлекал нас обманчивостию своею и препятствиями от вспоможения других. Мы всячески хотели с ним согласиться, но кроме обмана от него ничего не произошло. Он, надеясь, что успел уже оными, торжествовал против нас своею гордостью, отказался формально нам помогать; на учтивое мое к нему письмо о просьбе присылки его сына и войск отвечал, что на каком основании он себя располагает во взятии Корфу, — писал к Кадыр-бею и Махмут-эфенди, что Корфу без него, без 25 тысяч его войска, взять нельзя, требовал, чтобы поручено было взятие ее ему и чтобы прислать к нему комиссара, денежную казну для жалованья его войскам, артиллерию и прочие военные припасы. И когда предписано будет Корфу брать ему, тогда он и пойдет. Махмут-эфенди тогда же, объявля мне об оном, и ныне тоже объявляет, что со оных писем и его требованию он представил Блистательной Порте Оттоманской, следовательно, об оном известно. И по всем таковым неприятствам его к нам участником нисколько в Корфу он быть не может, и я до того его не допущу. Теперь под скрытыми видами умножает он сюда присылкою свое войско или для того, чтобы показать, будто его было больше, а все говорят, даже некоторые при Кадыр-бее объясняются, что намерен он вести сюда десять тысяч или больше и про-

известь худые дела противу нас. Я в то ж время объяснился об оном с Кадыр-беем и Махмут-эфенди. Ежели он предпримет таковую дерзость, я почту это открытием его бунта против Блистательной Порты и противу нас, и на все его суда, на которых переправляться будут сюда его войска, ежели они и с ним будут вместе, пошлю военные суда и велю их потопить для прекращения всякого неприятства, чинимого с его стороны, и раздоров войск его противу жителей здешних, дабы не случилось междусобной войны, ибо они друг друга совсем терпеть не могут, о чем уже я многократно объяснялся.

Просил я Кадыр-бея и Махмут-эфенди, чтобы албанцам али-пашинским, заплатя все что следует, даже и дав награждение за их службу при вылазках за удерживание неприятеля и за недопущение его к разным помешательствам производимых действий с батареей, потом чтобы непременно приказать им чрез три дня отправиться в свои места. Три дня после того уже прошли, а исполнения я никакого не замечаю, кроме как те же слухи умножаются о Али-паше и о его намерениях. По таким обстоятельствам, чтобы сии албанцы не произвели худых своих намерений, и, пока мы еще не исправились судами к отправлению французского гарнизона готовящимися, чтобы они не покусились предпринять чего-либо важного вместе с французами, городские ворота с сухого пути по сие время содержим мы с Кадыр-беем и с Патрон-беем запертыми, не впуская в них никого. Обыватели города и все, в нем находящиеся, боясь последствий, таковую нашу предосторожность даже обожают своею благодарностию. Но прочие считают, что город и крепости по сие время блокируются албанцами Али-паши, распускают все слухи, что Али-паша точно с войсками своими будет к ним на помощь, чего, я почитаю, быть никак не может, ибо я его ни до чего худого отнюдь не допущу, да и сам он не может иметь столько духу, чтобы повергнуть себя в пропасть неминуемую.

Я покорнейше прошу ваше превосходительство обо всем оном с Блистательной Портою объяснить и Али-пашу удержать от его намерений, ибо всегда он с французами имел переписку, что и в письмах, взятых мною от французов в Мавре, значится. Здесь, может быть, на несколько времени моим бдительным старанием она была приудержана, и, может быть, он теперь потерял надежду себя удержать в границах, но теперь старается он предупредить нас своими несправедливыми отношениями и получить на них резолюцию, чтобы быть ему с нами товарищем, что и случиться может, ежели ему поверят. Не дождавшись наших донесений, уверяют, что он много имеет сильных друзей, но ежели сие случится, я обо всех обстоятельствах с подробностию всеподданнейше донесу государю моему императору, великому визирю и его султан-

скому величеству, ибо интерес мой единственно в верной и усердной службе обоим империям, равно и исполняю пользу общественную.

Прошу как наискорее на все оное исходатайствовать резолюцию и с нарочным курьером прислать ко мне. Я боюсь, чтобы в продолжении времени не случилось через него чего-либо неприятного, а особо упорной бытностью здесь войск его и к ним приумножения. Али-паша сначала и весьма долгое время стоял с войсками своими против Мустафы-паши и всем препятствовал и не допускал к нам помочи. Мы его примирили, и тогда, когда он увидел, что французы сильно преукрепились и с малым числом войска не можем мы взять крепости, тогда мучил нас присылкою по малому количеству и переслал к нам до двух тысяч. А когда уверился явно, что нельзя взять нам с сим малым количеством и, испробовав нас всякой обманчивостию, напоследок формально отказал, как выше означено, и притеснял нас в рассуждении провианта, жалованья и пуль единственно в удержании от взятия крепостей. Следовательно, в деле сем о взятии Корфу товарищества его теперь я принять не могу, и не по чему ему не следует. На свидетельство целого света я могу послаться, как и кем взяты сии крепости. Махмут-эфенди с Кадыр-беем сказывали мне, что всегда о худых поступках Али-паши и обо всем оном к Блистательной Порте писали со всякой подробностию, и мне говорили, чтобы я от себя писал также, о чем я к вам относился, и ныне, когда видели и слышали о Али-паше все доходящие выше означенные объяснения и что между нами о сем говорено, хотели они непременно с такою же точно подробностию писать. Просили, чтобы и я отнесся об оном прямо к Блистательной Порте и к верховному визирю, но я отношусь к вашему превосходительству и вас прошу объясниться как следует и доставить ко мне решительный отзыв с нарочным курьером, нимало не медля, которого я ожидать имею.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О СТРЕМЛЕНИИ АНГЛИЧАН ДЕРЖАТЬ СИЛЫ РУССКОГО ФЛОТА
РАЗДЕЛЕННЫМИ С ЦЕЛЮ ЛИШИТЬ ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ
ВЫПОЛНИТЬ ПОСТАВЛЕННЫЕ ПЕРЕД НИМ ЗАДАЧИ**

5 марта 1799 г., Корфу

Требование английских начальников морскими силами в напрасные развлечения нашей эскадры я почитаю — не иное что, как они малую дружбу к нам показывают, желают нас от всех настоящих дел отщепить и, просто сказать, заставить ловить мух, а чтобы они вместо того вступили на те места, от которых нас отделить стараются. Корфу всегда им была приятна; себя они к ней

прочили, а нас под разными и напрасными видами без нужд хотели отдалить или разделением нас привести в несостояние.

Однако Бог, помоществуя нам, все делает по своему — и Корфу нами взята. Теперь помощь наша крайне нужна Италии и берегам Блистательной Порты в защиту от французов, усиливающих в неапольском владении.

Прошу уведомить меня, какая эскадра есть и приуговоряется в Тулоне, англичане разными описаниями друг против друга себе противоречат и пишут разное и разные требования.

В Тулоне или один, или два большие корабля есть, да разве еще два или три фрегата — и то сумнительно. Теперь вся сила их, сколько есть, большею частию в Анконе, да и та ничего не значит. Сэр Сидней Смит без нашей эскадры довольно силен. С английским отрядом при Александрии, не имея и не зная нигде себе неприятеля, требования делают напрасные и сами по себе намерение их противу нас обличают.

После взятия Корфу зависть их к нам еще умножится, потому и должно предоставить все деятельности мне производить самому по открывающимся случаям и надобностям. К господину Сиднею Смиту я писал, что теперь не имею на эскадре провианта и многие суда требуют починки и исправления, да и встретившиеся теперь обстоятельства и необходимые надобности к выполнению эскадрами отделить теперь корабли и фрегаты от меня никак не позволяют; также объясняю, что в Тулоне эскадры французской нет или не более вышеозначенного количества, да и те, уповаю, блокированы будут господином Нельсоном.

Ежели осмелюсь сказать — в учениках сэра Сиднея Смита я не буду, а ему от меня что-либо занять не стыдно. Ежели я узнаю, что будет надобно, и того я не упущу. Копию с письма моего сэру Сиднею Смиту при сем прилагаю.

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ СОЕДИНЕННЫХ ЭСКАДР
ПРИ ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ КОРФУ**

*13 марта 1799 г.,
корабль «Святой Павел»*

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: крепости острова Корфу с помощью Божиею сильным действием победоносного оружия соединенных эскадр от французов нами взяты. С капитуляции об оных сделанной точною копию от 21 числа минувшего февраля я имел счастье представить вашему императорскому величеству.

Принуждая к сдаче оные крепости при блокаде, кругом обложенной кораблями и с сухого пути сверх прежде устроенной нами на пригорке при деревне Мандукио батарее, приказал я сделать сильную батарею на мысу Св. Пантелеймона, которая могла бить в крепости во все места. Французы рачительно со всех крепостей защищали оное место, ибо оно в близком расстоянии против фасада всей крепости и со всех укреплений открыто, а притом два раза делали сильные вылазки, на которых они албанскими и турецкими войсками были разбиты и прогнаны с немалым уроном.

И при всех таковых препятствиях, особым старанием и прилежностью от меня определенных, сия батарея войсками вашего императорского величества устроена и приведена в самое наилучшее состояние; поставлено на нее с кораблей обеих эскадр 13 самых больших орудий, прямо в крепости действовать могущих, и 3 орудия в наружные пристройки на Сальвадор, и 7 мортир разного калибра, и сверх оных на укрепления, кругом всей батареи обложенные, 7 пушек полевой артиллерии. Со оной и с прежде построенной батареей производима была непрерывная канонада, наносящая великий вред крепостям и гарнизону, в них находящемуся. Даже гарнизон принужден был часто оставлять пальбу с крепостей и укрываться в казематы.

Как же скоро эскадра, посланная с контр-адмиралом Пустошкиным по требующимся надобностям в Венецианский залив, возвратилась с подкреплением оной, предпринял я произвести решительное действие, сделав повестку всем островским жителям вооруженным соединиться с нашими войсками для взятия крепостей штурмом. Лестницы и все потребные надобности нами были приготовлены, и сделал я план, особые сигналы и все подробные наставления приказал раздать всем, кому что исполнять должно.

18 числа минувшего февраля открыл формальную атаку с северной и восточной стороны. Остров Видо обошли мы многими кораблями и фрегатами на самую ближнюю дистанцию на действительный картечный выстрел, став на якоря шпрингом и оборотясь бортами против батарей, траншей и окопов, закрывающих осажденных, и кругом всего берега и по всему острову произведена сильная канонада ядрами и картечью по возвышенному местоположению.

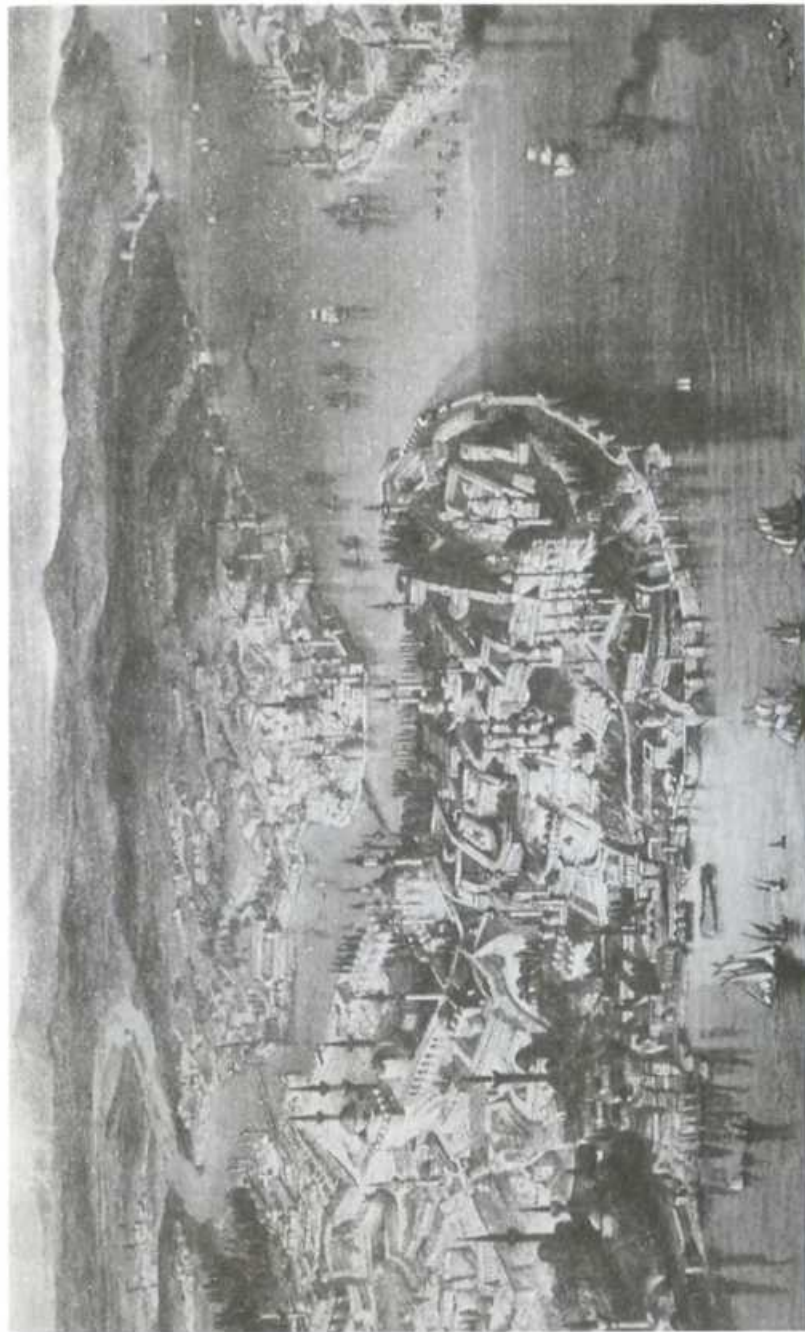
Сколь ни выгодны были к защищению себя батареи, все оные сбиты, французы, укрывающиеся в окопах, принуждены большей частью со оных мест бежать внутрь острова в другие укрепленные места. Но бегущие большей частью тут же на месте побиты, а прочие, не находя никакого спасения, полегли на берегу в траншеях. В ту ж минуту по učinенному от меня сигналу с обеих эскадр на гребных судах свезен десант на остров и храбростию победонос-

ных войск вашего императорского величества, спомоществуемых турками, которые, соединясь с нашими, с таковой же храбростию бросились во все места и неприятеля везде разбили и победили.

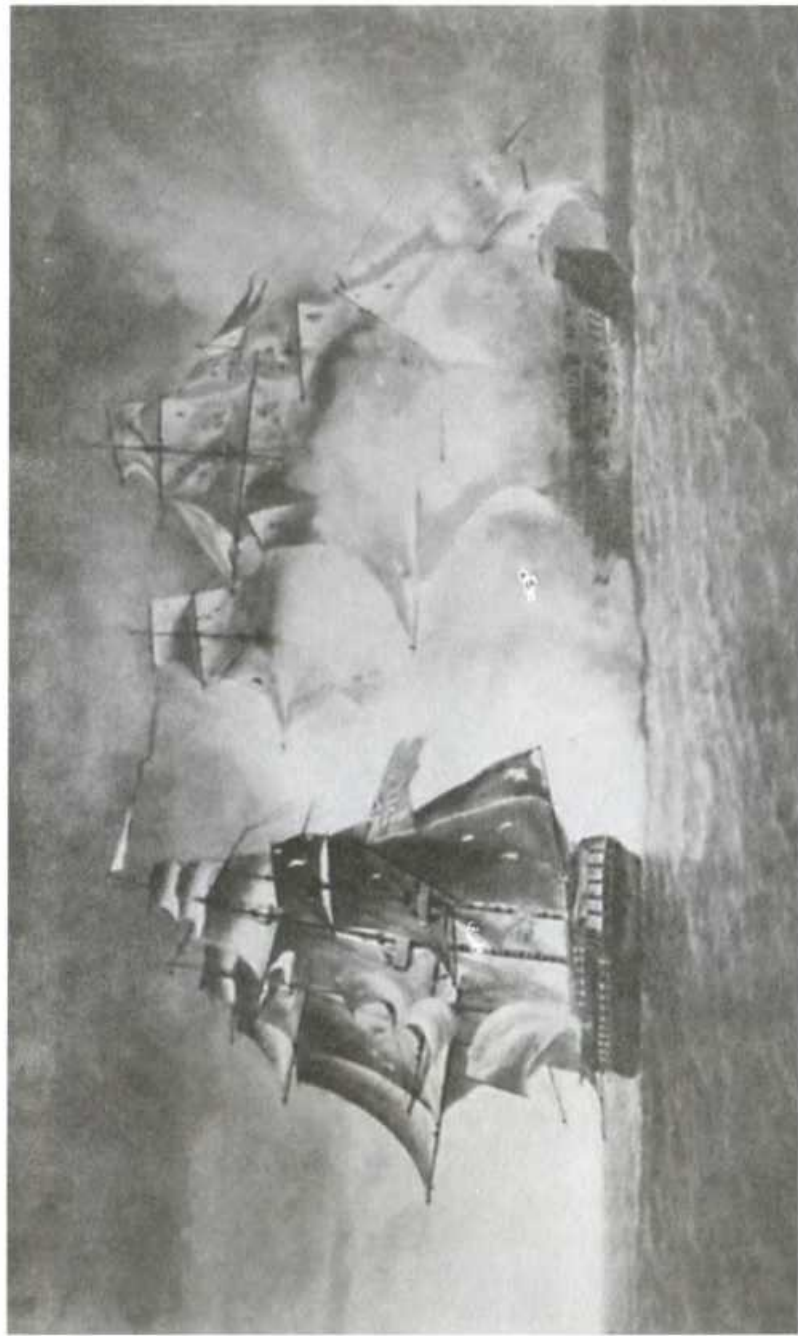
Из бывших в сие время на острове до 800 французов со всем их подкреплением и с крепостей едва до полутораста человек могли спастись бегством на гребных судах в крепости, ибо ядра с кораблей наших, перелетавшие чрез остров, все расстояние между крепости и острова покрывали, подобно градом. А корабль «Богоявление Господне» с восточной стороны из-за острова Видо, будучи открыт против крепостей, корабля «Леандр» и фрегата «Бруни», стрелял по оным и препятствовал напервое перевозить и умножать десант на остров, а после бегущим на гребных судах с острова. Корабль «Св. Петр» и фрегат «Навархия» в сие ж время, будучи под парусами, проходя мыс крепости Капо-Сидеро, атаковали оный и стреляли в корабль «Леандр», фрегат «Бруни» и по гребным судам, бегущим с острова. И из оных судов два баркаса с людьми потоплены, а корабль «Леандр» и фрегат «Бруни», защищавшие остров, весьма разбиты и едва могли уйтить обратно под крепость. «Леандр» имел несколько пробоин под водою и, не успевая отливать воду, поставлен к берегу на мель (который по взятии уже нами крепостей отлит и исправен).

В плен нами взяты на острове Видо генерал от инфантерии Пиврон, комендант острова, штаб- и обер-офицеров — 20, урядников и рядовых — 422. Прочие, которые не успели уйтить в крепость, побиты и потоплены. На эскадре нашей пальбою с батареей на всех судах убитых — 9, раненых — 28; турецкой эскадры на фрегате «Херим-капитан» убито — 8, ранено — 7.

В сие ж время, когда производилось действие на острове Видо, войска наши, на батареях находящиеся, спомоществуемые всеми силами корабля «Св. Троица», фрегата «Сошествие Св. Духа», аката «Св. Ирина», шебеки «Макарий», турецкого корабля «Патрон-бей», соединясь с турками и албанцами, на берегу бывшими, сходно данным им от меня повелениям атаковали наружные укрепления крепостей с сухого пути и, штурмом произведя долговременно жестокий бой с неприятелем, взошли на Сальвадор и форт Абрам и из оных сильнейшим укреплением Сальвадора овладели. При оном штурме на Сальвадоре и форте Абраме французов убито и ранено немалое количество. Российских войск убито — 19, ранено — 55; тукок убито — 38, ранено — 50; албанцев убито — 23, ранено — 42. Батареи наши во все сие время по крепостям производили непрерывную канонаду и наносили оной великий вред и истребление; с крепостей по оным ответствовано было с таковой же живостию и на батареях наших

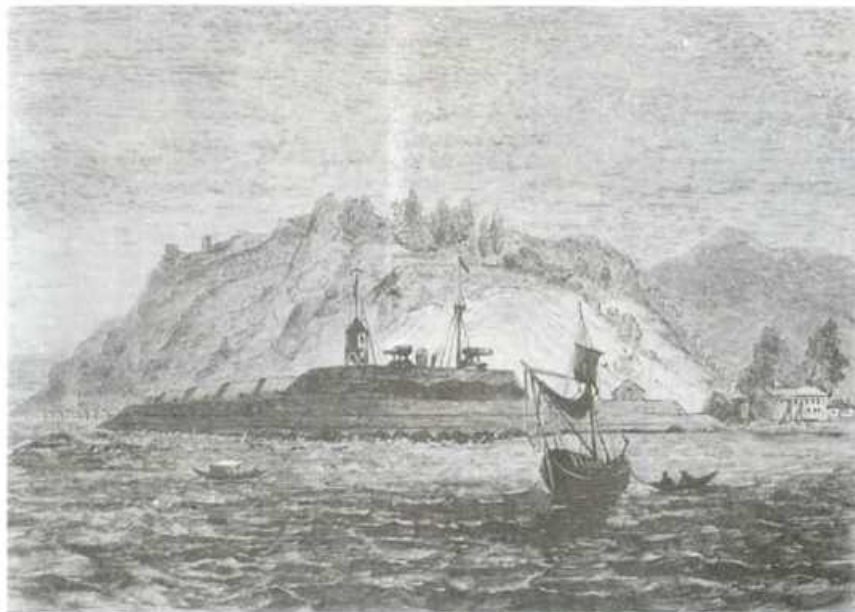
Вид на Босфор со стороны Мраморного моря

Одиночный бой фрегатов. С английской гравюры

Великий князь Павел Петрович, генерал-адмирал флота (с 1762 г.), будущий император Павел I

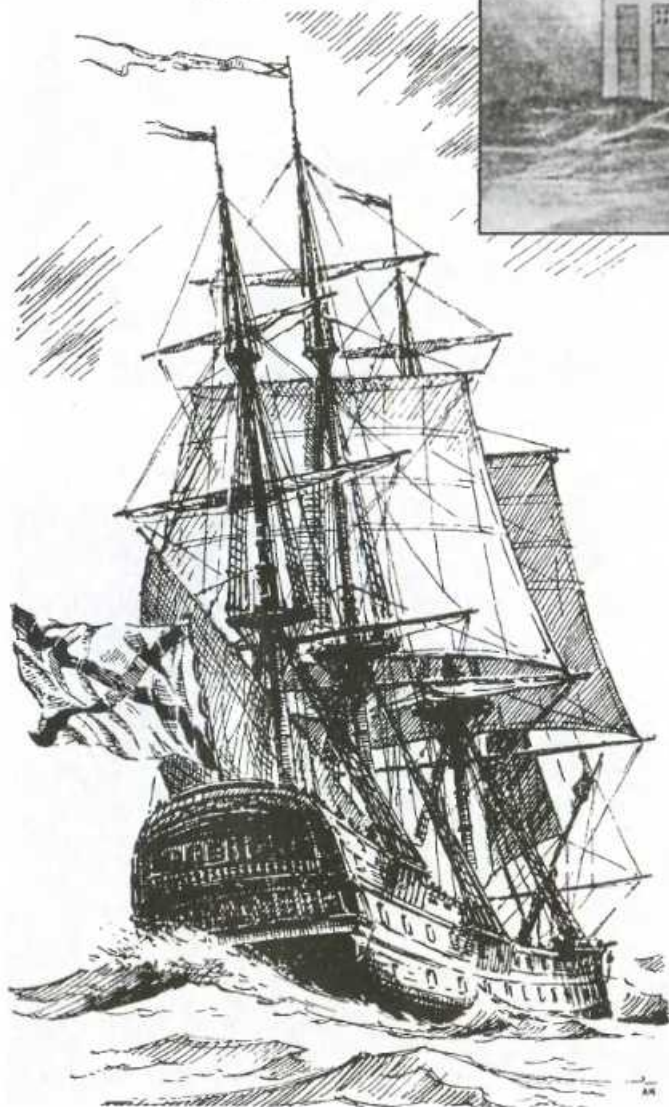
Турецкие укрепления в Дарданеллах. Крепость на азиатском берегу Босфора

Церемония восшествия на трон турецкого султана Селима III

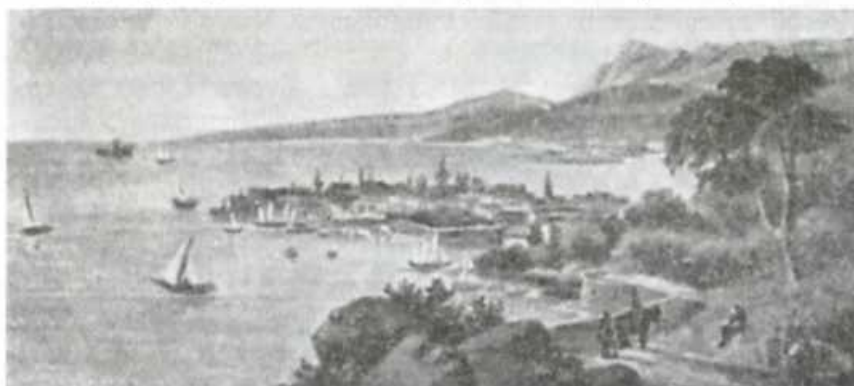
Маяк на острове Занте

74-пушечный корабль «Захарий и Елисавет». Действовал в составе эскадры Ф.Ф. Ушакова, которая 13 октября 1798 г. высадила десант на острове Занте, взявший крепость

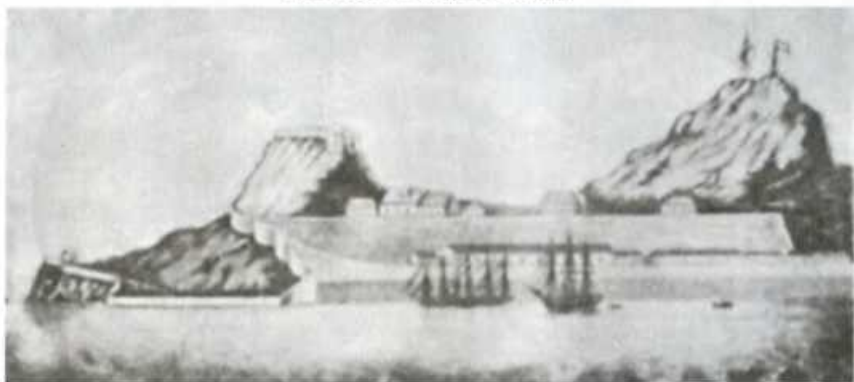

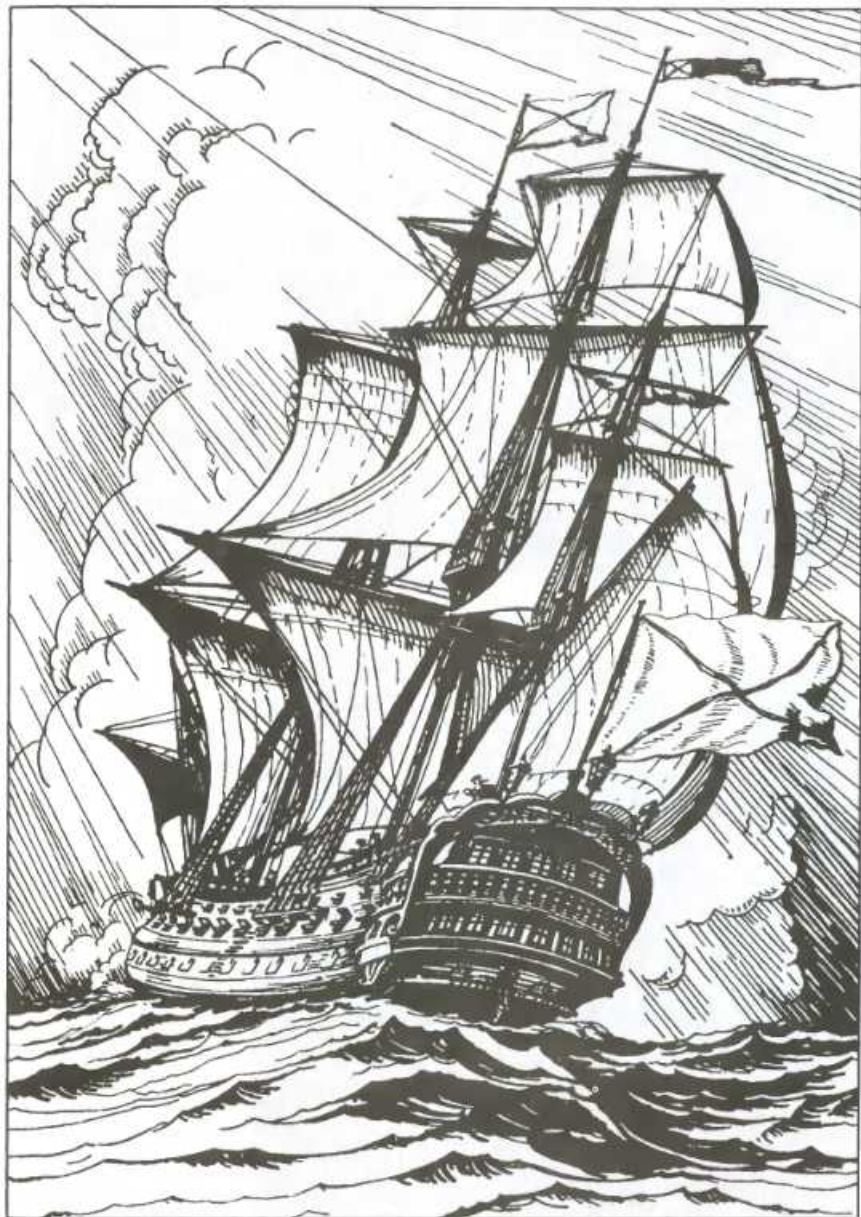
Медаль, преподнесенная Ф.Ф. Ушакову населением острова Кефалония

Вид на остров Корфу

Крепость на острове Корфу

84-пушечный корабль «Святой Павел» под флагом вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова во главе эскадры 20 февраля 1798 г. участвовал в штурме острова Корфу. На его борту французский генерал Шабо подписал акт о капитуляции

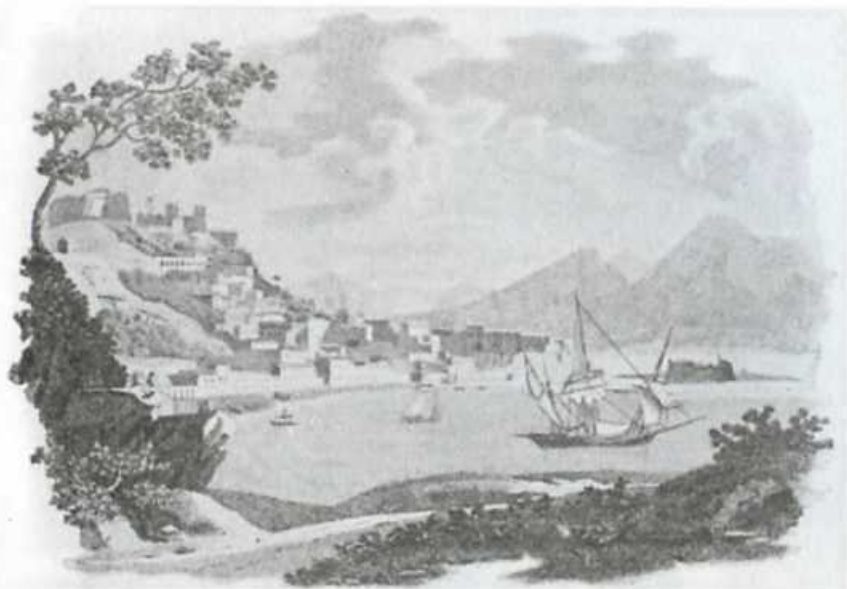
Английский адмирал Нельсон

Адмирал граф Н.С. Мордвинов

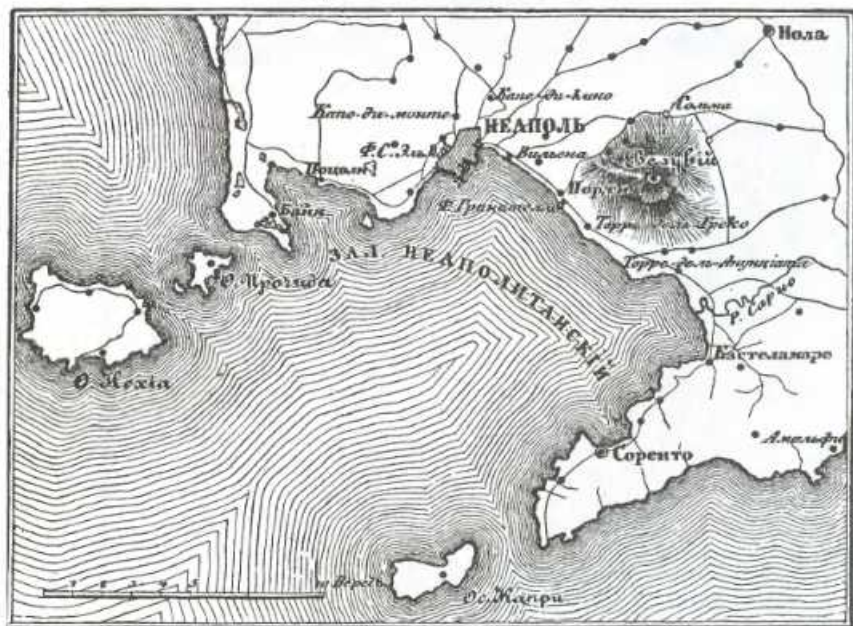

Император Павел I
возлагает на фельд-
маршала Суворова
Большой крест Свято-
го Иоанна Иеруса-
лимского. 1799 г.

Вид Неаполя с моря

План побережья неаполитанского залива

Аллея, где совершал прогулки адмирал Ф.Ф. Ушаков в последние годы своей жизни

Писанная мне нурвего
 огню зоби задржалки иони
 при нурвего воротитесь
 на дати, да и тина не тобу
 шак, одыняе вострше
 нилеа аорбител неба
 ио уиона привезних
 вербятки ездит офридова
 нилеа гулаине одителю в
 Силе Етестане виле имет
 зорю в нурвегох слугах иле
 по слушание оди лошад
 на пашовиле то по необходимости
 вилеа превахарисонеллене
 ниле стивае зилудире
 то нурно иле Силе
 средор ушанов

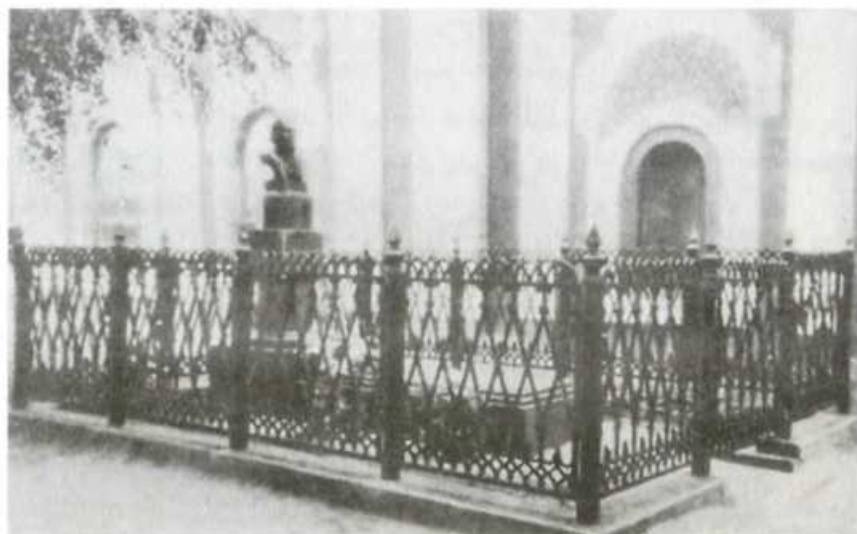
← Родословная рода Ушаковых

Автограф Ф.Ф. Ушакова

Санаксарский монастырь

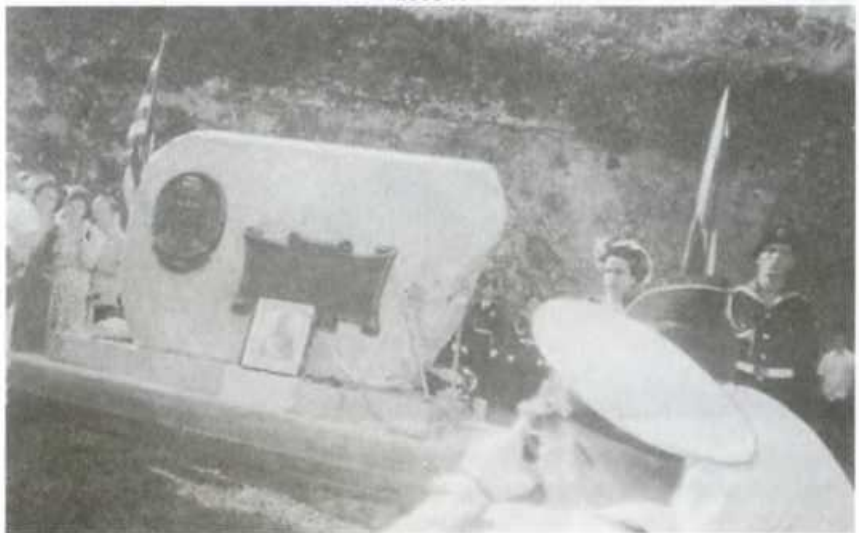
Могила адмирала Ф.Ф. Ушакова у северной стены Санаксарского монастыря

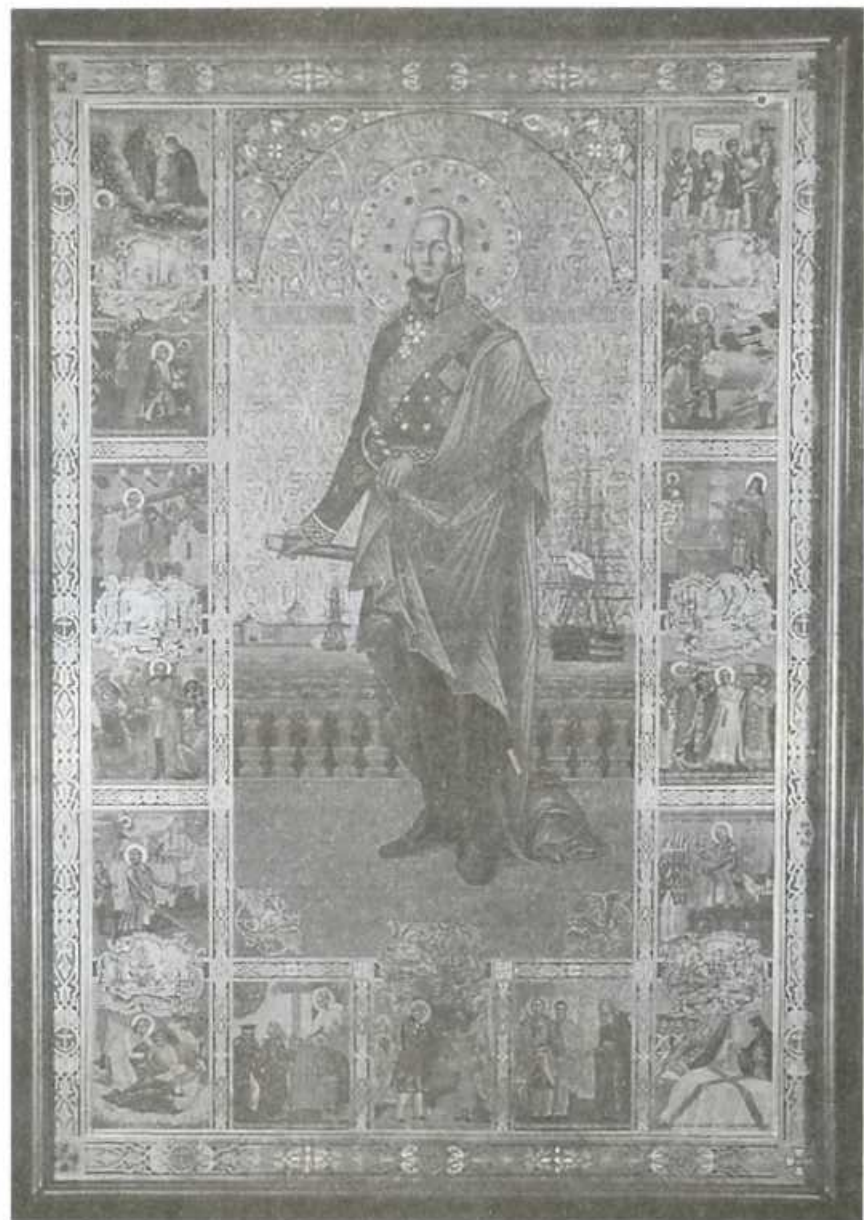

Внесение мощей святого праведного Феодора Ушакова в Санаксарский Рождественно-Богородичный монастырь. 2001 г.

Открытие памятного мемориала адмирала Ф.Ф. Ушакова на острове Корфу. 2003 г.

Икона святого праведного воина Феодора Ушакова

убито из наших войск нижних чинов — 3, ранено — 17. Французы таковым сильным и неожиданным ими действием уstraшены беспредельно.

Получено 19 числа из крепости Корфу от командующих войсками генералов Дебуа и Шабо прислано ко мне письмо с просьбою на малое время, на сколько я положу, прекратить военные действия и пролитие крови храбрых войск обоюдных сторон и приступить к договорам о сдаче крепостей. Я по согласию с командующим турецкой эскадры Кадыр-беем положил сроку на 24 часа, и в сие время с обеих сторон договоры нами сделаны, кончены, подписаны и разменены. И от сего времени чрез один день крепости Корфу со всею на них артиллерию, разными строениями, припасами, материалами и со всеми французскими судами, при Корфу находящимися, по описи нами приняты, гарнизон французский и все из оных крепостей нами в плен взяты. На наших и на наемных нами судах на сих же днях отправляются в Тулон со взятым от них обязательством на честный пароль с тем, что весь гарнизон французский, отправляющийся из крепостей Корфу, против Российской Империи, Блистательной Порты Оттоманской, Англии и Неапольского королевства и иных союзных держав воевать не будет, считая от подписания договоров осьмнадцать месяцев, а отпущенные бывшие в плену воевать не будут во все время продолжающейся войны.

54-пушечный корабль «Леандр», обшитый медью, по согласию с Кадыр-беем взят мною яко начальником в трудах и во всех исполнениях, а ему отдан фрегат «Бруни», обшитый же медью. Прочие малые и гребные суда, находящиеся в Мандракио по связностям, об оных разбирательством о подробностях между обывателями еще не окончены. Во время ж переговора ночью 21 числа пришло к крепости из Анконы французское судно поляка, именуемое «Экспедицион», под команду капитана Корелл, разных служителей — 35 человек, пушек медных — 8; на нем привезено малое число провианта и немного железа. Оно судно взято в плен российскими судами.

Вашему императорскому величеству осмеливаюсь всеподданнейше донести — все оные действия производимы мною обще с командующим эскадры Блистательной Порты Оттоманской Кадыр-беем, который во всех исполнениях со мною был согласен и старался о полезностях всеми возможными. Господин контр-адмирал Пустошкин, командующие кораблями, фрегатами и прочими судами и все морское войско вашего императорского величества во все время атаки крепостей Корфу при штурмовании и взятии острова Видо, равно и бывшие в десанте на батареях и при штурме крепостей полагаемые на них дела исполняли с бес-

премерной храбростию, рвением и прилежностью рачительно. Таковое ж соответствование чинили командующие и все войска Блистательной Порты Оттоманской и дела производили с храбростию и рвением. Албанские войска до 3 тысяч, от пашей здесь находившиеся, при вылазках с сухого пути удерживали неприятеля и неоднократно при оных вместе с турками разбили и прогнали в крепости; при штурме Сальвадора находились вместе с нашими войсками и были храбры.

Об отличившихся деятельностью и усердием, ревностию, храбростию и мужеством с показанием, кто в каких были исполнениях, вашему императорскому величеству всеподданнейше подношу именной список. План, учиненные мною особые сигналы и распоряжение об атаке, штурме и взятии острова Видо и крепостей, ведомость о генералитете, штаб- и обер-офицерах и обо всем гарнизоне, бывшем в крепостях, тож ведомость об артиллерии и снарядах и взятый с крепостей Корфу флаг, ключи крепостных ворот и знамя, отобранное от гарнизона, всеподданнейше подношу. Таковой же флаг и ключи с другой крепости и знамя гарнизона отданы командующему эскадры Блистательной Порты Оттоманской Кадыр-бею к представлению его султанскому величеству. На крепостях Корфу подняты флаги Российский и Блистательной Порты Оттоманской.

В десанте на острове Видо находились десантные командиры подполковник Скипор, майоры Боасель и Гаман; штаб-, обер-офицеров и разных чинов служителей солдатской команды — 742, матросов и канонир — 677. С турецкой эскадры разного звания войск — 750 человек. Краткие ведомости о припасах, материалах, о провианте и о судах, оказавшихся налицо при Корфу, всеподданнейше представляю.

Вице-адмирал Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О НЕОБХОДИМОСТИ УСИЛЕНИЯ ГАРНИЗОНА КОРФУ
РЕГУЛЯРНЫМИ ВОЙСКАМИ**

*13 марта 1799 г.,
корабль «Святой Павел»*

Вашему императорскому величеству осмеливаюсь всеподданнейше донести в рассуждении важных критических нынешних обстоятельств, да и навсегда почитаю я необходимой надобностью, чтобы остров и крепости Корфу предохранены были от французов, нужно иметь во оных крепостях по крайней мере не менее полка российских войск вашего императорского величества, а если снабдить их хотя посредственно, то не менее двух полков надобно. Старая и Новая крепости Корфу со многими к Новой кре-

пости наружными пристройками укрепление имеют бесподобное, а в нынешнее время французы, защищавшиеся здесь, непрерывными работами укрепили их еще наисовершеннее. Если они когда-либо по отсутствию нашему вновь овладеют и будут в них иметь до десяти тысяч войска, тогда отнять от них будет весьма трудно, и, что на оное повелено будет, имею ожидать высочайшего вашего императорского величества указа.

Вице-адмирал Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.Г. КУШЕЛЕВУ
С ПРОСЬБОЙ ВОССТАНОВИТЬ В ЧИНАХ АЛЕКСАНДРА ОЛЕШЕВА
И КАРЛА ФОН ИКСКУЛЬ, РАЗЖАЛОВАННЫХ В МАТРОСЫ
ПО ДЕЛУ ХИЩЕНИЯ ПОРОХА**

13 марта 1799 г.

Двое несчастных разжалованных прошлого 1797 года из мичманов в матросы во 2 статью Александр Олешев и Карл фон Иксуль, впадшие по молодости своей в погрешность и осужденные тогда по делу артиллерии лейтенанта Кондратьева в похищении им некоторого количества пороху, а они оказались участвующими при провозе на гребном судне того пороху, ныне находятся они в эскадре, мне вверенной, определенными с лейтенантом Метаксою на корабле командующего турецкой эскадры Кадыр-бей. И как они прежде были всегда из лучших и исправных офицеров, потому в рассуждении их знания и искусства от Кадыр-бея всегда употреблены бываю в всяких исполнениях по кораблю, а особо при флагманской и сигнальной должности.

Кадыр-бей прислал ко мне письменную особую об них рекомендацию, объясняя, что сверх вышеозначенных исполнений Олешев и Иксуль в десант ко отражению неприятеля на вылазках и на штурм Сальвадора, где примером своим оказали они отличную храбрость и мужество; он приписывает им великую похвалу и просит представить их к награждению монаршего благоволения достойными.

Я отношусь об оном к вашему высокопревосходительству, окажите вашу милость, исходатайствуйте высокомонаршую милость и прощение сим двум несчастным, прежде бывшим мичманам, возвращением и пожалованием их в прежние чины. Я уверительно объясняюсь вашему высокопревосходительству, молодость толь ввергла их в погрешность, в прочем они весьма благородного состояния и в искусстве офицеры могут быть пресовершенные. Отец наш небесный прощает кающихся, я надеюсь на всещедрую милость и благоволение монаршее и прошу вас, милостивый государь, о предстательстве. Сие снисхождение почту я собственно мне оказанным в таковой надежде.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА КАДЫР-БЕЮ
О БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТУРЕЦКОЙ ЭСКАДРЫ
И О НЕОБХОДИМОСТИ НЕСЕНИЯ ТУРЕЦКИМИ КОРАБЛЯМИ
КРЕЙСЕРСКОЙ И СТОРОЖЕВОЙ СЛУЖБЫ**

16 марта 1799 г.

Милостивый государь!

Во все время атаки и взятия крепостей Корфу эскадра, мне вверенная, без изъятия все корабли, фрегаты и мелкие суда находились в разных движениях в крейсерстве во всех предосторожностях, не допускали в крепости никаких судов и съестных припасов, сохраняли, чтобы корабли и прочие суда от крепостей не ушли, неоднократно дрались с кораблем неприятельским. При атаке острова Видо были на картечном выстреле против батарей, а некоторые и против самых крепостей, против корабля «Леандр» и фрегата «Бруни» находились в жестоком огне. Все кораблями, фрегатами и прочими судами моими сделано и крепости взяты, но все это время никогда не имели времени исправляться, ибо всегда были в деле непрерывно. На кораблях и фрегатах вверенной мне эскадры на многих разбиты ядрами мачты, стены, реи и сделались многие повреждения, а также и от непрерывного крейсирования и бытности их всегда под парусами в крепкие и худые погоды на многих сделалась большая течь, так что без большого исправления и без килевания иттить никуда не могут. Вашей же эскадре хотя при атаке острова некоторые и посыланы были в северную и южную части пролива с нашими, но они всегда были в стоянке на якорях, в бой против неприятельских кораблей никогда не входили, да и при штурме острова Видо были в отдаленности от оного, кроме одного фрегата «Херим-капитан». Следовательно, все они себя сберегли в целости, разве только которые без расчета и без надобности иногда проходили близко мимо острова Видо и через то понапрасну допустили себя стрелять, таковые только повреждения имеют, да два фрегата потерпели от погоды, а прочие все исправны.

Ваше превосходительство, вам известно и из сего также усмотреть извольте, сколь мала помощь от вашей эскадры была мне делана, так что я никогда не мог своих судов отделить для исправления, и они все теперь находятся в расстройке. По взятии крепостей некоторые суда, а особо малые, по совершенной уже худости послал я в Гуви и велел исправлять их работами. После оных не осталось у меня никаких судов, способных и исправных в предосторожность в проливе крейсировать надобным. Я многократно посылал к вашему превосходительству, требовал, чтобы вы некоторые фрегаты и корветы ваши хотя на сие время послали бы к северной и к южной сторонам пролива, чтобы они крейси-

ровали, не пропускали бы никаких судов, проходящих через пролив без осмотра, дабы с прочими неприятельские суда не могли тут пройтись. По многим требованиям моим все [время] вы судов ваших для крейсерства не послали. Я двоекратно объяснялся с вами словесно и требовал, чтобы непременно вы послали ваши суда и помогали бы мне в осторожностях. Более трех недель теперь уже прошло после взятия крепостей, но во все время вы судов ваших в крейсерство не посылаете, а у меня в эскадре исправных к тому и готовых нет. Через то многие разные суда через пролив проходят без осмотра, а паче в ночное время, что и теперь заметно, прошло в северный пролив немалое судно. И какое оно, неизвестно, а весьма подозрительно, ужели оно не французское.

Вы, милостивый государь, ежели позволите мне правду сказать, таковыми деятельностями очень мало мне помогаете, а напротив того, что действительно сказать можно, взято мною и моею эскадрою. И когда из оных взятых мною какие незначашие ничего вещи берут на мою эскадру необходимо для исправления кораблей и фрегатов, надобные на починку или на перемену разбитых неприятельскими ядрами, и об них, чего бы никак ни надлежало, претендуете, для чего мы берем без разделу с вами, хотя и к вам также вещи берут. Но на мою эскадру исправлением потребно гораздо более, и во всех таковых вещах, какие действительным боем мною приобретены и взяты и употребляются на исправление моих судов, тут же в бою поврежденных, надлежит с вашей стороны об оных делать претензии, а паче вы имеете долг по хозяйству в здешних местах спомоществовать мне всякими потребными вещами к исправлению кораблей, следующими через деятельности вверенной мне эскадры. Вы пользуетесь тем же правом, каковым и я, и по моей к вам дружбе и движению, а паче по действительной дружбе между собою государей наших императоров.

Милостивый государь, при таком моем к вам расположении и деятельностях предоставьте мне по крайней мере получить те вещи, которые мною приобретены на исправление кораблей, беззапретно, не делая в них с претензиями ропоту, ибо оные вещи не составляют ничто, как только несколько разных дерев или досок, пенки, гвоздей или смолы, и всего из них сколько их есть и на 5-ю часть исправления кораблей моих недостаточно, то позвольте хотя некоторые корабли мои исправлять беззапретно и без претензий. Собственная польза в том есть Блистательной Порты Оттоманской, чтобы корабли эскадры, мне вверенной, были исправны и способны были ходить вместе с вашей эскадрою на другие потребные исполнения. А без того, когда корабли мои не будут исправны, Блистательная Порты Оттоманская явную потерю почувствует, что я не буду в состоянии за повреждениями кораблей и за неисправлением оных защищать места и оборонять от

неприятеля. Я полагаю, что вы, будучи в состоянии в здешнем крае делать мне всякое вспоможение в исправлениях, когда их не сделаете, подвергнете себя непременно негодованию вашего начальства, ибо по отдаленности от России без помощи вашей нечего здесь получить, что в покупку, но здесь поблизости таковых вещей нет и достать не могу, и корабли через то остаются неисправными и к дальнейшим исполнениям. За сим еще напоминаю и прошу, пока суда мои не будут готовы, благоволите послать фрегаты и корветы ваши в северную и южную части пролива для крейсерства и осмотра проходящих судов.

P.S. Также во время боя против кораблей «Женеро», несколько раз с кораблями вверенной эскадры случившегося, то ж на батареях против крепостей Корфу, то ж при атаке и штурме острова Видо на сильную произведенную на оной пальбу вверенной мне эскадры кораблей и фрегатов снаряды, ядра, бомбы, картечи и порох на некоторых почти наличное число все употреблено в расход. И на кораблях теперь остается малое количество; и при том многие картаульные единороги и 24-фунтовые пушки, бывшие на батареях, от многой и долговременной пальбы раздуло и пришло в негодность, то таковые орудия приказал я в здешней крепости переменить годными, а порох и снаряды взять из магазина и из крепостей, сколько в комплектное положение на место издержанных следует. Я уведомяю ваше превосходительство, что все оные вещи непосредственно без всякого расчета должны быть на кораблях пополнены в настоящем их комплекте; и надобность тем паче, что сии крепости взяты боем наших кораблей, и я велел снаряды и порох взять только в возврат издержанного, а пушки на место испорченных, в чем известя, прошу приказать из ваших кому надлежит, чтобы при взятии из крепостей оных вещей нам не препятствовали, и вы со своей стороны не почли бы, что мы берем какие-либо вещи самовольно. По таковым обстоятельствам сим вас и предуведомить честь имею.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ПРОВОКАЦИОННЫХ ЗАМЫСЛАХ АЛИ-ПАШИ ЯНИНСКОГО,
СТРЕМЯЩЕГОСЯ ВЫЗВАТЬ НЕДОВОЛЬСТВО ГРЕКОВ**

31 марта 1799 г., корабль «Святой Павел»

Я получил письмо от капитана Драко Гривы, объясняющее упражнения ныне господина Али-паши Янинского. Он, избегая, чтобы не иттить с войсками в повеленное ему место против неприятеля, восстает против бедных, трепещущих ужасом от него греков, старается сделать и показать их бунтующими против Блистательной Порты Оттоманской; делать на них нападения, истреблять, разорять и принудить их обороняться; тогда уже объявит он их совершенными бунтовщиками, чего и малейшего виду в них никак не замечено и быть не может. Они уверены в совер-

шенной дружбе нашей с Блистательной Портою, причем и помыслить о таковой дерзости не осмелятся и пребудут верны.

Предупредите, милостивый государь, ежели можно, таковое их несчастье. Письмо капитана Драко при сем к вам препровождаю и с наивсегдашним моим высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть.

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О МЕРАХ, ПРИНИМАЕМЫХ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ
НЕАПОЛИТАНСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ В ОСВОЖДЕНИИ
ЮЖНОЙ ИТАЛИИ ОТ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК,
И О СОСТОЯНИИ СУДОВ ЭСКАДРЫ**

8 апреля 1799 г., корабль «Святой Павел»

Высочайший вашего императорского величества именной указ января от 22 дня о отделении от меня с достаточной эскадрою контр-адмирала Пустошкина к острову Сардинии, в коей должно быть не менее четырех линейных кораблей с приличным числом фрегатов и, ежели можно, отделить туда и большее количество кораблей, не имея и в моих операциях чрез то остановки, коим и действовать в Сардинии соединенно с английским и неаполитанским флотами, я с глубочайшим благоговением получил и всеподданнейше доношу, какова последовала после всего одного перемена в обстоятельствах Неаполитанского королевства и в предпринятых действиях и какие доставлены ко мне требования неапольского королевского величества и вице-адмирала Нельсона, чтобы я с ожидаемыми сухопутными для десанта войсками обезопасил неапольские берега при заливе Венецианском и с соединенными российской и турецкой эскадрами пришел бы в Мессину и оттоль к Неаполю для освобождения одного вместе соединенно с английскою эскадрою вице-адмирала Нельсона; минувшего марта от 30 дня всеподданнейшими рапортами от меня вашему императорскому величеству донесено.

После сего на сих днях получил я известие, что при берегах Венецианского залива в Бриндичи вошел один французский фрегат с несколькими числом малых судов, на них французов весьма мало, а большей частию одни бунтующие неаполитанцы, и не в великом количестве. За всем тем овладели они на островку против гавани небольшой крепостью и вошли в город Бриндичи, наместник королевский кардинал Руффо из Калабрии отрядил и с поспешностию послал от себя к Бриндичи войск своих до двух тысяч пятисот человек, в том числе несколько конницы, которые уповательно в самой скорости на освобождение Бриндичи поспе-

шат. Эскадра, от меня посланная: два фрегата — «Михаил» и «Счастливый» и с ними фрегат неаполитанский, корвет и одно судно турецкие, уповаю, туда уже дошли. И по известным мне обстоятельствам и мелководности при берегах при тамошнем заливе к полезнейшему содействию оной эскадры по получении известия о последствиях в Бриндичи тот же час послал я в соединение к эскадре шхуну № 1, хорошо большой артиллериею вооруженную, и с ней три турецкие канонирские лодки. Уповаю, по благополучной погоде сегодняшней день они туда прибудут.

А затем спешу я всеми возможностями сходно с прежними донесениями, как наискорее исправить и приуготовить корабли и фрегаты, которые должны со мною следовать, ибо минувшее зимнее время при всяких жестоких худых погодах и при случавшихся штормах эскадра, мне вверенная, непрерывно находилась в прилежных деятельностях и выполнениях, чрез долговременный поход и всегдашнюю бытность на море требуют немалого исправления, и при всех недостатках и неимении припасов, материалов и лесов наивозможнейшими способами и неусыпным старанием исправляются в лучшее состояние.

Для препровождения прибывших сюда из Бриндичи французских принцесс с их свитою с прибывшим для них от вице-адмирала Нельсона португальским кораблем посылаю я на сих днях в Триест два линейных фрегата — «Навархию» («Вознесение Господне») и «Св. Николая», которые, проходя туда, препроводят разных дружеских наций купеческие суда и в Венецианском заливе обезопасят коммерцию. Я предпишу командующему оными фрегатами капитану 2 ранга Войновичу по прибытии туда осведомиться о войсках вашего императорского величества, следующих в Италию, и о тех баталионах, которые назначены приттить в Заро под командою генерал-лейтенанта Германа. Ежели они не в дальнем расстоянии, послать курьера отвезти к командующему армиию письмо неаполнского короля и от меня о следующих выполнениях, предписанных мне вашим императорским величеством высочайшим указом. И ежели означенные войска могут прибыть к тем берегам, взяв число, сколько понадобится наемных судов, на оных, на фрегатах и на португальском корабле баталионы, следующие в мальту, доставить ко мне в эскадру.

Я же, как скоро корабли и фрегаты исправятся конопатной и плотничной работами и малейше не упустя времени, отправлюсь вместе соединенно с командующим турецкой эскадрой от каждой с половинным числом кораблей и фрегатов, сходно как прежде имел счастье всеподданнейше донести к стороне Бриндичи и Манфредонии, обезопасить и очистить оные места от неприятеля

и потом поспешу иттить к Мессине и к Неаполю в соединении с вице-адмиралом Нельсоном. А между тем два баталиона, в Мальту назначенные, ежели не успеют соединиться в здешнем краю со мною, доставлены будут ко мне на показанных двух фрегатах и португальском корабле с помощью от остающейся при Корфу эскадры. Обо всех нужных к сему выполнениях, что до кого касаться будет, оставлю я достаточное распоряжение господину контр-адмиралу Пустошкину.

Я сам с отделенной эскадрою предпринимаю смелость иттить в надежде высочайшего вашего императорского величества милостивого благоволения, единственно считая из того соблюдение истинной пользы службы вашего императорского величества по последовавшим выше объясненным разным и важным обстоятельствам, ибо командуя эскадрой Блистательной Порты, находясь всегда в наилучшем согласии, охотнее решится везде быть со мною и содействовать вместе, а притом полагаю и не малая опытность моя в подобных выполнениях может быть небесполезна. Я наиусерднейше желаю быть употребляем в деятельности против неприятеля и не быть праздно, ибо по взятии Корфу остаюсь я свободным.

Теперь в Корфу учреждается правление, сходное Рагузинской республике, дабы все завоеванные нами прежде бывшие венецианские острова составляли одну республику и в Корфу был бы учрежден Сенат по надлежащим правилам. Я послал повеления мои во все те острова избрать достойнейших и быть им в Корфу для составления Сената и учреждения судебных мест и законов, чему как быть должно, а затем отправить к высочайшему двору вашего императорского величества и к Блистательной Порте Оттоманской депутатов на высочайшее утверждение и конфирмацию. Сходственно сему получил я предписание, присланное из Константинополя от полномочного министра вашего императорского величества господина тайного советника и кавалера Томары. По отправлении моем с эскадрою поручу я все сии выполнения сделать и окончить господину контр-адмиралу Пустошкину.

За всем тем буду я иметь старание всякие выполнения чинить сходно, какие окажутся важнейшие обстоятельства и надобности, и, когда буду находиться соединенно вместе с вице-адмиралом Нельсоном, все, что будет возможно к защите и спокойствию Сардинии, стараться буду согласовать с его мнением и обстоятельствами, какие окажутся необходимы и полезнее. По сведениям и по видимостям теперешних обстоятельств, ежели они еще не переменятся, весьма полезно бы было баталионы, назначенные вашим императорским величеством и обещанные в помощь неа-

политанскому королю в Неаполь следующие, буде бы они пришли в Заро или в Триест, оттоль перевезти эскадрю, мне вверенной, и наемными судами чрез Венецианский залив в Манфредонию; тут при помощи эскадры все места тотчас бы можно было оными войсками очистить, и дорога из оногo места была бы кратчайшая и удобнейшая к Неаполю, ибо во всей Италии теперь с давнего времени не слышно никакой прибавки французских войск, а находится их весьма мало, считают в разделенных разных местах не более до девяти тысяч. Войска российские тотчас бы из Манфредонии перешли к Неаполю, и к ним соединились бы войска наместника королевского кардинала Руффо, и с действующею эскадрю Нельсона уповательно и с присутствием королевского величества, а я с соединенными эскадрами поспешил бы туда же к Неаполю. По мнению моему, могли бы все полезности исполниться с поспешностию, так я общим мнением с неапольским министром господином Мишеру полагали, но письмом от министра уведомлен я, что те войска пойдут в соединение под начальственное распоряжение господина фельдмаршала графа Суворова-Рымникского, поэтому и неизвестно, будут ли уже они оттоль присланы в Заро или куда в другие ближние тамошние места или уже пойдут по всей Италии сухопутно. Я буду обо всех обстоятельствах наведываться, предпринимать и исполнять полезнейшее. Его неапольское величество нетерпеливо ожидает меня с десантными войсками и спасение всей Италии надеется получить от войск российских.

Из эскадры, мне вверенной, корабль «Св. Петр» за великой в нем течью, с давнего времени оказавшеюся, теперь разоружен и с поспешностию готовится к килеванию, а по неимению киленбанка, который здесь вовсе разорен, к тому месту, где был киленбанк, поставлен худой прежде бывший венецианский корабль, верх с него срублен по нижнюю палубу и готовится быть киленбанком. Также за большой течью необходимо надобно бы килевать корабли «Богоявление Господне», «Святая Троица» и «Мария Магдалина», но припасов и всяких разных потребностей и здесь налицо не состоит, да и мастеровых служителей весьма недостаточно. Потому корабли «Магдалина» и «Святая Троица» поправятся только кренгованием, хотя и не с лучшей надежностию, а корабль «Богоявление Господне» необходимо должно килевать, ибо он имеет весьма великую течь, уповательно более оттого, что гвозди верхней обшивки все соржавели и нимало не держат, и на ходу при небольшом волнении доски верхней обшивки из-под него выплывают. Оный корабль в отдаленности от своего порта долго быть не в состоянии, и должно бы его отправить обратно в Ахтиар, ибо он начинает быть ветх. О чем сим вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
С ХАРАКТЕРИСТИКОЙ ДВОЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ АЛИ-ПАШИ
ЯНИНСКОГО И О ЕГО ПЕРЕПИСКЕ С ФРАНЦУЗАМИ**

9 апреля 1799 г., корабль «Святой Павел»

В сходство письма вашего превосходительства переписку Али-паши, отобранную мною от французов, в Св. Мавре бывших, при сем препровождаю*. Письма, которые в ней были важные, французы заметно укрыли у себя или изодрали. Во оных письмах заметны ласкательства его и род дружбы, что он им неприятелем никогда не был, также видно, что он имел переписку в Корфу с генералом Шабо, оной я здесь не мог достать — она укрыта. Нельзя почесть, чтобы Али-паша совсем предан был французам: он человек хитрый и безмерно обманчивый, старается отделить себя ото всякой зависимости или, так сказать, быть владельцем; заметно из его поступков — он держит и держать будет ту сторону, которая сильнее. Ежели здешняя сторона от французов будет очищена, то он так и останется, а ежели бы (чего, однако, быть не может) осилили бы французы и буде бы перешли на здешнюю сторону, немудрено, что он с ними соединиться может. Но от этого мы весьма далеки и, кажется, безопасны. Только Али-паша всем здесь генерально величайшие обиды и разорения наносит, и все им недовольны. Впрочем, мне с ним теперь дела никакого, кажется, нету. И он всегда льстивые и учтивейшие переписки ко мне доставляет; желает, чтобы я был с ним в дружбе, и я таковою же учтивою перепискою ему отвечаю и уверяю, что я всегда пользоваться дружбою его желаю.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
С ПРОСЬБОЙ ПОХОДАТАЙСТВОВАТЬ ПЕРЕД ТУРЕЦКИМ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ПЛЕННЫХ ГРЕКОВ
И МАЛЬТИЙЦЕВ**

9 апреля 1799 г., корабль «Святой Павел»

Пленные мальтизцы на кораблях на эскадре Блистательной Порты просят милосердия, чтобы их освободить, так как все острова Мальты жители преданы теперь союзным державам. Потому и они уповают получить свободу и также завоеванных нами островов прежде бывших венецианских и некоторых из архипелага и прочих мест; греки, служившие прежде с Ламброю Качони** и по-

* Переписка Али-паши не обнаружена.

** Греческий корсар, находившийся в Русско-турецкую войну 1787—1791 гг. на русской службе и успешно действовавший со своими легкими судами против турок в Архипелаге и в Черном море.

павшие в плен, которые должны по замирению и по нынешнему нашему освобождению островов и по объявлению от Блистательной Порты дружелюбному к ним расположению, как в конференции в бытность мою в Константинополе было предположено, должны быть освобождены. Таковые многие находятся ныне на эскадре и наиубедительнейше просят исходатайствовать им милосердие. Командующий же эскадрю Блистательной Порты Кадыр-бей без повеления высшего начальства уволить их сам собою не смеет и обещал об оном представить в высшее начальство. Я прошу покорнейше ваше превосходительство употребить ваше об них ходатайство испросить им свободу...

Федор Ушаков

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАНУ 2 РАНГА И.А. ШОСТАКУ
О СМЯГЧЕНИИ НАЗНАЧЕННОГО МАТРОСУ И. ОСИПОВУ
НАКАЗАНИЯ**

16 апреля 1799 г.

В сходстве рапорта вашего высокоблагородия, от 21 числа марта ко мне поданного, приговоренного учрежденною на вверенном вам фрегате скорорешительного военного суда комиссиею матроса 2-й статьи Ивана Осипова за учиненное им во время сражения против артиллерии унтер-лейтенанта Тухалевского непослушание и дерзость по силе законов к лишению живота, а по уважению комиссии к сечению на всех судах кошками. Я, уважая долгое его содержание под караулом, молодые лета и в надежде, что он таковой проступок заслужить может, но к воздержанию его впредь от таковых дерзостей и непослушания в пример прочим рекомендую наказать на одном вверенном вам фрегате при собрании всей команды служителей кошками и сие наказание записать в тетрадь.

Вдали от родных берегов

Продолжение
военно-морской
деятельности
Ф.Ф. Ушакова
в бассейне
Средиземного моря.
Итальянская кампания
●
апрель—декабрь
1799 года

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА А.В. СУВОРОВУ
ОБ УСПЕШНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ОТРЯДА СУДОВ КАПИТАНА 2 РАНГА
А.А. СОРОКИНА ПРОТИВ БРИНДИЗИ И У БЕРЕГОВ АПУЛИИ,
ЗАДАЧАХ ЭСКАДРЫ КОНТР-АДМИРАЛА П.В. ПУСТОШКИНА,
ОТПРАВЛЕННОЙ ДЛЯ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ АНКОНЫ,
И ДАЛЬНЕЙШИХ ПЛАНАХ ПО ОЧИЩЕНИЮ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ
ОТ ФРАНЦУЗОВ**

*28 апреля 1799 г., остров Корфу,
корабль «Святой Павел»*

Ваше сиятельство, милостивый государь,
граф Александр Васильевич!

По предписанию вашего сиятельства минувшего марта от 23 дня, на сих днях мною полученному, доношу: сходно с желанием и требованием министерства Римско-императорского двора и сходно с высочайшим его императорского величества полученным мною указом для крейсирования в Венецианском заливе, блокирования Анконы, для наблюдения в обезопасения коммерции и особо доставления в итальянскую армию провиантов и для сбережения всех островов и берегов оного залива послал я отдельную от себе эскадру под командой господина контр-адмирала и кавалера Пустошкина, которая и отправлена к стороне Анконы. О исполнениях, ему следующих, с ордера, от меня данного, при сем прилагаю точную копию. Она эскадра обезопасит все места в Венецианском заливе от кораблей и крейсеров и будет помогать во взятии Анконы и наносить всякий вред неприятелю при берегах Чезалпинии.

К стороне же провинции Пулии*, к Бриндичи и Манфредонии от 1 числа сего месяца послана от меня еще отделенная эскадра в числе четырех линейных фрегатов, одной шхуны, одного турецкого корвета, пяти турецких же канонирских лодок и одного неаполитанского фрегата. В Бриндичи с французского корабля «Же-

* Апулии.

неро» для занятия крепости высажены были на островок в крепость пятьсот человек французов, которые, как скоро увидели приближающуюся нашу эскадру, бросили все; не успели взять с собою ничего, даже серебро и деньги, собранные в контрибуцию, оставили и в великом страхе без памяти бежали во внутрь матерой земли к стороне Неаполя и, по известиям, посланными от кардинала Руффо в погоню за ними войсками побиты.

Означенная эскадра фрегатов от меня послана под командою флота капитана 2 ранга и кавалера Сорокина, которому предписано обезопасить и освободить берега Пулии до Манфредонии. За посылкою оных отделений с поспешностию приурочиваю я исправлением четыре корабля, которые пойдут со мною с присоединением означенных фрегатов, в стороне Бриндичи ныне находящихся. Командующий турецкой эскадрою Кадыр-бей исправлением также приурочивает половину турецкой эскадры: два корабля, три фрегата и один корвет. Как скоро оные готовы будут, немедленно с оным числом судов пойдём мы напервое в Италию к стороне Бриндичи и Манфредонии и, исполняя потребные надобности, оттоль к Сицилии, в Мессину и к Неаполю, для общего действия с английскою эскадрою в освобождение оного от французов.

Не достаёт только со мною десантных войск, с которыми в Бриндичи, на берега Пулии и к Неаполю нетерпеливо ожидают моего прихода и всю надежду полагают на оные будущие со мной войска. Если сходно будет с высочайшим повелением, ожидаю я присылки двух батальонов, назначенных в Мальту, и сверх оных весьма надобно хотя малое число войска на отделенную от меня эскадру под командою контр-адмирала Пустошкина, к которому доставление удобно через Триест или Венецию.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О НАГЛЫХ ТРЕБОВАНИЯХ АЛИ-ПАШИ ЯНИНСКОГО,
ПРЕТЕНДУЮЩЕГО НА ПОЛУЧЕНИЕ ПРИЗОВЫХ СУДОВ И ТРОФЕЕВ,
ЗАХВАЧЕННЫХ НА ОСТРОВЕ КОРФУ, И О ВЫМОГАТЕЛЬСТВЕ
ПОДАТЕЙ С ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВА СВ. МАВРЫ**

18 мая 1799 г., корабль «Святой Павел»

Господин Али-паша, подошед с войсками в Превезы по близости Св. Мавры, письмами своими ко мне и особо к обывателям Св. Мавры столь неприличные и наследуемые требования произвел, что и описывать их кажется неприлично. От меня требует, между прочим, французских судов, взятых нами в приз при острове Видо, в которых Блистательной Портою, как значит по письму, уже ему отказано; требует судов, взятых под крепостью, и призовых некоторых вещей, называя своими, и чаёт в крепостях,

что нашлось наличного; тож чтобы переловить и отдать ему некоторых албанцев, перешедших в острова, называя их продерзателями, бунтовщиками и разбойниками. А от обывателей Св. Мавры требует с великой строгостью и угрозами подати семисот червонных, называя их подданными Блистательной Порты; также требует выдачи албанцев, угрожая, ежели всего этого не выполнят, что он с ними добровольно не расстанется и не отойдет.

Письма его, ко мне писанные, и от него же письмо обывателям в Мавру и к офицерам нашим, находящимся в крепости Св. Мавры, их ко мне представления в оригинале при сем препровождаю*. Я во удовлетворение его письма опубликовал во все острова требуемых им албанцев из островов выгнать вон непременно. Жить им во оных не позволять да и впредь приходящих с албанской стороны албанцев на острова не принимать и высылать их вон; тож приказами моими писал и ко всем нашим офицерам, и все выполнено будет непременно. Судно одно, взятое нами под крепостью, сказывают, принадлежало Али-паше, хотя оно надлежало нам в приз, но по дружбе обещал я ему его отдать, а в прочих неприличных и неследуемых требованиях ему отказал.

С письма моего, к нему посланного, точную копию при сем прилагаю. Теперь совсем не время такие угрозы и тревоги производить освобожденным нами островам, какие произведены от Али-паши Св. Мавре, и настает опасность в том, что все острова тревожатся бесподобно таковыми обстоятельствами, и особо, что упомянуто в письме его, будто бы они состоят подданными Блистательной Порты. Я опасуюсь изо всех таковых происшествиев весьма худого следствия и упреждаю ваше превосходительство просьбою моею исходатайствовать как наискорее Али-паше таковые неприличные требования подати и угрозы повелением воспретить.

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ПРОВИНЦИИ АПУЛИИ ОТРЯДОМ СУДОВ
А.А. СОРОКИНА И О БЛОКАДЕ АНКНЫ
ЭСКАДРОЙ П.В. ПУСТОШКИНА**

18 мая 1799 г.

Высочайший именной в[ашего] и[мператорского] в[еличества] указ минувшего марта от 27 дня, в котором изображено: «Обеспечая плавание свое взятием Корфу, можете вы ныне гораздо с большим успехом исполнить данное от нас вам повеление, равно прикромте совершенно от покушений французских турецкие берега,

* Этих писем в деле не обнаружено.

взяв возможную осторожность от оставшихся в Анконе кораблей, делая над ними поиски, и стараться, чтобы не могли они выйти; равномерно пресечь по всему Адриатическому морю плавание для французских судов, препятствуя собираться в какое-либо место транспортным их судам для помещения десантных войск; словом, стараться совершенно обеспечить от извергов сих все берега соединенных держав», — я с глубочайшим благоговением имел счастье получить и всеподданнейше доношу: выполняя высочайшие в[ашего] и[мператорского] в[еличества] данные мне повеления, отделенную от меня эскадру фрегатов и прочих судов под командою капитана Сорокина успешными действиями неаполитанского владения провинции Пулия от французов освобождена, и она эскадра продолжает еще свои успехи.

Контр-адмирал Пустошкин также с отделенною от меня эскадрою, по первым известиям, почитаю от сего времени более семи дней, дошел к Анконе и блокирует оную; также и посланные от него два фрегата с одним португальским кораблем к Триесту, почитаю, по тому ж непременно уже дошли; и Адриатическое море теперь от французов свободно, и всякая коммерция безопасна.

Я всевозможно поспешаю докончить исправление четырех кораблей; ожидаю в самой скорости провианта, необходимо надобного, и албанское войско, на соединенную эскадру с нами следующее, и немедленно вместе с командующим турецкою эскадрою Кадыр-беем, присоединя с собою отделенную эскадру фрегатов, пойдем в повеленный путь к Сицилии, к Неаполю и в прочие места, где только надобность требовать будет.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ДЕЙСТВИЯХ ОТРЯДА СУДОВ А.А. СОРОКИНА
И ДЕСАНТНОГО ОТРЯДА КАПИТАНА 2 РАНГА Г.Г. БЕЛЛЕ
ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ПРОВИНЦИИ АПУЛИИ**

4 июня 1799 г., корабль «Святой Павел»

После всеподданнейшего донесения моего в[ашему] и[мператорскому] в[еличеству] минувшего мая от 18 числа о благополучных успехах посланной от меня эскадры к Бриндичи и Манфредонии для освобождения берегов Апулии от французов для истребления их и бунтовщиков из всех мест, при берегах находящихся, и для поиску неприятельских судов от командующего оной эскадры флота капитана 2 ранга и кавалера Сорокина того ж месяца от 18 числа рапортом ко мне донесено: выполняя данные от меня ему повеления, старается о освобождении провинции Апулии от неприятелей. Приведя жителей Барлетты и ближних

мест в послушание и порядок, оставил в оном месте фрегат «Григорий Великия Армении» делать наблюдения, дабы не последовали какие еще беспокойства, и защищать от оных, а сам с эскадрою 8 числа мая от Барлетты отправился к Манфредонии. Идучи близ берегов, заходил и приставал в разных местах, и после первых действий везде флаг в[ашего] и[мператорского] в[еличества], яко великого их покровителя, встречаем был с надлежащей почестью салютом пушечных выстрелов и с радостным восклицанием народа, уверяя о верности их к своему королю.

Того ж числа прибыл он с эскадрою благополучно в Манфредонию и, высадя на берег десант, съехал с неаполитанским министром Мишеру, на котором собрались множество из дальних мест депутатов с предложением в приверженности своему законному королю. Противился только столичный город Фоджа, хотя великое число в нем жителей привержены к королю, но якубины и бунтовщики, уверяя народ, что имеем мы с собою войск весьма малое количество, не можем им вспомоществовать.

Флота капитан Сорокин по общему совету с командующими судами и неаполитанским министром кавалером Мишеру, согласуясь с повелениями моими и благонадежными обстоятельствами, дабы утвердить и уверить жителей совершенною нашею помощью, умножили десант на берег вооруженных солдат и канонир с четырьмя пушками с надлежащими снарядами до пятисот человек, поруча оный в командование флота капитан-лейтенанту* и кавалеру Белле, приказал поспешно итти к городу Фоджа и оный военною рукою принудить повиноваться королю, неприятелей и противящихся разбить и забрать в плен, а повинующихся прощать и уговаривать ласкою быть послушными своему королю. При оном же войске отправился с ними и кавалер Мишеру с доверенностью комиссии от своего короля. Как скоро жители города Фоджа, верные королю, узнали о посылке к ним высаженного десанта, тотчас прислали своих депутатов с донесением, что они всех якубинов забрали под караул и просят о покровительстве города и установления в нем порядка.

Флота капитан-лейтенант Белле с порученным ему войском на другой день дошел к Фоджа благополучно, и от 13 числа флота капитан Сорокин получил письмо от министра Мишеру и рапорт от господина Белле, что при вступлении войск наших в город Фоджа встречены они от народа с великою радостью и честью, но не в дальнем расстоянии от города собрались якубины и бунтовщики до трехсот человек и еще умножались и угрожали жителям разо-

* Так в тексте. 8 мая 1799 г. Г.Г. Белле уже был произведен в капитаны 2 ранга.

рением. Флота капитан Сорокин приказал капитан-лейтенанту Белле с войском идти туда, их разбить и забрать в плен. Как скоро капитан-лейтенант Белле приблизился к бунтовщикам, тотчас все они разбежались и оставили свою малую артиллерию. Множество народа, верных королю, начали присоединяться к нашим войскам, и в лагерь наш приехали с разных мест депутаты даже и из города Банивенто, который состоит только в 34 милях от Неаполя. Уведомляет он, что при кардинале Руффо войск находится 8000 человек и к нашим войскам соединяются от него 1300 инфантерии и 300 кавалерии. Все оные войска, избрав наилучшее и удобнейшее место, укрепились на оном. Капитан Сорокин старается еще усилить десант свой подкреплением с фрегата «Григорий Великия Армении». Сие укрепление, где войски наши находятся, жителями названо «Павел».

Засим капитан Сорокин уведомляет, что многие уже провинции неаполитанского владения освобождены от французов и бунтовщиков, спокойны и верны своему королю, ожидает он войск наших со стороны матерого берега от господина фельдмаршала Суворова, о которых доходят слухи, что они уже недалеко, и спрашивает от меня повеления, остаться ли ему с эскадрою на том месте или следовать ко мне в соединение. И как от меня всеподданнейше донесено вашему императорскому величеству, что повеления мои посланы к отделенным от меня эскадрам немедленно соединиться и следовать вместе со мною к Сицилии в соединение с контр-адмиралом Нельсоном, то и ожидаю оных в Корфу; а к господину Сорокину послал еще я повеление обнадежить жителей скорой присылкою к ним войска, ожидающего[ся] мною, и, утвердя их в непоколебимой верности королю, следовать ко мне в соединение.

А между тем я поспешаю всевозможно докончить исправление кораблей, провиант на эскадру теперь из Константинополя привозится на судах транспортных, и получаю на эскадру. Сего числа получил я через пришедшие суда из Боко-ди-Катаро известие: по разнесшемуся там слуху, говорят за вероятное, что Анкона и находящиеся там корабли соединенными российскими и императорскими войсками и российской же отделенною от меня эскадрою, блокирующею Анкону, не в давнем времени взяты, говорят, будто бы точное получено об оном известие через пришедшее из Венеции судно; но вероятно ли сие известие, требуется еще подтверждение. О чем сим всеподданнейше доношу.

Адмирал Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ПРЕДАННОСТИ ЧЕРНОГОРСКОГО НАРОДА РОССИИ**

*4 июня 1799 г., корабль «Святой
Павел», при острове Корфу*

Во исполнение высочайшего именного вашего императорского величества указа марта от 2 числа послал я с письмом моим к митрополиту Черныя Горы Негошу флота капитан-лейтенанта, что ныне капитан 2 ранга, Клопакиса, который порученное ему дело исправил со всякой точностию.

Митрополит и весь народ черногорский всеподданнейшую и вернейшую приверженность имеют к вашему императорскому величеству. Письмо его марта от 17 дня, мною полученное, письмо генерального консула в Рагузе графа Джика и при нем копию с письма же митрополита при сем всеподданнейше подношу. Хотя объясняют они, между прочим, опасность, ими предвидимую, но при бытности эскадры в здешнем краю ничего подобного, по мнению моему, случиться не может, а особо что французы в Венецианском заливе теперь не существуют. Флота капитан Клопакис, по сходству высочайшего мне повеления, из Рагузы отправился в Заро для осведомления о войсках генерал-лейтенанта Германа, прибыть туда следующих, а оттоль отправился в Триест и далее к господину фельдмаршалу Суворову, отколь с надлежащими сведениями я его вскорости ожидаю. О чем сим всеподданнейше доношу.

Адмирал Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА РУССКОМУ ПОСЛУ
В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В.С. ТОМАРЕ СО СВЕДЕНИЯМИ
О ФРАНЦУЗСКИХ И ИСПАНСКИХ ФЛОТАХ И О НЕОБХОДИМОСТИ
ПОПОЛНЕНИЯ СОСТАВА СУДОВ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ**

4 июня 1799 г., корабль «Святой Павел»

По известиям, о коих я имел уже честь ваше превосходительство уведомить, сильный флот французский прошел Гибралтар, вступил в Средиземное море; полагают, что и гишпанский с ним соединился или соединится, считаю, что 45 линейных кораблей, кроме фрегатов, составлять будут оный флот. Вице-президент господин адмирал и кавалер граф Григорий Григорьевич Кушелев сходно с высочайшим повелением перед сим же уведомил меня, что французский флот в Бресте приготавливался к выходу: три корабля трехдечные, то есть каждый более стопушечных, 16 80-ти и 11 74-пушечные. По известиям, теперь также считают в числе пришедших в Средиземное море французских кораблей три большие трехдечные, в гишпанском флоте не только стопушечные, но

один есть 134-х пушек. Желательно, чтобы и с нашей стороны сколько-нибудь были трехдечные корабли, хотя против самых важных.

Кадыр-бей уверил меня, что он требовал к себе 4 корабля в прибавок. Я надобностью почитаю: на таковой случай, ежели бы Блистательная Порта Оттоманская в числе оных прислала бы сюда 120-пушечный корабль, таковой корабль даже один великую помощь во флоте делать может, а часто и победа зависит от превосходных кораблей. Не соизволите ли объясниться Блистательной Порте о присылке сих кораблей по требованию Кадыр-бея. Я надеюсь, что англичане не упустят того, чтобы они за французским флотом не пошли в Средиземное море, но во всем Средиземном море, не слышу я, теперь даже и у англичан больших кораблей здесь нет; можно надеяться и на те, какие мы имеем, но большие корабли великое превосходство имеют. Я надеюсь на мой корабль о 80-ти пушках, но он один, а подобного и сему другого нет.

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф.УШАКОВА ПАВЛУ I
О ДЕЙСТВИЯХ ЭСКАДРЫ П.В. ПУСТОШКИНА У АНКОНЫ
И ЗАНЯТИИ ГОРОДОВ ФАНО И СЕНИГАЛИЯ**

17 июня 1799 г.

Полученными мною от господина контр-адмирала и кавалера Пустошкина рапортами объяснено: по прибытии он с эскадрою 5 числа мая к Анконе корабля «Женеро» при оной не застал, который более 15 дней прежде прибытия эскадры оттоль ушел с одним бриком и нигде об нем не слышно. Говорят, что намерение его было иттить в Тулон, но справедливо ли сие, неизвестно. При Анконе состоят три корабля разоруженные и несколько малых судов.

Контр-адмирал Пустошкин в тот же день по кораблям и по крепости производил канонаду для усмотрения точно неприятельских укреплений, после того в разные числа проходил с эскадрою на немалое расстояние к стороне Венеции для усмотрения берегов и разных осведомлений и приставал в нескольких местах. 14 числа при сделавшемся крепком SO ветре в рассуждении открытого рейда в предосторожность отошел от оных мест в Истрию, в порт Квието, для разных потребностей, для налития пресной воды и получения свежей провизии. Оттоль писал он в Венецию к господину Верини, к командующему морскими царскими силами, дабы согласясь соединиться при том порте или где назначено будет место соединения с морскими и сухопутными войсками и чтобы вместе следовать для блокирования Ан-

коны. Из одного места 21 мая отправился с эскадрою и 26 числа прибыл к Анконе и, узнав, что местечко Римини взято передовыми цесарскими войсками, а Пезара взята ж от французов штурмом обывателями тех мест, французы оттоль в немалом числе с тремя пушками ретировались в местечко Фано. Посему контр-адмирал Пустошкин послал с эскадры десант на берег под командою майора Гамена, гранодир и фузелер сто человек и сто человек турок и три полевые пушки, под прикрытием турецкого фрегата капитана Зейнера, корветы капитана Гуссейна, тартаны и бригантины новокупленной под командою лейтенанта Ратманова, дав повеление майору Гамену высадить десант в местечке Пезаро, уговорить обывателей тамошних мест соединиться с ними и общими силами действовать, разбить неприятеля и взять местечко Фано, что майором Гаменом и исполнено с отличной ревностью и неустрашимой храбростию. По соединении... с обывателями местечко Фано по нескольким действиям и по великом сопротивлении неприятеля при помощи жестокой канонады с судов штурмом взято июня 1 числа. Французы, разбитые в оном месте, в числе до пятисот человек с тремя пушками ретировались в последнее к Анконе местечко Сенегал.

Контр-адмирал Пустошкин отрядил еще от себя к майору Гамену в сикурс сто тридцать человек солдат и пятьдесят человек турок с одною пушкою под командою подпоручика Аполонова и приказал майору Гамену, соединясь с большим еще числом обывателей, вместе с оными следовать к местечку Сенегал, в котором французы укрепились, ретировавшиеся из Фано и присоединившиеся к ним на сикурс несколько из Анконы, оных разбить и местечко Сенегал взять, к которому месту майор Гамен с десантными войсками и обывателями и отправился, и по слуху мне известно, что оно уже взято. О действиях десантных войск против местечка Фано и о взятии одного штурмом майором Гаменом с рапорта его, в копии ко мне присланного, и с рапорта ж командующего бригантиною флота лейтенанта Ратманова копии вашему императорскому величеству всеподданнейше подношу.

И осмеливаюсь рекомендовать за распоряжение и деятельность господина контр-адмирала и кавалера Пустошкина; за храбрость, отважные и неустрашимые действия командующего десантными войсками майора Гамена, под командою его находившихся капитана Чебышева, мичмана Скаловского, командующего новокупленной бригантины флота лейтенанта Ратманова, мичманов Неронова и Куликовского; отношу справедливость за ревность и храбрые подвиги нижним чинам служителям, командирам и войскам турецким, в десанте и на судах находившимся. О чем сим всеподданнейше доношу.

Адмирал Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ДЕЙСТВИЯХ У БЕРЕГОВ ИТАЛИИ ЭСКАДР П.В. ПУСТОШКИНА,
А.А. СОРОКИНА И ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК КАПИТАНА 2 РАНГА Г.Г. БЕЛЛЕ**

17 июня 1799 г.

Каковы получены мною известия о французском, гишпанском и английском флотах, вшедших в Средиземное море, и о расположении оных, в[ашему] и[мператорскому] в[еличеству] при сем всеподданнейше подношу копии с писем полномочного министра из Константинополя и из Мессины от консула Манца, в которых все обстоятельства объяснены подробно. И засим всеподданнейше доношу: посланными от меня эскадрами, находящимися при блокаде Анконы под командою контр-адмирала Пустошкина и при Манфредонии — капитана Сорокина, оказаны весьма успешные действия. Эскадрою, при Манфредонии находящеюся, все провинции неаполитанского владения от Отранта, Бриндичи и до Манфредонии и около оной на дальнее расстояние от французов и бунтовщиков-карманиолов* освобождены и успокоены. Войски наши, с оной эскадры в десанте находящиеся под командою капитан-лейтенанта Белли, соединясь со множеством обывателей, почти уже под стенами Неаполя находятся. Я получил известие, что и кардинал Руффо с войсками своими соединился с ними.

К контр-адмиралу Пустошкину послал я с нарочным судном повеление, встречу еже[ли] он с эскадрою идет сюда, коим приказал из оной эскадры два российские фрегата, одно малое судно, один фрегат, одну корвету и одно малое же судно турецкие оставить при Анконе, ежели она еще не взята, для блокирования и способствования взятию оной; оное же отделение обезопасит и коммерцию.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА П.В. ПУСТОШКИНУ
О СОСРЕДОТОЧЕНИИ ВСЕХ ОТДЕЛЬНО ДЕЙСТВУЮЩИХ ОТРЯДОВ
РУССКОГО ФЛОТА В КОРФУ**

*17 июня 1799 г., благополучный
корабль «Святой Павел», при Корфу*

Репорты вашего превосходительства сего месяца от 4, 5 и 7 чисел и приложения при оных я получил, из которых явственны дела вверенной вам эскадры при Анконе и поблизости оной соединенно с обывателями, а напоследок и с подошедшими в соединение [отрядами] неапольских войск под командой генерала Лагоц благонадежны. К тому ж и цесарский генерал Клено с войсками поспешает приходом.

* Ф.Ф. Ушаков называет революционеров «карманиолы» — от названия французской революционной народной песни «Карманьола», сложенной в 1792 г.

Я имею надежду, что ваше превосходительство, приостановясь там с эскадрою на малое время и соединясь с означенными войсками при известном из объяснений ваших о французах положении, будете иметь добрые успехи, чего искренно вам желаю. И как обыватели Анконы и всех ближних неапольских мест нетерпеливо желают своего освобождения, потому скорым нападением многих сил на Анкону, надеюсь, имеете вы добрый успех, и, кажется, оная крепость в малое число дней должна быть вами взята, причем и будете свободны к соединению со мною.

О французском и гишпанском флотах какие известия имею я, изволите усмотреть из прилагаемых при сем писем из Константинополя от российского полномочного министра и из Мессины от российского же консула Анастасия Манса, ко мне писанных, с которых копии при сем, а от министра и письмо его к вам прилагаю. Я должен всевозможно поспешить в соединение к Нельсону, ожидаю прибытия сюда под начальством вашим эскадры и эскадры из Манфредонии, под командой флота капитана и кавалера Сорокина находящейся. Изо всех таковых сведений заключаю: ежели английский лорд Бриджпорт сильной своей эскадрой подойдет за неприятельскими флотами в Средиземное море, тогда сторона союзных флотов будет достаточно сильна и превосходна; и по всем обстоятельствам замечается французский флот в скором по намерении его исполнений уже приостановлен и, полагать можно, в Венецианский залив в глубину оною к стороне Венеции пуститься не осмелится, чтобы себя тут не запереть, да и аванжей, для чего бы он туда иттить пожелал, не предвидится, а намерение его сходственное должно быть с объяснениями полномочного министра. Следовательно, надобно нам расположиться сходственно с обстоятельствами, какие теперь есть и предвидятся.

Ежели же уже Анкона взята, в чем я надеюсь на божескую помощь, на ваше искусство и расторопность при оном, ежели мы оставим при Анконе из наших один фрегат и еще какое-либо малое судно, будет тут достаточно, а они на случай и под защитой Анконы быть могут. Ежели же Анкона еще и не взята, буде вы, исполняя со скоростью повеления, оставили ее блокировать войскам неаполитанским генерала Лагоа и цесарскому генералу Клену соединенно с обывателями тамошних мест, и тогда есть надежда, что она будет взята непременно, то и на таковой случай суда наши в том краю быть могут безопасны.

Не известно мне только, будут ли российские войска от армии господина фельдмаршала графа Александра Васильевича Суворова к нам на употребление по разным обстоятельствам присланы в Триест, в Венецию или в другое какое место, чтобы могли быть перевезены и доставлены ко мне в эскадру в Корфу и Манфредонию. На таковой случай почитаю надобностью сделать преду-

прежде и иметь в той стороне военные суда к безопасному их препровождению, сообразно со всеми теми обстоятельствами, каковы они теперь есть. Полагаю иметь в той стороне два фрегата российских, один фрегат и один корвет турецкий. И ежели можно, отделить еще к ним по одному судну малых из обеих эскадр.

Я посылаю к вам с сим повелением нарочное судно «Красноселье» и предписываю: ежели оно вам встретится, извольте послать от себя обратно к Анконе фрегаты «Навархия» и «Казанская Богородица», один фрегат турецкий и один корвет, из малых судов или бригантину новокупленную, или «Красноселье» и одно из малых судов турецких, кирлангич или какое есть другое способное. Буде Анкона еще не взята, поручаю оные отделения в команду флота капитану графу Войновичу, предпишите ему: со стороны моря оную блокировать и французских судов не выпускать и стараться вместе с сухопутными войсками принудить ее к сдаче. Когда же она будет взята, довольно иметь один фрегат для защиты порта и для всяких надобностей, а прочие свободны будут к выполнению потребностей и рассуждений войск наших, в случае перевоза их на эскадру в Корфу и в Манфредонию, а притом и коммерция совсем уже будет свободна и безопасна. Вы же с кораблями и прочими судами эскадры, вам вверенной, поспешите немедленно быть ко мне в соединение к следованию со мною в соединение к английской эскадре контр-адмирала Нельсона или лорда Винсента, как обстоятельства окажутся. А при Корфу оставим достаточный отряд для предохранения оной.

О успехах находящейся эскадры нашей при Манфредонии флота капитана и кавалера Сорокина уведомляю: оной эскадрой вся провинция Пулия и многие провинции от французов и карманиолов совсем освобождены. Морские войска с оной соединенно с турецкими в Манфредонии ссажены на берег и, освобождая все места, в близости лежащие, соединяясь с множеством обывателей и с войсками кардинала Руффо, находятся почти под стенами уже Неаполя. Можно уповать, что и успехи из того последовать могли, но по обстоятельствам надобностей от меня к господину Сорокину посланы неоднократные уже повеления, как наискорее с эскадрой быть ко мне в соединение, и ежечасно прихода сюда оной ожидаю. Какие обстоятельства после донесений ваших ко мне при Анконе последовали, взята ли оная или нет, на каком что положении при отправлении вашем оттоль осталось и об отряде от вас вышеозначенного отделения, извольте со всеми обстоятельствами донести главнокомандующему войсками господину фельдмаршалу графу Александру Васильевичу Суворову, в Вену и в Константинополь к министрам, к государю императору, и в Триест, к кому надлежит, дабы коммерцию отнюдь не прерывали и были бы безопасны.

Впрочем, буде Анкона вами соединенно с сухопутными войсками уже взята и потому считать можно, что Венецианский залив останется совсем уже чист от неприятеля, в таком случае на благорассуждение ваше отдаю, ежели окажется не нужно столько судов иметь в тамошнем краю, можете число судов того отделения уменьшить. Ежели к Анконе стоящие корабли останутся целы и ежели можно иметь там войска к посажению из них хотя на один для защиты устья гавани, и содержать тут одно или два малых судов для пересылок, можете на таковой случай из наших двух фрегатов один взять сюда с собой. Словом, на таковой случай, какой теперь мне еще неизвестен, можете вы распорядиться по оному. Сие я вашему превосходительству позволяю, только не более оставлять больших судов, как вышеозначено, ибо кораблям должно быть здесь всем в соединении, и я приходу вашего и эскадры из Манфредонии ожидаю. Я надеюсь, что вы, идучи оттоль, придержитесь к берегам Манфредонии для осведомления об эскадре господина Сорокина, которого также я ожидаю.

Адмирал Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ЗАНЯТИИ НЕАПОЛИТАНСКИХ ВЛАДЕНИЙ И НАМЕРЕНИИ ВЫЙТИ
С ЭСКАДРОЙ ИЗ КОРФУ В МЕССИНУ ДЛЯ СОЕДИНЕНИЯ
С АНГЛИЙСКОЙ ЭСКАДРОЙ НЕЛЬСОНА**

22 июня 1799 г.

После прибытия в Корфу эскадры контр-адмирала Пустошкина сейчас прибыла эскадра фрегатов от Манфредонии под командою капитана Сорокина. Имею счастье всеподданнейше проздравить в[аше] и[мператорское] в[еличество]: десантными войсками со оной эскадры под командою капитан-лейтенанта Белле с помощью обывателей при многих действиях неаполитанское владение от французов, карманиолов и бунтовщиков освобождено; войска в[ашего] и[мператорского] в[еличества] вошли в Неаполь, во многих местах разбили французов и бунтовщиков, к ним присоединились войска кардинала Руффо; Неаполь и укрепления оною взяты; оставался только замок Сант-Ельм, который начат атакою, и совершенная надежда предвиделась в то ж время его взять.

Войска наши, состоящие из солдат и матросов до 600 человек, под командою капитан-лейтенанта Белле находящиеся, в городе и крепостях заняли караулы и содержание предосторожностей и по крайней необходимости остались в Неаполе.

Я спешу пришедшие эскадры, сколько здесь есть, снабдить малым числом провианта и, нимало не медля, с оными в числе шести кораблей, четырех фрегатов, двух или трех малых судов, тож и с

турецкою эскадрою отправлюсь в Мессину и к Неаполю и оттоль — в соединение с английскою эскадрою на общее действие.

Капитан Сорокин и командиры, с ним находящиеся, оказали многие услуги добрыми и расторопными исполнениями данных от меня предписаний. Капитан-лейтенант Белле и с ним все подкомандующие оказали многие беспримерные храбрые дела и подвиги, и отличной дисциплиною и содержанием войск в добром порядке приобрели от всего королевства Неаполитанского великое уважение. В препровождении войск наших от Манфредонии в разные места и в Неаполь добрыми распоряжениями и советом великое участие имел неаполитанский министр Мишеру, отличным пособствованием его благоразумия оказал он величайшую услугу королевскому величеству и войскам в[ашего] и [мператорского] в[еличества], вспоможествуя им даже всеми продовольствиями в изобильном достатке, и капитан Сорокин относит ему справедливую похвалу и признательность.

За сим всеподданнейше доношу: министр Мишеру припискою ко мне в своем письме уведомляет, что контр-адмирал Нельсон с 18 кораблями, в том числе 5 трехдечных, 4 фрегата и 3 брига, прибыл к Неаполю, и сильные эскадры английские вошли в Средиземное море; гишпанский и французский флоты заперли и блокируют в Картагене*, Кадиксе и на Генуесском рейде, и что при оных морская сторона теперь безопасна.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ДЕЙСТВИЯХ ЭСКАДРЫ П.В. ПУСТОШКИНА
И ДЕСАНТНОГО ОТРЯДА А.Ю. ГАМЕНА ПОД АНКОНОЙ**

*24 июня 1799 г., благополучный
корабль «Святой Павел», при Корфу*

Сего месяца 22 числа господин контр-адмирал и кавалер Пустошкин с эскадрою от Анконы прибыл в Корфу благополучно для следования соединенно с эскадрой, мне вверенной, к Сицилии и далее к соединению с аглицкою эскадрою и рапортом своим донес: после взятия местечка и укрепления Фано майор Гамен с десантными войсками, под командою его находящимися; российских баталионных обер- и унтер-офицеров и рядовых — 270 морских и 21 артиллерийский, турок — 150, всего — 441. Как в рапорте майора Гамена означено, 6 числа в пять часов пополудни из Фано выступил он и отправился для атаки и взятия местечка и укрепления Сенегал, поблизости Анконы находящегося, и напервое расположился при реке Сезано в трех милях от Анконы.

* То есть Картахене.

7 числа в восемь часов пополуночи, следуя к укреплению Сенегал, не доходя до него, неприятель, вышед из укрепления, встретил их ружейной и пушечной пальбой, но в самой скорости был прогнат и заперся в укреплении. Майор Гамен с десантными войсками и с помощью нескольких обывателей с живостью атаковал крепость, и началось жестокое сражение. В то ж время с новокупленной бригантины и с судна тартаны произведена сильная канонада на неприятеля, так что он пушки свои принужден от войск наших обратить на бригантину и стрелять по оной ядрами и картечью, но действием с бригантины неприятель с уроном нескольких людей от пушек отбит, между тем майор Гамен с тремя пушками приступил к воротам крепости и старался оные разбить. Посланный от него капитан Чебышев с гренадерами атаковал укрепление с правого фланга, а подпоручик Аполлонов с одною пушкою с левой стороны. Неприятель пушки свои с бастиона, лежащего к морю, поворотил на наши войска и палил картечью, но бригантина производимой жестокой пальбою в том ему воспрепятствовала и вторично принудила пушки обратить противу себя.

По продолжении полутора часа бою войска наши бросились на штурм к воротам и на стены и тотчас неприятеля разбили и обратили в бегство. Бригантина старалась сняться с якоря, чтобы еще более вредить бегущего неприятеля близ берега, но по противному ветру сего произвесть было невозможно. Неприятель в числе до пятисот человек ретировался в крепость Анкону. При сем деле с нашей стороны убитых: гренадер — 1, фузелер — 1, турок — 1; раненых: капитан Чебышев ружейной пулею, тож гренадер и фузелер — 13, турок — 4. Всего 18 человек. С неприятельской стороны убитых более тридцати, в плен взято два человека, на бастионе взято четыре пушки чугунных, две двадцатичетырех- и две осьмифунтовые, пороху три бочонка, ящик со снарядами.

Господин контр-адмирал Пустошкин за неустрашимую храбрость, исправность, ревность и усердие рекомендует отлично десантного командира майора Гамена, также рекомендует за храбрость и усердие, ревность и расторопные действия турецкого капитана Зейнера, лейтенанта Ратманова, капитана Чебышева, мичманов Скаловского, Неронова и Куликовского, подпоручиков Аполлонова и Бардаша, унтер-офицеров Бриммерова батальона Попова, Кромаренкова, Складенко и Протопопова; относит похвалу российским и турецким нижним чинам служителям и представляет просьбою своею донесением об оных вашему императорскому величеству, о которых и осмеливаюсь всеподданнейше представить, яко о достойных и заслуживающих благоволения.

Также господину командующему эскадрой контр-адмиралу и кавалеру Пустошкину отношу справедливо за доброе распоряжение. Он намерен был, сходно как и от меня в последнем пове-

лении ему предписано, оставить при Анконе фрегаты «Навархия» и «Казанская», но на оных провианта в наличии осталось весьма малое количество и оказались некоторые повреждения, потому и прибыл он со всеми ими в Корфу. Я в самой скорости приказал оные два фрегата исправить. На фрегат «Навархия» отдан еще не законченный работою новый шпиль в перемену испорченного, на фрегате «Казанская» переменено за гниlostию несколько бимсов, и оба поправлены конопатью. И сего числа фрегаты «Навархия», «Казанская Богородица», «Сошествие Св. Духа» и новокупленная бригантина, тож один фрегат, один корвет и одно из малых судов турецких под командою флота капитана 2 ранга и кавалера графа Войновича из Корфу отправились к Анконе для блокирования и взятия оной, также и для охранения коммерций в Венецианском заливе. А я с эскадрою, мне вверенной, в числе шести кораблей, четырех фрегатов и двумя авизами соединенно с эскадрою Блистательной Порты на сих днях в самой скорости имеем отправиться к стороне Сицилии — в Мессину и далее в соединение с аглинскими эскадрами, о чем сим всеподданнейше доношу.

Адмирал Ушаков

**ИЗ РАПОРТА Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ДЕЙСТВИЯХ ОТРЯДА СУДОВ А.А. СОРОКИНА
И ДЕСАНТНОГО ОТРЯДА Г.Г. БЕЛЛЕ В ИТАЛИИ
И ПРИ ВЗЯТИИ НЕАПОЛЯ**

24 июня 1799 г., корабль «Святой Павел»

Имел я счастье всеподданнейше донести вашему императорскому величеству о успешных действиях эскадры, посланной от меня под командою флота капитана 2 ранга и кавалера Сорокина, обошедшей от стороны Адриатического моря неаполитанские берега и находящейся в Манфредонии, что действиями оной эскадры многие провинции от французов, якобинцев и бунтовщиков освобождены и установлен в них порядок и спокойствие. Напоследок десантные морские войска с оной эскадры под командою флота капитан-лейтенанта и кавалера Белле вместе с войсками неаполитанского фрегата «Фортуна», при неаполитанском полномочном министре и кавалере Мишеру находящееся, спомоществуемые путеводительством и распоряжением одного господина министра Мишеру, по многих действиях достигли столичного города Неаполя, во оный вошли, неприятеля разбили и городом Неаполем овладели.

Эскадра флота господина капитана Сорокина сего месяца 22 дня от Манфредонии прибыла ко мне в соединение в Корфу для следования к дальнейшим предприятиям и исполнению.

Флота от капитана и кавалера Сорокина рапортом ко мне объяснено, [что] когда десантные войска наши в числе 15 штаб- и обер-офицеров, матросской команды — 117, солдатской, унтер-офицер и рядовых — 312, артиллерийской — 36, неаполитанских с фрегата «Фортуна» при одном унтер-офицере солдат — 30, всего 511 человек, с шестью пушками находились вблизи уже Неаполя, остановились от оного в 35 милях, командующий оными капитан-лейтенант Белле чрез полномочного министра господина Мишеру был предуведомлен по верным известиям, что в Неаполе войска неприятельские и якобинцы, узнав приближение войск наших, пришли в великое замешательство и робость и что все приверженные и верные королю неаполитанскому тем ободрены и с восхищением ожидают войск наших на их освобождение от французов и бунтовщиков.

Господин министр Мишеру и флота капитан-лейтенант Белле просили командующего эскадрой прислать к ним, сколько возможно, в сикурс войска на вспоможение. Флота капитан Сорокин, сообразуясь с данным ему от меня повелением и наставлениями, собрал военный совет. Обще с господами командующими согласно положили, не упуская полезного случая, производить дальнейшие действия. И сколько могли отделить с эскадры служителей, послали еще вдобавок к прежним при двух офицерах матросской команды — 31, солдатской — 64, всего 97 человек, которые посланы по почте с повелением к капитан-лейтенанту Белле, как искусному и храброму офицеру, не пропустить полезного случая узнавать все обстоятельства от полномочного министра и кавалера Мишеру, брать от него советы и согласно с ним действовать всеми возможностями в освобождении Неаполя.

Июня 14 числа флота капитан Сорокин получил от командующего десантным войском капитан-лейтенанта Белле рапорт о успехах вверенного ему войска, что город Неаполь покорен под власть его королевскому величеству; 3 июня, следуя с войсками к Неаполю, занимал он всегда авангард перед войском кардинала Руффо, приближаясь к замку Портеже, который занят был якобинцами. Как скоро сии бунтовщики увидели приближающееся наше войско, оставя замок, из оного бежали, капитан-лейтенант Белле тотчас оный занял, поставил на нем флаг его величества короля Обеих Сицилий и, оставя для гарнизону в нем потребное число из войск неаполитанских, продолжал поспешный марш к крепости Велини, дабы, не останавливаясь, атаковать и взять ее штурмом, зная, что находившиеся в ней неприятели в крайней робости; которая [крепость] по малом сопротивлении и взята, гарнизон, которые не успели уйтить побиты*, на оной крепости

* Так в документе.

также поставлен флаг неаполитанский и оставлен из неаполитанских солдат гарнизон, сколько потребно.

Войска наши не умедлили поспешить занять мост Магдалены, который был укреплен к сопротивлению, и войскам к нему должно было проходить дорогою близ моря. К воспрепятствованию прохода нашим войскам с моря подле берега поставлены были вооруженных 30 канонерских лодок. Капитан-лейтенант Белле приказал вблизи в удобном месте сделать противу их батарею и, поставя на нее орудия, производил жестокую канонаду: две лодки канонерские потоплены, а прочие ретировались прочь. Войска наши поспешно следовали на мост, разбили неприятеля в укрепленных местах и оным овладели. С неприятельской стороны многие побиты на мосту, а прочие ретировались; на батареях, защищающих мост, найдено четыре 33-фунтовые пушки, а на мосту одна 36- и одна 18-фунтовая. С нашей стороны убитых не имеется, раненых: гардемарин Голенищев, матросов два человека.

Капитан-лейтенант Белле в сих действиях отличает храбростью и искусством командующего десантными матросами господина лейтенанта Снаксарева и бывших в команде его мичманов Викорста, Никифорова и гардемарина Голенищева, а при солдатах командира — поручика Александера, подпоручика Воробьева, прапорщиков Иванина к Арабелли и командующего при артиллерии констапеля Чуяни, который содействовал весьма искусно и храбро и наносил великий вред неприятелю; похваляет всех нижних чинов в ревностных действиях, отличной храбростью, также рекомендует волонтера майора Кариди, который всегда находился при господине Белле и употреблен был в действиях, которые производил ревностно с храбростью.

3 числа сего месяца войска наши храбрыми подвигами с большим уроном неприятеля овладели замком Де ле Кермени, укрепились во оном и чрез то нашли себя властителями города Неаполя. 5 и 6 числа занимались деланием батарей против замков Ново и Делово, и 7 числа, окончив работы при батареях, со оных производили жестокую канонаду против означенных замков. Неприятели уstraшены успехами действия наших орудиев, при немалой их потере принуждены просить договоров, что от них и принято. Во время действия против оных замков с нашей стороны убитых: унтер-офицер — один, матрос — один. Оной батареею командовал лейтенант Снаксарев, и при нем находились мичманы Викорст, Никифоров и Карачинский, морских баталионов поручик Гремов; капитан-лейтенант Белле относит им за искусство и храбрость отличную похвалу. 9 числа означенные замки сдались на договор, гарнизон из них отправлен в Тулон, затем остался один только замок Сант-Ельм, который уже войсками нашими начат атакою.

От 4 числа сего месяца от командующего десантными войсками особым рапортом донесено: предуведомлен он был, что якобинцы хотели его атаковать в ночное время. Упреждая он таковое их намерение, отрядил от себя поручика Александра со ста человеками фузелер и гренадир и с тридцатью матросами, мичмана Викорста и с двумя пушками для атакования неприятеля вместе с войсками кардинала Руффо, которые пошли в обход неприятеля с тылу, а поручик Александр повел отряд своего войска прямо против неприятеля, производя жестокий ружейный и пушечный огонь. И как скоро заметил он робость и замешательство неприятеля, тотчас приказал отряду своему в толпу неприятеля, состоящего [из] более тысячи человек, броситься и действовать штыками. Сие произведено [со] столь живейшею храбростью и мужеством, что в самое короткое время вся толпа разбита, триста человек положено на месте, в плен взято шестьдесят, одно знамя, пять полевых пушек и двадцать пять обозных лошадей. Остатки корпуса якобинцев рассеялись и истреблены сельскими жителями.

Во время сего сражения сержант Линева с храбростью и мужеством отнял у неприятеля знамя и заслуживает отличную похвалу. С нашей стороны убито: унтер-офицер — один, фузелер — один, матрос — один; ранены: унтер-офицер — один, фузелер — шесть, канонер — один, раненых — восемь человек. За столь знаменитую битву от десантного и эскадренного командиров за ревностную храбрость и мужество рекомендованы отлично поручик Александр, мичман Викорст, справедливую похвалу относят всем служителям, бывшим при оном деле, за беспримерную их храбрость, мужество и рвение, которое они заслуживают.

После таковых успехов королевство Неаполитанское покорено и состоит в верности его величеству королю Обеих Сицилий. Остается только замок Сант-Ельм, который в надежном уже положении сдать на капитуляцию, и отстоящие от Неаполя не в дальнем расстоянии замки Капуя и Гаетта, против оных войска кардинала Руффо туда же отправились, а за ними же пойдут и наши войска, и по известиям есть верная надежда о скорой сдаче оных.

Флота капитан Сорокин, объясняя в рапорте своем, что он и все господа командующие судов и отрядом войск десантных данные от меня повеления и наставления выполняли во всякой точности и [с] наилучшими успехами; рекомендует он соучаствовавших ему флота капитанов 2 ранга и кавалеров Шостака и Марина, во всех предприятиях и успехах помогающих ему советами, и за содержание команд, им вверенных, в наилучшей дисциплине, которые добрыми качествами храбростью, мужеством и добрым поведением заслужили от всей нации неаполитанской отлично великую похвалу и благодарность. Капитану 2 ранга Шостаку была

поручена провинция Барлето для установления повсюду порядка к приверженности к королю, а капитану 2 ранга Марину — Баре в таковое же распоряжение и приведение жителей в приверженность королевскому величеству, что и исполнено ими с добрым успехом и похвалою.

Капитан-лейтенант Белле командовал десантными войсками, получая советы, сведения о происшествиях и пользуясь многими наставлениями от знания и искусства господина полномочного министра Мишеру, оказал беспримерные быстрые успехи завоеванием в двадцать дней более двух третей Неаполитанского королевства и столичного города Неаполя вместе соединенно с войсками кардинала Руффо и с помощью приверженных к королю своему государю обывателей. Под командою его находящийся лейтенант Снаксарев, командуя десантными матросами, во всех действиях оказал отличную ревность и храбрость и, командуя батареею против замков Ново и Делово, через канонаду понудил оные калитулироваться.

Волонтера майора Кариди капитан-лейтенант Белле рекомендует за отличную храбрость и усердие в исполнениях ему поручительностей. Мичман Викорст всегда был при команде матросской и при батарее, отличил себя храбростию и был с отрядом матросов в храбром действии при замке Портеже. Мичманы: Никифоров — был всегда в действиях против неприятеля, оказал себя храбрым и неустрашимым и был также при батарее против замков; Карачинский — был на батарее против замков, оказал себя отлично храбрым. Констанпель Туяни, командуя и управляя артиллерию против неприятеля искусно и храбро, и великий вред наносил неприятелю. Поручик Александр во всех сражениях оказал себя искусным и храбрым и особо с отрядом 130 человеками разбил совершенно более тысячи человек якобинцев при замке Портеже.

Также рекомендованы отлично расторопными и храбрыми поручик Гремов, подпоручик Воробьев, прапорщики Иванин и Арабелли. Капитан-лейтенант Макшеев сначала и во все время содержал в Бриндичах пост и крепость в своем охранении, и во всей провинции Летче многие возмущения между народом укрощал благоразумно, и вспомоществовал много пользе его величества короля Обеих Сицилий.

Командующий неаполитанским фрегатом капитан кавалер Стайти во всех случаях ревностно и усердно исполнял свою должность, при надобностях делал вспоможения и знанием своим о положении берегов и мест, где войскам должно было приставать и проходить, командующему эскадру подавал полезные советы и заслуживает похвалу и благоволение.

Гардемарин Шмит, находясь при командующем эскадру, исправлял разные дела, употребляем был в переводе италианского

языка и в посылках к надобным исполнениям. Бримерова батальона старший унтер-офицер Линев действием против неприятеля оказал великую и отличную храбрость и, будучи в жестоком бою, лично собою отнял у неприятеля знамя и доставил к командующему отрядом, за что и заслуживает благоволения. Подполковника Скипора батальона унтер-офицер Подуев, фельдфебель Антонов и боцман Купченский в бою против неприятеля оказались весьма храбры, искусны и ревностны и заслуживают благоволения. И все нижние чины в десанте во многих провинциях неаполитанских при разных действиях и особо в Неаполе оказали себя ревностными и усердными с беспримерной храбростию и заслуживают похвалу и благоволение.

Осмеливаюсь всеподданнейше донести вашему императорскому величеству об отличившихся ревностию, усердием всех вышеозначенных чинов, которым командующий эскадрой и особо господин неаполитанский полномочный министр свидетельствуют и относят справедливую похвалу за все их деятельности, за содержание и сохранение строгой дисциплины, за некорыстолюбие и похвальные беспримерные храбрые подвиги и благочинство, рекомендуя заслуживающим благоволение.

Командующий эскадрой флота капитан 2 ранга и кавалер Сорокин исполнил данные от меня повеления и наставления во всех подробностях, поступал и все деятельности производил искусно, с храбростию, ревностию и усердием и заслуживает милостивое благоволение. Полномочный неаполитанский министр господин кавалер Мишеру деятельностию своею, искусством и знанием во всех производствах означенных дел наибольшей частью участвовал в победах, по советам и по добрым расположениям которого командующий десантными войсками производил важнейшие действия и успехи, заслуживает отличную похвалу и благоволение. Письмо его ко мне вашему императорскому величеству во оригинале при сем всеподданнейше доношу...

Адмирал Ушаков

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КОМАНДИРУ ФРЕГАТА «НАВАРХИЯ»
КАПИТАНУ 2 РАНГА Н.Д. ВОЙНОВИЧУ О СЛЕДОВАНИИ
С ОТДЕЛЬНОЙ ЭСКАДРОЙ ДЛЯ БЛОКАДЫ
И ОВЛАДЕНИЯ АНКОНОЙ**

29 июня 1799 г.

Назначаю я посылку к Анконе фрегаты «Навархия», «Сошествие Св. Духа», «Казанская Богородица» и новокупленную бригантину, и от турецкой эскадры посылаются один фрегат, один корвет и одно из малых судов. Все они состоять будут под вашею командою и распоряжением.

По получении сего немедленно изволите следовать с оными в Венецианский залив к Анконе. Следуя туда, имейте возможное старание и прозорливую расторопность искать, не встретятся ли вам из Анконы какие-либо французские суда. Может быть, они, вышед из Анконы, пойдут с тем, чтобы уйтить из здешних мест куда им понадобится. Весьма нужно, чтобы их переловить и не допустить отсюда уйти или где-либо укрыться; для сего и можете вы, идучи туда, распространить эскадру фрегатов на некоторое расстояние и иметь осмотрительность, чтобы их не миновать.

По доходе ж к Анконе извольте блокировать оную наистрожайшим образом, судов никаких оттоль не выпустить и к ним не впускать, ловить и брать их в плен, наистрожайше осматривать, не встретятся ли где вам суда рагузские, которые весьма подозрительны, замешиваясь в дела французские под разными скрытными видами, делают [они] для них разные доставления. Ежели таковые попадутся с каким-либо подозрительным грузом, коль скоро обличены в том будут, таковых по силе именного высочайшего его императорского величества указа брать в чистый приз и отсылать к нашим портам.

Анкона, ежели еще не взята, то, уповательно, с сухого пути блокирована войсками, из обывателей составленными, под командою генерала Лагоца. Также за верное полагать можно, подошли уже к ней и царские* войска под командою генерала Кленау. Старайтесь и вы вверенными вам войсками делать всякое вспоможение и Анкону взять, а особо по морской части старайтесь, корабли, суда и проч. чтобы достались вам в приз. Хорошо, ежели бы успели и магазины прибрать в нашу пользу.

Можете отделить от себя одно или два судна в крейсерство в Венецианском заливе и особо к стороне Триеста; осведомляйтесь, не будет ли к нам по просьбе моей от графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского в присылку сухопутных войск, ежели они будут назначены и куда-либо посланы. Ежели следует перевоз на судах, старайтесь о переправе их, куда потребно, помогать и обезопасить; особо нужно нам наискорее 1000 человек или 2000 перевезти в Манфредонию и оттоль отправить в Неаполь, ежели положено будет, нужно доставить. Чем более войск пошлетя, тем лучше; войска в Корфу, хотя тысячу человек или более, сколько послано будет. Также и ко мне на эскадру, хотя тысячу человек или более, сколько послано будет. На эскадру ко

* Вероятно, «цесарские».

мне следующее войско удобно будет также отправить ко мне чрез Манфредонию в Неаполь, а ежели окажется удобно, то все оное войско, ко мне и в Неаполь следующее, не можно ли препроводить прямо из Анконы в Неаполь сухим путем, ежели только можете увериться, что оно будет иметь на продовольствие себя провиант на сухом пути.

Но что касается до Манфредонии, так нет сомнения: обыватели продовольствуют без всякой нужды в проходе от Манфредонии до Неаполя, а там, да и везде, примут их с восхищением; но буде покажется от Анконы посылать их берегом далеко, то весьма удобно чрез Манфредонию, буде для перевозу их можно нанимать в Триесте суда коштом и помощью от российского консула Ворука, а о том понадобится только препровождение.

Впрочем, ежели Бог благословит, успеете во взятие Анконы и в доставлении войск, куда надлежит, освободя от неприятеля все берега между Анконою и Манфредонию, когда при Адриатическом заливе неприятеля уже не будет, не более оставить в той стороне, как один фрегат и одно малое судно для защиты коммерции, а с прочими имеете возвратиться в Корфу или как куда потребные обстоятельства окажутся. Сообразуйтесь во всем с обстоятельными сведениями о известиях по обстоятельствам и по случаям полезностей, не упускаете ничего выгодного, в чем я надеюсь на вашу расторопность, благоразумие и исправность.

Еще напоминаю употребить ваше старание предоставлением вашим; объясните его сиятельству г[осподину] фельдмаршалу графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому таким манером, что не будут ли к нам по означенным надобностям присланы войска, просите в резолюцию повеление, дабы вы, исполняя оные, могли вспомоществовать от вашей эскадры; я и особо об оном письма мои отправлю, и вы должны будете доставить их чрез Венецию или чрез Триест, откуда удобно. О исполнениях ваших при всякой оказии извольте как наивозможно чаще меня уведомлять вашими рапортами.

К Александру Васильевичу нужно объяснить, что с эскадры Сорокина вся команда батальонная и несколько матросов и канонир находятся в Неаполе, они все осторожности и караул там содержат и не могут оттол быть отпущены, пока их не сменят войски сухопутные. Следовательно, вся сия эскадра на то время, фрегаты без солдатской команды к другим действиям употреблены быть не могут (и они отсель идут к Неаполю).

Адмирал Ушаков

ИЗ ПИСЬМА Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ
И ОБ ОТПРАВКЕ СЕНАТОМ ОСТРОВОВ ДЕПУТАТОВ В ПЕТЕРБУРГ
И КОНСТАНТИНОПОЛЬ ДЛЯ ПРИНЕСЕНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ
ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ФРАНЦУЗОВ

1 июля 1799 г., корабль «Святой Павел»

По почтеннейшему письму вашего превосходительства, при котором приложены копии с поданных от вас нот к Блистательной Порте о установлении островов, нами освобожденных, известить честь имею сходно, как я и прежде имел честь уведомить, правление в островах учреждено, установлена республика и в Корфу учрежден Сенат под именем Ионических островов.

Все дела и касательности по оному отправлены отсюда с депутатами всех островов; две недели как они отсюда уже поехали водою, напервое в Занте, а оттоль в Корею и в Константинополь; одна половина из них отправились через Константинополь в Санкт-Петербург, а другие к Блистательной Порте Оттоманской, и все они явятся к вам, вашего покровительства и наставления требовать будут, которых и рекомендовать честь имею, прося о благосклонном принятии и милости вашей оных не оставить.

По оной депутации, кажется, дела решение свое иметь будут сходное с опубликованным манифестом Патриарха Константинопольского и нашими с Кадыр-беем прежними прокламациями. Али-паша о том, что писал он о неприличном письме и требовании своем против острова Святой Мавры, признался сам в неследующем ему и чрез присланного ко мне старался во оном примириться, почему я просил его только быть к ним благосклонным и оставить их в покое, не вводя в тревожность. Теперь только настаит он о высылке из островов его людей — разных албанцев. Я и на оное к нему отвечал, что от меня все исполнено, и печатные строгие прокламации о том посланы, и еще подтверждение сделано. В прочем, до кого надлежит, дам я наставление, как от вас мне означено.

Все островские обыватели ничего более не желают на свете, как ежели бы можно было им быть под одним покровительством и протекциею России, что бы им ни приказано было, во всем будут они послушны, ко мне неограниченную имеют они во всем доверенность и во всякой защите полагают свою надежду, без которой, бог знает, что бы с ними последовало, столько напугали их турки и Али-паша. Мысль одна тревожит их бесподобно, чтобы не попасться к ним, под их волю и распоряжение, но я во всем их успокоил совершенно, так они и надеются...

Федор Ушаков

ИЗ ПИСЬМА Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ДИСЛОКАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО И ИСПАНСКОГО ФЛОТОВ,
ПРЕДПОЛАГАЕМОМ СОЕДИНЕНИИ ЭСКАДРЫ С АНГЛИЙСКИМ
ФЛОТОМ И ПЛОХОМ СНАБЖЕНИИ ЕЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ

1 июля 1799 г., корабль «Святой Павел»

Почтеннейшее письмо вашего превосходительства минувшего июня от 12 дня и приложенную при оном ведомость об отправляющемся на эскадру на фрегатах «Николай» и «Поспешный» провианте я имел честь получить, за которое и за отправление писем моих, куда следует, покорнейше благодарю. О флотах французском и гишпанском, вошедших в Средиземное море, я вас имел уже честь уведомить. По дошедшим ко мне известиям, хотя, однако, необстоятельным и требующим еще подтверждения, известно: гишпанский флот в двадцати двух линейных кораблях находится в Карфагене*, а французский в девятнадцати [кораблях] и десяти фрегатах — в Тулоне или близко где одного места; также вероятно или невероятно известие: сильные аглицкие эскадры вышли в Средиземное море и над ними делают поиски и блокируют; лорд Нельсон с осьмнадцатью кораблями недавно подошел к Неаполю. Суда наши, с провиантом к нам из Константинополя отправляющиеся, кажется, совершенно безопасны и никакой надобности в препровождении себе не имеют; во всем здешнем крае ничуть французских судов и крейсеров не слышно, даже всякого рода мелкие купеческие суда взад и вперед ходят безопасно; одно только мое сумнительство, что они прийти сюда опоздают теперь.

Теперь в провианте настоит крайняя необходимая надобность, мы в самой скорости отсюда отправимся к Мессине и оттоль в соединение к аглицкой эскадре к Неаполю или где находится, не зная, как они попадут или как может провиант к нам доставиться. Преудивительное дело: половина лета уже прошла, а провианты только теперь лишь в Константинополь пришли, а сюда привозятся в разное время по нескольку только одних сухарей, да и тот провиант, который к Сорокину отправлен был на двух фрегатах, почти весь испорченный сюда доставлен. Теперь у нас только сухари и булгур, малое число худого, совсем испортившегося коровьего масла и несколько горячего вина, а протчего ничего нет. При этом провианте, кроме бедствия, ничего ожидать нельзя.

Эскадра под командою господина контр-адмирала и кавалера Пустошкина от Анконы сюда возвратилась, на кораблях его все служители заразились сильной цинготной болезнию, с одного корабля «Симеон и Анна» свезено на берег больных 130 человек, с другого до 70, а прочие служители на оных двух кораблях почти

* То есть в Картахене.

все имеют вид в себе заметной цинготной болезни, и что с ними будет и как они пойдут со мною, не знаю. Сверх всех прочих недостатков провизии великая худоба здоровью [то, что] пьют одну простую воду, случается и нехорошую. Красного вина к нам совсем не привозят, а которое весьма в малом количестве давно уже было привезено, то совершенно негодное, как я уже к вам и относился. Денег ко мне и по сие время еще из Патраса не привезено; судно мое и теперь там их ожидает. Я писал ему возвратиться с тем, сколько есть собрано, ибо ему должно иттить со мною; и потому вина купить теперь не на что, да и отыскать его здесь в покупку невозможно, ежели когда привозят в продажу малым числом, то также совсем негодное и испортившееся. Худая провизия непременно сделает всю нашу команду больною, что с означенными двумя кораблями и случилось. Да благоволит Всевышний, чтобы транспорты наши, от вас отправляемые, на сих днях к нам подошли, а иначе пойдём мы без самоважно надобной провизии...

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О НЕСПРАВЕДЛИВЫХ ОБВИНЕНИЯХ ЕГО
В НЕРЕГУЛЯРНОЙ ПЕРЕПИСКЕ С РУССКИМ ПОСОЛЬСТВОМ
В КОНСТАНТИНОПОЛЕ**

1 июля 1799 г., с благополучного корабля «Святой Павел», при Корфу состоящего

С крайним сожалением моим и прискорбностью получил я письмо Государственной Адмиралтейств-коллегии от вице-президента графа Григория Григорьевича Кушелева, в котором объяснено: «Пребывающий в Константинополе российский министр господин тайный советник Томара в отношениях своих к министерству, между прочим, пишет, что он никаких почти сведений от вашего высокопревосходительства в рассуждении вверенной вам эскадры о плаваниях оной не получает, хотя находящийся в соединении с вами Кадыр-бей каждый раз при отправлении от него курьеров вас извещает, что самое некоторою причиною было и нескорого доставления от Порты на эскадру провизии, столь нужной к продовольствию служителей; и как министру крайне нужно знать о эскадре, где она имеет свое плавание и не настоит ли в чем по оной недостатков как в жизненных припасах, так и в других вещах, дабы он, получая о всем оном благовременное извещение, мог о доставлении нужного делать зависящие от него распоряжения, испрашивая, что по транспортам следует от Порты, а о другом делать донесении и своему двору, по каковым обстоятельствам и нахожу за необходимое сказать вашему высоко-

превосходительству, дабы вы о всем касательном до эскадры, вам вверенной, почасту извещали сказанного министра и непременно при отправлении каждого Кадыр-беем курьера; равно и донесения ваши к государю императору обо всех случайностях, хотя бы таковые отправлены были через Триест или другое какое место, доставлять дубликаты и через Константинополь, посылая оные для сего к нему, господину Томаре, коего и о содержании оных уведомлять, чтоб оный на случай каковой-либо надобности мог о эскадре всегда иметь полное сведение».

С ответу моего на оное письмо, к графу Григорию Григорьевичу писанного, при сем прилагаю копию.

Ваше превосходительство, по всегдашней моей с вами дружбе и дружеской переписке я никогда не ожидал таковых напрасных на меня объяснений. Сколько есть мне времени, никогда я не упущаю с вами переписки и обо всех делах к обстоятельствах до основания всегда и обо всем вас уведомляю, получаю от вас всякие сведения и вам ответствую безнедостаточно, а когда никакой надобности в чем нет, то чаще оного и писать нужды не предвидится, излишнее с моей стороны письмо отнимет время, на дела мне потребное.

О провианте предупредительно я просил вас, будучи еще в Константинополе, чтобы прислать его благовременно и непременно к первому числу ноября, чтобы можно его получить было предупредительно одним месяцем, и сию просьбу повторял к вам из Дарданеллей, из Занте, из Кефалонии и по приходу в Корфу. Писем моих к вам несколько недель декабря и января месяца пропустил, тогда и надобности никакой не случилось, как из ответу моего изволите усмотреть графу Григорию Григорьевичу Кушелеву. После стольких моих к вам донесений не было надобности мне повторять о присылке провизии, а после пяти или шести недель опять непрерывно обо всем я к вам пишу и никогда в недостатках переписки моей не было. За что ж, милостивый государь, подвергаете вы меня негодованию даже и до высочайшего сведения? Журнал и письма ваш меня оправдают, что кроме того, так сказать, ненужного времени переписки я не прекращал и она достаточна, а более нигде необходимых ни времени* к тому не имею.

Я дружески вашему превосходительству объясняюсь, таковым вашим объяснением вред будет общей нашей пользе; когда я и дела мои уважены, тогда моя и ваша польза больше. Таковым объяснением государь император может на меня понегодовать, и я через самое таковое ваше объяснение при сем случае могу потерять даже и то, чем вы меня по дружбе вашей благосклонно обна-

* Так в документе.

дежили. Монаршая милость для меня и для вас полезны. Ежели вы меня каким-либо негодованием отвлечете, и вы теряете тем из вашей пользы. Много раз со мною случалось, когда я ласкал себя верною уже надеждою, часто был отвлечен от оной. При всем том я доволен моим состоянием и не ропщу, но сожалею, что за старательности мои и усердие предвижу несоответственность (объяснение в письме графу Григорию Григорьевичу явственно означает оную). За всем тем рекомендую себя впредь в продолжение вашей дружбы, и я стараться буду о приобретении оной, ежели чего еще не заслужил.

С каковым истинным моим желанием и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.Г. КУШЕЛЕВУ
О НЕКОМПЛЕКТЕ ОФИЦЕРОВ И О ПЛОХОМ СНАБЖЕНИИ
ЭСКАДРЫ**

1 июля 1799 г., корабль «Святой Павел»

Почтеннейшее письмо вашего сиятельства, при котором прислана ко мне копия с журнала эскадры вице-адмирала Макарова, и другое вслед за ним, мая от 2-го дня писанное, оба на сих днях через Вену и Триест я имел честь получить и доношу вашему сиятельству: журнал как следует быть выписывается, и как дела вверенной мне эскадры в великом превосходстве разных исполнений, потому требуется время, и как скоро он готов будет, буду иметь честь представить.

Крайне опечаливает меня, что по убедительному моему прошению не имею счастья в снабжении меня письмоводцами, каких я требовал, тож историографа, рисовального мастера и кригс-комиссара с потребными чинами, что все при флоте быть должно и законом полагается. Но оные чины остались при главном командире, а со мною не имеется при столь необъятных надобностях, как я уже вам многократно объяснял.

Замечаю и чувствую вашего сиятельства негодование, но это только меня печалит, а помощи не делает. Многие должности, разным чинам надлежащие, я один собою обнять и исправлять не могу; в офицерах при эскадре и к исправлению своих должностей великий недостаток, к следует, чтобы я снабден был, как и господин вице-адмирал Макаров, даже необходимая нужда требует и гораздо превосходнее. Заметно, надобные чины ему даны и сверх

того лейтенантов определено к нему на эскадру на каждое судно по одному сверх комплекта и по два мичмана. Дела оной эскадры обыкновенные, а в даль еще не случились, да и не предвидится быть подобны, дабы, так сказать, целые государства освобождать от неприятелей, удовлетворять всякого рода просьбы, жалобы и потребности обывателей, учреждать и узаконивать их правления и во все стороны иметь важные и во множестве переписки по разным делам и обстоятельствам, вести войну во всех местах, драться с неприятелем, исправлять всякие худости на эскадре, изыскивать всякие средства к содержанию служителей, беспримерно долгое время не получая жалованья, мундира, провианта и никаких припасов, и спасать суда, некоторые почти погибающие от худостей и особо от течи, и за всем тем исправляться и действовать неупустительно, как из донесений моих усмотреть соизволите.

Эскадрую, мне вверенной, в нынешнее время почти все Неаполитанское королевство освобождено от неприятелей, покорено и утверждено в верности королю Обеих Сицилий и около Анконы все освобождено ж, остается только один город и крепость — и Венецианский залив свободен от неприятеля. За всем тем по сие время при всем моем старании изыскать ко мне ваше благоприятство еще не успеваю, не получаю ни одного письма без вашего негодования и почти за один только журнал. И как только что возможно, исполняю, исполню и [журнал], и к вам доставлю.

Во втором письме соизволите писать — пребывающий в Константинополе министр господин тайный советник Томара в отношениях своих к министерству, между прочим, пишет, будто бы он никаких почти сведений от меня в рассуждении вверенной мне эскадры о плаваниях оной не получает. Я с удивлением таковое описание вижу и получаю от вашего сиятельства. Даже из многих писем моих к вам, надеюсь, заметить соизволили всегдашнюю мою переписку. Нет ни одного дела, так сказать, нет ни одной ступени производимых мною дел и всех всякого рода касательностей, о которых я с подробностью не относился бы, первейшим делом поставляю, и дела все произвожу согласно с общим нашим мнением и положениями, и сию переписку веду непрерывно. Один раз только случилось: в прошлом году несколько недель ноября и декабря месяца занят был я бесподобно многими обстоятельствами, дел важных к донесению никаких не случилось, изыскивая только я случая и делал разные производства дел о взятъе Корфу, эскадры были от меня в отделенности, затем во ожидании решительно ничего предпринять было не можно. Ежели сие небо-

льшее время пропущилось без переписки, важности в том никакой не предвиделось.

Касательно ж до провизии, в бытность мою в Константинополе об оной я предупреждал и несколько раз прежде сего времени писал и всегда почти ни одного письма нет, в котором бы не писал о присылке провизии, и во оной с моей стороны и малейшего ни в чем упущения нет. Его превосходительство Василий Степанович Томара со мною всегда в хорошей дружбе и такового представления я от него никогда не ожидал; вся письменная переписка моя (к нему) и вашему сиятельству в письмах небезызвестно меня оправдают.

Я ищу вашего ко мне только обо мне благоприятного и добро-го расположения и уверяю, что по всей возможности обо всем стараюсь и возможного ничего не упущу. Я от малолетства моего никогда прилежности моей не терял и о пользе всемилостивейшего государя нашего императора неустанно стараюсь и старание иметь никогда не упущу: недостатки только всякого рода по эскадре во всем меня затрудняют, а чтобы всему этому возможно было верить, надобно быть свидетелем, а инако многому, что и как делается, почти поверить нельзя. Все оное представляю в справедливость благосклоннейшего вашего суждения.

Федор Ушаков

P.S. Я уже многократно вашему сиятельству объяснялся: излишество дел письменных, какими я отягощен беспредельно, отнимает от меня деятельности полезнейшие. Всякий день, который упражняюсь я в письме, ущерб наносит пользы государевой во всех работах и исполнениях. Где бываю я непрерывно, под моим обозрением все дела вдвое и втрое идут успешнее, когда имею время, от зари до зари беспрестанно осматриваю и учреждаю все потребности, без такого важного присмотра не могут дела так скоро исполняться. Я с малолетства в успешных исполнениях всегда был счастлив, имел всегда отличные одобрения и благоволения. Теперь много дней непрерывно упражняюсь в письмах. Всякое дело должен я диктовать, потому что письмоводцы мои знают обыкновенные дела, а важных переписок сочинять ничего не могут. Это время упражняясь в письме, теряю я от пользы. Письмоводцы, каких я требую, гораздо меньше стоят, нежели я теряю в моем письменном упражнении.

Повторяю покорнейшую просьбу мою, не оставьте, ваше сиятельство, меня снабдить достаточным числом письмоводцев, которые бы могли сами собою сочинять дела и на переписки отвечать, также кригс-комиссар с чиновниками непременно и необходимо мне надобны, историографа, из лейтенантов, способного здесь нет, да и лейтенанты все определены в необходимых надобностях и отделить их нельзя; во всех чинах на всех судах недостаток; рисовальный мастер также необходимо надобен...

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА АЛИ-ПАШЕ ЯНИНСКОМУ
С ТРЕБОВАНИЕМ ПРЕКРАЩЕНИЯ НАПАДЕНИЙ ТУРОК
НА СУДА ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ**

*9 июля 1799 г., корабль «Святой
Павел», при Корфу*

Высокородный и превосходительный господин Али-паша
и губернатор Янина!

Милостивый государь мой!

С поданного ко мне и командующему эскадрой Блистательной Порты капитану-бею Кадыр-бею от депутатов острова Кефалония, при Сенате в Корфу находящихся, сего июля от 4-го дня прошения копию при сем препровождаю, из которого [прошения] усмотреть соизволите справедливую жалобу островских обывателей, терпящих неожиданное и бесподобное утеснение тем, что суда ваши берут в плен их суда и с товарами и люди оных судов содержатся закованные в тюрьме, а суда и товары арестованы.

С крайним сожалением и прискорбностью получил я таковую неожиданную жалобу обывателей Ионических островов, победоносным оружием высоких держав Империи Всероссийской и Блистательной Порты Оттоманской от французов освобожденных и состоящих под протекциею их величества государей наших императоров, от которых уверительно обнадежены они покровительством и защитою. Почему прошу ваше превосходительство судами вашими противно повелению и намерению его султанского величества захваченные два судна островов Кефалония и Занте с товарами и людьми освободить, яко ни в чем невинных, а исполняющих повеления высшего начальства; также и впредь наистрожайше запретить судам вашим для таковых дерзких предприятий к островам Ионическим не приближаться и таковых дерзостей отнюдь не производить. В противном случае может с ними случиться неприятное последствие, яко с судами неприятельскими, ибо дружеские суда таковых наглостей чинить не должны и не следует.

И все таковое происшествие, считаю я, делается в противность воле его султанского величества, о чем я и не премину отнестись к Блистательной Порте Оттоманской через чрезвычайного посланника и полномочного российского министра, в Константинополе пребывающего. Прошу ваше превосходительство о сохранении обещанной вами к нам дружбы и благоприятства, равно и к островским обывателям, под протекциею и покровительством государей императоров наших состоящим.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.Г. КУШЕЛЕВУ
ОБ АНТИРУССКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВСТРИЙЦЕВ
НА ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВАХ, В ЧЕРНОГОРИИ И В РАГУЗЕ**

12 июля 1799 г.

Из переписки австрийского генерала Бради, в Боко-ди-Каттаро близ Черной Горы находящегося, к австрийскому консулу Криссоплеври в острове Занте по нечаянному случаю получил я письмо, в котором явственно открываются неприличные их замыслы и деятельности островских жителей, отвращая их от наших учреждений, и стараются склонять в свою сторону и тем наносят разврат и несогласности, также и против народа Черной Горы таковые же заметны генерала Бради деятельности.

По случаю прибытия ныне ко мне из Петербурга архимандрита Вукотича, отправленного от меня в Черную Гору к митрополиту Негошу, послал я к генералу Бради от себя письмо с надлежащими объяснениями и просьбою таковые неприличные замыслы, несходственные дружбе, оставить, уведомил об оном также чрез-вычайного посланника и полномочного министра графа Разумовского в Вену и в[ашему] с[иятельству] для надлежащих сведений сим донести честь имею. С писем моих, посланных к министру Разумовскому и генералу Бради, равно и с перехваченного мною точные копии при сем прилагаю.

На сих днях получил я два письма из Рагузы от российского генерального консула Джики объясняемые замыслы и хитрости австрийского генерала Бради в рассуждении Рагузы, с которых копии препроводил я к министрам: в Вену — графу Разумовскому, а в Константинополь — Томаре, и в[ашему] с[иятельству] за известие таковые же представить честь имею. А после сего чрез мальтийских кавалеров получил я ноту от господина Бради, в которой противные поступки Рагузы описаны, но если сообразить вышеозначенное письмо о переписке с австрийским консулом, ясно усмотреть можете, что и тут таковые же производятся замыслы неприличные.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА АВСТРИЙСКОМУ ГЕНЕРАЛУ БРАДИ
С ТРЕБОВАНИЕМ ПРЕКРАТИТЬ ВРАЖДЕБНЫЕ РОССИИ ДЕЙСТВИЯ**

*12 июля 1799 г.,
корабль «Святой Павел», при Корфу*

Ваше превосходительство, милостивый государь!

По связи совершенной дружбы всемилостивейших государей наших императоров не ожидал я интриг и замыслов, употребляемых вами и генеральным консулом австрийским Криссоплеври, в Занте находящимся, противу прежде бывших венецианских островов, победоносным оружием союзных держав от французов

освобожденных. И сверх чаяния таковой поступок перепискою вашею с означенным генеральным консулом открывается явным и противен есть искренности и совершенной дружбе существующей. Также интриги, происки и неблагоприятные поступки в рассуждении митрополита и черногорского народа становятся по тому ж поступку явственными.

По высочайшему именному повелению всемилостивейшего государя моего императора в минувшем марте месяце отправлен был от меня из эскадры флота капитан-лейтенант Клапакис в Черную Гору к преосвященному митрополиту Негошу: вместо оказания ему благоприятства и пособия со стороны вашей под видом удерживания карантина всякие препятствия и затруднительности нанесены были бесподобно. А когда и допущен он был с письмами и до разговора с митрополитом, и тогда употреблен строгий и неприличный за ним присмотр, как бы по подозрению, да и самим митрополитом и народом черногорским поступки ваши не соответственны искренности дружбы, хотя они и укрыты завесою политики, вами употребляемой; собственное письмо ваше поступки открывает достаточно.

Долгом почел я откровенно объяснить вашему превосходительству и просить таковые напрасные затеи и замыслы оставить и поступать с местами и народами, под протекцию и покровительством всемилостивейшего государя моего императора состоящими, с искренним благоприятством. Я уверяю вас, что в замыслах ваших без особой взаимной высочайшей воли ни в чем и малейше успеть не можете.

Адмирал Ушаков

**ИЗ ПИСЬМА Ф.Ф. УШАКОВА РУССКОМУ ПОСЛУ В ВЕНЕ
А.К. РАЗУМОВСКОМУ О ВРАЖДЕБНЫХ ПРОИСКАХ АВСТРИЙЦЕВ
НА ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВАХ**

12 июля 1799 г., корабль «Святой Павел»

Австрийский господин генерал Бради, в Боко-ди-Каттаро близ Черной Горы находящийся, имеет переписку с австрийским генеральным консулом Криссоплеври, в острове Занте состоящим. В ней заметны развратность и помешательство в наших учреждениях островов, прежде бывших венецианских, соединенными эскадрами от французов освобожденных. Стараются они делать происки и отклонять их на сторону австрийской нации, хотя незаметно, что могли бы они в том успеть, но за всем тем делают колеблемость между народами и помешательство в покое и установлениях наших. Таковые скрытые происки противны дружбе, существующей между высочайшими дворами.

Одно письмо господина генерала Бради, писанное от него июня 3 дня сего года в остров Занте к австрийскому генеральному консулу Криссоплеври, нечаянным случаем по некоторым обстоятельствам попало ко мне, которое ясно его в том обличает, таковые ж заметны хитрые происки и противу народа черногорского. По случаю отправления отсель архимандрита Вукотича в Черную Гору к митрополиту Негошу, из Санкт-Петербурга возвращающегося, писал я от себя к его превосходительству господину генералу Бради, объяснил подробно обо всем оном таковые замыслы и напрасные происки отставить и впредь подобностей не производить.

С письма моего к нему, сего числа посланного, точную копию вашему сиятельству при сем препровождаю. Надеюсь, что ваше сиятельство употребит старание ваше исходатайствовать господину генералу Бради и австрийскому генеральному консулу Криссоплеври строгое запрещение. В прочем предаю вашему благорассмотрению, почтете ли необходимой надобностию об оном донести всемилостивейшему государю нашему императору или на сей случай почестья может письмо мое к господину Бради достаточно, как будет вам благоугодно...

Адмирал Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ДЕЙСТВИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ФЛОТОВ,
О БЛАГОДАРНОСТИ НЕАПОЛИТАНЦЕВ РУССКИМ ВОЙСКАМ
И О БЛОКАДЕ АНКОНЫ**

*16 июля 1799 г.,
корабль «Святой Павел», при Корфу*

Имею честь уведомить ваше превосходительство: посланные от нас в Тулон суда для отвозу пленных французов несколько времени задержаны были там под разными видами и в ожидании от правительства их резолюций, а уповательно более для того, что флот французский в то время был в Тулоне, и чтобы обо всех их обстоятельствах не допустить известий, после все оттуда отпущены. Нанятые суда почти все возвратились (кроме одного — «Павла Фоки», которого, туда еще идучи, на дороге взяли алжиры и отвели в Тунис, а потом в Алжир). Наши военные суда — акат «Св. Ирина», бригантина «Феникс» и пленный брик — также идут сюда, но они от прочих приостались: акат, как сказывают, близко уже Корфу и острова Паксо, бригантина «Феникс» и пленный брик в Мессине имели течь и там килуются. По случаю отправления курьера от Мустафы-паши об обстоятельствах ни о каких теперь писать я не успел, да и дожидаю аката «Ирина», который, конечно, не позже, как завтра, придет сюда, все верные известия

и сведения надеюсь получить через него. Фрегаты «Поспешный» и «Св. Николай», посланные от вас из Константинополя, отправятся оттоль, через 23 дня пришли сюда.

С них и еще с одного судна спешу я принимать на эскадру, мне вверенную, провиант; весьма обрадован я доставлением оно и тотчас иду в поход, как прежде уже вас уведомлял. Только что получу я все верные известия обо всем, за сим же писать буду обстоятельно и к государю императору всеподданнейше донесу о походе и обо всех подробностях. На сих днях отправляю я несколько судов по высочайшему повелению через Константинополь в адрес для забрания двух батальонов, в Корфу следующих, но судов теперь здесь у меня очень мало, и важные обстоятельства не позволяют много послать, потому пошлю не более как один фрегат «Счастливыи», и за ним три или четыре малые судна, тоже отправляются отсель вышеозначенные фрегаты «Поспешный» и «Николай». Впрочем, для перевозу войск оттоль должно суда будет нанимать, а в проходе их сюда в Корфу и малейшей никакой опасности нет, как и я прежде уже об этом писал.

Французский флот, бывший в Тулоне, сказывают, в 24 или 26 линейных кораблей, кроме фрегатов и разных судов, из Тулона ушел в Карфагену* в соединение к гишпанскому флоту, которого разных судов считают до 50. Об англичанах нет верного сведения, сколько их, говорят, что 22 линейные корабля крейсируют близко Ливорны да 18 кораблей с Нельсоном, в том числе 4 португальских — в Неаполе. В Неаполе крепость Сант-Ельм взята на капитуляцию, король неаполитанский находится в Неаполе, на корабле Нельсона, еще опасается войти в город, день и ночь работает в приемах. Я на сих днях отправляюсь в поход, засим же тотчас послан будет от нас в Константинополь курьер с обстоятельными нашими донесениями. В прочем свидетельствую мое истинное почтение и преданность, с каковым навсегда имею честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга

Федор Ушаков

P.S. Сейчас из Бриндичей пришла одна лодка. Король вошел уже в Неаполь, на сих днях в Бриндичах об оном торжествовали; русским войскам во всем королевстве Неаполитанском не знают, как приписать честь, называют их божеским ниспосланием к их избавлению; англичане только хитрят и чужую честь о взятии Сант-Ельмы себе присваивают, даже и капитуляцию о сдаче крепости на себя написали, да и прежде делали только одно помешательство, о чем меня оттоль же уведомляли. Они стараются всякого больше отвлекать от деятельности и делать пус-

* Следует «Картахену».

тыми, не могут успеть в своих предприятиях, сколько разных требований мне прежде было наделано, но я исполнял все по обстоятельствам и то, что было полезно; и вы мне во оном вспомоществовали, дабы мы важную пользу не теряли.

Теперь уже не знаю, с какой стороны желания их до самого государя императора доходят, и на сих днях получил я высочайшее именное повеление послать два фрегата в Александрию к командору Шмиту; страшусь, я не знаю, как могу теперича это исполнить; три фрегата от меня посланы блокировать и взять Анкону, это необходимо нужно и непременно, ибо без того Венецианский залив не будет спокоен, пока не взята будет Анкона. Фрегат «Счастливый» завтра же идет через Константинополь в Черное море... последние три фрегата, у меня находящиеся, почти без людей, войска их и с фрегата «Счастливый» находятся в Неаполе и должны итти за ними туда; при мне ни одного уже фрегата не останется, кроме шести кораблей. Не знаю, могу ли из Неаполя из этих трех два фрегата послать, изо всех со мною больших фрегатов один только благонадежный, а прочие за ветхостью берегу я, как красное яичко в Христов день, чтобы не разбились. Ежели из них который будет послан, возвратиться никак уже не может и никакой надежды нет, чтобы осень и зиму могли в тамошних местах выдержать при ветхости их. Имеют они на себе претяжелую артиллерию, и она при первой большой качке непременно их разломает, а притом и обстоятельства теперешние посылать туда еще не позволяют, пока не окажется совершенная благонадежность в рассуждении французского и гишпанского флотов. Затем два корабля: «Богоявление Господне» и «Св. Троица», которые оставляя я для исправления при Корфу и в надежде, что они и пост сей охранять будут, теперь по сродству ж именного высочайшего повеления, как оным велено неблагонадежные корабли, которые не можно хорошо исправить здесь, отослать в Ахтиар. Напервое оные и посылаю, но как из них корабль «Богоявление Господне» чрезвычайно течет, то прежде теперь же начнет исправляться килеванием, хотя ничего достаточного к тому здесь нет. Но Бог нас помощью своею исправляет*, и как-нибудь исправится и пойдет в Ахтиар. За всем этим необходимо должен буду я делать выполнение по теперешним случаям и обстоятельствам, как только будет возможно.

Адмирал Ушаков

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КОМАНДИРУ КОРАБЛЯ
«БОГОЯВЛЕНИЕ ГОСПОДНЕ» КАПИТАНУ I РАНГА А.П. АЛЕКСИАНО
О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО СТАРШИМ МОРСКИМ НАЧАЛЬНИКОМ
В КОРФУ НА ВРЕМЯ ОТСУТСТВИЯ Ф.Ф. УШАКОВА**

21 июля 1799 г.

Отправляюсь я с эскадрою, мне вверенной, из Корфу к Сицилии, Неаполю и далее в соединение с аглинскими эскадрами на общее действие противу французского и гишпанского флотов, вошедших в Средиземное море. При Корфу под начальством и со-

* Так в документе. Должно быть «не оставляет».

хранением вашим в ваше распоряжение на всякие случаи и обстоятельства оставляю корабли: «Богоявление Господне», «Св. Троица» и «Леандр», одну пленную требакулу, две галеры и четыре полугалерки, из них одна вооруженная, с людьми, а прочие галеры и полугалерки без всякого вооружения состоят в Мандракъю.

Предписываю вашему высокоблагородию оставшуюся эскадру, вам вверенную, содержать во всяком добром порядке и устройстве, как следует, по силе закона. Крепости Корфу сохранять и защищать во всяких случаях от неприятелей и все в них находящееся предохранить в целости, караул в крепостях и городе содержать войска городские, но для лучшего присмотра и охранения и особо для содержания караулов при магазинах для сохранения всего в них находящегося извольте в старой крепости содержать на карауле одного обер-офицера и 24 человека фузилер и гренадер с пристойным числом урядников и при магазинах содержателей, к ним определенных. Комендантом в крепостях остается майор и кавалер Дандрия, который и все прочие караулы и охранительности состоять будут под вашим распоряжением и командою.

Получил я именное высочайшее его императорского величества майя от 27 дня указа[ние], в котором повелено: неспособные к службе корабли из числа находящихся в порученной мне эскадре, которые на месте пребывания моего исправить невозможно, дозволяется для сего отправить в Ахтиар. А как вверенные вам корабли «Богоявление Господне» и «Св. Троица» имеют великую течь и по ветхости их многие сгнилые члены и большого исправления требуют, так что корабль «Богоявление» от чрезвычайной течи без исправления килеванием с места отсель итти не может, потому старайтесь его как наивозможно исправить здесь килеванием, и корабль «Св. Троица» кренгованием и прочие худости на них, сколько наивозможно, исправить, и сими работами поспешить, и отнюдь не замедлить, и по приуготовлении оных кораблей надежным состоянием [к] ходу извольте со оными следовать чрез Константинопольский пролив в Ахтиар.

Содержание при Корфу поста, вам вверенного, во всех подробностях, как вам предписано, извольте препоручить по себя старшему остающемуся при Корфу командующему корабля «Леандр» с подробным обо всем наставлением и инструкциею о сохранении судов, крепостей и всего в них находящегося по силе закона. Наипрежнейшее старание имейте за учрежденной здесь госпиталью к скорейшему выпользованию больных служителей, с разных судов в ней остающихся, которые все на время отсутствия эскадры ныне причисляются на корабль «Св. Троица», а после отбытия оного с вами переместится их причисление на корабль «Леандр».

При отправлении вашем с кораблями «Богоявление» и «Троица» со оных кораблей извольте укомплектовать служителями и

разными чинами корабль «Леандр». Я почитаю, что из остающихся у вас на кораблях служителей из наличного числа можно отделить на оный с каждого по одной трети, а ежели не можно, то по крайней мере близко оно число, чтобы он имел служителей достаточное количество к сохранению и обороне на всякий случай крепостей. Раненых, увечных и совершенно не способных к продолжению службы служителей, остающихся в госпитале и на вверенных вам судах таковых, которых по выпользовании можно иметь на кораблях, забрать их всех с собою и отвести в Ахтиар и оттоль об них представить в главное начальство со всяким подробным описанием о их удовольствии, что следует им получить денежного жалованья за провиант, за мундир, не получаемый, и за все прочее, что следует и о чем теперь же должны вы об них сделать надлежащую выpravку с командами и от оных истребовать формулярные описания.

В бытность вашу здесь служителей довольствовать провиантом, как надлежит, свежим мясом и зеленью, сколько чего потребно без излишества. На все оное содержание и на прочие потребности оставляю я вам при особом повелении денег пятнадцать тысяч рублей, в том числе и на жалованье за майскую прошлого, [1]798 года, треть.

Во время бытности вашей здесь обо всех обстоятельствах и известиях, какие иметь будут, извольте всеподданнейшими рапортами доносить его императорскому величеству и о делах касательных и о состоянии команды служителей в Государственную Адмиралтейств-коллегию и в Контору главного командира Черноморских флотов, также и обо всех потребных надобностях и об уведомлении относитесь письмами вашими в Константинополь к российскому чрезвычайному посланнику и полномочному министру господину тайному советнику и кавалеру Василию Степановичу Томаре. И откуда какие письма и повеления ко мне сюда присылаемы будут, доставляйте с верной оказиею ко мне; казенные дела в случае надобности, ежели предвидеть оные можете для вашего ведения, распечатывать и буде, что касается по оным, исполнять и потом, запечатав, доставлять ко мне, где я находиться буду. Также о состоянии команды и обо всех потребностях извольте доносить ко мне при всяких случаях неупустительно.

Здесь же с вами остаются турецкие три фрегата и одна корвета и несколько малых, они потому и все должны состоять под вашим распоряжением, и имейте всякую предосторожность и охранение. Провизия, какая будет доставляема на эскадру за отсутствием нашим, ежели не можно доставлять к нам на судах, прикажите складывать ее в Корфу в магазейны и сберечь от мокроты и гнилостей за присмотром, от вас определенным. В прочем обо всем поступить и чинить исполнение по силе закона.

Адмирал Ушаков

**ИЗ ПИСЬМА Ф.Ф. УШАКОВА
КОМАНДУЮЩЕМУ ТУРЕЦКОЙ ЭСКАДРОЙ КАДЫР-БЕЮ
О МЕРАХ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАПАДЕНИЯ АЛИ-ПАШИ
ЯНИНСКОГО НА ОСТРОВЕ КОРФУ**

22 июля 1799 г.

Доходят до меня от разных многих людей неприятные известия и слухи, равно и вашему превосходительству таковые ж доходят в сведение и известны, о некоторых важных чиновных людях, со стороны Албании будто бы есть намерение во время отсутствия эскадр наших сделать некоторое покушение против Дельвино, на остров и на крепости Корфу, и чтобы оными овладеть. Хотя сему не можно совершенно верить, но должно предпринять и иметь предосторожности. Сообщая об оном к общей пользе империй Всероссийской и Блистательной Порты Оттоманской, прошу ваше превосходительство на время отсутствия нашего с эскадрами от Корфу определить от вверенной вам эскадры содержать брандвахтенный пост в узкости пролива при Дельвино, охранять оный пролив и сие место и вооруженных судов с войсками к Дельвино и к Корфу не допускать, приказать иметь всякую военную предосторожность и охранение под наистрожайшим взысканием за упущение, ежели что-либо последует подобное.

Как вашему превосходительству известно, что господина Али-паши суда наносят великий вред и беспокойство островам, прежде бывшим венецианским, от французов нами освобожденным, о чем я к нему писал и к Блистательной Порте чрез министра в Константинополе представлено. Прошу вас сделать распоряжение ваше о защите оных островов от таковых противозаконных поступков, судами Али-паши чинимых, и ни до каких важных дел не допустить. Я о сем вашему превосходительству сообщаю с тем, что всякое таковое нечаянное последствие, ежели что-либо случится после сего моего к вам объяснения, останется совершенно на вашем отчете. Потому и прошу фрегаты и корветы ваши, здесь остающиеся, распорядить так, чтобы они весь пролив при Корфу и острова, нами освобожденные, защищали от всяких нечаянных нападений, хотя бы оно случилось и со стороны Албании; таковое предохранение следует в собственную пользу его султанского величества.

Ежели же в чем востребует надобность, командующие оными фрегатами могут требовать вспоможения от остающихся при Корфу наших кораблей, которые исправляются от худостей, однако на защиту здешних мест выттить могут. Командующему оными флота капитану I ранга и кавалеру Алексиано о сем от меня предписано.

И со одного моего к вам представления копию препровожу я в Константинополь к российскому чрезвычайному посланнику и

полномочному министру господину тайному советнику и кавалеру Василию Степановичу Томаре с просьбою, чтобы он о предприемлемых нами осторожностях отнесся к Блистательной Порте Оттоманской и предупредительно просил бы к сему войти в надлежащее распоряжение в совершенной надежде на непоколебимую дружбу между империями Всероссийской и Блистательной Порты Оттоманской, благоприятство и доброе между ими согласие...

Федор Ушаков

**ИЗ ПИСЬМА Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
ОБ УСИЛЕНИИ ОБОРОНЫ ОСТРОВА КОРФУ**

22 июля 1799 г., корабль «Святой Павел»

Общественные слухи в здешнем краю доходят до меня. Говорят, что Али-паша собирает множество войск и будто бы непременно намерение его есть сделать нападение на Дельвино и оттолкнуть на Корфу, дабы завладеть крепостями. Также говорят о покушении и на прочие острова, хотя сие кажется невероятно, но по некоторым обстоятельствам, вам и Блистательной Порте Оттоманской уже известным.

В избежание чего-либо неприятного должно иметь всякую предосторожность, а как я с эскадрою в здешнем краю нахожусь для охранения границы и берегов Блистательной Порты Оттоманской, потому долгом почитаю стараться и о внутренних спокойствиях оных границ и владения Блистательной Порты Оттоманской, равно оберегая честь и славу все милостивейшего государя моего императора, каковое сделал я на такой случай предупреждение явственно в письме моем на греческом диалекте, поданном от меня командующему эскадрою Блистательной Порты капитан-бею Кадыр-бею, сего месяца от 22 дня писанному, с которого копию, на российском языке писанную, при сем представляю в ваше благорассмотрение и в предосторожность прошу об оном снести с Блистательной Портой Оттоманскою.

Статься может, и не все сие справедливо, но на всякий случай долгом почитаю иметь предосторожность и благовременное предохраниение, нежели бы что случилось нечаянное к общему неприятству. В прочем все оное представляю в ваше прозорливейшее благорассмотрение и предосторожность, как вы заблагоусмотреть соизволите...

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О РАСХОДОВАНИИ СРЕДСТВ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ
И ОДЕЖДЫ**

24 июля 1799 г.

По взятии островов и крепостей Занте, Кефалония и Корфу принадлежащие в сборе французам доходы получили мы, то оных, равно и за проданные мною при Корфу разные вещи, за провозимые на разных судах французские товары, за 2000 четвертей пшеницы и за вещи с призовых судов деньги, всего состояло у меня в приходе 73 000 рублей, которые употребил я на всякие потребности, а именно; в осеннее и зимнее время для сохранения служителей в здоровье, в десантах бывших, куплены мною на оных и для часовых, на кораблях и прочих судах бывших, капоты и на большую часть команды покупал я обувь, ибо в том настоял великий недостаток; по неимению сухарей покупана была мука и прочая провизия и на исправление эскадры разные припасы и материалы.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА Н.Д. ВОЙНОВИЧУ
С СООБЩЕНИЕМ О ПОХОДЕ С ЭСКАДРОЙ К СИЦИЛИИ
И ПРИКАЗАНИЕМ ПОСЛЕ ОВЛАДЕНИЯ АНКОНОЙ СЛЕДОВАТЬ
К ОСТРОВУ КОРФУ**

25 июля 1799 г.

Сего июля 24 числа с вверенной мне эскадрою в числе шести кораблей, трех фрегатов и трех авизов вместе с турецкой эскадрою четырех кораблях, трех фрегатах и одною корветою из Корфу отправились мы к Сицилии, Неаполю и оттоль в соединение с аглинской эскадрою под командою контр-адмирала лорда Нельсона на общее действие против французского и гишпанского флотов. В Корфу остались корабли «Богоявление Господне», «Св. Троица» и «Леандр», два фрегата турецких и два корвета. Корабли «Богоявление Господне» и «Св. Троица» приуготовляются к походу и, как скоро готовы будут, немедленно отправятся, сходно с именным высочайшим повелением, в Ахтиар за их ветхостию для надлежащего исправления.

Из эскадры же, от меня вверенной, во исполнение высочайшего именного его императорского величества указа фрегат «Счастливей» и пять из малых судов посланы в Одессу для перевозу оттоль назначенных в Корфу комендантом генерал-майора Бороздина и с ним двух батальонов грандир полковника Разумовского и майора Цателя.

По сходству сего высочайшего повеления надлежало послать туда из эскадры, мне вверенной, столько судов, чтобы могли за-

брать назначенные войска для перевозу в Корфу, но при эскадре, мне вверенной, свободных судов теперь в наличии не оказалось. С фрегатов «Михаил», «Григорий Великия Армении» и «Николай» в бытность их в Манфредонии баталионные служители, также немалое число матросов и канонир находились в десанте, освободя почти все Неаполитанское королевство и, соединясь с войсками кардинала Руффо, вошли в Неаполь и оный освободили, где и ныне находятся. Потому без оных служителей сих фрегатов послать не можно, о чем, дав вам знать, предписываю; ежели божиею помощею вы, соединясь с сухопутными войсками, какие на помощь к вам быть могут, возьмете Анкону в непродолжительном времени, на таковой случай, полагаю я, при оной и для охранения коммерции в Венецианском заливе достаточно будет оставить там один фрегат и бригантину новокупленную тож, одну корвету или какое другое судно турецкое. С прочими, ежели не окажется тут необходимой надобности по каким-либо непредвидимым мне обстоятельствам, должны следовать в Корфу.

И буде по прибытии во оный время окажется еще не поздно и ежели также при Корфу быть с фрегатами не окажется важной какой-либо надобности, чего теперь, может, предвидеть не могу, и таковой необходимости не случится и буде фрегаты ваши окажутся к дальнему походу благонадежны, имеете тогда с двумя фрегатами следовать чрез Константинопольский пролив в Одессу для забрания войск, там находящихся, назначенных в Корфу, и оттоль с прочими судами немедленно возвратиться. Ежели время будет позднее или обстоятельства будут не таковы, чтобы можно туда следовать, в таком случае, как скоро с божиею помощею Анкона будет взята, немедленно отправьте к нам к соединенным эскадрам турецкий корвет или фрегат с вашим подробным донесением и о том особо, как вы распоряжаетесь, могут ли из фрегатов, вам вверенных, два следовать в Одессу и пошли ли вы или по каким обстоятельствам останетесь все в здешнем краю. По теперешним обстоятельствам предвидится, когда корабли «Богоявление Господне» и «Св. Троица» пойдут для исправления своего в Ахтиар, понадобится хотя одному фрегату с кораблем «Леандр» быть при Корфу. Когда получу я от вас обстоятельное уведомление, тотчас дам вновь вам приказание; но буде окажется возможность иттить в Одессу, то не ожидать оногo, а исполнять, как выше означено; при Анконе фрегат оставить по вашему рассмотрению из тех двух или как вам обстоятельства будут.

В прочем исполнение ваше полагаю от случаев и обстоятельств зависящих; исполните так, как будет полезнее, в чем на расторопность и исправность вашу надеюсь.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА КАДЫР-БЕЮ
С ТРЕБОВАНИЕМ НАКАЗАТЬ КОМАНДИРА ТУРЕЦКОГО ФРЕГАТА,
ВИНОВНОГО В ПОВРЕЖДЕНИИ РУССКОГО ФЛАГМАНСКОГО
КОРАБЛЯ**

30 июля 1799 г.

Сего числа при крепком брамсельном ветре от стороны западной с соединенными эскадрами лавировали мы против пролива Мессины. В седьмом часу пополудни корабль, состоящий под адмиральским российским императорским флагом, на котором я нахожусь, будучи под марселями, лежал бейдевинт правым галсом. В то ж время фрегат эскадры, вам вверенной, шел контрагалсом прямо на оный российский адмиральский корабль, хотя он находился от ветра несколько ниже, но, не спускаясь, шел прямо на корабль. Вахтенные офицеры благовременно кричали ему в рупор, чтобы он спустился под корму, а потом многие служители вообще кричали во весь голос, чтобы он спустился. Но он шел прямо на среднюю часть нашего корабля, почему российский корабль никакого средства не находил к спасению от удара, как только держал круче к ветру. Причем фрегат, будучи весьма уже близко от корабля, начинал спускаться, но при большом его ходе не успел и ударился плечом своим в заднюю часть корабля, начиная от задних грот-вант, и нанес оному великие повреждения. Таковая наглая дерзкость сего фрегата правом закона непростительна.

Я прошу ваше превосходительство приказать командующего оного фрегата и подчиненных его вахтенных судить военным судом и наказать неупустительно по всей строгости закона, да и в эскадре, вам вверенной, всем командующим кораблей, фрегатов и прочих судов наистрожайшим приказанием вашим подтвердить, чтобы не осмеливались проходить на ветре близко кораблей, и особливо флагманским кораблям делали бы уважение, спускаясь благовременно под ветер и проходили бы под корму и близко, дабы чрез то избежать всякой опасности от напрасных повреждений.

В прочем с наивсегдашним моим к вам почтением и с преданностию имею честь быть.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА РУССКОМУ ПОСЛАННИКУ
В НЕАПОЛИТАНСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ
В.В. МУСИНУ-ПУШКИНУ-БРЮСУ О БЛАГОПОЛУЧНОМ ПРИБЫТИИ
СОЕДИНЕННЫХ ЭСКАДР В МЕССИНУ И СЛЕДОВАНИИ
ИХ К НЕАПОЛЮ НА СОЕДИНЕНИЕ С АНГЛИЙСКОЙ ЭСКАДРОЙ**

3 августа 1799 г.

Имею честь известить ваше сиятельство: с соединенными эскадрами — российской императорской и Блистательной Порты Оттоманской — 24 числа минувшего июля отправясь из Корфу, сего числа прибыли к Мессине благополучно. В вверенной мне

эскадре со мною находятся: шесть линейных кораблей, три линейные фрегата и четыре авиза; Блистательной Порты Оттоманской: четыре корабля, три фрегата, одна корвета и одна авиза. В Корфу остались российских три корабля, турецких три фрегата и одна корвета, да для блокирования и взятия Анконы при осаде одной находятся посланные от меня три фрегата, одна авиза вверенной мне эскадры, один фрегат и одна корвета турецкие с прибывшею со мною эскадрою.

Как скоро получу несколько провианта, немедленно из Мессины отправлюсь к Неаполю в соединение к английской эскадре. Я сейчас только на моем корабле подошел к Мессине, а прочие еще за противным ветром лавируют в проливе.

Письма от вашего сиятельства и от прочих, ко мне писанные, которые находились в Мессине у российского генерального консула Манзо, как скоро он узнал о приходе эскадры к Мелето, в то время послал туда с офицером на лодке, но при случившемся крепком ветре он к моему кораблю попасть не мог, а пристал к задним нашим кораблям, потому, какого содержания оные письма, я еще их не получил, а отвечать буду по получении их. Засим свидетельствую истинное мое почтение и совершенную преданность, с каковыми навсегда имею честь быть.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА А.Я. ИТАЛИНСКОМУ
С ПРОСЬБОЙ СООБЩИТЬ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ
АДМИРАЛА НЕЛЬСОНА ДЛЯ СОГЛАСОВАНИЯ
С НИМ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ**

4 августа 1799 г.

Почтеннейшие письма вашего высокородия минувшего июля от 12 и 26 чисел по отправлении вчерашний день письма моего к вам я имел честь получить. За уведомление и благоприятство ваши, милостивый государь мой, покорнейше благодарю, прошу и впредь обо всяких потребных известиях уведомлением вашим меня не оставлять.

О французском и гишпанском флотах имею я известия чрез возвратившиеся из Тулона наши суда, что они находятся соединенно в Карфагене* и что эскадры аглинские их блокируют. После какая последовала перемена мне еще не известно. Я надеюсь получить на вчерашнее мое письмо в ответ извещение ваше и его сиятельства графа Василья Валентиновича Мусина-Пушкина-Брюса о потребностях, также о его превосходительстве лорде Нельсоне, где я буду иметь с ним свидание, в Неаполе или в Палерме. Мне необходимо надобно с эскадрою к Неаполю, потому

* То есть в Картахене.

что из оной эскадры, со мною находящейся, с трех фрегатов и с одного корабля, морские артиллерийские к баталионные служители (всего 577 человек), бывшие в десанте, высаженные в Манфредонии в неаполитанское владение, оттоль прошли в Неаполь и теперь находятся в Неаполе. Все они из комплекта корабельного и следуют на корабли, потому и нужно их взять или некоторые суда там оставить. Но буде получу я уведомление от вас, что лорд Нельсон останется на несколько времени в Палерме, и ежели нужно зайтить мне туда, то по получении провизии и пресной воды тотчас я из Мессины отправлюсь. Покорнейше прошу как наискорее об оном меня уведомить, есть ли надобность быть мне в Палерме или прямо следовать к Неаполю, где удобнее могу я видеться и иметь совет о действиях.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА А.В. СУВОРОВУ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ЭСКАДРЫ П.В. ПУСТОШКИНА
ДЛЯ БЛОКИРОВАНИЯ ГЕНУИ И О ДАЛЬНЕЙШЕМ СЛЕДОВАНИИ
СОЕДИНЕННЫХ ЭСКАДР ИЗ МЕССИНЫ В НЕАПОЛЬ**

*9 августа 1799 г.,
корабль «Святой Павел», при Мессине*

Ваше сиятельство, милостивый государь,
граф Александр Васильевич!

Повеление вашего высокографского сиятельства почтеннейшим письмом от 16 (27) минувшего июля по прибытии моем с эскадрою в Мессину сего месяца 4 (15) числа я имел счастье получить.

Выполняя оное, для блокирования Генуи послал я из флота, мне вверенного, с эскадрою господина вице-адмирала и кавалера Пустошкина, в которой состоит наших два 74-пушечных корабля и два авиза да один корабль и два фрегата турецкие — всего семь судов. Сверх того там уже находится один корабль аглинский, посланный от господина контр-адмирала лорда Нельсона, сего отделения на первый случай будет достаточно. Три линейные фрегата послал я под команду флота капитана и кавалера Сорокина в Неаполь. Я с четырьмя линейными кораблями и двумя авизами и со мною же командующий турецкой эскадрою Кадыр-бей с тремя линейными кораблями, одним фрегатом, одним корветом и одною кирлангичею сего августа 11 (22) числа пойдем из Мессины в Палермо и, условясь в потребностях и желаниях его неаполитанского величества и с лордом Нельсоном, отправлюсь я оттоль с эскадрою к Неаполю и от оного к Генуе или в те места, где польза и надобность больше требовать будут. Покорнейше доношу: 3 числа сего месяца господин вице-адмирал Карцов с тремя линейными кораблями и одним фрегатом прибыл в Палермо из

Англии и явился по высочайшему повелению в мою команду, но как от продолжительной кампании на эскадре его сделалось много больных цинготной болезнью, потому для излечения оных препровожу я эскадру его в Неаполь. Прошу ваше высокографское сиятельство обо всех потребных надобностях, касательных к выполнению, снабжать меня вашими повелениями, которые я счастьем почитать буду выполнить в соблюдении общественной пользы и потребностей, сообразуясь со случаями, какие впредь быть могут.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ДЕЙСТВИЯХ СОЕДИНЕННЫХ ЭСКАДР В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ
И УХОДЕ ФРАНЦУЗСКОГО И ИСПАНСКОГО ФЛОТОВ ЧЕРЕЗ
ГИБРАЛТАРСКИЙ ПРОЛИВ**

11 августа 1799 г., корабль «Святой Павел»

Вверенной мне эскадры с шестью кораблями, тремя фрегатами, четырьмя авизами и турецкой эскадры с четырьмя кораблями, тремя фрегатами, одним корветом и одной кирлангичею вместе с командующим оной Кадыр-беем 24 числа минувшего июля отправились из острова Корфу и сего августа 3 числа прибыли в Мессину благополучно.

По прибытии в Мессину получил я письма из Палермо от российского чрезвычайного посланника и полномочного министра графа Мусина-Пушкина-Брюса и от господина статского советника Италинского с препровождением при оных письмах господина генерал-фельдмаршала и кавалера графа Суворова-Рымникского, которым требовалось посылки нескольких судов в Неаполь для наблюдения тишины и спокойствия в рассуждении не утвердившегося еще в верности народа и к Генуе отделенной эскадры для блокирования оной.

От 4 числа сего месяца получил я рапорт от господина вице-адмирала Карцова, что он с тремя линейными кораблями и одним фрегатом июня от 1 числа отправился из Портсмута и 4 числа сего месяца прибыл в Палермо благополучно. И как на эскадре, ему вверенной, от дальнего походу при употреблении всегда соленой провизии, не имея свежей, служители сделались больными скарбутной болезнью, потому и остановился он в Палермо, ожидая моего с эскадрою прибытия. С письма господина фельдмаршала и кавалера графа Суворова-Рымникского о потребных обстоятельствах, ко мне присланного, точную копию при сем препровождаю.

По сходству содержания письма господина фельдмаршала и кавалера графа Суворова-Рымникского послал я из эскадры, мне

вверенной, господина вице-адмирала и кавалера Пустошкина с кораблями «Михаил», «Семион и Анна» и двумя авизами, тож из турецкой эскадры с одним кораблем и двумя фрегатами к Генуе для блокирования оной. А в сходство желаня и требованя неаполитанского величества в Неаполь посланы от меня три фрегата под командою флота капитана и кавалера Сорокина, те самые, с которых из Манфредонии высаженные в десант войска прошли в Неаполь и находятся во оном.

За сим откомандированием я с четырьмя линейными кораблями и двумя авизами, командующий турецкой эскадры с тремя линейными кораблями, одним фрегатом, одним корветом и одною кирлангичею, получа на эскадры, нам вверенные, в Мессине потребное количество морского провианта и поправка на кораблях и фрегатах потребные надобности, сего числа из Мессины отправились в Палермо сходно с желанием королевского неаполитанского величества и господина контр-адмирала лорда Нельсона для потребных советов и расположения о действиях. Оттоль сходно с желанием же его неаполитанского величества и для поправления служителей в здоровье эскадру господина вице-адмирала и кавалера Карцова препровожу я в Неаполь и действиями эскадры, мне вверенной, употребляю всевозможное старание выполнять высочайшие его императорского величества предписания сходно, какие случаи и обстоятельства окажутся, все то, что надобность и польза требовать будут неупустительно.

Господин вице-адмирал Карцов, между прочим, в рапорте своем объясняет: в июне месяце, когда он пришел с эскадрою в Гибралтар, [через] 18 часов после его прихода французский и гишпанский соединенные флоты из Средиземного моря чрез Гибралтарский пролив прошли в Кадикс.

Федор Ушаков

P.S. Отправляя сие письмо, сию минуту получил я из Палермо известие: французский и гишпанский флоты, прошедшие Гибралтар около 10 числа июля, прошли кап Финистерр, откуда были видны. В гишпанские порты пойдут или во французские, еще неизвестно, но за ними же не более как через два дня в погоню прошел и аглинский флот из Средиземного моря; виден был также с капа Финистерр; об оном сказывал мне аглинский офицер, сей же час прибывший сюда от лорда Нельсона, от которого получил я письмо. Через министерство аглинское прислано повеление принять от нас взятый нами от французов корабль «Леандр». Я отвечивал, что об оном от государя императора повеления я никакого не имею, и как скоро от его императорского величества получу повеление, оное исполню со всякой точностию, а между тем вскорости буду иметь удовольствие с лордом Нельсоном видеться самолично и засвидетельствовать ему мое почтение.

Я удивляюсь таковым бесстыдным требованиям противозаконных прав целого света. Французами оный корабль взят был боем, я его от французов взял также жестоким боем, он поставлен был в защищение острова Видо и, будучи под защитою крепостей и батарей, дрался до последней крайности, пока [не был] разбит и начал тонуть, тогда отведен он к берегу и поставлен на мель; мой корабль, против его бывший, также поврежден много, а потому достался он мне *н е д е ш е в о*, следовательно, по всем правам надлежал он мне, а фрегат «Брюно» о котором прежде вы мне писали, ветхий и стоит немного, следовательно, все труды мои пропадают напрасно. Я лучше другой заплаты доволен бы был, буде бы дали вместо него хотя фрегат турецкий по моему выбору, буде сие возможно. «Леандр» много превосходит всякого фрегата.

Федор Ушаков

ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА АБУБЕКИР-ПАШЕ ОБ ОБСТАНОВКЕ И БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В ИТАЛИИ

15 августа 1799 г.

Почтеннейшее письмо вашего высокопревосходительства от шестой луны Мухиремо, дубликатом писанное, сего числа я получил. Имею честь уведомить, мы с соединенными эскадрами 4 числа сего месяца прибыли в Мессину благополучно и по требованию господина фельдмаршала графа Суворова-Рымникского, сходно также с требованием и желанием короля неаполитанского и адмирала лорда Нельсона из эскадр наших послали два корабля и два авиза российские, один корабль и два фрегата Блистательной Порты к Генуе для блокирования оной, ибо она с сухого пути атакована войсками фельдмаршала графа Суворова-Рымникского, и все бежавшие из Италии остатки французского войска в ней атакою заперты. В Неаполи послал я три российские фрегата и одну авизу, а с достальными кораблями и прочими судами я и Кадыр-бей из Мессины отправились в Палермо и, получа там достаточные обо всех сведения, исполнять будем по обстоятельствам потребных надобностей все то, что полезнее и надобнее окажется.

О флотах уведомляю: гишпанский и французские флоты из Средиземного моря ушли обратно в свои места, Гибралтар прошли они по старому штилю 11 июня. 13 числа видны они были против капа Финистерр, аглинский флот из Средиземного моря погнался за ними и 19 июня прошел Гибралтар. Нельсон с эскадрою своею и соединенные российская и Блистательной Порты эскадры остались в Средиземном море, выполняя все потребные надобности свободно. Засим, свидетельствуя истинное мое почтение и совершенную преданность, имею честь быть.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА А.А. СОРОКИНУ
О НЕОБХОДИМОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ОТ Г.Г. БЕЛЛЕ БОЛЕЕ ПОЛНЫХ
СВЕДЕНИЙ О ДЕЙСТВИЯХ ЕГО ОТРЯДА У НЕАПОЛЯ**

27 августа 1799 г.

От командующего десантными войсками в Неаполе флота капитана и кавалера Белле о состоянии команды, ему вверенной, табелей во все время я не получил ни одной.

Следовательно, о числе служителей сведения не имею. При разных сражениях и атаке крепостей в рапорте его означалось число убитых и раненых, а именами не показаны, кто убиты и кто ранены, следовательно, и мне рапортовать в вышнее начальство нельзя, и не известен даже обер-офицер убитый, но кто именно, и о том не показано, да и донесения о действиях, обстоятельства описаны весьма недостаточно.

Господин Белле относился мимо меня к министрам и требовал донесения государю императору, а ко мне никакого сведения не доставил, а ныне которое я получил, то никакой аккуратности в нем нет, и реляции к государю из одного донесения сочинить невозможно; хотя дела его и войск, ему вверенных, и весьма хороши и достаточны, но чрез нестарательность о письме не могут быть в представлении моем описаны, как бы желалось; доставьте мне обо всем обстоятельное сведение. Ом везде писал, что делал он, а прочих союзных почти не поминал, что те делали. В капитуляциях везде сделал он упущение, все написаны они в пользу англичанам, а он не старался к своей и государя императора чести и славе. Я со своей эскадрой отсель вскорости отправлюсь в Неаполь и там надеюсь с вами видеться, между тем, ежели не успеете доставить рапорт ваш ко мне, приготовьте все к моему приходу в Неаполь.

**ИЗ РАПОРТА Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ САНТ-ЭЛЬМО ОТРЯДОМ Г.Г. БЕЛЛЕ**

29 августа 1799 г.

По прибытии в Палермо получил я из Неаполя от капитана Белле августа от 19 числа рапорт, коим доносит, что июня 19 числа со вверенными ему десантными войсками приступил он к атаке крепости Сант-Ельм вместе с аглинскими и португальскими войсками, высаженными с эскадры лорда Нельсона, и с поспешностью с левой стороны крепости построил батарею для четырех мортир и начал бомбардировать крепость. После сего построил вторую батарею для четырех 33-фунтовых пушек и производил жестокую канонаду 25, 26 и 27 чисел, в которое время противу оных на крепости разбил амбразуры, и пушки неприятельские

остались без действия; 28 и 29 чисел жестокой канонадою сделана брешь в крепости. В то ж время англичаны и португальцы с другой стороны устроили в разных местах батареи и производили пальбу на крепость.

Неприятель, устрашась готовящегося на крепость штурма, выставил белый флаг, просил о договоре. Крепость от него нашими войсками вместе с союзными принята на капитуляцию. Гарнизон сдался военнопленным и отправлен в Тулон. Во время сего действия с нашей стороны убитых: офицер — 1, рядовой — 1; раненых — 6. С неприятельской стороны убитых и раненых весьма в превосходном числе. Капитан Белле рекомендует за отличную храбрость и мужество определенного от него начальником на сих батареях лейтенанта Снаксарева и мичманов Викорста, Никифорова, Карачинского и артиллерии констапеля Туяни, равно и всех прочих офицеров и служителей.

Капитан Белле 8 числа с порученными войсками из Неаполя отправился для осады крепости Капуя вместе с аглинскими и португальскими войсками. 10 числа прибыл ко оной и на правой ее стороне по 13 число устроил две батареи, с коих по 16 число производилась непрерывная канонада. 16 числа неприятель требовал договора о сдаче крепости. 17 числа капитаном Белле вместе с союзными начальниками войск оная крепость принята на капитуляцию. Гарнизон взят военнопленным и отправлен в Тулон. Причем рекомендует за храбрость, ревность и усердие заслуживающими похвалу офицеров и нижних чинов служителей. Вследствие таковых успехов французы, бывшие в крепости Гаета, предупредив формальную атаку, сдались также на капитуляцию, заключенную с главнокомандующим неаполитанских войск, и вместе с гарнизонами крепостей Сант-Ельм и Капуя отправлены в Тулон. От сего времени королевство его величества короля Обеих Сицилий остается свободно...

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О БУНТЕ МАТРОСОВ НА ТУРЕЦКИХ КОРАБЛЯХ В ПАЛЕРМО
И О ВОЗВРАЩЕНИИ ТУРЕЦКОЙ ЭСКАДРЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ**

2 сентября 1799 г.

Состоящая под начальством моим российская императорская эскадра, находясь в Мессине с турецкою [эскадрою] Блистательной Порты Оттоманской, я с командующим оной капитан-беем Кадыр-беем и все наши подкомандующие между собою есть и были в совершенной дружбе, благоприятстве и согласностях обо всех делах, исполнениях воли и высочайших повелений всемилоостивейших государей наших императоров.

Дела, производимые нами, были успешны, и предприятия благонадежны и согласовались общим нашим расположением с приятным удовольствием. Но нижние чины служителей корабельных Блистательной Порты Оттоманской, начав непослушание к начальникам своим, от времени бытности нашей в Мессине требовали непременно возвращения своего в Константинополь и перемены другими, объясняясь, что они сверх обыкновения беспредельно долгое время находятся на море, и во время отсутствия жены и дети их терпят крайнюю бедность и нужду, и не могут [они] продолжать более своей отдаленности. Непременно хотят и требуют, чтобы начальники их вели в Константинополь, или они все то сделают своей волею.

На первый случай обще с начальниками турецкой эскадры уговорили мы их следовать с нами, и они были согласны с тем только, чтобы они были всегда вместе со мною и чтобы в отдаленность от эскадр их не посылать. Но по прибытии в Палермо, когда мы с Кадыр-беем по общему совету в сходство высочайшего письма его величества короля Обеих Сицилий и объясненных в оном обстоятельстве и необходимых надобностей намерены были следовать и отправлялись уже из Палермо в Неаполь, — в то самое время между нижними [чинами] служителей эскадры Блистательной Порты и обывателями города Палермо на берегу случилась драка и смертоубийство. Турок убито до смерти 14, ранено 53, и до 40 человек пропали безызвестно и еще не отысканы. Также немалое число убитых обывателей.

Таковое несчастное происшествие подало повод под видом одного служителям Блистательной Порты Оттоманской утвердительно и насильно требовать своего возвращения в Константинополь. Я употребил все старательности, исходатайствовал им от его величества короля Обеих Сицилий всякое удовлетворение, который, будучи в беспредельном сожалении и чувствительности о случившемся несчастии, повелеть соизволил изыскать виновных и наказать по всей строгости, в чем однако ж по следствию находятся и служители турецкой эскадры. В начальном происшествии сами собою в разное время к тому повод подали и раздражили жителей, которые, озлобясь до крайности, на третий день после первых приключений стремились отомстить, без рассмотрения большею частию, правым и виноватым, даже таким, которые ни в чем не участвовали.

Офицеры российские, случившиеся на берегу, всевозможно старались укротить драку и многих турок сберегли и избавили от бедствия. Обыватели, бросавшие камни, все разбежались, так что отыскать их не могут. За всем тем всевозможные способы употребляются и непременно виновные будут наказаны. Его королевское величество указал первому министру своему удостоверить

меня о беспредельном его сожалении и беспокойстве и о доставлении удовлетворения; со оною письма писал я письмо к Кадыр-бею, с которого копию при прилагаю.

Я с начальниками эскадры Блистательной Порты все способы употребили уговорить служителей корабельных следовать с нами, и я сам особо в присутствии моем на корабле Кадыр-бея употреблял старания уговорить людей лаской и повелением его султанского величества и Блистательной Порты Оттоманской исполнять их волю и добрые намерения, но ничто успеть не могло. Более и более служители самовольствовали с шумом и криком, и предвидя, и с того дабы не дойти до важнейших худых обстоятельств, начальники Порты принуждены следовать с ними к Дарданеллам Константинопольского пролива, в чем в я уже не препятствовал и оставил им на волю в надежде той, что они с эскадрою могут дойти туда благополучно, а я с вверенными мне эскадрами флота его императорского величества отправляюсь к Неаполю на действия, общей пользе и благонамерения потребные, с надеждою иметь в тамошнем краю добрые успехи.

Я таковое отнесение* мое препровождаю к его высокопревосходительству каймакаму константинопольскому, не успел только за множеством дел перевести его на французский или другой какой диалект, ибо столь многие дела повстречались, что не успею окончить и поспешить исполнениями дел предприемлемых. Впрочем, сожалею бесподобно об отделении от меня турецкой эскадры и особо весьма рачительного и трудолюбивого товарища моего Кадыр-бея, которого прошу оправдать и объясниться о его верности султанскому величеству.

С истинным моим почтением и совершенной преданностью имею честь быть.

ОБРАЩЕНИЕ Ф.Ф. УШАКОВА К НАСЕЛЕНИЮ РИМА С ПРИЗЫВОМ СОДЕЙСТВОВАТЬ ОСВОБОЖДЕНИЮ РИМА ОТ ФРАНЦУЗОВ

17 сентября 1799 г.

Со флотом его императорского величества всемилостивейшего государя моего императора и самодержца всея России, мне вверенным, исполняя высочайшие повеления по освобождении от зловредных французов островов, прежде бывших венецианских, установя в них спокойствие, благоденствие, тишину и порядок и сделав вспоможение Неаполитанскому королевству в изгнании из оною французов, в сходство воли и желания его величества короля Обеих Сицилий прибыл я в Неаполь для восстановления такового ж спокойствия, тишины и порядка и сходно с высочайшими

* Так в документе.

повелениями всемилостивейшего государя моего императора и его величества короля Обеих Сицилий российский войска, мне вверенные, соединя с войсками неаполитанскими, посылаю в Римскую область для освобождения Рима и всей области Римской от зловредных и безбожных французов, для восстановления мира, спокойствия, тишины и порядка и для утверждения благоденствия всего римского народа: таково есть истинное намерение всемилостивейшего государя моего императора.

К восчувствованию оного приглашаю храбрых римлян и весь римский народ сей области соединиться единодушно с войсками, мне вверенными, истребить злоковарных и безбожных французов или забрать их пленными. Уверяю римлян и весь римский народ, что я весьма достаточные и превосходные силы имею для сего исполнения, но при всем том требую от самих римлян оказания верности и усердия своего к таковому благонамерению. И как скоро войска, от меня посланные, приблизятся к Риму, немедленно верным и благомыслящим римлянам выйти им навстречу, соединиться с ними, вступить в город и всею силою овладеть крепостью и французов истребить или забрать в плен. Уверяю при том, что обыватели и все их имения войсками, мне вверенными, будут сохранены и я все наивозможные способы и старание употреблю всему оному народу доставить тишину и спокойствие при таковых объясненных мною благонамерениях. Имею несумненную надежду, что римляне и весь римский народ, приняв в рассмотрение сущую свою пользу, требование мое выполнят непременно.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА СВОЕМУ АДЪЮТАНТУ
ЛЕЙТЕНАНТУ П.И. БАЛАБИНУ О СЛЕДОВАНИИ
К КОМАНДУЮЩЕМУ НЕАПОЛИТАНСКИМИ ВОЙСКАМИ
ПОД РИМОМ С ПОЛНОМОЧИЯМИ НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ КАПИТУЛЯЦИИ
С ФРАНЦУЗАМИ**

18 сентября 1799 г., корабль «Святой Павел»

Исполняя высочайшее его императорского величества повеление, требование и данную мне доверенность его величества короля Обеих Сицилий, посылаю я войска российские и неаполитанские, мне вверенные, в Рим, в Чивита-Веккию и прочие места Римской области для освобождения оных от французов. От его величества короля Обеих Сицилий предписано: все неаполитанские войска, при оных действиях находиться имеющие, будут состоять под моим начальством и распоряжением. Означенные войска, от меня посланные, всевозможно поспешают итти к Риму. Вас посылаю я предупредительно к господину генералу неаполитанскому, командующему ныне неаполитанскими войсками под Римом, и предписываю, если французы не воспротивятся о сдаче

Рима, Чивита-Веккии и прочих мест, заключить вам вместе с означенным господином генералом и прочими союзниками, буде которые действия своими в том участвуют, капитуляцию с французами на основании данных вам от меня повелений. О заключении капитуляции даю я вам полную уверенность. А когда войска, от меня посланные, придут к Риму, предписание дано будет от меня командующему оными войсками, тогда и вы состоять имеете под команду и повелениями оного.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КОМАНДИРУ ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК
ПОЛКОВНИКУ СКИПОРУ ОБ ОТПРАВКЕ ВОЙСК
И ФЛОТА ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ РИМА И РИМСКОЙ ОБЛАСТИ
ОТ ФРАНЦУЗОВ**

18 сентября 1799 г.

Исполняя высочайшее его императорского величества повеление, требование и данную мне уверенность его величества короля Обеих Сицилий, посылаю я войска российские и неаполитанские, мне вверенные, в Рим, Чивита-Веккию и в прочие места Римской области для освобождения оных от французов и восстановления спокойствия, тишины и порядка. Российские войска, со флота отправляемые, препоручаю в ваше начальство, командование и распоряжение.

Извольте отправиться с оными и с отделенной частью флота под начальством флота капитана 1 ранга и кавалера Селивачева, которые высажены будут в десант в Каподано. Извольте взять с собою достаточное число артиллерии, снарядов, припасов и все потребное, что к тому надобно; для сохранения служителей в здравье возьмите с собою достаточное число палаток. Старайтесь, чтобы вы со всем войском, с вами отправленным, одним маршем дошли до Фраскати, где состоит магазин войск неаполитанских, и там или где находятся близко [от] Рима, соединиться с войсками неаполитанскими, состоящими под команду генерал-майора Буркарди.

Прилагаю вам здесь прокламацию, писанную от меня к римлянам и всему народу Римской области, дабы они, восчувствовав благодеяние всемиростивейшего государя императора и его союзников, соединились с вами и действовали общими силами, в чем я и несомненную надежду полагаю. Таковые прокламации, во многом числе здесь напечатанные, старайтесь, как наивозможно, при первом случае раздать римлянам и всему римскому народу и убедить их к благонамеренному действию. И когда они соединятся с войсками и в верности их вы будете уверены, следуйте с ними и с войсками неаполитанскими к Риму, старайтесь овладеть оным, неприятеля общими силами разбить, истребить или за-

брать в плен, или же принудить сдаться на капитуляцию, на установление, как вам от меня особо предписано. План Рима при сем вам прилагаю.

За вами же следуют из Неаполя войска неаполитанские, с которыми отправлено отсель достаточное число осадной и полевой артиллерии, припасов, снарядов и все прочее, равно и провизия, которую и войска российские будут довольствованы и от начальников войск неаполитанских, кому о том предписано. Если неприятель будет стоять упорно и не сдаст вам вскорости Сант-Анжело на капитуляцию, для принуждения его к оному в выгодных местах устроить батареи и сильным действием орудия принудить оную крепость к сдаче на капитуляцию или овладеть оною силою, как только удобно и возможно будет. Я надеюсь на ваше благоразумие и не распространяю подробностей о атаке крепости, которая должна быть со всяким порядком и по обстоятельствам и местоположению со всякой предосторожностью и осмотром взята непременно. Есть многие возвышенные места около крепости, которые весьма удобны к построению батареи и к скорому взятию оной.

Войска десантные, вам вверенные, старайтесь всевозможно сохранить в здоровье от худого и вредного воздуха, а особо в ночные времена от мокроты, вредной росы и туманов, служители сколько возможно были бы закрыты от оной вредности. По высадке войска в Каподано, ежели не подоспел провизия, из Неаполя посланная, в таком случае для продовольствия людей дней на пять или на шесть провизию истребуйте с кораблей, осведомясь прежде; ежели там нигде близко готовой нет, то можно взять с собою по меньшей мере сухарей, круп, соленого мяса хотя и более. Желательно, как скоро вы дойдете до Фраскати, чтобы тут тотчас начали производства дел ваших по вышеописанному моему предписанию. В прочем советуйтесь о потребностях с начальниками войск неаполитанских и обо всем, что вами производимо будет и что в каком состоянии найдете, как наивозможно чаще извольте ко мне рапортовать.

**ОРДЕР Ф.Ф.УШАКОВА А.П. АЛЕКСИАНО
О ВЫЯСНЕНИИ ПРИЧИНЫ ПРИХОДА ЭСКАДРЫ КАДЫР-БЕЯ
В КОРФУ**

18 сентября 1799 г.

Турецкая эскадра под командою Кадыр-бея по ослушности нижних чинов служителей из Палермо пошла, по сказанию их, в Константинополь. Но слышу, что она прошла в Корфу. Сблаговолите как наискорее меня уведомить, хотя никакого сомнения важного в том нет, но об том, как оне располагаются быть, зачем

пришли в Корфу, не начинают ли каких-нибудь неприятств или предприятий или ожидают какого повеления от Блистательной Порты и какого именно. Опросите об оном формально вашим отношением командующего турецкой эскадрой Кадыр-бея. Что откроется и что узнаете, тотчас извольте меня уведомить. Рапорты ваши доставляйте ко мне чрез Отранто, Бриндичи и Летчи чрез нашего консула или чрез губернатора Летчи, посылая к нему особое от вас письмо с нарочным, чтобы доставлены были ко мне верно, ибо от короля, их государя, велено делать мне всякие всевозможные вспоможения. Так к нам и пишите, но не оставайтесь на том, чтобы однажды. Об чем писано, посылайте рапорты ваши чаще дубликатно и требликатно; ежели пропадет один, то по крайней мере дойдет другой или третий.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА СКИПОРУ
О ПОРЯДКЕ ПОДПИСАНИЯ КАПИТУЛЯЦИИ
ПРИ СДАЧЕ ФРАНЦУЗАМИ КРЕПОСТЕЙ**

*18 сентября 1799 г.
Секретно*

На случай, когда будете трактовать с французами при заключении капитуляции о сдаче крепости города Рима Сант-Анжело, Чивита-Веккию и прочих мест Римской области, для наставления моего прилагаю вам при сем опись, какие положения по сдаче крепостей быть должны; главные в них шесть пунктов первые и прочие для наставления, если необходимо того требуют. Но, замечая вам, старайтесь как наивозможно излишних пунктов не размножать, лучше какие-либо малости позволить им уверением вашим сверх капитуляции, что отдается вам на рассмотрение, если бы необходимость потребовала что-либо, самую малость, и в прочих пунктах поправить соответственно неважным содержанием, и то вам позволяется, но с великой предосторожностью, чтобы не было предосудительно и слабо или поощрительно французам, выключая главных пунктов. Чем меньше размножено пунктов, тем капитуляция лучше. Вы усмотрите пункты, поставленные в скобках, они на таковой случай только лучше, если того необходимо требуют, а, впрочем, лучше им не быть. Если маловажные пункты и прибавятся, чего теперь я предусмотреть не могу, полагаю на ваше благорассмотрение, чтобы они были приличны.

В рассуждении союзных войск старайтесь иметь во всем первенство и уважение, ибо в здешнем краю я более всех начальствую, и вы на случай моего отсутствия, ежели при заключении капитуляции меня не случится, представляйте мою особу, именуйте, где следует, и подписывайтесь в капитуляции по дан-

ной вам от меня полной доверенности: такой-то. Словом, вы имеете совершенно регулярные войска, от меня вам вверенные, которые пред всеми другими действиями своими могут преимуществовать, следовательно, и в заключениях должны вы иметь соответствие оным.

Когда Бог благословит войска, вам вверенные, при помощи союзных войск и данные вам от меня наставления в 1-м ордере откроют вам путь в Рим. При самом начале входа старайтесь распространить по всему городу прокламации от меня печатные, при сем прилагаемые. Опубликовать их и прибить во всех разных местах всего города, раздавая прочие оказавшимся к нам верными с наставлением, дабы их распространили. Таковое действие подаст вам великую помощь к скорейшему истреблению неприятеля и бунтующих всякого рода людей, с которыми поступать равно как с неприятелем, но всех тех щадить, которые окажут свою повинность и усердие соединиться обще с вашими силами и бить неприятелей. В прочем во всем должны исполнение чинить с наилучшим рассмотрением случаев и обстоятельств и поступать благоразумно, в чем я на исправность вашу надеюсь.

Будьте осмотрительны и осторожны, во время пребывания вашего в городе стараетесь обо всех обстоятельствах и намерениях иметь вернейшие сведения, изыскивать людей, верных и справедливых, и от них обо всем узнавать и исполнять полезности. Имейте попечительное старание ваше в сбережении служителей в здоровье от воздуха и от вредных сыростей и мокроты; но при том не упускайте всякую осторожность в рассуждении неприятеля и каких-либо нечаянных коварных предприятий от бунтовщиков и якобинов, таковых, которые могут быть скрытны. Словом, я полагаю все прочее на ваше благоразумие и прозорливость и надеюсь, что вы ничего полезного не упустите, как и сохранения дисциплины и всего порядка военного по закону.

Когда вступите с войсками в Рим, старайтесь сохранить, чтобы дома, все богатство и имущество жителей никем не было расхищено; имейте всевозможное старание никого к похищениям не допускать; в город должны войти только регулярные войска союзных держав, и народные толпы не впускать и под видом доброго манеры и распоряжения удерживать их за городом около крепостей, чтобы они атаквали неприятеля снаружи и содержали бы его в тесной осаде. Повторяю, поступайте по благорассмотрению, по случаям и обстоятельствам, какие окажутся.

Прошу Бога, да благословит вас всевышняя его десница и подаст помощь и благодать свою святую и да сохранит вас и войска, вам вверенные, под покровом своей благодати.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ПРИБЫТИИ ЭСКАДРЫ В НЕАПОЛЬ
И О ПОСЫЛКЕ ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК ДЛЯ ЗАНЯТИЯ РИМА
И ЧИВИТА-ВЕККИИ**

20 сентября 1799 г.

После всеподданнейшего донесения моего вашему императорскому величеству минувшего августа от 29 и сего сентября 2 числа об отправлении моем с эскадрами из Палермо к Неаполю в сходство требования и просьбы его величества короля Обеих Сицилий в рассуждении важнейших беспокойных обстоятельств о сем столичном городе, объявленных в данных мне письмах его величества, для приведения в порядок, тишину и спокойствие и для предприятия оттоль и произведения действия с войсками, мне вверенными, против Рима и Чивита-Веккии 7 числа сентября прибыл я с эскадрами к Неаполю благополучно. Со мною же из Палермо в Неаполь прибыл находящийся при его величестве короле Обеих Сицилий поверенный в делах по военной части господин статский советник и кавалер Италинский. Вместе с оным употребил и все наивозможные способы и прилежность рассмотреть со всякою подробностью обстоятельства сего столичного города и даже все замки, крепости, арсенал, адмиралтейство, фабрики, и магазины, и войска регулярные, отдавая справедливость тем, которые оказались прилежны и рачительны в исправлении своих должностей; прочим делая приказания восстановить все упавшее и привести в порядок.

Народ Неаполя, восхищен будучи, видя действительную защиту прибывших морских сил вашего императорского величества, считая, что они в состоянии доставить им совершенный покой и благоденствие и чрез то скорое возвращение короля их государя, к которому они беспредельную имеют приверженность, во всех местах, где мы проезжали улицами и делали осмотры, толпился многочисленно с радостными восклицаниями и поздравлением короля. Все, что потребно было до распоряжений и приведения в порядок, по возможности исполнено, и город находится теперь в спокойствии.

Между тем же с самого начала прибытия нашего в Неаполь всевозможные способы употреблены о приуготовлении войск неапольских и с эскадр, мне вверенных, высаженных в десант к отправлению в Рим и Чивита-Веккию. Для осады и овладения оными заготовлены потребные снаряды, артиллерия, всякого рода амуниция и съестные припасы посланы по станциям, к Риму простирающимся. И как скоро все оное приведено в готовность, начато отправление войск.

Но в то же самое время, когда мы спешили приуготовлениями о походе войск к Риму, кардинал Руффо, королевский наместник в Неаполе, получил письмо предупредительно прихода моего с эскадрами от маршала Буркарди, с одной тысячью человек войск неаполитанских к Риму посланного и в сие только настоящее время приближение к Риму начинавшего, в котором объясняется он о начинании своих дел и о полученных письмах от аглинского командора Трубрича, с одним кораблем и двумя фрегатами крейсирующего против Чивита-Веккии, о предложении между ими и французским генералом Гринье, с гарнизоном в Риме находящимся, о начатом переговоре и капитуляции, касательной до сдачи городов и крепостей Рима, Чивита-Веккии и прочих, в Римской области находящихся.

Кардинал Руффо объявил мне их письма и переговоры, с которых точные копии всеподданнейше подношу. Переговоры сии с торопливостью последовали в предупреждение действий наших чрез господина аглинского командора Трубрича и неаполитанского маршала Буркарди с замыслами, не соответственными искренности дружелюбия, и должны быть общим действием. Единственно оба ожидали они прибытия эскадр, мне вверенных, по сведениям, что войска с оных эскадр соединенно вместе с войсками неаполитанскими и превосходной силою пойдут для освобождения и взятия Рима и Чивита-Веккии. Доказательно сие тем, что прежде прибытия эскадр в Неаполь два фрегата аглинские крейсировали против Чивита-Веккии, не начиная никакого действия на оную, а командор Трубрич ожидал с кораблем своим эскадр, мне вверенных, при Неаполе.

Как скоро я пришел на рейд Неаполя, виделся он со мною и объявил, что тот же час идет с своим кораблем в путь, ему принадлежащий. Я любопытствовал спросить, куда он пойдет и где находиться будет, дабы по дружелюбному содействию нашему известны мне были бытность его и предприятия. Сначала объявил он мне, что идет к северу, а на повторительный вопрос сказал — к Чивита-Веккии, взять оттоль с собою крейсирующие фрегаты, и пойдет с ними в Палермо. Но из последствия явственно имел он непосредственные замыслы и спешил произвести в действо, воспользоваться случаем прихода к Неаполю морских сил вашего императорского величества, имеющих быть в десанте. По мнению моему, что и действительно быть должно, устрашили они французов оным (как и в письме кардинала Руффо значитя) и предложили и подали средства французам к избавлению от оных сдачею им крепостей Чивита-Веккии, Рима и прочих на капитуляцию, по которой явственно величайшая выгода для французов, и что отвежены будут они во Францию не яко военнопленные, но даже с ру-

жьем и всею военною амунициею, экипажем и многими разными неприличностями.

Как скоро от кардинала Руффо получил я уведомление и копии с тех писем, объяснился ему, что договоры и капитуляции начаты и производятся не только в великую и неприличную пользу французов, но даже вредны союзным державам, а особо войскам вашего императорского величества и австрийским, блокирующим Геную, ибо по отвозе их со всею военною амунициею во Францию, в ближние места к Генуе, могут они там быть достаточным сикурсом против войск союзных, а ежели высажены будут в остров Корсику, то весьма умножат в нем свой гарнизон и затруднительно будет освобождение оного острова. Кардинал Руффо уверил меня наисовершенно, что он сей же час посылает повеление к маршалу Буркарди, чтобы он таковые неприличные договоры прервал и не производил, ожидал бы повеление и войска, с эскадр, мне вверенных, в десант высаженные и соединенно с неаполитанскими войсками следующие на действие против неприятеля, которые в состоянии будут Рим и Чивита-Веккию освободить от неприятелей силою и, забрав их пленными, заключить выгодную и полезную союзным державам капитуляцию.

Будучи в таком достаточном уверении, посоветовавшись с господином Италинским и вице-адмиралом Карцовым, поспешили мы отправление войск. С вверенной мне эскадры послано разных чинов 818 человек под команду господина полковника Скипора, неаполитанских войск: конницы, инфантерии и артиллерии — всего разных чинов более 1500 человек, которые после надлежащих приуготовлений из Неаполя выступили вчерашний день поутру.

А сего дня получено известие от генерала Буркарди, что он о сдаче французами Рима подписал капитуляцию (хотя о сем весьма невероятно). Присланы от него одни только переговоры и предложения французского генерала Гринье во множестве весьма неприличных пунктов и в соответствии на оные пункты, назначаемые командором Трубричем, а настоящая капитуляция не прислана. По замечанию моему и по обстоятельствам в рассуждении подающих сумнение поступков кардинала Руффо, полагаю, что она еще не сделана и не заключена и медлится от невозможностей и неприличных предприятий.

За всем тем во избежание, дабы не войтить в какие-либо важные последствия, намерился я войска, от меня отправленные, возвратить на эскадру, объявля кардиналу Руффо все подробные обстоятельства о производимых против поведения нашего несоответствия. Как скоро получил он от меня через господина Ита-

линского объяснение, что я войска российские, от меня посланные, возвращаю, наубедительно просил оных не возвращать, а паче, чтобы приказал я им с наивозможной поспешностью туда следовать, объясняя, что Рим в теперешнем положении не только не покорен оружию союзных держав, но паче состоит в чрезвычайной расстройке, в тревожностях и предприятиях военных, даже бунтующие обыватели и якубинцы предприняли твердое намерение, как скоро выступят французы из крепости Сант-Анжело, овладеть оною и всем городом и защищаться до последней крайности и не впускать войска, ныне его осаждающие.

Кардинал Руффо объяснялся словесно, что неаполитанские войска не только не в состоянии войти в город Рим и в крепость и удержать оные, даже состоят в опасности быть атакованы и прогнаты, и, ежели я не успею таковые худые последствия предупредить силою войск, мне вверенных, непременно последуют весьма худые и вредные обстоятельства. Посему требовал я, чтобы о таком состоянии и требовании дать мне письменно, и тот же час от кардинала Руффо получил письмо с исключением в нем некоторых слов, объясненных им господину Италинскому словесно; с оного письма точную копию всеподданнейше подношу. Получа я оное и почитаю, что все таковые производства капиитулующих есть одни замыслы и искательство собственной своей пользы и что без достаточных сил регулярных войск совершиться не могут, кроме худых последствий, повторил повеление командующему десантными войсками полковнику Скипору походом к Риму как наивозможно поспешить и исполнять данные ему от меня предписания о взятии Рима и Чивита-Веккии, ежели она еще не взята. Для блокирования Чивита-Веккии от 18 числа сего месяца послал я к оной фрегат «Поспешный» и судно «Панегия Апотуменгана» под команду флота капитан-лейтенанта Эльфинстона.

К командору Трубричу, к маршалу Буркарди и к кардиналу Руффо какого содержания посланы от меня письма, также какая прокламация послана от меня с полковником Скипором к римлянам и всему народу Римской области во многом количестве листов напечатанных копий, при сем всеподданнейше подношу. И если удобное время и обстоятельства позволят, от Рима отделию я достаточное число войск и пошлю их к Анконе для вспоможения блокирующей оную эскадре под команду флота капитана графа Войновича, дабы ускорить взять оный [город]. И все, что впредь производимо будет, со всякой подробностью вашему императорскому величеству всеподданнейше доносить наипрежнейшее старание иметь буду.

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О БЛОКИРОВАНИИ ЭСКАДРОЙ Н.Д. ВОЙНОВИЧА АНКОНЫ
И ВЗЯТИИ ИМ КРЕПОСТЕЙ ФАНО И СЕНИГАЛЛИЯ
С ПРИЛОЖЕНИЕМ ТЕКСТА КАПИТУЛЯЦИИ КРЕПОСТИ ФАНО

20 сентября 1799 г.

Кардинал Руффо, королевский наместник, в Неаполе находящийся, доставил ко мне письмо, присланное к нему флота от капитана графа Войновича, блокирующего с отделенною от меня эскадрою Анкону, о успехах, производимых им десантными войсками против крепости Анконы, и о взятии действиями же сих войск замков или крепостей Фано и Сенигаллии и о прогнании французов из местечка Фьюмезино. С оного письма и с капитуляции о взятии крепостцы Фано и из оной французского гарнизона военнопленным копии всеподданнейше вашему императорскому величеству подношу. Я по прибытии с эскадрами к Неаполю послал к нему повеление уведомить меня обстоятельно обо всех его действиях и нужно ли еще ему вспоможение, которое могу доставить из своих войск, посланных к Риму, о чем сим всеподданнейше доношу. Капитуляция, заключенная между капитаном и кавалером графом Войновичем, командующим соединенною эскадрою и десантными войсками под городом Фано, и гражданином Шевалье, командующим французским гарнизоном в том же городе.

А р т и к у л 1-й. Гарнизон выступит с военными почестями и своим багажом и в ста шагах положит оружие, сделавшись военнопленными.

А р т и к у л 2-й. Вся артиллерия и амуниция, которые найдены будут в крепости, сдаваемы будут офицерам, определенным от начальника российских войск. При офицерах гарнизона оставлены будут их шпаги и имущество и отправлены [они будут] на их счет в сопровождении россиян и их союзников во Францию. Взят от оных честный пароль не служить до совершенного их размена.

А р т и к у л 3-й. До отправления французских войск из крепости гарнизон не будет вводим, как только российскими и немецкими войсками.

А р т и к у л 4-й. Со всеми французскими военнослужащими, находящимися ныне в госпитале Фано, поступлено будет со всевозможным человеколюбием, равномерно как и офицеры, в том же госпитале обретающиеся, пользоваться будут теми же выгодами, относясь к 2-му артикулу. Все отпущенные офицеры отправятся на честный пароль не принимать оружие против союзных держав до настоящего их размена.

Учинена и заключена на фрегате «Навархия» 17 июля 1799 года.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.Г. КУШЕЛЕВУ
О НАПРАВЛЕНИИ ДЕСАНТА В РИМ И ЧИВИТА-ВЕККИУ
И НАМЕРЕНИИ АНГЛИЧАН ВЕСТИ СЕПАРАТНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ
С ФРАНЦУЗАМИ**

20 сентября 1799 г.

Вашему сиятельству донести честь имею: с эскадрами, мне введенными, семью кораблями, одним фрегатом и одним авизом, отправясь из Палермо сего месяца 2 числа, и 7 дня в Неаполь прибыл благополучно, при котором фрегаты «Св. Михаил», «Григорий Великия Армении» и шхуна № 1 также обстоят благополучно, но фрегаты имеют великую течь и следуют к исправлению, как от меня уже вашему сиятельству донесено.

Осмотрев и учредя в Неаполе все потребные надобности, высажены с эскадры войска в десанте 818 человек под командою батальонного командира господина полковника Скипора и посланы в Рим и Чивита-Веккию для освобождения и взятия оных. В Неаполе прежних войск, в десанте находящихся, и с прибавкою к ним с фрегатов солдат, матросов и канонир до шестисот человек да еще с эскадры прибавлено к ним матросов и канонир до 400 для потребных надобностей. Впрочем, обо всех обстоятельствах с подробностию всеподданнейшим рапортом донесено от меня его императорскому величеству, с которого копию при сем представить честь имею. По случаю проезжающего из Палермо чрез Неаполь неаполитанского курьера к высочайшему двору более писать, даже и с приложений к рапорту копиев снять не успел.

Из донесения моего о аглинском командоре Трубриче соизволите усмотреть, сколь беспредельная надменность агличан и чрезвычайные поступки против союзников, дружбою к ним расположенным. Я с самого начала, будучи еще в Константинополе, при конференциях бывших поступки и требования аглинского министра Шмита заметил. С того ж самого времени начинали они нас рассортировывать в разные места, дабы не могли успеть в каких-либо важных предприятиях. Таковое замечание есть весьма справедливо, что впоследствии и в разных их требованиях в разные времена весьма было заметно; во все места требовали они нас в развалочку*. И кто требовал, все один другому сами себе противуречили, а особо в то время, когда взяты нами острова, прежде бывшие венецианские, а оставался Корфу блокированный. Предвидели они, что без всякой соединенной нашей эскадры по недостатку у нас войска не можем ее взять, тогда все меры со всех сторон употреблены были. Требовали от нас разных отделений

* Так в документе.

весьма не дельно и ненужных, словом сказать, желали всегда приводить в расстройку и невозможность.

Петр Кондратьевич Карцов также весьма ими не хвалится, а теперешний поступок Трубрича можно назвать весьма неприятным и даже дерзким. Похоже ли освобождать французов из всей Римской области в то время, когда эскадра нарочно для того пришла в Неаполь и войска от меня посланы к Риму и Чивита-Веккии, и могли бы взять их силою. Дело, которое он и маршал Буркарди на себя взяли, ежели бы я в сие время послал от себя барабанщика и обещал бы им такую капитуляцию и чрез него можно бы сие сделать, столь французы сробели нашего приходу и предприятия, чего они уже давно опасались и об том знали. В прочем имею честь быть.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА СКИПОРУ
О СЛЕДОВАНИИ С ВОЙСКАМИ К РИМУ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ВОЗМОЖНОГО ГРАБЕЖА РИМА ФРАНЦУЗАМИ
В СЛУЧАЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ИМИ С АНГЛИЧАНАМИ СЕПАРАТНОГО
ДОГОВОРА О КАПИТУЛЯЦИИ**

21 сентября 1799 г.

Поспешите с войсками, вам вверенными, следовать к Риму, как вам от меня предписано. И ежели не застанете вы там французов, буде они, устрасясь войск наших, следующих в Рим, ограбив все драгоценности и богатство, также и пограбленные богатства из Неаполя забрав с собою, искав своего спасения, избегая от рук войск наших, противу их следующих, из Рима ушли, или кем-либо, не имея войск и сил достаточных, под видом капитуляции выпущены, но тем Рим не избавлен от французов, но французы избавлены из оного и спасены от рук наших войск, противу их следующих (сие ясно в случае потребности объявить можете, облича притом поступки противу нас, не соответственные искренности и дружбе, с нашей стороны употребляемой). А что сей столичный город римского владения и крепость, в нем состоящая, от неприятелей не освобождены и находятся теперь в наивысше худых обстоятельствах, тревоге, беспокойствах и опасности, требует и ожидает к своему спасению регулярных войск, под вашим начальством к нему следующих на вспоможение, как из приложенного письма кардинала Руффо, наместника королевского, в копии к вам препровожденного, явствует.

Рекомендую для скорейшего спасения от разорения и взятия оной от неприятелей: должны вы как наивозможно походом к нему поспешить и исполнить как следует по долгу службы и обстоятельствам, соблюдая при том честь российской нации и пользу все милостивейшего государя нашего императора. Вы в состоя-

нии все оное исполнить и спасти Рим от бедствияв настоящих; потому и должны во всем иметь пред прочими важнейшие преимущества. Ибо я сверх исполнения высочайших мне предписаний его императорского величества имею настоятельной просьбою и требованием его королевского величества Обои Сицилий полную доверенность, которою и войска неаполитанские, при действиях против Рима находиться имеющие, поручены в мою команду и распоряжение. Следовательно, и не должны они ничего противного совершенной дружбе предпринимать своевольно, а, напротив того, исполнять то, что объяснено от меня в двух письмах к господину маршалу Буркарди, с вами препровождаемых, которые извольте доставить к нему сохранным.

По получении сего чрез нарочного курьера благонадежные средства к сему доставлению иметь будете вы от начальников неаполитанских войск, вместе с вами к Риму следующих. По вступлении вашем в Рим, какие найдете во оном обстоятельства, нанесенные тревоге и разорение грабительством, обо всех подробностях и действиях ваших опишите в реляции обстоятельно чистым и внятном письмом по всей справедливости. Напоминаю также о предосторожностях до сбережения людей, в здоровье касательных, и об осторожностях при действиях по благоусмотрению. Ежели дорога безопасна, послать туда с курьером лейтенанта Балабина. Он увидит и узнает благовременно все обстоятельства и интриги, ежели какие кем делаются, и меня уведомит. Предпишите, чтобы он употребил все свое старание в разведании об оных, имел бы прозорливость об видах, какие заметить можно, старайтесь препроводить его туда безопасно, буде нужно, под охранением конвоя.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА КАРДИНАЛУ РУФФО
С ТРЕБОВАНИЕМ ПРЕКРАЩЕНИЯ МАРШАЛОМ БУРКАРДИ
ПЕРЕГОВОРОВ О КАПИТУЛЯЦИИ ФРАНЦУЗОВ В РИМЕ**

22 сентября 1799 г.

На почтеннейшее письмо вашего преимущества, сего числа мною полученное, отвечаю: при первом получении известия о переговорах маршала Буркарди с французским генералом Гринье, до капитуляции о сдаче Рима следующих, ни об чем другом я ваше преимущество не просил, как только повелением вашим запретить господину маршалу Буркарди, чтобы переговоры прекратить и ни под каким видом с французами капитуляции не заключать до прибытия войск, от нас туда посланных; [которые] в состоянии будут французов разбить, истребить или забрать пленными, так от меня и десантому командиру полковнику Скипору предписано.

Вы соизволили меня совершенно уверить, что таковое повеление от вас тотчас послано будет; если капитуляция вами была заготовлена, то единственно на случай, ежели бы впредь она вознадобилась, дабы общее наше согласие в том было, а не для посылки ее к маршалу Буркарди. И никакая другая капитуляция слабее быть не могла, как только взять их пленными на договоры. А на показываемую мне вашу капитуляцию я согласия не имел и оставался в том же мнении, как вы мне обещали, что маршал Буркарди без войск наших к капитуляции не приступит. Ежели тогда же соизволили послать означенное повеление к маршалу Буркарди, время на то было со излишеством достаточно, как из последних ваших уведомлений доказательно о том значит, бесполезная и вредная капитуляция, буде она об Риме заключена: не составляет то, чтобы Рим освобожден был от неприятелей, но неприятели французы освобождены из Рима и от рук войск наших, от меня посланных, которыми я сам намерен был командовать. Следовательно, при таковых обстоятельствах на отправление французов я никакого согласия дать не могу, почитаю то и другое весьма вредным. О чем сим вашему преимуществу объяснить честь имею.

В прочем с истинным моим почтением и преданностью пребуду навсегда.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА А.В. СУВОРОВУ
О КАПИТУЛЯЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК В РИМЕ
И ЧИВИТА-ВЕККИИ И ДЕЙСТВИЯХ РУССКИХ ВОЙСК
ПОД АНКОНОЙ**

*25 сентября 1799 г.,
корабль «Святой Павел», при Неаполе*

Ваше высокографское сиятельство, милостивый государь,
граф Александр Васильевич!

Вашему высокографскому сиятельству донести честь имею: по усиленному требованию и просьбе его величества короля Обеих Сицилий 2 числа сего месяца с эскадрами, мне вверенными, в числе семи кораблей и одного фрегата отправился я из Палермо и 7 числа прибыл в Неаполь благополучно. Да прежде прибытия моего в Неаполе находились оных же эскадр, мне вверенных, три линейных фрегата и одна шхуна. Требование его величества короля Обеих Сицилий было в том, что не столь состоит от беспредельных тревожностей и беспокойств в крайней опасности от буйств и наглостей многочисленного народа, даже и от войск нерегулярных, чтобы все оное успокоить и привести в порядок. Между тем с войсками эскадр, мне вверенных, соединя с оными войска неаполитанские, следовать к Риму и Чивита-Веккии для освобождения оных и Римской области от неприятелей.

По прибытии моем к Неаполю с господином статским советником и кавалером Италинским вошли мы во все подробные рассмотрения и обстоятельства; все беспокойства и беспорядки прекращены, потребные учреждения сделаны, и состоит спокойно. Между тем приготавлились все потребные распоряжения, и войска эскадр, мне вверенных, соединенно с неаполитанскими к Риму и Чивита-Веккии от меня посланы с повелением неприятелей, там находящихся, разбить, истребить или забрать пленными.

Но в самое сие время английский командор Трубрич по прибытии моем в Неаполь, бывший тут с одним кораблем на рейде, отправился в Чивита-Веккию и, не объявляя мне даже и на запрос мой своих предприятий, воспользовался силою войск наших, отправляемых к Риму и Чивита-Веккии, и предложил французам, в Чивита-Веккии и в Риме находящимся, самые выгодные и полезные для них при таковых обстоятельствах кондиции — отпустить их на капитуляцию. Они, будучи устрешенные, воспользовались таким предложением, и господином Трубричем вместе с находящимся под Римом с малым количеством войск неаполитанским генералом Буркарди заключена капитуляция, и, не дожидаясь приходу войск наших, французы из Рима и Чивита-Веккии отправлены во Францию со всем их экипажем, не яко военнопленные, с военным оружием и амунициею.

Я многократно отзывался с кардиналом Руффо, начальствующим в Неаполе, с господином Трубричем и генералом Буркарди, что таковые их поступки заключенной вредной капитуляции и отпуск вооруженных французов во Францию весьма вредны обстоятельствам и пользе союзных держав, упреждал благовременно кардинала Руффо, чтобы столь вредные переговоры и капитуляцию делать запретил. Но за всем тем таковая капитуляция заключена, и французы отпущены во Францию. Из войск, от меня посланных к Риму и Чивита-Веккии, шестьсот человек российских и шестьсот неаполитанских стараюсь я отправить к Анконе для вспоможения отделенной от меня эскадре, там находящейся под командою флота капитана и кавалера графа Войновича, которым местечки Сенигаллия, Фано и Фьюмезино от французов отняты. Французы во всех оных местах разбиты и из Фано взяты на капитуляцию военнопленными; Анкона обложена блокадою и противу оной сделано четыре батареи, и действуют [они] с успехом. Надеюсь, когда войска наши, на вспоможение отсель отправляющиеся, туда придут, настоящим действием можно будет принудить Анкону к сдаче.

О чем донеся, с наивсегдашним истинным моим высокопочтанием и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высокографского сиятельства покорнейший слуга

Федор Ушаков

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА СКИПОРУ
О СЛЕДОВАНИИ С ОТРЯДОМ ИЗ РИМА К АНКОНЕ
И О ПРИНЯТИИ МЕР ДЛЯ СБЕРЕЖЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ ЛЮДЕЙ
В ПОХОДЕ**

1 октября 1799 г.

Получив рапорты ваши от 28 числа минувшего месяца, когда вы находились с войсками в 36 милях, не доходя Рима, крайне сомневаюсь, что вы не получали повеления мои, с нарочными отсюда к вам посланные: первое — сентября от 21, а второе — от 25 из Неаполя. На случай, ежели и теперь не получили, со оных прилагаю при сем копию.

Я предписал вам с шестьюстами человек войсками от Рима немедленно следовать к Анконе и стараться оную взять и все выполнения сделать, как в ордере моем от 25 числа предписано. Об отправлении с вами неаполитанских войск из Рима под командою графа Вентемиле шестьсот же человек, по снабжении вас дорогою провиантом, фуражом и всеми потребностями предложил я в Неаполе здешнему правлению и требовал скорого исполнения, а теперь об оном же отправлении и обо всех вспомоществованиях посылаю письмо мое к графу маршалу Буркарди, с которого при сем копию прилагаю, и требую, чтобы он, ни малейше не умедля, все оные войска с вами отправил и употребил бы все средства и возможность о продовольствии дорогою провиантом и фуражом.

Повторяю вам мое предписание: по получении сего, выполняя потребные надобности для вашего снабжения дорогою, тотчас и нимало не медля, с шестьюстами человеками войск российских и шестьюстами неаполитанских вместе с графом Вентемиле следовать к Анконе, произвести настоящие действия и оную взять, как только возможно по вашему благорассмотрению. Когда Анкона будет взята, тотчас пришлите ко мне с нарочным подробные ваши уведомления и повторите неоднократно, дабы дорогою письма как можно не утратились и дошли бы вернее; узнайте верные способы, которой дорогою вам удобнее возвратиться, чрез провинцию ли Аbruца или обратно тою же дорогою чрез Рим. Пишите обстоятельно, как удобнее.

Обувь людям потребуйте чрез господина маршала Буркарди. Ежели можно снабдить людей от кочта римлян, или от них, или хотя на наш кочт заимообразно, все оное я вам позволяю, как только возможно будет и удобнее. Только берегите людей и здоровье; сие есть всего прочего важнее. Во всем прочем полагаюсь я на ваше благоразумие и исправность. Можете предпринимать и исполнять все, что нужно по случаям и обстоятельствам, какие окажутся, [и] да благословит вас Всевышний и дарует вам благодать свою святую.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА СКИПОРУ
С СООБЩЕНИЕМ СПИСКА ОФИЦЕРОВ, НАГРАЖДЕННЫХ
ЗА ОТЛИЧИЕ ПРИ ВЗЯТИИ НЕАПОЛЯ**

1 октября 1799 г.

Господин адмирал, Государственной Адмиралтейств-коллегии вице-президент и кавалер граф Григорий Григорьевич Кушелев от 4 числа августа присланным ко мне письмом дает знать, что рекомендованные мною отличившиеся при взятии Неаполя, кто чем всемилостивейше награждены, препроводил ко мне список. И, как из списка сего явственно, некоторые повышены рангами, то каждому из них велено объявить всемилостивейше пожалованные им чины; о производстве сем отдано при короле приказом. И Адмиралтейств-коллегии повеление дано, в сходство которого предписываю вам означенным в приложенном у сего списке находящимся в команде вашей господам обер-офицерам о всемилостивейше пожалованных орденах объявить, которые [ордена] и при оных грамоты при верной оказии для отдачи, кому следует, препровождены быть имеют; о произведенных в чины на верность его императорского величества службы привести к присяге и присяжные листы для отсылки, куда следует, представить ко мне при рапорте. О чем и командующему эскадрой при Анконе флота господину капитану 2 ранга и кавалеру графу Войновичу извольте от себя к исполнению дать знать. Сей список значит [ся] в отданном приказе 28 сентября по флоту.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КОМАНДИРУ КОРАБЛЯ «АЗИЯ»
КАПИТАНУ 1 РАНГА А.Н. НЕЛЕДИНСКОМУ О КОНВОИРОВАНИИ
ИЗ ЛИВОРНО В НЕАПОЛЬ ТРАНСПОРТОВ С ВОЙСКАМИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА Д.М. ВОЛКОНСКОГО**

3 октября 1799 г.

От господина фельдмаршала и разных орденов кавалера графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского присланы ко мне в мое распоряжение три гранадирские батальоны под командою господина генерал-майора князя Волконского 3-го, которые прибыли в Ливорно и там посажены на суда к отправлению в Неаполь, о чем чрез [нарочного], присланного от его сиятельства князя Волконского, получил я об оных рапорты и ведомости о служителях. И объяснено, что за помещением оных людей все тягости батальонные остаются в Ливорно по недостатку для перевозу их судов, почему и посылаются для забрания оных тягостей шесть транспортных купеческих судов под командою мичмана Массе.

Предписываю вашему высокоблагородию со оными судами для препровождения их с вверенным вам кораблем «Азия» следо-

вать в Ливорно и сохранить их от могущих встретиться где-либо неприятельских судов, также и от судов алжирских и трипольских, которые иногда делают дела шалости и захвачивают купеческие суда в противность узаконения Блистательной Порты Оттоманской. Ежели вы встретитесь с судами, из Ливорно идущими с нашими войсками, извольте явиться к господину генерал-майору князю Волконскому и узнать от него, достаточен ли к препровождению их до Неаполя конвой военных судов. Ежели покажется ему нужно, чтобы вы их препроводили под вашим конвоем до Неаполя, исполните по его требованию, ежели он пожелает, с тем, чтобы неаполитанский фрегат и корвет препроводят вверенные вам суда до Ливорно, а вы с [судами], с войсками идущими, обратитесь к Неаполю и доставьте их суда под вашим охранением. Сие для вас будет гораздо выгоднее, ежели вы в скорости возвратитесь сюда. Но буде господин генерал-майор Волконский объявит вам, что он конвой имеет достаточный и безопасный, оставьте следовать его сюда, а вы проводите транспортные шесть судов, с вами идущие, до Ливорно. Старайтесь, чтобы они в самой скорости, и малейше не медля, забрали все батальонные тягости без остатка, и тотчас возвратитесь под вашим конвоем и сохранением в Неаполь, посеку и соблаговолите учинить исполнение.

Во время прохода туда, ежели окажутся где суда неприятельские французские или гишпанские, все таковые брать в плен, а в случае превосходного количества бить и истреблять и исполнить все прочее, как следует по закону. При всяком случае, где находиться будете и что окажется и исполнено вами будет, извольте ко мне рапортовать.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА П.В. ПУСТОШКИНУ
ЗАДЕРЖИВАТЬ ИСПАНСКИЕ ТОРГОВЫЕ СУДА И ОТПРАВЛЯТЬ ИХ
В КАЧЕСТВЕ ПРИЗОВ В БЛИЖАЙШИЕ РУССКИЕ ПОРТЫ**

3 октября 1799 г.

В полученном мною из Государ[ственной] Адмиралтейств-коллегии от 21 числа июля под № 10186 означено: в именном его императорского величества высочайшем указе, данном сей коллегии сего июля в 15 день за собственноручным его величества подписанием, изображено: гишпанские купеческие корабли, в портах наших находящиеся, повелеваем немедленно арестовать и, сколько где таковых окажется и с каким грузом, нам донести. Коллегию определено: с прописанием одного высочайшего его императорского величества именного указа к точному и неперемennomу [исполнению], куда следует, послать (и посланы) указы, и велено все гишпанские купеческие корабли, где оные по достоверному узнанию окажутся, немедленно арестовать и сколь-

ко где какого роду и с каким грузом заарестованы будут, прислать обстоятельные ведомости, показав и число людей, и какими товарами нагружены, о чем и ко мне прислан таковой же указ и предписано гишпанские купеческие корабли, которые во время плавания моего будут попадаться, брать в добрый приз и отсылать в российские ближайшие порты по способности мест, по которому для надлежащего впредь исполнения сим вашему превосходительству и объявляю.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА А.П. АЛЕКСИАНО
О СКОРЕЙШЕМ ДОСТАВЛЕНИИ ИЗ КОРФУ
В НЕАПОЛЬ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И РАЗЛИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ,
РЕМОНТЕ КОРАБЛЕЙ И РАЗМЕЩЕНИИ
В КОРФУ ТУРЕЦКОГО ГАРНИЗОНА**

4 октября 1799 г.

Несколько раз послал я уже мои повеления о скорейшем сюда доставлении припасов и материалов, доставленных из Николаева на габарах, и провиантов, на них же и на прочих судах доставленных в Корфу; требовал, чтобы доставить их, ежели нельзя инако, на наемных судах немедленно в Неаполь к эскадре, просить для конвою и сбережения их от алжирских и тунисских судов от Кадыр-бея одного или двух фрегатов. И теперь то же повторяю: как наивозможно поспешите присылкою, ибо сверх прочих необходимых надобностей провианта у нас очень мало, а на эскадре господина вице-адмирала и кавалера Карцова и вовсе нет и весьма надобен. Просите у Кадыр-бея для конвою фрегатов, ежели не два, хотя один. Опасность только от одних алжирских и тунисских судов, а французов вовсе и нигде не видеть.

Корабль «Св. Троица» старайтесь как можно килеванием исправить или в Мандракьо или в Гуви, как способнее, хотя бы не до самого киля, буде немножко полного киленбанка, сделать, толь бы полые стыки и пазы можно было исправить конопатью и обшить новой обшивкою. Отправлять кораблей в Черное море нынешнее время уже нельзя, невозможно, да и обстоятельства не позволяют. Могут отправиться они весною в лучшее время. Старайтесь отыскивать в покупку привозимые из Триеста обшивные доски по меньшей мере на четыре или на пять кораблей и фрегатов, также покупайте смолу и гвозди. Ежели можно, выпишите смолу из Мореи, а доски и гвозди из Триеста, и все прочие к тому надобности старайтесь приуготавливать. На зиму я пришло в Корфу несколько судов к исправлению килеванием, оно необходимо надобно; гвозди обшивные весьма нужны, также и другие в разные дюймы. Деньги, сорок одну тысячу пиастров или сколько следует, достальные от консула Пауля извольте от него истребо-

вать и принять, из них исправлять и покупать сии надобности и людей довольствоваться, чем следует.

И обо всем, что происходит будет, как можно чаще присылайте ваши рапорты чрез губернатора Летчи, о котором я к вам писал, и к нему от меня писано. Василий Степанович Томара пишет ко мне: войска турецкие, которые придут для гарнизона в Корфу, не должны допущены быть в крепость до тех пор, пока придут наши войска. Они должны в крепость войтить вместе с нашими, а ежели бы и допущены они были в крепость, то разве весьма малое число, которое бы было безопасно нечаянным каким-либо предприятием, а прочие должны быть отдаленно от крепостей и города, а всего лучше, ежели они будут на албанской стороне до тех пор, пока наши войска придут. Турки с эскадры нисколько не должны быть в крепостях сверх прежних — равного числа с нашими, но даже и в городе; ни до каких озорничеств их не допускать. Сенат должен учредиться об оном, быть смелым и препятствовать всеми обывателями всевозможно и за всякую их продерзскость, чтобы непременно делали бы жалобы к Блистательной Порте Оттоманской и не допускали бы до себя каких озорничеств и нахальства. Объясните об оном словесно кому следует, ибо от сего зависит их спокойствие и безопасность.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.В. МУСИНУ-ПУШКИНУ-БРЮСУ
О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С АНГЛИЧАНАМИ**

7 октября 1799 г.

Письмо вашего сиятельства сего течения от 3 (14) числа имел честь получить. Извещаю с откровенностью: на объясненные лордом Нельсоном обстоятельства ничего не замечаю я нового, кроме вновь производимых министеральных оборотов. Приготовления в Тулоне ко вспоможению Мальте известны с давнего времени, а не вновь начинающиеся; против оных лорд Нельсон избрал свои предприятия. Я отличную честь сделал ему прибытием моим с соединенными эскадрами в Палермо для советов и общих с ними действий эскадрами. И первое предлагал я ему об Мальте, но он предупредительно решился собою и тотчас корабли свои отправил, как мне объявлено от него, в Гибралтар и в Магон, никакого общего дела со мною не назначил. Я один с соединенными эскадрами намеревался туда итти и произвести все, что возможно, но эскадра Блистательной Порты по известным вам обстоятельствам от нас отделилась и ушла в Корфу, а я, предвидя невозможность без войск десантных взять Мальту, по непреложному требованию, желанию и просьбе его величества короля Обеих Сицилий отправился из Палермо с эскадрами, мне вверенными, прибыл в Неаполь, и все, что требовалось его величеством к

выполнению, исполнено и исполняемо было с наилучшими успехами. Кроме что с их стороны последовали против искренней дружбы и деятельности наших несоответствия, о которых вашему сиятельству известно, и к лучшему сведению с переписки моей об оных прилагаю копию.

И исполнения мои по требованию и желанию его величества есть все на матерой земле, как и в вашем письме известность об оных объяснена, и лорду Нельсону равно также известно, что вся солдатская команда с кораблей и фрегатов, мне вверенных, обще с неаполитанскими войсками послана была на освобождение Рима и Чивита-Веккии и что она теперь находится в Риме и шестьсот человек оттоль отправляются, думаю, что и пошли к Анконе. Весьма по важным обстоятельствам, потребным на вспоможение блокирующей оную эскадре под командою флота капитана и кавалера графа Войновича, с которой войска, высаженные в десант, обложили Анкону с сухого пути и сделанными четырьмя батареями бьют крепость и ежедневно дерутся с вылазками на них стремящегося неприятеля. Прежде бывшие с трех фрегатов и одного судна войска наши в Неаполе и теперь содержат во оном караулы и всякую осторожность, сохраняют тишину и порядок, сверх того ко оным с эскадр, мне вверенных, в прибавок высажено на берег для тех же надобностей во вспоможение матросов и канонир до шестисот человек.

При таковых известных обстоятельствах делаются мне требования, не соответственные возможностям, совершенно зная об оных, намерения, происходящие из того, сами предусмотреть соизволите; весьма нужно иметь искреннее содействие, а не то, как теперь производится; крайне сожалею, что при оных не могут быть добрые последствия. Но как противу нас с обеих тех сторон деятельности их производятся министерияльным образом под закрытой учтивостью, должно учтиво же соответствовать, посему и я отвечаю господину Нельсону, объясняясь о войсках наших, как выше означено, что они с кораблей и фрегатов теперь весьма отдалены, один корабль и фрегат на днях посланы от меня в Корфу для доставления оттоль на эскадры провианта и припасов, и один корабль на сих же днях послан от меня в Ливорно для препровождения оттоль трех баталионов под командою генерал-майора князя Волконского, в Неаполь ко мне следующих.

На эскадре теперь сверх недостатка провианта, которого в наличии очень мало, великий недостаток в такелаже и парусах, которых я ожидаю привозу из Корфу; и как скоро команда, служители, с кораблей отделенные, возвратятся в Неаполь и получу провиант и припасы, всевозможное старание употреблю о посылке эскадры к Мальте; о чем сим известя, с почтением моим и совершенной преданностию имею честь быть.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА Н.Д. ВОЙНОВИЧУ
С ТРЕБОВАНИЕМ СООБЩИТЬ О НЕОБХОДИМОСТИ ПОДКРЕПЛЕНИЙ
ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ АНКОНОЙ**

9 октября 1799 г.

Сентября от 25, 26 и сего октября от 4 числа послал я к вам мои повеления, спрашивал о обстоятельствах, в каких вы теперь находитесь в рассуждении блокирования вашего Анконы, и скорейшего уведомления обо всех подробностях, касательных до моего сведения, а паче о том, нужна ли вам моя помощь посылкою из Рима войск наших с эскадр, мне вверенных, там находящихся, можете ли без посылки их обойтись, имеете ли верную надежду взять Анкону без оных с одними союзными войсками, вам помогающими. Но ответу от вас по сие время еще никакого не получил. Из Рима от неаполитанского генерала Населли по требованию находящегося там с нашими войсками полковника Скипора нарочно послан был офицер курьером к Анконе для осведомления, точно ли пришли цесарские войска под команду австрийского генерала Фрелиха, четыре или пять тысяч, и достаточно ли будет оных вместе с вами к скорому взятию Анконы. Он очень скоро возвратился в Рим, привез известие, что действительно генерал Фрелих к Анконе с войсками пришел, больше ничего. Да и сколько с ним войск, и об том не известно. Виделся ли он с вами или нет, и того не знаю, ибо от вас ко мне ни одной строчки не привез.

Я войска наши под команду полковника Скипора с поспешностию приказал из Рима отправить к вам в Анкону, но их там остановили, на сказав разные препятствия, и будто скоро они туда дойти не могут. Это повеление мое так потревожило в Риме находящихся господ неаполитанских генералов, что из них маршал Буркарди с крайней поспешностию из Рима приехал ко мне нарочно, подал наиубедительное письмо, чтобы войск наших из Рима не отлучать, объясняя важные необходимые надобности, уверяет меня совершенно, что войска мои не успеют к вам и что, конечно, Анкона прежде их взята будет; но я не могу увериться, не получа от вас уверительного объяснения, что вы от атакующих неприятелей вылазками на батареях наших состоите безопасны и имеете верную надежду, что Анкону можно взять в непродолжительном времени теми войсками, которые теперь вам помогают.

Посылая еще к вам сие мое повеление, требую по получении оного тотчас меня уведомить, есть ли необходимая надобность в посылке от меня к вам войск из Рима или вы имеете надежду взять Анкону без оных. Весьма неудобна теперь посылка из Рима войск наших в рассуждении позднего времени. За всем тем, ежели крайняя вам в них необходимость, с тем, что вы безнадежны без

них взять Анкону, в таком случае, презируя все препятствия, непременно к вам войска я пошлю, опасаясь задлить вас там на худом месте, но крайне желаю, ежели возможно, обойтись [без] посылки оных. Отвечайте тотчас ко мне — то или другое, что необходимо надобно. До тех пор, пока не получу от вас ответ, войскам приказал я походом обождать. На сей случай, буде не успеете писать обо всех подробностях, пишите только об этом, чего я теперь спрашиваю, и каков рапорт ко мне отправите с курьером, нарочно к вам посланным, копию со оногo к сведению препроводите при своем сообщении в Рим к господину полковнику Скипору. Я нетерпеливо сего уведомления ожидать буду, поспешите, как наискорее.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА СКИПОРУ
О ПРИОСТАНОВКЕ ДВИЖЕНИЯ ДЕСАНТНОГО ОТРЯДА
К АНКОНЕ**

9 октября 1799 г.

Какое повеление от меня послано в Анкону господину флота капитану и кавалеру графу Войновичу, копию с оногo при сем прилагаю. Ежели вы не получили от Войновича о объяснениях моих, к нему описанных, и ежели он не требует присылки войск и не объясняет в них крайней нужды, в таком случае имейте походом вашим к Анконе обождать, пока получите вернейшее сведение от Войновича или от его подкомандующего, кто находится с десантными войсками против Анконы. Крайне недоволен я вашим упущением, что вы, посылая нарочного из Рима в Анкону, не требовали присылки чрез него от Войновича уведомления.

Господин маршал Буркарди из Рима прибыл ко мне нарочно, объясняя крайность и беспредельную надобность войскам нашим быть в Риме; вы и с ним никакого уведомления ко мне не доставили, а особо нужного об Анконе по столь многих случившихся несправедливостях и разных несправедливых известиях. В таких важных обстоятельствах ни об чем положительно увериться я не могу одним словом сторонним, не получаю об том никакого сведения ни от Войновича, ни от вас, потому и к исполнению, не имея верного сведения о обстоятельствах, приступить невозможно.

Тотчас пришлите мне объяснение, для чего вы упустили случай при посылке курьера в Анкону, не требовали от Войновича или от десантного командира, при Анконе находящегося, обстоятельного уведомления, и не получили после сего какого-либо верного уведомления. Какого содержания подано ко мне письмо от господина маршала Буркарди к сведению вашему для разных обстоятельств при сем препровождаю копию. Вам должно иметь старание о пользе, чести и славе всемиростивейшего государя на-

шего императора, а не заниматься изданиями*, не соответственными и не полезными.

Обождите походом вашим, пока получите достоверное уведомление от графа Войновича, пришлите ко мне его с нарочным скорым курьером, и я дам вам резолюцию тогда, сходную с обстоятельствами. Конверт графу Войновичу, при сем приложенный, требуйте [к] господину генералу Населли тот же час с нарочным отправить в Анкону, и чтобы привезен был от него ответ, как выше означено.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА ТУНИССКОМУ БЕЮ
С ПРОСЬБОЙ ВОЗВРАТИТЬ ЗАХВАЧЕННЫЕ САРДИНСКИЕ
КУПЕЧЕСКИЕ СУДА**

*21 октября 1799 г.,
корабль «Святой Павел», при Корфу*

Ваше превосходительство!

Блистательная Порта пригласила африканские правительства и ваше превосходительство к вооружению противу нынешнего французского правительства и присоединению сил ваших с державами, воюющими противу одного правительства. Сим более утверждена дружба с теми государствами, с которыми прибывали вы в приязни, и прекращены вражды противу других; таковое согласие, таковое соединение сил необходимо нужны к взаимной безопасности и общему благу. Подобной истине, столь ясной и столь важной, не соответствует поступок вашего превосходительства. С великим моим неудовольствием узнал я об оном по учиненному мне от командующего одним военным судном моей эскадры донесению, которое третьего дня пришло из Каг-мари**.

В 6 число октября вышло в море из Ливорно под прикрытием российского императорского брига, именуемого «Экспедицион», одиннадцать купеческих судов, из числа коих было трое сардинских; те суда возвращались в отечество свое, нагруженные товарами. Отвозя уже в Ливорно экипаж королевский, в виду пролива Бонифацио, в 40 милях от Корсики, в первом часу ночи 10 числа того же месяца, плавая, те суда под прикрытием российского императорского брига были достигнуты тунисскою эскадрою, состоящею в семи судах, коей начальник завладел тремя сардинскими судами, невзирая на все протесты, делаемые командиром брига противу подобного насилия. Оный начальник приводил в резон в рассуждении неправильного своего поступка, что он опасается

* Так в документе.

** Так в документе. Очевидно, Кальяри.

какого-либо несчастья, могущего произойти от людей эскадры своей, и наказания вашего превосходительства, присовокупляя, что он надеется о будущем возвращении похищенных судов.

Сказанный рейс, учиня таковое насилие противу судов государя, который с Блистательной Портою и ее союзниками имеет общее дело противу французов, причинил оскорбление флагу непобедимого императора августейшего моего государя, которого Блистательная Порта почитает за свою подпору и которого Европа возглашает избавителем своим. Ежели ваше превосходительство рассудите свойство и следствия подобного приключения, то найдете сходно с благоразумием и справедливостью дать точные приказания на возвращение трех судов со всеми бывшими на них людьми, составляющими их экипаж, пассажирами и со всеми товарам, принадлежащими оным судам, приказав также, чтоб сказанный начальник был наказан примерным образом, ежели самопроизвольно учинено им таковое насилие и ежели он не объявил сущую истину, ибо говорил он командиру российского судна, имевшего в своем прикрытии те суда, что он был осторожным в рассуждении неправильного своего поступка, опасаясь какого-либо несчастья, могущего произойти от людей эскадры своей, и наказания вашего превосходительства.

Отправляясь я со всею императорскою эскадрою под моим начальством к вашим окрестностям, отряжаю между тем то самое судно, которому нанесено оскорбление, дабы командир оно-го подал самолично вашему превосходительству дружеское сие мое письмо, и желаю, чтоб он сам, приняв три судна, освобожденные от вашего превосходительства со всем экипажем, людьми и товарами, препроводил бы оные в их отечество для отдачи таким образом всего ему препорученного под императорским флагом.

Вашему превосходительству представляется деятельнейшее средство к опровержению приключившегося, и особенное мое к вашему превосходительству почтение побуждает меня, дабы оно объявить, чтоб вашим превосходительством приказано было освободить всех тех бедных жителей острова Св. Петра, принадлежащего его величеству королю сардинскому, другу и союзнику августейшего моего государя, которые в минувшее лето были уведены с оно-го острова тем же самым начальником. Таким образом ваше превосходительство сделает особенное удовольствие монарху великому, справедливому, великодушному и который умеет оценить добрые дела.

Убежден я, что нет других мер, способных к употреблению, дабы соблюсти честь императорского флага.

Федор Ушаков

ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Д.М. ВОЛКОНСКОМУ
ОБ ИЗМЕНЕНИИ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ ЕГО ОТРЯДА

22 октября 1799 г.

Милостивый государь мой, князь Дмитрий Михайлович!

Почтеннейшее письмо вашего сиятельства от 16 (29) сего октября я имел честь получить. За уведомление и благоприятство ваше покорнейше благодарю. Крайне желаю скорого прибытия вашего сиятельства с войсками, вам вверенными, в Неаполь и ожидаю иметь удовольствие с вами увидеться. А между тем отделенная часть эскадры готовится к походу к Мальте, с которою и вы с войсками отправитесь немедленно. В Анкону посылать надобности теперь уже нет.

Господин полковник Скипор, с десантными от меня войсками в Риме находящийся, получил из Анконы от командира отделенной от меня эскадры флота капитана графа Войновича сообщение, которым уведомляет, что Анкона десантными войсками, ему вверенными, с помощью обывателей — инсоржентов, в трех тысячах состоящих, обложена кругом тесною осадой. Батареи, кругом всей Анконы построенные на картечный выстрел, с большими орудиями, с кораблей свезенными, при помощи с моря атакующих судов бьют ее беспрестанно. Сверх того присоединились к нему в помощь 4000 австрийских регулярных войск под командою генерала Фрелиха, потому почитает он, [что] посылки к нему войск больше не нужно, следовательно, ваше сиятельство, имеете следовать чрез Рим прямо в Неаполь. Так же и с эскадры, мне вверенной, в Риме находящиеся наши войска с поспешностью оттол должны следовать к эскадре, нимало не медля, дабы как наискорее начать действия наши против Мальты, чего здешнее министерство и его королевское величество весьма желают в рассуждении необходимых в том надобностей.

Но за всем тем я не понуждаю ваше сиятельство весьма к скорому походу, прошу вас следовать с войсками по вашему расположению, сберегая людей, чтобы не сделались больными; предуведомляю, что здешняя сторона в теперешнее время весьма опасна от болезней, а особо при ночлегах весьма нужно людей сберегать от ядовитой росы и сырого воздуха под закрышею. Римская область более всех других мест подвержена болезням для проходящих чрез оную, а более при сырых погодах, ежели они случатся. Я пишу об оном в предупреждение к сведению вашего сиятельства. Обо всем прочем соизволите узнать более от обывателей. За сим с навсегдашним моим почтением и преданностию имею честь быть.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА СКИПОРУ
О НЕМЕДЛЕННОМ СЛЕДОВАНИИ ЕГО ОТРЯДА В НЕАПОЛЬ
ДЛЯ СОЕДИНЕНИЯ С ЭСКАДРОЙ**

22 октября 1799 г.

Рапорт ваш с приложением дубликатной копии с сообщения к вам флота от капитана графа Войновича я получил, за предосторожность повторения отношу вам мою признательность. От графа же Войновича рапортов и по сие время я ни одного не получил. Куда девался посланный от него курьер, о котором он в сообщении к вам поминает, неизвестно. Нетерпеливо ожидаю я присылки от него рапортов чрез того курьера, которого вы вторично послали из Рима в Анкону. Надеюсь, что он доставит к вам письмо и ко мне рапорты. Как скоро вы получите их, тотчас пришлите ко мне с нарочным; ежели он придет к вам одно только сообщение и ежели не будет тут же ко мне рапорта, доставьте его ко мне в оригинале. Копию с сообщения графа Войновича, которую вы доставили ко мне двоекратно, оба раза в ней не поставлено числа месяца, от которого числа сообщение к вам писано, также не приложили вы и не прислали ко мне ведомость о расположении его батарей и людей, при них находящихся, под чьими командами, которую он к вам прислал при сообщении. Сие пропустили вы весьма неосторожно. Копии должно доставлять обо всем со всякой точностью.

Министерство здешнее и его величество король Обеих Сицилий желают скорой посылки войск наших к Мальте по крайним в том необходимым надобностям. По получении сего извольте с десантными российскими войсками, вам вверенными, ни мало не медля, возвратиться в Неаполь, требуйте от его превосходительства господина генерала Населли спомоществования во всех потребностях и снабжению дорогою. Напоминаю вам, поход ваш с войсками из Рима в Неаполь ни под каким видом и ни под какими отговорками не откладывать. Одним словом, объяснитесь главнокомандующему скромным образом, не разглашая другим никому, что необходимая надобность того требует и его королевское величество желает сходно поспешного походу к Мальте, объявляя об оном господину Населли, от прочих сию надобность имейте в секрете.

Князь Дмитрий Михайлович Волконской с тремя баталионами из Ливорно идет сухопутно чрез Рим в Неаполь и 27 числа сего месяца прибудет в Рим. Я желаю, ежели можно, предупредите поход ваш прежде оногo числа, а буде не успеете, то следуйте за ним немедленно. Приложенный при сем ордер к графу Войновичу извольте отправить в Анкону, а письмо мое его превосходительству господину генералу Населли вручите ему лично и при оном слу-

чае просите его о поспевшем вас снабжении к походу в Неаполь, чего я нетерпеливо ожидаю. Об оном я к нему писал подробно, вы требуйте о выполнении неотложно. [Когда] вы готовы будете к отправлению, Войновича об оном уведомяте и ко мне о выполнении вашем рапортуйте.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.В. МУСИНУ-ПУШКИНУ-БРЮСУ
О ВОССТАНОВЛЕНИИ ПОРЯДКА В РИМЕ И ЧИВИТА-ВЕККИИ
И О СКОРОМ ОТПРАВЛЕНИИ С ЭСКАДРОЙ НА МАЛЬТУ**

30 октября 1799 г.

Ваше сиятельство, милостивый государь мой,
граф Василий Валентинович!

Почтеннейшее письмо вашего сиятельства от 20 (31) сего месяца я получил. Все, что я замечаю, крайне меня удивляет, как бы ни об чем было не известно, и похоже, как бы я по своей воле и по собственному моему желанию здесь нахожусь и без дела. Кажется, все то забыто, что я сюда столь убедительно прошен, и требование его королевского величества было: именем всемилостивейшего государя нашего императора успокоить во всех обстоятельствах Неаполь и произвесть действия на Рим и Чивита-Веккию.

Все мною выполнено сходственно воле и желанию его величества. Здесь существует тишина и спокойствие, равно в Риме и в Римской области, войска с эскадры от меня со всех судов все нацело посланы в Рим по тому же требованию и по требованию кардинала Рурффо по весьма важнейшим обстоятельствам и там удержаны по неотступной же просьбе господ генералов Населли и Буркарди, которые важнейшие же обстоятельства и надобности объявили. Обо всем этом известно здесь и в Палермо. Когда эскадра моя такими требованиями и выполнением приведена, так сказать, в несуществование, как скоро о таком состоянии стало известно, тотчас начались неотступные требования, чтобы непременно тот же час послать эскадру к Мальте. Как может войско бегать взад и вперед на столь дальнее расстояние? Потребно время, чтобы они сюда возвратились на эскадру. От меня тотчас повеление туда послано и в скорости войск оттудова и из Ливорно ожидаю, и как скоро придут — отправлюсь.

За все мои выполнения замечаю одну неприятность, но все исполняю я как должно, неупустительно. В эскадре моей состоит теперь здесь шесть кораблей и три фрегата, из них фрегаты, а может быть, с ними и один корабль останутся в Неаполе для содержания спокойствия и для поправления их от худостей. Со мною, кроме оных, только пять кораблей. Как из них отделить можно, кроме как иттить со всеми? И необходимо надобно на них забрать

войско, что я и исполняю немедленно. Португальский господин контр-адмирал маркиз де Ница, как значит по письму его к господину статскому советнику и кавалеру Италинскому, уповаю, меня там дождется. Судно, от него ко мне присланное, и теперь еще здесь. Ответ мой к нему готов, но командир судна закупает здесь, в Неаполе, для него надобности и пойдет к нему, а за ним и я вскорости отправлюсь.

В прочем с наивсегдашним моим почтением и совершенной преданностью имею честь быть.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О БЛОКАДЕ АНКОНЫ И ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ ФАНО**

*15 ноября 1799 г.,
корабль «Святой Павел», при Неаполе*

Командующий отделенною от меня эскадрою фрегатов для блокирования и взятия Анконы флота капитан 2 ранга и кавалер граф Войнович присланными от 16 дня минувшего октября, а мною на сих днях полученными рапортами доносит: исполняя долг службы вашего императорского величества и данные ему от меня повеления, отправился из Корфу с эскадрою, ему вверенною, в числе трех фрегатов и одной бригантины российских, одного фрегата, одной корветы и одной кирлангичи турецких к Анконе июня 26 дня, простирая курс свой к оной. На пути сделался сильный и противный ветер, почему принужден был он держать к стороне Манфредонии, где по утишении ветра известился чрез цесарское купеческое судно, что в острове Трината находятся французские корсары. Чтоб застать их там и взять в плен, отправился он с эскадрою июля 8 дня. По прибытии к оному острову не застал их и, дабы осведомиться, не находятся ли еще где французы в местах, от Манфредонии к Анконе лежащих, держал курс от острова Трината в виду берегов. Не доходя Анконы, получил от неаполитанского генерала Лагоца известие, что в Порто-Фермо находятся четыре французские вооруженные требокула, и просил себе в помощь российских офицеров и снарядов, почему граф Войнович, сняв с фрегата «Казанская» десант, отправил оный фрегат для захвачивания тех корсаров и доставления генералу Лагоцу посланных к нему флота лейтенанта Папаставро, мичмана Тишенинова, подпоручика Аполлонова и восемь человек канонир, а для пособия в снарядах и прочем уведомил его, чтобы следовать в Лорет и дожидался бы там прибытия с эскадры войск десантных к Анконе, к которой с эскадрой, ему вверенной, прибыл июля 12 дня. Проходя мимо крепости, неприятель по них открыл канонаду, но вреда не причинил.

Капитан граф Войнович фрегат «Сошествие Святого Духа» и турецкий корвет оставил блокировать Анкону и, взяв с фрегата и корвета десантные войска, отправился к Сенигаллии, дабы найти выгодное место к высаживанию десанта на берег. Пришел к Сенигаллии (которая прежде эскадрю под командою вице-адмирала и кавалера Пустошкина от неприятеля была освобождена), усмотрел на крепости французский флаг, для того следовал к Фано, на которой также был поднят французский флаг, почему и заключил, что они вторично французами заняты, и, видя невозможность в оных местах высадить десант, продолжал путь свой к Пезаро. Прибыл к оной 14 числа, где высадил с турецким фрегатом «Зейнер» десант на берег, состоящий в числе двухсот осмидесяти человек российских солдат и матросов с пристойным числом унтер-офицеров и сто пятьдесят турок с пятью десантными пушками. Солдатскую команду поручил капитану Сытину, матросскую и турок — флота лейтенанту Бальзаму. Того ж числа добровольно присоединились к ним пеших и конных с двумя пушками пезарских жителей около двухсот человек. По учинении надлежащих распоряжений предписал он десантным войскам следовать для завладения крепости Фано, куда и сам с фрегатом «Навархия», турецким фрегатом «Зейнер» и пятью австрийскими канонирскими лодками отправился 15 числа.

По данному от него, Войновича, повелению десантом атаковали оную крепость. Неприятель при приближении наших войск открыл жестокою канонаду и учинил сильную вылазку. От десанта с берегу сделан был сигнал, что неприятель усиливается. В то ж время граф Войнович увидел идущий к крепости сикурс в числе трехсот человек в ближнем расстоянии, почему тот же час послал на берег для усиления десанту семьдесят человек матросов и восемьдесят турок при подпоручике Жиженкове. Дабы стеснить более неприятеля и отразить сикурс, подошел сам с вверенным ему фрегатом в близость к воротам, состоящим от стороны Сенигаллии к морю, где находилась батарея из трех пушек. Подойдя, стал на крепостной выстрел на якорь, открыл канонаду, шедший на помощь сикурс не допустил к крепости, а вылазка с великим уроном от наших войск прогната. Турецкий фрегат оставил разбивать лежащие к морю Пезарские ворота и бывшую там из трех пушек батарею. Канонирские пять лодок были расположены между фрегатами в интервале.

На другой день, 16 числа, узнал, что в местечке Пандольфо находится 80 человек французов, для чего послано было туда 40 человек австрийской конницы, которая тот отряд совершенно разбила, 33 человека взяты в плен и приведены к нему на фрегат, многие побиты, а прочие разбежались в разные места.

17 числа получил известие, что генерал французский Монье идет для освобождения крепости Фано с войском, состоящим около тысячи человек, для того предписал флота капитану 2 ранга и кавалеру Константинову, оставя у Анконы фрегат «Казанская» (который из посылки уже возвратился), самому с фрегатом «Сошествие» и турецким корветом итти к нему на вспоможение, которые в то же время и прибыли, и потому, дабы встретить и отрезать неприятеля, поставлены были от стороны Сенигаллии в ближнем от берега расстоянии новокупленная бригантина и один барказ, вооруженный картаулом*, под командою мичмана Вангели. Также отряжен на берег снятый с пришедших фрегатов десант, состоящий во ста пятидесяти человек российских и турок, а между тем по городу и крепостным укреплениям производима была беспрестанная канонада.

Гарнизон в Фано, видя, что спасения ожидать ниоткуда невозможно, до прибытия генерала Монье не за долгое время поднял белый флаг в 11 часов утра для переговора, для чего послан был лейтенант Ратманов, чтоб взять вышедших для переговора коменданта с французами. Во время продолжения переговора усмотрел генерал Монье расстоянием от крепости в четырех милях, который, приметя взятые надежные средства для отражения его с войсками, никаких действий предпринять не отважился. Видя же сдачу крепости и чтобы предупредить, послал бригадира Алекса к графу Войновичу для переговора с письмом будто бы о размене пленников (коих у него с нашей стороны не было). А между тем Алекс имел другое письмо к коменданту в Фано с угрожением, чтобы крепости отнюдь не сдавать и со обнадеживанием своей помощи. Письмо оное графом Войновичем было перехвачено, Алекс за подложное посольство был задержан военнопленным, и крепость в 6 часов пополудни сдалась на капитуляцию, быть гарнизону военнопленным. Сию капитуляцию при всеподданнейшем моем рапорте минувшего сентября от 20 числа имел я счастье представить вашему императорскому величеству, таковую ж и при сем всеподданнейше подношу.

Генерал же Монье поспешно ретировался. По взятии крепости фрегат «Сошествие» и турецкий корвет немедленно того ж числа были посланы для блокады Анконы. Во время действия убитых с нашей стороны: артиллерии лейтенант Харламов, бывший инсортентами мичман Самарский-Быховец, рядовых — 13, унтер-офицеров — 1; раненых: унтер-офицеров — 1, рядовых — 22, турок — убито 7, ранено — 15, а на фрегате «Навархия» тяжело ранен канонир — 1, на бригантине новокупленной ранено матросов — 2; всего убитых — 23, раненых — 41 человек. С неприятельской сто-

* Так в документе. Вероятно: «картауном» (48-фунтовое орудие).

роны убитых: обер-офицеров — 4, рядовых — 120, раненых разных чинов — 25, взято в плен и отослано в Венецию разных чинов — 553 человека. При атаке крепости Фано войск наших состояло: солдатской команды — 200, матросов — 70, турок — 150, цесарской конницы — 40, всего 460 человек. Неприятельский гарнизон в крепости находился около 700 человек, кроме именуемых патриотов или якубинов. О чем всеподданнейше донеся, о рекомендованных флота капитаном и кавалером графом Войновичем об отличившихся неустрашимою храбростию, ревностию и усердием к службе вашего императорского величества список при сем всеподданнейше подношу.

14 числа июля командир фрегата «Казанская Богородица» флота капитан Мессер капитаном графом Войновичем определен командиром соединенных десантных войск, который, приняв команду в свое ведение, 22 числа с вверенными ему войсками, всего 387 человеками российских, 160 турок и 200 вооруженных конных и пеших жителей с артиллерию — шестью десантными пушками, выступил по данному от графа Войновича повелению в поход к крепости Сенигаллии, куда наперед были отправлены бригантина новокупленная и пришедшее 21 числа вольнослужащее при эскадре судно «Граф Суворов», а за ними и граф Войнович с фрегатом «Навархия» и фрегатом «Зейнер» для прикрытия десанта с морской стороны следовал.

Войска наши были еще от крепости в расстоянии четырех миль, как бригантина и судно «Граф Суворов» подошел [к] крепости, открыли канонаду. Неприятель, видя со всех сторон наступление, оставя в крепости шесть пушек большого калибра, заранее ретировался из Сенигаллии, которая и занята нашими десантными войсками. В сие время графом Войновичем дано было знать генералу Лагоцу иттить для блокирования Анконы и быть всем в равном расстоянии от крепости и в соединении следовать со своими войсками к Монто-Гардето, а генералу Ванни — к местечку Фьюмизино. И командующему десантом флота капитану 2 ранга Мессеру предписал в 24 день июля с вверенными ему войсками российскими — 387, турок — 160 и австрийских конных егерей — 180 человеками отправиться к Фьюмизино, также дал повеление бригантине новокупленной, судну «Граф Суворов» и вооруженному картаулом под командою мичмана Вангели барказу следовать с десантом в недалнем расстоянии от берега, а за ними и сам следовал с двумя фрегатами.

В 8 часу пополудни, не доходя до оногo, десант на пути для отдоху остановился. При рассвете 25 числа пошли к оному. И для узнания, точно ли находится тут неприятель, сделан отряд, состоящий из 50 российских, из 50 турок, кои были встречены от французов пушечной и ружейной пальбою, почему десантные наши

войска со всею артиллерию напали на неприятеля, открыли пушечный и ружейный огонь. Французы, не в состоянии будучи держаться, обратились в бегство и, чтобы избежать совершенного поражения, изломали мосты через реку по тракту, к Анконе лежащему. Но, несмотря на сие помешательство, отряженный в погоню капитан Сытин и поручик Кейзер с пристойным отрядом кинулись вброд за бегущим неприятелем, а между тем и весь десант, переправясь, гнались за ретирующимся неприятелем более пяти верст. При оном действии неприятелей было 300 человек инфантерии и 120 конницы, из них убито обер-офицеров — 2, рядовых — 40, в плен взято 10 человек; с нашей стороны убитых: матросов — 2, ранено — 4, солдат убитых — 2, ранено — 6, турок убитых — 1, ранено — 5; всего: убитых — 5, раненых — 15 человек.

После сего действия прибыл генерал Ванни с 600 человек инсоржентов — собравшихся добровольно жителей. В 28 день того же июля граф Войнович предписал флота капитану Мессеру с вверенными ему войсками следовать к Анконе. Но на пути уведомились, что неприятель находится в хорошо укрепленном редуте на высокой горе, именуемой Монтаниона, в числе 700 человек, почему и предписано было от графа Войновича капитану Мессеру тот редут атаковать и завладеть оным. Подходя к тому редуту, командующий десантом учредил атаку следующим образом: генерал Ванни с его инсоржентами отряжен для атаки неприятеля итти влево с морской стороны, а российские, турки и австрийская конница — с правой стороны. Французы, вышед из редута с инфантериею, конницею и пушками, встретили войска наши сильною пальбою, но начальствующий десантом флота капитан Мессер, не давая им усиливаться из крепости сикурсом, атаковал их с поспешностью в штыки и обратил в бегство. Неприятель чаял спасти себя в редуте, но, видя быстрюю за ним погоню наших войск, тотчас из редута ретировался к Анконе колоннами. При сем случае взято в плен французов — 15, найдено побитых — 34, раненых — 15 человек. С нашей стороны убито матросов — 2, солдат — 3, ранено солдат — 2, турок убито — 2, ранено — 4, да из команды генерала Ванни ранено 3 человека.

При оных действиях за худым местоположением, частыми рвами и кустарниками австрийская конница отделенно действовать не могла, а следовала всегда с нашими войсками. Означенными действиями отрезали у французов большую дорогу, лежащую от Анконы к крепости Сенигаллии и других мест. Заняв они редут нашими войсками и выбрав удобное место в ближайшем от крепости Анконы и гавани расстоянии, построили для тяжелых орудий батареи. А капитан Войнович в то же время, подойдя к Анконе с остальными судами, блокировал оную, как в приложенных у сего планах блокада Анконы с сухопутной и морской стороны означена.

Августа 1 дня французские лодки выходили из крепости и действовали из пушек по эскадре, а как находившиеся при оной пять лодок по их малости всегда при эскадре держаться не могли и за отсутствием их французы чинили излишнее беспокойство нашей эскадре и берегу вооруженными во многом количестве канонирскими лодками к требакулами, то для удержания тех беспокойств вооружены от графа Войновича большими пушками шесть лодок, два требакула и один вольнослуживший галиот капитана Пандели. И все они отделены во время действиях их под начальством флота капитана 2 ранга и кавалера Константинова, который с вверенными ему судами ходил неоднократно под крепость и делал крепости и гавани много вреда.

Августа 5 дня выстрелами из построенных на выгодном месте на берегу моря в ближнем от города и гавани расстоянии батарей и с наших вооруженных девяти судов, состоящих под начальством означенного флота капитана Константинова, также с австрийских пяти лодок потопили из обороняющих гавань один французский корабль, но кем точно, за ночную темнотою приметить было невозможно. Командующий десантом флота капитан 2 ранга Мессер рекомендует при всех оных действиях отличившихся в храбрости, неустрашимости и ревности к службе вашего императорского величества флотских батальонов капитана Сытина, поручика Кейзера и прапорщика Карпова, флота лейтенантов Бальзама, Цамутали и Демьянова, морской артиллерии лейтенанта и кавалера Худякова и констапеля Высоцкого.

В 5 день августа флота капитан и кавалер Константинов с порученными ему вооруженными судами ходил под крепость и, производя сильную канонаду, потопил три вооруженные судна. Причем рекомендует он отличившихся в храбрости, неустрашимости, расторопности и ревности к службе вашего императорского величества лейтенанта фон Иксуля, мичмана Вангели, шхипера 1 ранга Бубнова, отставного офицера вольнослужащего Пандели. Граф Войнович относит признательность в храбрости, хорошем распоряжении и ревности к службе вашего императорского величества флота капитанам 2 ранга кавалеру Константинову, Мессеру и всем прочим штаб-, обер- и унтер-офицерам, означенным в списке, который вашему императорскому величеству при всем всеподданнейше подношу.

Того ж августа 5 дня для предупреждения всяких от неприятеля покушений опубликовано было от графа Войновича, чтобы жительские рыбацьи лодки и никакие другие суда отнюдь поблизости около эскадры, крепости и берегов не ходили, а на берегу на высокостях учреждены к южной стороне пикеты для осмотра проходящих в море судов, которые должны обо всем, что увидят, давать ему знать чрез сигналы. 2 дня августа по прошению генера-

ла Лагоца послано было к нему 40 человек российских и 60 турок под командою флота лейтенанта Папаставро. 7 дня флота капитан Мессер к графу Войновичу рапортом донес: известился он от генерала Ванни, что выходили из крепости до 40 французов и, переговаривая с войсками, его уведомили, что ночью того числа французы в числе 500 человек будто бы, будучи недовольны своим правлением, хотят тайно выйтить из крепости и сдать к войскам нашим. Из чего граф Войнович, предвидя могущий быть обман, того ж числа послал на помощь Лагоцу к находящимся там под командою флота лейтенанта Папаставро 40 человек российских и 60 турок еще 50 человек российских и 70 турок под начальством флота лейтенанта Ратманова и капитана Зейнера.

Французы вместо вышеобъявленного учинили на генерала Лагоца сильную вылазку. Войска наши, пришед, напали на неприятеля в тыл, разбили и обратили в бегство. Флота лейтенант Папаставро, командуя до прибытия флота лейтенанта Ратманова десантом, оказал себя расторопным и неустрашимым. Французов убито на месте 67, раненых (по известиям вышедших из крепости дезертиров) — более 150, да в плен взято 15 человек. С нашей стороны ранен капитан Зейнер, убито 6 человек и по причине бывшей тогда темной ночи взяты в плен боцман — 1, матросов — 4. Лагоцовых убито 50 человек.

Потом флота лейтенант Ратманов по данному ему от графа Войновича повелению принял команду над всем находящимся на стороне Лагоца российским и турецким десантом. И 16 числа в три часа пополудни французы учинили на вновь строящийся редут в пяти колоннах вылазку числом 900 человек, которые прорывались уже в редут. Но лейтенант Ратманов, выйдя с вверенною ему частью войск (всего 100 человек российских и 100 турок) и присоединясь к инсоржентам, ударил на неприятеля и прогнал его под крепостные картечные выстрелы, откуда обратно возвратились благополучно. Убито с нашей стороны с крепости ядрами, картечью и из ружей 11 человек российских, 6 турок; легкораненых российских — 8, турок — 2; безызвестно пропавший — 1; неприятельский урон состоял из 76 убитых, а раненых в ту ночь было весьма малое количество, о чем известились от вышедших из крепости.

Французы на состоявшие под начальством флота лейтенанта Ратманова батареи с 20 августа по 18 сентября делали многократно и почти ежедневные покушения вылазками, но всегда были прогнаны с уроном, сентября ж 18 неприятель учинил немалую вылазку, коею командовал комендант главной крепости. И от лейтенанта Ратманова послано было небольшое число охотников русских и турок, которые соединились с инсоржентами, прогнали французов и убили из них 27 человек. Турецкий чауш Ибрагим за-

хватил было в плен коменданта, но неприятель, напав на него, отнял, почему он вторично того коменданта поймал и убил, причем и сам тяжело ранен.

После сего 29 сентября в ночи неприятель во многом количестве напал на те батареи со всех сторон и, ворвавшись в одну из них, где не было войск российских и турок, бывших всегда для резерву, успели заклепать четыре пушки и две мортиры. Но отряд под командою лейтенанта Ратманова, сделав туда из ретраншамента вылазку, сбил неприятеля с оной батареей и принудил ретироваться. Пушки были тотчас отклепаны и действовали по неприятелю, который прогнал к крепости. Французов убито на месте сражения — 43, с нашей стороны убито: матросов — 1; раненых — 2, инсоржентов убито — 12, ранено — 9. Генерал Лагоц, командующий в то время своими войсками, опасно ранен, а в 30 день сентября скончался. Флота лейтенант Ратманов рекомендует отличившихся храбростью, усердием и ревностью бывших при всех вылазках самолично флота лейтенанта Папаставро, мичмана Тишенинова и подпоручика Аполлонова, также турецких чаушов Ибрагима и Мухамета. Флота капитан граф Войнович особенно рекомендует в храбрости и добром распоряжении командовавшего сею частью десанта флота лейтенанта и кавалера Ратманова.

Октября 3 числа пришли цесарские войска в числе до 7 тысяч человек под командою генерала Фрелиха и заняли с нашими войсками посты около Монто-Гардето. Канонада с батареей, вооруженных требакул и лодок, также при ветре частью и с фрегатов за отсутствием вооруженных судов производится непрестанно. Анкона прежде еще прибытия цесарских войск поставлена в теснейшую блокаду, обложена кругом многими, даже на картечный выстрел сделанными, батареями. В съестных припасах имеют великий недостаток и остается на малое время, да и жители терпят голод. И порох, как многие сказывают за справедливо, расстрелян и остается его уже недостаточно и на малое же время. Французы дезертируют беспрерывно, нижние чины и офицеры, и гарнизону в крепости, по объявлению дезертиров, остается не более полторы тысячи, считая в том числе евреев и цезалпинцев, им помоществующих. Но генерал французский Монье упорствует еще о сдаче крепости. Австрийский генерал-лейтенант Фрелих с войсками своими занял те самые места и батареи, где находились отделенные наши войска с войскам нерегулярными, составленными из обывателей, которых он отослал прочь.

Осмеливаюсь вашему императорскому величеству всеподданнейше представить в милостивое благоволение за все вышеозначенные действия и добрые при оных распоряжения к успехи, за отличную храбрость, мужество и расторопность командующего отделенную от меня эскадру фрегатов флота капитана и кавале-

ра графа Войновича, который, исполняя, данные от меня ему наставления и повеления, оказал отличные успехи, и с ним находящиеся и оказавшиеся усердными, рачительными и неустрашимыми храбрыми флота капитанов и кавалеров Константинова и Мессера, турецких капитанов Зейнера и Сулимана, флота лейтенантов кавалера Ратманова, Папаставро и всех ими рекомендованных, означенных в списках, всеподданнейше мною подносимых. Граф Войнович одобряет ревность и усердие к службе вашего императорского величества бывшего на его фрегате волонтером вояжира аглинского подполковника Рука, который был при взятии Фано, Фьюмезино, Монтаниоли и во всех действиях противу неприятеля и оказался храбрым и неустрашимым. План и виды Анконы, атаки батарей и судов, при оной расположенных, всеподданнейше подношу.

Адмирал Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф.УШАКОВА ПАВЛУ I
О ПРЕДАТЕЛЬСКИХ ДЕЙСТВИЯХ АВСТРИЙЦЕВ
ПРИ ОСАДЕ АНКОНЫ**

16 ноября 1799 г., при Неаполе

Командующий, отделенною от меня эскадрою фрегатов осаждающий Анкону, флота капитан 2 ранга и кавалер граф Войнович от 3 числа сего месяца рапортом доносит: генерал Фрелих по прибытии с войсками к Анконе во все время в тридцать дней учинил две канонады, начал делать с французами переговоры и прислал к командиру десантом флота капитану 2 ранга Мессеру сказать, чтобы по городу не производить канонады во время переговоров, а буде пойдут суда, из гавани, то их бить и не выпускать.

2 ноября при темноте ночи французский 16-пушечный бриг вышел из Анконы в намерении уйтить в Марсель, но стоящею вблизи той гавани нашею флотилиею был в то же время усмотрен, пойман и взят в плен лейтенантом фон Иксулем, с пашспортом, данным ему от генерал-лейтенанта Фрелиха, также французским пашспортом, данным от генерала Монье. Причем найдены и другие письма, адресованные в Марсель и в Париж, которых за скоростью и многочисленностью бумаг теперь ко мне не отправил, но при первом случае послать оных не преминет. Объясняет в рапорте своем также; хотя бы оный бриг и отпущен был от генерал-лейтенанта Фрелиха, но должно было ему пройтить сквозь нашу эскадру и объявить свой пашспорт, но он сего не учинил, и пашспорт у него был написан числом впредь, то есть 3 (14) ноября, а взят в плен 2 (13) ноября в 11 1/2 часов пополудни. Да и по пятому пункту сделанной австрийским генералом Фрелихом ка-

питуляции невозможно выпустить никакого французского судна из Анконской гавани, о чем донеся, о поступке со оным судном просит в резолюции повеления. Я предписал ему до получения высочайшей вашего императорского величества конфирмации содержать его пленным. О чем всеподданнейше доношу и ожидаю высочайшей конфирмации.

Адмирал Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ВОЗВРАЩЕНИИ ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК ПОЛКОВНИКА СКИПОРА
ИЗ РИМА НА ЭСКАДРУ**

16 ноября 1799 г., корабль «Святой Павел»

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, десантные войска с эскадр, мне вверенных, находящиеся в Риме под командою полковника Скипора в рассуждении потребной в них надобности к следованию с эскадрою к Мальте, из Рима возвратились на эскадру благополучно. Главкомандующий в Риме неаполитанский господин генерал Населли письмом своим относит об них признательность свою, с величайшей похвалою и благодарностью объясняя, что таковое войско доброго поведения, которое наилучшим порядком, устройством и воздержанностью своею привлекло к себе общее народное почтение и любовь, а наипаче господа офицеры и батальонные командиры — полковник Скипор, майор Боасель и находящийся с ними лейтенант Балабин, отличными поступками и добрым согласием и выполнением заслуживают отличную похвалу и уважение. Я также, отдавая им справедливость за наилучшие и расторопные их выполнения, осмеливаюсь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству в милостивое благоволение

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ВРАЖДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЯХ АВСТРИЙЦЕВ В АНКОНЕ**

16 ноября 1799 г.

Сейчас получил я из Анконы флота от капитана 2 ранга Войновича рапорт, писанный 12 дня сего месяца, коим доносит, что австрийский генерал-лейтенант Фрелих флаги вашего императорского величества в Анконской гавани с мули, с пленных, состоящих во оной кораблей и разных судов, на которых оные были подняты, прислал одного капитана с большим числом солдат, приказал спустить и караул российский снять. Находившийся тогда в карауле Боаселева баталиона прапорщик Карпов все-

возможно до того его не допускал, но оный капитан дерзкостию и силою своих войск отнял у двух российских часовых ружья и тесаки, и находящегося там флота лейтенанта Цамутали заарестовал, и флаги спустил насильно. Сие учинено было ноября 4 дня в три часа пополудни, а 6 числа того ж месяца чрез присланного офицера все караулы российские с судов и гавани согнаты также силою войск превосходных.

Рапорт флота капитана графа Войновича в оригинале и писем, от графа генерал-лейтенанту Фрелиху, а от него к Войновичу писанных, копии всеподданнейше вашему императорскому величеству подношу. Войски, блокировавшие Анкону, в город и крепость Анконы не допущены и квартиры имеют в Фано и Сенигаллии, флотилия находится в гавани Анконы, фрегат «Казанская Богородица», следуя из Триеста, находится в виду Анконы, а прочие фрегаты состоят еще для исправления в Триесте. О чем всеподданнейше донеся об Анконе и обо всех надлежностях, имею ожидать высочайшей вашего императорского величества конфирмации, что в таком случае повелено будет.

Адмирал Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О СДАЧЕ ФРАНЦУЗАМИ АНКОНЫ АВСТРИЙСКИМ ВОЙСКАМ
И О НЕОБХОДИМОСТИ РЕМОНТА КОРАБЛЕЙ ОТРЯДА
Н.Д. ВОЙНОВИЧА, УЧАСТВОВАВШИХ В БЛОКАДЕ КРЕПОСТИ**

28 ноября 1799 г., корабль «Святой Павел», при Неаполе

О взятые Анконы австрийским генерал-лейтенантом Фрелихом на капитуляцию и об отделении от оной и ото всех надлежностей войск с соединенных эскадр, осаждавших Анкону, какого содержания послано от меня письмо от 16 числа сего месяца к нему господину генерал-лейтенанту Фрелиху с оногo, также с письма от него, мною на первое письмо мое полученного, и с двух еще писем моих к нему, от 21 ноября посланных списки вашему императорскому величеству всеподданнейше подношу. Фрегаты «Нарвархия» («Вознесение Господне»), «Казанская Богородица» и «Сошествие Святого Духа», блокировавшие Анкону, от крепких ветров оказали немалую течь и требуют исправления, почему и дал я повеление флота капитану графу Войновичу, введя их в Анконскую гавань, исправить сколько наивозможно благонадежно. О чем вашему императорскому величеству всеподданнейше подношу.

РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
ОБ ОБСТАНОВКЕ В НЕАПОЛЕ И РИМСКОЙ ОБЛАСТИ,
ПРЕДСТОЯЩЕЙ СДАЧЕ ГЕНУИ И О НАМЕРЕНИИ ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ
АДМИРАЛУ НЕЛЬСОНУ ПРИ БЛОКАДЕ МАЛЬТЫ

13 декабря 1799 г.,
корабль «Святой Павел», при Неаполе

Высочайший именной указ вашего императорского величества от 8 дня сего течения 11 числа я с глубочайшим благоговением получил, в котором изображено, когда из открывающихся в Италии обстоятельств усмотрю я, что помощь флота вашего императорского величества уже более там не нужна, в таком случае, буде Мальта еще не будет взята от французов и скорой оной сдачи не предвидится, то, забрав туда назначенный гарнизон под командою генерал-майора Волконского равно и назначенный для охранительной гвардии королю неаполитанскому [отряд] генерал-майора Бороздина, возвратиться к своим портам, дебаркируя* означенные войска в Одессе.

Всеподданнейше доношу: по уведомлениям известно, Италия от неприятелей почти вся уже освобождена, остается Генуя в блокаде с сухого пути войсками австрийскими, а с моря — отделенною от меня эскадрою под командою вице-адмирала Пустошкина. По письмам, значит, ожидают, что Генуя в скором времени сдастся на капитуляцию. Неаполитанское королевство и область Римская от неприятеля освобождены, но в Неаполе от бывшей прежней революции оказалось великое множество преступников, в том числе множество из знатных особ. Все таковые преступники с начала освобождения Неаполя забраты под караул и содержатся в тюрьмах, над важнейшими из них производят следствия и беспрерывные казни, а некоторые отвозятся морем за границу. По таковым обстоятельствам отчаянные родственники и друзья их предпринимают безрассудную дерзкость; и в последующее время в бытность уже мою при Неаполе двоекратно важные и большие заговоры открыты и виновные забраты под караул. А как мне от его величества короля Обеих Сицилий препоручено было иметь бдение, охранять ото всякой опасности, учреждать и сохранять в нем всякий порядок, тишину и спокойствие, что мною и выполнялось с успехами.

Я предвидел, что к лучшему спокойствию и тишине нужно было бы, ежели то возможно, общее прощение: представил я учтивейшим образом об оном чрез генерала Актона его королевскому величеству. И обещано благосклонно, что оное вскорости последует, но еще не получено. Я при отправлении моем ныне от Неаполя еще напоянул о том письмом моим к генералу Актону,

* То есть высадив войска с судов на берег.

предвидя изо всех усмотрительностей, чем более продолжатся следствия, тем более умножается противников, безрассудно предприимчивых; и по всей справедливости осмеливаюсь всеподданнейше донести, ежели не будет войск вашего императорского величества в Неаполе, королю для охранительной гвардии посланных, Неаполь можно почесть пропавшим, и ничто его защитить не может при таковых неприятных его обстоятельствах. Остров Сардиния всегда состоит в чувствительной опасности, а наиболее от смежности с Корсикою. Мальта и по сие время состоит в блокаде англичанами, контр-адмирал лорд Нельсон письмами своими просил и просит неотступно нашего вспоможения, которое я и исполняю, как уже всеподданнейше имел счастье донести.

В сие время забираю из Неаполя на корабли баталионы под командою генерал-майора князя Волконского третьего, гарнизоном в Мальту назначенные, с ними отправляюсь. Но с давнего времени крепкие и противные ветры препятствуют нашему походу и при первом благополучном ветре иду напервое в Мессину и Агусту, а оттоль войски переправлю в Мальту на эскадре господина вице-адмирала Карцова, дав им все подробные наставления и снабжение всеми потребностями. Я желал со всеми теперь находящимися со мною кораблями действовать против Мальты, но корабли «Св. Павел», «Петр», «Захарий и Елисавет» и «Мария Магдалина» с давнего времени имеют худости и великую течь, которые в случившиеся крепкие ветры весьма умножилась, а особо в корабле «Петр» даже до великой опасности, ибо сии корабли, кроме «Св. Павла», четыре года уже не килеваны, верхняя обшивка съедена червями и местами даже спадывает, в настоящей обшивке пенька в стыках и пазах ослабла. На всех оных четырех кораблях несколько бимсов и других некоторых членах оказались большие гнилости и требуют перемены, на корабле «Св. Павел» ахтерштевень от первой петли кверху весь сгнил и едва только держится. Все оное необходимо и непременно нужно исправить.

Я несколько таковых необходимо надобных лесов беру в покупку из Неаполя на особое судно, и из Мессины или Агусты пойду со оными кораблями в Корфу, и употреблю старание там их исправить, как только надобность и обстоятельства позволят. Фрегаты «Михаил», «Николай» и «Григорий Великия Армении» также с давнего времени не килеваны. Верхняя обшивка, съеденная червями, сгнила и местами спадывает долой, стыки и пазы оказываются некоторые полы, а в других пенька ослабла, оттого происходит в них великая течь. На фрегате «Николай» ахтерштевень сверху до второй петли сгнил, и должно его срубить и приделать новую штуку, на оном и на фрегате «Григорий Великия Армении» по ветхости уже их несколько бимсов и других членов

оказались гнилы и надломившись, потому следуют в перемену. Все сии три фрегата остаются в Неаполе разоружены, исправляются починкою и приготавливаются к килеванию. Исправление означенных кораблей и фрегатов, полагаю я, не прежде окончится, как в апреле месяце; между сего времени, считаю, Мальта может быть взята.

Баталионы под командою генерал-майора Бороздина, королю Обеих Сицилий охранительной гвардиею назначенные, перевозятся из Корфу в Италию в Бриндичи, из Неаполя послан для вспомоществования им всеми потребностями по военным делам министр и кавалер Мишеру, который и будет стараться препроводить их в Неаполь.

В бытность эскадр со мною в стороне Италии морскую провизию на эскадры получаю по необходимой в ней надобности из Мессины и из Неаполя, ибо от Порты Блистательной в присылке ее нет, я просил и повторял мои требования в Морею к тем, которые провианты для эскадр заготавливают, чтобы доставлено было его достаточное количество в Корфу в магазейны и чтобы к приходу эскадры был он там готовым. Из Неаполя же получаемый провиант на их ли счет будет или на наш, представляю в высочайшее благоволение вашего императорского величества; в прочем по необходимой надобности покупаю на эскадру в Неаполе малое количество такелажа; пять или шесть якорей и разных несколько мелочных потребностей. Необходимо надобилась парусина, но здесь в покупку достать не мог и уповаю, что такелаж, паруса и прочие надобности посылаются и скоро будут ко мне из портов Черного моря, которых по уведомлению повеление в Конторы главного командира Черноморских флотов я ожидаю.

Пока корабли и фрегаты будут исправляться в сие время, с глубочайшим благоговением ожидать буду высочайшего вашего императорского величества указа. Когда Генуя будет взята, Мальта также, как уповаю, взята будет, после сего повелено ли будет мне с эскадрами возвратиться к своим портам, как в высочайшем указе мне предписано? В Мальте и в Неаполе по настоящим вышеозначенным обстоятельствам оставить ли войски или их забрать, также остров Корфу и прочие Ионические острова на каком основании должны остаться? Войски, в Корфу назначенные, артиллерийские, под командою подполковника Гастфера ныне туда пришедшие, и баталион, с генерал-лейтенантом Гоголевым прибыть имеющий, останутся ли в Корфу и на других островах, или всех их забрать с собою и доставить обратно? Блистательная Порта Оттоманская и капитан-паша требовали с некоторого уже времени, чтобы я со своею эскадрою шел к Александрии, куда будущей весною и капитан-паша со флотом прибудет, но в рассуждении зимнего ныне времени и означенных обстоятельств

сего выполнить было неудобно, ибо в действия там должны быть сухопутные с достаточным числом войска, а не морские.

Всепопданнейше с глубочайшим благоговением осмеливаюсь просить в разрешение всех сих обстоятельств высочайшего указа вашего императорского величества.

Адмирал *Ушаков*

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ПОЛОЖЕНИИ В НЕАПОЛЕ, БЛОКАДЕ ГЕНУИ
И О СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ С АНГЛИЙСКИМ ФЛОТОМ,
БЛОКИРУЮЩИМ МАЛЬТУ**

*13 декабря 1799 г.,
корабль «Святой Павел», при Неаполе*

Почтеннейшее письмо вашего превосходительства от 2/13 ноября и приложенные при оном высочайший рескрипт и указ Государственной Адмиралтейств-коллегии, тож два письма ноября от 2/13 и от 12/23 октября сего течения 11 числа я получил. Имею честь уведомить в рассуждении рескрипта: Италия почти вся освобождена от неприятелей, остается только Генуя, которая блокирована с сухого пути австрийскими войсками, а с моря отделенною от меня эскадрою под командою господина вице-адмирала Пустошкина. Неаполитанское королевство и Римская область свободны, но в Неаполе через бывшую большую революцию, в которой замешано множество разных людей и преступники забраты в великом множестве и содержатся в тюрьмах, делают им следствие и наказание, а через то, как заметно, более и более приходит все в сумнительство, родственники и друзья их, безумствуя, предпринимают некоторые дерзости, и двоекратно открыты уже заговоры и перерваны. На представление мое от высочайшего двора неаполитанского обещано генеральное прощение, но еще не последовало. Ежели войск наших не будет при Неаполе, то Неаполь наверно пропасть может от худых и наиважнейших последствий.

Мальта в блокаде англичанами. Нельсон неотступно требовал и требует нашей помощи. Предвидя в том необходимую надобность, я спешил туда иттить с эскадрами, забрав назначенные в Мальту три батальона, под командою князя Волконского третьего состоящие. Но противные крепкие ветры весьма давнее время к походу нашему туда препятствуют, а притом корабли «Св. Павел», «Петр», «Захарий и Елисавет» и «Мария Магдалина», будучи весьма давнее время не исправлены, имеют великую течь, за гнилостью требуют перемены нескольких бимсов и в обшивках несколько вставок подкрепления стандарсами и кницами, ибо в

случившиеся крепкие погоды еще несколько их порасстроило больше. Потому сейчас забираю я войска на корабли и со всеми ими иду в Мессину, откуда оные войска переправлю в Мальту, и оную блокировать будет вместе с агличанами вице-адмирал и кавалер Карцов с тремя Балтийского флота кораблями и одним фрегатом. Я сделаю все к тому распоряжения, буду всевозможно помогать.

И войска действовать будут на Мальте против крепостей. Сколько могу наслышаться по известиям, есть надежда, что Мальта сдастся на договоры, когда утеснят ее с сухого пути осадою. Учредя я все к тому потребное и снабдя надобностями, с вышеозначенными четырьмя кораблями из Мессины или из Агусты пойду в Корфу для исправления кораблей. Между тем батальоны охранительной гвардии, к королю неаполитанскому присланные, по прибытии в Корфу оттоль перевозятся в Бриндичи или в Отранто и оттоль сухим путем пойдут в Неаполь. Из Неаполя послан для препровождения и снабжения их министр по военным делам кавалер Мишеру.

Три фрегата — «Михаил», «Николай» и «Григорий Великия Армении» для исправления килеванием состоят в Неаполе, разоружены и приготавливаются к килеванию, потому что чрезвычайную течь имеют, верхняя обшивка, съеденная червями, почти вся с них спала и при исправлении обошьются снова. Корабли «Св. Петр» и «Захарий и Елисавет» также исправления килеванием требуют. Обо всем том, чего требует необходимость и без чего никак обойтись нельзя, буду стараться делать, что необходимо нужно.

Сии исправления не могут кончиться прежде по меньшей мере к апрелю месяцу. Ко оному времени, а может быть и прежде, думаю, Мальта будет взята, а Генуя с часу на час ожидает сдачи. Какие обстоятельства притом откроются и когда во флоте, мне вверенном, большой и необходимой надобности в здешних местах не будет, исполнение учиню сходно с высочайшим предписанием и обо всем, что в сие время происходить будет, вас уведомлять не премину, сходно как в объяснении письма вашего значит.

К Шукри-эфенди послал я письмо и требовал провианта, чтобы как наивозможно доставлено было его большое количество в Корфу. Я писал, чтобы от сего времени не менее как на восемь месяцев, ибо, полагаю я, может быть обстоятельства переменяться и статься может, что бытность наша в здешних краях продлится, и, может быть, в таком случае другие еще действия вознадобятся в пользу Порты Блистательной и в рассуждении Сардинии и Корсики, которые и теперь состоят в великой опасности. Упо-

ваю я, через сие время могу получить еще высочайшие повеления, какие последовать могут.

По письмам вашего превосходительства и по письму ко мне капитана-паши требовалось, чтобы я со всею эскадрою шел к Александрии. Капитан-паша писал, что и он со всем флотом будущей весной будет со мною вместе. Зимнее теперь время, вышеозначенные обстоятельства и что все суда требуют исправления, да и провизии на эскадре почти нет, по сим обстоятельствам я иду в Корфу, там исправляясь, надеюсь получить от государя императора вновь повеление, и что будет предписано, то и исполнять буду. О провизии прошу требовать, чтобы ее достаточно было в Корфу, и непременно она вскорости надобна. Прежде сего писать соизволили, что ее туда доставлять велено на целый год, но в недостатке и по сие время в Корфу почти ничего нет, к Шукри-эфенди посылаю я письмо через Алексиано, чтобы на Корфу доставлено было к нему с нарочным. Я боюсь таковой же участи, как и прошлого года, провиант две эскадры теперь покупают дорогой ценой, эскадра вице-адмирала Пустошкина — в Ливорно, а эскадра капитана Войновича — в Триесте. Как сии великие издержки почтены будут, я не знаю; провианта в наличии нет, да и судов для перевоза оных нет же, ежели не покупать эскадрам в тех местах, то надлежало бы воротиться и быть без действия.

Анкона ныне взята, но такие крайне обидные непристойности австрийским генерал-лейтенантом Фрелихом произведены против наших войск, что бесподобно; я уведомлю вас после обстоятельно, а теперь не успел.

В прочем с почтением моим к вам навсегда имею честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга

Федор Ушаков

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА Г.Г. БЕЛЛЕ
О НАЗНАЧЕНИИ А.А. СОРОКИНА СТАРШИМ МОРСКИМ
НАЧАЛЬНИКОМ В НЕАПОЛЕ И ПРИНЯТИИ МЕР
ПО СОБЛЮДЕНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ И СОХРАНЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ
ЛИЧНОГО СОСТАВА**

19 декабря 1799 г.

За отправлением моим с эскадрою при Неаполе остается старшим на фрегатах флота господин капитан 2 ранга и кавалер Сорokin, под начальством которого и имеет состоять вы со всеми войсками десантными, при Неаполе ныне находящимися, и

исполнение чинить по закону сходно с предписанием от меня господину флота капитану 2 ранга и кавалеру Сорокину.

Имейте наиприлежнейшее смотрение за войсками, вам вверенными, в исправлении их должности о соблюдении строгой военной дисциплины и наилучшего порядка, о сохранении служителей в здоровье. Сделайте наилучшее распоряжение к предохранению оных войск от заразы венерической болезни. Надлежит их как наивозможно удерживать при своих местах и должности безотлучно и иметь за ними строгий присмотр. Все сие полагаю я на ваше благоразумие и прилежность и ревностное усердие по долгу службы.

**Флоповодеу,
политик,
дипломат**

Последний период
военно-морской
деятельности
Ф.Ф. Ушакова.
Анализ результатов
Средиземноморской
экспедиции (1798—1800)
под его командованием.
Уход в отставку

●
декабрь 1799 года —
1817 год

ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.Г. КУШЕЛЕВУ
О ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ ОТПРАВКЕ ТРЕХ БАТАЛЬОНОВ
Д.М. ВОЛКОНСКОГО НА ЭСКАДРЕ ВИЦЕ-АДМИРАЛА П.К. КАРЦОВА
ДЛЯ ОСАДЫ МАЛЬТЫ

29 декабря 1799 г.

Ваше сиятельство, милостивый государь,
граф Григорий Григорьевич!

Я имел честь донести вашему сиятельству от 13 числа сего месяца, что с семью кораблями, двумя авизами и шестью судами неаполитанскими, забрав три гранодирские батальоны, под командою господина генерал-майора и кавалера князя Волконского здесь состоящие, отправлюсь к Мессинскому проливу в Агусту и оттоль оные войска переправить эскадрою господина вице-адмирала и кавалера Карцова, который и будет блокировать Мальту с моря. А войска, в десант высаженные, будут осаждать с сухого берега вместе с войсками аглинскими. Есть надежда, что Мальта по несколькоком сопротивлении должна будет сдаться на капитуляцию.

Я удержан был с эскадрою на рейде Неаполитанском долгое время крепкими и противными ветрами, теперь настают ветры способные, и сего числа я отправляюсь. Когда войска десантные доставлены будут в Мальту, я с кораблями «Св. Павел», «Захарий и Елисавет», «Петр» и «Мария Магдалина» из Мессины или из Агусты пойду в Корфу для исправления, как означено с подробностью в рапорте моем Государственной Адмиралтейств-коллегии, о чем вашему сиятельству сим донести честь имею.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ
О НАПРАВЛЕНИИ ЕГО ЭСКАДР К МЕССИНСКОМУ ПРОЛИВУ,
О ПРЕДСТОЯЩИХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПО ОВЛАДЕНИЮ МАЛЬТОЙ
И О СОСТОЯНИИ СУДОВ**

20 декабря 1799 г.

Три гренадерские батальона, состоящие под командою генерал-майора князя Волконского 3-го, назначенные именным высочайшим его и[мператорского] в[еличества] повелением гарнизоном в Мальту, прибывшие в Неаполь, забрал я на вверенные мне эскадры, и сего числа с семью кораблями, двумя авизами и шестью неаполитанскими судами из Неаполя отправляюсь к Мессинскому проливу и в Агусту, а оттоль оные войска доставлены будут на эскадре вице-адмирала Карцова и на означенных транспортных судах в Мальту для осады и взятия оной вместе с аглинскими войсками, там находящимися. Вице-адмирал Карцов с эскадрою, ему вверенной, будет находиться при блокаде Мальты, а я с кораблями «Св. Павел», «Захарий и Елисавет», «Петр» и «Мария Магдалина» из Агусты имею следовать в Корфу по необходимости для исправления оных кораблей починками. Фрегаты «Михаил», «Григорий Великия Армении» и «Николай» остаются для исправления килеванием в Неаполе, которые разгружены и начинают уже исправления, ибо все они имеют чрезвычайную течь.

Фрегаты «Навархия» («Вознесение Господне»), «Казанская Богородица» и «Сошествие Св. Духа», под командою флота капитана 2 ранга графа Войновича при блокаде Анконы находившиеся, остаются там для такового ж исправления от великой в них течи и многих гнилостей, которые состоянием больше ветхи, нежели вышеозначенные фрегаты. Вице-адмирал Пустошкин с двумя кораблями и двумя авизами находится при блокаде Генуи, корабли «Богоявление Господне» и «Св. Троица» — в Корфу, где исправлены они килеванием и верхней обшивкой обшиты вновь.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА М.М. БОРОЗДИНУ
С ПРИКАЗАНИЕМ ОЖИДАТЬ ПРИБЫТИЯ ЭСКАДРЫ В КОРФУ**

*25 декабря 1799 г.
Секретно*

По обстоятельствам надобностей высочайшим именным его императорского величества указом, мне повеленным, спешу я посылкою с нарочным к вам судном предупредить, ежели вы с вверенными вам батальонами, назначенными для охранительной гвардии его величеству королю Обеих Сицилий, из Корфу еще не отбыли, предписываю вашему превосходительству остаться со

онными в Корфу и ожидать там моего с эскадрою прибытия. Я за сим же отправляюся отсель судном иду в Корфу для исправления судов и для выполнения после того данных мне повелений.

Ежели ваше превосходительство из Корфу хотя и отправились, но буде сие повеление получите, будучи еще на море, или по высадке вашей в Бриндичи или Отранто на берег, и ежели еще суда, войски с вами перевозимые, оттоль не ушли, возвратитесь на оные и извольте следовать обратно в Корфу и там ожидать моего прибытия. Но буде за всем тем сие повеление получите, перешед уже сухим путем большое расстояние, и буде суда, вас перевозимые, оттоль уже ушли, в таком случае по необходимости должны вы итти к Неаполю и там ожидать моих повелений к возвращению в Корфу. Весьма желательно, чтобы без излишних затруднений сие могло окончиться скорым вашим возвращением в Корфу.

P.S. Сие повеление мое содержит, ваше превосходительство, в секрете и не говорите, иначе как только, [что] баталионы отправлением из Корфу велено обождать. Министру же неаполитанскому по военным делам господину кавалеру Мишеру, который из Неаполя отправился для вспоможения войскам вашим походом в Неаполь, дайте знать, что вы получили от меня повеление отправлением вашим из Корфу обождать, и учтивейшим образом отзовитесь к нему об оном с тем, что вы имели повеление туда следовать, но получили вторично другое повеление, почему первое, полученное вами, к остается отменено.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА А.Я. ИТАЛИНСКОМУ
ОБ ОТМЕНЕ ПОХОДА НА МАЛЬТУ И О СЛЕДОВАНИИ
К ЭСКАДРОЙ В КОРФУ ДЛЯ ИСПРАВЛЕНИЯ КОРАБЛЕЙ**

*25 декабря 1799 г.
Секретно*

Милостивый государь мой, Андрей Яковлевич!

По прибытии вашем из Неаполя в Палермо оттоль получил я почтеннейшее вашего высокородия письмо, в котором значилось: получили вы два большие конверта письменных дел и переслали оные в Мессину к моему получению. По прибытии ныне моем в Мессину получил я один только большой конверт и особо почтеннейшее ваше письмо, за которое и благодарю покорнейше. Но по первому письму вашему, надлежало быть два большие конверта. Как и кем из них один утрачен, не знаю, а замечаю тут быть должно весьма важным письмам, чрез Константинополь и Корфу присланным. Прошу покорнейше еще уведомить меня, два или один конверт вами пересланы были в Мессину. Ежели были два, то где и от кого я могу отыскать последний. В некоторых письмах упоминают о разных ко мне делах, о таковых, каких я не получил, да и кредитивов на большую сумму денег из Константинополя я

не получил, а пишут, что от барона Гибша ко мне они посланы; не знаю, не в евтом ли конверте они были. Прошу об оном обстоятельно меня уведомить.

Я весьма бесподобно сожалею, что дела наши и приготовления в рассуждении Мальты расстроились, и, так сказать, все труды пропали. Я надеялся соединенно с англичанами взять ее непременно, но означенные в письме обстоятельства воспретили. Крайне сожалею и о том, что не мог устоять в условию с господином контр-адмиралом лордом Нельсоном и господином Болом. Я весьма желал содействовать с ними вместе, но усмотреть соизволите, что все дела наши зависят от воли высочайшей. Есть известие, что к графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому давно уже посланы таковые ж высочайшие повеления. Пишут, что будто и уехал в Петербург, а войска наши начинают возвращаться в Россию. При отъезде вашем из Мальты желательно, буде необходимо нужно с кем говорить, сказать, что я с эскадрами иду в Корфу для исправления повреждений кораблей от большого шторму, а при том имею к исполнению требования Блистательной Порты с эскадрами соединенно иттить к Александрии и что к тому приготавливаюсь действительно справедливо; Блистательная Порта неотступно сего требует, а на чем решатся последние обстоятельства, и сам еще неизвестен. Засим, свидетельствуя истинное мое почтение и преданность, с каковым имею честь быть.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О ПЛАВАНИИ КОРАБЛЯ «СВЯТОЙ ПЕТР» ПОД КОМАНДОВАНИЕМ
КАПИТАНА I РАНГА Д.Н. СЕНЯВИНА ИЗ НЕАПОЛЯ В МЕССИНУ**

31 декабря 1799 г.

Корабль «Св. Петр» по имевшейся в нем немалой течи из Неаполя отправился в Мессину декабря 14 числа, предупредительно выхода эскадры в надежде скорее успеть приттить в закрытое место от ветров, в гавань. По приходе моем 25 числа декабря в Мессину командующий оного флота капитан и кавалер Сенявин рапортом донес: во время походу его к Мессине 17 и 18 чисел случились весьма крепкие ветры и волнение, а особо когда проходил остров Стромболи при NW и W ветрах. При продолжавшихся великих шквалах, при взятии рифов, все три марселя изорвало, остался он под одними нижними парусами. Ветр сделался самый противный, прямо на калабрийский берег, так что никак от оно-го отойтить не мог, и корабль уклонило к местечку Баньяра, где принужден был остановиться на двух якорях, из которых в ночное время один подорвало. Тогда положил он последний якорь, с ком прудрейфовало корабль к каменистому месту, и когда было расстоянием не более 10 сажен от оно-го, тогда якоря задержали.

19 числа послан был от него на берег катер с тонким концом закрепить кабельтов с кормы в правую сторону, который успел то сделать вскорости. В девятом часу послан был от него на берег барказ также с тонким концом — закрепить кабельтов с кормы ж несколько далее, который, не дойдя до берега, покрыло волнением и вскорости сбросило на берег и разбило на мелкие части. С оного 10 человек матросов потонули. Весь тот день ветр дул чрезвычайно, прямо на берег, и корабль был в отчаянном положении. С полуночи начал стихать, и 20 числа поутру сделалось попутное маловетрие, при котором снялся он с якорей и прибыл в Мессину 21 числа в девятом часу пополудни благополучно. О чем сим всеподданнейше доношу.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА А.А. СОРОКИНУ
О РЕМОНТЕ ФРЕГАТОВ И ОТПРАВЛЕНИИ С НИМИ
В КОРФУ ДЛЯ СОЕДИНЕНИЯ С ЭСКАДРОЙ**

*11 января 1800 г.
Секретно*

Предписываю вашему высокоблагородию все наивозможнейшие способы и прилежность употребить, ка[к] наискорее фрегаты, вам вверенные, [испр]авить килеванием, буде возможно. Сие ... исполнить в скорости, но буде усмотрение, что это будет весьма продолжительно, [отпр]авьте оные фрегаты вы все три... отняв верхнюю обшивку, столько, сколько можно, их наклонить, хорошо оконоба [ти]ть, гнилые и ненадежные члены переменить новыми и потом нагрузить их и вооружить как следует. И по исправлении сего немедленно с ними отправиться и следовать в Корфу ко мне в соединение, о чем я высочайшее предписание имею — все эскадры соединить в одно место.

Наиболее старайтесь о тех фрегатах, с которых обшивка от червоядия спадывает, наклонить их машиною сколько можно больше, хотя не до кия, как только будет возможно. Я почитаю, такового исправления будет для них довольно и оно поспешне, но буде успеите которые, то можете и килевать, но отнюдь исполнением вашим не замедлите, ибо в марте месяце около половины должно вам быть в Корфу, так и располагайтесь. Войска российские все без остатка извольте забрать на эскадру, даже и больных всех забрать с собою, разве одних трудных только там оставить. Я предписал господину вице-адмиралу и кавалеру Пустошкину зайти в Неаполь, взяты сколько следует провианту и прочие потребности, к нему следующие. Может быть, ежели вы к тому времени будете готовы, желательно, [чтобы вы] следовали с ними же вместе в Корфу.

Я с эскадрами в числе семи кораблей и одного фрегата 8 числа января прибыл в Корфу и начинаю исправление кораблей. На

случай же, ежели вы прежних моих повелений не получили, сие посылаю дубликатно к исполнению господину вице-адмиралу и кавалеру Пустошкину. Предписал я, когда придут с кораблями в Неаполь, забрать на оные из обоза, оставленного в Неаполе от трех батальонов команды князя Волконского 3-го все, что только можно поместить на корабли, также и служителей оных батальонов, ежели которые выздоровели от болезни, и тех, которые при обозе, забрать же и доставить в Корфу. А чего на оные корабли забрать не можно, дал бы повеление вам, когда вы с фрегатами оттоль пойдете в Корфу, начисто все достальное забрали бы вы с собой на фрегаты, не оставляя там морских и сухопутных служителей ни одного человека, и весь достальной обоз и экипаж их без остатка, о чем и вам предписываю по сему исполнить непременно.

Старайтесь как возможно скорее поспешить исправлением фрегатов и следовать с оными в Корфу для выполнения высочайшего повеления. По моему мнению, довольно бы фрегаты исправить большим креньгованием, и оную часть обшить вновь, и как можно скорее поспешить быть ко мне в соединении. Ежели габара «Валериан» по сие время еще не отправилась из Неаполя, погрузите также на нее все, что только возможно из обоза князя Волконского. Как можно скорее леса, в привоз на габаре назначенные, их доставить сюда, хорошо бы больш их бимсов до пяти сверх тех, которые в ведомости, доставить.

Дорогою мы претерпевали чрезвычайный шторм, и много повреждение прибавилось, и нимало исправлений требуется. Повторяю: буде габара еще не ушла из Неаполя, погрузите на нее сколько возможно из обоза и отправьте. Ежели что можно, разные фуры и прочее, разобрать и уместить, а чего не можно разбирать, так как только возможно, очень нужно до крайности, чтобы скорее габара сюда пришла с лесами, как можно поспешите ее отправлением. Ежели прежние повеления мои к вице-адмиралу Пустошкину, к вам или к агенту Манзо дошли и буде отправлены туда верно и надежно, что точно к нему дошли, в таком случае ныне посылаемый к нему мой ордер удержать у себя до его прибытия в Неаполь, но я рассуждаю за лучшее приложить здесь. Еще особый таковой же ордер к нему, из них отправится один в Ливорно к Каламаю, чтобы доставить к нему, а другой удержите у себя до его прибытия и о получении оных тотчас, нимало не медля, меня уведомите. Также уведомите, ежели есть вновь какие известия о военных действиях или о прочем о чем, что известно. И впредь как можно чаще рапорты ваши ко мне посылаете чрез губернатора, в Апулии находящегося, то есть чрез Отранто или Бриндичи. Господин Манзо чаще получает сведения и разные известия, требуйте и от него ко мне уведомления.

ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА П.В. ПУСТОШКИНУ
С ТРЕБОВАНИЕМ НЕМЕДЛЕННОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ В КОРФУ
СО ВСЕМИ ВОЙСКАМИ ДЛЯ СОЕДИНЕНИЯ С ЭСКАДРОЙ

11 января 1800 г.
Секретно

От 16 числа декабря я послал ордер мой к вашему превосходительству, уведомляя вас о высочайшем данном мне повелении, когда по открывающимся в Италии обстоятельствам не предвижу более надобности быть в сих местах с эскадрами, мне вверенными, возвратиться в Черное море к своим портам. Ныне получил вторично высочайший именной его императорского величества указ, забрав эскадры и войска, мне вверенные, со оными возвратиться в Черное море к своим портам.

Предписываю вашему превосходительству по получении сего, нимало не медля, с эскадрами, вам вверенными, возвратиться в Корфу, где, исправляя корабли починкою, вас ожидать буду. Пошлите повеление ваше в Сардинию в Кальяри к командующему поляки «Экспедицион» флота лейтенанту Македонскому, чтобы он, нимало не медля, непременно шел в Корфу к эскадре в соединении. Соблаговолите сие повеление содержать в глубоком секрете.

Господину лейтенанту Македонскому нет надобности объяснять об оном, а только велеть следовать в Корфу. Таковых повелений пошлите к нему два или три дубликатных, дабы хотя одно дошло к нему верно; возвращаясь от Генуи, соблаговолите зайти в Неаполь, взять там потребное число вам провианта и прочие надобности, как прежним повелением предписано.

Я с эскадрами в числе семи кораблей и одного фрегата 8 числа января прибыл в Корфу и начинаю исправление кораблей.

На случай же, ежели вы прежних повелений моих не получали, сие посылаю дубликатно. Когда придете с кораблями в Неаполь, соблаговолите, ваше превосходительство, на оные забрать из обоза, оставленного от трех батальонов команды князя Волконского 3-го, все, что только можно поместить на корабли, также и служителей оных батальонов, ежели которые выздоровели от болезни. И тех, которые при обозе, забрать же и доставить в Корфу. А чего забрать не можно, дайте повеление фрегатским командирам, когда фрегаты отоль пойдут в Корфу, начисто все достальное забрали бы с собою, не оставляя там морских и сухопутных наших служителей ни одного человека, и весь достальной обоз, и экипаж, и их без остатка.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА ЛЕЙТЕНАНТУ Н.А. ТИЗЕНГАУЗЕНУ*
ОБ УЧРЕЖДЕНИИ НА ОСТРОВЕ ЗАНТЕ КОМИССИИ ДЛЯ КОНТРОЛЯ
ЗА РАСХОДОВАНИЕМ ОБЩЕСТВЕННЫХ СУММ**

2 февраля 1800 г.

По неоднократно доходившим и ныне доходящим ко мне сильным жалобам Ионического сената на правительство острова Занте о невыполнении им многих сенатских повелений и особливо о недаче по сие время аккуратного расчета в их денежных расходах с самого освобождения острова от французов, чрез что сенат не в состоянии иметь вкупе общую казну республики и располагать оную для общей пользы, аккуратную поверку островским издержкам удобнее можно учинить в самых островах людьми, преисполненными патриотизма, и сведения во учинении тех счетов. А потому и предписываю вашему высокоблагородию в бытность вашу на острове Занте учредить для помянутых счетов комиссию из людей, достоинствами и способностями к счетам отличных, дабы оные, сочиня как приход, так и расход островской с самого освобождения острова Занте россиянами от французов, и всех тех, ежели окажутся похитителями казенных денег, представить ко мне при рапорте вашем с нужным уличением их в похищении.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О НЕДРУЖЕЛЮБНЫХ АКТАХ ТУРЕЦКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО
КОМАНДОВАНИЯ**

*2 февраля 1800 г.,
корабль «Святой Павел», при Корфу*

С крайним удивлением получил я письмо вашего превосходительства от 3(14) января, означающее претензию капитан-паши в рассуждении салютов равным числом. Требование его противно общественным правилам всего света, чтобы он отвечал меньшим числом военным нашим судам, нежели они салютуют, чего ни одна нация и никто не делают. И я всем турецким военным судам, каждому, кто салютует мне, отвечаю равным числом выстрелов, ни же мыслил когда не соответствовать законному положению. Чрез таковое неудовольствие принял он на себя низкость с обидою мне делать вздорные и неприличные поносные нарекания и принял в покровительство свое человека вздорного и несправедливого, каков есть Патрон-бей.

* Лейтенант Н.А. Тизенгаузен после занятия острова Занте был назначен комендантом этого острова и представителем русского морского командования для наблюдения за правильностью действий органов самоуправления острова.

Я хранил всегда существующую дружбу между нациями, никогда не хотел писать о чрезвычайных худых поступках Патрон-бея, буйстве и подлостях; сколько много на него ко мне жалоб доходило обывательских, даже терпения не доставало; в столь подлые дела он вдавался, что сбунтовались служители флотские и не пошли дальше на действие. По всей справедливости он этому причиною, когда дела его на берегу чрезвычайно худы были, люди его били обывателей до смерти, даже на самой площади; обыватели доведены были до генерального даже возмущения, принуждены были защищаться. Один отец взрослого и хорошего мальчика, обливаясь слезами, привел ко мне на корабль и, упав к ногам, неотступно просил защиты и покровительства, что жить сему мальчику на берегу никак не можно от дерзостей и гонения Патрон-бея, даже в жизни его [он] был отчаян от его угроз за то, что ему в подлых намерениях его не повиновался, и чтобы я в защиту его сохранил у себя на корабле.

Не могучи я больше перетерпеть подобных худостей, объяснил обо всем оном Кадыр-бею и при нем на его корабле выговорил все это Патрон-бею, с тем чтобы он унялся и чтобы тотчас с берегу переехал на корабль. С того времени начал он делать возмущение между людьми, чтобы не шли больше в поход, и сам многократно отзывался, что он не пойдет. Но я усовестил всех их, что неприлично и худо ему будет за непослушность. Тогда же хотел на него писать, но все это примирено, и пошли все вместе в Мессину.

Когда я делал совет с Кадыр-беем и согласно положили мы иттить вместе в Палермо и в Неаполь, Патрон-бей и тут заупрямился, и прислано мне сказать, что он и некоторые капитаны не хотят иттить, чрез то и поход их отменяется. Я в другой раз приехал на корабль к Кадыр-бею и требовал позвать их в собрание. Еще сделал им объяснение, что я представлю на него именно и на капитанов Блистательной Порте Оттоманской. Тогда переменили они свой голос и начали говорить, что они идут, но служители не слушают, а служители начали сие по поощрению, от них слышанному. После, как кажется, хотя и старались они служителей приводить в порядок, но те не хотели уже слушать никого. Едва мог я согласить, что пошли они вместе с нами в Палермо, а там уже приняли поводом тот случай, что подрались на берегу и будто бы под тем неудовольствием и люди, объясняясь, как я к Порте Блистательной о том представил, долговременною бытностью своею на море. Но и тут явно заметна была пронюхливость Патрон-бея, что он тут руководствовал, хотя видом показывал другое, но все это по его замыслу и для того только, чтобы отделить Кадыр-бея от начальства и изыскать командование эскадрою себе, что я не хотел ни об чем неприятном писать и объясняться, а писал всегда

то, чтобы было приятно Блистательной Порте для сохранения и утверждения дружбы, существующей более и более.

Трофеей мой делил я с ними все пополам по той же существующей дружбе для утверждения, но мало бы им досталось, ежели бы я делил по действиям, кто что сделал, это всему свету известно. К сожалению, капитан-паша входит в такие низкости и расчеты неприличные и наносит несправедливыми нареканиями обиду верной и усердной моей службе, не ожидал бы я от него таковых неприятств, я мыслил всегда с ним подружиться и когда-либо случится — действовать вместе против неприятелей.

Пушек никаких вновь нами в Корфу не брато, кроме тех, о которых вам из переписки моей известно, которые взяты на российскую и турецкую эскадры в перемену негодных, испортившихся при действиях. В числе оных переменены у меня на корабле шкапачные малые пушки. Затем пять полевых маленьких пушек взято ко мне на эскадру вместо тех, которые, когда атаковал я батареи острова Видо, тогда бывший за кормою у меня барказ с пушками для десанта с батареей разбит и утоплен, и тут пять пушек моих пропали. Также маленькие только полевые пушки малым числом браты на эскадры, от меня посланные для десантных войск на Италию в разные места, а для интересу ни одна пушка никакая к нам не взята, но на турецкую эскадру, напротив, не только маленькие пушки брали соответственно, даже точно для интересу только с острова Занте взяты весьма большие тяжелые две медные пушки, мортиры и гаубицы, и сверх тех, которые на корабли их взяты из Корфу в перемену своих негодных.

Патрон-бей тихим образом взял несколько пушек, что после при отыскивании их и нашлось справедливо. По его приказанию с острова Лазаретского почти всю артиллерию увезли, одну пушку взяли с острова Видо, бомбардирское судно, которое [я] взял под островом Видо, и мне совершенно оно надлежало, я упражнялся в делах военных, а они его увели; оно снаряжено было весьма большими шестью медными пушками и одной большой мортирою. Все это сняли они к себе, переменяли и поставили на него маленькие пушки, а напоследок без позволения моего увели его с собою. Французский фрегат «Бруни» со всею полною артиллериею, со всем грузом и со всеми припасами, вооруженный остался у них в их руках. И все, что мы взяли при Корфу, они, так сказать, нахальством вытребовали от меня, называя всякое судно турецких подданных, и все взяли к себе и раздали грекам, назвавшимся хозяевами, думаю, не без интереса. Мне ни одного судна не осталось, и я не имею. Взят был затопший в бою от наших кораблей корабль «Леандр», оный мы отличили, исправили и снабдили, и напоследок, исполняя высочайшее повеление, отдан он англичанам.

Товарищи мои делали привязку и к последним трем судам, какие только у меня есть, которые взяты нашими кораблями в море, и особо из них о двух худых и не значащих ничего судах, о коих вы пишете: объявляет Патрон-бей, будто подняты были на них турецкие флаги, взяты они были от разбойников флота капитаном Алексаном, а последнее, третье, такое же маленькое и ничего не значащее судно — французская военная поляка «Экспедицион» крейсировала в заливе Венецианском, грабила суда, а напоследок пришла из Анконы в Корфу с письмами и с малым числом провианта, она взята в плен нашими кораблями. И это самое судно бесстыдно стараются от нас отнять, приислав на него одного бездельника грека, которого следовало бы жестоко наказать.

Из сего объяснения ясно видно: все, что было при крепостях, взяли они, а у нас ничего нет, и они же недовольны. Напоследок касательное о деньгах в Занте и Кефалонии, сколько взято нами из доходов островских, принадлежащих тогда французам. Оные разделены: половина осталась в казне у нас, и столько же отдано и принял Кадыр-бей. В острове Корфу, сколько таковых же из доходов французам надлежавших было денег, во время атаки доставляли их на нашу эскадру. И как турки ни в каких работах нам не помогали, все батареи, сколько их было, в самое жестокое, худое, дождливое и грязное время все работы производили наши одни служители, великим числом находясь при оных и при содержании батарей непрерывно, всякий день передельвали и починивали станки, леса доставали весьма в отдаленных местах, рубили и переносили их на себе. Словом сказать, служители наши замучены были в непрерывных работах, а турки только зрителями [были], ни один из них ни за топор, ни за кирку, ни за лопату не принялись. Служители мои все были ободраны, обувь и платье — все, так сказать, на них исчезло, на эти деньги купил я им капоты и обувь и тем сохранил их в здоровье, и они чрез то удержали батареи. Не низкость ли начальников турецких вступаться и злословить такими неприличностями! Кто взял Корфу, кроме меня?! Я честь им только делал и делаю для сохранения и утверждения дружбы.

Я с моим кораблем, не говоря о прочих, при взятъе острова Видо подошел ко оному в близость вплоть к самому берегу и стал фертоинг против двух самых важных батарей, имеющих в печках множество приготовленных каленых ядер, на малый картечный выстрел от оных, и с помощью моих же нескольких фрегатов, около меня ставших, оные сбил, защитил фрегат их, который один только и был близко батарей, не успев лечь фертоинг, обратился к батареем. Турецкие корабли и фрегаты все были позади нас и не близко к острову. Ежели они стреляли на остров, то чрез нас, и два ядра в бок моего корабля посадили с противной стороны острова.

Все я описал в реляции инаково для чести Блистательной Порты, для сохранения и утверждения более и более между нами дружбы.

Ежели капитан-паша или другой турецкий начальник таким образом возьмут боем подобную крепость Корфу, чтобы они с нее не взяли, не только по крайней нужде без интереса, ежели бы и интересовались, и тогда ничего я бы им не сказал, кроме похваляя бы их дела и более еще имел бы с ними дружбу. Но вместо этих денег, которые я употребил на покупку людям капотов и обуви, в острове Корфу на берегу близко деревни Аптоамо, у пристани Соленых Озер были два превеликие бунта соли, покрытые черепицею, и одна магазейна, насыпанная полная. Турки расположились около их, сделали торг по приказанию начальников и все их распродали, и я оставил им все это на их волю, взамену вышеозначенных денег. Сия продажа соли более стоит, нежели те деньги, сколько ко мне доставлено. Словом, я не интересовался нигде ни одной полшкою и не имею надобности.

Всемиловитейший государь мой император и его султанское величество снабдили меня достаточно на малые мои издержки. Я не живу роскошно, потому и не имею ни в чем нужды с моей стороны, и из того отделяю на расходы бедных и к приветствию разных людей, которые помогают нам усердием своим в военных делах. Не имею этой низкости, как злословит на меня разговорами своими капитан-паша, потворствуя, можно сказать, человеку, действительно по справедливости должествующему быть наказану наижесточайше. Я, оказав достаточную услугу Блистательной Порте Оттоманской, за низкость почитаю что-либо подобное писать ко оправданию, но пишу сие ко обличению дерзости и худого поведения Патрон-бея. Прошу ваше высокопревосходительство обо всем оном объяснить кому следует при Блистательной Порте Оттоманской. Какие с островов или в призах, и сколько где мною получено денег, и на какие издержки употреблено оных, обо всем оном рапортовано от меня государю императору, что я о приходе и расходе оных имею шнурованную книгу, и полный отчет дам во всех моих делах Государственной Адмиралтейств-коллегии.

В заключение всего вышеозначенного прошу ваше превосходительство кому следует при Блистательной Порте объявить и то, что при всех действиях и при взятые всех островов кораблей русских имел я вдвое противу их, а все трофеи разделил с ними пополам. Не довольно ли этого для их уважения, ежели они и того не чувствуют, кто бы мог думать после этого о злословиях капитана-паши противу меня, столь усердствующего в их пользу для сохранения и утверждения дружбы, существующей между нациями.

В прочем с наивсегдшним моим почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Федор Ушаков

ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О НЕЗАКОННОМ ТРЕБОВАНИИ ТУРЕЦКОГО ПОДДАННОГО
НИКОЛО КИРЬЯКО О ПЕРЕДАЧЕ ЕМУ СУДНА «ЭКСПЕДИЦИОН»

2 февраля 1800 г.,
корабль «Святой Павел», при Корфу

Милостивый государь мой, Василий Степанович!

Письмо вашего превосходительства, ноября 18(29) дня писанное, и приложенное при оном прошение, поданное к вам [от] турецкого грека Николо Кирьяко, я получил. Рассматривая оные, удивляюсь чрезвычайному бездельничеству этого человека. Он проискал только вклепывается в судно, взятое нами от французов, вооруженное медными маленькими пушками, под французским военным флагом и вымпелом бывшее в крейсерстве в Венецианском заливе, а после при самом взятии Корфу, когда уже мы входили во оную к крепостям по капитуляции, в тот самый момент пришло оно из Анконы с письмами и с малым числом провианта для Корфу и взято нашими кораблями, а никем другим, от французов: в Корфу его не было и во все время, сколько я был при блокаде Корфу, никогда сюда не приходило.

Бездельничество только одно предпринимает этот человек, никогда он ко мне не являлся прежде, пока после взятия Корфу Кадыр-бей и его товарищи вытребовали от меня все те суда, сколько их было при Корфу, все назвали их подданных и просили из дружбы возвратить. Я сделал им уважение: по правде и не по правде все те отпущены, которые были при Корфу. Но оное маленькое изо всех судно, именуемое поляка «Экспедицион», взятое нами от французов, бывшее под парусами, в плен, а не «Мадонна де бон консилио». Этакого судна у меня нет, и такого, которое он описывает, будто стоит тридцать тысяч пиастров, это судно, какое он описывает, должно быть весьма большое. А это, которое мы взяли от французов, трехмачтовое суденышко величиною точно такое, как бывают небольшие кирлангичи, и четвертой части этого не стоит, что он пишет. Следовательно, это судно не его, его судна мы не видали, и я об оном не знаю, так как и его и знать не хочу.

Что взято от неприятеля призом, то есть приз. Он по тем видам, что мы отдали все те суда, как выше означено, которые были при Корфу, вздумал воспользоваться этим судном и чрез долгое время, когда уже Корфу была взята, явился ко мне с просьбою, называя это судно своим. Я ему в нем отказал наотрез с негодованием, что он ищет пустого и неследующего, что это судно призовое, взятое из крейсерства под военным флагом, гойсом и вымпелом с французскими, и капли на нем ничего не было, кроме французского экипажу, и не отдам его никому ни под каким ви-

дом. Он предпринимал разные бездельничества и искал чрез Кадыр-бея. Я и тому отказал и просил его, чтобы он напрасно в эти дела не вступался, ибо это судно взято нами особо и к общему разделу не надлежит.

Они могут составить разные свидетельства напрасные, но я их не принимаю, что есть совершенный приз, то должно в призе быть. Они столь бесстыдны, что хотели бы начисто все от нас отнять, что только мы не взяли, всего начисто. У меня только три призовых этаких маленьких судов. Это, что называется, поляка «Экспедицион», другое — шебека «Макарий», старое, ветхое и почти негодное ни к чему судно, третье — брик «Александр», двухмачтовый. Оба последние взяты флота капитаном Алексиано корабля «Богоявление» от разбойника, который грабил всех наций в Средиземном море, и он есть из острова Сардиния. И об этих двух судах турки претендуют, это те самые, об которых вы писали, будто подняты были на них турецкие флаги, и что мы ими овладели. Напротив сего уведомляю ваше превосходительство: у меня кроме этих трех, ничего не значащих судов, призовых ни одного нет и не осталось, все начисто суда турецкие начальники вытребовали. Я их отдал, сохраняя только дружбу. Может быть, они свой авантаж тут имели, но я и того не разыскивал, имея это поощрение, и достальных они требовали, которые им никак уже не принадлежат.

На мою часть оставлен был корабль «Леандр», оный отдан англичанам по именному повелению, а Кадыр-бей оставил у себя французский фрегат «Бруни» со всей полной артиллериею, припасами и снарядами, вооруженный и совсем готовый. Сверх оно-го взятое моей эскадрою под островом Видо и мне принадлежащее бомбардирское судно с мортирою и большими медными пушками, о котором я прежде уже и писал, то самое, которое бесстыдно понапрасну требовал Али-паша, и это судно — Кадыр-бей снял прежде с него большие орудия к себе на эскадру, поставил маленькие пушки и посылал в Бриндичи с канонирскими лодками с тем, что хотел мне его возвратить, но и то увел с собою.

Суда, какие фрегаты и корветы брали в призы, я в них никогда не мешался и слова им не говорил. Они продавали все, как хотели. А от нас, ежели можно, так бы они в состоянии нашлись собственное наше все требовать себе, столько их поступки бесстыдны, и даже сносить терпения не достаёт. Просителя Николо Кирьяка я даже несчетно несколько раз ссылал с своего корабля, а он теперь вновь зачинает и наводит вам беспокойство. Я прошу, чтобы его приказано было нечестию укротить в таковых неприличных требованиях. Не мудрено, что по вышеописанным объяснениям могут Кадыр-бей или кто другой вступить в протекцию. Но я имею свое настоящее право: что взято нами французское в

приз, то нам надлежит. И его столь знатного и дорогого судна во-все не знаю, а это самое маленькое французское и ничего не значащее и называется поляка «Экспедицион», следовательно, совсем не то и не его, а я его не отдам. Все эти три судна призовые, рапортованы от меня и государю императору, где и когда и как они взяты, и переменить этого никак невозможно и не намерен.

В прочем с наивсегдашним моим почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ВРАЖДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЯХ КАПЫДЖИ-БАШИ**

*2 февраля 1800 г.,
корабль «Святой Павел», при Корфу*

Милостивый государь мой, Василий Степанович!

Письмо, которое изволили писать к господину генерал-майору Бороздину в рассуждении объяснений с находящегося здесь капыджи-баши* по его отзыву Блистательной Порте, я оное рассматривал, имели мы конференцию, призывал я в особый дом на берегу капыджи-баши, объяснился напервое с них о дружбе, существующей между нациями, и что я всегда всеми возможностями стараюсь утвердить и подкрепить ее более и более.

Все, что я здесь застал в небольшой расстройке, успокоил совершенно и привел в порядок, доставив ему всякое удовольствие с отличною ласкою. Войска Блистательной Порты, даже и вновь пришедшие, — все велел впустить в главную крепость, и расположены, как им хотелось. Словом сказать, все, что только от меня зависит, сделано, не мешаясь в надлежности**. Дом, который был готовлен для меня и всегда хранился, ему отдан, и я его оттоль не потревоживал, хотя, имея надобность, пока исправляться будет корабль по невозможности быть на оном поместиться на берегу, и взял себе маленький вне крепости, ничего не значащий. Между всеми благоприятностями моими после объяснения оных обличил я его по его письму во всех неправдах, какие он писал на здешнее место и на русских Блистательной Порте. И принужден он почти во всем признаться, что по торопливости тогда он, не справясь ни об чем верно, так писал. Вы и сама Порта Блистательная ясно усмотрите из его объяснения всякую неправду, она и там видна и доказана, чего нет, и чего быть не может. Касательно

* Капыджи-баши — турецкий придворный чиновник, исполняющий обязанности кабинет-курьера.

** Так в документе.

до дому — не скоро ему дан потому, что он требовал лучший дом в крепости из генеральных двух домов, и оный дом, который ему отдан, хранился для меня, когда я возвращаюсь для исправления кораблей. Никто прежде сего не думал, чтобы его потребовали, потому всякий опасался к отдаче приступить и отказавшись. А по прибытии генерал-майора Бороздина тотчас ему отдан, но прежде, что надобно было, старались его поправить и приготовить. Этой учтивости и уважения он не уразумел.

Прочее начисто описание его все несправедливо, и ни в чем малейше оправдаться он не мог. По сим обстоятельствам, как Блистательная Порта сама неправды его усмотреть тотчас может, и по всем прочим его поступкам заметил я, что он больше способен нарушать дружбу, а не сохранять, даже и против меня не сохранил он надлежащей учтивости, не только против других. Он у меня был с визитом, принят весьма ласково, а когда я в соответствии был у него, со мною был генерал-майор Бороздин и много первых по нас чиновников, после нескольких разговоров об учтивостях, когда я пошел вон от него, предупредя его сведением, что я иду, я заметил, что он при провождении моем не встал. Тотчас я, воротясь, велел ему об оном сказать, что я за его неучтивость против меня представляю и потребую удовольствия. И за всем тем по всем видимостям замечаю, кто-нибудь его нарочно настроил, чтобы поступать и писать несправедливо и не так, как что есть, а клонящееся все к расстройке и к нарушению дружбы.

Он в том письме своем написал даже, что будто российские начальники собрали с крепости пушки, это писано на мою бытность, а ни на кого другого, что мог он на сию несправедливость отвечать, откуда он эти вести мог взять и почему. Я уже к вам в других двух письмах писал, что нами никаких пушек не взято, кроме перемены испорченных и на место пяти утопших на барказе при атаке и взятые острова Видо, и что на турецкую эскадру пушек забрато больше. И сверх того они взяли к себе вооруженный полной артиллериею фрегат «Бруни» и бомбардирский с большими медными орудиями; на крепостях во всех местах пушки все целы и еще с большей прибавкою, сколько было при французах.

Когда генерал-майор Бороздин приехал, тогда комиссиею, от него учрежденною, вся артиллерия во всех крепостях освидетельствована. И оказалось по ведомостям, нами прежде представленным, не только все полное число, но сорок орудиев нашлись еще излишних против оной ведомости. При приеме от французов крепостей тогда не были они отысканы. Даже в остров Св. Мавры отсюдова потребное число орудиев посланы. После сего что значило объяснение его об артиллерии, когда ее никто не трогал и никакого дела ему по оному прошедшему времени не касалось. Орудия без нас перевозили некоторые с места на место для укреп-

ления крепости, постановили их в местах приличных, что, где и как лучше, брали с места, оковывали и исправляли некоторые станки, ибо турки, где только не случилось, все ободрали, даже не только чеки изо всех колес вынули, железные горбыли с лафетов и со станков отодрали, на острове Лазаретном, который был под ними с начала и навсегда, и на крепости Сальвадор, взятой от неприятеля штурмом, в прах все обращено, на Лазаретном острове строения были наипрекраснейшие, капли ничего не оставили, и камень на камне не остался, остров Видо также весь разорили, на нем станки пушечные даже все ободрали, а Виду ничего оно не оставили, как он был укреплен.

Я все переносил терпеливо и не хотел ни об чем писать, дабы жалобами не нарушать дружбы и приятства, а этот человек кажется подкуплен кем-нибудь, чтобы изыскивать всякие даже напрасные случаи и наводить расстройку и неприятства. Прошу ваше превосходительство об нем объяснить с рейс-эфенди или с кем должно, и гораздо лучше, ежели бы прислали кого другого человека, учтивого и умеющего сохранять дружбу и благоприятство. Генерал-майор Бороздин с самого прибытия его сюда к вам писал то же. Сей капыджи-баши никогда не сделал визиту генералу Бороздину, хотя он со мною вместе был у него, но и после сего даже в соответствие визит ему не сделал, это можно почесть дерзкостью, невежливостию, чего между дружественных наций не водится.

В прочем с навсегдашним моим почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ПЕРЕПИСКЕ С КОМАНДУЮЩИМ АНГЛИЙСКИМ ФЛОТОМ
В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ АДМИРАЛОМ КЕЙТОМ
ПО СОГЛАСОВАНИЮ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ МАЛЬТЫ**

*10 февраля 1800 г.,
корабль «Святой Павел», при Корфу*

На сих днях пришел сюда в Корфу аглинский маленький катер, на котором получил я письма от лорда Кейта и письма из Палермо от российского полномочного министра и кавалера графа Мусина-Пушкина-Брюса я от Италинского. Лорд Кейт пришел с одним трехдечным кораблем; он остается командовать в Средиземном море, а об лорде Нельсоне сказывают, что поедет в Англию. Лорд Кейт крайне сожалеет, что я с эскадрою отошел от действий на Мальту и во всех прочих местах, объясняет помощь бесподобно необходимою и великую перемену, могущую произойти во всех действиях против неприятеля. Между прочим, пи-

шет: как ему известно, что важное обстоятельство уже переменялось в общую пользу, и чрез то надеется, что будет иметь удовольствие увидеть меня в общих с ним действиях и просит, чтобы я им помогал.

Король неаполитанский в полученном мною от его величества письме объясняет также с наичувствительнейшим сожалением о удалении войск наших от действий, везомых на Мальту, просит также вспоможения и надеется получить скорую благоприятную перемену во всех обстоятельствах случившихся.

Письма, присланные ко мне от вас, от аглинского посла и министра к лорду Нельсону, отправил я на оном аглинском катере при письме к лорду Кейту с сокращенным объяснением о надобностях. А обстоятельно писал я с подробностью к Андрею Яковлевичу Италинскому, просил его, чтоб он непременно увиделся с лордами Кейтом и Нельсоном, с ними объяснился бы, и что каким образом положенность и условленность будет, прислать ко мне с нарочным в самой скорости, и о известиях от Египта обо всех же подробностях, ежели какие есть и будут, уведомить меня с подробным объяснением.

Прочее исполняю я и буду исполнять, как прежде вас известить честь имел. Крайняя худоба только, что я провианту здесь совсем не имею и не знаю, как исправиться оным для отправления от меня эскадры. Лорду Кейту отвечивал я на все его учтивости и благоприятства соответственно и, между прочим, объяснился, что хотя не скоро, но, надеюсь, по возвращении моем в Средиземное море буду иметь удовольствие содействовать с ними вместе и о прочем с осторожностью по обстоятельствам на все его требования.

Теперь по скорости более писать я не успел и свидетельствую вашему превосходительству истинное мое почтение и преданность, с каковою наивсегда имею честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ТЯЖЕЛОМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ НА КОРФУ**

*10 февраля 1800 г.,
корабль «Святой Павел», при Корфу*

Повторяю просьбу мою: исходатайствуйте от Блистательной Порты Оттоманской, [чтобы] как наивозможно скорее прислали бы нам провиантов. Пред сим отправленным от меня письмом объяснился я вашему превосходительству, что в Корфу провиантов, заготовленных для нас, я не нашел, кроме небольшого коли-

чества сухарей и уксусу, положенных от Шукри-эфенди в магазин. Но когда начали из них принимать к нам на эскадру, оказались сухари большей частью почти все сгнили и негодны, заметно от того, когда сгружали их с судов в магазин. Сказывают, что тогда была сырая погода и дождь, и их несколько подмочило. И должно полагать, что действительно сгнили они, будучи в магазине, от сырости. В таковом случае нахожусь я в крайнем беспокойстве, предвижу, [что] не только никаких судов ни на какое действие посылать не с чем, провианту вовсе нет, боюсь даже несчастья, как и прежде было, чтобы людей здесь на месте не поморить с голоду.

Надежды никакой я не предвижу в получении провианта в свое время, чтобы его было достаточно, хотя я к Шукри-эфенди временно по письмам вашим посылал, и он обнадеживает сухари, красное вино и деревянное масло доставить, но, по осведомлениям моим и по предвидимости, действительно полагаю, не в состоянии он будет вскоре доставлять провианта и столько, чтобы на месте было можно здесь пропитать людей, ибо он весьма изредка и то по одному только судну отправляет, да и то из разных мест. И это одно только обнадеживание, но неверное и точно такое же, как было прежде, что мы умирали с голоду. Прочего никакого провианта здесь нет, и Шукри-эфенди уведомляет, что он должен быть из Константинополя, а чтобы везли его сюда, никакого слуху о том нет. Вот опять я и навсегда в бедственном состоянии от провианта. Боже, избави меня от здешних мест и от столь худого содержания и страдания нашего от голоду. Что когда и получаем, все негодное, и ни в одной нации нигде такого худого содержания нет.

Пожалуйте, испросите как можно скорее в присылку к нам провианта. Как я могу располагать и исполнять предписанные мне действия, когда даже не только другого провианта — сухарей нет. При приеме из магазина, когда выбирают годные, отделяя негодные прочь, непрерывные распри происходят: турки принуждают брать без разбору, а брать таковых сухарей совсем нельзя, и не могут принять из магазин инако, как на один или на два дни, а потом опять приемы и всегда в спорах. Еще повторяю просьбу мою о скорейшей присылке провианта, во ожидании которого с истинным моим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга

Федор Ушаков

ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА П.В. ПУСТОШКИНУ
О СЛЕДОВАНИИ С ЭСКАДРОЙ В МЕССИНУ
ДЛЯ ЗАДЕРЖКИ ФРАНЦУЗСКИХ СУДОВ, ИДУЩИХ ИЗ ЕГИПТА

13 февраля 1800 г.

В именном высочайшем его императорского величества указе, от 30 ноября последовавшем, изображено: «Господин адмирал Ушаков, узнав мы чрез министра нашего при Порте, тайного советника Томару о намерении Порты выпустить из Египта французские войска, почему и повелели, дабы он, когда сие предложение действительно сделано будет, поспешил вас уведомить, вы же с своей стороны тотчас о сем известите начальников английских эскадр, находящихся в крейсерстве около Мальты и берегов Италии, и расположитесь своим флотом так, чтобы непременно встреча отправляемые из Египта войска, разбить оные и взять в плен, и старайтесь ни под каким образом не пропускать их во Францию. Им непременно должно будет проходить или Мессинским проливом или между Сицилии и Барбарского берега, которые места так узки, что когда учредятся порядочным образом крейсерства, то никак французы пройтить не могут, не будучи встречены и разбиты, тем паче, что по неимению военных кораблей отправление из Египта войск должно быть на многих транспортах, не весьма сильно вооруженных и не имеющих большой обороны. Все сие содержать в тайне, дабы прежде времени не могли узнать и взять предосторожности».

Господин полномочный министр и кавалер Томара в письме своем от 10(21) января уведомляет, что по содержанию сего высочайшего указа не преминет он ныне же отправить нарочно к коллежскому асессору Франкинию, находящемуся в лагере верховного визиря, приказ, дабы с хорошим, исправным кирлангичем доставил как можно поспешнее ко мне капитуляцию французов о упразднении* Египта, коль скоро оная заключена будет, и обстоятельно все другие сведения, до возвратного их пути касающиеся. Господин Франкиний, отправляя кирлангич, прикажет шхиперу коснуться острова Цериго или Занте, дабы отобрать точное известие о месте пребывания моего с эскадрою, дубликат же сего уведомления, коль скоро получит оное Порта, Василий Степанович отправит из Константинополя ко мне с нарочным курьером чрез остров Корфу. В прочем верховный визирь особо и сам действует в разуме сих предписаний, о чем и государю императору ныне уже известно. В приписке его объяснено также: английский посол, будучи известен о высочайшем мне повелении, в том же разуме пишет от себя к лорду Нельсону, дабы вместе со мною содействовал; письмо одного посла к Нельсону препроводил ко мне, прося,

* Так в документе.

чтобы я, когда с ним увижусь, вручил ему самолично или верным образом к нему доставить.

Вследствие высочайшего повеления приготовил я эскадру господина вице-адмирала и кавалера Карцова к посылке, которая должна будет следовать к западному мысу Сицилии и к острову Маритимо и, снесясь о потребных к сему расположениях с лордом Нельсоном, учредить крейсерство между означенного острова Маритимо и Барбарского тунисского берега, а вашему превосходительству предписываю с вверенной вам эскадрою немедленно следовать в Мессину и там, будучи готовым, ожидать известиев, к тому потребных, и моих повелений, иметь бдительную осторожность, дабы французы из Египта тут не прошли и не пропустить их во Францию.

На сих днях прислано было ко мне от лорда Кейта, командующего ныне английскою эскадрою в Средиземном море, нарочное малое судно с письмами, из разных мест ко мне присланными. При сей верной оказии препроводил я к нему для надлежащего исполнения вышеозначенное письмо, от английского посла к лорду Нельсону писанное, и объяснился, сколько потребно было, о высочайшем мне предписании и общем действии против французов. К господину статскому советнику и кавалеру Италинскому, в Палермо находящемуся, по секрету послал я обо всех сих подробностях и просил, чтобы он непременно в самой скорости увиделся с лордом Кейтом и Нельсоном, переговорил бы с ними обо всем, что надлежит, отобрал бы от них согласие, какое будет на то их распоряжение о действиях по оному обстоятельству, старался бы как наивозможно узнать, какие есть известия о Египте, производство там дел и о отправлении оттолць французов, ежели сделана будет капитуляция, и обо всем оном как наискорее поспешил бы меня уведомить. Лорда Кейта также об оном я просил, чтобы вспомоществовать господину Италинскому в посылке ко мне нарочным легким судном.

По сходству сего, как скоро ваше превосходительство прибудете в Мессину, тотчас отправьте от себя нарочного с письмом вашим в Палермо к господину Италинскому, требуя, чтобы он вас уведомил, виделся ли он с лордом Кейт[ом] и Нельсоном, какие сделаны между ими расположения о непропуске французов из Египта, о разбитии и взятии их в плен, имеет ли он известие из Египта и о прочих подлежащих благоволите, ваше превосходительство, иметь старание как наивозможно чаще получать от него, господина Италинского, уведомления; также и изо всех других мест узнавать о нужных известиях и поступать по обстоятельствам, какие окажутся.

Сходно с высочайшим повелением, как вышеозначено, я надеюсь вскорости подобные получить уведомления чрез Константинополь от министра, и все, что надобно, уведомления при повелении моем к вам доставлю. Вице-адмирал и кавалер Карцов пойдет

к Сицилии к острову Маритимо, как вышеозначено. И ежели по обстоятельству надобность востребует, то и ваше превосходительство соединитесь с ним на общее действие. Все это зависеть будет от обстоятельств и последствий, какие получатся о том и о согласностях англичан... Я должен бы для сего исполнения следовать к Сицилии со всею вверенною мне эскадрою, но четыре корабля, со мною бывшие, от жестоких крепких ветров и волнения оказали в себе великую и опасную течь и повреждение, которые ныне при Корфу разоружены, сгружены и начинаются исправлением. Из них корабль «Св. Петр» начали уже килеванием, а прочие приуготавливаются.

По сим обстоятельствам означенное выполнение и расположено от меня эскадрам вашего превосходительства и господина вице-адмирала и кавалера Карцова. О приходе вашем в Мессину и обо всем касательном, какие об чем сведения иметь будете, благоволите при всякой оказии меня уведомлять. Надеюсь я, что все сие кончится в скором времени, и после сего, как располагаю я, в апреле месяце по сходству высочайшего мне повеления со всеми эскадрами соединенно должен следовать чрез Константинопольский пролив в Черное море к своим портам для исправления кораблей и оттоль по исправлении вторично возвратиться в Средиземное море к выполнению сего. Ежели означенные обстоятельства, до следования из Египта французов касающиеся, скоро окончатся, то непременно в начале апреля все эскадры должны быть здесь в Корфу, о чем к сведению вашему сим даю знать. Но все это извольте содержать в глубоком секрете. Ежели же не будет капитуляции в Египте и откроются другие обстоятельства, так что вам в Мессине нужды уже не будет и не потребно, в таком случае тотчас извольте следовать ко мне в соединение в Корфу. Словом, время и обстоятельства все потребное вам оказать могут сообразно со всем вышеозначенным, что и как исполнять должно.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О НЕОБОСНОВАННЫХ ТРЕБОВАНИЯХ КАПЫДЖИ-БАШИ
О САЛЮТЕ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ В ДЕНЬ ТУРЕЦКОГО ПРАЗДНИКА
БАЙРАМ**

*13 февраля 1800 г.,
корабль «Святой Павел», при Корфу*

Милостивый государь мой, Василий Степанович.

За всеми жалобами на капыджи-баши, в Корфу находящегося, принужденным себя нахожу еще писать, столь его неприличные разные требования заставляют думать, что он сумасшедший. Сегодняшний день получил я письмо от генерального нашего консула Бенаки того содержания, что капыджи-баши претендует и требует, чтобы с кораблей эскадры, мне вверенной, приказать палить

для наставшего их со вчерашнего дня праздника байрам, также чтобы из крепости палили, говоря, что в прошлом году от меня при Кадыр-бее с корабля было палено, но от меня не было палено никогда для праздника. Кадыр-бей в торжественный царственный для султана день поднимал на адмиральском корабле собственные его султанского величества флаг, тогда и я выпалил с корабля из 21 пушки флагу в честь его султанского величества и никого другого, а этот сумасшедший капыджи-баши с претензией требовал, негодуя, что мы не последовали их пальбе. В крепости произвели они великую пальбу из ружей, так что великое множество народу сбежалось, думая, что важная какая-нибудь тревога происходит. Господин генерал-майор Бороздин командую своею прикатил и не допустил народ до крепости, и я велел сказать капыджи-баши: на рейде на судах вольны они пальбу производить, как хотят и сколько угодно, но в крепостях никакой тревоги не производить.

Государь император законом своим и высочайшими повелениями запретил нам на флоте ни в какие торжественные дни пальбы не производить, и не производится, по сим обстоятельствам и им в крепостях также тревоги производить не должно и пальбы не делать, ибо и мы в здешнем месте в торжественные дни нигде и никакой пальбы не производим. А капыджи-баши предписано от Блистательной Порты ничего излишнего противу нас не требовать, посему требование и претензия его в салюте их празднику излишнее и неследующее, прошу, кому следует, при Порте Оттоманской об оном объясниться. И все то же замечено во оном капыджи-баши, что он вместо дружбы все затеи свои клонит к неприязненности и сам ищет оной, я весьма сожалею, что здесь определен человек немиротлюбивый. За сим донесением с почтением моим и совершенной преданностию имею честь быть

Федор Ушаков

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА А.А. СОРОКИНУ
О ПРИБЫТИИ К 1 АПРЕЛЯ В КОРФУ ДЛЯ СОЕДИНЕНИЯ
ВСЕЙ ЭСКАДРЫ**

14 февраля 1800 г.

За всеми прежними повелениями моими еще вам повторяю, как наивозможно скорее исправить фрегаты, вам вверенные, и забрав из Неаполя всех служителей наших и сухопутных войск батальоны князя Волконского, не оставляя там никого и ничего нашего, то есть и от батальонов, что там осталось, все забрать, также забрать и из Рима больных наших, не оставляя никого, и быть ко мне в соединение в Корфу, необходимо надобно, чтобы вы с эскадрой к первому или в первых числах апреля были здесь, так и располагайтесь, чтобы вы приходом вашим не опоздали.

При сем препровождаю ордер мой господину вице-адмиралу и кавалеру Пустошкину о важном деле, по секрету писанный. Ежели он, господин вице-адмирал, из Ливорно в Неаполь еще не прибыл, до тех пор сей ордер удержите у себя, а об нем, ежели успеете, что он еще в Ливорно, пошлите от себя рапорт, объясня, что вы ордер, по секрету к нему писанный, имеете у себя до его прибытия в Неаполь, чтобы вручить ему самолично, но буде уже он из Неаполя отправился в Мессину, то как можно старайтесь скорее к нему переслать его в Мессину, и нужно доставить его с нарочным верно, [чтобы] оный ни под каким видом не был утрачен и доставлен бы был к нему верно. Но ежели он из Мессины уже ушел в Корфу, то нельзя иначе доставить его к нему, как только что чрез вас возвратит оный ордер ко мне вернейшею же оказиею, но я надеюсь совершенно теперь застать его или в Неаполе или в Мессине, исполните, как что удобнее.

При сем же посылаю к вам ордер мой, следующий в Анкону флота капитану графу Войновичу о нужном же деле к исполнению, отправьте оный от себя также непременно с нарочным. Ежели бы его также не случилось, то отдать к исполнению кто из наших штаб- или обер-офицеров старшим там состоит, курьеру вашему дожидаться там в ответ на оный ордер рапорты и доставить их к вам; а вы испросите нарочитого же курьера или отправьте своего со оными делами и с вашими уведомлениями о всех нужных подробностях ко мне чрез Отранто. Требую, чтобы вы как наивозможно чаще присылали ко мне свои рапорты и уведомления обо всех подлежащих, равно требуйте всегда писем ко мне от агента Манзо, он часто получает известия из Ливорно, из Флоренции, чтобы все их как можно чаще доставлять ко мне. Я весьма недоволен вами, что по сие время со отправления моего из Неаполя ни одного рапорта от вас не получил и не получаю, предписываю употребить вашу прилежность присылать рапорты ваши ко мне чаще, еженедельно справляясь и узнавая обо всех новостях, известиях, подлежащих к сведению моему, и их ко мне доставлять.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА Н.Д. ВОЙНОВИЧУ
ОБ УСКОРЕНИИ РЕМОНТА КОРАБЛЕЙ
И НЕМЕДЛЕННОМ СЛЕДОВАНИИ С НИМИ В КОРФУ
НА СОЕДИНЕНИЕ С ЭСКАДРОЙ**

14 февраля 1800 г.

В резолюцию на полученный мною от вас рапорт послал я ордер мой к вам от 22 ноября, под № 1251 писанный, со всеми обо всех надобностях подробными объяснениями и повелениями моими, что и как исполнять следует. Но, к крайнему сожалению моему, после возвращения ко мне из Анконы флота лейтенанта Ба-

лабина во все прошедшее время и поныне никакого уведомления от вас ни об чем не получал и не имею. Сумневаюсь я, дошло ли означенное мое повеление к вам, потому препровождаю при сем со оною и с приложениям при оном точную копию и требую, чтобы вы как наискорее дали мне знать, получили ли вы тот ордер и что как по тому исполнено, где находятся ныне фрегаты, в Триесте или в Анконе, и поправлены ли в худостях сколько возможно; я желал, чтобы вы поправили их в Анконе припасами, в магазинах при Анконе состоящими. Надеюсь я, после объяснения моего австрийскому господину лейтенанту* Фрелиху не осмелится он вам препятствовать исправлять фрегаты и должен вас снабдить всеми потребностями, к тому надобными.

Не знаю также по сему делу и обстоятельствам об Анконе, дошли ли всеподданнейшие рапорты мои государю императору и письма мои с подробными обо всем объяснениями и приложениями в Вену к полномочному российскому министру графу Разумовскому. Опасаюсь я, ежели хитростями какими с той или с другой стороны нам неприятствующих все сии депеши мои ежели пропадут и не дойдут, куда что следует, то и исполнение по оному останется все без действия. Я прежде писал к вам, чтобы и вы с своей стороны обо всех худых и неприязненных поступках господина генерал-лейтенанта Фрелиха отнесли в Вену к графу Разумовскому (или ныне на место его в Вене находящемуся полномочному российскому министру Колычеву). Писали ли вы к ним об оном, также я не известен. Весьма сожалею, что вы редко принимаетесь ко мне писать. Ежели бы вы писали многократно и чрез разные места, то, конечно, рапорты ваши дошли бы ко мне. Вы в Корфу к Алексиану и чрез него ко мне даже ни одного письма не переслали. Другой месяц я нахожусь с эскадрою в Корфу и никакого сведения от вас не имею, кроме приходящих судов из Триеста; с давнего времени сказывают, что два фрегата наших и два турецких находятся в Триесте, но там ли они ныне или в Анконе, вновь сведения не имею. Требую, чтобы вы скорее обо всем меня уведомили. Ежели же вас в Анконе сие повеление не застанет, то сие повеление мое по всей возможности выполнить тому, кому оно из российских штаб- и обер-офицеров дойти может.

Я получил высочайшие повеления все эскадры, от меня отделенные, собрать в соединение ко мне, которое назначаю быть в Корфу, посему и послал я повеления мои вице-адмиралу Пустошкину, блокирующему Геную, и флота капитану 2 ранга Сорокину, с тремя фрегатами для исправления их в Неаполе находящемуся, немедленно с эскадрами, им вверенными, следовать в Корфу. Не-

* Так в документе. Должно быть: генерал-лейтенанту.

обходимо надобно, чтобы к апрелю месяцу или по крайней мере в начале апреля все эскадры были бы соединены в Корфу, сходно и вам предписываю поправить починкою, сколько наивозможно, фрегаты там, чтобы безопасно могли дойти до Корфу, и старайтесь непременно в первых числах апреля быть сюда ко мне в соединение, забрав из Анконы и из Триеста принадлежащее и служителей наших, никого нигде там не оставлять.

Лесов корабельных, сколько можете взять с собою из Фано на фрегаты, возьмите, доски дубовые больше всего нужны, прочий лес мы уже здесь получили, но все то хорошо, что можно доставить, ежели только не убыточно. Я позволю вас для сбережения фрегатов в рассуждении их худости пушки большею частию или хотя бы все, буде нужно, положить на интрюм, разве оставить по вашему рассмотрению на своих местах весьма малое число, как вы заблагорассудите, но непременно старайтесь ничего нашего там не оставить и в начале апреля быть в Корфу.

Турецкие фрегаты и прочие суда, в эскадру вам вверенные, не оставьте также доставить сюда сохранно. Ни в одном вашем рапорте о турецких судах вы ко мне не рапортуете. А они состояли под вашим командованием, следовательно, и об них меня подробно уведомлять должны.

Сие повеление мое посылаю я из Корфу с нарочным в Неаполь флота капитану Сорокину, а ему дал я повеление в самой скорости отправить к вам в Анкону с нарочным же курьером и, от вас получа рапорты, возвратиться в Неаполь, а оттоль господин Сорокин должен доставить ко мне. Еще напоминаю по сему повелению, ежели графа Войновича в Анконе не случится, исполнить тому, кто начальствует в оном месте, а также о подлежностях доставить уведомление к нему и к прочим командующим фрегатам и особо о том, что должны фрегаты по крайней мере, ежели не могут успеть, притти хотя в первых числах апреля в Корфу. Весьма нужно, ежели можно успеть, притти безопасно ранее, чем скорее можно фрегатам сюда притти, тем лучше и удобнее может исполниться высочайшее мне предписание о потребностях. Фрегаты здесь я могу исправить всеми надобностями, а в Анконе нужно поправить их столько, чтобы сюда дошли безопасно. Но ежели удобно и возможно, то весьма хорошо, ежели там поправятся надежнее, исполните все оное по случаю возможности и обстоятельств, чего я ожидаю. Ежели фрегатов невозможно ничем исправлять в Анконе, то тем больше нужно скорее поспешить прибыть в Корфу, чтобы было время без замедления здесь их поправить.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ОТПРАВЛЕНИИ ДВУХ БАТАЛИОНОВ
ПОД КОМАНДОВАНИЕМ М.М. БОРОЗДИНА ИЗ КОРФУ В НЕАПОЛЬ**

*19 февраля 1800 г.,
корабль «Святой Павел», при Корфу*

Почтеннейшее письмо вашего превосходительства от 2(14) сего течения вчерашний день я имел честь получить, по сходству извещения оного с означением в нем высочайшего к вам именно повеления, что два баталиона, под команду генерал-лейтенанта Бороздина первого состоящие, остаются для составления гвардии его сицилийскому величеству, и по сходству партикулярных писем к означенному господину генерал-лейтенанту Бороздину, ко мне и к неаполитанскому консулу, изъясняющих, что об отсылке оных войск в Неаполь высочайшие повеления его императорского величества чрез неаполитанского курьера, в Петербурге бывшего, провезены в Неаполь и в Палермо, решился я оные два баталиона переправить из Корфу в Бриндичи, где ожидает их нарочно присланный от короля министр по военным делам кавалер Мишеру к препровождению в Неаполь.

Я решился сие отправление сделать больше к тому, что провиантов для продовольствия оных войск здесь нет. На эскадре выходит уже последнее в расход, и чтобы всем вообще не потерпеть от голоду бедствия. По получении же от вас означенного уведомления партикулярным письмом должен увериться, что точно те повеления посланы, ибо и из Петербурга генерал-лейтенанта Бороздина письмами сходно же уведомляют о отправлении сих высочайших повелений. Я опасался, ежели из Палермо пошлются ко мне морем или сухим путем, что могут быть в дороге замедлены, а сим предупреждением кажется за верное, [что] ошибки не последует. А из того могу я выгадать две пользы — первое, что служители оные сойдут с моего попечения от продовольствия провиантом, а второе — после отправления их в Бриндичи на эскадре гребного флота под команду флота капитана 1 ранга и кавалера Пустошкина оная эскадра останется свободною к скорейшему отправлению в черноморские порты и на ней же можно будет отправить несколько войск трех баталионов князя Волконского третьего, следующих к доставлению в Одессу, чрез то и сии войска по скорейшему отправлению их также от продовольствия провиантом отойдут. Оная эскадра под команду флота капитана 1 ранга Пустошкина по сие время оставалась здесь за разными поправками и за продолжающимися весьма крепкими и бурливыми противными погодками и готова уже была с баталионами генерал-лейтенанта Бороздина к обратному пути в Черное море, но ныне оные войска, как выше означено, отправляются в Бриндичи и оттоль в Неаполь, о чем вас, милостивый государь, сим известить честь имею.

В прочем с наивсегдашним моим истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
С ПРОСЬБОЙ НЕ ВНОСИТЬ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ
ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ**

*20 февраля 1800 г.,
корабль «Святой Павел», при Корфу*

Во многих письмах упомянул уже я наичувствительнейшее сожаление мое, ежели переменится конституция в правлении Ионических островов; но известия, теперь доходящие, объясняют, будто уже депутаты, в Константинополе находящиеся, успели во вредных их замыслах противу общества всех островов, сказывают, что сделана перемена, при которой существовать будет один первый класс дворян, говорят, что ваше превосходительство одобрили оное, что скоро будет подписано и кончится. Крайняя чувствительность понудила меня еще объяснить состояние здешних островов.

Скажу вам, милостивый государь, ежели точно последует сие (чего я по прозорливости вашей ни же вообразить не осмелюсь), оным навлечена будет столь великая расстройка в островах между нижними классами от крайнего их неудовольствия и негодования, что ничем ее прекратить будет не можно. В таком случае и я не могу уже иметь права переуверивать всю чернь в нашем к ним благоприятстве, когда не мог я удержать того, что им обещал в их примирении с первоклассными, и все оставил на произвол судьбы, как они хотят. Я не ожидал, чтобы ваше превосходительство, не уверясь моим представлением, положились на мнение пяти или шести человек, которые о своей только собственной пользе стараются, а не общественной, они же самые подбили таковых же подобных малое количество людей, которые напрасными и лживыми жалобами вас беспокоили.

Я ожидаю по просьбе моей присылки от вас тех писем, кто какими просьбами вас беспокоили о перемене правления. В плане*, соизволите усмотреть, есть один пункт включенный, что после годичного времени Республика сама собою могла поправить, какие в плане усмотрела бы недостатки или что-либо к лучшему, по моему мнению казалось бы, этого довольно: нежели бы ваше превосходительство не имели ко мне в благосклонности и благоприятстве вашем перемены и тем бы окончили, как вы начинали, за-

* То есть в проекте конституции.

ставили бы благодарить себя все острова на целый век, а от перемены правления непрерывных жалоб навсегда избежать будет невозможно. Еще повторяя, прошу наипокорнейше, ежели еще перемена в правлении не сделана, употребить ваше старание в пользу общества островов, за которых именем всего народа я вас прошу устоять и не переменять конституцию в рассуждении двух классов, в каковой надежде с истинным моим почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга

Федор Ушаков

P.S. Не дохожу я [до того], что вас понудило увериться, будто все классы не довольны той конституциею, какая сделана. Это совершенная неправда. Будьте уверены, я не жалею потерянных трудов моих и не ищу моей пользы, жалею общества и расстройку между оным, какую я предвижу.

Адмирал Ушаков

Еще слышал я новости, что острова Мавра, Итака и Паксо будут подчинены под начальство других островов, и это сделает тож напрасную расстройку и несогласие. Я жалею, что из депутатов дерзкие отключили от себя депутатов сих островов и не отпускают их обще с собою быть при учреждениях, каких они пронырствами своими ищут.

Я заметил, ваше превосходительство, в письмах ваших Феотоки именуется президентом Сената, но он назначен на время только отсутствия Орио в должность президента, а президент — Орио, а не Феотоки. Ежели и эта последует перемена, также будет не в пользу.

Все прочее скажу я, когда буду иметь честь видеться с вами.

Адмирал Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА А.Я. ИТАЛИНСКОМУ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ЭСКАДРЫ П.К. КАРЦОВА В КРЕЙСЕРСТВО МЕЖДУ
СИЦИЛИЕЙ И АФРИКАНСКИМ БЕРЕГОМ, О ПРЕБЫВАНИИ ЭСКАДРЫ
П.В. ПУСТОШКИНА В МЕССИНСКОМ ПРОЛИВЕ И ПОЛУЧЕНИИ
ПОВЕЛЕНИЯ ПАВЛА I О ПРЕКРАЩЕНИИ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ
С АВСТРИЙСКИМИ ВОЙСКАМИ**

19 марта 1800 г.

Милостивый государь мой, Андрей Яковлевич!

Почтеннейшее письмо вашего превосходительства февраля 27 — марта 11 я имел честь получить. За попечительное старание о осведомлениях, потребных чрез лордов Кейта и Нельсона, и за уведомление, по сему следующее, приношу наичувствительнейшую мою благодарность.

Я отправил отсель господина вице-адмирала и кавалера Карцова с эскадрою. Он будет стараться, проходя Мальту, увидиться с лордом Нельсоном, ежели его там найдет, и условиться с ним о подлежностях, и оттоль займет свой пост при сицилийских берегах между островом Маритимо и Барбарского берега и будет стараться снестись с вами и получить еще от вас уведомление о потребностях, как я пред сим к вашему превосходительству писал и просил о уведомлениях, по прибытии его в тот край к нему доставить.

Вице-адмирал Пустошкин несколько уже времени находится в Мессинском канале для содержания там своего поста, к выполнению высочайшего повеления следующего, и, надеюсь, с вами имел уже он сношение и от вас, конечно, получил уже таковое ж уведомление, какое я имел честь получить; следовательно, по оному он себя и располагать будет. А затем что еще будет в вашем сведении, покорнейше прошу обо всем сообщить таковые же извещения к нему и к господину вице-адмиралу Карцову и меня не оставить благосклоннейшим вашим уведомлением. В каком состоянии теперь находится эскадра, мне вверенная, о исправлениях кораблей и фрегатов и о прежних высочайших мне предписаниях, я уже имел честь уведомить ваше превосходительство; многократно подтверждалось мне, собрав все отделенные эскадры и войска в соединение следовать в черноморские порты для исправления, и с нынешним курьером получил декабря от 18 числа таковое ж высочайшее подтвердительное повеление, в котором сказано только в приписке, ежели Мальта не задержит; а за сим получил вторичное высочайшее повеление января от 20 дня, в котором изображено: «Господин адмирал Ушаков! Возбраняя вам всякое содействие с цесарскими войсками, имеете вы, исполняя предписанное уже вам взятие Мальты, избрать местом randevu, если сей остров не взят, город Неаполь. Откуда и производите крейсирование на берегах владений его сицилийского величества».

На сие отнесся я всеподданнейшим рапортом на прежние мои донесения о худом состоянии всей эскадры, в донесениях моих все худости с подробностью и неимение всяких вещей и припасов объяснены и явственна крайняя необходимость быть для исправления в своих портах; во оном рапорте не объяснялся я инако, как только препроводил таковые же донесения, каковы мною отправлены чрез Константинополь с нынешнего приходу моего в Корфу, объясня, ежели по худости и опасной в нынешнее время дороге туда не дошли, в предосторожность осмеливаюсь всеподданнейше представить таковые же. А высочайшее повеление, вышеупомянутое, о взятие Мальты мною еще не получено. (Прошу ваше превосходительство осведомиться, не попал ли какой конверт с прочими письмами в Палермо, или не остался ли как-либо в Неаполе. В сих местах ему где-нибудь должно быть, может быть,

в чем-либо стороннем конверте и легко случиться может; таковой конверт почтен [будет] неважным и чрез то затеряться может.)

В прочем всеподданнейшее донесение мое состояло в том, что я по получении высочайшего повеления все невозможные способы употреблю о выполнении. Затем удостоился я получить высочайшее монаршее благоволение, объявленное мне присылкою в высочайшем указе, за распоряжение, посредством коего взятые крепости Анкона и Фано, а рекомендованные мною за действия награждены орденами и шпагами. Список о сих награжденных при сем прилагаю. Заметно мною из получаемых [писем], что многие письма, указы и высочайшие повеления ко мне не дошли и каким-нибудь случаем потеряны, и, как думать можно, пропадают они дорогою чрез неаполитанские владения, как и многие письма от меня в надобные места не дошли и пропали. Исходатайствуйте, ваше превосходительство, подтверждения, от кого надлежит, чтобы письма в тех местах не пропадали, а доставляли бы их непременно в свои места. Не знаю, как думать о том, что за бытность нашу в Неаполь и за посылку в Рим на все всеподданнейшие рапорты мои никакого слова в ответ не получено, даже рекомендованные мною за бытность в Риме за хорошее содержание дисциплины, устройства и выполнения господина полковник Скипор, майор Боасель и флота лейтенант Балабин получили высочайшие награждения и ордена, — написано, [что] за храбрость и подвиги при взятъе Анконы и Фано. От королевского величества также было обо мне писано, и на то [письмо] ни одного слова мною не получено. Прочие высочайшие повеления ко мне весьма милостивы, и заметно, что государь император выполнениями нашими доволен. Я весьма благодарен тем, что удостоился получить благоволение.

В прочем с истинным моим почтением и совершенною преданностью имею честь быть.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА ГЛАВНОМУ КОМАНДИРУ
ЧЕРНОМОРСКИХ ФЛОТОВ АДМИРАЛУ В.П. ФОН ДЕЗИНУ
С ПРОСЬБОЙ О ВОЗВРАЩЕНИИ ДЕНЕГ, ИЗРАСХОДОВАННЫХ ИМ
В АХТИАРЕ НА ПОКУПКУ ПРОВИЗИИ**

4 апреля 1800 г.

Милостивый государь, Вилим Петрович!

Во время бывшего Черноморского адмиралтейского правления многократно при самых крайних необходимостях, обстоятельствах по неимению казенных денег находившимся в Ахтиаре штаб- и обер-офицерам выдавал я чрез контору Ахтиарского порта по

неотступным просьбам и по представлению конторы собственные мои деньги на порции и в число жалования немалую сумму, также при посылках транспортных судов, когда невозможно было их отправлять без провизии, а подрядчики, имея приторгованную провизию, но не имели денег за невыдачею им за много время из казны по неимению казенной суммы; и в таковых случаях по несостоянию их, дабы не останавливать транспортов от самонужнейших исполнений, выдавал же я неоднократно собственные мои деньги безо всякого моего интереса и ожидал их зарплатою от казны немалое время; тож часто случалось, подрядчики госпитальные, не получая долгое время от казны денег на продовольствие в госпитале находящихся больных служителей, не могли более их содержать и довольствоваться порцією, отказываясь, что не имеют денег более покупать съестные припасы и что, ежели не будет им выдачи оных, служители оставаться будут без порции, отчего могли бы умирать с голоду. Я, имея при себе собственные мои наличные деньги за проданное имение, высочайше пожалованное мне за военные дела монаршею милостию, не употребляя их на свои надобности, единственно из усердия и ревности к службе и пользе государственной употреблял безо всякого моего интереса в пользу казны и службы императорской и в таковых важных случаях и обстоятельствах не мог отказывать просьбе и предоставлению конторы и присутствующих во оной моего вспомоществования, по временам выдавал подрядчикам госпитальным иногда чрез контору и в другие времена прямо от себя с уведомлением предложениями моими контору Ахтиарского порта, дабы, когда деньги присылаемы будут, в зарплату таковым подрядчикам останавливать даваемо от меня число и возвращать ко мне.

Сим порядком все отпускаемые мною на вышеозначенные потребности деньги возвращаемые были ко мне исправно со объясняемой признательностию и благодарением, что и от главного моего начальника особым данным мне письмом засвидетельствовано с отличной похвалою и признательнейшей благодарностию. Напоследок по таковым же крайним необходимым надобностям оставался подрядчик госпитальный ахтиарский купец Семен Крицын должным мне собственными моими деньгами семь тысяч рублей, о которых неоднократно от меня конторе Ахтиарского порта предложено было, как скоро присланы будут казенные деньги на выдачу ему, госпитальному подрядчику Крицыну, которых он за многое время и большим количеством тогда не получал, из оной суммы остановить и возвратит мне следующие, и чтобы контора требовала оных на зарплату мне в присылку от Черноморского адмиралтейского правления с таковым объяснением,

чтобы и там ему самому, ни же его поверенному всех денег, ему следующих, не выдавать, а означенные семь тысяч рублей остановить для зарплаты к отдачи мне. На таковое представление конторы Ахтиарского порта из Черноморского правления по экспедиции комиссариатской дано ей знать, что сии деньги от подрядчика удержаны будут на отдачу мне с уверительностью, по сему от конторы Ахтиарского порта с таковою же уверительностью мне знать дано и особо присутствовавший во оной конторе капитан над портом флота капитан I ранга Пустошкин многократно уверил меня, чтобы я и малейшего сомнения об том не имел, и что сии деньги из следующих подрядчику непременно удержаны и доставлены ко мне будут и что в то время немалая сумма оного подрядчика была за казною.

От сего времени и почитал я оные деньги 7000 рублей за казною, а не за подрядчиком и от него уже их не требовал, ибо и он, имея расчет с конторою, выключал уже их от своих долгов, считая ко мне возвращенными от казны, и после всего оного из Черноморского правления по комиссариатской экспедиции неоднократно была выдача поверенному подрядчику Крицына, в заплату тех 7000 рублей не доставлено, хотя я несколько раз просил, за всем тем остались мне не выданы. А напоследок оные следуемые мне деньги по Черноморскому правлению конторою главного командира Черноморских флотов записаны в долговую ведомость с прочей разных долгов суммою, и оная ведомость представлена в высшее начальство, и определено: таковые долговые деньги государственному казначею выплатить в назначенные к тому сроки; отколь я и по сие время за разными обстоятельствами и отсутствием моим не требовал, кроме что просил контору главного командира и при депутатских смотрах главнокомандующего Черноморскими флотами и приезжавшего в Ахтиар депутатом артиллерии господина цейгмейстера и кавалера Геринга о доставлении их ко мне или по крайней мере снабдить от конторы главного командира к получению их письменным видом, что мне и обещано; но за отсутствием моим и по сие время еще не получил.

Покорнейше прошу вашего высокопревосходительства по главному вашему началству Черноморских флотов и конторы главного командира оказать мне пособие и милость, исходатайствовать вашим старанием в доставление ко мне оные деньги, дабы они присланы были в контору главного командира Черноморских флотов, и когда получены будут, повелением вашим меня уведомить. В каковой надежде с истинным и наивсегдашним моим почтением и совершенною преданностью имею честь быть.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА А.Я. ИТАЛИНСКОМУ
О ПОЛУЧЕНИИ РАЗРЕШЕНИЯ ОТ ТУРЕЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
НА ПРОХОД ЭСКАДРЫ ЧЕРЕЗ ПРОЛИВЫ В ЧЕРНОЕ МОРЕ**

11 апреля 1800 г.

Милостивый государь мой, Андрей Яковлевич.

Отправляя письма мои к вашему превосходительству, сейчас получил с нарочным курьером из Константинополя письма от его превосходительства Василия Степановича Томары, и в первый раз только получил с прибытия моего с эскадрою в Корфу; содержание их состоит в ответе на мои сношения, в том числе и позволения от Блистательной Порты о проходе эскадры, мне вверенной, в Черное море для исправления. Сие последовало на мое письмо, к каймакаму-паше писанное. Василий Степанович полагает, чтобы в нынешнее время воспользоваться проходом туда. По всем извещениям его явственно, что французскому генералу Клеберу дано уже знать, и они знают, что не будут пропущены английскими кораблями, и полагает Василий Степанович, что они будут дожидать решимости от английского двора о пропуске, считает также, что англичане довольно сильны и без нас удержать их и не пропустить и что в сие время мог бы я итти в Черное море для исправления. Он так и реляцию свою отправил к государю императору, из сего и из прежних моих донесений его императорскому величеству о необходимой надобности исправления кораблей ожидать можно сходного повеления, ежели только обстоятельства Мальты и охранения неаполитанского владения не попрепятствуют. Весьма нужно бы сие благовременно предупредить, тем скорее мог бы сюда возвратиться с новыми кораблями. Как уже мне назначено высочайшим повелением к лучшему вас уведомлению с обстоятельством с реляции, от Василия Степановича отправленной и при секретном письме ко мне присланной копии, таковую же прилагаю, прошу содержать все сие в тайне, употребляя то в дело, что из сего надобным окажется. Прошу собственно со всякой подробностью с вашей стороны меня извещать, для взаимного исполнения.

В прочем с наивсегдашним моим почтением и совершенной преданностию имею честь быть.

**ПРЕДЛОЖЕНИЕ Ф.Ф. УШАКОВА СЕНАТУ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ
О СОКРАЩЕНИИ ЧИСЛА ОФИЦЕРОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЙСК
НА ОСТРОВАХ**

20 апреля 1800 г.

По желанию и просьбе Сената о учреждении и установлении национальных войск, при Корфу и в прочих островах быть имеющих, обще с комендантом господином подполковником Гастфером входил я в рассмотрение нынешнего состояния оных войск.

Усматриваю, что малое число солдат в ротах и немалое излишество при оных офицеров наносят излишние большие убытки республике их содержанием, и за лучшее признается составить роты, чтобы рядовых было в каждой не менее ста человек. В роте должны быть четыре офицера, не более, командиру оной достаточно быть майору или подполковнику на том же жалованье.

На первый случай составлены две роты мушкетерские и две артиллерийские и мастеровая команда, о которых план и замечание [за] моей и господина подполковника Гастфера подпискою при сем прилагаю и препровождаю в Сенат на рассмотрение. Если оным признано будет сие удобным, [то] по оному решительное учреждение сделать и излишних штаб- и обер-офицеров от службы уволить, а командиров оными войсками избрать наиспособнейших, кто к тому достойными окажутся. Впредь же прибавка войск зависеть будет от воли и распоряжения правительства республики, ныне же при составлении означенных рот рассмотрение и формирование оных правительство может поручить господину полковнику Гастферу и оное утвердить определением Сената.

**ИЗ ПИСЬМА Ф.Ф. УШАКОВА ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ КОЛЛЕГИИ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Ф.В. РОСТОПЧИНУ С ПРОСЬБОЙ ОКАЗАТЬ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВО ЖИТЕЛЯМ ПАРГИ В СТРЕМЛЕНИИ ДОБИТЬСЯ
ВКЛЮЧЕНИЯ ИХ ГОРОДА В СОСТАВ РЕСПУБЛИКИ ИОНИЧЕСКИХ
ОСТРОВОВ**

24 апреля 1800 г.

Ваше высокографское сиятельство,
милостивый государь Федор Васильевич!

Наичувствительнейшие неотступные просьбы депутатов Парги убедили меня писать к вашему высокографскому сиятельству и рекомендовать их в покровительство и милость вашу. С прибытия моего с эскадрою к островам Венецианским, как скоро остров Занте освободили мы от неприятеля, первые явились ко мне множество первейших обывателей Парги, просили принять их под защиту и в покровительство его императорского величества, яко верноподданнейших и наивернейших слуг, просили позволения поднять им на своей крепости российский императорский флаг. Я позволил им оное с тем, чтобы подняли на крепости оба флага союзных держав, и дал им обнадежение, что они будут соединены с островами, нами освобожденными.

Разные происходили последствия от Али-паши, но вообще все обыватели Парги в присутствии командующего турецкой эскадры Кадыр-бея, министра турецкого Махмут-эфенди и бывшего вместе с ними чиновника от Али-паши, объясняясь во многом, объявили им решительно, что они ни под каким видом под турецкое

владение себя не отдадут; сказали точно таким образом, что, ежели командующие соединенных эскадр всероссийской императорской и Блистательной Порты Оттоманской не возьмут нас под свое покровительство и не причислят вместе с островами, в таком несчастном случае предпочитаем мы смерть, и что лучше дойдем мы до той крайности, зарежем всех своих жен и детей и, ежели Али-паша захочет взять нас силою, будем драться с ним до тех пор, покамест все до последнего умрем с оружием в руках. Таковая их твердость и отчаяние понудили нас с Кадыр-беем принять их с надлежащим обнадеживанием, и по сие время они нами покровительствуемы и оба флага на их крепости находятся, которые хранят они как собственную свою жизнь и не могут согласиться оставить.

Обо всех обстоятельствах со всякой подробностью о обывателях Парги относился я всегда в Константинополь к полномочному господину министру и кавалеру Томаре и просил его об их ходатайствовать о неоставлении с прочими островами. По убедительной просьбе их осмеливаюсь рекомендовать вашему высокографскому сиятельству. Не нахожу я во всей здешней стороне столь основательно твердых людей с беспредельной приверженностью и желающих подданства его императорскому величеству. Но как сие невозможно по обстоятельствам, в таком случае ищут они высочайшего милосердия и благоволения причислить их к островам, прежде бывшим венецианским, на тех же правах, каких останутся оные. Я не осмеливаюсь ласкать себя надеждою; может быть, сие уже поздно, но сии люди от такой отчаянности не знают, что делать, и получат или нет удовлетворение на свое желание, за всем тем решились неотложно послать от себя депутата в Санкт-Петербург со всеподданнейшим прошением его императорскому величеству. И я не мог отказать последней их просьбе рекомендовать его вашему сиятельству в милость и покровительство. Письмо на греческом диалекте, от депутатов ко мне поданное, и перевод со оногo при сем представляю...

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТУ С.М. ТЕЛЕСНИЦКОМУ
О БОРЬБЕ С МОРСКИМИ ПИРАТАМИ В РАЙОНЕ ИОНИЧЕСКИХ
ОСТРОВОВ**

30 апреля 1800 г.

Рапорт ваш от 23 числа апреля я получил. Крайне сожалею, что разбойники на не значащих ничего четырех лодках допущены грабить суда Ионических островов. Благоволите от правительства приказать в самой скорости вооружить полугалерку, в ведомстве вашем при острове Занте находящуюся, снабдить ее всеми надлежащими, определить на оную от правительства ж отборных

храбрых людей и исправного командира и послать оную для поиску тех разбойников.

Предписываю, чтобы оная полугалерка соединилась с двумя полугалерками же, в островах Кефалония и Св. Мавры находящимися, и чтобы они непременно старались сыскать оных разбойников, перехватать и забрать в плен сильною рукою, ибо те разбойники уповательно на своих судах пушек к обороне не имеют, а полугалерки наши каждая имеет на себе пушки и удобно сие выполнить могут и тем доставать спокойствие островам. По исполнении сего благоволите ко мне отрапортовать.

Сожалею также, что правительство островов сделало упущение по своему долгу и президентии не старались о заготовлении благовременно провиантов, для всего общества потребных к продовольствию на всякое время. Дайте им знать об оном от меня и советуйте, чтобы все средства употребили чрез подряд или другие способы, иметь как наискорее провиант для обывателей острова Занте и содержать их по сей части в спокойствии.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ВОЛНЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ
В СВЯЗИ С ПЕРЕМЕНОЙ ПРАВЛЕНИЯ НА ОСТРОВАХ
И ОБ ОТНОШЕНИИ ЕГО К ТУРКАМ**

2 мая 1800 г.

Милостивый государь мой, Василий Степанович.

В рассуждении нового плана правления островов и отмены прежнего за объявлением вашего превосходительства ко мне тремя словами на все мои письма, не объясняюсь я вновь о предвидимостях наисправедливейших и неизбежных худых последствиях, после сего какие бы меры старательностей я ни предпринял бы, будут они тщетны. По сие время на установление в островах согласия, благоденствия, тишины и порядка всевозможные с моей стороны труды и способы употреблены. По возвращении моем в Корфу послан был от меня вторично в острова флота господин капитан-лейтенант и кавалер Тизенгаузен с подробным от меня наставлением поправить все то, в чем, по сведению и видимостям, казался еще недостаток о установлении порядка в правлениях, тишины и спокойствия. Не можно довольно похвалить, сколь достаточно успел он выполнением с наивеличайшей усердной ревностию, ничего больше я не получал от всюдова, как похвалу и беспредельную благодарность, все были довольны, так что ежедневно повторяли к нам свою признательность.

Письмо вашего превосходительства, посланное к вице-президенту Сената Феотоки с тем объяснением, чтобы все вновь учреж-

денное с прошлого декабря отменить и не исполнять, опрокинуло все наши труды и старательности о общем спокойствии. Этот лукавый и хитрый старик, однако неразумный, при моей здесь бытности, даже не сказав мне ни слова, по всем островам циркулярно опубликовал оное письмо ваше и с некоторым прибавлением от себя нанес помешательство в последнем уже окончании дел господину Тизенгаузену, огорчил его чрезвычайно так, что господин Тизенгаузен с великой чувствительностью жаловался ко мне на его поступки, почувствовал себя больным и беспрестанно письмами своими просит позволения возвратиться ко флоту. Все это хотел я поправить, но и затем просьба его повторяется о том же, и напоследок позволил я ему быть сюда.

В островах разнесшийся слух, чрез депутатов из Константинополя получаемый, о новом установлении правления и о других последствиях тревожит весь народ беспредельно. Предвидимые из того следствия отвратить трудно, кроме как силою войск, но и то будет тщетно, всегда войски наши в островах быть не могут; острова сии предвижу я пропащими, народ по единоверию с нами приверженный к России, даже никакой строгостью отделить от сей нации его невозможно. Был уже здесь пример во время моего отсутствия. Обыватели имеют от себя в Константинополе определенных [людей], которые обо всем их уведомляют. Получа от них известие о переменах делающихся, о том, что некоторые места отданы будут туркам, пришли в отчаянность, взбунтовались, и вдруг вошли в город более пяти тысяч человек, тот же час хотели истребить турок и домы депутатов, а особо Каподистрии дом хотели разметать по камню, не слушали ни об чем никого; но как находился здесь генерал-лейтенант и кавалер Бороздин с войсками, он один мог унять их, употребляя поступок с доброй манерою, и искусством отвратил все худые последствия и выслал народ из города, успокоя их, сказав, что все это неправда.

Господин Тизенгаузен пишет ко мне с Кефалонии, теперь тоже и важнее еще сделать предприимлют, и весь народ с великим роптанием собираются партиями, и он не имеет столько сил и возможности сей отважный и предприимчивый больше других островов народ удержать от худого следствия, просит моего наставления, что ему делать. Я писал к нему, всеми возможностями стараться все худости отвращать и удерживать народ в спокойствии и отнюдь не допустить ни до какой дерзости, но он от чувствительностей, сделавших его больным, как выше означено, просит оттоль увольнения.

Получа письмо вашего превосходительства с объяснением трех слов, чтобы бога ради кончить, не желал я ничего более писать и распространяться объяснениями, хотел сказать только то, что перемена прежнего, новый план и прочее, с тем последующее, по-

вергает сии несчастные острова в вечное несчастье и совершенную гибель, к отвращению которых я с моей стороны никаких средств не имею. Вашему превосходительству [о том] представлю. С письма и с рапорта, присланных ко мне от капитан-лейтенанта Тизенгаузена, также копии при сем прилагаю. Прошу вас по меньшей мере писать в Сенат, [чтобы] все то, что мною и посланным от меня в острова установлено и приведено в порядок, оставить ненарушимо. Может быть, хотя несколько времени сие поддержит людей в спокойствии, но когда новый план будет получен, совсем не знаю, что произойти тут может. Я, как и прежде к вам писал, по необходимости должен оставить судьбе и начальству здешнему, как они хотят; прежде нами утвержденное вновь мне опорачивать невозможно и по справедливости в том никто ко мне вероятности иметь не будет.

Капитан-лейтенанту Тизенгаузену приказано было от меня ехать в Цериго и там сделать таковые же учреждения, восстановить тишину и порядок, и спокойствие, но вышеобъясненные обстоятельства сию посылку остановили, в каком теперь состоянии сей несчастный остров, изволите усмотреть из приложенной копии с рапортов господина Тизенгаузена и поручика Диаманти. Ежели бы я и посланный от меня в острова господин Тизенгаузен и в сих островах устройствами не водворили тишину и спокойствие, и с ними то же бы было; Цериго зависит от учреждения нашего. Но означенное письмо ваше к Феотоки и перемена плана остановили окончание дел наших, к спокойствию потребное, нельзя теперь удержать* противное новому плану и должно ожидать его. Таковая вновь устроенная перемена плана лишила меня удовольствия видеть государя императора, деятельностью моими и от меня определенных довольным, и вновь учреждаемую республику сделала навсегда несчастной.

От воли вашего превосходительства все сие зависело и весьма возможно было в столь отдаленном месте отсюда ошибиться и не предусмотреть коварных замыслов нескольких вредных обществу людей, которых отослали вы из Константинополя депутатов, те были доверенные от стороны народа, сверх их еще в Константинополе оставались несколько таковых же, но и они от прочих отделены, и предложения их не приняты во уважение.

Дворянство, некоторые надуты венецианской гордостью, нетерпимую всеми народами, от которой и падение сей республики последовало, утвердилось теперь преимущественно над другими классами к совершенной своей гибели. Я все это предвидел и предупредил равным соединением второго класса с первым, к которому народ имеет полную доверенность. При оном положении

* Так в документе.

могли бы быть стократ спокойнее, нежели при новом плане. Я все это объясняю вашему превосходительству не для того, чтобы я чувствовал неприятность, противу меня случившуюся, но единственно объясняю по всей справедливости из одного чувствительного сожаления о злосчастии сей новой республики; ваше превосходительство одним словом могли бы удержать депутатов от перемены плана, только бы вы намерение их не похвалили и сказали бы, что это будет им вредно. Свято уверяю, было бы достаточно, все они весьма послушны к нашей нации и дерзкого ничего отнюдь не предприняли бы. Имею честь быть с наивсегдашним моим почтением и совершенною преданностию.

Федор Ушаков

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
С ПРОСЬБОЙ ЗАСТАВИТЬ ТУРЕЦКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕКРАТИТЬ
ПИРАТСКИЕ ДЕЙСТВИЯ АЛЖИРСКИХ СУДОВ**

15 мая 1800 г., при Корфу

Несколько раз я имел честь представить к вашему превосходительству о судне острова Кефалония шхипера Павла Фоки. В то время, когда взята Корфу, послано оное судно от меня и от Кадыр-бея, под российским купеческим флагом состоящее, с пачпортом, который подписан был мною и Кадыр-беем и с нашими печатями, отправилось отсель с прочими с пленными французами для отвозу их в Тулон. Оно, идучи туда, взято алжирскими судами, отведено в Алжир и продано. Командир оногo судна и служители посажены и содержатся в тюрьме, также и французы все содержатся пленными, и все они непрерывно пишут ко мне, просят милосердия и ходатайства, чтобы их освободить, судно и экипаж чтобы было заплачено*.

Оный командир судна шхипер Павел Фока ныне от 12 марта еще прислал ко мне оттоль письмо, в котором пишет, что английский фрегат пришел туда 24 декабря, на котором отправлен из Константинополя чауш с предписанием тамошнему владельцу о их освобождении. Чауш жил в Алжире 73 дни и только мог освободить австрийских подданных, которые освобождены, а суда с грузом остались в Алжире и объявлены алжирцами в приз, а оногo шхипера с командою задержали, не отпустили и содержат с большой еще строгостию. Чауш подкуплен алжирцами, чрез то их оставил пленными и ушел.

Я представляю все оное вашему превосходительству, яко полномочному его императорского величества министру, и прошу

* Так в документе.

настоятельно от Блистательной Порты истребовать мне удовлетворение, дабы немедленно оное судно, командир шхипер Павел Фока, все служители оного и весь экипаж были возвращены и доставлены в Кефалонию, ибо оное судно отправлено было от меня и от Кадыр-бея и состояло под российским флагом; также и пленные французы чтобы были оттолы возвращены, и тем мог бы быть выполнен договор капитуляции.

За сим сообщаю к вашему превосходительству для представления к Блистательной Порте о дерзкостях алжирских судов, что они во всех здешних местах около Ионических островов и особо в Венецианском заливе почти воспрепятствовали всякую коммерцию, берут в плен всякие суда без разбору всех наций. По дошедшему ко мне известию одно судно алжирское недавно взяло в плен судно под российским купеческим флагом, идущее из Архипелага мимо острова Занте и еще неизвестно какое другое судно. Флотилия алжирских судов в числе двух фрегатов и девяти шебек с давнего времени пришла в устье Венецианского залива, во всех местах оного производит великий грабеж, заперли всю коммерцию; в острова не только не можно перевозить провиант, пшеницу, муку и прочее, даже письма и всеподданнейшие рапорты, от меня посылающиеся чрез Отранто, перехватывают на идущих лодках, ловят оные и берут в плен идущие отсюда в Отранто и из Отранто сюда.

Сенат Соединенных островов, прежде бывших венецианских, представил ко мне жалобу свою и просит защищения, чтобы их, разбойников, грабящих суда, отсель отогнать, ибо чрез грабежи их по остановке коммерции сии острова терпят совершенный голод, по невозможности доставлять сюда провизию всякого рода. Я не имею теперь здесь фрегатов и авизных судов, чтобы послать отогнать их от здешних мест. Послал письмо мое, от 11 сего месяца под № 554 писанное, командующему турецкими фрегатами сераскир-бею, при Корфу находящемуся, просил его иттить самому или послать два фрегата и означенную алжирскую флотилию выслать, и выгнать из Венецианского залива, и запретить ей приход к здешним местам. Сераскир-бей обещал послать от себя два корвета, но к исполнению сему отзывается, что не имеет на судах провизии, которую ожидает в привоз из Мореи, и прежде получения оной суда иттить не могут.

Письмо шхипера Фоки в оригинале и копию с письма моего, к сераскир-бею писанного, и письмо консула Никаци прилагаю и прошу ваше превосходительство обо всем оном объясниться Блистательной Порте, дабы посланы были военные суда сих общественных разбойников от здешних мест отделить и воспретить им грабежи и разбойничество, ими чинимые; суда, взятые ими в плен, от них отобрать и возвратить, кому они надлежат.

И имею высочайшее предписание от государя императора охранять неаполитанское владение и Сицилию, но сии разбойнические суда более всех нападают на берега при Отранто, Бриндичах и Манфредонии, берут великие суда в плен и на берегах грабят и забирают людей; ото всего оно злодеяния я должен их защищать, но по существующей дружбе с Портою, не почитаю их неприятелями, не осмеливаюсь производить на них действия, но за всем тем принужден буду употреблять противу их строгие способы, буде Порта Блистательная их не уймет; я, выгоняя их, прикажу брать их в плен, а случится в противоборстве, может быть, и потоплены будут, и чтобы в таком случае взыскиваемо не было; прошу и ожидаю скорой от вашего превосходительства решимости, как с сими разбойниками поступать должно, и будут ли Блистательною Портою возвращены те суда, которые алжирцы забрали в плен, или позволено ли будет брать их самих пленными во отвращение страшных злодейств, ими чинимых.

Федор Ушаков

**ПРЕДЛОЖЕНИЕ Ф.Ф. УШАКОВА СЕНАТУ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВОКРУГ ОСТРОВА КОРФУ
КАРАНТИННЫХ ПОСТОВ**

24 мая 1800 г.

Господин генерал-майор и кавалер князь Волконский третий рапортом ко мне представил к выполнению данных от меня предписаний о определении кругом острова Корфу постов для содержания строгого карантина. Надлежащие распоряжения им сделаны, посты распределены и осторожность во охранении острова от заразной болезни соблюдается. На сих постах сходно моему требованию определены были от Сената депутаты на каждую дистанцию по одному, но Сенат в противность моего повеления сам собою оных депутатов со всех мест снял. Сие сделал он в то самое время, когда опасная болезнь на албанской стороне доходит уже вблизи противу Ипса, причем нужно бы принять еще меры к большей осторожности.

За таковой неприятный поступок, по чьему приказу из Сената те депутаты сняты, объявляю им неудовольствие и предлагаю Сенату в самой скорости, немало не медля, отправить их на те посты обратно, предписав выполнять им все в предохранениях, что от господина генерал-майора и кавалера князя Волконского предписано. В рассуждении же близкой опасности сделать прокламацию по всему острову, дабы лодок, начиная от Корфу во всей северной части пролива, к албанскому берегу за дровами и ни за чем не посылать и отголь к острову приставать не допускать. Дрова позво-

лить покупать на той стороне против нижней части острова, но и то с величайшей осторожностью, соблюдая все карантинные правила, и все оное выполнять непременно и что на сие учинено будет, меня рапортовать.

**ПРЕДЛОЖЕНИЕ Ф.Ф. УШАКОВА СЕНАТУ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ
О СНИЖЕНИИ ЦЕН НА ХЛЕБ**

28 мая 1800 г.

Беспреданно слышу я просьбы и жалобы народные и большей частью от бедных людей, не имеющих пропитания, что в рассуждении чрезвычайной дороговизны хлеба совсем содержать себя не могут и находятся в бедственном состоянии. Священным долгом поставляю, предлагая напомянуть Сенату Ионических островов войти в рассмотрение по сей важной части своей должности и приискать способы, чтобы мука и пшеница сюда доставляемы были в достаточном количестве, и тем цены привести в таковую умеренность, чтобы можно было покупать людям среднего состояния и бедным. Сенат должен был иметь рассуждение и приискать средства предупредительно, но если оные уже упущены, то хотя с нынешнего времени употребить свое старание и прилежность и тем доставить удовлетворение просьбы, справедливо просиждящей.

**ИЗ ПИСЬМА Ф.Ф. УШАКОВА А.Я. ИТАЛИНСКОМУ
О ПОРАЖЕНИИ АВСТРИЙЦЕВ ПРИ МАРЕНГО
И ПРОСЬБЕ НЕАПОЛИТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОКАЗАТЬ ЕМУ
ПОМОЩЬ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ И ФЛОТОМ
ПРОТИВ ФРАНЦУЗОВ**

23 июня 1800 г.

Милостивый государь мой, Андрей Яковлевич!

Сего июня 21 числа с.г. получил я из Неаполя рапорт флота капитана 1 ранга и кавалера Сорокина и письмо принца Декасеро, королевского наместника, в Неаполе находящегося, сего течения от 16(28) писанные, в которых означено, что австрийцы в Верхней Италии французами чрезвычайно разбиты*, и оттого последовало заключенное перемирие на самых печальных для Италия кондициях. И, объясняя прочие обстоятельства, принц Декасеро просит вспоможения Неаполитанскому королевству войсками и кораблями.

С означенных рапорта капитана Сорокина и письма принца Декасеро и в ответ на оные с моего письма принцу Декасеро и с

* При Маренго.

ордера моего флота капитану Сорокину точные копии при сем к вашему превосходительству препровождаю, из которых усмотреть соизволите, что я готовлю таковое вспоможение на всякий случай, но к произведению оного в действие крайне нужно мне знать многие потребности. Весьма нужно знать, на каком точно основании последовало замирение между австрийцами и французами, на одно ли только место в Италии между войсками или общее перемирие между нациями, то есть на все места австрийские и с тем ли, что это будет началом трактования о мире между сими нациями и между двумя ли только нациями сие происходить будет или кто именно включены будут тут и другие нации; англичане участвуют ли во оном сделанном перемирии.

Как значится, Генуя отдана французам обратно, которая взята от французов не одними австрийцами, но вместе с лордом Кейтом, следовательно, без его согласия французам обратно отдана быть не может. Ежели между австрийцами и французами при оном перемирии трактовать будут о мире между ими и буде последует это трактование не об общем мире Европы, то есть буде Россия не будет тут участвовать, то мы можем оставаться от оного отделенными, а двор неаполитанский, кажется, непременно должен быть включен с австрийцами вместе.

Вам известен [договор] о союзе, заключенный между его величеством императором [и] королем венгеро-богемским и его величеством королем Обеих Сицилий, с которого копию, выписанную из «Санкт-Петербургских ведомостей» № 94, в пятницу 28 дня 1799 года писанных, при сем прилагаю. По оному явственно, что мир между австрийцами и французами должен быть вместе и с королем неаполитанским; явственно также, что действия австрийцев должны быть соединены с неаполитанцами; ежели они последуют еще в продолжение в Италии, австрийцы должны соединиться с неаполитанцами, а вашему превосходительству известно, что мне от государя императора строго возбранено всякое содействие с австрийскими войсками. С такового высочайшего мне повеления по тому ж для подробнейших вас обо всем уведомлений копию при сем прилагаю.

Сверх сего весьма нужно знать, англичане будут ли всеми возможностями делать вспоможение Неаполю и неаполитанскому владению, как они располагаются, флот и войска англинские пойдут ли вскорости к Неаполю и на случай надобности будут ли содействовать дружелюбно как следует добрым согласием; я все оное объясняю к подробному сведению и исследованию вашему превосходительству, дабы соблаговолили вы меня благосклоннейше предуведомить извещением вашим обо всех к сведению моему подробностях, чрез что можно бы предохранить себя при всяком случае от впадения в какую-либо погрешность. Я готовлю

вспоможение потребное, но нужно предупредительно и в самой скорости знать обстоятельства подробные о вышеозначенных объяснениях.

При том же со всякой надобности вашему превосходительству известно состояние эскадр, мне вверенных, недостатки такелажу, припасов и материалов; а особо неимение провизии. Турки уверительно обещают нам доставление оной в Корфу на эскадры, но и по сие время весьма малое число только сухарей сюда привезено. Куда бы ни предпринял я иттить с эскадрами, повсюдова остановка за провиантом, и куда ни пойду, на эскадре будет у меня только в наличии малое количество и на малое время сухарей и еще меньше круп, прочего ничего нет; доставят сюда или нет, не знаю, но ожидаю привоза. Неблагонадежные корабли и фрегаты все вскорости пойдут в черноморские порты, они как-нибудь могут дойти с малым числом до Константинополя и в той стороне получают уже провиант, сколько необходимо будет надобно, а та эскадра, число кораблей и фрегатов которой пойдет в Неаполь или к стороне Неаполя, достаточного числа и на первый раз провианта иметь не будут, но туда как-нибудь дойти может, а потом тотчас понадобится провиант получать там и на сию эскадру, которая пойдет в ту сторону. Турки откажутся и не будут уже от себя доставлять и давать провианта так, как и в прошлом году было от них уже сделано. Они уже и запретили тогда доставлять к нам провиант, да его и не заготовляли, оттого точно и последовало, что и теперь провианта от них мы не можем получить вскорости, но когда находимся на их границах и для их услуг, в том не отказывают и обещают; по отходе же эскадры отсюда к неаполитанским владениям вторично они нас от содержания своего отключат.

Следовательно, при нынешних обстоятельствах и должно благовременно неупустительно расположить: как, где и откуда можем продовольствоваться провиантом. Столь великое число морских и сухопутных войск потребуют его на употребление большое количество и на великую сумму денег, которых я на таковое употребление совсем нисколько не имею, и высочайшего повеления к тому у меня нет, да и верного кредиту почти нет же. По опытам уже мне известно, что при нынешних обстоятельствах кредит начинает прерываться, что с нами последовать может, ежели крайность утеснит нас неимением провианта, а особо при предвидимых обстоятельствах опасаться должно: буде мы, когда откроются необходимые обстоятельства, предпримем оттоль возвратиться в свои места, на таковой случай совсем не предвидится средства иметь большое количество провианта на проход до своих портов на великое число войска. Предупредительно воображаю, могут произойти из того важные худости или и неизбежное бедствие.

Все таковые обстоятельства понуждают меня по превосходным вашим сведениям о таковых потребностях просить вашего уведомления, будем ли мы иметь во всем великую надежду, а особо об том, что недостатки провиантов с нами последовать не могут, и какое лучшее средство к получению именно оно вы полагаете. Я даже без высочайшего повеления больших издержек денег весьма опасаясь, ибо ни на какой подобный случай предписания не имею; а провиантом по сие время довольствовались мы от Блистательной Порты Оттоманской. Действия и предприятия мои должны быть сообразны теперешним обстоятельствам, каковы они есть. Я прошу о подробностях вашего уведомления и, когда получу оные, по ним и располагаться буду.

Прошу также уведомить меня при теперешних последствиях в Верхней Италии, как об чем англичане располагаются, какие действия будут их на Мальте и на вспоможение Неаполитанскому королевству. Вам известны высочайшие повеления, мною полученные об Мальте, копии с них все вам от меня доставлены; и я, кроме оных, доставленных уже к вам от меня в копиях, никаких других касательностей до Неаполитанского королевства в высочайших предписаниях не имею; располагаюсь более по высочайшему повелению, от 20 января сего года последовавшему, и по прошлогодним первым мне повелениям, по которым я первый раз пошел из Корфу. Я с крайним усердием и ревностию желаю выполнять высочайшие его королевского величества мне предписания и требования, но должен остерегаться, чтобы по всем вышесказанным видам не выйтить в чем-либо из должного порядка и не замешаться в противных обстоятельствах. Получа от вас и на сие письмо и из сведений ваших потребные уведомления, надеюсь иметь из оных лучшую развязку о моих предосторожностях и решимость.

Прошу ваше превосходительство как наискорее предупредить меня вашим благосклонным ответом или чрез нарочного присланного чрез Мессину на малом судне водою курьера, или, ежели письма ваши поспеть могут в Мессину, когда поляка «Экспедицион», посланная в Неаполь, будет возвращаться оттоль ко мне в Корфу, или же на эскадре флота капитана Сорокина, как будет удобнее; но считаю гораздо скорее, ежели из Мессины послано будет в Корфу нарочно маленькое судно. Курьер, ныне прибывший из Неаполя на таковом судне, письма принца Декасеро доставил ко мне в пять дней, в шестой, следовательно, из Мессины еще скорее случиться может. Весьма нужно, чтобы промедление от начинания выполнения меня не удерживало, а без сведений всякое действие предпринять есть дело неблагонадежное.

Вашему превосходительству известно намерение и желание его императорского величества о взятъ Мальты и о расположении войск наших во оной. В теперешних обстоятельствах, ежели его королевское величество непременно будет требовать войск и кораблей на его вспоможение, действия наши на Мальту будут уже уничтожены, да, кажется, и сумнительны уже будут они на таковой случай, ежели французы успехами своими будут подвигаться ближе к Нижней Италии, что из сего ни последует, все кажется преградою к нашим продовольствиям, до провиантов касательных. Ежели вернейшим образом не будем иметь благосклонности в продовольствии провиантом, в таком случае всякая деятельность наша бесполезна и на таковой случай прошу вашего совета и предуведомления; тож и об том, англичане продолжают ли еще действия на Мальту и с какой благонадежностью и что нам в рассуждении оной предпринимать должно. Все на таковой случай решимости должны зависеть от сведений всяких обстоятельств, которых я от вас и из Неаполя на требования мои ожидаю...

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА А.А. СОРОКИНУ
ОБ ОСТАВЛЕНИИ ЕГО С ОТРЯДОМ ФРЕГАТОВ
И ДЕСАНТНЫМИ ВОЙСКАМИ ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ
НЕАПОЛИТАНСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ В ЗАЩИТЕ НЕАПОЛЯ**

5 июля 1800 г.

По многим данным вам от меня повелениям ожидал я с вверенными вам тремя фрегатами прибытия в Корфу, но и по сие время даже рапортов ваших, зачем замедлили, не имею. Обстоятельства, неимение провианта, недостаток в такелаже, припасах, материалах и парусах понудили меня с эскадрами поспешить сходно с высочайшими прежними мне повелениями в свои порты для исправления кораблей. 5 числа сего месяца с одиннадцатью кораблями и прочими малыми судами из Корфу отправился я в Архипелаг и чрез Константинопольский пролив имею следовать в черноморские наши порты.

Состоящие в команде вашей три фрегата «Св. Михаил», «Григорий Великия Армения» и «Св. Николай» и войска морские с эскадр, в причислении на оных фрегатах состоящие, также и находящихся военных служителей трех гренадерских баталионов князя Волконского при обозе в Неаполе оставить там, которые и могут быть вспоможением при Неаполе в потребных военных надобностях для содержания при оном месте тишины и спокойствия, которую вы со оною командою служителей с давнего уже времени наблюдаете предохранением. В прочем, по каким обстоятельствам, надобностям и с каким предложением вы остаетесь с фрегатами при Неаполе, к сведению вашему с общего мнения во-

енного совета и с письма, посланного от меня к полномочному российскому министру и кавалеру Италинскому, в Палермо находящемуся, при сем прилагаю копии. Имейте вы обо всех подробных обстоятельствах и случаях относиться к нему уведомлениями, также и от него получать всякие надлежащие о военных обстоятельствах и о прочих потребностях сведения, дабы вы поступали предосторожностями вашими, сходно настоящими случаям и обстоятельствам, какие быть могут. Требуйте от его королевского величества всякого наставления, как при всяком случае вам поступать должно. Ежели минуется угрожаемая опасность Неаполю и буде откроются случаи к занятию Мальты, как в высочайшем повелении от 10 апреля означено, ежели что по сему предмету предписано будет вам от полномочного министра и кавалера Италинского, можете, сообразуясь с обстоятельствами и возможностями, выполнять все то, что есть к пользе и службе его императорского величества.

На продовольствие служителей провиант требуйте чрез означенного полномочного министра Италинского от неаполитанского правительства, на их он счет будет или на счет казны государственной, теперь мне неизвестно. Обо всем оном я всеподданнейше рапортом моим донес его императорскому величеству и прислал к вам и к полномочному министру высочайших указов и повеления, что вам исполнять должно, откуда получать к продовольствию провиантом и снабдение денежной казною. Уповаю, обо всем оном к вам и к господину Италинскому высочайшие повеления последуют; тогда и определено будет все то, что вам делать и предпринимать, или следовать в черноморские порты. Господин министр Италинский по то время будет снабжать вас всеми потребностями и наставлением.

По получении от меня сего повеления отправьте от себя всеподданнейший рапорт его императорскому величеству, табель о служителях и ведомость о провианте, сколько ныне на фрегатах имете. Объясните, что вы с тремя фрегатами оставлены при Неаполе по повелению моему для выполнения просьбы его королевского величества при ныне последовавших важных обстоятельствах и опасности для содержания при оном тишины и спокойствия, которые вы с давнего времени вверенными вам войсками сходно с предписаниями моими соблюдаете, и всеподданнейше просите его императорского величества о высочайшем вам предписании, что вам засим исполнять повелено будет, остаться ли сколько времени с фрегатами и войсками при Неаполе, или следовать в черноморские порты, или же что другое к исполнению вашему высочайше повелено будет; посылайте от себя рапорты ваши о служителях, табели и ведомости и о выполнениях ваших рапорты к государю императору в Государственную Адмиралтейств-колле-

гию и в Контору главного командира Черноморских флотов. Рапорты, табели и ведомости ваши должны посылаемы быть ежемесячно в первых числах. Пишите также от себя о потребных уведомлениях к полномочному министру и кавалеру Томаре, в Константинополе находящемуся.

Продовольствие вверенных вам команд служителей провиантом, по мнению моему, полагаю, должно быть от стороны его величества короля Обеих Сицилий, ибо сии три фрегата оставляю я единственно по требованию его сицилийского величества во удовлетворение воли и желания. В прочем поступать, как от государя императора высочайше повелено будет.

Ежели же вы с фрегатами по последним повелениям моим придете в Корфу, в таком случае по получении сего, нимало не медля при оной, извольте возвратиться к Неаполю и выполнять все то, как выше предписано. Ежели военные служители трех батальонов князя Волконского находятся на ваших фрегатах и буде придут они с вами в Корфу, извольте оставить их при оном месте, поруча коменданту, в крепостях Корфу находящемуся, артиллерии господину подполковнику Гастферу при сообщении вашем флота капитану и кавалеру графу Войновичу, чтобы он по прибытии с тремя фрегатами из Анконы принял их на фрегаты и доставил бы в черноморские порты в надлежащую их команду князя Волконского, отправить их к нему на каком-либо судне, ежели сие доставление невеликого кочта будет, истребовать на них провиант по крайней мере месяца на два от неаполитанского правительства. Впрочем, по прибытии вашем в Корфу, буде сие случится, ежели предвидите потребность из больных или из служителей корабельных, имеющих у вас в причислении, можете оставить их тем же порядком в Корфу, поруча коменданту Гастферу при сообщении вашем графу Войновичу. Ежели которые из служителей наших таким образом вами оставлены будут к доставлению на эскадры, оставьте их с полным формулярным обо всем описанием и ко мне таковое ж формулярное описание доставьте. Доставьте также ко мне именныя списки о всех чинах и служителях, с вами остающихся, сочиня их наивернейше, безо всякой ошибки, с показанием о прикомандированных, кто с которого корабля или фрегата, когда именно в команду вашу поступили, приложя при том табели и ведомости о провианте; также извольте доставлять ко мне ежемесячно о служителях табели с показанием под табелями перемены, в месяц случившейся, каковы обыкновенно присылаются; уведомляйте также о провианте, сколько в наличии имеется и обо всех ваших исполнениях и деятельностих и о состоянии фрегатов, вам вверенных.

Ежели вы придете в Корфу с малым числом провианта, здесь в наличии его нет. Старайтесь как можно скорее итти в Мессину,

требуйте от неаполитанского правительства, а в Корфу разве что малое количество сухарей, буде допустят выбрать из турецких магазинов, хотя из худых, сколько найдется годными, иначе получите негде, сами сыскивайте случай, как что достать можно, но лучше средство как наискорее возвратиться в Мессину и искать в неаполитанских местах и поспешать приходом вашим в Неаполь.

В прочем обо всем поступить по силе закона и высочайших повелений, соблюдая пользу службы и интерес его императорского величества.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
С СООБЩЕНИЕМ РЕШЕНИЯ ВОЕННОГО СОВЕТА
ОБ УХОДЕ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ В ЧЕРНОЕ МОРЕ
И ОСТАВЛЕНИИ ОТРЯДА А.А. СОРОКИНА В НЕАПОЛЕ**

5 июля 1800 г.

За уведомлением письмом моим, июня от 28 числа с курьером из Сената отправленным, ваше превосходительство сим уведомить честь имею: в рассуждении недостатка провианта, потребных припасов, материалов, такелажа и большого требующегося исправления кораблей необходимость понудила меня собрать военный совет. И по рассмотрении подробностей оным согласное положили мнение: эскадрам и войскам, здесь находящимся, немедленно возвратиться в черноморские порты. Копии со оного положения военного совета и со всеподданнейшего рапорта моего его императорскому величеству при сем препровождаю, в которых все подробные обстоятельства явственны.

Я сего числа с эскадрами в числе одиннадцати кораблей, двух авизо, одного транспорта и с тремя малыми судами отправляюсь чрез Архипелаг в Константинополь и оттоль в Черное море к своим портам. О кораблях и судах ведомость при сем прилагаю. Прошу ваше превосходительство приложенные при сем всеподданнейший рапорт мой государю императору, рапорты мои в Государственную Адмиралтейств-коллегию и в Контору главного командира Черноморских флотов и письмо к графу Григорию Григорьевичу Кушелеву отправить с вернейшей оказиею. Также прошу спомоществовать мне присылкою провианта навстречу, а особо сухари более всего мне необходимо надобны. Ежели не случится в Константинополе готовых или присланных из Черного моря, буде нельзя вскорости иметь иначе, купить во что бы то ни стоили и доставить ко мне навстречу на судах. Ежели не пойдут они далее, то могут дожидаться в Дарданеллах. Я, вошед в Архипелаг, впредь пошлю от себя судно искать их и доставить ко мне, если не будут доставлены ко мне сухари чрез месяц от сего времени, то неминуемое потерпим мы самое худое состояние или и

бедствие от голоду, но надеюсь, что суда, от вас отправляемые, приходящие из Черного моря из наших портов, со мною встретятся. На первых двух — шебеке «Макарий» и фрегате «Поспешный» — надеюсь я получить хотя небольшое количество разных провиантов, кроме сухарей, которых на оных до пятисот пудов только находится, но, может быть, на последующих судах сухари и другие еще провианты будут ко мне доставлены. Опасаюсь только, чтобы они со мною не разошлись, чрез что совершенное уже потерпеть можно несчастье, но надеюсь на то, что я буду стараться узнавать, также и они должны будут иметь старание, чтобы не разойтись со мною.

Капитана Скандракова на судне «Панагия Апотуменгана» послал я еще в Патрас к вице-консулу Поулю просить по кредитиву отпуску денег; также просил я турецкого комиссара Абубекир-бея о присылке ко мне еще хотя малого числа сухарей, чтобы отправлены были в проходе моем к острову Занте, где приостановлюсь только на один день для обождения наших служителей, на разных островах бывших. В Корфу сходно новому положению плана конституции оставляю я артиллерийскую команду под начальством артиллерии подполковника Гастфера, а на прочих островах войск наших нисколько не останется. Прошу ваше превосходительство исходатайствовать высочайшую конфирмацию об оставленных нами войсках в Корфу. И не повелено ли будет из оных хотя малую частью человек по десять или по двенадцать отделить на острова Кефалония, Занте и Св. Мавры, которые в великих сумнительных беспокойствиях остаются без наших войск. Они хотя малое количество войск наших защитою себе их почитают, а особо, что они внутренне спокойствие в островах лучшее через них иметь могут.

Обо всем оном в распоряжение и старательности вашего превосходительства представляю, в каковой надежде с наивсегдашним моим почтением и совершенной преданностию имею честь быть.

**АТТЕСТАТ, ВЫДАННЫЙ Ф.Ф. УШАКОВЫМ
СЕМЬЕ ГЕРАСИМА МЕТАКСЫ, ПОГИБШЕГО В ПЛЕНУ У ФРАНЦУЗОВ,
О ЕГО ЗАСЛУГАХ ПРИ ОСАДЕ КОРФУ**

6 июля 1800 г.

Служивший волонтером на российском императорском флоте, мне вверенном, житель острова Кефалония Герасим Метакса употреблен был в должность при блокаде крепости Корфу, где захвачен был неприятелями-французами в плен и лишен жизни. Я, сохраняя в памяти усердие его к службе его императорского величества, храбрость и мужество, при оном действии оказанные, дол-

гом поставляю отнести к покойному мою признательность и похвалу, в засвидетельствование которых дан сей аттестат во уважение его семейству и потомству, которое заслуживает почтение, за моим подписанием и печатью.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА М.М. БОРОЗДИНУ
О РАСПОРЯЖЕНИЯХ В СВЯЗИ С ОТБЫТИЕМ ЭСКАДРЫ
В ЧЕРНОМОРСКИЕ ПОРТЫ**

6 июля 1800 г.

Почтеннейшее письмо вашего превосходительства, июня от 24 дня писанное, сего числа я имел честь получить. За дружбу и благоприятство, мне оказанные, приношу покорнейшую благодарность с наивеличайшим усердием и ревностию. Желал я выполнить волю и требование его королевского величества посылкою к Неаполю эскадр и войск, мне вверенных, и сам желал быть с оными, но корабли неперменного исправления требуют, больших починок, снабжения такелажем, припасами и материалами, а паче всего — провианта на эскадрах почти нет и откудова получить и получать было бы можно, надежды совсем не предвидится, потому сходно с высочайшими прежними мне повелениями и отправился я с одиннадцатью кораблями и тремя авизами чрез Константинополь в черноморские порты.

В Корфу остались корфского гарнизона артиллерийская и инженерная команда под начальством артиллерии подполковника Гастфера; вы с двумя баталионами и флота капитан Сорокин с тремя фрегатами и войсками, при них находящимися, остаетесь в Неаполе до высочайшей конфирмации, о которой я всеподданнейшим рапортом моим просил его императорского величества. Фрегаты и войски, при них находящиеся, состоять будут в распоряжении полномочного российского министра и кавалера Итальянского до высочайшей об них и об войсках ваших конфирмации, что определено будет; сии военные команды и могут помогать Неаполю и содержать в нем тишину и спокойствие.

Я имел высочайшее повеление, ежели Мальта взята, перевести все пять баталионов, то есть три под команду князя Волконского и два, под команду вашего превосходительства состоящие в Мальту, генерал-майору князю Волконскому третьему быть в оной комендантом, а вам своею особою на эскадре, мне вверенной, возвратиться в Россию. Но тепершние обстоятельства, а паче на эскадрах неимение провианта и все то, что выше означено, воспрепятствовали мне в выполнениях потребных, и потому обо всем, выше означенном, имею ожидать высочайшей конфирмации, что высочайшим указом повелено будет.

В прочем с наивсегдашним моим истинным почтением и совершенной преданностию имею честь быть.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА ПОРУЧИКУ ПОГОНИ
С ВЫГОВОРом ЗА НЕБРЕЖНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ СВОИХ
ОБЯЗАННОСТЕЙ**

8 августа 1800 г.

Третьего дня прошли вы от острова Сиро мимо острова Тино в близости от моего корабля, стоящего при оном в рассуждении противного крепкого ветра. Корабль мой вы видели совершенно, как и я вас видел, вам надлежало иттить к моему кораблю, но вы прошли в остров Миконо и там остановились. И по сие время и не думаете оттоль подойти к моему кораблю; вы должны были не только явиться ко мне, но непременно долг имели осведомиться, не имею ли надобности. За нерасторопность вашу и нерадение о должности объявляю вам неудовольствие, предписываю по получении сего, ни одного часа не медля, извольте подойти к близость острова Тино к моему кораблю. Я имею надобность к посылке вас к острову Парос к порту Аузу, где находятся прочие корабли, укрывающиеся от крепких ветров. Ежели же вы меня не застанете на оном месте, ибо, я чуть только позатихнет, пойду в Аузу, в таком случае, буде вы увидите поход мой туда или не застанете меня при острове Тино, следуйте немедленно в Аузу ко флоту. Я надеюсь, что вы поспешите быть сюда прежде моего отсудова отправления; когда же я отсудова пойду, вы, находясь поблизости от того места, можете видеть и немедленно следовать за мною. Подтверждаю, нимало не медлите в Миконе, следуйте ко мне и ко флоту в соединении.

**ОРДЕР Ф.Ф. УШАКОВА Г.И. ТИМЧЕНКО
ОБ АРЕСТЕ МИЧМАНА ПАСХАЛИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ДАННЫХ ЕМУ
РАСПОРЯЖЕНИЙ И ЗА ОТЛУЧКУ С МЕСТА СЛУЖБЫ**

23 августа 1800 г.

В резолюцию на рапорт ваш сего числа, мною полученный, объявить имею: ваше высокоблагородие недостаточно исследовали в неисполнениях господина мичмана Пасхали, хотя он и чинит заpiresательство, что не был в селениях, но по ясным осведомлениям он с некоторыми служителями на долгое время отлучался в отдаленность от гребных судов, в чем и сам признается, что был в отдаленности, и долгое время, и тем не исполнил данного ему повеления и генерального приказа и заслуживает строгое взыскание. Греки же из того селения, где был мичман, графу Фонзео, офицеру, бывшему на берегу, [с] корабля «Св. Павел», объявили, что там были два офицера и спрашивали именно господина Пасхали. Но хотя бы он в селении и не был, за всем тем подвергает себя строгому взысканию за неисполнение по приказам и отлучку

от определенного ему места, посему вчерашнего числа приказом выполнить содержанием его в особой каюте две недели, не давая в пищу ничего, кроме хлеба и воды, дабы чрез то отвратить беспорядки на будущее время.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА В.С. ТОМАРЕ
О ПОДХОДЕ ЭСКАДРЫ К КОНСТАНТИНОПОЛЮ
И ОБ ОТЗЫВЕ РУССКИХ КОРАБЛЕЙ ИЗ НЕАПОЛЯ И КОРФУ
В СООТВЕТСТВИИ С УКАЗОМ ПАВЛА I**

*30 августа 1800 г.,
корабль «Святой Павел»*

Милостивый государь мой, Василий Степанович!

Почтеннейшее письмо вашего превосходительства от 26 числа сего месяца я сейчас получил, за уведомление о расположении салюта всепокорнейше благодарю. По сему положению все, что касается, мною выполнено будет. Также покорнейше благодарю за письма вашего превосходительства, которые получил я чрез консула в Дарданеллах. Там получил я на эскадры до полутора тысячи кантарей сухарей и до 10 тысяч ок красного вина; сухарей от 27 числа на продовольствие служителей стать может на две недели, а красного вина на шесть дней. Весьма не задержали.

27 послал я из Дарданелл вперед транспортные суда: «Григорий» — большого размера, брик «Александр», шхуну № 1 и два малые требокула. 28 числа поутру с эскадрами отправился я с 11 кораблями, одним фрегатом и тремя авизами, и сего дня со оными подошел, на ночь, остановился за противным ветром, немного не доходя Константинополя, за мысом Стефано. Корабли и команда служителей благополучны. Завтра надеюсь, я подойду в самую близость к Константинополю и, ежели ветр будет противный, остановлюсь тут у европейского берега, не входя в пролив, на том месте, где третьего году, вышед из Константинополя, останавливались, то есть между семи башен и Константинополем. Крайнюю надобность имею я, не помедля, видеться с вашим превосходительством. Весьма соизволите меня одолжить, ежели пожелуете, приедете на шлюпке ко мне на корабль. Я буду очень близко от пролива и, сверх того, ежели можно будет, легкое судно отправлю к вам в пролив, как вам будет угодно пожаловать ко мне, прямо на шлюпке или на том судне.

Я от государя императора получил именное высочайшее повеление, мая от 22 дня по секрету писанное, коим повелено, забрав все эскадры и войска сухопутные, даже и баталионы генерал-лейтенанта Бороздина, с поспешностью следовать мне со всеми в

черноморские порты, сходно как прежними повелениями предписано. А как я из Корфу отправился предупредительно и по известным вашему превосходительству обстоятельствам, вновь тогда последовавшим, три фрегата флота с капитаном Сорокиным и батальоны генерал-лейтенанта Бороздина остались в Неаполе; также в крепостях Корфу по известности ж вам обстоятельств осталась артиллерийская команда под начальством подполковника Гастфера, всего до 150 человек, сходно с положением нового утвержденного плана о Республике Семи Островов.

Обстоятельства тогдашние государю императору, уповаю я, были еще не известны, но ныне, получа я таковое высочайшее повеление, должен решиться его выполнить тем, что нужно в самой скорости послать от меня в Неаполь и в Корфу. Сие высочайшее повеление получил я в нынешнее только время, и теперь по близости здешнего места крайнюю надобность имею я напервое с вами посоветоваться и тогда уже писать туда, также и всеподданнейший рапорт государю императору. После того времени, как я отправился из Корфу, надеюсь, вновь какие есть обстоятельства вам известны, также и о том, что в Корфу означенная артиллерийская команда должна там остаться или писать, оттудова ее взять; каков всеподданнейший рапорт мой тогда отправлен государю императору о расположении моем и генерального военного совета, почему оставлены в Неаполе войска генерал-лейтенанта Бороздина и три фрегата, также и в Корфу артиллерийская команда, все в том рапорте означено подробно и вам известно из копии, при письме от меня приложенной, потому и не знаю, какая высочайшая резолюция на то последовать может.

Каковы теперь обстоятельства, по оным нужно будет угадать, чтобы не поступить несходно по высочайшему повелению, теперь мною полученному; должно все войска и суда изо всех мест начисто забрать, не оставляя нигде. Но, может быть, когда государь император получит те мои всеподданнейшие рапорты, случится, что указать соизволит некоторые в тех местах оставить до времени, а особо при Корфу, ежели новый план ратификациею уже разменен, уповаю, и о войсках в Корфу там должно быть вновь что-либо упомянуто, и вам по сему делу более известно, нежели мне.

По сим обстоятельствам весьма желаю я видеться с вашим превосходительством прежде, нежели я буду писать всеподданнейшие рапорты, в Корфу и в Неаполь повеления. В надежде иметь удовольствие вскорости с вами видеться, с истинным моим почтением и совершенной преданностию имею честь быть

Федор Ушаков

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА ПАВЛУ I
О СЛЕДОВАНИИ С ЭСКАДРОЙ ИЗ КОРФУ В ЧЕРНОМОРСКИЕ ПОРТЫ
И О ПОЛУЧЕНИИ ИМ ПОДАРКОВ ОТ СУЛТАНА
И ОТ РЕСПУБЛИКИ СЕМИ ОСТРОВОВ**

5 сентября 1800 г.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: с прибытия моего с эскадрами к острову Тенедос непрерывно продолжались северные противные ветры и течение. За всем тем к 25 числу подошел я в близость Дарданелл, 26 числа августа при последовавшем тихом южном ветре вошли в Дарданелльский канал, 27 прошли дарданелльские крепости и на несколько часов остановились на якоря. С поспешностью того ж числа получено на эскадры на две недели сухарей и на шесть дней красного вина. 28 числа прошли Дарданелльский канал. В Мраморном море вторично сделался северный противный ветер, при котором, лавируя с эскадрами в близости европейского берега, содержа оные в наилучшем порядке, 31 числа прибыл к Константинополю благополучно, и в хорошем же порядке эскадры остановились на якоря против самого Константинополя поблизости пролива. На другой день прибытия эскадр прислан был ко мне секретарь от 1-го драгомана и от рейс-эфенди поздравить с благополучным прибытием и с объявлением дружелюбных учтивостей, сентября 3 числа присланы были чиновники от каймакам-паши с цветами и фруктами и с объяснением таковых же учтивостей дружбы и приветствия. Сего числа прислан был ко мне от его султанского величества первый драгоман Порты с объявлением высочайшего благоволения; и в благодарность за услуги, мною оказанные, в знак особого высочайшего благоволения от его султанского величества прислан ко мне челенг, алмазами украшенный, который принял я с достодолжным благоговением и благодарностию. При том же оказаны мне многими объяснения отличные почести и уверенность о добром наилучшем согласии и существующей дружбе между дворами и высочайшей вашего императорского величества особою. С моей стороны наипочтивейшие объяснения и таковая же уверенность сделаны соответственно.

Между прочим, 1-й драгоман учтивым образом, как бы сам от себя, в разговоре спрашивал о эскадре кораблей Балтийского флота, со мною ли они находятся или где остались. На сие объявил я ему, что три корабля, один 74-х и два 66-пушечных и один фрегат 40-пушечный находятся со мною, и указал я их лично, в 3-й колонне от меня стоящих. На учтивый вопрос его, по какому случаю и когда пришли они в Средиземное море, от меня объявлено, что они находились в Англии и в то время, когда надобность требовалась усилить флоты в Средиземном море противу флотов

неприятельских готовившихся, тогда в Средиземное море по высочайшему вашему императорского величества указу присланы они для усиления вверенной мне эскадры и теперь со мною идут для исправления худостей в черноморские порты и для перемены изъеденной червями верхней обшивки.

Сие объяснение и прочие к тому касательности приняты с великой учтивостию и благоприятством, объявлено мне чрез одного драгомана благоволение его султанского величества и от Блистательной Порты, что всякие потребности с поспешностию и благоприятством ко мне доставляемы будут.

Коль скоро возможно будет, при способном ветре проходя Константинопольский пролив, подойду в Буюкдер для налития пресной воды, получения провианта и для прочих надобностей и, немало не медля, оттуда отправлюсь в Черное море к своим портам.

По прибытии моем с эскадрами в Дарданеллы с глубочайшим благоговением получил я высочайший вашего императорского величества указ, от 22 числа мая последовавший, препровожденный ко мне в копии Государственной Адмиралтейств-коллегии от вице-президента графа Кушелева при его письме, таковые ж в копиях высочайшие повеления от 22 мая, препровожденные ко мне при письмах от него ж, графа Кушелева, с подтверждением о скорейшем следовании моем из Корфу, соединя все эскадры и забрав с собою войска сухопутные из всех мест, поспешить прибытием к своим портам, как прежними высочайшими указами предписано, получил я, приближаясь уже к Константинополю. Оригинальный же высочайший указ, от 22 мая последовавший, мною еще не получен, уповательно, что он предупредительно отправлен с прочими делами в Корфу и оттоль ко мне уже доставлен будет.

В сходство сего высочайшего указа послал я чрез Константинополь в Корфу и в Неаполь подтвердительные повеления, чтобы эскадра трех фрегатов, под командою флота капитана графа Войновича бывшая в Анконе, ежели она пришла в Корфу и буде за исправлениями оттоль еще не отправилась, следовала бы немедленно чрез Константинополь в черноморские порты, забрав с собою артиллерийскую и инженерную команды, под начальством подполковника Гастфера в Корфу состоящие. В Неаполь такое ж повеление послано от меня флота капитану 1 ранга Сорокину, чтобы он, забрав сухопутные войска — два батальона под командою генерал-лейтенанта Бороздина, и прочее все без остатка. Если надобность будет, хотя бы нанял вприбавок несколько транспортных судов и следовал бы в черноморские порты, зайдя в Корфу для осведомления, ушли ли оттоль три фрегата, бывшие в Анконе. Ежели их застанет тут, чтобы войска с наемных судов поместил на оные. Сходно о потребностях писал я генерал-лейтенанту Бороздину первому и полномочному вашего императорско-

го величества министру, в Палермо находящемуся, Италинскому, прося его, чтобы он принял меры и употребил во всех надежностях старательное радение к выполнению высочайших вашего императорского величества повелений и о снабжении эскадры к тому необходимо надобных.

Фрегат эскадры вице-адмирала Карцова «Поспешный», посланный от меня в Анкону флота к капитану графу Войновичу, в бытность мою с эскадрою в близости острова Тенедос оттоль возвратился благополучно. Флота капитан Войнович рапортом доносит; когда он готов был следовать в Корфу в соединение к эскадрам, 6 июля ее королевское неаполитанское величество соизволила прибыть в Анкону и существующею дружбою между высочайшими дворами и особым благоволением вашего императорского величества к ним между объяснениями необходимых обстоятельств и потребностей убедила требованиями своими иметь послушание и доставить ее на эскадре трех фрегатов в Триест. Посему флота капитан граф Войнович, имея по уставу вашего императорского величества военный совет, и по согласному положению оного принял ее королевское величество на фрегаты, препроводил в Триест. От 26 июля рапортом доносит, что поспешает он исправить паруса и прочие надобности и в самой скорости отправится в Корфу, где должен будет непременно еще исправлять фрегаты, в рассуждении великих худостей. Полагаю, что он должен быть в сие время в Корфу или уже оттоль отправился в повеленный путь к Константинополю и в Черное море к своим портам; на случай же необходимых надобностей, ежели сверх чаяния он там замедлит необходимо надобными исправлениями, просил я находящегося в Константинополе полномочного министра вашего императорского величества Томару исходатайствовать ему от Блистательной Порты Оттоманской потребное снабжение провиантом и прочими надобностями; с трех рапортов флота капитана графа Войновича, июля от 26 числа мною полученных, копий всеподданнейше вашему императорскому величеству подношу.

При отправлении моем с эскадрами из Корфу от правительства новой Республики Семи Островов в знак признательнейшей благодарности за освобождение оных от неприятелей и за доставленное им благоденственное спокойствие, тишину и порядок при отлично уважительных письмах поднесена мне золотая шпага, алмазами украшенная. Из острова Келафония и из острова Итака от их правительств чрез присланных особых депутатов поднесены также золотые медали с надписью за избавление сих островов. От правительства острова Занте при таковых же отлично уважительных письмах поднесены серебряный с позолотою щит с изображением семи островов в их виде и в плане, золотая шпага с воен-

ной арматурою и лаврами, с надписью, изображающею в благодарность за избавление оных островов. Таковую отличную почесть и благодарность от всех семи островов, мне оказанные, принял я с чувствительностию, тем паче что вся таковая признательнейшая благодарность надлежит высочайшему имени вашего императорского величества, яко сущему избавителю, покровителю и основателю сей Республики Семи Островов. А я приемлю их яко исполнитель высочайших вашего императорского величества данных мне повелений и с глубочайшим благоговением всеподданнейше прошу высочайшей опробации и благоволения, позволено ли будет мне оные шпаги употреблять по надлежности.

При отправлении моем от Республики Семи Островов оставил я их в совершенном спокойствии и дал от себя на письме совет мой и требовал их послушания оному, чтобы все обыватели островов повиновались и были бы послушны правительству, над ними установленному, объявил им утверждение вашим императорским величеством опробованного нового плана и о постановлениях по оному, чтобы они приняли сей новый план, как надлежит, в уважение с достодолжным почтением, и все надлежности по тому исполняли бы как должно с послушанием и в случае каких-либо сделанных противу того погрешностей никто неведением не отговаривались, ибо всякое непослушание к правительству, непристойность взысканы будут по силе закона. Все сие, и особо как оно происходило при острове Занте, принято правительством оного с благоговением, и велено оное письмо напечатать и опубликовать во все острова; при оном острове, хотя прежде сего случились некоторые несогласия, но в проход мой с эскадрами обще с бывшим со мною нарочным для того посланным членом Сената все успокоено, между обывателями и правительством мир, тишина и согласие установлены.

Сенат Республики Семи Островов и правительство особо каждого острова наубедительнейше просили меня оставить им в знак монаршего вашего императорского величества благоволения находившиеся в островах Корфу, Кефалония, Св. Мавра и Занте в каждом по одной малой полугалерке, каждая с двумя маленькими пушками, взятыми мною в плен от французов, которые употреблялись при сих островах в сохранении и от малых лодок разбойнических, часто великий вред им наносящих. Во уважение необходимой надобности и убедительной их просьбы высочайшим именем вашего императорского величества отдал я им те четыре полугалерки в знак высочайшего благоволения и высокомонаршей милости. О чем сим всеподданнейше доношу.

**АТТЕСТАТ, ВЫДАННЫЙ Ф.Ф. УШАКОВЫМ
ЧАУШУ ИБРАГИМУ ПЕХЛИВАНУ, ОТЛИЧИВШЕМУСЯ В БОЯХ
ПРИ ВЗЯТИИ КРЕПОСТЕЙ ЦЕРИГО, ЗАНТЕ И КОРФУ**

9 сентября 1800 г.

Чауш Ибрагим Пехливан при взятии крепостей Цериго, Занте и особо при атаке крепости Корфу на вылазках противу французов и при штурме острова Видо находился с прочими турецкими войсками, посланными от командующего турецкою эскадрою капитан-бея Кадыр-бея, и во всех случаях в бою против неприятеля, как мне известно, оказал себя отличным, ревностным, храбрым и смелым, за что и заслуживает благоволение, в чем, похваляя ревность и усердие его к службе, сим свидетельствую. Дан сей за подписанием моим и печатью.

**РАПОРТ Ф.Ф. УШАКОВА В.П. ФОН ДЕЗИНУ
О ПРИБЫТИИ ЭСКАДРЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ
И ТОРЖЕСТВЕННОЙ ВСТРЕЧЕ, ОКАЗАННОЙ ЕЙ
ТУРЕЦКИМИ ВЛАСТЯМИ**

13 сентября 1800 г.

Вашему превосходительству донести честь имею: с эскадрами, мне вверенными, в числе одиннадцати кораблей, одного фрегата, нескольких авизов и транспортных судов сего сентября 10 числа прибыл я в Константинополь благополучно и остановился против Буюкдера для получения провианта и налития пресной воды. Корабли, проходя Константинопольским проливом, находились в линии, следовали один за другим по положению пролива в наилучшем виде, проходя султанский дворец при Бизектаже, в самой близости оною, где было присутствие его султанского величества с первыми чиновными особами, произведен от меня надлежащий салют и все почести оказаны, как следовало по условию с министерством. Таковой приятный вид принят его султанским величеством с особым удовольствием и благоволением, по отзыву, чрез министерство известному. И с приходу моего к Константинополю в разные времена присланы ко мне чиновники с поздравлением и с оказанием отличного его султанского величества благоволения и милости за услуги, мною оказанные, между прочим с первым драгоманом Порты в знак высочайшего его султанского величества благоволения прислан ко мне челенг, алмазами украшенный, служителям нашим приказано производить свежее мясо и красное вино, которые ежедневно на флот доставляются, также велено снабдить и прочей провизиею, что потребно.

Какие со мною находятся корабли и прочие суда, ведомость вашему высокопревосходительству представить честь имею.

Из эскадр, мне вверенных, три фрегата под команду флота капитана Сорокина находятся в Неаполе и три же фрегата и два

авиза под командою флота капитана графа Войновича — в Анконе. Сходно с высочайшим указом посланы к ним от меня наистрожайшие подтвердительные повеления, чтобы шли к своим портам с наивозможной поспешностью, граф Войнович по многим от меня повелениям и по уведомлению его рапортом от 26 июля из Триеста, от него ко мне присланному, считаю давно уже должен быть в Корфу, где он почитал необходимой надобностью еще исправлять фрегаты; я считаю, что уже и оттоль должно ему отправляться, и надеюсь, что он походом своим поспешит, ежели крайняя худость фрегатов его не остановит, на таковой случай предписал я ему, ежели который фрегат не может в скорости идти, оставить и прочим следовать, а тот по исправлении шел за ними же.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.Г. КУШЕЛЕВУ
О ПОДАРЕННЫХ ЕМУ ТУРЕЦКИМ СУЛТАНОМ ПЯТИ ПУШКАХ
В ПАМЯТЬ ДВУХЛЕТНЕГО ЕГО КОМАНДОВАНИЯ СОЕДИНЕННЫМ
РУССКО-ТУРЕЦКИМ ФЛОТОМ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ**

2 октября 1800 г.

Ваше высокографское сиятельство,
милостивый государь мой, Григорий Григорьевич!

Вашему высокографскому сиятельству донести честь имею: в прошлом 798 году, когда с эскадрами проходил я чрез Константинополь в Архипелаг и в Средиземное море на действие против неприятеля по повелению Блистательной Порты Оттоманской, отпущены были ко мне на эскадру из Константинополя шесть хороших медных $4\frac{1}{2}$ фунтового калибра пушек со станками, снарядами и со всеми надлежностями ко оным. Из них одна пушка во время атаки — штурмования острова Видо с несколькими другими с эскадры российской пушками от выстрелов неприятельских, опрокинувших баркас, потонула, прочие пять пушек ныне чрез полномочного его императорского величества министра и кавалера Томару, в Константинополе находящегося, представлял я, дабы повелено было, кому надлежит, оные принять.

Полномочный министр Томара письмом своим минувшего сентября от 28 дня уведомил меня, что на отношение его получил в ответ от рейс-эфенди уведомление: по докладу о сем султану его величество приказало ему объявить российскому полномочному министру, что дарует те пушки мне в знак особого высочайшего своего ко мне благоволения. С письма полномочного министра Томары копию вашему высокографскому сиятельству представляю и осмелился всеподданнейше представить оные [пушки] в артиллерию его императорского величества, яко памяток почести, приобретенной адмиралом, удостоенным командовать в течение двух лет эскадрю его императорского величества и союз-

ною, и, повергая себя к освященным его императорского величества стопам, сию высочайшую милость и благоволение его султанского величества представил я на конфирмацию в высочайшее благоволение его императорского величества*. В прочем с навсегдашним моим истинным высокопочтением и совершенною преданностью имею честь быть.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА Г.Г. КУШЕЛЕВУ
О НАГРАДАХ, ПОЛУЧЕННЫХ ИМ И ОФИЦЕРАМИ ЭСКАДРЫ
ОТ РЕСПУБЛИКИ СЕМИ ОСТРОВОВ И НЕАПОЛИТАНСКОГО КОРОЛЯ
ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ОСТРОВОВ ОТ ФРАНЦУЗОВ**

5 ноября 1800 г.

Ваше высокографское сиятельство,
милостивый государь мой, Григорий Григорьевич!

Почтеннейшие письма вашего высокографского сиятельства сентября от 24 дня первое — с объявлением высочайшего его императорского величества благоволения, что его императорское величество всемилостивейше позволяет мне по просьбе депутатов Республики Семи Соединенных Островов на принятие от правительства их шпаги, когда прислана ко мне будет; второе — с препровождением присланных от его сицилийского величества знаков орденов: Св. Фердинанда — флота капитанам 1 ранга Сорокину, 2 ранга Белле; кавалерских Св. Константина — лейтенанту Снаксареву, капитану Чебышеву и поручику Александру. Также удостоился я получить при высочайшем рескрипте его императорского величества от 14 сентября его сицилийского величества орден Св. Януария. Все сии знаки высокомонаршей милости и благоволения приемлю я с глубочайшим благоговением и всеподданнейшую его императорскому величеству приношу благодарность. Таковые высокомонаршие милости и благоволение употребляю я всевозможное старание заслуживать и впредь быть достойным.

Вашему высокографскому сиятельству также приношу всепокорнейшую благодарность и доношу: от правительства Республики Семи Соединенных Островов получил я золотую шпагу, украшенную алмазами, и также получил от правительства острова Занте золотую шпагу с военною арматурою и лаврами с надписью, изображающею благодарность за избавление оных островов. Письма вашего высокографского сиятельства и знаки орденов флота господину капитану Сорокину с прочими препроводил я при рапорте моем в Кантору главного командира Черноморских флотов, прося, чтобы оные препровождены были в Константинополь к полномочному министру и кавалеру Томаре и от него до-

* Пушки, подаренные Ушакову турецким султаном Селимом III, по распоряжению Павла I были оставлены у Ушакова и 11 декабря 1806 года переданы им в фонд пожертвований в пользу русской армии.

ставить тем, кому надлежит. За сим, свидетельствуя вашему высокографскому сиятельству высокопочитание и совершенную преданность, с каковыми наивсегда имею честь быть.

**СООБЩЕНИЕ Ф.Ф. УШАКОВА
В АХТИАРСКУЮ ПОЧТОВУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ О ПОДПИСКЕ
НА ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ НА 1801 ГОД**

11 ноября 1800 г.

В сходство полученного мною из оной экспедиции от 1 числа сего месяца рапорта касательно до объявления, ежели кто желает иметь на будущий 1801 год московские, Санкт-Петербургские или иностранные ведомости, отданным от меня вчерашнего числа по флоту генеральным приказом знать дано, и извещаю, потребно иметь собственно для меня «Московские ведомости», на белой бумаге, «Политический журнал» в переводе с гамбургского немецкого, которые доставляемы были ко мне в Ахтиар. Деньги за «Московские ведомости» 15 рублей 50 копеек и за журнал 12 рублей, всего 27 рублей 50 копеек, при сем в сию экспедицию препровождаю.

**РЕСКРИПТ АЛЕКСАНДРА I ПЕТЕРБУРГСКОМУ ПРЕДВОДИТЕЛЮ
ДВОРЯНСТВА А.С. СТРОГАНОВУ О ВОЗВРАЩЕНИИ Ф.Ф. УШАКОВУ
ПОЖЕРТВОВАННОГО ИМ НА НУЖДЫ ВОЙНЫ
АЛМАЗНОГО ЧЕЛЕНГА**

2 января 1807 г., Санкт-Петербург

Граф Александр Сергеевич!

До сведения моего дошло, что между приношениями в дар Отечеству, предложенными в здешнем дворянском собрании, адмирал Ушаков представил алмазную челенту, турецким султаном ему пожалованную. Отдавая полную справедливость благородным чувствованиям, к таковому пожертвованию его побудившим, почитаю, и что сей знак сохранен должен быть в потомстве его памятником подвигов, на водах Средиземного моря оказанных. Посему и желаю я, чтобы вы объяснили адмиралу Ушакову благодарность мою за столь знаменитое пожертвование, возвратили ему сию вещь, которая... будет свидетельствовать сверх военных его подвигов и примерное соревнование к благу любезного Отечества. Пребываю в протчем вам благосклонный

*Александр**

*В связи с франко-русской войной 1805—1807 гг. среди дворянства России был организован сбор пожертвований в пользу русской армии. Ф.Ф. Ушаков, назначенный в 1802 г. главным командиром Балтийского гребного флота и начальником флотских команд в Петербурге, передал в фонд пожертвования 2 тысячи рублей, 5 пушек и алмазный челенг (перо на шляпу), пожалованный ему турецким султаном Селимом III.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА ТОВАРИЩУ МИНИСТРА МОРСКИХ СИЛ
ВИЦЕ-АДМИРАЛУ П.В. ЧИЧАГОВУ С ПОДТВЕРЖДЕНИЕМ ПРОСЬБЫ
ОБ УВОЛЬНЕНИИ ЕГО ОТ СЛУЖБЫ**

12 января 1807 г.

М[илостивый] г[осударь] Павел Васильевич.

Вследствие милостивого благоволения его имп[ераторского] велич[ества], в письме вашего превосход[ительст]ва мне объявленному, о узнании подробнее о душевной болезни моей, во всеподданнейшем прошении о увольнении меня при старости лет за болезнью моею от службы упомянутой, всеподданнейше мое донесение его имп[ераторскому] величеству при сем представить честь имею. Всепокорнейше прошу ваше превосход[ительст]во представить его всемилостивейшему государю императору и не оставить вашим благоприятством по моему прошению, от 19 декабря минувшего 1806 года писанному, в каковой надежде имею честь быть с совершенным почтением и преданностью м[илостивого] г[осударя] в[ашего] превосход[ительст]ва

Ф. Ушаков

**ИЗ УКАЗА АЛЕКСАНДРА I ОБ УВОЛЬНЕНИИ
ОТ СЛУЖБЫ Ф.Ф. УШАКОВА**

17 января 1807 г.

...Балтийского флота адмирал Ушаков по прошению за болезнью увольняется от службы с ношением мундира и с полным жалованием.

**УКАЗ АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ Ф.Ф. УШАКОВУ
ПО СЛУЧАЮ ЕГО УВОЛЬНЕНИЯ ОТ СЛУЖБЫ С ИЗЛОЖЕНИЕМ ЕГО
СЛУЖЕБНЫХ И БОЕВЫХ ЗАСЛУГ**

4 июля 1807 г., Санкт-Петербург

Из Государственной Адмиралтейств-коллегии уволенному от службы флота господину адмиралу и разных орденов кавалеру Федору Федоровичу Ушакову, который находился начальником в Санкт-Петербурге флотских команд; от роду ему 62-й год, из российских дворян; крестьян за ним состоит мужска полу — 40 душ; в службе 1761 — кадетом в Морском корпусе; 1763 — гардемаринном; 1764 — капралом; 1766 мая 1 — мичманом; 1769 июля 30 — лейтенантом; 1775 — капитан-лейтенантом; 1782 января 1 — капитаном 2 ранга; 1784 января 1 — капитаном 1 ранга; 1787 мая 16 — бригадирского ранга; 1789 апреля 14 — контр-адмиралом; 1793 сентября 2 — вице-адмиралом; 1799 марта 25 — адмиралом; в походах был в Балтийском, Северном, Черном, Азовском, Атлан-

тическом и Средиземном морях; кампаний регламентных сделал: до офицерства — одну, офицером под командою — шесть; сам командовал — сорок шесть.

Деяния в течение службы господина адмирала суть следующие:

1772 года, усердием и искусством снял припасы и материалы с утопленных на реке Доне транспортов, когда оные почитались пропавшими, доставя даже на места и самые суда, за что изъявлена ему благодарность от высшего начальства.

1774 года, был при защищении от атаки Балаклавской гавани и крепости от турецкого десанта во время возмущения в Крыму.

1783 года, способствовал к прекращению свирепствовавшей в Херсоне заразительной болезни.

1788 года, сражаясь с турецким флотом, обратил оный в бегство с важным поражением.

1789 года, к удовольствию начальства и в усиление разделенного флота вышел из Севастополя с изготовленным самим им флотом, показался на водах Очакова для соединения с Лиманскою дивизиею и тем устранил неприятеля в открытое море.

1790 года, с 4 фрегатами и 11 крейсерскими судами обошел весь анатолийский берег; истребил и сожег множество транспортов и иных неприятельских судов, а паче при Синопе, Анапе и Самсоне, причиня крепостям и обитающим народам великий вред и распространя всюду страх; пленил немало разнородных судов с 200 человек; потом, командуя всем Черноморским флотом, сражался июля 8 числа против Еникальского пролива, с турецким превосходным флотом, который совершенно разбит и гонимый скрылся ночью темнотою к стороне Константинополя; после чего, вторично сражаясь августа 28 и 29, разбил совершенно неприятельский турецкий флот, взял командовавшего пашу с некоторыми чиновниками в плен, коего корабль взорвало на воздух; один 74-пушечный корабль с разными мелкими судами и множеством людей достались победителю в плен; один такового же ранга корабль с многими судами потоплены; а остатки разбитого и поврежденного флота спаслись бегством; в довершение сей победы перехвачены еще два судна с чиновниками, бежавшими из устья Дуная с флотами, из укрепления и из Варны.

1791 года, сражаясь с турецким флотом, превосходным в числе линейных кораблей и иных судов, более пяти часов, разбил оный, поврежденный загнан к Константинопольскому проливу.

1798 года, присоединя к своему флагу многожды побеждаемый им турецкий тогда соединенный флот, действовал противу французов. Показавшись в Архипелаге, взял на острове Цериго две крепости, поместя пленных французов на фрегат, и по желанию обитателей острова дал им закон правления. Приближаясь 13 октября к острову Занте, действием флота и десантом овладел береговыми укреплениями, прикрывавшими город и крепость над оным, и с присоединением жителей город освобожден, а крепость

взята на договор, по коему пленные французские войска отосланы в Константинополь; потом взяты крепости островов Кефалония, Итака, Св. Мавры и острова Видо, на коем неприятельские войска разбиты, командующий генерал с 450 подчиненными взят в плен, оставя более 200 убитых на месте, а бежавшие на гребных судах в крепость ядрами корабля «Богоявление» потоплены; в то же время на берегу острова Корфу десантом взята сильнейшая южная наружная пристройка Салвадор. Французы, на вылазках и против штурмовавших потеряв более 1200 человек убитыми, и из страха сдали крепость и город 1799 года февраля 22 числа во власть победителя, получившего в Корфу многочисленную артиллерию, амуницию, арсенал, магазины с провиантом и иными припасами, знатное число мачтовых и корабельных лесов, один линейный корабль, фрегат и много мелких судов; а в другом порте — Гуви, взяты два ветхие корабля, разные припасы, мачтовые и корабельные леса; войска французские при четырех генералах числом более 3000 человек, обезоруженные по условию, отправлены во Францию с обязательством до окончания войны ни против победителей, ни их союзников не служить; во время же блокады сего знатного острова все окружающие оный малые острова освобождены от французов, после сего одним отрядом освобождал от французов крепость и город Бриндичи и весь берег [Италии] до Манфредонии; другим отрядом совокупно с турецкими канонерскими лодками освобождал берег от Отранто до Бриндичей; блокировал город Анкону, обеспечивал коммерцию союзников и увенчал свои доспехи, заставя неприятеля ретироваться из Бриндичей; а соединенные его десантные войска с обывателями страны прошли во внутрь провинции Апулии; гоня и рассеивая всюду французов и неаполитанских якобинцев, вошли в столичный город Неаполь, предшествуемый калабрийцами, тесня заседавших в укреплениях неприятелей, и напоследок, разбив оных, завладели замком Де-ла-Кармело, через что, став властелинами столицы, с присоединившимися жителями распространили покорения замков Лово и Делово, поражая сильно противившихся; а наконец обложена была сильнейшая в Неаполе крепость Сант-Ельм, где гонимые французы заперлись, думая найти свою безопасность, но, утесненные со всех сторон войсками, усиленными еще присоединением англичан и жестокостию обложенных батарей, сдались на капитуляцию, и тем столица совершенно стала освобождена. Те же подкомандные адмирала войска, соединясь с англичанами и взяв крепости Гаета и Капуа, даровали свободу Неаполитанскому королевству, поелику особым и содействующим сим доспехам отрядом вице-адмирала Пустошкина в то же время очищены от неприятелей берега от Манфредонии к Анконе и далее до крепостей Фано и Сенигалия в Папской области; самая Анкона держалась в тесной осаде; Адриатическое море от крейсеров французских очищено, и коммерция стала сво-

бодною, и победитель адмирал, по убеждению короля Обеих Сицилий, восстановил в его народе тишину, спокойствие и законный порядок, дав везде в покоренных им островах закон, принятый народами, благоговеющими своему освободителю, который увенчал свои действия учреждением Республики Семи Ионических Островов, управляемой Сенатом, в городе Корфу пребыванием.

Отличия и награды его за службу.

За ревностное усердие его к службе, искусство в делах и отличную деятельность в военных подвигах, храбрость и мужество награжден он знаками отличий: Св. равноапостольного князя Владимира 4-й ст[епени] — 1785 сентября 22; 3-й степени — января 1 1788; большого креста 2-й степени — июля 29 1790; великомученика Победоносца Георгия 4-го класса — октября 22 1788; большого креста 2-го класса — сентября 16 1790 года; и при оном пожаловано ему в Могилевской губернии 500 душ крестьян; Св. Александра Невского — ноября 21 1791 года; потом того же ордена бриллиантовыми знаками — декабря 21 дня 1798 года; Св. Иоанна Иерусалимского с присовокуплением к нему командорскаго в 2000 ежегодного дохода того же декабря 21 дня 1798 года — его величества короля Обеих Сицилий Св. Януария; от его султанского величества в 1798, в 1799 и в 1800 годах — двумя алмазными челенгами, двумя табакерками, одною с бриллиантами, другою с алмазами; собольею шубою и пятью медными полевыми пушками со всеми принадлежащими к ним припасами и материалами. Пушки те самые, которые с ним были в десанте против неприятелей; от Сената Семи Островов, в Корфу состоящего, в знак благодарности за их избавление и освобождение поднесен ему меч, украшенный алмазами с приличною к тому надписью; от правительства острова Занте также поднесены ему щит и меч в знак благодарности с приличною надписью за их освобождение, с изображением на щите действий флота; от правительства прочих островов, им освобожденных, поднесены ему золотые медали с приличною надписью.

В штрафах не бывал, аттестовался всегда достойным, а сего года января 17 дня по высочайшему повелению по прошению за болезнью уволен от службы с мундиром и полным жалованием, во свидетельство чего ему сей его императорского величества указ и дан в Санкт-Петербурге июля 4 дня 1807 года.

**У сего указа Государственной
Адмиралтейств-коллегии печать**

Место печати.

Адмирал и кавалер Е...* фон Дезин, адмирал и кавалер Михайла Макаров. Вице-адмирал и кавалер Карцов. Тайный советник и кавалер граф Г. Чернышев. Контр-адмирал и кавалер Гаврила Сарычев. Правитель канцелярии пятого класса и кавалер Игнатьев. Столоначальник Телепнев. Помощник столоначальника Артемьев.

Данной об отставке указ господину адмиралу и разных орденов кавалеру Федору Федоровичу Ушакову.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ТЕМНИКОВСКОГО УЕЗДНОГО ДВОРЯНСКОГО СОБРАНИЯ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ О ВЫБОРЕ В КАНДИДАТЫ НА ДОЛЖНОСТЬ НАЧАЛЬНИКА ВНУТРЕННЕГО ОПОЛЧЕНИЯ ГУБЕРНИИ АДМИРАЛА Ф.Ф. УШАКОВА

25 июля 1812 г.

Темниковской округи дворяне, выслушав высочайший манифест, в 6 день июля сего года состоявшийся, о выборе из среды себя для распоряжения внутренним ополчением... представляем для избрания в губернские начальники внутреннего ополчения живущего в Темниковской округе господина адмирала и разных орденов кавалера Федора Федоровича Ушакова, известного всем по отличным деяниям, храбрости и долговременной службе...

ПИСЬМО АДМИРАЛА Ф.Ф. УШАКОВА ТАМБОВСКОМУ ДВОРЯНСКОМУ СОБРАНИЮ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ИЗБРАНИЕ ЕГО НАЧАЛЬНИКОМ ВНУТРЕННЕГО ОПОЛЧЕНИЯ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ И О НЕВОЗМОЖНОСТИ ПО СОСТОЯНИЮ ЗДОРОВЬЯ ПРИНЯТЬ ЭТУ ДОЛЖНОСТЬ

29 июля 1812 г.

Почтеннейшему дворянскому собранию донести честь имею:

За избрание меня губернским начальником над новым внутренним ополчением по Тамбовской губернии, за благосклонное, доброе обо мне мнение и за честь сделанную приношу всепокорнейшую мою благодарность.

С отличным усердием и ревностью желал бы я принять на себя сию должность и служить Отечеству, но с крайним сожалением за болезнью и великой слабостью здоровьем принять ее на себя и исполнить никак не в состоянии и не могу. Посему и прошу почтеннейшее дворянское собрание меня от оной уволить и избрать, кого за благо рассуждено будет, другого.

Прошу также верить, что я действительно, будучи ныне при совершенной старости лет, находясь в болезни и всегдашней, по летам моим, великой слабости здоровья, должности понести и в Тамбовское сословие дворянства явиться не могу.

Адмирал и кавалер Федор Ушаков

* Так в документе.

**ПИСЬМО Ф.Ф. УШАКОВА ОБЕР-ПРОКУРОРУ СИНОДА А.Н. ГОЛИЦЫНУ
О ПОЖЕРТВОВАНИИ ДЕНЕГ В ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМ
ОТ НЕПРИЯТЕЛЯ В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1812 г.**

11 апреля 1813 г.

По сообщенному вашим сиятельством к тамбовскому и шитскому епископу Ионе отношению вследствие высочайшего ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны благоволения, и с оного последовавшим пастырским его обращением к пастве приглашаются благородное и купеческое сословия к содействию богоугодных дел ее императорского величества, к денежным пожертвованиям на вспомоществование ближним страждущим от разорения злобствующего врага, последовавшим при нынешней настоящей войне истреблением жилищ и ограбленных всех их имуществ, бедствующим и странствующим, не имея жилищ, одежды и пропитания, и чтобы желающие последовать богоугодным делам ее императорского величества денежные пожертвования свои сами от себя отсылали в Санкт-Петербург к вашему сиятельству или к другим трем особам, императрицею назначенным.

На основании учреждения сохранной казны при объявлении моем августа 27 дня 1803 года внесено мною императорского воспитательного дома в Санкт-Петербургский опекунский совет денег государственными ассигнациями двадцать тысяч рублей на год и более за условленные проценты по пяти рублей со ста, из которых с того времени ни капитальной суммы, ни процентов на оную следующих нисколько не получал, а по сходству моего объявления проценты ежегодно должны быть приписываемы к капитальной сумме. Я давно имел желание все сии деньги без изъятия раздать бедным, нищей братии, не имущим пропитания, и ныне, находя самый удобнейший и вернейший случай исполнять мое желание, пользуясь оным по содержанию вышеозначенного объяснения в пожертвование от меня на вспомоществование бедным, не имущим пропитания.

Полученный мною от Санкт-Петербургского опекунского совета на вышеозначенную сумму денег двадцать тысяч рублей билет сохранной казны, писанный 1803 года августа 27 дня под № 453, и объявление мое на получение денег при сем препровождаю к вашему сиятельству. Прошу покорнейше все следующие мне по оному из опекунского совета сохранной казны деньги, капитальную сумму и с процентами за все прошедшее время истребовав, принять в ваше ведение и распоряжение по узаконению и в нынешнее же настоящее [время] сумму употребить их в пользу разоренных, страждущих от неимущества бедных людей. В приеме оных денег из опекунского совета сохранной казною на место

меня расписаться и прочее учинить, что как следует, во всем оном я вам верю, спорить и прекословить не буду. На объявлении моем в опекунский совет при положении денег в сохранную казну какова печать моя положена, таковую ж и на сем верющем письме прилагаю. Прошу покорнейше о получении сего письма и билета сохранной казны не оставить меня вашим уведомлением Тамбовской губернии в город Темников.

С истинным моим почтением и проч.

Адмирал и кавалер Федор Федоров сын Ушаков

Подлинная доверенность засвидетельствована Тамбовской губернии в темниковском уездном суде.

**Метрическая выпись из соборной книги Спасопреображенской церкви
города Темникова о смерти Ф.Ф. Ушакова**

2 октября 1817 г.

Часть третья: о умерших								
№		Число умер- вия	Кто именно по- мерли	Лета		Какою болез- нию	Кем испо- ведованы и приобщены	Где по- гребены
муже- ска	женска			муже- ска	женска			
Октябрь месяц								
36	—	2	Адмирал и раз- ных орденов ка- валер Феодор Феодоров Уша- ков, погребали соборне	75	—	Нату- раль- ною	Протои- ереем Асинкри- том	В Са- наксар- ском мона- стыре

К сей метрической тетради соборный иерей Михаил Дмитриев Темниковский руку приложил.

К сей метрической тетради соборный иерей Михаил Никольский руку приложил.

К сей метрической тетради соборный диакон Даниил Епифанов Вознесенский руку приложил.

К сей метрической тетради соборный диакон Иоанн Яковлев руку приложил.

К сей метрической тетради соборный дьячок Даниил Николаев руку приложил.

К сей метрической тетради соборный дьячок Алексей Стефанов руку приложил.

Сторож Семен Никитин руку приложил.

СВЕДЕНИЯ О ЛИЦАХ, УПОМИНАЕМЫХ В ДОКУМЕНТАХ

А

Абубекир-паша — в 1792 г. константинопольский каймакам.

Актон (д' Актон) Джон-Эдуард (1737—1811), баронет — неаполитанский генерал; в 1799—1800 гг. первый министр и военный министр Неаполитанского королевства.

Алекс — в 1799 г. французский бригадир.

Александр (Александр) Петр — в 1799—1800 гг. поручик морских батальонов отряда десантных войск.

Александр I (1777—1825) — русский император (1801—1825).

Алексиано Антон Павлович — в 1799—1800 гг. капитан 1 ранга, капитан-командир, командир корабля «Богоявление Господне» и отряда судов. Умер в 1800 г. в чине вице-адмирала.

Алексиано Паниоти (Панаиотия) — в 1763 г. волонтер на русской службе, в 1770—1776 гг. командир фрегата «Св. Павел», с 1774 г. капитан-лейтенант, в 1787 г. капитан бригадирского ранга, начальник Лиманской корабельной эскадры. Умер в 1788 г. в чине контр-адмирала.

Али-паша Янинский (1741—1822) — полунезависимый турецкий правитель Албании, Эпира и части Фессалии.

Антонов — фельдфебель и подпоручик морских батальонов.

Аполлонов — подпоручик морских батальонов, командир отряда десантных войск.

Апраксин И.С. — в 1769 г. капитан-лейтенант, командир прама № 5.

Аржевитинов — в 1792, 1799 гг. такелаж-мейстер.

Арфано — в 1790 г. мичман, командовал крейсерским судном «Панагия Калигати».

Ахматов Федор Антонович — с 1773 г. в Морском корпусе, с 1776 г. в плавании, с 1788 г. капитан 2 ранга, с 30 сентября 1790 г. капитан 1 ранга, в 1796 г. капитан генерал-майорского ранга. В 1797 г. уволен от службы.

Ахтаров Николай Петрович — отставной генерал от инфантерии, помещик Тамбовской губернии.

Б

фон Бакман, Иван. В 1798 г. лейтенант на фрегате «Григорий Великия Армении».

Балабин Петр Иванович (1776—1855) — генерал-лейтенант; в 1799 г. лейтенант, адъютант Ф.Ф. Ушакова, командир отряда десантных войск.

Бальзам Дмитрий Егорович — в 1799 г. лейтенант на фрегате «Навархия», командир отряда десантных войск. Умер в 1831 г. в чине контр-адмирала.

Баранов Андрей Гаврилович — с 1762 г. в Морском корпусе, с 1766 г. в плаваниях, в 1790 г. капитан 2 ранга, командир фрегата «Иоани Предтеча»; в 1791 г. капитан 1 ранга.

Бардаш — в 1799 г. подпоручик десантных войск.

Батагов Иван — в 1792 г. клерк унтер-офицерского чина.

Безбородко Александр Андреевич (1747—1799) — князь, дипломат и государственный деятель; с 1797 г. государственный канцлер.

Белле Генрих Генрихович — с 1783 г. мичман на русской службе, с 1789 г. капитан-лейтенант, в 1790 г. командир репетичного судна «Полоцк», в 1793 г. — фрегата «Счастливый», командовал десантным отрядом на восточном побережье Италии и в районе Неаполя. Умер в 1826 г. в чине контр-адмирала.

Бенаки Либеран Панайотович (1751 — ок. 1820) — действительный статский советник; в 1799—1800 гг. русский генеральный консул в Корфу.

Бенардаки Г. — в 1790 г. мичман; в бою у Тендры взял в плен турецкую бригантину; в 1791 г. лейтенант, командовал крейсерским судном «Панагия Дусено», потом «Феникс».

Боасель — в 1799 г. майор, командир морского батальона.

Болот Луи — французский купец.

Бороздин Михаил Михайлович (1767—1837) — в 1799—1800 гг. генерал-майор, комendant и командующий войсками в Корфу, затем генерал-лейтенант, командующий русскими войсками в Неаполе.

Бради — в 1799 г. австрийский генерал, командующий войсками в Бокка-ди-Катаро.

Бриджпорт — лорд, в 1799 г. английский адмирал, командующий английской эскадрой, блокирующей Кадикс.

Бриммер — майор, командир морского батальона.

Бырдин Семен — в 1773 г. гардемарин, в 1790 г. капитан-лейтенант корабля «Св. Александр», в 1796 г. капитан 2 ранга. В 1798 г. уволен со службы.

Буркарди — в 1799 г. неаполитанский генерал, командующий войсками (маршал).

В

Вали-паша — турецкий военачальник, сын Али-паши Янинского.

Вангели Антон Степанович — в 1799 г. мичман на фрегате «Навархия».

Ванни — в 1799 г. неаполитанский «генерал», руководитель повстанцев.

Васильев Алексей Михайлович (1742—1806) — барон, государственный казначей при Павле I, с 1802 г. первый русский министр финансов.

Васильев М.Н. — в 1798 г. мичман на корабле «Св. Павел», затем комendant крепости на о. Занте.

Великошапкин Василий — в 1779 г. гардемарин, в 1789 г. капитан-лейтенант, в 1790 г. командир фрегата «Федот Мученик», в 1791 г. капитан 2 ранга, командир фрегата «Макроплия», потом командир «Навархии».

Верини — в 1799 г. командующий австрийскими морскими силами в Венеции.

Вилинг, фон — в 1792 г. главный доктор Севастопольского порта.

Вильсон Роберт — с 1770 г. волонтер на русской службе, с 1786 г. капитан 2 ранга, в 1788 г. командовал фрегатом «Легкий», в 1789 г. капитан 1 ранга, в 1790 г. командовал кораблем «Св. Андрей». В 1805 г. уволен от службы в чине вице-адмирала.

Викорст Осип Иванович — в 1799 г. мичман на фрегате «Михаил».

Вишневицкий Яков Яковлевич — в 1782 г. гардемарин, с 1787 г. лейтенант, в 1790 г. на корабле «Кирилл Белозерский», в 1791 г. капитан-лейтенант, в 1801 г. капитан 2 ранга.

Влито Афанасий Егорович — лейтенант, командир аката «Св. Ирина».

Войнович Марк Иванович — граф, в 1770 г. мичман, в 1783 г. капитан 1 ранга, в 1787 г. контр-адмирал, командовал Севастопольской эскадрой. В 1805 г. уволен со службы в чине адмирала.

Войнович Николай Дмитриевич — граф, с 1775 г. в Морском корпусе, с 1781 г. в плаваниях, в 1790 г. капитан-лейтенант, командир корабля «Св. Иоанн Богослов», в 1795 г. командир «Навархии», в 1798 г. капитан 2 ранга. В 1801 г. исключен со службы.

Волконский Дмитрий Михайлович — князь. В 1799—1800 гг. генерал-майор, генерал-лейтенант, командующий отрядом русских войск в Италии. Умер в 1835 г.

Воробьев — в 1799 г. подпоручик морских батальонов.

Вукотич — в 1799 г. архимандрит, послан Ушаковым в Черногорию.

Высоцкий Егор — в 1799 г. констапель.

Г

Гаман (Гамен) А.Ю. — майор, в 1799 г. начальник десантного отряда, действовавшего в районе между г. Фано и Анконой.

Ганфельд Егор — в 1798 г. лейтенант на корабле «Св. Павел».

Гасан-эфенди — в 1798 г. албанский военачальник.

Гастфер — в 1799—1800 гг. подполковник, начальник артиллерийского гарнизона на о. Корфу.

Герман Иван Иванович (1744—1801) — в 1798 г. генерал-лейтенант, с сентября 1799 г. генерал от инфантерии.

Глотов П.И. — в 1766 г. флота капитан-лейтенант, командир линка «Наргин».

Говоров — в 1790 г. премьер-майор, в 1792 г. адъютант коменданта Севастополя.

Голенцев-Кутузов Иван Лонгинович (1729—1802) — с 1762 г. директор Морского кадетского корпуса, в 1797 г. вице-президент Адмиралтейств-коллегии, с 1798 г. ее президент. Умер в чине адмирала.

Голенкин Гавриил Кузьмич — с 1760 г. в Морском корпусе, в 1787 г. капитан 1 ранга, в 1789 г. бригадир, командовал кораблем «Мария Магдалина», в 1790 г. капитан генерал-майорского ранга, в 1795—1799 гг. командир Херсонского порта. В 1805 г. уволен со службы в чине вице-адмирала.

Голицын Александр Николаевич (1773—1844) — князь. В 1813 г. обер-прокурор Синода.

Грейг Самуил Карлович — с 1764 г. на русской службе, в 1768 г. капитан 1 ранга, командир корабля «Три иерарха». Умер в 1788 г. в чине адмирала.

Гринь Павел (1768—1827) — граф, французский генерал. В 1799 г. генерал-лейтенант, командующий войсками в Римской области.

Д

Дандри — майор, комендант о. Занте после освобождения его от французов, а потом комендант крепости Корфу.

Данилов Петр Алексеевич — с 1773 г. в Морском корпусе. С 1776 г. в плаваниях, в 1789 г. капитан 2 ранга, в 1790 г. флаг-капитан при Ушакове, в 1791 г. командовал фрегатом «Макроплия», в 1794 г. — кораблем «Св. Николай», в 1796 г. капитан 1 ранга. В 1809 г. уволен от службы в чине вице-адмирала.

Дашков Павел Михайлович — князь, генерал-лейтенант. Умер в 1807 г.

Дезин, фон (Фондезин) Вилим Петрович (1740—1826) — в 1799—1800 гг. главный командир Черноморского флота, в 1807 г. член Адмиралтейств-коллегии. Умер в чине адмирала.

Декасеро — принц; в 1800 г. наместник короля в Неаполе.

Демьянов Анисим (Онисим) Петрович — в 1799 г. лейтенант на корабле «Богоявление».

Диаманти — поручик, начальник крепости Капсали, затем комендант о. Цериго.

Довгали Петр — в 1798 г. унтер-офицер.

Долгово-Сабуров Матвей — в 1782 г. гардемарин, в 1788 г. лейтенант, в 1790 г. командир фрегата «Иоанн Воинственник», в 1791 г. капитан-лейтенант, в 1797 г. командир фрегата «Сергий». В 1798 г. уволен со службы в чине капитана 2 ранга.

Доможиров Дмитрий Андреевич — с 1761 г. в Морском корпусе, с 1765 г. в плаваниях, в 1789 г. капитан 1 ранга, с 1788 г. капитан Севастопольского порта. В 1802 г. уволен со службы в чине капитана генерал-майорского ранга.

Е

Екатерина II (1729—1796) — с 1762 г. русская императрица.

Елисавета (Елизавета) Алексеевна (1779—1826) — русская императрица, жена Александра I.

Ельчанинов (Елчанинов) Матвей Максимович — с 1769 г. в Морском корпусе, с 1788 г. капитан 2 ранга, в 1790 г. капитан 1 ранга, командовал кораблем «Рождество Христово». В 1805 г. уволен со службы в чине генерал-майора.

Ж

Жегулин Семен Семенович — в 1789—1796 гг. генерал-майор, губернатор Таврической области.

З

Заостровский Федор Яковлевич — с 1767 г. в Морском корпусе, в 1787 г. капитан 2 ранга, командир фрегата «Победа», в 1790 г. капитан 1 ранга, командовал кораблем «Петр Апостол», в 1794 г. — на «Св. Павле». В 1798 г. уволен со службы.

Звороно Иван — в 1790 г. мичман, в 1791 г. лейтенант, командир крейсерского судна «Панагия Апотуменгана».

Зейнер — в 1799—1800 гг. капитан, командир турецкого фрегата.

Зео, фон (Фонзео) — в 1800 г. мичман на корабле «Св. Павел».

И

Ибрагим-паша Авлонский — губернатор Авлоны, командовал войсками Турции на албанском побережье.

Ибрагим-паша Скутарский — албанский военачальник.

Иванин — в 1799 г. прапорщик морских батальонов.

Изнатьев — в 1807 г. правитель канцелярии Адмиралтейств-коллегии.

Ижиженков — в 1798 г. унтер-офицер.

Икскуль Карл, фон — мичман, разжалован в 1797 г. в матросы 2-й статьи.

Икскуль, фон Яков Владимирович — в 1790 г. мичман и лейтенант на корабле «Мария Магдалина».

Илларионов — в 1790 г. капитан-лейтенант.

Италинский Андрей Яковлевич (1743—1827) — в 1799—1800 гг. русский «полномочный министр по военным делам» при неаполитанском короле Фердинанде IV в Палермо.

К

Кадыр-бей — в 1798 г. адмирал турецкого флота.

Каламай (Каламэ) Иван (Жан) — в 1799—1800 гг. банкир, русский генеральный консул в Ливорно.

Кантарино — в 1798 г. поручик на корабле «Богоявление Господне».

Капачио Карл Фомич — с 1788 г. на русской службе, в 1790 г. лейтенант на корабле «Св. Александр Невский». В 1813 г. уволен от службы в чине капитан-лейтенанта.

Кара-Али — в 1790 г. капитан турецкого корабля «Мелеки-Багари», был взят в плен в бою у Тендры.

Карачинский Семен Сергеевич — в 1799 г. мичман на фрегате «Григорий Великия Армении».

Кариди — в 1799 г. майор, греческий волонтер.

Карлов Михаил — в 1799 г. прапорщик морских батальонов.

Карцов Петр Кондратьевич — с 1761 г. в Морском корпусе, с 1765 г. в плаваниях, с 1796 г. контр-адмирал, в 1799 г. вице-адмирал. Умер в 1830 г. в чине адмирала.

Катасанов Александр Семенович — в 1772 г. исправлял суда эскадры адмирала Спиридонова, с 1778 г. по 1790 г. корабельный мастер при Рогожских Хуторах. В 1798 г. директор училища корабельной архитектуры в С.-Петербурге. Умер в 1804 г. в чине генерал-лейтенанта.

Каховский Михаил Васильевич (1734—1800) — граф; в 1789 г. генерал-ашеф, командовал 2-й дивизией Екатеринославской армии, с 1791 г. главнокомандующий Южной армией, в 1792 г. главнокомандующий Украинской армией.

Кейзер Иван — в 1799 г. поручик морских батальонов.

Кейт Джордж-Эльфинстон (1746—1823) — виконт; английский адмирал, в 1799—1800 гг. вице-адмирал, командующий английскими военно-морскими силами в Средиземном море.

Кикин — капитан, командовал десантом на о. Корфу.

Кирко — албанец на русской службе, капитан, в 1799 г. майор.

Кирьяко (Кирьяк) Николо — грек — турецкий подданный, судовладелец.
Клебер Жан-Батист (1753—1800) — французский генерал, в 1799—1800 гг. главнокомандующий французскими войсками в Египте.

Кленау, фон, Иоганн (1758—1819) — граф; австрийский генерал; в 1799 г. генерал-майор, командующий войсками в районе Анконы.

Клопакис Христовор Иванович — в 1799 г. капитан 2 ранга, командовал в Черногории.

Козловский Степан — в 1792 г. матрос.

Козлянинов Тимофей Гаврилович — в 1776 г. капитан 2 ранга, командир фрегата «Северный Орел». Умер в 1798 г. в чине вице-адмирала.

Козмин Евстифей — в 1792 г. шкипер 1 ранга.

Колунчаков Павел — князь; в 1812 г. коллежский регистратор, помещик Тамбовской губернии.

Колычев Степан Алексеевич (1746—1805) — вице-канцлер; с 25 сентября 1799 г. и в 1800 г. русский посол в Вене.

Кондратьев — артиллерии лейтенант, осужденный в 1797 г. за хищение пороха.

Кононович — лейтенант, командир кирлангича «Ахилл», погиб в 1798 г.

Константинов Кирьяк Константинович — в 1798 г. капитан-лейтенант, в 1799 г. капитан 2 ранга, командир фрегата «Сошествие Св. Духа».

Копытов Петр — в 1788 г. унтер-лейтенант морской артиллерии, в 1790 г. лейтенант, в 1797 г. капитан-лейтенант, цейхмстер.

Кочубей Виктор Павлович (1768—1834) — князь; русский государственный деятель и дипломат. С 1798 г. вице-канцлер коллегии иностранных дел.

Кошелев Дмитрий Родионович — в 1812 г. действительный статский советник, помещик Тамбовской губернии.

Крамарев (Крамаренко, Кромаренко) — в 1799 г. унтер-офицер и подпоручик морских батальонов.

Криссоплеври — в 1799 г. австрийский консул на о. Занте.

Крицын Семен — ахтиарский купец и подрядчик.

Кузьмищев — в 1771 г. капитан-лейтенант, командир фрегата «Первый».

Куликовский Илья Афанасьевич — в 1799 г. мичман на «новокупленной» бригаantine.

Кумани Николай Петрович — с 1769 г. на русской службе, в 1773 г. лейтенант, с 1786 г. капитан 2 ранга, в 1788 г. командовал фрегатом «Кинбурн», в 1783 г. капитан 1 ранга, в 1790 г. командовал кораблем «Св. Иоанн Богослов», в 1791 г. — кораблем «Преображение», в 1794 г. — кораблем «Рождество Христово», в 1797 г. контр-адмирал, командовал 1-й Черноморской эскадрой. В 1799 г. уволен от службы.

Купа Дмитрий — в 1790 г. мичман, командовал крейсерским судном «Кеки-Тавро», в 1791 г. лейтенант.

Купчинский (Купчинский) — в 1799 г. боцман, затем шкипер.

Кушелев Григорий Григорьевич (1754—1833) — в 1797 г. генерал-адъютант при Павле I, составитель «устава военного флота», в 1798 г. вице-адмирал; с 1799 г. граф; в 1800 г. директор «водяных» коммуникаций. В 1799—1800 гг. вице-президент Адмиралтейств-коллегии. В 1801 г. уволен по болезни.

Л

Лавров Иван Иванович — с 1773 г. в Морском корпусе, с 1777 г. в плаваниях, в 1788 г. капитан-лейтенант корабля «Св. Павел», в 1790 г. капитан 2 ранга.

Лагоц (Гоц) (1764—1799) — итальянский патриот, б. французский бригадный генерал; в 1799 г. возглавлял итальянские повстанческие отряды, действовавшие против французов в районе Анконы.

Ладыко (Ладико) Панагий — в 1790 г. шкипер, командир кирлангича, в 1791 г. подпоручик, командовал крейсерским судном «Св. Климент Папа Римский», с апреля того же года мичман.

Лаптев Николай Семенович — в 1812 г. тайный советник, помещик Тамбовской губернии.

Линев — в 1799 г. старший унтер-офицер (сержант) морских батальонов.

Ломаков Петр — в 1782 г. гардемарин, в 1788 г. лейтенант, в 1790 г. генерал-аудитор, с июля 1790 г. капитан-лейтенант, в 1797 г. командир аката «Ирина», в 1798 г. уволен от службы в чине капитана 2 ранга.

Лупандин Василий Федорович — в 1764 г. флота капитан, командир корабля «Наталия». Умер в 1779 г. в чине контр-адмирала.

Львов Михаил — с 1770 г. в Морском корпусе, с 1775 г. в плаваниях, с 1788 г. генеральс-адъютант, в 1789 г. командир корабля «Св. Николай», в 1791 г. капитан 2 ранга, с 1796 г. капитан 1 ранга. В 1798 г. уволен от службы.

М

Макаров Михаил Кондратьевич — в 1799 г. вице-адмирал, командующий русской эскадрой в Северном море; в 1807 г. адмирал, член Адмиралтейств-совета.

Македонский Михаил Степанович — в 1799—1800 гг. лейтенант, командир поляки «Экспедицион».

Машиев Петр Матвеевич — с 1777 г. в Морском корпусе, с 1782 г. в плаваниях, с 1787 г. лейтенант, в 1788—1790 гг. — на корабле «Св. Георгий Победоносец», в 1791 г. капитан-лейтенант. В 1799 г. командир шхуны № 1, начальник русского гарнизона (военного поста) в Бриндичи. В 1813 г. уволен от службы в чине капитан-командора.

Манс Анастасий — в 1799—1800 гг. коллежский ассессор, русский консульский агент (консул) в Мессине.

Марин Павел Петрович — с 1777 г. в Морском корпусе; с 1781 г. в плаваниях; с 1789 г. капитан-лейтенант; в 1790 г. командир корабля «Св. Андрей», в 1793 г. — репетичного судна «Полоцк», в 1794 г. — фрегата «Св. Богослов», потом фрегата «Сергий», в 1799 г. — фрегата «Св. Николай». В 1805 г. уволен от службы в чине капитана 1 ранга.

Маркати Михайло — член делегации Сената и правления Ионических Островов к Ф.Ф. Ушакову в 1799 г.

Маркати — инженер, уроженец о. Корфу, расстрелян французами в ноябре 1798 г.

Мартынов Степан А. — в 1764 г. капитан-лейтенант, командир корабля «Евстафий».

Масс — в 1788 г. капитан-лейтенант морской артиллерии, в 1792 г. капитан 3 ранга.

Махмут-эфенди — представитель турецкого правительства при соединенной эскадре.

Мессер (Мейсер) Фома (Томас) — в 1798 г. капитан-лейтенант, в 1799—1800 гг. капитан 2 ранга, командир фрегата «Казанская Богородица». Умер в 1829 г. в чине вице-адмирала.

Метакса Егор Павлович — в 1785 г. кадет «Корпуса чужестранных единовольцев», с 1791 г. в плаваниях, в 1791 г. мичман на корабле «Князь

Владимир», в 1795 г. лейтенант, в 1798 г. переводчик на корабле «Св. Мария Магдалина». В 1814 г. уволен от службы в чине капитана 2 ранга.

Метакса Герасим — уроженец о. Кефалония, волонтер в русском флоте.

Мишери (Мишери) Антуан — в 1799—1800 гг. неаполитанский полномочный министр по военным делам при русских вооруженных силах в Италии.

Монье — в 1799 г. французский генерал, начальник гарнизона в Анконе.

Мордвинов Николай Семенович (1754—1845) — с 1783 г. капитан 1 ранга, в 1787—1788 гг. контр-адмирал, старший член Черноморского адмиралтейского правления, в 1792 г. председательствующий Черноморского адмиралтейского правления, в 1797 г. адмирал, в 1802 г. министр морских сил, с 1834 г. граф.

Мусин-Пушкин-Брюс Василий Валентинович — русский полномочный министр в Неаполитанском королевстве.

Мустафа-ага — в 1790 г. служил на турецком корабле «Капитания», взят в плен у Тендры.

Мустафа-паша — в 1799—1800 гг. турецкий правитель (губернатор) Мореи.

Мустафа-паша Дельвинский — албанский военачальник. В 1799—1880 гг. турецкий наместник в Дельвино (Албания).

Мухтар-паша — турецкий военачальник, сын Али-паши Янинского.

Н

Навроцкий Даниил Гаврилович — в 1798 г. флота лейтенант на фрегате «Григорий Великия Армении», в 1799 г. командир брига «Александр». Умер в 1814 г.

Населли — в 1799 г. генерал-поручик, командующий неаполитанскими войсками в Риме.

Негош Петр (Петр I Негош) (1747—1830) — в 1782—1830 гг. митрополит (владыка) — духовный и светский правитель Черногории.

Недобров Василий Александрович — в 1812 г. генерал-майор, помещик Тамбовской губернии.

Неклюдов Сергей Васильевич — в 1789 г. генерал-майор, с 1796 г. генерал-поручик.

Нелединский (Нелединский) Алексей Николаевич — с 1769 г. в Морском корпусе, с 1775 г. в плаваниях, с 1787 г. капитан-лейтенант, в 1788 г. командовал фрегатом «Стрела», а 1790 г. фрегатом «Амвросий Медиоланский», капитан 2 ранга; в 1794 г. командир корабля «Сошествие Св. Духа», с 1796 г. капитан 1 ранга. В 1799 г. уволен от службы.

Нельсон Горацио (1758—1805) — в 1799 г. вице-адмирал английского флота, позднее герцог, адмирал. В 1799—1800 гг. командующий эскадрой в Средиземном море.

Неронов Федор Иванович — в 1799 г. мичман на «новокупленной» бригантине.

Никифоров Павел Иванович — в 1799 г. мичман на фрегате «Св. Михаил».

Николаев — в 1789 г. капитан, с сентября секунд-майор греческого полка.

Никонов Даниил — капитан.

Новосильцев Иван Николаевич — действительный статский советник, помещик Тамбовской губернии.

О

Обольянинов Александр Артамонович — с 1764 г. в Морском корпусе, с 1772 г. в плаваниях, с 1788 г. капитан 2 ранга, командовал кораблем «Св. князь Владимир», в 1790 г. капитан 1 ранга, в 1791 г. командовал «Леонтием Мучеником». В 1799 г. уволен от службы.

Овцын Иван Тихонович — в 1789 г. капитан 1 ранга, в 1795 г. бригадир. Умер в 1798 г. в чине контр-адмирала.

Ознобишин Илья Иванович — с 1769 г. в Морском корпусе, с 1774 г. в плаваниях, с 1784 г. капитан-лейтенант, с 1787 г. капитан 2 ранга, командир фрегата «Перун», в 1790 г. командир фрегата «Покров Богородицы», потом корабля «Царь Константин»; в 1797 г. капитан 1 ранга, командир корабля «Захарий и Елисавет».

Олешев Александр — мичман, в 1797 г. разжалован в матросы 2-й статьи.

Орио (Ори) Анжело — граф; в 1799—1800 гг. президент Сената Республики Ионических островов.

Орлов Семен — в 1790 г. матрос 2-й статьи корабля «Св. Георгий».

Осипов Иван — в 1799 г. матрос 2-й статьи с фрегата «Григорий Великия Армении».

П

Павел I (1754—1801) — с 1796 г. до 1801 г. русский император.

Пандели Николай — в 1799—1800 гг. грек—волонтер на русской службе, владелец и капитан галиота «Суворов».

Папаставро Иван Дмитриевич — в 1799—1800 гг. лейтенант на корабле «Св. Павел».

Патаниоти (Патениоти) Константин Юрьевич — с 1778 г. кадет «Корпуса чужестранных единоверцев», с 1788 г. лейтенант на фрегате «Кинбурн», в 1789 г. — на корабле «Рождество Христово», с 1791 г. капитан-лейтенант, в 1795—1798 гг. командир бригантину № 1, в 1800 г. командир габары «Кичкасы». Умер в 1840 г. в чине вице-адмирала.

Патрон-бей — в 1799—1800 гг. турецкий вице-адмирал.

Пашков Алексей Александрович — в 1812 г. бригадир, помещик Тамбовской губернии.

Петров Абрам — в 1792 г. матрос 1-й статьи.

Перский — в 1798 г. капитан 2 ранга, командовал линейным кораблем «Св. Владимир».

Писарев — в 1798 г. капитан 1 ранга.

Погони — в 1799—1800 гг. поручик, командир требакула «Константин».

Подуев — в 1799 г. унтер-офицер морских батальонов.

Полторацкий Александр Маркович — обер-берг-гауптман 4-го класса, помещик Тамбовской губернии.

Попандопуло — в 1799 г. поручик, состоял в должности переводчика в эскадре Ф.Ф. Ушакова.

Попов — в 1799 г. унтер-офицер и подпоручик морских батальонов.

Попов Василий Степанович (1745—1822) — с 1782 г. по 1791 г. правитель военно-походной канцелярии Г.А. Потемкина, в 1789 г. полковник, с 1792 г. по 1796 г. секретарь кабинета Екатерины II, позднее управляющий комиссариатским и провиантским департаментами.

Попов Иван — в 1812 г. городской секретарь в Тамбове.

Пополетов — в 1798 г. унтер-офицер.

Поскочин Иван Степанович — с 1776 г. в Морском корпусе, с 1780 г. в плаваниях, с 1796 г. капитан 2 ранга, командовал фрегатом «Федор Стратилат». Умер в 1803 г. в чине капитан-командора.

Поскочин Федор Васильевич — с 1771 г. в Морском корпусе, с 1774 г. в плаваниях, в 1787 г. капитан 2 ранга, в 1788—1790 гг. командир фрегата «Св. Георгий Победоносец», с 1790 г. капитан 1 ранга. В 1799 г. уволен от службы в чине контр-адмирала.

Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — князь Таврический; с 1784 г. президент Военной коллегии, в 1787 г. генерал-фельдмаршал, главнокомандующий Екатеринославской, а с 1789 г. Соединенной армией.

Потулов Павел Васильевич — в 1812 г. генерал-майор, помещик Тамбовской губернии.

Прасолов — в 1798 г. унтер-офицер, в 1799 г. подпоручик морских батальонов.

Протопопов — в 1799 г. унтер-офицер и подпоручик морских батальонов.

Пустошкин Павел Васильевич — с 1760 г. в Морском корпусе, с 1762 г. в плаваниях, в 1787 г. капитан 1 ранга, с 1789 г. бригадир, с 1790 г. командир корабля «Князь Владимир», в 1793 г. контр-адмирал. В 1799—1800 гг. командующий отдельной эскадрой в Средиземном море. Умер в 1828 г. в чине вице-адмирала.

Пустошкин Семен Афанасьевич (1759—1846) — адмирал; в 1799 г. капитан 1 ранга, капитан над Ахтиарским (Севастопольским) портом; в 1799—1800 гг. командир отряда судов, доставивших сухопутные войска из черноморских портов в Италию.

Пуцин Петр Иванович (1723—1812) — в 1769 г. капитан 1 ранга. С 1802 г. адмирал.

Р

Разумовский Андрей Кириллович (1752—1836) — князь; в 1799 г. граф, русский посол в Вене.

Разумовский Петр Алексеевич (1775—1835) — граф; действительный статский советник; в 1799 г. полковник, командир сводного гренадерского батальона.

Ратманов Макар Иванович (1772—1833) — в 1799 г. лейтенант, командир шебеки «Макарий» и отряда канонерских лодок, затем служил на фрегате «Св. Николай». Впоследствии адмирал и дежурный генерал Главного морского штаба.

Репин Николай Васильевич (1734—1801) — князь; с 1775 г. генерал-аншеф, в 1791 г. командовал 1-й дивизией Екатеринославской армии, потом временно всей Соединенной армией, позднее генерал-фельдмаршал.

Де Рибас Иосиф Михайлович (1749—1800) — с 1788 г. генерал-майор, командир Дунайской гребной флотилии. В 1791 г. контр-адмирал, с 1799 г. адмирал.

Роде Михаил Давидович — с 1777 г. в Морском корпусе, с 1782 г. в плаваниях, с 1787 г. лейтенант, в 1790 г. — на корабле «Кирилл Белозерский», позднее капитан 1 ранга, в 1816 г. уволен от службы.

Росточин (Рассточин) Федор Васильевич (1763—1826) — граф, генерал от инфантерии; в 1801 г. начальник Военного департамента, вице-канцлер в Коллегии иностранных дел.

Руффо Фабрицио (1744—1827) — кардинал и генеральный викарий Неаполя. В 1799 г. организатор крестьянских отрядов; королевский наместник в Неаполе.

Рябинин Александр Михайлович — в 1798 г. лейтенант, командир судна «Красноселье».

Саблин Яков Николаевич — с 1766 г. в Морском корпусе, с 1769 г. в плаваниях, в 1787 г. капитан 2 ранга, в 1788 г. командовал фрегатом «Берислав», в 1789—1790 гг. кораблем «Преображение Господне», в 1791 г. капитан 1 ранга.

Саид-Али (Сент) — паша; алжирец, в 1791 г. командир ведущего корабля в составе турецкого флота, разбитого Ф.Ф. Ушаковым у мыса Калиакрия.

Саид (Саит-бей) — трехбунчужный паша, адмирал турецкого флота, был взят в плен в сражении у Тендры 29 августа 1790 г.

Самарский-Быховец Василий — в 1799 г. мичман на фрегате «Навархия». В том же году убит.

Сарайдинаки Стамати (Евстафий Павлович) — в 1771 г. волонтер, констапель, с 1788 г. капитан 2 ранга, в 1789—1790 гг. командир фрегата «Св. Кирилл Белозерский», в 1791 г. — корабля «Апостол Андрей», в 1793—1798 гг. командир корабля «Мария Магдалина», в 1796 г. капитан 1 ранга. Уволен от службы в 1800 г. в чине капитан-командора.

Сарычев Гавриил Андреевич (1763—1831) — выдающийся русский мореплаватель и ученый, адмирал; в 1807 г. контр-адмирал, член Адмиралтейств-коллегии.

Селиванов Михаил Петрович — с 1778 г. в Морском корпусе, с 1782 г. в плаваниях, с 1787 г. лейтенант, в 1790 г. — на корабле «Амвросий Медиолинский», в 1804 г. капитан 1 ранга. В 1810 г. уволен от службы в чине статского советника.

Селивачев Иван Андреевич — в 1798 г. капитан-лейтенант, командир корабля «Захарий и Елисавет», в 1799 г. капитан 1 ранга, командир корабля «Захарий и Елисавет». В 1800 г. уволен от службы в чине капитан-командора.

Сен-Винцент (Сент-Винцент, Сен-Виксент, Винцент, Дэнервис) Джон (1734—1823) — граф; английский адмирал; в 1799 г. командующий флотом в Средиземном море.

Сенявин Алексей Наумович — в 1768 г. контр-адмирал, в 1797 г. член Государственной Адмиралтейств-коллегии.

Сенарий Дмитрий Николаевич — выдающийся русский флотоводец. В 1773 г. в Морском корпусе, с 1778 г. в плаваниях, с 1787 г. капитан-лейтенант, в 1790 г. генеральс-адъютант, в 1791 г. капитан 2 ранга, командир корабля «Навархия», в 1792—1794 гг. командир «Св. Александра Невского», в 1796 г. капитан 1 ранга. В 1799 г. командир корабля «Св. Петр». Умер в 1831 г. в чине адмирала.

Сикиский (Синайский) — в 1798 г. старший унтер-офицер.

Скаловский (Соколовский) Петр Семенович — в 1799 г. мичман на корабле «Св. Михаил».

Скандраков Егор — в 1798—1800 гг. капитан, командир авизы «Панатия Апотуменгана».

Скипор — в 1798—1800 гг. подполковник, командир морского батальона.

Скляренко Григорий — в 1799 г. унтер-офицер и подпоручик морских батальонов.

Смит Сидней (1764—1840) — в 1798—1800 гг. английский адмирал коммандор, командовал отрядом английских судов в восточной части Средиземного моря.

Снаксарев Марк Евсеевич — в 1799—1800 гг. лейтенант на фрегате «Михаил». Умер в 1829 г. в чине контр-адмирала.

Сорокин Александр Андреевич — в 1776 г. в Морском корпусе, с 1780 г. в плаваниях, с 1788 г. капитан-лейтенант, в 1790 г. командир корабля «Мария Магдалина», в 1794—1797 гг. командовал фрегатами «Федор Стратилат» и «Св. Михаил». В 1799—1800 гг. капитан 2 ранга, капитан 1 ранга, командир отдельного отряда судов, командующий десантным отрядом. Умер в 1827 г. в чине контр-адмирала.

Стаховский (Страховский) — унтер-офицер.

Строганов Александр Сергеевич (1733—1811) — граф; в 1807 г. петербургский предводитель дворянства.

Строжилов Николай — в 1790 г. лейтенант.

Суворов Александр Васильевич (1730—1800) — великий русский полководец; с 1794 г. генерал-фельдмаршал, с 1799 г. генералиссимус. В 1799 г. главнокомандующий союзными войсками в Северной Италии.

Сукещев (Сукашев) Николай Григорьевич — с 1775 г. в Морском корпусе, с 1782 г. в плаваниях, с 1786 г. лейтенант, с 1790 г. на корабле «Нестор Преподобный», в 1807 г. капитан 1 ранга. В 1810 г. уволен от службы в чине статского советника.

Сумароков Иван Иванович — в 1812 г. надворный советник, помещик Тамбовской губернии.

Сухотин Яков Филиппович — в 1779 г. генерал-майор, в 1781 г. контр-адмирал, в 1784 г. вице-адмирал. Умер в 1790 г.

Сытин (Сыткин) Степан — в 1799—1800 гг. капитан морских батальонов.

Т

Телесницкий Степан Михайлович — в 1798 г. лейтенант на корабле «Богоявление Господне», в 1799 г. капитан-лейтенант, комендант о. Занте; историограф флота.

Темниковский Михаил Дмитриевич — в 1817 г. священник Спасо-Преображенской церкви в г. Темников.

Тизенгаузен Николай Александрович — лейтенант, командир судна «Полоцк», с августа 1799 г. на корабле «Св. Павел», в 1800 г. капитан-лейтенант, предводитель русского командования при органах самоуправления Республики Ионических Островов.

Тимофеев Николай Михайлович — с 1774 г. в Морском корпусе, с 1778 г. в плаваниях, с 1784 г. лейтенант, в 1788—1790 гг. командир фрегата «Покров Богородицы», в 1789 г. капитан-лейтенант, в 1791—1792 гг. командир фрегата «Иоанн Воинственник».

Тимченко Григорий Иванович — член делегации Сената и правления Ионических островов к Ф.Ф. Ушакову в 1799 г.

Типальдо Афанасий — в 1791 г. гардемарин.

Тишевский Андрей Ларионович (1727—1786) — в 1771 г. флота капитан, в 1776—1782 гг. генерал-майор, обер-экипаж-мейстер интендантской экспедиции Адмиралтейств-коллегии.

Трубрич — в 1799—1800 гг. английский коммандор, командир отряда судов и английского десантного отряда.

Тычинин — в 1798 г. старший унтер-офицер.

Тютчев Николай Степанович — в 1812 г. действительный статский советник, помещик Тамбовской губернии.

У

Уваров — в 1790 г. лейтенант на корабле «Амвросий Медиоланский».

Ф

Фадеев Михаил Леонтьевич — участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг. В 1790 г. статский советник, бригадир и обер-комиссар, строитель г. Николаева. Умер в 1792 г.

Федоров Герасим — в 1792 г. штурманский ученик.

Феотоки — в 1802 г. вице-президент Сената Республики Ионических Островов.

Фердинанд IV (1751—1825) — с 1759 г. король Неаполя, в 1800 г. король Сицилии.

Фока Стефан — откупщик сборов.

Фока Павел (Панага) — шкипер с о. Кефалония.

Франкиний (Франкинит) — в 1800 г. русский дипломатический агент в Египте.

Франц — в 1791 г. старший штаб-лекарь Черноморской эскадры.

Фрелих (Фрейлих) Франц — в 1799 г. генерал австрийской армии, командующий войсками в районе Анконы.

Х

Хорафа Константин — граф; в 1798 г. старший член временного правления о. Кефалония.

Худяков Дмитрий — в 1799 г. лейтенант морской артиллерии.

Ц

Цамутали Иван Степанович — в 1799 г. лейтенант на фрегате «Казанская Богородица».

Цамутали Николай Степанович — в 1802 г. лейтенант, командир отряда канонерских лодок.

Цатель — в 1799 г. майор, командир гренадерского батальона.

Ч

Чапони Константин — в 1790 г. подполковник Греческого полка.

Часов — в 1799 г. подпоручик.

Чебышев Петр — в 1799 г. капитан морских батальонов.

Чернышев Григорий Иванович — в 1807 г. тайный советник, член Адмиралтейств-коллегии.

Чефалиано Михаил Иванович — в 1798 г. капитан 1 ранга. Уволен от службы в 1804 г. в чине капитана генерал-майорского ранга.

Чирков Николай — в 1790 г. полковник Старооскольского полка. В 1796 г. генерал-майор.

Чичагов Василий Яковлевич (1726—1809) — с 1782 г. адмирал; 2 мая 1790 г. на Ревельском рейде отразил нападение втрое более сильной шведской эскадры, затем нанес ей поражение в Выборгской губе.

Чичагов Павел Васильевич (1755—1849) — в 1807 г. вице-адмирал, товарищ министра морских дел. Умер в чине адмирала.

Чухнин — в 1790 г. комиссар Таганрогского госпиталя.

Ш

Шабо — французский дивизионный генерал, комендант Корфу. В 1799 г. взят в плен русскими.

Шахматов Павел — князь, мичман.

Шапилов Кирилл Андреевич — с 1760 г. в Морском корпусе, с 1766 г. в плаваниях, в 1789—1791 гг. капитан 1 ранга, командир корабля «Св. Павел».

Шевалье (Шевалие) — в 1799 г. французский полковник, начальник гарнизона в г. Фано.

Шестаков — в 1790 г. лейтенант на корабле «Петр Апостол», потом на корабле «Св. Георгий».

Шишмарев Дмитрий Семенович — с 1773 г. в Морском корпусе, с 1777 г. в плаваниях, с 1787 г. капитан-лейтенант, в 1790 г. командир фрегата «Нестор Преподобный», в 1791 г. капитан 2 ранга, командир корабля «Иоанн Богослов», потом, «Нестора Преподобного», в 1794 г. капитан 1 ранга на «Марии Магдалине», в 1810—1817 гг. генерал-кригс-комиссар.

Шмаков — в 1770 г. капитан-лейтенант, командир прама «Дефеб».

Шмит (Смит) Степан Егорович — в 1799 г. гардемарин и мичман на корабле «Св. Михаил».

Шостак Иван Андреевич — с 1780 г. в Морском корпусе, с 1783 г. в плаваниях, с 1788 г. капитан-лейтенант, в 1798 г. командир фрегата «Григорий Великия Армении». Умер в 1804 г. в чине капитана 1 ранга.

Шукри-эфенди — в 1799—1800 гг. турецкий чиновник («распорядитель расходов») в Патрасе.

Э

Эльфинстон (Елфинстон, Ельфинстон) Роман Иванович — в 1799—1800 гг. капитан-лейтенант, командир фрегата «Поспешный».

Ю

Юхарин Федор Иванович — в 1790 г. капитан 2 ранга, в 1800 г. капитан 1 ранга, цейхмейстер морской артиллерии, в 1802—1808 гг. генерал-майор.

Я

Языков Николай Львович — с 1765 г. в Морском корпусе, с 1771 г. в плаваниях, с 1787 г. капитан 2 ранга, командовал кораблем «Св. Александр Невский», с 1790 г. капитан 1 ранга. Умер в 1824 г. в чине вице-адмирала.

Яковлев Иоанн — в 1817 г. дьякон Спасопреображенской церкви в г. Темников.

МОРСКИЕ ТЕРМИНЫ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ДОКУМЕНТАХ

А

Абордаж — способ ведения морского боя в гребном и парусном флотах. Заключался в следующем: корабли противников сцеплялись (сваливались) вплотную друг с другом, и часть команды с атакующего корабля перебежала на неприятельский, действуя абордажным оружием (ружьями, пистолетами, пиками, саблями и др.).

Авангард — передовая часть соединений, групп или отрядов кораблей, выдвинутая от главных сил в сторону вероятного противника.

Авангардия — часть боевого порядка эскадры, которая следовала впереди кардебаталии. Обычно А. должна была находиться с наветренной стороны, чтобы обеспечить возможность занять лучшее положение для атаки противника.

Авизо — военный корабль, предназначавшийся для разведки и посыльной службы.

Адмирал — слово арабского происхождения, означает повелитель, начальник. В России стало воинским чином, а затем воинским званием на флоте.

Адмиралтейство — место постройки и ремонта военных кораблей, расположенное на берегу моря, реки и имеющее необходимые сооружения: верфи, эллинги, мастерские, кузницы, склады и т. д. В дальнейшем это слово приобрело и другие значения. В Британии — высший орган управления и командования военно-морскими силами. В России — здание в Петербурге.

Аншеф — флагман, командующий отдельной эскадрой или соединением.

Ариергард (арьергард) — тыловая часть соединений, групп или отрядов кораблей, следующая за главными силами и прикрывающая их при неожиданных нападениях противника с тыла.

Ахтиар — по-татарски белая или меловая гора.

Б

Балласт — жидкий или твердый груз, принимаемый на корабли и суда при их балластировке.

Барк — парусное судно с прямым вооружением на всех мачтах, кроме последней «сухой», несущей косое вооружение. Количество мачт на Б. не менее трех.

Баталия — морское сражение, бой, битва.

Бейдевинд (круто к ветру) — курс парусного судна против ветра.

Бизань — 1. Задняя мачта (при трех и более мачт) на парусном судне.
2. Нижний косой парус, поднимаемый на бизань-мачте.

Бом — слово, добавляемое при названии парусов, рангоутных деревьев, снастей и такелажа, принадлежавших бом-брам-стенгю.

Бом-брам-стенгя — рангоутное дерево, установленное вертикально выше бром-стенгя.

Бомбардирский корабль — корабль парусного флота, имевший на вооружении крупнокалиберные мортиры или единороги. Предназначался для осады приморских крепостей: обладал большой остойчивостью.

Бот — палубное одномачтовое парусное судно XIX в., схожее по вооружению с тендером водоизмещением около 60 т при длине 15—18 м.

Брам — слово, добавляемое к названиям рангоута, такелажа или паруса, принадлежавших к третьему колену снизу парусного судна.

Брандвахта — судно, поставленное в гавани на рейде для наблюдения за движением судов и особенно за выходом на рейд и выходом с него, режимом скоростей при проходе по рейду, выполнением правил для предупреждения столкновений судов, грузоподъемности катеров и шлюпок, плавания в запрещенных районах и т. п.

Брандер — судно, наполненное горючими и взрывчатыми веществами для поджога или взрыва неприятельских кораблей.

Брандскугель — зажигательный снаряд, применявшийся в гладкоствольной артиллерии.

Бригантина — парусное двухмачтовое судно с прямым вооружением на грот-мачте и косым на бизани.

Булгур — вид морской провизии, род крупы из пшеницы или ячменя.

В

Ванты — снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются мачты, стенгя и брам-стенгя с боков.

Вест — запад, название одного из главных румбов.

Верн — вспомогательный якорь на корабле.

Вице-адмирал — слово «вице» означает «заместитель» или «вместо». В парусном флоте вице-адмирал командовал авангардом и являлся заместителем командующего флотом.

Г

Галера — тип военного гребного судна. Имела один ряд весел; форштеньг ее был вооружен длинным надводным тараном.

Галс — 1. Положение судна относительно ветра. 2. Снасть, заложенная за нижний наветренный угол паруса.

Гардемарин — в дореволюционной России воспитанники старших классов (рот) Морского корпуса. Выпускники этих классов после практики на кораблях получали офицерское звание мичман и пользовались правом окончивших высшее специальное учебное заведение.

Гаубица — орудие, длина ствола которого от 12 до 27 калибров. Калибр (диаметр ствола) гаубиц 122 мм и более.

Гафель — специальный рей, укрепленный наклонно в верхней части мачты (сзади нее) и поднимаемый вверх по мачте.

Грот — 1. Мачта на корабле, вторая от носа. 2. Нижний парус на грот-мачте, прикрепляемый к грот-рею. 3. Слово, прибавляемое к наименованиям рангоута, такелажа и парусов, находящихся на грот-мачте.

Д

Дек — так на парусных военных кораблях называли палубы, на которых была установлена артиллерия.

Док — искусственное сооружение, предназначенное для осмотра, ремонта и окраски подводной части кораблей.

Дрейф — явление сноса корабля с линии его курса под влиянием ветра.

Е

Единорог — гладкоствольное орудие XVIII в., имевшее на стволе изображение мифического животного единорога.

З

Зыбь — длинные и пологие волны, распространяющиеся при полном безветрии, наблюдаемые после продолжительного ветра, когда море еще не успокоилось, или перед ветром, когда последний с силой дует в соседнем районе и гонит перед собой волну.

Зюйд — юг; название одного из главных румбов.

К

Кабельтов — мера длины, равная 185,2 м.

Кадет — воспитанник младших классов Морского корпуса в русском флоте.

Канифас — толстая парусина, применяющаяся для шитья нижних парусов и штормовых стакселей.

Канонерская лодка — 1. Артиллерийский корабль специальной постройки или переоборудованный из вспомогательных или гражданских судов. 2. Гребное судно, вооружавшееся 4—8 пушками малого калибра и фольконетами. Находилось в составе военного флота со второй половины XVIII в. и до середины XIX в., использовалось при десантных действиях, при осадах крепостей и в шхерных районах.

Капитан-бей — командующий турецким флотом, эскадрой.

Капрал — младшее унтер-офицерское звание в русской дореволюционной армии. В русском флоте этого звания не было, но матросы называли так корабельных унтер-офицеров, подчеркивая тем самым их строевые функции на корабле.

Капудан-паша — титул главнокомандующего турецким флотом.

Картель — артиллерийский снаряд.

Киль — основная продольная связь, устраиваемая в диаметральной плоскости при днище судна. Служит для обеспечения продольной прочности судна.

Кильватер — струя, остающаяся за кормой идущего корабля; отсюда строй кильватера, когда корабли идут один за другим в одной линии и на одинаковом расстоянии между собой в кильватерной струе.

Кирлангич (кирланичь) — быстроходное парусно-гребное судно, применяющееся в основном для посыльной и разведывательной служб.

Клерк — старший корабельный писарь.

Кливер — косой треугольный парус, устанавливаемый впереди фок-мачты.

Клотик — точеный, обычно деревянный кружок с выступающими закругленными краями, надеваемый на флагшток или топ-мачту.

Констанель — первый офицерский чин артиллеристов в русском парусном флоте. С 1830 г. заменен чином прапорщика.

Корвет — трехмачтовое военное судно с открытой батареей.

Крейсер — военный корабль, предназначенный для уничтожения кораблей и береговых объектов противника, для прикрытия конвоев и десантов и других действий, выполняемых надводными кораблями.

Крен — наклонение корабля в поперечной плоскости.

Крюсель — прямой парус на бизань-мачте.

Л

Леер — туго натянутый и закрепленный обоими концами трос, служащий для ограждения борта или люка.

Лиман — мелководный, глубоко вдающийся в сушу залив, представляющий затопленную морем долину устьевой части реки.

Линейный корабль — в парусном флоте корабль с двумя и тремя палубами, на которых по бортам в линию устанавливались пушки. Он вел бой, находясь в линии (кильватерной колонне), отсюда и получил свое название.

Люк — вырез, отверстие в палубах корабля для сообщения верхней палубы с внутренними помещениями и погрузки в трюмы или выгрузки из них различных грузов.

М

Магазин, магазейк — склад, кладовая.

Маневр — совокупность всех движений и действий соединения кораблей, совершаемых с целью занятия наиболее выгодной позиции для боя относительно противника.

Марса — приставка, означающая принадлежность следующего за ним понятия к марселю или марса-рею.

Марсель — прямой парус, ставящийся на марсе-рее.

Мателот — соседний корабль в строю.

Мачта — вертикальное металлическое или деревянное сооружение, прочно прикрепленное к корпусу корабля, устанавливаемое в его диаметральной плоскости и возвышающееся над верхней палубой.

Мортиры — орудия, длина ствола которых не больше 12 калибров, начальная скорость снаряда по крутой траектории 150—300 м/с.

Н

Нок — оконечность всякого горизонтального или наклонного рангового дерева.

Норд — север; название одного из главных румбов.

О

Обер-офицер — младший офицерский чин в дореволюционной армии и на флоте.

Ордер — детально разработанное и точно регламентированное по направлениям, интервалам и дистанциям взаимное расположение кораблей и сил корабельного охранения в группе боевого или походного порядка, создаваемое с целью обороны.

Ост — восток; название одного из румбов.

П

Панер — вертикальное положение якорной цепи при выборе якоря, когда корабль подтянулся к якорю, но якорь от грунта не отделился.

Пинка — голландский двухмачтовый рыболовный бот.

Поворот оверштаг — поворот парусного судна против ветра на новый галс, при котором нос судна пересекает линию ветра.

Прам — плоскодонная плавучая батарея времен парусного флота, вооруженная 24 пушками 48-го калибра и предназначенная для бомбардировки приморских крепостей.

Р

Рангоут — совокупность возвышающихся и выступающих частей оборудования верхней палубы корабля для размещения некоторых постов управления и наблюдения, установки судовых огней, антенн, подъема сигналов и т. д.

Рей — металлический или деревянный брус, прикрепленный к мачте и стене горизонтально палубе и перпендикулярно к диаметральной плоскости корабля. Он служит для крепления к нему прямых парусов.

Рейд — участок водного пространства у берега или среди островов, расположенный обычно перед портом, гаванью, поморским населенным

пунктом или устьем реки, используемый для якорной стоянки, а в некоторых случаях и для перегрузки судов.

Репетичные корабли — специально назначенные для репетования (повторения) флажных сигналов.

Румб — направление на объекты, измеряемые углами между северной частью истинного меридиана и данным направлением.

С

Саколева — небольшое парусное торговое судно.

Стаксель — парус треугольной формы.

Стеньга — рангоутное дерево, служащее продолжением мачты и идущее вверх от нее. В зависимости от принадлежности к той или иной мачте стеньгам присваиваются дополнительные наименования: на фок-мачте — фок-стеньга, на грот-мачте — грот-стеньга и т. д.

Т

Такелаж — общее название всех снастей на судне или вооружение отдельной мачты или рангоутного дерева, употребляемое для крепления рангоута и управления им и парусами.

Тендер — самый малый военный палубный корабль времен парусного флота.

Трап — лестница на корабле.

Трюм — отсеки междудонного пространства на военном корабле.

У

Узел — 1. Единица скорости корабля, соответствующая одной миле в час. 2. Всякая петля, сделанная на снасти или вокруг рангоутного дерева, выстрела и т. п.; соединение концов растительных тросов между собой.

Унтер-офицер — звание младшего командного состава в дореволюционной армии и на флоте.

Ф

Фал — снасть для подъема реев, гафелей, парусов, кормового флага, гюйса, флажных, предметных, световых сигналов и др. В зависимости от назначения получает дополнительное наименование.

Фальшборт — доска, стоящая ребром на краю палубы деревянного судна или парусной яхты.

Фарватер — 1. Безопасный путь плавания судов среди различного рода препятствий (между островами, подводными опасностями и т. д.), отмеченный на карте и обозначенный на местности средствами навигационного оборудования. 2. Часть русла реки, имеющая глубины, необходимые для плавания судов с данной осадкой.

Флаг-капитан — должность в дореволюционном флоте, по обязанностям сходная с должностью начальника штаба соединения кораблей.

Флагман — командир соединения кораблей.

Флаг-офицер — в дореволюционном флоте офицер, состоявший при флагмане, ведавший сигнальным делом и выполнявший адъютантские обязанности.

Фок — прямой парус, самый нижний на передней мачте судна.

Фор — слово, прибавляемое к наименованиям реев, парусов и такелажа, находящихся выше марса фок-мачты.

Фрегат — в парусном военном флоте — трехмачтовый военный корабль, второй по величине после линейного корабля.

Фрегаты считались самыми красивыми и совершенными судами по своей конструкции.

Ш

Швартов — трос, заведенный при швартовке корабля на берег или другой корабль.

Шебека — парусно-гребное трехмачтовое судно с косыми парусами. Применялось для военных и транспортных целей.

Шканцы — часть верхней палубы на военных кораблях между грот- и бизань-мачтами. В дореволюционном флоте шканцы считались почетным местом корабля, которому отдавалась честь и где читались перед строем законы, манифесты, приказы, приговоры.

Шкипер — до 1902 г. — морское судоводительское звание.

Шкоты — снасти для управления парусами.

Шпангоут — поперечная связь бортового перекрытия корабля, к которой крепится обшивка.

Шпринг — трос, ввязанный в скобу станového якоря или взятый за якорную цепь, а также заведенный с кормы верп, чтобы при переменах ветра или течения удержать корабль в определенном положении.

Штаб-офицер — старший командующий состав в дореволюционном флоте (капитаны 1 и 2 рангов).

Штевни — особо прочные части корабельного набора в виде вертикальных или наклонных балок, являющиеся продолжением киля; образуют носовую (форштевень) и кормовую (ахтерштевень) оконечности корабля.

Шхеры — сильно изрезанное скалистое побережье с множеством заливов, бухт, островов, полуостровов различной величины, надводных и подводных скал и камней в прибрежном водном районе.

Шхуна — парусное судно, имеющее не менее двух мачт и несущее на всех мачтах косое вооружение.

Э

Экзерциция — термин, означавший учение войск (флота) по использованию оружия и совершенствованию тактических приемов.

Эскадра — соединение, включающее главные надводные силы на данном театре.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ВСЯ ЖИЗНЬ — НЕУСТАННЫЙ ПОДВИГ</i>	5
ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИРАЛА Ф.Ф. УШАКОВА (1745—1817)	25
ВО ГЛАВЕ АВАНГАРДА ЭСКАДРЫ Военно-морская деятельность Ф.Ф. Ушакова в первый период участия Черноморского флота в Русско-турецкой войне (1787—1791), сражение у острова Федониси (1788—1789 годы)	45
ПОБЕДЫ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА Военно-морская деятельность Ф.Ф. Ушакова во второй период участия Черноморского флота в Русско-турецкой войне (1787—1791). Керченское сражение, сражения у острова Тендра, у мыса Калиакрия и другие (1790—1797 годы)	67
ПОХОДЫ — ШКОЛА МОРЯКА Военно-морская деятельность Ф.Ф. Ушакова по развитию и укреплению Черноморского флота. Начало совместных действий русского и турецкого флотов против французов. Освобождение острова Цериго (февраль—октябрь 1798 года)	145
ФЛАГМАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ЭСКАДРЫ Военно-морская деятельность Ф.Ф. Ушакова по освобождению Ионических островов. Создание Республики Семи Островов (1798—1799 годы)	197
ВДАЛИ ОТ РОДНЫХ БЕРЕГОВ Продолжение военно-морской деятельности Ф.Ф. Ушакова в бассейне Средиземного моря. Итальянская кампания (апрель—декабрь 1799 года)	269
ФЛОТОВОДЕЦ, ПОЛИТИК, ДИПЛОМАТ Последний период военно-морской деятельности Ф.Ф. Ушакова. Анализ результатов Средиземноморской экспедиции (1798—1800) под его командованием. Уход в отставку (декабрь 1799 года — 1817 год)	369
<i>Сведения о лицах, упоминаемых в документах</i>	442
<i>Морские термины, встречающиеся в документах.</i>	456

Все книги Военного издательства можно приобрести в магазинах Торгового дома «Военная книга».

Магазин № 1

м. Полежаевская, ул. Зорге, д. 1 (здание Воениздата)
Тел.: (095) 195-24-90; Тел./факс: (095) 195-24-14
Часы работы: понед.—пятн. 10.00—19.00
суб., воскр. — выходной

Магазин № 2

м. ВДНХ, ВВЦ, павильон № 14 «Вычислительная техника»
Тел.: (095) 585-43-11
Часы работы: ежедневно 10.00—19.00
без выходных и праздничных дней

АДМИРАЛ УШАКОВ

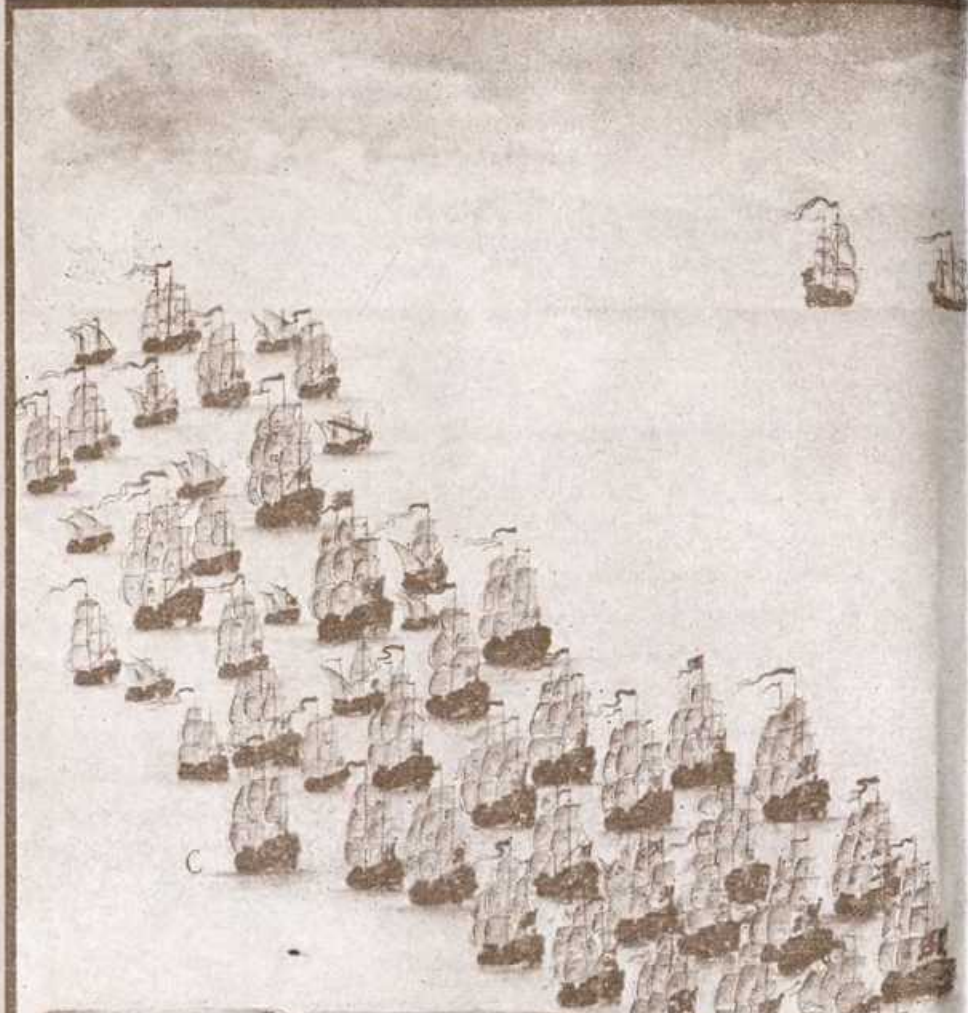
Письма, записки

— Редактор *Н.Л. Коришнова*
Художественный редактор *Л.Е. Кривокобыльская*
Компьютерная обработка иллюстраций *С.Е. Кондратьев*
Технический редактор *Н.Я. Богданова*
Корректор *С.Н. Штынова*
Компьютерная верстка *Т.Н. Абдулаева*

Лицензия ЛР № 020872 от 8 июля 1999 г.

Сдано в набор 03.09.04. Подписано в печать 20.06.05. Формат 60×88/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарн. «Таймс». Печ. л. 29+2 вкл. 2 печ. л.
Усл. печ. л. 30,38. Уч.-изд. л. 29,4. Изд. № С/04/436.
Тираж 3000 экз. (1-й завод 1500 экз.). Зак. № 6938

Воениздат, 123308, Москва, ул. Зорге, д.1.

Корабль сего в турецком флоте полагается приближеннейшим
 кавальеру наше отряде для заощення, по французским написанием
 различию в сем флоте под ветром и сходил и оставил во посредств
 такия привада вору во средок море амидом во паша, и расподелил сиб
 во амидом, нити лодки много флоты во паша, ступиле много лодок
 ити время старая рать ся ступиле вышаравато ветру, а когда шла
 ему парусами сит сит пашаушныи во паша амидоме без флоты паша
 воевом флотом ся паша сит хазане под ветро и темя сподобаво
 лоду по вожделенныи, ии темя пожелавоше во скорости паша паша
 зривше как ити паша вика, иио при краткой паша паша сит
 темя при темя шелье и вика зривше как вика сит паша ии сит
 ему удаленно во во паша флоты паша вика во паша на пашау во вика
 паша во уше не оказало.

ся пашаушныи пашаушныи иио паша вика пашаушныи
 не пашаушныи пашаушныи не пашаушныи пашаушныи пашаушныи
 вика пашаушныи и уше во вика не пашаушныи пашаушныи
 пашаушныи пашаушныи пашаушныи пашаушныи пашаушныи
 вика пашаушныи пашаушныи пашаушныи пашаушныи пашаушныи

При этом деле пашаушныи пашаушныи вика вика пашаушныи
 пашаушныи пашаушныи пашаушныи пашаушныи пашаушныи

Полицейские и океанские...
 обывиско савур Епикимского...
 Длан - в° гик 1790° 1000 №°°
 АВ Фретиусеи Императорской флоты
 CD флоты пашаушныи.

A

B

Оный адмирал Ушаков... и знаменитый благотворитель Санаксарской обители по прибытии своем из С.-Петербурга около восьми лет вел жизнь уединенную... в своей деревне Алексеевке, расстояние от монастыря версты три... по воскресеньям и праздничным дням приезжал для богомоления в монастырь к служителям Божьим во всякое время, а в Великий пост живал в монастыре... по целой седмице и всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неукоснительно... Препровождал остатки дней своих крайне воздержанно и окончил жизнь свою, как следует истинному христианину и верному сыну святой церкви.

*Из письма иеромонаха
Нафанаила архиепископу
Тамбовскому Афанасию*

КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА
РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА
КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА

